THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

BUILDING USE ONLY

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00009952900

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/letopiszaniatipo24unse

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ

ПОСТОЯННОЙ

ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

ЗА 1926 ГОД

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ (ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

ORIENTAL RESEARCH PARTNERS
Antiquarian Section

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

DK3
.A283
vyp. 24
1926

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ

ПОСТОЯННОЙ

ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

ЗА 1926 ГОД

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ (ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР.

Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург.*

Сентябрь 1927 г.

Редактор академик *С. Ф. Платонов.*

Начато набором в октябре 1926 г. — Окончено печатанием в октябре 1927 г.

Тит. л. + II + 381 стр.

Ленинградский Гублит № 29417. Тираж 650. — 24 п. л.

Типография Издательства Сев.-Зап. Промбюро ВСНХ. Ленинград, Тучкова наб., 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. И. М. Гревс, М. Э. Шайтан	1 — 2
II. М. Э. Шайтан, Германия и Киев в XI в.	3 — 26
III. М. М. Богословский, К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной грамоте	27 — 54
IV. Н. Ф. Лавров, Заметки о Никоновской летописи	55 — 90
V. Б. Д. Греков, Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома. II. Собственное сельское хозяйство	91 — 155
VI. В. И. Веретенников, К истории кабального холопства	156 — 173
VII. А. Е. Пресняков, Вотчинный режим и крестьянская крепость. (По поводу книги С. Б. Веселовского: „К вопросу о происхождении вотчинного режима“)	174 — 192
VIII. С. Ф. Платонов, Орден Иуды 1709 года	193 — 198
IX. Материалы.	
1. Двинская уставная таможенная откупная грамота 1560 г. Сообщ. Н. С. Чаев	199 — 203
2. Новые материалы о движении Степана Разина. Сообщ. Б. Д. Греков	203 — 238
3. Записки П. Ф. Гаккеля о 14 декабре 1825 г. Сообщ. Б. Д. Греков	238 — 266
4. Воспоминания П. П. Пекарского об его службе в Государственном Архиве. Сообщ. И. А. Бычков	267 — 275
X. С. Ф. Платонов, Книга расходная Санктпетербургского Комисарства Соляного Правления 1725 года	276 — 285
Приложение: Рукописная заметка Р. Саншеса на книге „Las Memorias de Felipe de Comines con escolios propios de Don Ivan Vitrian“. Перев. с португальского В. И. Кардашевский	285 — 287
XI. Описание актов, хранящихся в Постоянной Историко-Археографической Комиссии. С предисловием и под редакцией А. И. Андреева	288 — 351
Указатель личных и географических имен в „Описании актов“. Составлен Н. С. Чаевым	352 — 373
XII. Список изданий, имеющихся на складе Постоянной Историко-Археографической Комиссии	375 — 381

М. Э. Шайтан.

И. М. Гревса.

Михаил Эммануилович Шайтан родился в 1895 г., окончил классическую гимназию в Симферополе в 1914 г., а в 1918 г. Петроградский Университет, где его занятия сосредоточились на изучении истории средних веков, под руководством профессоров Л. П. Карсавина, О. А. Добиаш-Рождественской и пишущего эти строки.

В 1919 г., вынужденный обстоятельствами переехать в Симферополь и уделять много времени преподаванию, он все свободные минуты посвящал исследовательской работе над тем материалом, какой был доступен на месте: изучению русских летописных сводов. На фоне широкой осведомленности М. Э. в памятниках западного средневековья, определилась большая, впоследствии глубоко захватившая его тема о культурных связях Киевской Руси и Запада.

Вернувшись в 1921 г. в Петроград и избранный научным сотрудником Университета, а в дальнейшем — Научно-Исследовательского Института в Ленинграде, М. Э. занимался историей Каролингского Возрождения, ирландских влияний в европейской культуре VIII — XII веков и вопросами начал и форм городского движения в Западной Европе. Попрежнему много времени он должен был отдавать среднешкольному преподаванию, в которое вносил выдающийся педагогический талант и подлинный энтузиазм. Но все свободные часы он посвящал науке.

За эти годы труда, в котором изумительны его строгая непрерывность, безупречный метод и сосредоточенный жар, тем более, что внешняя обстановка жизни и перегруженность делом ради заработка мало им благоприятствовали, М. Э. Шайтан выработал из себя настоящего глубокого знатока избранных областей. В магистерском коллоквии, сданном им по истории средних веков, незадолго до отмены этого типа испытаний, он обнаружил громадные познания в источниках, как и в литературе предмета, совершенно зрелое отношение к изученным вопросам и оригинальную их разработку.

Из личных исследований в этой области им написаны: „Проблема свободы в каролингской монархии“ (развитие системы Иоанна Эриугены), „К учению Готшалка“, „Христина из Штоммельна“. Все эти этюды

вполне подготовлены к печати, также как и переводы трех „книг“ Эриугены и ряда других большой трудности средневековых текстов. В переводах этих, частью стихотворных, М. Э. Шайтан обнаружил замечательное знание языка и стиля подлинника.

Участвуя в то же время, под общим руководством А. И. Заозерского, в разработке Шереметьевского архива, М. Э. быстро ориентировался и в этом материале и сумел внести ценное сотрудничество в общую работу.

Из написанных этюдов при жизни М. Э. удалось опубликовать только статью „Ирландские эмигранты в средние века“ (сборник „Средневековой быт“. Лгр., 1925). Но та большая задача, которая захватила его на первых шагах его самостоятельных исканий, осталась самою глубокою любовью его жизни, недолгой, но полной научного подвижничества и уже богатой результатами. В упорном исследовании, том за томом, собраний латинских хроник и грамот и изданий памятников археологии IX — XII веков, проблема связей Запада и Киевской Руси получала все более определенные очертания. Первый этюд этого исследования, доложенный автором в заседании разряда Российской Академии Истории Материальной Культуры, привлек внимание специалистов, как западной, так и русской истории. Единодушно высказанное ими пожелание видеть работу М. Э.[1] в печати осуществляется в настоящем издании.

В несколько иной форме сделанное М. Э. изложение своих выводов было им послано в Historische Zeitschrift. Ее редактор, Meinecke, отозвался на него сочувственным письмом, ставя принятию статьи М. Э. условия некоторых внешних изменений, вызываемых типом издания.

Ответить на эти требования автор уже не мог. Внезапная смерть 2 мая 1926 г., в трагических личных обстоятельствах, поставила точку на его жизни и полной надежд работе.

В его лице наука западного и русского средневековья лишилась работника уже вполне зрелого, исследователя редкой энергии и большого, оригинального таланта. Его учителя, товарищи и ученики потеряли в нем человека безупречной чистоты и благородства; человека с большим сердцем, полным светлой любви к жизни и людям.

Тою же ответною, светлою любовью останется отмечена в них благоговейная память о нем.

---

[1] Ее рукопись не была приготовлена к печати в окончательной форме самим автором. За счет этого обстоятельства следует отнести некоторые несущественные недосмотры, которых редакции исправить не удалось.

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ
ПОСТОЯННОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.
I (XXXIV).

Германия и Киев в XI в.

М. Э. Шайтана.

I.

История культурных и политических сношений Киевской Руси с Западной Европой трудно поддается исследованию. Это объясняется в значительной мере некоторыми особенностями русского летописания, которое, повидимому, сознательно замалчивало сношения с латинским миром; а случайные и отрывочные сведения, рассеянные во множестве западных документов и хроник, не всегда бывали известны специалистам по русской истории. Еще в 80-ых годах XIX в. исследование их почти не выходило за пределы материала, известного Карамзину.[1] Попытка А. Тургенева собрать хотя бы официальные документы не нашла завершения,[2] и составление систематического свода западных известий является и доныне насущной задачей русской исторической науки. Естественно поэтому, что материал подвергался лишь частичной обработке, притом нередко из вторых рук, и не всегда входил в научный оборот.[3] Потребность в отдельных изысканиях остается не менее настоятельной. Поэтому и предлагаемая статья ограничивается небольшим периодом, а именно — второй половиной XI в., т.-е. временем сыновей Ярослава на Руси и Генриха IV в Германии.

---

[1] И. Линниченко, Взаимные отношения Руси и Польши. Киев, 1884, стр. 32, прим. 1. — См. также П. Скобельский, Известия о Руси в немецких хрониках (Программа академич. гимназии во Львове, 1881). С тех пор, кроме монографии К. Грота, Из истории Угрии и Славянства (Варшава, 1889), появились ценные работы В. Г. Васильевского (см. посмертное издание его „Трудов“, т. I — III) и обзор приведенного в известность материала в „Истории Украины-Руси“ М. Грушевского, т. I — III, изд. 2-ое. Львов, 1905.

[2] А. Тургенев, Monumenta Historiae Russiae, t. I. Petropoli, 1841.

[3] Серьезную попытку анализа этого материала на фоне внутренне-русских и русско-византийских отношений находим, после В. Г. Васильевского, в труде М. Д. Приселкова, Очерки церковно-политической жизни Киевской Руси. СПБ., 1913. Отдельные известия обработаны также в „Jahrbücher d. deutschen Geschichte“, для XI в. см. особенно G. Meyer v. Knonau, Heinrich IV, Bde I — IV. Довольно полную сводку прежних работ можно найти в новейшем французском труде B. Leib, Rome, Kiew et Byzance à la fin du XI-me siècle. Paris, 1924. Но эта прекрасная компиляция не свободна от католической тенденции.

Торговые и политические сношения Киева с Западной Империей не были ни новыми, ни случайными для времени Ярославичей. Они не раз засвидетельствованы уже в памятниках X-го столетия. О торговле Руси с немецкими землями упоминают уже ранние таможенные уставы,[4] в коих устанавливаются пошлины для русских купцов, привозящих через Богемию в область среднего Дуная свои обычные товары: воск и рабов.

Путь из Киева в Остмарку лежал через Краков и Прагу.[5] Как видно из показания знаменитого биографа Болеслава I-го, Краков в этой торговле играл роль лишь транзитного пункта — quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota et nisi transeuntibus in Rusciam pro mercimonio paucis nota.[6] Важнейшим же центром торговли Руси с Германией в XI в. стал Регенсбург, который с давних пор являлся исходным пунктом дорог в славянские земли. Отсюда через Мейссен отправлялся в Польшу уже имп. Оттон III в 1000 г. на канонизацию св. Войтеха (Адальберта). По этому же пути пробирался из Регенсбурга на восток несколько позже и знаменитый еврейский путешественник, Рабби Петтахий.[7] Торговля Регенсбурга с Киевом развилась особенно в XI — XII в.в., когда в Регенсбурге образовалась даже особая корпорация купцов, торгующих с Русью, так называемых „Русариев“.[8]

Активная роль в этой торговле принадлежала, повидимому, богатому дунайскому городу, граждане которого прочно устраивались в Киеве и отсюда отправляли товары (византийские ткани и русские меха) своим контрагентам на родину.[9] Вообще, Киев легко привлекал немецких купцов роскошью и обилием своих товаров восточного и византийского происхождения.

---

[4] См., напр., Раффельштеттенский устав — „Leges portorii“ 903 г. — MGH, Leges, I, 480.

[5] Арабский географ X в. Аль-Бекри сообщает со слов Ибн-Якуба, что в Прагу приходили через Краков „Славяне и Русь с византийскими товарами“. См. Розен и Куник, Известия Аль-Бекри (Записки Имп. Академии Наук, т. 32. СПБ., 1879).

[6] Martini Galli Chronicon Polonorum. MGH, SS, IX, 418.

[7] П. Марголин, Три еврейских путешественника. СПБ., 1881.—Renisch, Travels of Rabbi Petachia of Ratisbon. London, 1856.

[8] См. грамоту Леопольда Добродетельного городу Регенсбургу, в которой сказано: „Ruzarii, quocumque tempore vadant, duo talenta solvant, et in reditu de Ruzia, dimidium talentum etc“. A. v. Meiller, Österreich. Stadtrechte (Archiv f. Kunde d. öster. Geschichtsquellen, Bd. X, 1853), S. 95 f.

[9] В этом смысле очень интересна запись во вкладной книге монастыря святого Эммерама, относящаяся к XII в. См. Pez, Thesaurus anecdotorum, t. I, 3, p. 173. „Clarescat cunctis... quod quidam huius ecclesiae familiaris, Hartwich nomine, habitans in regione Ruscia, in civitate Chiabe dicta, pro amore Dei et honore patroni sui S. Emmerami... pecuniam suam videlicet X et VIII talenta per manus civium huius urbis (т.-е., Регенсбурга), Grimaldi, Heinrici et Chunradi, qui eius debitores erant, obtulit ecclesiae nostrae“.

Издавна установленные торговые пути определяли и направление культурных и политических сношений: от Киева, через Краков и Прагу, к городам на Дунае и Майне. Но значение этих сношений далеко не ограничивалось простым товарообменом, а было связано, в значительной степени, с вопросом роста русского государства, и соответственно — в поисках церковно-политической независимости — с борьбой в Киевской Руси двух направлений: византийского и западного.

Как показали изыскания В. Абрагама и М. Д. Приселкова,[10] в этом смысле должны быть понимаемы и сообщения так наз. „Продолжателя Регинона“ о переговорах княгини Ольги с имп. Оттоном I по поводу предполагавшейся тогда христианизации Руси.[11]

Не добившись после своего крещения в Константинополе приемлемых условий устройства церковной иерархии на Руси, Ольга решила обратиться к Западной Империи. Но император, занятый, главным образом, делами западного славянства, не сумел, повидимому, достаточно оценить свои интересы на востоке: вместо установления самостоятельной митрополии, он ограничился отправкой миссионеров и поставлением для Руси рядового епископа-немца. Это было не лучше условий, предложенных в Византии; как известно, миссия Адальберта и его товарищей кончилась неудачей, что и послужило одной из важнейших причин смены киевского правительства и политики в начале 60-ых г.г. X в. (устранение Ольги и начало княжения Святослава). Эта неудача надолго нарушила возможность политического сближения Киева с Империей.

Известия об участии руссов в завоевании Калабрии и Апулии греками при Оттоне I и позже, в итальянских походах византийских императоров начала XI в.[12] указывают прямо даже на наличность враждебных отношений к Западу. Неясным остается лишь краткое сообщение Ламберта, что к Оттону в 973 г. приходили в Кведлинбург „послы руссов с большими дарами“.[13] Впрочем, взятое в своем контексте, это известие не может быть

---

[10] W. Abraham, Powstanie organyzacii Kościoła łatinskiego na Rusi. Wo Lwowi, 1904, str. 3 — 10. — М. Д. Приселков, стр. 11 — 14.

[11] См. Continuatio Reginonis, ad an. 959, 960, 961. MGH, SS, I, 624 ssq. Автором этого продолжения был, повидимому, сам Адальберт, т.-е. главное действующее лицо описываемых событий (см. L. Giesebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, I, 778 и W. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, I⁷, S. 410). Ср. также сообщения его компиляторов: Annales Hildesheim., ad an. 960, Annal. Quedlinburg., Annal. Lamberti Hersf. MGH, III, 60 sq, Thietmari Chron. Ib., II, 14.

[12] Lamberti Hersfeld, Annal. Ib., VII (V), 652. О походах XI в., см. Annales Barenses. Ib., V (III), p. 53 ssq.

[13] Lamberti Annal, l. c., ad an. 973: „Legati... Ruscorum... cum magnis muneribis“, упомянуты в большом перечне послов чуть ли не всех средне- и восточноевропейских народов — быть может, только для полноты в пределах этнографических познаний анналиста.

принято серьезно. А если Никоновская летопись повествует о нескольких посольствах в княжение Владимира,[14] то это касается лишь связей с римским престолом. Пребывание в Киеве знаменитого Брунона,[15] сыгравшего, повидимому, некоторую роль в переговорах Владимира с печенегами, носило, несомненно, случайный характер. Вообще же, принимая во внимание близкие отношения между империей времен Оттона III и Генриха II (т.-е., до 1024 г.) и Польшей, а с другой стороны, походы польского короля Болеслава I на Киев, — едва ли можно предполагать в этот период иные отношения между Русью и Империей, кроме враждебных. Это подтверждается и прямыми указаниями Титмара и Саксонского Анналиста,[16] согласно коим поход Болеслава был совершен „с помощью немцев“ (nostris auxiliantibus), причем Титмар поясняет: „в этой стране (т.-е., на Руси) правил Владимир; он взял себе жену из Греции, по имени Елену (sic!), которая была прежде просватана Оттону Третьему, но коварно отнята“. Очевидно, события, связанные с крещением Руси,[17] и дальнейшее сближение с Византией, при вражде двух империй, способствовали лишь обострению отношений Киева к Западу в этот период.

Насколько известно, союз Руси с Византией не нарушался до 1043 г., когда произошло неудачное нападение Руси на Константинополь, по мнению М. Д. Приселкова, связанное также с вопросом об устроении независимой киевской митрополии. Правда, дальнейшие события: неудавшееся поставление Илариона, а затем брак Всеволода с дочерью Константина Мономаха, привели к восстановлению союза.[18] Но период разрыва отразился в западной политике Ярослава попыткой возобновить сношения с Германией, следы которой, до сих пор почти не замеченные в науке,

---

[14] Полное Собрание Русских Летописей, т. IX. СПБ., 1862, стр. 32, 42, 57, 64, 68 посольства папы на Русь в 979, 986, 988, 991, 1000 г.г., и стр. 65, 68: посольства Владимира в Рим в 994, 1001 г.г.

[15] О Бруноне, архиепископе Кверфуртском, см. Annal. Quedlinburg, l. c., ad an. 1009; а также Kolberg, Der heilige Bruno v. Querfurt (Zeitschr. f. Geschichte u. Altertumskunde Ermlands, XIII, 1886, S. 1—108). Рассказ самого Брунона см. Monum. Poloniae Historica I, 224 — 5. Брунон отправлялся с проповедью к печенегам и лишь по пути посетил Русь; по поручению князя, вел мирные переговоры с кочевниками.

[16] Thietmari Chron., l. c., lib. VII, 52. — Annalista Saxo. MGH, SS., VIII (VI), p. 665 ad an. 1013.

[17] Т.-е., помощь, оказанная Русью имп. Василию II в подавлении восстания Варды Фоки непосредственно перед Корсунским походом и браком Владимира и Анны. См. В. Г. Васильевский, Труды, I, 196 — 200. — М. Д. Приселков, Цит. соч. стр. 23 — 29.

[18] М. Грушевский, Історія України-Руси, вид. др., т. II. Львов, 1905, стр. 34—35.—В. Г. Васильевский, I, 303 сл.—М. Д. Приселков, 88 сл., 98 сл.

сохранились в анналах Ламберта.[19] В 1043 г. к Генриху III в Гослар приходили русские послы, но должны были вернуться с обидой, „ибо в отношении дочери князя своего, которую надеялись просватать королю Генриху, получили решительный отказ". Повидимому, и на этот раз германский император не оценил политического значения Киевской Руси и не оказал Ярославу должной поддержки. Естественно, при таких условиях, что сохранение союза с Византией оказалось единственным выходом для русского князя, хотя и не следует думать, будто Русь XI в. признавала свою как бы вассальную зависимость от Восточной империи. Выражения Пселла,[20] назвавшего войну 1043 г. „бунтом руссов", свидетельствуют лишь о горделивом сознании византийского историка; с середины XI в. начинается именно расцвет непосредственных — и, несомненно, независимых от византийской дипломатии — сношений Киева с Западной Европой. Сближение с Германской империей становилось неизбежным для Руси не только по соображениям церковной политики. Постоянная борьба с Польшей, а затем совместное вмешательство в польские смуты времени Казимира, не раз делали их естественными союзниками. В борьбе за отнятые Болеславом Червенские города немцы оказали немалую помощь Ярославу. Вероятно, с этими политическими отношениями были связаны и браки русских князей и княжен. Как известно, Святослав Ярославович женился на сестре ближайшего родственника и сотрудника императора, Бурхардта. Кто-то — неизвестный пока по имени — из русских князей был женат на дочери маркграфа Саксонского, Оттона. Внучка Ярослава, Евпраксия, была замужем также в Саксонии; а женою Изяслава была Гертруда, сестра Казимира.[21] Однако, серьезное политическое значение этих браков (равно, как и дальнейшее развитие династических связей) обнаружилось лишь впоследствии.

---

[19] Lamberti Annal., l. c., p. 152—3 ad an. 1043.— Annalista Saxo (l. c., p. 684) относит это известие, несомненно, ошибочно, к 1040 г. (он составлял свои анналы в XII в.). М. Грушевский, Цит. соч., II, 30, понял известие саксонского анналиста неправильно и принял его, вместе с сообщениями Ламберта, как указания на два различные события. Он не оценил их значения в связи с отношениями к Византии, и — неизвестно, откуда — почерпнул сообщение, будто русские послы обменялись с императором подарками; в цитованном тексте ни о каких дарах не упоминается.

[20] М. Грушевский, II, 559 сл.

[21] М. Грушевский, II, 30. Известия о браке Святослава автором спутаны; более точные сопоставления см. у G. Meyer von Knonau, Jahrbücher d. deutsch. Reiches unter Heinrich IV u. Heinrich V, Bd. II, SS. 481 ff. Lpz., 1884; см. также Lamb. Annal, l. c., p. 219.— Annales Stadenses. MGH, SS, XVI, 319.—Annalista Saxo, l. c. 693, 737. О других браках с западными государями см. генеалогическую таблицу у B. Leib, Op. cit., p. 322. В частности, об Анне Ярославне, жене французского короля Генриха I, см. C. De-Saint-Aymour, Anne de Russie. P., 1895, О Гертруде — см. ниже.

II.

Вторая половина XI в., особенно же 70-ые годы, ознаменовалась крупными событиями. Споры Ярославичей привели к необычайному осложнению внешней политики Киевского государства и еще более связали внутренние отношения с западной проблемой, а разделение церквей лишь обострило последнюю. С другой стороны, восстание саксонских князей и спор об инвеституре заставляли и Генриха IV-го яснее определить свои отношения к славянским землям.

Уже в 1071 г. император мог убедиться в непримиримости вражды между Чехией и Польшей и в поисках союзника должен был остановить свой выбор на Вратиславе чешском. Однако, задуманный против Польши поход не мог состояться, так как в 1073 г. разразилось саксонское восстание, поддержанное тотчас же папою Григорием VII-м. Если не считать немногих южно-германских князей, Генрих был почти изолирован. В силу обстоятельств, единственно надежной союзницей могла быть только Чехия. Дабы заручиться помощью в борьбе против саксонцев, Генрих обещает Вратиславу Мейссенскую марку (1074 г.), а затем тайно пробирается в Чехию, и лишь с помощью чешского войска решается вступить в Саксонию для борьбы с восставшими. В дальнейших походах (1075 — 1088 гг.) Чехия является неизменной базой военных операций Генриха, причем походы императора заканчиваются, большею частью, отступлением через Чехию в Баварию, к Регенсбургу.[22]

Все это привело к неминуемому и окончательному разрыву Польши с Империей, и Болеслав II решительно становится на сторону папы. Между тем, как известно, первые годы саксонской войны сложились для Генриха неудачно. Ряд поражений, а затем и восстания на юге, в Баварии, и неравная тяжба с Гильдебрандтом в Италии почти совершенно обессилили императора и в конец подорвали его финансы. При таких условиях, о борьбе с Польшей, конечно, думать не приходилось. Силы Вратислава, занятые на западе, также не были достаточны для этой борьбы. Получив от Генриха не только Мейссен, но и Восточную Марку, он не мог удержать свои новые владения против маркграфа Экберта, и это позволило Болеславу II-ому не считаться с соседями. Бывший данник Империи, он объявляет себя (в 1076 г.), с благословения папы, королем и тем вызывает беспомощное негодование в Германии. „Герцог поляков, пишет Ламберт, впав в непомерную гордыню, вдруг присвоил королевское достоинство“.[23] Конечно,

---

[22] Об этих событиях и отношениях см. Brunonis, De bello saxonico. MGH, SS, VII (V), 341. — Lamberti Annal., l. c., p. 232 и далее, напр. 241, 250 etc. Ср. G. Meyer v. Knonau, Op. cit., J. 1075 u. 1076.

[23] Lamb. Annal., p. 255. — Meyer v. Knonau, II, 715 f., 745 f.

слово „вдруг“ (repente) не нужно понимать буквально; вернее было бы сказать: „после разорения Мейссенской марки Экбертом“. Более того. — Киевская Русь далеко не была в стороне от этих событий.

Как известно, будучи изгнан Всеславом из Киева (1078 г.), Изяслав обратился за помощью в Польшу. Угроза польского нашествия привела сначала киевское боярство к растерянности и даже поискам поддержки в Византии. Но вскоре осторожная политика князей (Святослава и Всеволода) обеспечила мирный характер возвращения Изяслава и спасла Киев от разорения. Польские отряды, расквартированные на Руси, подвергались нападениям, и Болеслав вынужден был вернуться в Польшу: „и распуща ляхы на покормъ и избиваху ляхы отай (тайно), и возвратися в Ляхы Болеславъ, в землю свою“.[24] Но Изяславу пришлось удержаться в Киеве недолго. Его попытка захватить Новгород вызвала резкий отпор со стороны братьев, и в 1073 г. он снова бежал в Польшу. Как раз в это время началась саксонская война, и на первое время Болеславу приходилось беречь силы для борьбы с чехами. Поэтому, когда „Изяславъ иде в Ляхы со имѣньемъ многымъ, глаголя: яко симъ налѣзу вои. Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь отъ себе“. Это известие об ограблении Изяслава подтверждается также буллой папы Григория VII-го.[25] В помощи беглому князю Болеслав отказал; в трудный для себя момент он мог считаться только с реальными силами и предпочел заключить союз с князьями, сидевшими в Киеве. В 1074 г. Мономах заключил от имени Святослава союз с поляками.[26] Польский король не ошибся в расчетах. В 1076 г., непосредственно перед „захватом“ королевского венца, он получил серьезную помощь Руси в своей борьбе против союзника Империи: „Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ, сынъ Святославль, ляхом в помочь на чехы“. По словам Мономаха, этот поход длился 4 месяца.[27]

Между тем, Изяслав не отказался от своих надежд на Запад. В 1075 г. он обратился к императору, а своего сына Ярополка — почти одновременно — отправил к папе Григорию. Нужно думать, что сношения Изяслава с Генрихом IV существовали и раньше. Брунон рассказывает об одном посольстве Генриха на Русь еще до начала саксонской войны, а „Саксонский анналист“, дополняя это известие, относит его к 1068 г.[28] Помимо делового поручения, содержание коего для нас неизвестно, император имел и другую

---

[24] Лавр. Лет., под 1069 г.; М. Грушевский, II, 59.

[25] Лавр. Лет., 1073 г.; о папской булле см. ниже.

[26] Мир у Сутейска; вопреки Грушевскому (II, 63) этому миру не предшествовали военные действия.

[27] Лавр. Лет., 1076 г.; „Поучение“ там же, 1099 г.

[28] Bruno, Op. cit., p. 333. — Annalista Saxo, p. 696. Ср. G. Meyer v. Knonau, II, 265, n. 132. Герой рассказа, пфальцграф Фридрих, был братом магдебургского епископа Адальберта.

цель — погубить своего посла (впоследствии ставшего видным деятелем враждебной Генриху партии), пфальцграфа Фридриха. „После нескольких дней путешествия посольство остановилось ночевать в одной гостиннице и устроило там богатую пирушку. Когда общество достаточно разгулялось, бывший с ними славянин, человек низкого состояния, обратился к присутствовавшим с такими словами: „Я имею при себе секрет; мне вручена грамота с тем, чтобы я передал ее тому государю, к которому вы отправляетесь в качестве послов". Посол просил показать ему ее и увидел письмо, запечатанное королевскою печатью. Недолго думая, он сломал печать и велел своему писцу объяснить содержание письма. Писец прочитал и перевел. Содержание было следующее: „Знай, что ты ничем не докажешь лучше своей дружбы ко мне, как устроив все так, чтобы этот посол мой никогда не возвращался в мое государство. Мне все равно, какое бы средство ты ни избрал для этого, вечное ли заключение в темнице или смерть". Но посол, бросив письмо в огонь, продолжал свое путешествие, отлично исполнил поручение и возвратился домой, сам богато одаренный и с царственными подарками для короля". Несмотря на всю анекдотичность этого рассказа, переданного, впрочем, Бруноном со слов брата героя, факт посольства пфальцграфа Фридриха к Изяславу с дипломатическим поручением остается непреложным. Но он свидетельствует лишь о дружбе князя с императором и не освещает конкретных событий.

В 1075 г. дело обстояло гораздо серьезнее. Изяслав прибыл в Майнц, „привезя неисчислимые богатства в виде золотых и серебряных сосудов и весьма драгоценных одежд, и просил оказать помощь против своего брата". Генрих находился в разгаре саксонской войны и в своих действиях не мог руководствоваться расчетами на будущее. Поручив заботы о князе маркграфу Деди (родственнику Изяслава), он ограничился отправкой в Киев угрожающего посольства. Послом был избран шурин Святослава, Бурхардт, с поручением потребовать возвращения киевского стола, „иначе князю придется испытать силу немецкого оружия". Ламберт уверяет, будто ограничиться угрозами убедил императора Бурхардт, руководимый своими родственными чувствами к Святославу. В действительности же, едва ли Генрих мог тогда даже угрожать серьезно.[29] Святослав сумел откупиться. Правда, летопись упоминает об этом глухо и с явной тенденцией уязвить нелюбимого князя: „Придоша сли (послы) из немѣць к Святославу; Святославъ же, величаяся, показа имъ богатьство свое; они же, видѣвше бещисленое множьство, злато, и сребро, и паволокы, и реша: се ни в что же есть, се бо лежить мертво; сего суть кметье (die Kmetier, дружинники) луче, мужи бо ся доищють и болше сего". Но от Ламберта мы знаем другое. Вернувшись из Киева, Бурхардт „привез королю столько золота, серебра и драгоценных одежд,

---

[29] Lamb. Annal., p. 219.

что никто не помнит, чтобы когда-либо такие богатства сразу привозились в немецкое государство. Этими дарами русский князь заплатил королю за то лишь, чтобы он не оказал помощи его брату, коего он изгнал из государства". — Хорошо осведомленный, Герсфельдский анналист не забыл подчеркнуть и значение даров Святослава: „Сам по себе большой дар оказался еще более ценным, ибо получен был во-время. Огромные расходы недавней войны истощили казну государя, и войско настойчиво требовало платы за службу; и если бы государь не удовлетворил его, согласно обещанию, то, несомненно, не мог бы рассчитывать на верность в дальнейшей борьбе".[30]

Казалось бы, Генриху посчастливилось в русских делах, и Бурхардт был недурным советчиком. Но Святослав оказался гораздо дальновиднее своего шурина. Ему нужно было обезоружить против себя не только императора, но и Польшу, которая не довольствовалась богатыми дарами. Выше сказано было о выступлении сына и племянника князя в союзе с Болеславом против чехов в 1076 г. Позорный для Генриха исход этой междуславянской борьбы — коронование Болеслава — императору предотвратить не удалось.

Если принять толкование знаменитых писем Михаила VII Дуки, данное В. Г. Васильевским и дополненное М. Д. Приселковым,[31] то следует признать, что в эти годы дружественные отношения с Византией поддерживал только переяславльский князь, Всеволод. Святослав же своевременно разорвал с Восточной Империей и тем как бы лишал (при наличности вражды между Византией и Римом) Изяслава последней надежды: на помощь папы. Но папа знал всю непрочность киевской политики, и его планы были гораздо шире интриг Святослава. Уже в 1075 г. Григорий начал осторожную подготовку помощи Изяславу; а когда со смертью Святослава (27 декабря 1076 г.) и занятием киевского стола Всеволодом (1 января 1077 г.) византийская ориентация получила в Киеве перевес,—у папы, а, следовательно, и у его союзника, польского короля, руки были развязаны окончательно.

III.

Содержание переговоров Ярополка Изяславича с папой Григорием в 1075 г. выясняется из буллы от 17 мая того же года, адресованной Изяславу и его жене.[32] Ярополк, от имени отца, просил у папы признания

---

[30] Лавр. Лет., 1075 г. — Lamb. Annal., p. 230.

[31] В. Г. Васильевский, Труды, т. II, вып. 1, стр. 36 сл.—М. Д. Приселков, Цит. соч., стр. 159 сл.

[32] Jaffé, Monumenta Gregoriana, p. 198 (II, 74)—Registr. 4955.—Также у Тургенева, Hist. Russ. Monum., № 1, p. 1.

за собою прав на киевское княжение в качестве дара св. Петра, обещая верность римскому престолу. Папа удовлетворяет просьбу и передает „бразды правления русского государства“ Изяславу и его сыну, прибавляя: „Дабы это и многое другое, о чем не упоминаем письменно, сильнее запечатлелось в ваших сердцах, мы посылаем наших послов, из коих один — наш хороший знакомый и верный друг; они точно объяснят вам содержание нашего письма и дополнят устно то, чего в нем не содержится. Ради почтения к святому Петру, пребудьте к ним благосклонны; и все, что они скажут вам от нашего имени, выслушайте терпеливо и с полным доверием. Все, что они пожелают обсудить и решить властью апостольского престола, не дайте нарушить ничьим злым умыслом, но помогите им искренно-любовной поддержкой“. Последние слова имеют, очевидно, в виду не только вопросы устроения русской церкви. Изяслав находился в Германии, под опекой верного императору маркграфа Деди. Переговоры с папой были связаны с большим риском, и „злонамеренные люди“ легко могли нарушить планы славянской политики Григория — особенно, в отношении Польши, требовавшие глубокой дипломатической тайны.

Реальной поддержки булла Григория, как будто, не давала. Да и на что, собственно, мог рассчитывать Изяслав? Однако, странно было бы предполагать лишь бескорыстную приверженность беглого князя к римской церкви. Признавая свое княжение леном св. Петра, Изяслав получал покровительство власти, авторитет которой был далеко не пустым звуком на Руси и совершенно непререкаемым в Польше. А признание прав прямого наследования за Ярополком — как бы ни смотреть на теорию очередного порядка княжения — в реальной обстановке борьбы Ярославичей за Киев, значительно укрепляло позицию Изяслава. С другой стороны, если папа надеялся подчинить Русь католической церкви, то для него прежде всего было необходимо обеспечить себя от постоянных колебаний киевской церковной политики; утверждение непрерывности прямого наследования киевского стола являлось к этому первым шагом.

Эти широкие планы нашли себе яркое отражение в искусстве эпохи. В знаменитой трирской псалтири[33] к основному тексту и миниатюрам X в. присоединены „молитвы Гертруды“ и пять изображений киевского стиля конца XI в. В одном из них мы видим ап. Петра с ключами, а справа от него две фигуры, мужскую и женскую, в богатом порфирном одеянии, с коронами на головах: несомненно, князя и княгини. Над мужской фигурой надпись кириллицей: „ІАРОПЪЛК“; очевидно, женская фигура изображает жену князя. А у ног Петра лежит склоненная в мольбе другая

[33] H. Sauerland u. A. Haseloff, Der Psalter des Erzbischof Ekbert v. Trier. Codex Gertrudianus in Cividale. Trier, 1901. См. в особенности, Bd. I, SS. 22 — 9; Bd. II, Taf. 42 — 46; о происхождении миниатюр см. Bd. I, SS. 173 — 190.

женская фигура, тоже в княжеской одежде с надписью: „МР ІАРОПЪЛК“, след., мать Ярополка. На другой миниатюре посредине изображен на троне Иисус; обе его руки протянуты вперед и венчают коронами головы двух ниже стоящих молодых фигур: уже знакомую нам княжескую чету. За ними, справа и слева, фигуры святых, как бы приводящих их к Иисусу; за князем — св. Петр, за его женою — св. Ирина. Как известно, Ярополк построил в Киеве церковь св. Петра и сам во крещении носил это имя, а жена его звалась Ирина. Одноименные покровители-святые объясняют нам значение княжеских фигур. В миниатюре увековечено предполагавшееся (или, быть может, в Риме — реальное?) коронование Ярополка. Наконец, в третьем изображении перед распятием склонилась мать Ярополка, Гертруда. Эти изображения поясняют и текст записанных на особых листах молитв Гертруды на латинском языке к Христу и ап. Петру о сыне своем Петре-Ярополке.

Как известно, женою Изяслава была, действительно, Гертруда, сестра польского короля Казимира (ум. в 1056 г.); быть может, не без ее влияния вступил Изяслав в сношения с римской церковью. Во всяком случае, знаменательно, что папа обращался в своей булле не только к князю, но и к его жене. В миниатюрах трирской псалтири нет изображения Изяслава. Очевидно, они были сделаны после его смерти, когда Гертруда вдовствовала в Киеве. Получив от своей золовки (Оды, жены Святослава, сестры Бурхардта) привезенную Бурхардтом из Трира псалтирь, она дополнила ее и украсила памятью о событиях русской истории, столь старательно обойденных киевским летописанием.

Источники скрыли многое, и мы не знаем, что́ было сделано для практического осуществления римского плана, и в чем выразилась в дальнейшем верность Изяслава св. Петру. Во всяком случае, папа не ограничился обещаниями. Тремя днями позже названной буллы датировано послание Григория к польскому королю.[34] Папа порицает Болеслава за ограбление русского князя и требует возвращения отнятых богатств. Конечно, в 1075 г. бо́льшего от Болеслава ожидать было трудно. Но когда ему удалось в 1076 г. добиться короны и торжества над Чехией, союзом со Святославом он мог уже не дорожить. Между тем, со смертью Святослава в конце того же года, этот союз вообще потерял силу. В борьбе Изяслава и Всеволода интересы сторонников папы учитывались гораздо проще, и, повинуясь Григорию и своей выгоде, Болеслав не задумался помочь беглому князю.

Когда Изяслав появился с польским войском на Волыни, осторожный Всеволод, имея у себя в тылу племянников-изгоев, поспешил заключить мир; 15 июня 1077 г. Изяслав снова водворился на киевском столе.

---

[34] Jaffé, L. c., p. 196 (II, 73).—Registr. 4958.—А. Тургенев, № 2, p. 2—3.—G. Meyer v. Knonau, II, S. 555 u. n. 149.

Неизвестно, как отразились его блуждания по чужим землям на дальнейшей внешней политике Руси. Его недолгое княжение прошло в борьбе с племянниками, а его смерть в битве на Нежатиной Ниве (3 октября 1078 г.) вернула Киев Всеволоду. Очевидно, у Ярополка не оказалось достаточно сил для проведения плана 1075 г. Всеволод оставался верен своему союзу с Византией, куда он обращался за помощью даже против изгоев. Ярополку же досталась Волынь, где притязания изгоев были особенно настойчивы, и он не всегда мог их отразить. А в 1085 г. Мономах отнял у него уступленные отцом владения. В молитвах Гертруды содержится немало жалоб на обиды, испытанные сыном, и призывов к св. Петру о поражении его врагов.[35] Но, вместе с тем, верная католичеству княгиня настойчиво упоминает о грехах Ярополка. Быть может, действительно, Ярополк не был достаточно тверд в своих обещаниях 1075 г. Однако, в крайнюю минуту, мольбы Гертруды о прощении грехов и спасении сына нашли себе практическое продолжение в его политике. С помощью поляков Ярополк добился восстановления своих прав в 1087 г., но вскоре умер от руки предателя. Заметим попутно: этот год, очевидно, может быть принят, как terminus ad quem внесения в Трирскую псалтирь ее киевских дополнений.

IV.

Восстановление Изяслава в Киеве (1077 г.) совпало по времени с моментом наибольшей слабости Генриха IV (Каносса). Но в дальнейшей борьбе императору удалось справиться со своим соперником Рудольфом Швабским, а победы в Италии, занятие Рима в 1083 г. и вскоре последовавшая смерть папы Григория (1085 г.) освободили его силы для новой войны с саксонскими князьями. После 15-го похода, сломив сопротивление вассалов, в 1089 г., Генрих добился полного замирения Саксонии.[36] Это дало ему возможность восстановить мирные отношения с Польшей, которые Владислав-Герман поспешил закрепить браком с овдовевшей сестрой императора.[37] В дальнейшей своей политике польский король оставался верен Империи.

За то сильно пошатнулось положение Генриха в Италии. Здесь его влияние основано было, в значительной степени, на поддержке Казимира; занятый внутренней войной, Генрих не сумел сохранить этих связей. Между тем, борьба с турками и печенегами, повергшая Восточную Империю в состояние близкое к гибели, вынуждала Алексея Комнина искать союз-

---

[35] Sauerland u. Haseloff, Bd. I, S. 16 f., 27 f.

[36] Annal. Ottenburenses. MGH, SS, V, 8.

[37] Th. Schiemann, Russland, Polen u. Livland bis ins 17-te Jahrhundert. Bd. I, S. 413 f.

ников на Западе. Расчеты на Генриха были напрасными, а романский мир не признавал ставленника Генриха, анти-папу Климента III (Гиберта). Поэтому, когда (1089 г.) в Константинополе появились легаты только-что (1088 г.) занявшего римский престол Урбана II, Алексей, отказавшись от прежних связей с германским императором, подал Урбану руку примирения.[38] Начались переговоры о воссоединении церквей, и Урбан закрепил предварительное соглашение снятием с Алексея Комнина церковного отлучения, лежавшего на нем, как на схизматике.[39] — Сближение церквей происходило не без участия Руси. Как известно, празднование памяти св. Николая 9-го мая, установленное для вселенской церкви Урбаном II-м во время его путешествия в Бари (1089 г.), вскоре после перенесения туда мощей св. Николая, было тотчас же воспринято русской церковью. Принимая во внимание отсутствие этого праздника в Византии, нельзя не видеть в этом результат непосредственных сношений Киева с римским престолом в эти годы.[40]

Авторитет Климента был окончательно подорван. Даже на Востоке считались только с его соперником. Нужно было принять решительные меры, чтобы вырвать из рук Урбана новое опасное оружие — политику объединения церквей. Состязаясь с Урбаном в ее проведении, анти-папа созывает летом 1089 г. в Риме („схизматический“) собор и обращается, в свою очередь, к константинопольскому патриарху с предложением унии. Но Клименту недолго пришлось оставаться в Риме. Уже в сентябре того же года он „был позорно изгнан римлянами и вынужден клятвенно обещать, что не будет более посягать на апостольский престол“. В Риме утвердился Урбан; Климента же мы встречаем вскоре при дворе Генриха.[41]

Военные дела императора на юге тоже ухудшались. Его положение стало даже угрожающим, когда соединились наиболее сильные его враги, Вельф и Матильда тосканская. Осенью 1089 г. юный Вельф тайно, в одежде пилигрима, пробрался через Альпы, и престарелая союзница Урбана отдала ему свою руку „не из невоздержности, а из повиновения римскому епископу, т.-е. чтобы более мужественно помогать церкви против отлученных“.[42] Тем важнее было для императора укрепить политические связи на Востоке. Польские дела были относительно улажены. Гораздо сложнее были отношения с Русью. Княживший тогда в Киеве Всеволод, опираясь, главным образом, на союз с Византией, зорко следил за европейскими событиями.

---

[38] В. Г. Васильевский, т. I, 83 — 84. — B. Leib, p. 20 ssq.

[39] Bernoldi Chronicon. MGH, SS, VII (V), 450.

[40] И. А. Шляпкин, Русское сказание о перенесении мощей св. Николая Чудотворца. СПБ., 1881. Анализ сказания см. у Leib, 51 sq., 70. Датировка М. Д. Приселкова (цит. соч., 147 сл.) основана на ошибочных соображениях.

[41] О соборе 1089 г. B. Leib, p. 24. — Meyer v. Knonau, IV, 271. Об изгнании Климента — Bernoldi Chron., l. c., p. 450 и Meyer v. Knonau, IV, 279.

[42] Bernoldi Chron., p. 449.

Брат французской королевы, свекор принцессы английской, зять византийского императора и тесть одного из князей Германии, он энергично поддерживал свои дипломатические связи в Европе и, как сообщает его сын, „дома седя, изумеяше пять язык“ — конечно, не ради одной любознательности.

Его дочь Евпраксия, принявшая на Западе имя Адельгейды, была замужем за маркграфом северной Саксонии, Генрихом Штаденским, одним из упорнейших врагов императора.[43] В 1087 г. она овдовела. Через год, во время предпоследнего саксонскаго похода, с ней обручился Генрих IV. Император надеялся этим достичь двоякой цели: он искал примирения с могущественным саксонским родом и подготовлял союз с Киевом. В 1089 г., уже после замирения Саксонии, в Кельне произошло торжественное венчание и коронование новой императрицы.[44] Едва ли можно допустить, чтобы это случилось без ведома киевского князя, хотя прямых указаний на посольство к Всеволоду по этому поводу в источниках нет. Конечно, противиться второму браку своей дочери Всеволод не мог, но и степень его сочувствия остается неизвестной. Сближение с Генрихом противоречило общему тону политики князя и могло нарушить союз с Византией. Во всяком случае, это событие должно было вызвать оживленное обсуждение в киевских кругах, следы которого сохранились в знаменитых „канонических ответах“, составленных киевским митрополитом-греком Иоанном Продромом в 1089 г. Автор резко порицает князя, отдающего дочерей замуж в народы, причащающиеся опресноком, и грозит ему за такие недостойные браки своих детей церковными карами.[45] Впрочем, „канонические ответы“ в этой своей части имеют гораздо более широкое значение для истории западных отношений Киевской Руси, находясь в непосредственной связи с другим трактатом митрополита, а именно, с ответным посланием анти-папе Клименту, составленным в том же 1089 г.[46] Независимо от содержания этого послания, совершенно невозможно принять его раннюю датировку, предложенную М. Д. Приселковым, и приходится отнести его, в согласии с В. Г. Васильевским, к 1089 г.

К сожалению, послание самого Климента не сохранилось, но из ответа Иоанна Продрома видно, что анти-папа обращался к киевскому митропо-

---

[43] Annalista Saxo, p. 721. Первый муж Евпраксии (маркграф северной Саксонии) Генрих Штаденский принадлежал к тому же роду, что и жена Святослава, Ода; следовательно, он был в родстве и с Бурхардтом Трирским.

[44] G. Meyer v. Knonau, IV, 217 f. 251 f. — Giesebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, Bd. III, S. 628. — Annales Wirziburgenses. MGH, SS, VI, 207. — Annal. Augustenses. Ib., III, 133.

[45] М. Д. Приселков, 148. Текст „Ответов“ в переводе А. С. Павлова, Русск. Историч. Библ., т. VI.

[46] М. Д. Приселков, Цит. соч., 143—6.—В. Г. Васильевский, Труды, I, 82.

литу с предложением о воссоединении церквей. Такое обращение анти-папы в Киев, параллельно с аналогичным обращением в Византию, было, несомненно, актом соревнования с Урбаном, только что вступившим в дружественные сношения с Восточной Империей; с другой стороны, оно безусловно стояло в плане политики Генриха IV. Трудно даже сказать, кому из них — императору или Клименту — принадлежала инициатива. Вступая в брак с Евпраксией, Генрих надеялся дополнить (или вернее — сделать реальным) этот политический союз церковным соглашением и укрепить влияние, свое и Климента, могущественной поддержкой Руси, которую он так недооценивал в 1075 г. Признание Востоком антипапы, поставленного императором должно было нанести смертельный удар Урбану II-ому — не только в его восточной политике, но и на Западе; император явился бы в глазах всего мира не еретиком, а поборником истинной веры и церковного единства, ибо он выдвинул и защищал епископа, которого даже восточная церковь признала законным наместником св. Петра. При этом, даже одно лишь согласие Киева вести переговоры с Климентом могло дать Генриху некоторое удовлетворение.[47]

Как бы ни расценивать содержание ответного послания Иоанна Продрома, составленного по всем правилам тончайшей византийской дипломатии: видеть ли в нем „пример задорной вражды и нетерпимости“ или считать его „редким исключением по духу любви и мягкости тона“, заключительные слова послания, предлагающие обратиться к „нашему святому патриарху Константина града и тамо сущим святым митрополитам“ — при наличности дружеских сношений Византии с соперником Климента, Урбаном, не могут быть поняты иначе, как вежливый, но решительный отказ, исключающий возможность дальнейших переговоров.[48]

Не более удачным оказался и брак императора. Уже самое венчание Генриха с Евпраксией вызвало бурю негодования в Германии. Осуждали не только магдебургского епископа Гартвиха, совершившего обряд венчания в Кельне, но и все кельнское духовенство, не оказавшее ему должного сопротивления. В одном из крупнейших полемических трактатов эпохи[49] ординация Евпраксии рассматривалась, как прямо незаконная и недействительная, ибо совершил ее „справедливо по заслугам своим отлученный Гартвих“. Таким образом, с самого начала личность киевской княжны явилась поводом для новых ударов в старой борьбе. А вскоре с ее именем связали восстание сына императора, Конрада. Когда в 1093 г. Генрих и его

---

[47] B. Leib, Op. c., p. 23 ssq.

[48] В. Г. Васильевский, Op. cit. — А. С. Павлов, Критические опыты. СПБ, 1878, стр. 61. — М. Д. Приселков, Op. cit.

[49] См. Liber de unitate ecclesiae conservanda. MGH, Libelli de lite, lib. II, c. 26 — 7. Трактат закончен написанием в 1090 г.

сын стояли с войском в Павии, готовясь к походу в Тоскану, Конрад неожиданно покинул отца и перешел на сторону Матильды и Вельфа.

Нет нужды, по примеру Гизебрехта, доверять сообщению анналов св. Диссибода о причинах этого восстания: „Генрих возненавидел королеву Адельгейду, которую недавно взял в жены. Он заключил ее под стражу и допустил над ней насилие. Говорят также, что он настолько обезумел, что предлагал своему сыну войти к ней. Когда тот отказался осквернить отцовское ложе, король уговаривал его, уверяя, будто его отцом был не он, а чужеземец, а именно — государь Швабии, на коего Конрад был, действительно, похож". Конечно, причинная связь измышлена памфлетистами, но ненависть императора к жене и заточение ее в 1093 г. в Вероне засвидетельствованы многими источниками.[50] Быть может, причина ненависти Генриха была в физической и политической бесплодности этого брака; а смерть Всеволода, в том же 1093 г. смененного Святополком Изяславичем, окончательно лишала его всякого смысла.

Вокруг этого события народная молва и усердие публицистов создали немало легенд. Реальная личность Евпраксии была сильно ретуширована образами библейских рассказов и даже античной трагедии, благодаря чему скандальные подробности супружеских отношений императора искажены и преувеличены. Несомненно, заслуживают доверия лишь указания на жестокое обращение Генриха и, быть может, не всегда невольные, измены его жены.[51]

Из своего заточения в Вероне Евпраксия обратилась с тайным письмом к Матильде, верные слуги которой сумели обмануть бдительность стражей Генриха и привезли княжну в Каноссу, где она была встречена с торжеством и почетом. Слишком удобно было использовать ее несчастье. Матильда и Вельф поспешили передать дело на обсуждение церковного

---

[50] Giesebrecht, Op. cit., III, 653 f. — Stenzel, Geschichte Deutschlands. I, 552, n. 34. — Annales S. Dissibodi. MGH, SS, XVII, 14. Это сообщение повторено продолжателем хроники Мариана Скотта (Кёльнского). MGH, SS, V, ad an. 1093, и штаденским анналистом. Ib., XVI, 316 ssq. Часть известий о Евпраксии собрана в старой (неоконченной) работе русского академика Ф. Круга. См. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands von Ph. Krug, T. II, St.-Petersburg, 1848, S. 578 — 618, Abh. „Eupraxia", где впервые установлено тожество Евпраксии-Адельгейды и Евпраксии, дочери Всеволода. Сообщения о заточении Е. в Вероне и дальнейшей ее судьбе см. теперь также у B. Leib, 165, n. 6.

[51] Противники Генриха утверждали, что он принуждал ее к разврату: „uxorem propriam scelere omnibus saeculis inaudito lupanar fecit" (Herrandus Halberstad. = = Libelli de lite, II, 288)... „a proprio marito prostituta est" (Bernoldi Chron., l. c., p. 457 sq). — С большими, и крайне неприличными, подробностями — многие другие, напр., автор De investigatione Antichristi (= Lib. de lite, III, 324) и т. д. Сама Евпраксия, будто бы, не решалась впоследствии рассказывать публично о своих испытаниях. Генрих, со своей стороны, обвинял ее в изменах и тем оправдывал ее заточение. См. G. Meyer v. Knonau, IV, 423, n. 12.

собора, сначала, в 1094 г., в Констанце, а затем, в 1095 г., уже в присутствии папы Урбана — в Пьяченце, где Евпраксии было даровано торжественное прощение ее невольных грехов, а Генриху, виновнику неслыханного разврата, возглашена анафема, вторичное отлучение от церкви и лишение престола. „Весь мир стал еще более презирать императора, и повсюду необычайно возросло благоговение к наместнику св. Петра". В борьбе „Деворы"—Матильды и „Сисары"—Генриха русской княжне суждено было сыграть роль Иаили. Ликованию в Каноссе не было границ.[52] Один из панегиристов[53] Матильды как будто намекает даже на какие-то сношения ее с Киевом по делу несчастной княжны. Но, повидимому, умело использовав Евпраксию для своих политических целей, противники Генриха не заботились о ее дальнейшей судьбе. Она предпочла бежать к венгерскому королю, но, преследуемая послами императора, вынуждена была вернуться в Киев, где в 1106 г. постриглась, а в 1109 г. умерла и была похоронена в Печерском монастыре.—„Приставися Евъпраксии, Всеволожа, дщи месяца июля в 9 день, положено бысть тѣло ея в Печерскомъ монастыри у дверии, яже ко югу, и вчиниша над нею божницу, идеже лежить тѣло ея".[54] — Таково единственное сообщение русской летописи о княжне, несчастный брак которой оказался роковым в судьбе императора и сделал ее героиней немецких и итальянских хроник и поэм. Очевидно, укреплению политических связей Киева с Империей он не содействовал.

V.

Неудавшиеся предприятия киевской политики Генриха не остались, однако, бесследными в истории культурных сношений древней Руси с европейским Западом. Прежде всего, они не могли не сопровождаться отправкой в Киев послов. Нельзя сказать с полною уверенностью, совпало ли посольство Климента с посольством для переговоров о браке императора (хотя оба события относятся к одному и тому же году); в ответе Иоанна Продрома лицо, доставившее послание анти-папы, по имени не названо. Нужно думать, что это не случайно. В условиях схизмы и повсеместной борьбы церковных и политических партий дипломатические поручения, даже не столь ответственные, окружались глубокой тайной, и путешествие послов было делом нелегким. Хроники конца XI в. полны записей о подобных трудностях: обычно прибегали к одежде пилигрима.

---

[52] Donizo, Vita Mathildis l. II, c. VIII, v. v. 736 sqq. (= Muratori, RIS, V, 373 ssq.) — Bernoldi Chronicon, p. 462 — Annal. Stad., l. c., p. 317.

[53] Donizo, l. c., p. 365.

[54] Ипатьевск. летоп., под 1109 г.—Карамзин, II, прим. 156.—Ph. Krug, l. c., S. 603.

Особенно затруднителен был путь из Германии на Русь. Как выше было сказано, здесь была старая торговая дорога от Регенсбурга к Киеву, но она проходила через Прагу и Краков. А это, кроме общих трудностей пути через малокультурные славянские земли, где даже торговые караваны не всегда проходили благополучно,[55] приводило в условиях времени еще и к дипломатическим осложнениям: послы должны были проходить и дружеские, и вражеские владения, а следовательно, быть вне подозрений для обеих партий. В 1089 г. Генрих IV, повидимому, предпочел воспользоваться услугами ирландцев.

Бродячие ирландцы или, как их иначе называли, скотты были давно уже хорошо знакомы жителям континента. Еще в раннем средневековьи Ирландия, в трудные периоды своей жизни, начала посылать в Европу толпы эмигрантов. Миссионеры — в VII в., ученые и художники — в IX-ом, после узурпации Бриана Бороимбе, в XI-ом веке это были просто монахи и миряне, без точно определенных занятий, бежавшие от бесконечных политических переворотов на родине. Сославшись в подробностях на специальное наше исследование об ирландской эмиграции в средние века,[56] укажем лишь основное направление их странствий. Оно определялось давней традицией и большими торговыми дорогами. Новые госпиции и монастыри ирландцев появлялись в XI в. преимущественно по берегам Рейна и Майна, а затем и по Дунаю. В своей беспокойной жизни на чужбине они редко уживались подолгу в госпициях и, питаясь, главным образом, благочестивыми подаяниями и перепиской книг, не пренебрегали и побочными занятиями: коммерческими операциями и дипломатическими поручениями. Странствующих „скоттов“ жители Европы легко узнавали по внешнему виду и встречали их снисходительно, как „божьих людей“. Особенности одежды, гортанный выговор, грубоватые манеры и неясные речи благочестивых странников вызывали легкое пренебрежение, порою — насмешку, но всегда — наивное доверие к их „нейтральности“ в политической борьбе.[57] Тем легче было им исполнять роль разведчиков и тайных послов, особенно в эпоху Генриха IV, когда так велика была потребность в этом. Иногда скотты обосновывались на исходном пункте дорог в восточную Европу — в Регенсбурге.[58] Около 1070 г. сюда пробрались Мариан с товарищами.

---

[55] См. Translatio s. Godehardi. MGH, SS, XII, 642—52. — В. Г. Васильевский, О торговле Киева с Регенсбургом. Журн. Мин. Нар. Просв., 1888, № 7, стр. 121 сл.

[56] См. статью М. Шайтана в сборнике в честь проф. И. М. Гревса, „Средневековый быт“. Ленинград, 1925.

[57] См. Jocelini de Brakelonda, Chronica S. Edmundi, Londini, 1840, p. 35. — См. вышеназванную нашу статью.

[58] О регенсбургской конгрегации скоттов см. Vita S. Mariani Scotti. Acta Sanctorum, Februarii, II, 361 — 371. Дополнительно — документы и „regesta“ в труде

Благодаря покровительству женского монастыря и приношениям граждан богатого города, в 1075 г. они основали здесь свою первую обитель на Дунае, монастырь св. Якова, о чем поспешили сообщить на родину; тотчас же устремились в „новую обетованную землю“ толпы беглецов из Ирландии. Необычайная энергия и хозяйственная предприимчивость первых аббатов позволила ирландцам приобретать все новые участки земли и добиться у властей охранительных грамот на свои владения. К средине XII в. этих владений насчитывалось около 70-ти. Но пока медленно росли земельные богатства св. Якова, в монастыре становилось тесно для новых эмигрантов. Уже спутники Мариана начали бродить по Баварии, испрашивая „на помин души“, и стали основывать новые госпиции; при этом, ради удобства общения, выбирали пункты вдоль больших дорог. Особенно любили они спускаться вместе с регенбургскими купцами по Дунаю, где, кроме многих мелких обителей, в XII в. возник монастырь св. Марии в Вене. Все новые колонии вышли из Регенсбурга, который стал центром и метрополией ирландской эмиграции в Германии. Они облегчали странствия, которые не прекращались и в поздний период, а в XI в. были необходимы для поддержания источников благосостояния. Местоположение Регенсбурга определяло их основное направление в славянские земли.

Ирландцы монастыря св. Якова хорошо знали дорогу на Краков. По изысканиям польского историка Парчевского,[59] они сыграли даже известную роль в христианском просвещении Польши, и в источниках конца XI в. среди польского духовенства встречается немало ирландских имен. А в сборнике Пеца[60] сохранилась переписка Генриха IV и Климента с их союзником, королем Богемии Вратиславом, по поводу событий 1088/89 г.г. Там же приведено и письмо регенсбургских ирландцев к Вратиславу с просьбой оказать содействие их тайному посольству в Польшу. В условиях схизмы и союза Вратислава с Генрихом это письмо не может быть истолковано двусмысленно. Ирландцы действовали на стороне императора и анти-папы.

Исключительно удобное местоположение Регенсбурга, одного из наиболее населенных городов Германии в XI в., и его богатая торговля определили его роль в саксонской войне. Восстание саксонских князей носило чисто-феодальный характер. Города и купечество были, большею

G. A. Renz, Beitrage zur Gesch. d. Schottenabtei St.-Jacob (= Stud u. Mitteil. aus d. Bened. u. Cisterc. Orden, t. XVI, 1895 S. 64 ssq. 250 ssq.). — См. также Wattenbach, Die Congregation d. Schottenklöster in Deutschland (= Archeol. Zeitschrift v. Otte u. Quast, Bd. I, 1856 S. 47 ff).

[59] A. Parczewsky, Poczatki christyanismu W. Polscei. Misya irlandska (= Extrait de l'annuaire de la Société des sciences de Posen. Posen, 1902). Ср. L. Leger в Revue Celtique, t. 26, 1905, p. 389.

[60] Pez, Thesaurus anecdot., t. VI, pars I, p. 286 — 92.

частью, на стороне императора.[61] Брунон даже язвительно замечает, что „большая часть его войска состояла из купцов". Особенно же значительную материальную поддержку Генриху оказывал Регенсбург. Во время саксонской войны этот город служил императору неизменной базой. Здесь он собирал свои отряды, отсюда пробирался за помощью в Богемию, а затем наступал к польской границе или в Саксонию; по окончании похода, он не решался итти из Саксонии прямо в верхнюю Германию и всегда возвращался через владения Вратислава для отдыха и новых приготовлений все в тот же Регенсбург.

Сюда же прибыл Генрих после замирения Саксонии, в начале 1089 г., вскоре после своего обручения с Евпраксией, за несколько месяцев до венчания в Кельне. Императору нужно было снарядить посольство к будущему тестю и, вероятно, в то же время, отправить в Киев послание своего ставленника Климента. Нигде не мог он найти более подходящих послов, чем в Регенсбурге. Возложив поручение на ирландцев, император, в залог своей благодарности, дал первую охранительную грамоту их недавно основанному монастырю.[62]

„Нейтральные" эмигранты блестяще выполнили свою задачу. „Муж многоопытный и в делах весьма искусный, по имени Маврикий, один, в сопровождении мальчика, водимый благодатью св. Духа, глухими дорогами прибыл к русскому князю; и от этого государя и других знатных лиц богатейшего города Киева получил в подарок драгоценные меха ценою в сто фунтов серебра; увезя их на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург".[63]

Правда, житие св. Мариана составлено сравнительно поздно и не снабжено точными датами. Издавая текст, болландисты совершенно перепутали события и отнесли путешествие Маврикия ко времени княжения младших Ярославичей, т.-е., к началу XII в. Их датировку принял на веру Ваттенбах, а за ним и В. Г. Васильевский, не производившие по этому поводу самостоятельных изысканий. Между тем, в житии сказано, что деньги, вырученные от продажи киевских мехов, были истрачены на окончание постройки монастыря, а именно — на сооружение крыши. Согласно документам, опубликованным Ренцом, монастырь св. Якова был выстроен и освящен в 1090 г.; след., путешествие Маврикия непосредственно предшествовало этому году. Недоразумение возникло из-за смешения двух охранительных грамот. Грамота монастырю, как сказано, была дана Генрихом IV-ым, одновременно с отправкой посольства, в 1089 г. Грамота же

---

[61] Brunonis, l. c., p. 366.

[62] G. Meyer v. Knonau, IV, 246—7.—Renz, Op. cit., 66. — Текст грамоты (однако, с неверной датой) также у Benzelin, Essai histor. et descript. sur l'église et l'abbaye de St.-Jacques des Eccossais. P. 1835, p. 10.

[63] Vita S. Mariani, l. c., p. 369.

Генриха V (1112 г.) имеет в виду уже не монастырь, а церковь при нем, основанную, действительно, в начале XII в. и законченную в своей художественной отделке около 1184 г.[64]

Мы не знаем, что еще делал Маврикий в Киеве в 1089 г., кроме своей прямой задачи: поручения Генриха IV-го. Не знаем также, когда повторялись путешествия регенсбургских ирландцев в Киев. Но нельзя обойти молчанием одной подробности. Когда в 1109 г. была заложена при монастыре церковь, то она была посвящена святым Якову и Гертруде. Имя Якова понятно: он был покровитель странников, и ему же был посвящен уже ранее монастырь. Что же касается имени Гертруды, то ни житие Мариана, ни „Regesta" Ренца не дают никаких пояснений.

Мы уже видели деятельное участие жены Изяслава, Гертруды в сношениях Киева с Западом. Миниатюры и молитвы трирской псалтири, составленные около 1087 г., свидетельствуют об ее католическом благочестии. Пережив мужа и сына, Гертруда оставалась с другим своим сыном, Святополком, в Киеве, где и скончалась в 1107 г. Неизвестно, когда и кем трирская псалтирь была перевезена в Польшу, затем в Чехию и Венгрию, а оттуда попала в Чивидале, где и хранится доныне.[65] Не через ирландцев ли отправила Гертруда на свою польскую родину драгоценную рукопись, некогда полученную ею из Трира и обогащенную в Киеве произведениями русского мастерства? И не она ли присоединила к мехам, подаренным киевским князем Маврикию, новые приношения, уже для другой цели: сооружения при регенсбургском монастыре церкви, освященной во имя своей святой?

По мнению некоторых исследователей, эта замечательная церковь с ее чудным порталом, пользующимся всемирною известностью, „одно из лучших сооружений германского средневековья", не только по своему материальному происхождению, но и по архитектуре своих древнейших частей, носит явные следы восточного влияния, точнее — византийского стиля. Впрочем, в этих замечаниях есть некоторая доля увлечения.[66]

VI.

Несомненно, во время своего пребывания в Киеве, ирландцы не могли ограничиться сношениями с княжеской семьей. Киевская колония немецких купцов, повидимому, довольно многочисленная, нуждалась в услугах

---

[64] Vita S. Mariani, notae, p. 371.—Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, II[5], 347 ff.—В. Г. Васильевский=Ж. М. Н. П., l. c., p. 134—6.—Renz, S. 67 ff. О неясной судьбе трирской псалтири см. подробно H. Sauerland u. A. Haeloff, II, 29—36. О смерти Гертруды см. Лавр. лет., под 1107 г.

[65] Riehl, Denkmäler frühmittelalt. Baukunst in Bayern. Münch., 1888, SS. 85—92. G. Benzelin, l. c. — J. Popp u. Th. Bülau, Die Architektur d. Mittelalters in Regensburg. R. 1834., H. II. Там же — репродукции.

западного духовенства; а, судя по „каноническим ответам“ Иоанна Продрома, в Киеве относились терпимо к людям латинской веры и едва ли могли ставить серьезные препятствия исполнению чужеземцами западного обряда.[67]

В этой связи невольно возникает вопрос о времени основания латинского храма и монастыря св. Девы Марии в Киеве. Как известно, ни церковь, ни монастырь не сохранились. Их существование точно засвидетельствовано источниками, лишь начиная с XIII в. По изысканиям Н. Закревского,[68] они находились на Оболони, точнее, в Копыревом конце, на скрещении дорог во Львов и Вышгород, на том месте, где позднее, в XVII в., польские доминиканцы построили монастырь св. Николая, обращенный в 1691 г. в православный Петропавловский монастырь, переданный Киево-Братской школе.

Впервые храм Девы Марии упоминается в связи со знаменитой миссией Яцека Ондрвонжа.[69] Когда, в 1228 г., быть может, в связи с помощью, оказанной поляками князю Даниилу против Владимира Рюриковича, Яцек и другие доминиканцы прибыли в Киев для католической пропаганды, они получили в свое владение монастырь при церкви Девы Марии, основанной, следовательно, не ими. Первоначальный успех их миссии, побудивший даже папу Григория IX-го обратиться к князю с увещанием подчиниться римской церкви, привел, однако, к тому, что, как сообщает Длугош, в 1233 г. князь, „убоявшись посрамления греческого обряда“, изгнал проповедников из Киева и запретил им возвращаться. Доминиканцы бежали в Польшу, увозя с собой статую Марии, которую, кажется, и доныне показывают во Львове. А папа, во избежание дальнейших преследований, послал альдермену латинских купцов в Киеве, Ульриху, охранительную грамоту и поручил опеку над киевскими католиками сандомирскому капитулу.[70]

Тем удивительнее, что даже после этого разгрома мы застаем в Киеве ирландцев. Они оставались здесь до нашествия татар, и только, когда с уходом западных купцов, пребывание в Киеве католического духовенства утеряло практический смысл, в 1242 г. ирландцы покинули город. Матвей Парижский в своей хронике сообщает, что аббат монастыря св. Марии в Вене ордена св. Бенедикта хлопочет о возвращении в Ирландию двух братьев того же ордена, бежавших по случаю нашествия татар из ма-

---

[67] Е. Е. Голубинский, История русской церкви, т. I, ч. 1, стр. 856 сл. — М. Грушевский, II, 273.

[68] Н. Закревский, Описание Киева М. 1868, т. I, 391 — 407, 415 -419; II, 586 — 7.

[69] Е. Е. Голубинский, I, ч. 2, стр. 808 и прим. 3.—W. Abraham, C cit., 71—81.—Ипат. летоп. под 1228 г.—Малышевский, Доминиканец Яцек Ондржа, мнимый апостол земли русской (= Труды Киев. Дух. Акад., 1867, стр. 80, 430 сл.).

[70] Папские грамоты см. А. Тургенев, I, 30, а также № 39, p. 35 ssq. Dlugosci Historia = Monum. Polon. Hist., III, p. 240 ad an. 1233.—W. Abraham, 80.—Е. Е. Голубинский, Op. cit.

стыря св. Марии в Киеве.[71] Очевидно, ирландцы не только оставались в Киеве после изгнания доминиканцев, но и появились там гораздо раньше их и были именно теми представителями западного духовенства, которые обслуживали церковь Девы Марии до появления миссии Яцека.

Покровителем бежавших из Киева в 1242 г. братьев был аббат монастыря св. Марии в Вене. Уже раньше было упомянуто, что этот монастырь представлял собою одну из колоний регенсбургской конгрегации ирландцев. Согласно документам Ренца,[72] он был основан около 1159 г.; автор письма называет своих киевских земляков „domus nostrae monachos", т.-е. указывает, что они находились в ведении венского монастыря. Но это не значит еще, что киевская колония появилась позже венской. Подчинение или, вернее, покровительство могло быть вызвано меньшими размерами киевской колонии и худшими условиями ее существования в некатолической стране. Самая же связь обоих одноименных монастырей была вполне естественна. Наряду с Регенсбургом, Вена являлась немаловажным пунктом в западно-русской торговле,[73] и религиозные потребности регенсбургских и венских купцов в Киеве удовлетворялись, конечно, в одной и той же церкви. Монахи были в то же время „sacerdotes". Возможно, что монастырь в Киеве был основан позже венского, но церковь Девы Марии возникла раньше, и ирландцы были при ней, главным образом, священнослужителями. Выросшая в XII в. в своем торговом значении, Вена была почти на пути из Регенсбурга в Киев; тем легче было установить связь между киевскими и венскими колонистами из общей ирландской метрополии, монастыря св. Якова. Даже после запустения киевской колонии, венские скотты не прекратили своей связи с Киевом — правда, уже в плоскости не церковных, а чисто-торговых сношений. Вплоть до XV века имеются известия о том, что венские скотты продолжали торговлю русскими мехами.[74]

В истории перенесения мощей св. Годегарда Гильдесгеймского,[75] составленной около 1132 г., упоминается, между прочим, о том, что какие-то немцы, жившие в Киевской Руси, направлялись на родину в Германию;

---

[71] Matthaei Parisiensis Hist. = MGH, SS, XXVIII, 209 „Latores praesentium, sacerdotes, domus nostrae monachos, vestrae commendamus caritati, quos de claustro S. Mariae in Ruscia in Hiberniam trasmittimus gratia commorandi" — См. также Erben, Regesta Bohemiae et Moraviae I, № 1060, p. 502—3. В виду полного отсутствия каких-либо упоминаний о латинском монастыре Девы Марии в другом месте на Руси, кроме Киева — приходится подразумевать только Киевский монастырь.

[72] Renz, 250 ff.

[73] A. v. Meiller, S. 87 ff. — W. Abraham, S. 69 ssq.

[74] Wattenbach, Die Schottencongregation, l. c., SS. 28 u. 55. — W. Abraham, l. c.

[75] MGH, SS, VII, 642—52. — В. Г. Васильевский (= Ж. М. Н. П. p. 1888, № 7), 138 сл. — „Factum est ergo, ut sacerdos, qui una cum ipsis fuerat, occumberet".

в пути они подверглись нападению разбойников; часть путешественников была перебита; пал и бывший с ними священник. Быть может, в этом указании следует видеть также косвенное подтверждение существования церкви Девы Марии уже в начале XII в. И, хотя прямых доказательств, что она была построена именно ирландцами, нет, — все же надо полагать, что в деле ее создания, или, по крайней мере, обслуживания, неутомимые миссионеры и путешественники из регенсбургской конгрегации не могли остаться бездеятельными, и посольство Маврикия, вызванное бурными политическими событиями эпохи Генриха IV и Ярославичей, не осталось бесследным в дальнейшей истории культурных сношений Киевской Руси с Западной Европой.

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ
ПОСТОЯННОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.
I (XXXIV).

К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской Судной грамоте.

М. М. Богословского.

1.

Явления феодализма, понимая под этим термином соединение политической власти и государственных прав с правами частного землевладельца, притом не только на вершинах государственного устройства, но и на глубоких низах этого устройства, в отдельной вотчине или поместье, эти явления давно уже замечены и получили общее признание в нашей историографии. Со времени выхода в свет сравнительно-исторических работ Павлова-Сильванского „Закладничество-патронат“ и „Феодализм в древней Руси“ направление, сближающее черты феодализма в истории России с феодализмом на Западе, в общем, не вызывает спора. Можно сказать, что более полное сближение было бы сделано и ранее работ Павлова-Сильванского, если бы явления феодализма были к тому времени более полно изучены в западно-европейской литературе, в которой они также выяснялись постепенно. И западная историография первоначально обратила внимание на верхи феодальной организации, а затем, спускаясь вглубь социальных отношений, стала изучать феодальные черты в строе отдельного барского имения. С. М. Соловьев в своей „Истории России с древнейших времен“ прибегал постоянно к сравнению отношений в древней Руси с соответствующими отношениями в Западной Европе; но его сравнения ограничивались исключительно явлениями верхов государственного строя, в которых он отмечал более разницы, чем сходства. Явления феодализма в общественных глубинах не были еще в его время достаточно изучены в западно-европейской историографии, едва затронуты они были и у нас, их разработка началась после Соловьева, и потому сравнение здесь на нижних ступенях общественной лестницы оказывалось преждевременным. Те успехи, которые были сделаны в сфере изучения социально-экономической истории и в западной литературе, и в нашей после Соловьева, позволили Павлову-Сильванскому провести его замечательные сравнения.

Одним из продолжателей работ Павлова-Сильванского по исследованию явлений феодализма в России был покойный П. И. Беляев. В 1916 г., в „Журнале Министерства Юстиции“, была напечатана его статья под загла-

вием: „Древне-русская сеньерия и крестьянское закрепощение“, в которой автор с широкой эрудицией, как в области источников нашей древней истории, так и в западно-европейской литературе, исследовал один частный вопрос по истории феодализма, сближая древне-русскую вотчину с сеньерией в Западной Европе. На крестьянское закрепощение он смотрит, как на возникновение сеньериальной зависимости крестьянина-подданного от его государя-землевладельца. В состав сеньериальных отношений входят, по его мнению, два начала: во-первых, зависимость подданного по отношению к государю-землевладельцу и, во-вторых, начало взаимной ответственности вотчинника и его подданных, живущих на его земле. Причины возникновения сеньерии и на Западе, и у нас П. И. Беляев, вслед за П. Г. Виноградовым, видел, как с одной стороны в ослаблении значения родовых союзов, которые давали в древнее время их членам охрану жизни и интересов, так с другой стороны в отсутствии сильной центральной власти, которая могла бы, став, на место прежних родовых союзов, такую охрану давать. Отсюда для слабых и неимущих возникла потребность в патронате сильных. Сеньериальная власть возникала и развивалась из семейных отношений. Владыка семьи имел власть (mundium) над чадами и домочадцами. Эти семейные, члены семьи и рабы — жили в его доме и на его земле, и это, как говорит П. И. Беляев, послужило исходным пунктом для развития его власти и вообще над свободными людьми, крестьянами, живущими на его же земле, которые именно по такому жительству подпадали под его власть. Крестьянская крепость означала собою принадлежность земледельца к составу населения территориальной единицы, где „государем“ был землевладелец. Крестьянин был прикреплен не к земле и не к господину, а к сеньерии так же, как подданный к своему государству. Итак, под сеньерией разумеется территориальная единица, владелец которой находится не только в гражданских частно-правовых отношениях к живущим на его земле людям, но имеет над ними и политическую власть, как государь над подданными. Крестьяне — подданные, обязанные подчиняться его суду и полиции и платить ему установленную им дань. Сеньериальные отношения между крестьянами и их государем бессрочны. Свободный человек, поселяясь на земле сеньера, вступает по отношению к нему в вечную зависимость. Крестьянские порядные — это акты о вступлении поряжающихся крестьян в подданство к землевладельцу, а отнюдь не договоры об арендовании земли у землевладельца. Вечная зависимость подданного в сеньерии — явление первичное, исконное, существующее с тех пор, как сеньерия стала на место разложившегося родового союза. Право выхода или отказа в Юрьев день — явление вторичное: установление его в Судебнике 1497 г. знаменует собою начало эмансипации, первый шаг в сторону раскрепощения крестьян. Последнее положение — наиболее оригинальная и наиболее спорная черта в воззрениях П. И. Беляева.

В новейшее время в нашей историографии, обогащенной рядом исследований по социальному строю и экономическим явлениям в древней Руси, сопоставление и сближение явлений русского феодализма с западно-европейским шло особенно интенсивно. Такое сближение проводится в „Истории России с древнейших времен“ М. Н. Покровского. С большою широтою сравнительным методом пользовался Н. А. Рожков в его „Русской истории в сравнительно историческом освещении“. Много ценных наблюдений, сделанных в том же направлении, содержится в только что вышедшей работе С. Б. Веселовского „К вопросу о происхождении вотчинного режима“ М. 1926. Вопрос о феодализме в России настолько выдвинулся в нашей историографии, стал настолько модным, что некоторые молодые историки почитают уже неприличным называть XII—XV века в русской истории „удельным“ периодом, а заменяют этот термин термином „феодальный“. Впрочем, хронологические грани оказываются здесь спорными, и тогда как одни говорят о разложении феодализма уже в XV веке, другие продолжают феодализм до революции 1917 г.

Одним из выдающихся исследователей в области истории русского феодализма является профессор Саратовского университета С. В. Юшков. Его недавно вышедшая книга под заглавием: „Феодальные отношения и Киевская Русь“ (Саратов, 1925) посвящена разысканиям признаков феодальных отношений в домонгольской Руси, и в результате этих разысканий автор приходит, на наш взгляд, к совершенно правильным выводам о неяркости и примитивности форм русского феодализма. С. В. Юшковым создана уже в Саратовском университете школа; из нее вышел П. А. Аргунов, который, не охватывая русского феодализма в целом, подступает к нему с исследованием одного специального вопроса, именно вопроса о сеньериальных отношениях в Псковской земле в эпоху Псковской Судной грамоты. Исследование это настолько интересно, что на разборе, по крайней мере, некоторых высказанных в нем положений стоит остановиться.

Прежде всего заметим, что на работу П. А. Аргунова оказали большое влияние рассмотренные нами выше учения П. И. Беляева о сеньерии, по крайней мере, в той их части, в которой Беляев касался Псковской Судной грамоты и объяснял установленные ею отношения между крестьянами и землевладельцами. П. А. Аргунов всецело к этим объяснениям Беляева примыкает, развивая их со своей стороны и приводя для них новые основания. И у П. А. Аргунова так же, как и у Беляева, отношения псковского крестьянина-изорника к землевладельцу по Псковской грамоте, — это сеньериальные отношения, политическая зависимость, подданство, и самая его работа носит очень выразительный подзаголовок; она озаглавлена: „Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты. К истории сеньериальных отношений на Руси“.[1]

[1] В „Ученых Записках Саратовского Государственного Университета“ 1925 г. т. IV, вып. 4.

Заняв такую определенную позицию, П. А. Аргунов решительно выступает против предыдущих исследователей этого вопроса по Псковской правде: Михайлова[2] и пишущего эти строки,[3] видевших между псковским землевладельцем и изорником отношения свободного договора. „Институт землепользования по Псковской грамоте", писал Михайлов, „есть арендный институт (conductio locatio rei), согласно которому юридически-свободный договор найма связывал отношения арендодателя и арендатора", и далее: „Институт земельной аренды существовал во Пскове на вполне юридически свободных началах. Конечно, может быть, фактически эти свободные договорные отношения колебались под влиянием разных причин экономического и иного свойства; но юридически они квалифицированы законодателем, как взаимно-свободные сделки юридически-самостоятельных субъектов".[4] И мне казалось, что в основе отношений между землевладельцем и крестьянином по Псковской Судной грамоте лежит договор свободных равноправных сторон. Таким юридическим равновесием поражает в Псковской правде первая часть статьи 42 об „отроке" (42а), где как бы на одну чашку весов положены права землевладельца, на другую совершенно одинаковые права сидящего на его земле крестьянина, и весы приведены в состояние спокойного равновесия. В статье читаем:

> 42а. „А которой государь захочеть отродъ дати своему зорнику или огороднеку, или кочетнику, ино отрокъ быти о Ѳилипове заговѣине, такожъ захочетъ изорникъ отречися с села, или огороднику, или четникъ, ино тому жъ отроку быти, а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ котечника, ни отъ огородника".

Такое равноправие, весьма далекое от отношений хозяина к ролейному закупу в Русской Правде, где хозяин мог закупа бить и где закуп легко обращался в холопа, стоило ему только уйти от хозяина, не рассчитавшись с ним, и весьма далекое также от отношений землевладельца к крестьянину в Московском государстве XIV — XV веков, где уже крестьяне в силу старожильства теряли право выхода от землевладельца и становились к нему в зависимые отношения, я склонен был объяснять особыми условиями жизни вольного торгового города и его территории, где свобода торговой сделки между равноправными сторонами, проникая собою весь склад жизни общества, сказывалась и в отношениях крестьян к землевладельцам. Оживленная торговля развивает в обществе дух свободы, без которого невозможна ни коммерческая предприимчивость, ни торговая сделка. Этот дух свободы

---

[2] Михайлов, Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте. СПБ. 1914 и в XXVII вып. „Летописи Занятий Археографической Комиссии".

[3] Богословский, Крестьянская аренда в Псковской Судной грамоте, — „Исторические Известия", издаваемые Историческим Обществом при Московском Университете. М. 1917, № 2, стр. 3 — 46.

[4] Михайлов, op. cit., стр. 2, 3.

растет с ростом торговых оборотов, отражается на всех общественных отношениях торгового государства, и неудивительно, что он проникает также и в отношения крестьян к землевладельцам. Вот почему мне казалось вполне естественным встретить во Пскове гораздо более равноправные отношения между крестьянами и землевладельцами, чем это было в Московском государстве.

Итак, обозначились два совершенно противоположные взгляда на отношения крестьян к землевладельцам в XIV и XV веках, как они обозначены в Псковской Судной грамоте. По взгляду одних исследователей — Михайлова и пишущего эти строки — это в основе своей юридически свободные договорные отношения. По взгляду других — П. И. Беляева и П. А. Аргунова — это сеньериальные отношения, зависимость, подданство крестьянина землевладельцу.

Посмотрим, какими соображениями подкрепляет свой взгляд П. А. Аргунов и постараемся оценить степень их убедительности.

2.

Уже на одной из первых страниц своего исследования (6) П. А. Аргунов дает, на мой взгляд, неверное толкование термину „государь“ в Псковской Правде, понимает его не так, как его надо понимать в этом памятнике. Приглашая читателя прежде всего ближе присмотреться к терминам „государь“ и „изорник“, П. А. Аргунов спрашивает: „Можно ли считать, что „государь“ в отношении к крестьянам должен просто обозначать „владельца земли“, „хозяина села и имения“ или Псковская Судная грамота соединяет с этим термином представление об особых отношениях землевладельца к изорнику? „Беляев“, ссылается далее наш автор, „просто ставит знак равенства между „государем села“ и средневековым сеньером“. П. А. Аргунов всецело принимает здесь положение Беляева со знаком равенства между „государем села“ и средневековым сеньером, соглашается даже с явно неверным толкованием текста статьи 63, где читаем:

> 63. „А который изорникъ отречется у государя села, или государь его отрьчетъ, и государю взять у него все половину своего изорника, а зорникъ половину“.

Я уже указывал,[5] что в статье 63 слово села относится не к слову государя, а к предыдущему слову отречется, так что статью можно бы читать и так: „А который изорник отречется села у государя“. Дополнение в родительном падеже „села“ к слову „государь“ совершенно не свойственно языку Псковской Правды. Слово село употреблено здесь в том значении, в котором оно употреблялось, например, в современных

---

[5] Op. cit., стр. 23—24.

Псковской Правде новгородских купчих XV в., где читаем: „Се купи Кюприан Павловъ... на Имже с е л о з е м л и“[6] и т. д. Здесь с е л о термин, равнозначащий с термином у ч а с т о к, который также употребляется в подобных же грамотах. Изорник „отречется села у государя“ — значит — откажется от того земельного участка, на котором он сидел. В ст. 42а читаем: „захочет изорникъ отречися с села“. Очевидно, можно было тогда говорить двояко: „отречися села“ или „отречися с села“.

Наш автор, как он пишет далее, склонен думать, что слово „государь“ в Псковской Правде употребляется „не просто в значении хозяина и владельца, но с привкусом каких то особых притязаний к зависимым от него людям“. Автор ищет здесь в слове „государь“ политического привкуса; государь, по его мнению, не простой собственник, владелец, хозяин, а сеньер, т.-е., лицо, облеченное не только правами владельца, но и политической властью. Возражая, однако, П. А. Аргунову, припомним, что в древней Руси слово „государь“ употреблялось не как термин публичного, а именно как термин частного права. Всего чаще этот термин применялся для обозначения рабовладельца по отношению к рабу, так что слову „государь“ (собственник, владелец, хозяин) соответствующим словом было „холоп“. Исключение составляет Русская Правда, где вместо слова „государь“ для обозначения рабовладельца употребляется термин „господин“; это одна из особенностей языка Русской Правды, показывающая не русское, а вернее всего юго-славянское происхождение ее редакторов. Но холоп принадлежал своему хозяину на вещном праве, как вещь, как собственность, а не на политическом праве подданства. Отношения подданства выражались тогда термином „господин“, и подданные, обращаясь к носителю верховной власти князю, именовали его „господине княже“.[7] Только с развитием самодержавия в Москве эти вещные права стали внедряться в государственные отношения, и князь стал именоваться „государем“, за то и подданные, именно служилая их часть, соответственно стали называться „холопами“. Для новгородцев в 1477 г. название великого князя „государем“ было небывалою новостью. „Въ лѣто 6985“, читаем в летописи, „мѣсяца марта архіепископъ новогородской Ѳеофилъ и весь Великой Новъгородъ прислали к великому князю Ивану Васильевичю и къ сыну его къ великому князю Ивану Ивановичю пословъ своихъ Назара подвойского да Захарію діака вѣчного бити челомъ и называти себѣ ихъ господари, а напередъ того, какъ и земля ихъ стала, того не бывало: никоторого великого князя господаремъ не зывали, но господиномъ“.[8] В возникших по этому поводу переговорах с новгородцами Иван III объяснил им понятие государя в смысле неограниченного вла-

[6] С р е з н е в с к и й, Материалы для словаря древне-русского языка. — „Сборник грамот Коллегии Экономии“, т. 1, №№ 3, 9, 11, 21 и др.

[7] П. С. Р. Л., V, 2, 195; VII, 155, 190, 194, 195.

[8] П. С. Р. Л., VIII, 183; XII, 169 — 170.

дельца и хозяина, каким он был по отношению к своим московским холопам: „наше государство великих князей таково: вѣчю, колоколу... не быти, посаднику не быти, а господарство свое нам держати“.[9] Назвавши Ивана III государем, новгородцы из свободных граждан, заключавших с князьями договоры, превращались в холопей, какими были московские подданные великого князя, и теряли права политического самоуправления, выражением которых были вече и посадник.

Но именно только с развитием московского самодержавия слово „государь“ из круга понятий частного права вошло в терминологический обиход государственного права. Еще в конце XIV века в уставной Двинской грамоте 1397 г. Московский великий князь, ее жалующий двинянам, не называется государем; а между тем в грамоте это слово встречается, но оно обозначает владельца холопа:

11. „А кто о с п о д а р ь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу и случится смерть, в том намѣстницы не судятъ, ни вины не емлютъ“.

Термин „государь“ имеет, таким образом, в грамоте исключительно частно-правовое значение: он обозначает хозяина вещи, какою был холоп. В таком же частно-правовом смысле употребляется этот термин в I Судебнике, где также государем называется рабовладелец по отношению к холопу; упоминается еще в ст. 61 „поженный государь“, т.-е., владелец „пожни“ — сенокоса. Великий князь в I Судебнике государем не именуется.[10] Во II Царском Судебнике слово государь употребляется и в том и в другом смысле: как в частно-правовом, обозначая рабовладельца по отношению к холопу, хозяина по отношению к наемному рабочему,[11] землевладельца по отношению к крестьянину,[12] так и в политическом, обозначая царя и великого князя. Дальнейший шаг в этой эволюции делает Уложение; в нем термин „государь“ употребляется исключительно в государственно-правовом значении и применяется только к царю. Рабовладелец же по отношению к холопу в Уложении носит название б о я р и н а. Такова эволюция значения слова

---

[9] П. С. Р. Л., XII, 181.

[10] Только прилагательное „государский“ в ст. 9: „А государскому убойцу и коромолнику, церковному татю и головному, и подметчику, и зажигалнику, вѣдомому лихому человѣку живота не дати“, относится к великому князю.

[11] Ст. 83: „А наймитъ у государя не дослужитъ уроку своего, да пойдетъ прочь и онъ найму лишенъ. А которой государь наймиту не захочетъ дати найму и уличитъ его въ томъ наймитъ, и на томъ доправити наемъ вдвое.

[12] Ст. 89: „А убіютъ которого крестьянина на полѣ (т.-е., победят на судебном поединке), въ розбоѣ или въ иномъ в которомъ въ лихомъ дѣлѣ и дадутъ того крестьянина за государя его, за кѣмъ живетъ, или выручитъ его государь тотъ, за кѣмъ живетъ, и пойдетъ тотъ крестьянинъ изъ за него вонъ, ино его выпустити“. В названии здесь, и, кажется, это единственный случай, землевладельца по отношению к крестьянину государем следует, конечно, видеть влияние холопьей терминологии.

„государь“ в официальном языке московских законодательных актов. В XIV и XV веках оно употребляется в частно-правовом значении, всего чаще обозначая владельца холопа; в XVI в., во II Судебнике, оно употребляется и в том, и в другом смысле: и в частно-правовом, и в политическом, обозначая рабовладельца по отношению к холопу, хозяина по отношению к наемному рабочему, а также носителя верховной власти — царя. Наконец, в Уложении это слово приобретает исключительно политический смысл, обозначая только носителя верховной власти.

В Псковской Судной грамоте так же, как и в I Судебнике, к которому ее составление близко по времени, термин „государь“ политического значения еще не имеет и употребляется исключительно в частно-правовом смысле, нигде в ней не обозначая носителя верховной власти. Здесь нет даже того исключения, которое делает прилагательное „государский“ в ст. 9 I Судебника, относящееся к великому князю. В соответствующей статье 7-й Псковской Правды о государском убойце совсем не говорится, и речь идет только о „кримском“ и коневом татях, о переветнике и зажигальнике, которым Правда предписывает „живота не дати“. В Псковской Правде слово „государь“ обозначает собственника вещи недвижимой — земли или движимой. Землевладелец, хозяин земли, называется государем, когда говорится о его отношениях к лицам, вступающим с ним в обязательства по принадлежащей ему земле. Но государем называется также в Правде собственник вещи движимой. Так, в ст. 112 читаем:

> 112. „А боранъ присужать 6 денегъ, а за овцу 10 денегъ государю, а судьи 3 денги старая правда. А за гусакъ и за гусыню присужать по 2 денги государю на суде (предлагаем поправку: а судье) 3 денги“.

Здесь государем назван собственник барана, овцы, гусака и гусыни. Государем в Правде называется далее хозяин по отношению к наемному мастеровому или вообще наемному работнику, о чем читаем в статьях:

> 39. „А которой мастеръ плотникъ или наймитъ отстоитъ свой урокъ и плотникъ или наймитъ... свое дѣло отдѣлаетъ... на государехъ и взакличь сочитъ своего найма“.[13]
>
> 40. „А которой наймитъ дворной пойдетъ прочь от государя не достоявъ своего урока, іно ему найму взяти по счету, а сочитъ ему найма своего за годъ, чтобы 5 годовъ, или 10 годъ стоявши, и всѣхъ тыхъ ему годъ стоявши, найма сочить, какъ отиде за годъ сочить, толко будетъ найма неймалъ у государя, а толко пойдетъ болши года, ино имъ не сочити на государехъ“.[14]

---

[13] Плотник или вообще наемный работник, отжив у хозяина свой срок или окончив свою работу, может искать с хозяина наемной платы и без письменного условия, по словесному заявлению.

[14] Если наемный дворовый работник отойдет от хозяина, не дожив до срока, ему взять наемную плату по расчету. Искать наемной платы он может втечение года. Хотя бы он жил на работе пять или десять лет, искать ему наемной платы за все эти годы, если только он не брал ее у хозяина — втечение года со дня ухода. Если же

41. „А которой наймитъ плотникъ, а почнетъ сочить найма своего на государи, а дѣла его не отдѣлаетъ, а пойдетъ прочь, а ркучи так г о с у д а р ю, у тебе есми отдѣлалъ дѣло свое все, и г о с у д а р ь молвитъ: не отдѣлалъ еси всего дѣла своего, ино г о с у д а р ю у креста положыть, чего сочить, или г о с у д а р ь самъ поцелуетъ, аже у нихъ записи не будетъ“.[15]

Тем же термином г о с у д а р ь обозначается ремесленник-мастер по отношению к ученику.

102. „А которой мастеръ иметь сочить на ученики учебнаго, а ученикъ запрется, ино воля г о с у д а р е в а, хочетъ самъ поцелуетъ на своемъ учебномъ или ученику вѣрить“.[16]

Точно также государем называется домовладелец по отношению к квартиранту (подсуседнику).

103-а. „А подсусѣдникъ на г о с у д а р и ссудьи или іного чего волно искати“.[17]

Наконец, в Псковской Правде есть еще статья, в которой упоминается „государь пировой“ в смысле хозяина помещения, где происходит пир в складчину.

34. „А у которого псковитина у какова учинится татба в Пскове или на пригороди, или в сели на волости, ино явить старостамъ, или околнымъ сусѣдомъ или инымъ стороннымъ людемъ, а в пиру, ино пировому старосте, или пивцамъ явити, а г о с у д а р ю пировому (дела) нѣтъ“.[18]

Во всех приведенных выше случаях, как видим, термином „государь“ обозначается хозяин по отношению к принадлежащей ему на праве собствен-

---

пройдет более года и иск не будет вчинен, то наемные работники не могут искать наемной платы на хозяевах.

[15] Если нанявшийся на работу плотник уйдет от хозяина, не окончив работы, и станет искать на хозяине своей наемной платы, говоря хозяину так: я у тебя отработал всю свою работу, а хозяин скажет: ты не отработал всей своей работы, то, если между ними не было письменного условия, дело решается присягой: хозяин или должен положить у креста исковую сумму, предоставляя присягнуть плотнику, или может поцеловать крест сам.

[16] Если хозяин-мастер станет искать на ученике платы за обучение, а ученик станет запираться, то решать дело присягой, предоставив на волю хозяина: хочет, сам пусть поцелует крест на своей учебной плате, или пусть предоставит присягнуть ученику.

[17] Съемщик квартиры может искать на хозяине по домовому или иному какому обязательству.

[18] Если у какого либо псковитина случится покража во Пскове, в пригороде или в сельской волости, он должен заявить о том старостам или ближним соседям, или иным сторонним людям. Если кража случится на пиру, то заявить пировому старосте (председателю пира) или гостям; а хозяина помещения, где происходит пир, это дело не касается. См. Б о г о с л о в с к и й, Крестьянская аренда в Псковской Судной грамоте — „Исторические Известия“ 1917 г., № 2, стр. 43, где предложена реставрация ст. 34 — 35.

ности вещи или по отношению к людям, вступавшим к нему в обязательства, но в обязательства не подданства, а в чисто гражданские обязательства найма имущества или услуг. Так что, если уже говорить о каком либо „привкусе“ слова „государь“ в Псковской Правде, то этот привкус в Правде более, чем в каком либо другом памятнике, будет именно частно-правовой, а не политический. Неужели же, в самом деле, можно думать, что плотник, нанимающийся у хозяина сделать какую-нибудь плотничную работу по письменному договору или по словесному соглашению, или наемный на срок дворовый работник, или человек, снимающий квартиру у домовладельца, становится к хозяину в какие то сеньериальные отношения? Неужели они становятся его подданными? И, если итти дальше, то почему же огородник, снявший, напр., огород у домовладельца при его городском доме, делается его подданным и вступает к нему в сеньериальные отношения, а ведь съем огорода мыслим именно гораздо более в городе, чем в отдаленном от города деревенском имении? Не ближе ли будет к действительности видеть во всех этих отношениях: и в отношениях ремесленника и дворового работника к нанимателю, и в отношениях квартиранта к домохозяину и съемщика огородного участка к землевладельцу — свободный договор, и подразумевать здесь сеньериальные отношения не значит ли излишне осложнять простое, всем знакомое и понятное житейское явление чрезмерной эрудицией в средневековом праве? И даже присматриваясь к тексту приведенных статей с внешней стороны, если термин „государь“ в последовательном ряде статей 39, 40 и 41, где идет речь о плотниках и наемных работниках, мы толкуем в частно-правовом смысле, то почему вдруг в статье 42, где говорится об изорниках, рыболовах и огородниках, мы будем толковать слово государь в смысле публично-правовом и ощущать в нем тот особый „привкус“, которого не ощущаем в предыдущих статьях?

3.

Но вернемся к учениям нашего автора. По его взгляду, у землевладельца с изорником, огородником и котечником не отношения свободного договора,—на что, казалось бы, уполномачивает приведенная выше ст. 42-а, говорящая о совершенном равноправии сторон при отказе — а отношения подданства. Изорник, огородник и рыболов—не простые арендаторы полевых, огородных и рыболовных участков, а подданные своих землевладельцев — государей. Вступление в подданство, по утверждению П. А. Аргунова, совершается посредством п о к р у т ы.

Над термином „покрута“ особенно много поработала предыдущая литература. Последнее слово в выяснении его принадлежит П. Е. Михайлову, наиболее внимательно и подробно на этом выяснении остановившемуся в своей книге. П о к р у ч а т ь значит снабжать, снаряжать. Под покрутою

П. Е. Михайлов понимает особый специфический долг арендатора, отличающийся от обыкновенного долгового обязательства. Покрута—специальная форма возвратного беспроцентного пособия, подмога на обзаведение хозяйством и на ведение его, возвращаемая только тогда, когда прекращается аренда, когда государь и арендатор становятся друг другу чужими. При наличности арендной связи покрута не возвращается, потому что она одинаково необходима, как для арендатора, не могущего без нее устроить и вести свое хозяйство, так и для государя, который заинтересован в лучшей постановке и ведении хозяйства.[19]

К этому взгляду на покруту, как на беспроцентную подмогу, я предложил поправку, ссылаясь на статью проф. Загорского, который, изучая историю землевладения соседней с Псковскою землею Шелонской пятины в XV веке, привел целый ряд случаев подмоги, данной крестьянам новгородскими землевладельцами еще до московской конфискации и по которой крестьяне должны были платить рост.[20] В виде предположения я указывал, что процентная подмога землевладельцев крестьянам в Шелонской пятине — явление, возникшее до московского завоевания, старинное и обычное, может быть, было нечуждо и соседней с Шелонской пятиной Псковской земле, по климатическим, почвенным и всяким иным природным и хозяйственным условиям ничем не отличающейся от прилегающих местностей Шелонской пятины.[21]

Подмога на обзаведение хозяйством и на ведение его выдавалась деньгами и хлебом; она могла, конечно, состоять и из других предметов хозяйственного инвентаря, напр., скота и орудий, но Псковская Правда упоминает только о подмоге деньгами и хлебом.

> 44. „А государю на изорники или на огородники, или на кочетники волно и взакличь своей покруты сочить: серебра и всякой верши по имени или пшеницы ярой или озимой, и по отроку государеву или самъ отречется".[22]

Выдача подмоги может быть сделана с составлением при этом особого письменного акта, „записи", которая в случае иска о покруте, предъявляемого землевладельцем к крестьянину, должна была быть представлена в суд; но подмога могла быть выдана и без записи, могла быть словесной сделкой, и в этом состояло одно из отличий покруты от обыкновенного

---

[19] Михайлов, op. cit., стр. 95, 99.

[20] Загорский, История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веках — Журн. Мин. Юст. 1909 г., кн. 9, стр. 315—318.

[21] Богословский, op. cit., стр. 34—35.

[22] Текст приводим с необходимыми поправками. Под вершью разумеем хлеб, жито. Богословский, op. cit., стр. 35 — 36. Землевладелец может искать выданной подмоги: денег и всякого хлеба, обозначая, какого именно. При исках Псковская Правда непременно требует точного перечисления отыскиваемых предметов по имени, не допуская иска „безимено". Ст. 19.

займа, при заключении которого на сумму выше рубля Псковская Правда непременно требовала письменного документа.[23] Словесная сделка о покруте допускалась, очевидно, при простых деревенских отношениях, при трудности составления в деревне письменных документов вследствие отсутствия грамотных людей и при известности деревенскому миру всего в его среде происходящего, между прочим, и всяких сделок, совершаемых его членами. Поэтому Правда допускает иск о покруте и взаключь, т.-е., на основании словесного заявления без письменного документа. Таково было учение о покруте до появления в свет статьи П. А. Аргунова.

Нечто гораздо большее, чем простую хозяйственную подмогу, видит в покруте П. А. Аргунов. Прежде всего, анализируя ее, он находит в ней очень сложную юридическую сделку, целый комплекс договоров. „Если применить термины современного гражданского права", пишет он на стр. 24, „то в покруте получим сложное юридическое образование. В самом деле, если поряжаясь изорник получал от государя в пользование землю и строения—это была аренда (locatio conductio rei); если при этом он получал на время работ соху или телегу с лошадью или без нее, то это был договор ссуды (commodatum), далее, получая семена с обязательством вернуть из урожая, изорник заключал договор займа (mutuum); наконец, обязавшись исполнять известные работы на государя за взятые у него деньги, изорник совершал договор личного найма (locatio conductio operarum)". „Очевидно", заключает автор, „что современный юридический язык уже бессилен дать одно определение такой группе договоров, которая Псковской Судной грамотой обнималась выражениями „быть в записи в покруте", „государева покрута". Все это очень тонко и расчлененно; нам только представляется неправильным вдвигать в понятие покруты также и понятие аренды, т.-е., съем самого земельного участка и строений, ибо, продолжаем на этом настаивать, можно себе представить такой съем и без покруты, т.-е., без хозяйственной подмоги, хотя бы, напр., тогда, когда она, по выражению П. А. Аргунова, уже зажита или отработана изорником (26). „Покрута",продолжает наш автор, характеризуя ее, это „основа отношений между изорником и государем, их главная скрепа, держава (употребляя термин строителей, а не публицистов). Быть в покруте, это и значило для изорника войти в строй сеньериальных отношений" (24). П. А. Аргунов серьезно сомневается, могли ли без покруты существовать какие-либо „правоотношения между изорником и государем, достойные внимания нашего памятника" (24). Покрута, читаем еще далее (25)—нечто основное, исходный пункт для установления сеньериальной зависимости, „дверь, через которую изорник входил в подданство своему государю".

---

[23] Ст. 30. „А кто иметь давать серебро в заимъ, ино дати до рубля безъ заклада и безъ записи, а больши рубли не давати безъ заклада и безъ записи".

Установив такую характеристику покруты, П. А. Аргунов дает очень своеобразное толкование статье 51 Правды, напрасно отождествляя встречающееся в этой статье выражение „на селе сѣдѣлъ“ с выражением „быть в покруте“. Взглянем пристальнее на эту статью.

> 51. „А коли изорникъ имет запирается у государя покруты, а молвитъ такъ: у тебе есми на селѣ живалъ, а тебѣ есми не виноватъ, іно на то государю тому поставить люди сторонніе человѣки 4 і 5, а тымъ людемъ сказати какъ прямо предъ Богомъ, какъ чисто на селѣ сѣдѣлъ, ино государю правда давши взять свое, или изорнику вѣрить, то воля государева. А толко государь не поставитъ людей на то, что изорникъ на селѣ седѣлъ, ино тотъ человѣкъ покруты своея не доискался“.

Постановление, очень на наш взгляд казуальное, имеющее в виду один очень частный случай, касается иска о покруте и предусматривает при этом такую возможность, что изорник, запираясь в получении покруты от государя, станет ссылаться на то, что он у землевладельца не был крестьянином, съемщиком участка земли, а просто „живал“ у него, т.-е., проживал в имении государя, не снимая у него пахотного участка. Случаев такого живания в имении землевладельца не мало приведено в книге М. А. Дьяконова „Очерки из истории сельского населения“. Это было проживание „добровольно“, „без крепости“ или „добровольно без крепости“, как говорили о себе такие люди. Дьяконов говорит о пестрой группе, куда входили разные работные люди, которые проживают, как они показывают о себе, „переходя у всяких чинов людей по деревням, наймаючись в годы на работы“, живут „в бобылкѣх из найму“, „кормятся переходя работою своею в разных мѣстех у всяких чинов крестьян по наймом, живучи по подсосѣдью“. Вольные люди могли наниматься на работы у крестьян, сидевших в имении, и проживать у них на квартирах—„по подсоседью“. Вот примеры. В 1690 г. поряжавшийся в Троице-Сергиев монастырь в крестьяне выходец показывал о себе, что он втечение 20 лет „живал“ добровольно для работы у крестьянина того монастыря Никиты Бухвостова, постригшегося потом в монастырь под именем Никандра. В 1694 г. вольный человек Мартынка показывал, что он „жил добровольно“ в Новгородском уезде за Тарасьем Карповым сыном Балкашиным, „а крепостей никаких у меня Мартишка на себя и на жену, и на детей своих ему Тарасью не дано и подмоги у него ничего не имал“.[24] Вероятно, один из таких случаев и разумеет ст. 51 Псковской Правды. Землевладелец предъявляет иск о покруте, а ответчик отпирается, указывая, что он на селе живал вольным человеком, может быть, у кого либо из его крестьян, не вступая ни в какие обязательства с землевладельцем и подмоги у него не брал.

В случае запирательства, подкрепляемого такой ссылкой, статья 51 расчленяет вопрос на два вопроса и соответственно этому устанавливает

---

[24] Дьяконов, op. cit., стр. 106, 109.

два момента дальнейшего процесса, а именно: во-первых, государь должен доказать, что изорник не просто у него на селе живал, а снимал у него участок земли, „на селѣ сѣдѣлъ“, был его крестьянином; для этого он должен был привести четверых или пятерых сторонних людей, свидетелей, представителей мира, которые могли бы показать, что, действительно („как чисто“), ответчик „на селѣ сѣдѣлъ“, имел оседлость, снимал участок. Это значило, что искать покруты можно было только с крестьянина, а не с человека, случайно проживавшего на селе. Если показанием приведенных свидетелей ссылка ответчика была поколеблена, если было доказано, что он „на селѣ сѣдѣлъ“, тогда возникал другой вопрос: получал ли он подмогу. Этот вопрос решался другой формой процесса, именно присягой, крестоцелованием, которое в первую очередь предоставлялось дать землевладельцу - истцу и от него уже зависело поцеловать крест самому или же предоставить присягнуть изорнику. Из этой статьи, как видим, нельзя еще заключать о тождестве выражения „на селѣ сѣдѣти“ и „быть в покруте“, можно представить себе случай сидения на селе и без покруты. Если бы выражение „на селѣ сѣдѣти“ совпадало с выражением „быть в покруте“, если бы эти выражения были равнозначащи, то зачем бы статье 51 расчленять вопрос на два вопроса и процесс на два момента? Доказано, что на селе сидел, значит, по теории П. А. Аргунова, был в покруте, стало быть и взыскивай покруту сейчас же непосредственно. Нельзя понимать дело так, что наличие покруты устанавливалось первым моментом процесса, показанием свидетелей, а крестоцелованием определялся только размер покруты, цена иска, как это думает П. А. Аргунов. Спорный предмет — цена иска выяснялась и устанавливалась на судоговорении разного рода доказательствами: показанием истца, показаниями свидетелей, на которые делал возражения ответчик. При таком установлении цены иска должно было быть некоторое соглашение сторон. Не представляем себе, как могло быть иначе, как можно было устанавливать цену иска, выраженную цифрами, поцелуем креста. Крестоцелованием не цена спорного предмета определялась, а утверждалось самое право на спорный предмет в выяснившемся перед тем на судоговорении размере. Спорный предмет, напр., деньги в определенной сумме или какая либо, вещь был иногда налицо в процессе и символически клался у креста—оттуда и выражение „у креста положить“; из-под креста он брался тою стороною, которая решалась поцеловать крест.[25] В Псковской Правде, кроме статьи 51, есть еще несколько статей о взыскании землевладельцем покруты с изорника или с его наследников, это— статьи 76, 93, 84, 85, 86, и ни в одной из них не говорится о том, чтобы размеры покруты определялись крестоцелованием. В статье 51 крестоце-

---

[25] I Судебник, ст. 48: „у креста положить, чего на немъ ищутъ“; 58. II Судебник, ст. 27.

лованием устанавливается или отвергается самый факт получения или неполучения покруты и соответственно с этим утверждается или отрицается право землевладельца на возвращение подмоги из имущества ответчика. Само собою разумеется, как правильно признает и П. А. Аргунов, в статье 51 речь идет о покруте, выданной без записи. Если бы такая запись существовала, не могло бы быть спора ни о сидении на селе, ни о получении покруты, ни о ее размере.

Но Правда, как уже было сказано выше, знает также и другие случаи, именно когда подмога обеспечивалась письменным документом, „записью". Вот такие упоминания:

> 93. „А у кого стулится должникъ в записи, а на зарокъ не станетъ, или изорникъ в записи будетъ, а учнетъ тулится, а что учинится проторы или приставное, или заповѣдь, ино все платить виноватому, кто тулится, и желѣзное".

И еще яснее:

> 85. „А у которого человѣка у государя изорникъ помреть в записи въ покрути, а жена у него останется и дѣти не въ записи, ино (так исправляем вместо читаемого в тексте: новзоно) изорничи женѣ и дѣтемъ откличи нѣтъ отъ государевѣ покруты, а та имъ покрута платитъ по той записи; а будетъ не въ записи былъ изорникъ, ино ихъ судити судомъ псковской пошлинѣ".

В этих статьях, как видим, Правда различает запись от самой покруты, которую запись обеспечивает, но которая может быть выдана и без записи. Покрута и обеспечивающая ее запись — это два реальные понятия, обозначаемые двумя различными терминами. Между тем, одним из оригинальнейших воззрений П. А. Аргунова является то, что он эти два термина: „запись" и „покрута" сливает в один: „запись-покрута" и, таким образом, составляет совершенно новое и неизвестное Правде понятие, неясно, для чего собственно нужное, разве только для того, чтобы конкретнее изобразить в нем „дверь, через которую изорник входил в подданство своему государю". На стр. 39 П. А. Аргунов почему-то еще снабжает свою „запись-покруту" эпитетом „кабальная". „Изорник", говорит он, „через кабальную запись-покруту или устный ряд-покруту вступал в село государя". Этот эпитет „кабальная" употребляется в разбираемом случае совершенно напрасно. Если автор берет его здесь для того, чтобы сблизить запись-покруту с обыкновенной заемной кабалой, то это идет вразрез с его представлением о записи покруте, как об акте подданства; если же он хочет сблизить этим эпитетом запись-покруту с другого рода кабалой, так называемой „служилой" кабалой, „за рост служити", то это была бы недопустимая ошибка. Так что совершенно неясно, для чего этот эпитет употребляется автором.

Об этой небывалой на деле и придуманной П. А. Аргуновым „записи-покруте" он очень много говорит на страницах 27, 29, 34. Разбирая при-

веденную выше статью 85, он пишет: „В этой статье речь идет об ответственности прямых наследников умершего изорника по его обязательствам. Здесь остановлюсь лишь на роли записи-покруты. Что такое эта запись-покрута? На этом вопросе исследователи, к сожалению, не останавливались, как и над всей статьей 85. Напр., Богословский ограничивается простым переводом статьи, из которого, впрочем, следует, что запись-покруту он понимает, как ссудную запись". Заметим, что упрек автора исследователям, не останавливавшимся на вопросе о записи-покруте, сделан напрасно, ибо как могли исследователи анализировать понятие „запись-покрута", несуществующее в Правде и впервые изобретенное П. А. Аргуновым? О записи же и о покруте, о каждой в отдельности, исследователи достаточно говорили. В частности, автору не нравится употребленный мною термин „ссудная запись"; не стою непременно за него, предлагаю другое выражение, напр., „запись, обеспечивающая подмогу", но думаю во всяком случае, что запись при сделке покруты—письменный документ в том же роде, как и тот, который составлялся при заключении обыкновенной долговой сделки, т.-е., письменный документ, обеспечивающий обыкновенную гражданскую сделку и никакого политического значения неимеющий.

Против моего термина „ссудная запись" П. А. Аргунов выдвигает следующее соображение: „Но почтенный исследователь", пишет он, „не задался вопросом, каким образом в обычную „ссудную запись", т.-е., в записку о том, что такой-то взял у такого-то столько-то и на такой-то срок, могли попадать жена и дети. Насколько представляю себе „свободные арендаторские отношения", не может быть такого казуса, чтобы ответственность по ссуде, формальный документ распространялся на жену и детей лица, ссуду взявшего". Свободные арендаторские отношения, возразим мы автору, это одно, а запись о взятии подмоги, это совсем другое. Могли быть арендаторские отношения и без ссуды, могли быть и со ссудой. В тот и другой договоры: и об аренде, и о ссуде могли быть включаемы вместе с главою семьи и другие члены семейства, на которых в таком случае распространяются обязательства договора. Чтобы подкрепить это положение, приведу конкретные примеры коллективного обязательства членов семейства, порядившихся к помещику в крестьяне и коллективной же ответственности их за взятую ссуду, в том числе несколько примеров, относящихся к Псковской же земле.

„Се язъ Иванъ Павловъ сынъ прозвище Селиванковъ, пашенной волной человѣкъ, съ своими съ родными дѣтьми: съ Ивашкомъ да съ Ульяшкомъ, да съ Ивашкомъ порядились есмя во крестьяне за пусторжевского помѣщика за Ооонасья Иванова сына Дубровского въ Пусторжевской уѣздъ, въ Острейской станъ въ Веснеболотцкую волость, на деревню Мутовузово в готовые хоромы на лготу на три годы съ нынѣшняго 144 году впредь. А живучи мнѣ Ивану с дѣтьми своими за нимъ Ооонасьемъ во крестьянехъ на той деревнѣ Мутовузовѣ въ тѣ лготные лѣта дворъ крестьянской постраивать и пашня перелож-

ная роспахать и изгороды роскласть и пожни росчистить. А взялъ язъ Иванъ съ дѣтьми своими у него государя своего у Ооонасья Ивановича Дубровскаго подмоги хлѣба 5 четей ржи, 5 четей ярового всякого сѣмянного хлѣба, да двое лошадей: меринъ гнѣдъ 7 лѣтъ, цѣна 5 рублевъ, кобылу коуру осми лѣтъ, цѣна 6 рублевъ, да корову буру, цѣна 2 рубля, двое овецъ, цѣна 4 гривны, да двое свиней, цѣна рубль. И мнѣ Ивану съ дѣтми своими за нимъ Ооонасьемъ по сей порядной записи жити во крестьянехъ, тихо и кротко; и лготные лѣта выживъ государевы подати и его помѣщиковъ всякой доходъ платити и дѣло на его помѣщика съ его крестьяны всякое дѣлати, и отъ его отъ Ооонасья никудѣ во крестьяне не сойти за инѣхъ помѣщиковъ, ни во дворецъ, ни за монастыри, ни за церкви, ни въ закладчики ни за кого. А будетъ язъ Иванъ съ своими дѣтми съ Ивашкомъ да с Омелкою да съ Ивашкомъ за нимъ государемъ своимъ за Ооонасьемъ Ивановичемъ Дубровскимъ по сей порядной записи не учну во крестьянехъ жити, или пойду изъ-за него Ооонасья куде вонъ во крестьяне или не учну всего того делати, что въ сей порядной записи писано, и ему Ооонасью на мнѣ Ивашкѣ и на моихъ детехъ на Ивашкѣ да Омелке, да на Ивашкѣ по сей моей порядной записи взяти подмога вся сполна, да ему жъ Ооонасью на мнѣ Ивашкѣ и на дѣтяхъ моихъ взяти заряду денегъ 5 рублевъ. А впредь язъ Иванъ съ своими дѣтьми ему Ооонасью по сей порядной записи во крестьянствѣ крѣпокъ. Да въ томъ язъ Иванъ съ дѣтми своими ему Ооонасью на себя сію порядную и запись далъ".[26]

Приведенный документ говорит не только о поряде во крестьянство, которое по взгляду П. А. Аргунова есть подданство, но и о ссуде. Обязательства того и другого договора — и о крестьянстве, и о ссуде — распространяются не только на отца, но и на детей. Это и есть случай включения детей в запись, обеспечивающую подмогу, подобный тому, о котором говорится в ст. 85 Псковской Правды. Приведу еще случай, где имя жены крестьянина включается в ссудную запись и именно в ссудную запись, вид акта, относительно которого П. А. Аргунова особенно тревожат сомнения.

„Се азъ Павелъ Олексѣевъ сынъ Макарьева, государевъ волной человѣкъ, родиною Великаго Новгорода, а пришелъ въ Бѣжецкой Верхъ тому нынѣ пошелъ другой годъ, и пришедъ въ Бѣжецкомъ Верху порядился во крестьяне за Петра Прохорова сына Милюкова въ село Черемисы, и женился у него на дворовой его старинной дѣвкѣ Еленѣ Борисовѣ дочери Яковлева, и женяся жилъ за нимъ государемъ своимъ по се число, а ссудной выписи на себя не давалъ И нынѣ взялъ есми з женою своею Еленою у него государя своего денегъ на платье и на дворовую ссуду, и лошади, и корову, и мелкой скотины и хлѣба всякого, всего въ цѣну на десять рублевъ; а жити мнѣ Павлу Алексѣеву сыну Макарьева и съ женою своею съ Еленою во крестьянѣхъ за государемъ своимъ за Петромъ Прохоровичемъ Милюковымъ и живучи всякое издѣлье на него государя своего делать и оброкъ ему платить со крестьяны вмѣстѣ, и изъ за государя своего ни за кого не выдти, и ни за кого жъ не заложитца и не збѣ-

---

[26] Дьяконов, Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, I, № 22. Другие примеры там же: № 23 — вдова с детьми, № 30 — мать с сыном, № 34 — вдова с детьми; все случаи относятся к Псковской земле. Ср. А. Ю. №№ 180, 183, 189, 190, 191, 194.

жати, и государя своего ссуды не снести. А не учну я Павелъ Олексѣевъ сынъ Макарьева з женою своею съ Еленою Борисовою дочерью за государемъ своимъ за Петромъ Прохоровичемъ во крестьянѣхъ жити и издѣлья дѣлати и оброку со крестьяны вмѣстѣ платити, или збѣжимъ или за кого порядимся жить, и государя своего ссуду снесемъ, и на мнѣ Павлѣ Алексѣевѣ сынѣ Макарьева и на женѣ моей взяти государю моему Петру Прохоровичю та своя ссуда вдвое, а крестьянство крестьянствомъ. Въ томъ язъ Павелъ Олексѣевъ сынъ Макарьева на себя и на жену свою Елену Борисову дочь государю своему Петру Прохорову сыну Милюкову и сію ссудную запись далъ. А на то послухи: Городецкіе площадные подъячіе Иванъ Ивановъ сынъ Четвертова, да Тимоѳей Ивановъ сынъ Денисова. А ссудную запись писалъ Городецкой же площадной подъячей Ивашко Денисовъ лѣта 7169 (1661) марта двадесятъ осмый день".[27]

Заметим кстати, что П. А. Аргунов напрасно сомневается относительно возможности включения членов семейства — жены и детей — в обычные заемные кабалы. Случаи такого включения можно подтвердить документально, и, конечно, такого рода заемные кабалы распространяли ответственность по взятой ссуде на вписанных в кабалу жену и детей лица, ссуду взявшего. Вот примеры:

„Се язъ Прибылой Павловъ сынъ да своею женою с Овдотіею с Даниловою дочерію занялъ есмя у Григорья у Иванова сына Охлебинина четырнадцать рублевъ денегъ без четверти Московскихъ ходячихъ отъ Оспожина заговинія да до мясного заговенія великого, без росту; а полягутъ денги по сроцѣ, и намъ ростъ давати, какъ идетъ в людѣхъ, на пять шестой по росчету... А въ сребрѣ есмя и въ ростѣ и съ дворомъ (заклад, которым был обеспечен заем) одинъ человѣкъ, кой насъ заимщиковъ въ лицѣхъ, на томъ денги и ростъ, не розвычивая (т.-е., не разделяя между мужем и женою по долям)... гдѣ ся кабала насъ заимщыковъ ни застанетъ, тутъ свои денги правити любымъ приставомъ".[28]

„Се язъ князь Петръ княжъ Олександровъ сынъ Ухтомского, да своими дѣтми со княземъ Ѳедоромъ да со княземъ Иваномъ, заняли есмя у князя у Дмитрея да у князя Данила у княжъ Даниловыхъ дѣтей Ухтомского сто рублевъ (и) двадцать рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ, отъ Петрова заговійна до Рожества Христова; а в тѣхъ есмя денгахъ заложили свою вотчину село Семеновское да деревню Поляну... а полягутъ денги по сроцѣ... и кой насъ заимщиковъ въ лицѣхъ, на томъ денги и закладъ"...[29]

Из этих примеров П. А. Аргунов может видеть, что в „записку о том, что такой-то взял у такого-то столько-то и на такой-то срок", могли попадать жена и дети должника. Совершенно правильно наш автор рассуждает, что ответственность за подмогу с прямых наследников не снимается и тогда, когда изорник не был в записи; но с заключительными его словами, что

---

[27] Бѣлевская Вивліоѳика, издаваемая Н. Елагиным, II, прилож. II.

[28] А. Ю. № 243 I, 1562; тут же под цыфрою II другая заемная кабала той же супружеской четы.

[29] А. Ю. № 244, 1563 г.

запись-покрута была акт об отречении от своих прав в пользу государя, запись о подданстве, т.-е., документ характера столько же частно-правового, как и публично-правового,—согласиться не можем. Думаем вопреки автору, что запись о взятой подмоге, насколько говорит о ней Псковская Правда, была актом только частно-правового характера, и включение в нее жены и детей изорника делалось для того, чтобы распространить на них ответственность за долг мужа и отца, а вовсе не для того, чтобы вводить их в подданство землевладельцу.

Неверное толкование П. А. Аргуновым статьи 63 Правды очень путает его объяснения относительно взыскания покруты. Эту статью,[30] гласящую, что в случае отрока со стороны ли изорника или со стороны государя „государю взять у него все половину своего изорника, а изорнику половину", П. А. Аргунов понимает так: при отроке у изорника отбирается половина его имущества. — „Отречение в пользу государя от половины имущества — это была", как говорит автор, „цена отрока, какою получалась независимость отрекшегося от данного государя или, выражаясь в терминах феодального строя, пошлина за выход из подданства" (26). Посмотрим, к каким последствиям в случае взыскания покруты приводит такое толкование статьи. При отроке взыскана уже государем с изорника половина имущества, как пошлина за выход из подданства. Из оставшейся половины имущества предстоит взыскивать еще покруту. А, между тем, в Правде есть довольно ясное указание, что размеры покруты бывали таковы, что превышали не только половину, а даже и в с е имущество изорника, как это видно из ст. 76, вероятно, отражавшей действительное положение вещей.

> 76. „А которой изорникъ с села збежитъ за рубежъ или индѣ гдѣ, а изорничъ животъ на сели останется государю покрута имать на изорники ино государю у князя и у посадника взять приставъ, да и старость губьскихъ позвати и сторонних людей, да тотъ животъ изорничъ предъ приставы и предъ сторонными людми государю попродати да и поимати за свою покруту, а ч е г о н е д о с т а н е т ъ, а по томъ времени явится изорникъ, ино государю доброволно искать о с т а т к а с в о е г о п о к р у т ы, а государю пени нѣтъ, а изорнику на государи живота не сочитъ".

Итак, в статье этой говорится, что если изорник сбежит, оставив свое имущество на селе, а государю предстоит взыскивать с него покруту, то государь обращает это взыскание на оставшееся имущество изорника и берет его за данную ему покруту. „А ч е г о н е д о с т а н е т", добавляет далее статья, а изорник объявится, то государь может части подмоги, не покрытой имуществом изорника, искать в дальнейшем на нем самом. Очевидно, что здесь имеем случай, когда подмога не покрывалась всем имуществом изорника; очевидно также, что толкование статьи 63, даваемое автором в том смысле, что половина имущества изорника взимается за

---

[30] См. выше, стр. 31.

отрок, а другая половина идет на уплату покруты, невозможно. С убегавшего, но потом объявившегося изорника государь ищет покруты; но Правда совершенно не говорит о том, что государь искал с него еще половины имущества в качестве пошлины за выход из имения, за прекращение подданства. Думаем, что такая половина в виде пошлины и вообще никогда не взыскивалась. Я сделал попытку[31] дать другое объяснение ст. 63, предлагая толковать эту чрезвычайно неясную и какими-то нам теперь непонятными намеками выраженную статью так, что дело идет в ней о разделе пополам не всего изорничьего имущества, а только остающегося в земле после ухода изорника озимого хлеба, и подкрепляя это толкование ссылкой на некоторые акты, касающиеся поземельных отношений у северных крестьян и на Судебник 1589 г. Мне казалось, что на урожай с озимого поля обе стороны имели право: землевладелец — потому, что хлеб посеян на его земле, а уходящий изорник — потому, что на озимое поле затрачен его труд. Закон и устанавливает раздел этого урожая пополам. Мое объяснение кажется П. А. Аргунову неприемлемым. Не буду его навязывать, но замечу что и предлагаемое нашим автором толкование статьи 63, по которому половина всего имущества изорника взимается, как пошлина за отказ от подданства, а другая половина взыскивается в погашение покруты, являющейся, по взгляду автора, также актом подданства или дверью к нему, — совершенно невозможно. Будем ожидать более удачной разгадки этой таинственной статьи.

Итак, в покруте, насколько на нее намекает Псковская Правда, — в Правде мы не найдем сколько-нибудь подробного описания этого института, а только некоторые намеки на него — будет ли это случай покруты, как словесной сделки, сопровождается ли выдача покруты письменным документом, ни в том, ни в другом случае мы не видим решительно никаких признаков отношений подданства. Это — долговое обязательство, которым могло сопровождаться вступление в крестьянство, могло и не сопровождаться. В „Актах Юридических“ напечатано несколько порядных XVI в. в крестьяне и в рыболовы, где ни о какой подмоге или ссуде совсем не упоминается.[32] Если вступать в крестьяне или рыболовы без подмоги можно было в XVI веке, почему не могло быть того же в эпоху Псковской Судной грамоты в XV и XIV вв.? Правда, покрута, как долговое обязательство, отличалась некоторыми особенностями от обыкновенного долгового обязательства: во-первых, она была бессрочной и взыскивалась только с прекращением аренды; во-вторых, превышая сумму рубля, она все же могла оставаться словесной сделкой, тогда как обыкновенные долговые обязательства в этом случае должны были быть письменными, в-третьих, указаны случаи ее упрощенного взыскания,

---

[31] Op. cit., стр. 26.
[32] А. Ю. №№ 176, 177, 179, 180.

какого не производилось по обыкновенным долговым обязательствам. Но такое специально крестьянское долговое обязательство, ставя, конечно, крестьянина в долговую зависимость от землевладельца кредитора, понижая его правовой уровень сравнительно с уровнем землевладельца,—как и вообще понижался такой уровень всякого должника сравнительно с кредитором, создавая, по верному выражению П. А. Аргунова, для изорника „умаленную правоспособность“,[33] колебля не в пользу крестьянина то равновесие, которое заметно между государем и изорником в статье 42-а, — все же, однако, не создавало еще никакого политического подданства между крестьянином и землевладельцем, каких-либо отношений, подобных тем, которые создавались закладничеством, когда закладывавшийся за кого-либо разрывал свое отношение к государству и становился подданным, как бы вассалом того, за кого закладывался, подлежал его юрисдикции и нес ему повинности. Некоторое подобие вассалитета создавала также „кабала за рост служити“, по которой слуга также разрывал с государством и становился „человеком“ (homo) своего кредитора, подлежащим его юрисдикции. Никакого разрыва псковского изорника с государством по Псковской Правде не заметно. В статье 93, гласящей:

> 93. „А у кого стулится должникъ в записи, а на зарокъ не станетъ, или изорникъ в записи будетъ, а учнетъ тулится, а что учинится проторы или приставное, или заповѣдь, ино все платить виноватому, кто тулится, и желѣзное“.

В этой статье Псковская Правда сближает изорника, не уплачивающего покруты, с обыкновенным должником, ставит их в одно положение и говорит об одинаковой их ответственности за происходящие от их укрывательства и при их задержании убытки. По взгляду П. А. Аргунова (26), покрута могла изорником отрабатываться, быть погашаема отработкой. Что же, спросим мы, при такой обработке покруты становилось с подданством? Надо ли понимать дело так, что постепенно, по мере того, как погашалась отработкой покрута, погашалось и самое подданство и сводилось совсем к нулю, когда покрута была вся отработана? Наконец, вяжутся ли с понятием подданства и проценты, если их приходилось платить за взятую подмогу, как это приходилось делать крестьянам в Шелонской пятине XV века и, может быть, и в Псковской земле? Не вернее ли будет видеть в покруте долговое обязательство, специальное, крестьянское, отличающееся некоторыми особенностями от обыкновенного долгового обязательства, но все же остающееся частно-правовой сделкой, не выходящей за пределы гражданского права и не создающей какого-либо подданства?

---

[33] Op. cit., стр. 33.

4.

Наконец, и самая та обстановка, в какой в некоторых случаях взыскивалась государем покрута, не располагает нас видеть между псковскими землевладельцами и изорниками сеньериальных отношений. Сеньер, и в этом существенный признак этого понятия, обладает по отношению к жителям своей земли политическими правами суда и полиции. Посмотрим, в каком положении был сеньер относительно изорника при взыскании покруты.

Приведенная выше[34] статья 76 дает случай, когда изорник сбежит, не рассчитавшись с землевладельцем, в том числе не уплатив ему и покруты. Землевладелец, удовлетворяя свои претензии, обращает взыскание к оставшемуся имуществу изорника. Если бы, действительно, он был государем, обладавшим правами суда и полиции, то он сам брал бы в удовлетворение своих претензий соответствующую часть имущества изорника, тем бы все и кончалось. На самом же деле все должно было происходить совершенно не так. Сам государь изречь свой суд и проявить исполнительную деятельность в этом случае не может; он обязан обратиться к публичной власти — а это и значит, что он сам не публичная власть — к князю и посаднику, взять у них пристава, пригласить еще и местную публичную власть: старост губских и при них в присутствии сторонних людей, как свидетелей, продать имущество изорника и взять вырученное в удовлетворение своих претензий. П. А. Аргунов видит юрисдикцию государя в том, что он сам „объявляет себя кредитором бежавшего, сам определяет сумму претензии, сам признает собственную претензию подлежащей удовлетворению“. Мне кажется, наоборот, что здесь никакой юрисдикции государя над изорником не заметно. В том, что государь сам определяет размеры своей претензии, еще нет его юрисдикции: размеры эти, конечно, хорошо известны тому деревенскому миру, откуда бежал изорник; мир прекрасно знает, сколько бежавший остался должен государю, тайн в деревне нет; размеры долга известны и свидетелям, присутствующим при ликвидации имущества бежавшего, являющимся представителями мира. Претензии землевладельца и не могут выйти за пределы размеров, хорошо известных миру. Дальнейшее положение П. А. Аргунова, что государь сам „руководит приведением в исполнение собственного решения по своему иску“, считаем весьма спорным. Зачем же тогда было обращаться к князю и посаднику и брать от них пристава, как раз именно исполнительного агента, который и был, конечно, действовавшею в разбираемом случае исполнительною полицейскою властью. Если бы землевладелец, как он изображается в Псковской Правде, был сеньером, обладавшим правами суда и полиции, он, разумеется, не

[34] Стр. 45.

обязан был бы брать при взыскании имущества своего крестьянина полицейского агента-пристава. Московский вотчинник XVII — XVIII вв., настоящий сеньер, действительно, обладавший правами суда и полиции над своими крестьянами, этого и не делал; он сам судил своих крестьян и сам приводил свои решения в исполнение. П. А. Аргунов видит в этих условиях призыва пристава, местных властей и свидетелей регламентацию, т.-е., некоторое ограничение сеньериальных прав (38). В этом случае мы очень разойдемся, потому что мне всегда казалось, что сеньериальные права вотчинника над его крепостным в нашей истории до конца XVIII в. идут не на убыль, а на прибыль; крепостное право у нас за этот период не умалялось, а росло и развивалось.

Да если бы действия государя при взыскании своей покруты с имущества бежавшего или умершего изорника были и более самостоятельны, если бы он совсем обходился без обращения к князю и посаднику и без участия государственного исполнительного агента-пристава, то и тогда эта самостоятельность сама по себе не обозначала бы еще сеньериальных отношений. В древнем процессе потерпевшая сторона является очень активной. В Русской Правде она обходится очень часто без содействия публичной власти, она сама отыскивает и взыскивает похищенное, в одних случаях непосредственно отбирая отысканную вещь, в других устраивая свод, сама преследует похитителей, сама задерживает неплатящего должника и т. д. Это все еще переживания более древнего самоуправства, поставленные теперь только в некоторые определенные формы. В разобранном случае действия государя по отношению к изорнику были не более сеньериальными, чем подобные же действия всякого обыкновенного кредитора по отношению к скрывающемуся должнику, как они изображаются в приведенной выше статье 93 Псковской Правды.

Мимоходом относительно только что рассмотренной статьи 76 заметим, что П. А. Аргунов (32) связывает ее со второю частью статьи 75: „А старому изорнику воси вести на государя“. Автор не согласен с предложенным в нашей литературе и весьма правдоподобным объяснением этой статьи М. Н. Покровского, по которому в статье говорится об обязанности „старого“, т.-е., бывшего, отрекшегося в Филиппово заговенье изорника дать подводы по зимнему пути для отвоза продуктов государя в город. П. А. Аргунов всецело примыкает здесь к толкованию Владимирского-Буданова, по которому эта обязанность „повоза“ была усилением строгости обязательств для изорника-старожильца. В связи, очевидно, с этой усиленной строгостью, надо полагать, отягощавшей изорника, П. А. Аргунов говорит о том, что, „старый“ изорник очень часто искал выхода из положения в неправомерном уходе от государя — „бегстве“. Мне кажется, наоборот, старый изорник, если под этим термином вместе с Владимирским-Будановым и Аргуновым понимать старожильца, должен был быть более неподвижен и менее склонен бегать,

чем новый, так как старость вообще менее подвижна, чем молодость; у старожильца должна была действовать сила приобретенной долгим временем привычки и развиваться своего рода инерция, заставлявшая его „сидеть на селе“ и не двигаться с него.

Не иначе, как через посредство таких же исполнительных полицейских агентов, а не самоуправно, обращает землевладелец на удовлетворение своих претензий имущество умершего изорника, у которого не осталось никаких наследников.

> 84. „А которой изорникъ поумреть у государя на сели, а не будетъ у него ни жены, ни детей, ни брата, ни племени, ино государю такожъ животъ изорничъ с приставами і и сторонними людми попродавать, да за свою покруту поимати, а по тому плямени изорничи, ни брату не сочитъ живота ізорнича“.

Но как только такие наследники оказались и приняли на себя наследство, государь ищет покруты с них в обыкновенном исковом порядке на публичном суде.

> 86. „А будетъ у зорника братъ или иное племя и за животъ поимаются, ино государю на нихъ и покруты искать; изорничю брату, изорничю племяни государя не татбитъ ни лукошки, ни кадки; а толко будетъ конь или корова, іно волно искати у государя“.

Если бы Правда представляла себе землевладельца, как сеньера по отношению к умершему изорнику, она не говорила бы о таком иске государя к его наследникам, потому что сеньер вообще обладал бы непререкаемыми правами на изорничье имущество. От его сеньериальной власти зависело бы тогда допустить или не допустить родню изорника к наследованию имущества умершего, и иск к этой родне для сеньера был бы немыслим, как немыслим был иск вотчинника XVIII — XIX вв. к наследникам имущества его крестьянина. Еще менее выступает землевладелец с качествами сеньера-государя во второй половине 86 статьи, где говорится, что изорничье племя не может искать с государя лукошек и кадок, т.-е., всякой крестьянской мелочи, обвиняя его в похищении их („татбитъ“). Статья допускает иски к землевладельцу только о крупных статьях крестьянского хозяйства, напр., о коне или корове — тогда „волно искати у государя“. Хорош сеньер-государь, которого закону приходилось оборонять от обвинений в хищении лукошек и кадок со стороны наследников его подданных и относительно которого приходилось делать оговорку, что ему „пени нет“, если он возьмет что-либо лишнее из имущества своего бежавшего изорника. П. А. Аргунов представляет себе почему-то псковских землевладельцев непременно, как „богатых и сильных“ сеньеров (36). Но у таких богатых и сильных землевладельцев какие же могли быть счеты с крестьянами о лукошках и кадках? Представить себе Шереметева или Куракина, тягающихся в XVIII или XIX веке с крестьянами о таких предметах! Нет, Правда имеет здесь в виду, вероятно, таких мелких землевладельцев, владельцев

небольших имений с одним, двумя крестьянскими дворами в 1, 1½ обжи, какие встречаются в новгородских писцовых книгах XV века.[35]

Самая эта возможность исковых процессов между землевладельцем и изорником, в которых тот и другой являются сторонами, не свидетельствует ли об отсутствии между ними сеньериальных отношений: подданства изорника и государственного властвования землевладельца? Это хорошо понимает П. А. Аргунов и поэтому так усиленно настаивает на том, что такие процессы возможны только после отрока изорника (29, 33 ad fin.). При сеньериальных отношениях, пишет он, „государь является судьей своих расчетов с подвластным ему населением, и никто из его подданных никакого иска к нему предъявить не в праве. Изорник лишь тогда приобретает право иска к государю (бывшему своему), когда получит отрок, т.-е., выйдет из зависимости от него и из состояния умаленной правоспособности". Об исках государя к изорнику после отрока говорят статьи 42-в, 44, 51. Но вот статья 87, в которой читаем:

> 87. „А изорникъ поимается за жывотъ у государя и государь изведется тѣмъ, за что изорникъ поимался за свой жывотъ у государя, а стороннымъ людемъ вѣдомо будетъ и околнымъ сусѣдомъ, што государево, ино изорникъ не доискался, а государь правъ".

В статье ни о каком отроке не говорится. П. А. Аргунов, став на ту точку зрения, что изорник есть подданный государя, уже из этого априорно взятого положения делает последовательный логический вывод, что подданный изорник не мог предъявлять иска к государю. „Спрашивается", пишет он, „возможен ли был такой спор между государем и изорником, пока они находились в отношениях до отрока? На основании своих толкований этих отношений отвечаю отрицательно: для таких домашних дел государь обладал достаточной юрисдикцией над зависимым от него изорником. Претензии изорника доходили до призыва окольных соседей и до суда лишь тогда, когда он становится независимым от данного государя, когда отрекся от него" (29). Толкование ст. 87, предложенное П. А. Аргуновым, является совершенно априорным, поэтому натянутым, тогда как с точки зрения свободных договорных отношений между хозяином и арендатором толкование ее гораздо проще. Арендатор заявляет претензию на какую-либо свою движимость, присвоенную хозяином, и статья указывает формы процесса при таком иске. У кодификатора, поместившего статью 87 рядом с предыдущей 86 статьей, была связь по ассоциации в ходе мыслей: ст. 86 определяет, каких движимых вещей изорничьему родственнику можно искать с государя (коня и коровы) и каких нельзя (мелких вещей, лукошек и кадок); ст. 87 говорит о том, как ищутся движимые вещи изорником с государя, именно, требуется удостоверение

[35] Богословский, op. cit., стр. 42.

свидетелей. Но речь идет здесь об иске изорника к государю. Возможно еще теснее связывать ст. 87 с предыдущею 86, усматривая между ними более внутреннюю связь. При принятии наследства умершего изорника его родственником мыслимы два случая: во-первых, этот родственник мог быть также изорником, сидевшим уже на своем участке; во-вторых, возможен случай, что этот родственник не имел раньше своего участка и, вступая в право наследства, садился на участок покойного, брался за продолжение его хозяйства, становился изорником того же землевладельца и мог, будучи уже таким изорником, отыскивать вещей с хозяина. Каких вещей, об этом сказано в статье 86, как должен был итти процесс в этом случае, об этом говорит статья 87. Даже и при умаленной правоспособности изорника-арендатора, умаленной его долговым обязательством к кредитору-хозяину по полученной от него покруте, иск изорника к хозяину вполне допустим: ведь: разрешает же Русская Правда закупу, полусвободному зависимому от господина человеку итти „к судиям“ жаловаться на господина. Упрощенность процесса между землевладельцем и изорником допускается здесь подобно тому, как упрощенный процесс „взакличь“ допускается для взыскания покруты.

Кстати, следует заметить, что П. А. Аргунов (28—29) почему-то не представляет возможным для отрекшегося изорника искать с землевладельца „взакличь“. Если статья 39 говорит об иске к „государю“ взакличь со стороны ремесленника или вообще наемного работника, то почему бы не подразумевать такого же права и для изорника? От молчания столь древнего и столь казуального юридического памятника, как Псковская Правда, о каком-либо праве нельзя еще заключать об отсутствии этого права. Правда могла не упомянуть о таком праве изорника просто потому, что ее составителю случайно не встретилось такого казуса, где бы такое право затрагивалось.

Итак, Псковская Правда в нескольких статьях (42-в, 44, 51) говорит об исковых судебных процессах между государями и изорниками после отрока. Такие процессы вполне понятны, если в основе отношений между государями и изорниками подразумевать частно-правовой договор аренды. Что может быть более естественным, чем споры между арендаторами и хозяевами при прекращении аренды? Из того, что Псковская Правда несколько статей посвящает таким спорам, можно заключать, что они были нередки. Но как представить себе частные исковые судебные разбирательства, если допустить между государями и изорниками публично-правовые отношения подданства? Выйти из подданства было вовсе не легко; такие случаи не могли быть часты; государь-сеньер едва ли склонен был охотно увольнять своего подданного из подданства и едва ли выпускал его без погашения всех обязательств; тогда о чем же было спорить? И что может быть более странного, чем государь, предъявляющий иск к подданному, только что освободившемуся из подданства?

5.

Таковы наши разногласия с П. А. Аргуновым. По его учению, термин „государь“ в Псковской Судной грамоте употребляется в публично-правовом смысле по отношению к „изорнику“ - подданному; на мой взгляд, этот термин в разбираемом памятнике имеет исключительно частно-правовое значение хозяина. В „покруте“ П. А. Аргунов видит источник отношений подданства изорника к землевладельцу; я же вижу в покруте подмогу, даваемую землевладельцем крестьянину на обзаведение хозяйством и на ведение его, долговое обязательство, от обычного долгового обязательства отличающееся некоторыми особенностями, а именно: оно, даже и превосходя сумму рубля, могло быть словесным, оно бывало бессрочным, взыскание по нему в некоторых случаях производилось особым упрощенным порядком. Подмога, взятая арендатором, нарушала несколько правовое равновесие между ним и хозяином, так ярко обозначенное в статье 42-а, и вызывала некоторое умаление правоспособности арендатора, но вовсе не создавала между ними публично-правовых отношений подданства. В обстановке, при которой производилось в некоторых случаях ее взыскание, П. А. Аргунов видит сеньериальную юрисдикцию государя, я же вижу обращение к государственным властям и только упрощенный порядок производства. Наконец, П. А. Аргунова не удивляют иски между государем и отрекшимся от него подданным; мне же они кажутся мало возможными. В своей заключительной главе „Аспект феодальных отношений“, резюмируя все сказанное в предыдущих главах, П. А. Аргунов усматривает три признака сеньериального строя деревни по Псковской Судной грамоте: во-первых, право государя на вотчинный суд и полицию, особенно право его на ликвидацию имущества изорника в случае бегства последнего или смерти без наследников; во-вторых, право государя на половину имущества изорника при совершении отрока, как формального акта выхода изорника из подчинения государю; в-третьих, право государя на участие в наследстве умершего изорника. На мой взгляд, мысль о праве государя на половину имущества изорника при совершении отрока основана на неверном понимании статьи 63; что же касается права на ликвидацию имущества изорника в случае его бегства или смерти без правопреемников, а также участия в наследстве, то это есть не более, как право упрощенного взыскания причитающейся землевладельцу покруты.

При всем том я нисколько не отрицаю сеньериальных отношений в древне-русской деревне, выражающихся в публично-правовом характере власти землевладельца, обладавшего правом суда и полиции относительно населения его земли. Право суда и полиции жаловалось землевладельцам вотчинникам и помещикам, и не только крупным, но и мелким, верховной властью; оно было одним из тех элементов, из которых складывалось крепостное право на крестьян. В особенности черты сеньерии можно наблю-

дать в тех волостях государственных крестьян, которые целиком бывали жалуемы землевладельцу: монастырю или служилому человеку, с передачей ему при этом в большей или меньшей степени государственных прав. Такой землевладелец, действительно, становился сеньером-государем в своем имении. Законодательство XVIII века стало употреблять даже термин „подданные“ для названия населения деревни по отношению к землевладельцу. На феодальные черты в истории России пролит достаточный свет, чтобы их теперь не замечать. В этом отношении можно и не разделять пессимизма П. А. Аргунова, звучащего в восклицании, которым заканчивается его статья: „да и вообще много ли сделано для изучения феодализма на Руси?“ Черты феодализма постоянно наблюдаются и отмечаются в новейших трудах по русской истории—только их следует искать там, где их можно найти. Труднее всего их можно отыскать в памятнике, отражавшем быт большого торгового города, где развитая торговля мешала возникновению феодальных отношений, устанавливавшихся в других местах Руси, которых не захватывали так интенсивно торговые обороты.

Несмотря, однако, на все мои расхождения с П. А. Аргуновым я должен отметить большие научные достоинства его работы: широту взгляда, солидную общую юридическую подготовку, обширную эрудицию по специальности и знакомство с ближайшей, относящейся к вопросу, литературой. Новый оригинальный взгляд на отношения между крестьянином и землевладельцем в Псковской Судной грамоте, кратко высказанный П. И. Беляевым, в работе П. А. Аргунова получил обстоятельное развитие. Пересмотр памятника с новой точки зрения, вообще, должен быть признан весьма полезным. Если новые взгляды не подтвердятся настолько, чтобы стать общепризнанными, они, благодаря возбуждаемому ими спору, помогут еще раз сделать проверку уже установившихся взглядов и сообщат более устойчивости старым позициям. Не со всеми предложенными П. А. Аргуновым объяснениями отдельных речений Псковской Правды можно согласиться. Нельзя, напр., принять его объяснения встречающегося в Правде слова „половник“, которое он производит от термина „полова“, что значит—мякина, мякинный хлеб, откуда „половня“—житный сарай, куда собирают полову или мякину, „половник“—мера хлеба. Половник, говорит П. А. Аргунов (13—14), „земледелец, который работал из доли снопов, из доли очищенного или не очищенного зерна, который все свои хозяйственные расчеты строил именно около этой половни с собранным его руками хлебом“. Прежнее объяснение слов „половник“, „исполу“, „половье“, от половины урожая надо признать более правдоподобным. Но термину „изорник“ дано весьма приемлемое сопоставление с подобными же терминами в славянских языках (7—8). Точно также весьма ценными следует признать предложенные П. А. Аргуновым доказательства существования в древнем Пскове холопства (9).

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ
ПОСТОЯННОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.
I (XXXIV).

Заметки о Никоновской летописи.

Н. Ф. Лаврова.

I.

Никоновская летопись является памятником, имеющим чрезвычайно важное значение и как историко-культурный факт, ярко отражающий московскую политическую идеологию XVI века, и как исторический источник, во многом отличающийся от других памятников повествовательного характера своеобразием и богатством своего фактического содержания. Между тем, изучение этой летописи со стороны ее происхождения и состава можно сказать едва лишь начато.

Обозрение ученых мнений, высказанных по этим вопросам, подводящее итоги и намечающее пути дальнейшего исследования, представляется весьма любопытным. Считаем не лишним поэтому кратко их изложить.

Редактор изданного в 1862 году в „Полном Собрании Русских Летописей“ первого тома Никоновской летописи, А. Ф. Бычков, определял ее как „летописный сборник“, составленный неизвестным лицом во второй половине XVI столетия и содержащий непрерывное описание событий до 1559 года. Основным списком ее А. Ф. Бычков считал Патриарший список (сп. П), который, по его мнению, был написан в половине XVI века. Список кн. Оболенского (сп. О), он считал копией Патриаршего, сделанной в начале XVII века.[1] А. А. Шахматов впервые подошел к Никоновской летописи, как к „летописному своду“, основным моментом изучения которого должно быть выяснение происхождения и состава его редакций. Более подробное исследование этих вопросов первоначально им было сделано в рецензии на труд И. А. Тихомирова „Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной“.[2] В противоположность И. А. Тихомирову, давшему в названном труде лишь внешний обзор содержания изучаемых им летописей, А. А. Шахматов особенно подчеркивает важность сравнительно-исторического изучения летописных редакций. Мы остановимся здесь лишь на мнениях А. А. Шахматова, высказанных им относительно Никоновской летописи. По вопросу о времени написания списков Никоновской летописи А. А. Шахматов сле-

[1] П.С.Р.Л., т. IX, предисловие.

[2] Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. Спб. 1899. — Летопись Занятий Археографической Комиссии, в. X.

дует уже отмеченному взгляду А. Ф. Бычкова, считая древнейшим из них Патриарший. Вместе с тем он полагает, что список этот в целом представляется и древнейшей дошедшей до нас редакцией свода. Это мнение обосновывается им указанием на то, во-первых, что летописный рассказ в данном списке доведен до 21 марта 1556 года, тогда как в других изложение событий продолжено еще несколько, и, во-вторых, что в помещенном перед летописным текстом перечне русских митрополитов в списке П последним указан Макарий (1542 — 1564), а в других Антоний (1572 — 1581). При всем том, однако, список П А. А. Шахматов не считает протографом остальных списков: в некоторых случаях списки ОНБТ представляются редакционно более древними. Так, в Патриаршем списке опущен предшествующий тексту Никоновской летописи реестр вкладов Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича в Троице-Сергеев монастырь, заимствованный, как видно из нумерации его разделов, из той же рукописи, откуда взят имеющийся и в Патриаршем списке перечень Византийских императоров. Следовательно, реестр этот уже был в оригинале Никоновской летописи, а пропуск в списке П показывает, что последний нельзя счесть этим оригиналом. К этому же заключению приводит также то обстоятельство, что редакция перечня русских епископий, помещенного во всех списках летописи, в списках ОНБТ старше, чем в списке П; в последнем вставлена Казанская и Болгарская архиепископия, учрежденная в 1555 году, тогда как в других списках она не упомянута. Указанные данные заставляют А. А. Шахматова предположить составление не дошедшей до нас „первоначальной редакции“ Никоновского свода, к которой списки П и О восходят независимо один от другого. Переходя к выяснению источников Никоновской летописи, А. А. Шахматов указывает, как один из них, Воскресенскую летопись в третьей ее редакции.[3] Факт этот, по его мнению, вытекает из того обстоятельства, что в начале сп. П помещено оглавление Воскресенской летописи и три первых главы ее. Он полагает, что сп. П в данном случае следует основной редакции свода, чему не противоречит отсутствие этих текстов в сп. ОНБТ. Точно также и самый текст летописи по сп. ОНБТ и отчасти сп. П дает материал для обоснования связи Никоновского свода с Воскресенским. Сравнительное изучение их текстов за 1521 — 1541 годы указывает на полное тожество его в Воскресенской летописи и в сп. ОНБТ, а также и в сп. П, в последнем, впрочем, лишь до 1534 года. Следуя давней историографической традиции о старшинстве Воскресенской летописи перед Никоновской, А. А. Шахматов полагает зависимость последней от первой доказанной.

Указывая далее, что список П, начиная с рассказа о поимании Юрия Ивановича, переходит от оригинала, заимствовавшего текст Воскресенской лето-

---

[3] О редакциях Воскресенской летописи см. в той же работе А. А. Шахматова, стр. 170.

писи, к другому источнику и становится сходным с текстом Львовской летописи, А. А. Шахматов предполагает, что этим новым источником списка П была особая летопись, доводившая изложение событий до 1556 года, и указывает ее заглавие согласно сп. П — „Летописец начала царства великого князя Ивана Васильевича всея Русіи“. Что касается списка О и зависящих от него списков НБТ, то в них сходство с Воскресенской продолжается, как было уже отмечено, до 1541 года. Это обстоятельство дает А. А. Шахматову возможность указывать и в данном случае на старшинство их редакции сравнительно со сп. П и утверждать, что основной текст Никоновской летописи оканчивался также 1541 годом. Время составления ее он полагает возможным отнести к 1553 и 1554 годам. Основанием к этому ему служит следующее соображение: в перечне русских епископов последним Новгородским архиепископом назван Пимен в „обоих редакциях“ (т.-е., в сп. П и О), поставленный в 1552 году, а в перечне епископий в сп. О, как уже отмечалось выше, не упомянута Казанская архиепископия, учрежденная в 1555 году. Несколько позже этой основной редакции Никоновской летописи был списан с нее список П с некоторыми уже отмеченными отличиями. Затем вскоре была составлена новая редакция, в которой летописный текст протографа свода был включен полностью до 1541 года с пропуском однако некоторых вводных статей (т.-е., части Воскресенской летописи), вошедших из протографа в сп. П. Текст протографа был пополнен до июня 1558 г. по „Летописцу начала царства“, который также, следовательно, был пополнен. Редакция эта не дошла до нас. В конце XVI века она была дополнена статьями о нашествии татар в 1571 году, выборкой из родословных книг рода Аничковых и отрывочными известиями за годы 1563, 1558, 1572 и 1577. Эта пересмотренная в конце XVI века редакция сохранилась лишь в копии XVII века, каковой и является список О. В середине XVII века к сп. О были присоединены „Повесть о житии царя Федора Ивановича“ и „Новый Летописец“ — образовалась, таким образом, новая редакция, отразившаяся в списках НБТ. К XVII же веку А. А. Шахматов относит, ссылаясь на исследование А. Е. Преснякова о Царственной книге, составление на основании редакции сп. О Лицевого свода, дополненного по „Летописцу начала царства“. Такова первая радакция, если можно так выразиться, построения А. А. Шахматовым истории текста Никоновской летописи. Позже это построение ему пришлось значительно изменить под влиянием сильных соображений одного из позднейших исследователей.

Новый толчок к дальнейшему исследованию Никоновской летописи был дан в труде Н. П. Лихачева „Палеографическое значение бумажных водяных знаков“.[4] В этом своем труде Н. П. Лихачев дает подробное палеографическое описание списков О и П Никоновской летописи, останавливаясь

---

[4] Т. I, стр. 319 — 333.

в связи с этим на их составе, взаимозависимости и времени составления. Приводя мнение А. А. Шахматова, высказанное последним в статье „Древнейшие редакции Повести временных лет“,[5] повторенное затем более подробно в рецензии на труд И. А. Тихомирова, о старшинстве сп. П, Н. П. Лихачев указывает, что внимательное изучение бумаги и ее знаков этих рукописей „может решить вопрос несколько иначе“. Как замечательную особенность списка П, Н. П. Лихачев отмечает смену в нем многих почерков, указывающую, по его мнению, на совместную работу нескольких переписчиков. По многочисленным, но в общем одновременным бумажным знакам Н. П. Лихачев приходит к заключению, что сп. П написан вряд ли раньше 1560 г., но и не позже конца 60-х годов. Отметив, что сп. П кончается как раз там, где кончается и вторая часть сп. О (см. ниже), и что сп. П несколько отличается от О, в частности, и редакционно за годы 7043 — 7049, Н. П. Лихачев высказывает предположение, что сп. П есть переработанная копия сп. О.

Переходя к списку О, он отрицает правильность мнения А. Ф. Бычкова, относившего (как позже и А. А. Шахматов, мы видели это выше) его в целом к XVII веку. По наблюдениям Н. П. Лихачева, сп. О есть сборник, сплетенный из разновременных рукописей. Почерки и бумага отчетливо разграничивают эту рукопись на 4 части: I) листы 1 — 939, II) листы 940 — 1165, III) листы 1166 — 1218 и IV) листы 1219 — 1223. Бумага последней части относится к 70-м годам XVI столетия, а скоропись, которой написаны здесь выписки о роде Бестужевых и Аничковых и отрывочные известия за 7079, 7070, 7066, 7078 и 7085 годы, можно отнести даже к XVII столетию. Бумага первой части списка разных сортов, но все эти сорта одновременны, и по водяным знакам относится ко времени вряд ли много позже 30-х годов XVI столетия. Вторая часть рукописи, текст которой оканчивается там же, где и сп. П, написана на бумаге совершенно сходной с бумагой этого последнего и должна быть отнесена к 50-м годам. Однако, Н. П. Лихачев воздерживается от решительного заключения о редакционной обособленности одна от другой двух первых частей сп. О, так как обе они тесно связаны по содержанию и потому представляются, по его мнению, органическим целым. Это последнее обстоятельство, несомненно, противоречащее его палеографическим наблюдениям, заставляет признать его, что сп. О писался медленно без предварительного учета размера рукописи и заготовления достаточного количества необходимой бумаги. Указывая дальше, что в перечне митрополитов в сп. О под заклейкой можно предположить имена Иоасафа и „может быть“ Макария, конец же перечня новгородских архиепископов после Макария явно приписан, Н. П. Лихачев высказывает предположение, что первая часть сп. О начата писанием при митрополите Макарии, не позднее первого-второго года по его поставлении, а может быть даже еще

---

[5] Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 г., № 10.

во время его архиепископства, а окончание ее следует оттянуть к началу 50-х годов, когда вслед затем была начата вторая часть списка О. В целом, первая и вторая части списка О составили основную редакцию Никоновского свода, переработанную из предшествовавших ему сводов. Список же П, по мнению Н. П. Лихачева, является беловой копией списка О. Третья часть списка П, начинающаяся приговором о разрядстве воевод и кормлениях, нарушающим хронологическую последовательность текста, и охватывающая затем события 1556 — 1558 годов, палеографически резко отличается от других частей сп. О. Не давая определенной датировки бумаги этой части рукописи, Н. П. Лихачев склоняется, повидимому, к тому, что часть эту следует относить также к концу 50-х годов, и высказывает предположение, что ее можно счесть за те „списки черные, писал память, что писати в Летописец лет новых", которые взяты были в Дерпте после смерти Алексея Адашева.

В другом месте своего труда[6] Н. П. Лихачев дает такую подводящую итог его соображениям схему развития московского летописания в середине XVI века: в первые годы княжения Ивана IV летописная работа возобновилась с новой силой. В 1541/42 годах была обработана последняя редакция Воскресенской летописи. Тогда же была начата работа и над Никоновской летописью, именно над списком О, и на 1520 году была почему-то прервана. Приблизительно в 1553 году стали продолжать составление летописи, при этом редактор, „не очень требовательный", просто списал события от 1521 года по 1541 год из Воскресенского свода. После окончания этой работы (т.-е., второй части сп. О) приступили к переписке набело всего свода, в результате чего и явилась беловая копия — сп. П, написанная приблизительно до 1560 года. В то же время А. Ф. Адашев чернил годы 1556 — 1558. После смерти Адашева в начале 1561 года летописные записи были доставлены в Москву и присоединены к сп. О.

Труд Н. П. Лихачева вызвал рецензию А. А. Шахматова.[7] Уже отмеченное выше воздержание Н. П. Лихачева от решительного вывода об обособленности одна от другой первой и второй частей списка О дало возможность А. А. Шахматову признать этот момент малозначущим и не считаться с ним в дальнейших соображениях. Он утверждает, что ни один из списков Никоновской летописи не может быть старше 1547 года, так как она пользуется в качестве источника особой Новгородской летописью, доведенной до 1547 года.[8] Из факта пользования редактором Никонов-

---

[6] Т. I, стр. CLXIV, примеч.

[7] Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук., т. IV, кн. 4, стр. 1463.

[8] В доказательство этого А. А. Шахматов пользуется малоубедительным вообще приемом указания на заимствования отдельных известий, а не редакции, в какой эти известия изложены. Здесь это особенно неубедительно, так как последнее известие в данной Новгородской летописи, как раз московское.

ской летописи готовым списком Воскресенской летописи, каковой факт признается и Н. П. Лихачевым, А. А. Шахматов делает два вывода: 1) список П, взявший вводные статьи (оглавления и три первых главы) из Воскресенской летописи, в этом случае редакционно старше сп. О, и 2) напротив, список О, излагающий события 1534—1541 годов сходно с Воскресенской, здесь старше сп. П. Отсюда логически вытекает, что существовала когда-то недошедшая до нас первая, основная редакция Никоновской летописи, в которой непременно помещены были и то и другое заимствования из Воскресенской летописи, а списки П и О две независимые друг от друга копии с основной редакции. Это заключение А. А. Шахматова, как видим, в общем, совпадает с тем, какое было высказано им в рецензии по поводу исследования И. А. Тихомирова.

Палеографические наблюдения Н. П. Лихачева над рукописями списков О и П Никоновской летописи были развиты палеографическими и историко-литературными разысканиями С. Ф. Платонова в статье „К вопросу о Никоновском своде“.[9] Исходя от общего весьма важного методологически положения, что „непосредственное знакомство с рукописным текстом есть непременное условие правильности и плодотворности вывода о памятнике“, С. Ф. Платонов пристально изучает те особенности рукописей списков О и Е, которые могут повести к заключению о их взаимоотношениях и вместе с тем о времени и способах их составления. Отметив вслед за Н. П. Лихачевым частую смену почерков в сп. П, как его характерную особенность, указывающую на совместную работу нескольких писцов, С. Ф. Платонов подмечает, что работа эта „не переходила последовательно из рук одного писца в руки другого, а исполнялась независимыми один от другого несколькими писцами“. Этим обстоятельством объясняются имеющиеся в некоторых местах рукописи пробелы, дающие С. Ф. Платонову возможность привести любопытные соображения по поводу истории летописного текста. Отметим здесь одно из этих соображений, весьма важное для решения вопроса об основной редакции свода. На листе 678 текст оканчивался известием, относящимся к 1520 году, о построении каменной крепости Тулы, после которого в рукописи сделана другим почерком и другими чернилами приписка: „Тое же зимы постави Варлаам митрополит Иоана архиепископа Ростову. Того же месяца 16 на Вологду епископом Пимена постави“. Приписка эта, плохо средактированная, находящаяся дословно и в Воскресенской летописи, целиком вошла в список О. За нею в сп. П наблюдается пробел, чистая страница. Продолжение текста следует на 679 листе, начавшем новую тетрадь бумаги, отличную от прежней. С этого листа и начинается надписью „глава 59“ текст совершенно тожественный с Воскресенской летописью. „Очевидно, заклю-

[9] Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук, т. VII, кн. 3 (1902).

чает С. Ф. Платонов, что в данном случае, раз случайная приписка в П усвоена списком О, первый список послужил второму оригиналом". Напротив, ряд данных, по мнению С. Ф. Платонова, указывают, что при изложении более ранних событий сп. П заимствовал текст из сп. О приблизительно до 1490 года, после чего сп. П перешел к какому-то другому источнику. Указав еще на смену бумаги и почерка перед самым почти началом Летописца, посвященного царствованию Грозного, С. Ф. Платонов характеризует сп. П, как сложившийся из разновременных тетрадей, написанных отдельно друг от друга и с разных оригиналов.

В отношении сп. О С. Ф. Платонов, следуя за Н. П. Лихачевым, признает, что первая часть его „отличается большею древностью", текст ее „весьма исправен и имеет характер белового, окончательного". Этот характер нарушается лишь с л. 933, с начала 1519 года. До того хронологически и сюжетно выдержанный, текст отсюда теряет эту выдержанность, и позднейшие известия кажутся приписками, обычно встречающимися в летописных концах. Это обстоятельство приводит С. Ф. Платонова к совершенно определенному заключению, что здесь именно, 1518 годом, окончилась систематическая обработка Никоновского свода. Предвидимое им возражение о том, что все известия с 1518 года имеются и в Воскресенской летописи, он устраняет указаниями, что здесь еще нет деления на главы, которое появляется лишь с 1520 года, когда Никоновский свод становится дословно сходным с Воскресенским, и что вопрос взаимозависимости Никоновской и Воскресенской „возможно и повернуть: не из списка ли О перешли в Воскресенский свод указанные приписки?" Почерк и бумага сп. О меняется с листа 940. Смена эта происходит перед самым началом совпадения Никоновской и Воскресенской летописи, всего на 12 печатных строк выше отмеченных приписок в сп. П об Иоанне и Пимене, вслед за которыми в последнем наблюдается пробел. Это совпадение дает возможность С. Ф. Платонову предположить, что сп. О, как и отдельная тетрадь П, кончался словами: „а река под ним Тула же", и лишь позже его последний лист при начале работы по продолжению был заменен новым, а текст на нем записанный „был воспроизведен уже со списка П, из которого была заимствована случайная приписка об Иоанне и Пимене". Мелкая подробность, подмеченная С. Ф. Платоновым — загрязненность оборота 939 листа — характерно подтверждает это весьма существенное предположение. Так легко устраняется мнимая связанность содержания первой и второй частей списка О, помешавшая Н. П. Лихачеву сделать решительные выводы из его палеографических наблюдений.

Общий вывод С. Ф. Платонова таков: сп. О в первой своей части (лл. 1—939) есть „беловая копия с неизвестного нам оригинала, совершенно независимая от списка П. Вторая часть списка О, т.-е., листы 940—1165,

представляют собою позднейшее дополнение, которое, по всей видимости, имело оригиналом прежде всего список П".

Столь решительное мнение С. Ф. Платонова заставило А. А. Шахматова отказаться от его прежней точки зрения. В статье об Иоасафовской летописи [10] он категорически высказывает мысль, что листы 1—939 списка О представляют обособленную и древнейшую редакцию Никоновского свода. Ссылаясь на то, что в перечне митрополитов последним указан Даниил, он определяет время составления списка О между 1522 и 1539 годом. В качестве источника списка О, он указывает Иоасафовскую летопись или летопись „весьма близкую" к ней, ссылаясь на ряд весьма убедительных особенностей текста этих рукописей, и, в частности, на конец их, фактический в Иоасафовской летописи и реставрируемый в сп. О, — слова: „а река под ним Тула же". Как заключительный вывод из близости Иоасафовской и Никоновской летописей, А. А. Шахматов высказывает предположение, что последняя в основной своей редакции — в первой части сп. О — была составлена игуменом Троице-Сергиева монастыря, позже митрополитом Иоасафом.

В неизданной статье „Иоасафова рукопись" А. Е. Пресняков, пристально изучающий взаимоотношения Иоасафовской и Никоновской летописей, склоняется к тому, что не Иоасафовская летопись была непосредственным источником Никоновской, а именно летопись к ней близкая, „свод, сложный комплекс известий которого много дал позднейшим редакциям московских летописных сводов, Воскресенской и Никоновской", свод, оканчивавшийся известием о построении каменного города на Туле. Тесная связь Никоновской летописи с Иоасафовской летописью особенно в конце последней, точнее с предполагаемым близким ей сводом, служившим общим источником им обоим, служит, по мнению А. Е. Преснякова, лишним и весьма убедительным доказательством правильности выводов С. Ф. Платонова о списке О. Соображения последнего относительно связи перемены характера изложения, начиная с 1519 года, с окончанием на 1518 г. систематического изложения Никоновского свода он переносит на этот предполагаемый источник последнего, а ссылку на одновременную смену почерка и чернил в сп. О устраняет указанием на возможность видеть здесь перерыв не в составлении, а лишь в его переписке.[11]

Кончая свой краткий обзор литературных мнений по вопросу о Никоновской летописи, упомянем еще, что А. А. Шахматов в статье о лето-

---

[10] Журн. Мин. Нар. Просв. 1904 г. № 5, стр. 69.

[11] Если допустить правильность предположения С. Ф. Платонова о том, что текст в сп. О за годы 1518—1520 является позднейшей припиской, то, как отмечает А. Е. Пресняков, следует признать, что и Иоасафовская летопись заимствовала этот текст из сп. О, т.-е., этот последний для нее также, как и для Воскресенской, в данном случае послужил источником, а не наоборот.

писях, помещенной в „Новом Энциклопедическом Словаре“ Брокгауза и Ефрона, по неясным для нас основаниям, вернулся к прежней мысли о том, что летопись эта была составлена в 50-х годах XVI века.

II.

Наиболее прочным выводом из предшествующего изложения ученых мнений по поводу Никоновской летописи можно полагать то, что первая часть списка О, лл. 1 — 939, есть древнейшая дошедшая до нас рукопись Никоновской летописи и датировать ее скорее всего следует тридцатыми-сороковыми годами XVI века. В то же время она является беловой копией основной редакции летописи. Остальные части списка О являются дополнениями, сделанными значительно позднее и разновременно. Относительно списка П, соглашаясь с Н. П. Лихачевым и С. Ф. Платоновым, указывавшими на его в буквальном смысле сводный характер, объясняющийся работой нескольких писцов, мы не решаемся следовать за последним в его утверждении, что сп. П состоит из разновременных тетрадей: палеографические наблюдения Н. П. Лихачева, думаем, достаточно убедительно указывают на составление ее в целом в конце 50-х годов XVI века. Да и самый характер рукописи, пробелы, вычеркнутые в тексте места, скорее указывают на спешную, одновременную работу летописцев, пользовавшихся разными источниками.

Одним из таких источников был, несомненно, и сп. О С. Ф. Платонов довольно точно указывает хронологические пределы, в каких именно можно наблюдать данное обстоятельство: годы 1471 — 1488. Мы распространили бы, однако, это заключение на весь текст до 1521 г. Соображения С. Ф. Платонова по поводу перерыва в работе над сп. П. в середине 1490 года (между листами 634 и 635) и перехода от одного источника, очевидно, сп. О, к какому-то другому, основанное главным образом на том, что в тексте сп. П перед известием о рождении Андрея Ивановича излишне вставлены слова „въ лѣто 6998“, могут быть ослаблены указанием, что они взяты как раз из списка О, в котором эти слова помещены на полях. Эта небрежность вообще постоянно встречающаяся в работе древних копиистов. Пробел же, который наблюдается в списке П в этом месте, можно объяснить не только переходом от одного источника к другому. Источник оставался, тот же—список О, но в то время, когда работали над списком П, он был расшит на отдельные тетради. Ряд буквенных вариантов, например, „тайника“ в сп. О, прочтено писцами и сп. П и списков НБТ одинаково — таинника [12] (П.С.Р.Л., т. XIII, стр. 2, прим. 1); „братья“ — сп. О, „брата“ — П,

[12] Везде дальше инициалы П.С.Р.Л. будут опущены, и ссылка на томы VI—XX означает ссылки на П.С.Р.Л.

„братью“ Н, „брату“ БТ (XIII, стр. 7, пр. 1); „сифовой“ — О, „сифовси“ П, „иосивой“ — Н, „сивой“ — БТ (XIII, стр. 16, пр. 2), взятых за годы 1506—1513, показывают, как будто, что и в этой части недоумение переписчиков ПНБТ вытекает из неясности текста списка О. И, наконец, пропуск в сп. П известия о жалобе Иосифа Волоцкого на князя Федора Борисовича и Новгородского архиепископа Серапиона, заклеенного в сп. О, но имеющегося в Иоасафовской летописи, а следовательно и в их общем источнике, приводит к тому же заключению, что и здесь список О послужил списку П оригиналом.[13]

Остановимся несколько подробнее на окончании списка О. Весьма убедительными представляются нам соображения С. Ф. Платонова по этому поводу. Несомненно, Никоновская летопись в своей основе настолько своеобразна, что следовало бы признать и самостоятельность редакционной обработки текста, которым она кончается. Попытаемся привести в подтверждение этого еще несколько данных, указав, впрочем, и те источники, которыми пользовался ее редактор.

Если прибегнуть к сравнительному исследованию нескольких известных летописных редакций: Софийской 1 (по сп. Царского), Софийской II (по сп. Воскр. и Архивск..), Воскресенской, Никоновской и Львовской, начиная с 1506 г., можно сделать следующее существенное заключение: Воскресенская летопись до конца 1508 г. весьма близка к Софийской I, а Никоновская и Львовская к Софийской II. Приведем несколько примеров.

1. 1506 г. Соф. I: „Тоя же осени присылалъ бити челомъ Кудайлукъ царевичь, Абреимовъ сынъ царя Казанскаго, пресвященному Симону митрополиту всеа Русіи, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ крестити въ православную вѣру“ (VI, стр. 51, пр. а). Воскр.: „Тое же осени присылалъ бити челомъ Кудайлукъ, а сидѣлъ в Ростовѣ у архіепископа, Абреимовъ сынъ царя Казанского, пресвященному Симону митрополиту всеа Руси, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ крестити в православную вѣру“ (VIII, стр. 245). Соф. II: „Тоя же осени присылалъ бити челомъ царевичь Кудакулъ, Абреимовъ сынъ царя Казанскаго, пресвященному Симону митрополиту всея Руси, чтобы пожаловалъ печаловался государю великому князю Василью Ивановичю всея Руси, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ крестити въ православную вѣру“ (VI, стр. 244). Никон.: „Тоя же осени прислалъ бити челомъ царевичь Кудайкулъ, Абреимовъ сынъ царя Казанскаго, пресвященному Симану митрополиту всеа Русіи, чтобы пожаловалъ, печаловался государю великому князю Василію Ивановичю всеа Русіи, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ крестити в православную вѣру“ (XIII, стр. 1—2). Львов.: как Никон. (XX, стр. 376).

---

[13] А. Е. Пресняков, Иоасафова рукопись.

2. 1506. Соф. I и Воскр.: „Тоя же зимы пріидоша... генваря 15...“ (т. VI, стр. 51; т. VIII, стр. 246). Соф. II, Никон. и Льв.: „... февраля 15“ (VI, стр. 245; XIII, стр. 2; XX, стр. 376).

3. 1506. Соф. I и Воскр.: „Пріиде князь Дмитрей Ивановичь и воеводы великаго князя, судовая рать, подъ Казань мѣсяца маія в 22 въ пятокъ; и не осмотряся вскоре выидоша изъ судовъ и поидоша ко граду пеши, а день бысть тогды жарокъ добрѣ, а татарове из города поидоша противу ихъ, а иные татарове потайные на конехъ заѣхаша отъ судов, и бысть бой...“ (VI, стр. 51; VIII, стр. 246). Соф. II, Никон., Льв.: „И пріиде князь Дмитрей Ивановичь и вси воеводы великого князя, судовая рать, под Казань мѣсяца маія в 22 в пятницу: и выидоша изъ судовъ на поле городное (Ник.: градное) съ небреженіемъ и поидоша (Ник.: пріидоша) ко граду пеши, и татарове изъ града поидоша противъ ихъ, а иные татарове потайные заѣхаша от судовъ на конехъ, и бысть бой...“ (т. VI, стр. 245; т. XIII, стр. 2 — 3; XX, стр. 376).

Такое соотношение указанных сводов наблюдается до середины 1508 года, когда, после известия: „Тоя же весны преставися епископъ Тверскій Васіанъ Оболенскій, мая 23“ (Соф. I и Воскр.; Соф. II, Ник. и Льв. пропускают. „Оболенскій“), Софийские летописи настолько расходятся между собою, что не совпадают не только в редакциях изложения событий, но и в самых событиях.[14] Можно предположить, что в этом месте оборвался общий источник Соф. I (сп. Царск.) и Соф. II. Тем любопытнее отметить, что в Воскресенской летописи, в общем совпадающей до конца 1508 г. с Софийской I, имеется известие об отправлении боярина Якова Захарьевича в Литву, общее с Софийской II и Никоновской, хотя и в менее полной редакции, чем в последних, а в Никоновской летописи есть известие о пожаре посада и торга, имеющееся в более пространной редакции в Соф. I, но вовсе опущенное Софийской II, — Львовская же летопись дает текст, вполне сходный с текстом Софийской II. Рассказ о приходе литовских послов 19 сентября 7017 (1508) года в сходных редакциях записан в Соф. II, Никон., Воскр. и Льв. летописях, различаясь лишь в вариантах: в Воскр. пропущено: „да панъ Иванъ Сопежичь моршалко и панъ Войтехъ Нарбутовичь моршалко“; Соф. II и Льв.: „маршалко“, — Никон.: „моршалко“; Соф. II и Льв.: „и Василій Ивановичъ в. Р. съ королемъ Жихдимонтомъ и о вѣчномъ докончаніи взялъ“, — Никон. и Воскр.: „мир и вечное докончаніе взяли“; Соф. II и Льв.: „князя Василія Ивановича Шемяку“, — Никон. и Воскр.: „Шемякина“ и т. д. Софийская I этот рассказ приводит в своеобразной редакции. Но рассказ о приходе 12 октября из Крыма князя Заболотцкого и с ним крымских послов опять связывает Соф. I с Воскресен-

[14] В Соф. I, в дальнейшем до ее конца (1509), изложение принимает характер как бы приписок.

ской, а Соф. II с Никоновской (VI, стр. 248; VIII, стр. 249; XIII, стр. 10 XX, стр. 380).

В дальнейшем после окончания списка Царского Соф. I летописи мы замечаем иные взаимоотношения летописных редакций. Сделаем некоторые наблюдения.

1. 1509. Соф. II: „О представленіи великого князя Дмитрея. Тоя же зимы февраля 14 представися благовѣрный князь велики Дмитрей Ивановичь всея Руси въ нуждѣ и в турмѣ“; Никон.: „Представленіе великого князя Дмитрія Ивановича...“ дальше как в Соф. II — варианты „въ нужи“, „въ тюрмѣ“. — Льв., как Соф. II — вариант „въ тюрмѣ“. Воскр.: „О представлении великаго князя Дмитрія. Тое же зимы февраля 14, преставися благоверный князь велики Дмитрей Ивановичь в н у к ъ“ (VI, стр. 249; VIII, стр. 250; XIII, стр. 11; XX, стр. 381).

2. Немного ниже в Соф. II и Льв. приведен уже отмеченный выше подробный рассказ о жалобе Иосифа Волоцкого на князя Федора Борисовича и удалении новгородского архиепископа Серапиона, имеющийся и в Иоасафовской летописи. Начало этого рассказа было написано в сп. О Никон. летоп., но потом заклеено. В Воскр. летописи мы имеем лишь такое краткое известие: „Тое же зимы сведенъ бысть архіепископъ Серапіонъ съ архіепископьи в том, что Осифа не благословил“, (VI, стр. 249; VIII, стр. 250; XIII, стр. 11; XX, стр. 381).

3. 1510. Соф. II.: „Поиде из Новгорода великого въ вотчину свою Псковъ генваря в 24...“; Никон. и Воскр.: „...поѣде изъ Новгорода Великого въ вотчину свою во Псковъ Генваря 20, в неделю, а пріѣхалъ во Псковъ генваря 24...“; Львов..: „поиде изъ Новаграда изъ Великого въ вотчину свою Псковъ генваря 22, в неделю, а во Псковъ пріѣхалъ генваря 20...“, Дальше в том же рассказе Соф.: „поѣха изъ Пскова послѣ С о б о р а“. Льв. также „собора“, но Никон. и Воскр. „збора“. Вообще, весь этот рассказ в двух последних летописях тожественный. (VI, стр. 251; VIII, стр. 251; XIII, стр. 12; XX, стр. 383).

4. 1511. В рассказе о побеге князя Семена Ивановича: Соф. II и Льв.: „а бояръ его и дѣтей боярьскихъ всѣхъ переменилъ“; Никон. и Воскр.: „а людей его бояръ и дѣтей боярских...“ (VI, стр. 251; VIII, стр. 252; XIII, стр. 13; XX, стр. 384).

5. 1512. Соф. II: „... тоя же весны мая 8, пріиде весть къ великому князю Василію Ивановичю всея Руси, что пришли безвестно Мингирѣевы царевы дѣти Крымского, Ахматъ-кирей да Бурнашъ, со многими людми на Украйну, на Бѣлеву, и на Одоевъ, и на Воротынескъ, и на Олексинъ; и воевоша и полону поплѣниша. И князь велики послалъ воеводъ своихъ за ними, князя Данила Васильевича Щеня съ сыномъ, и князя Михаила Ивановича Булгакова и иныхъ многихъ. Татарове же отступиша со многим полономъ, а воеводы за ними не поидоша“; Льв. дает такой же текст,

Никон. несколько иной: после слова „Олексинъ“ идет: „И князь великій часа того послалъ противу ихъ воеводу и боярина своего князя Даніила Васильевича Щеня и иных многихъ. Татарове же послышавъ воеводъ великого князя и убоявся вскоре отступиша“. Воскр. также иначе: „пришли безвѣстно на великого князя Украйну на Белевскіе и на Одоевскіе места. И князь велики противъ ихъ послалъ боярина и воеводу своего князя Данила Василіевича; они же услышавше то, вскоре поидоша прочь“ (VI, стр. 252; VIII, стр. 252; XIII, стр. 15; XX. стр. 385).

6. 1513. Соф. II и Льв.: „Бурнашъ паревичь, Менгирѣевъ сынъ со многими людми приходилъ на Рязань ратью и ко граду приступалъ, и граду не успѣ ничтоже, а земли Рязаньской много пакости сотворилъ и плѣнивъ отъиде“; Никон.: „Бурнашъ-Гирѣй царевичъ, Менли Гирѣевъ сынъ, приходилъ на Рязань ратію и острогъ взялъ и ко граду приступалъ, да граду не успѣ ничтоже и отъиде“. Воскр. дает варианты к Никон. (VI, стр. 253; VIII, стр. 252—253; XIII, стр. 15; XX, стр. 386).

7. Под 1513 годом во всех летописях помещен рассказ о походе Василия Ивановича на Смоленск. Соф. II и Льв. дают тожественный текст. В Никон. и Воскр. текст также одинаков и отличается от текста Соф. II и Льв. большей пространностью и кроме того разбит на два года (VI, стр. 253; VIII, стр. 253; VIII, стр. 15 — 16; XX, стр. 386).

Под 1518 годом в Никон. и Воскр. опущено имеющееся в Соф. II и Льв. известие о потехе князей на Волоке Ламском. Известие о смерти князя Семена Ивановича в Соф. II и Льв. перенесено в конец текста за этот год с нарушением хронологической последовательности. Рассказ „о дождехъ“ записан в Никон. и Воскр. в более распространенной (чисто риторически) редакции сравнительно с редакцией Соф. II и Льв. Следующий рассказ о Владимирских иконах в Соф. II и Льв. поставлен в связь с предыдущим „о дождехъ“, в Воскр. же и Никон. обособлен и так же весьма распространен. В середине текста 1518 года, тот час после рассказа о Владимирских иконах, обрывается систематическое изложение событий в Соф. II летописи. В дальнейшем, начиная с известия о приходе Климента Грека, текст вплоть до конца летописи получает характер кратких приписок о современных событиях, иногда вовсе малозначащих, вроде: „въ лѣто 7027 сентября 28 снѣжекъ маленекъ былъ“. При этом записи эти за конец 1518 года и 1519 год хронологически перебиты. Лишь в двух-трех местах мы можем отметить более пространные рассказы: под 1530 годом о походе на Казань, под 1533 о приходе к Рязани крымцев и смерти Василия III. Отметим также, что за 1531 год вовсе нет записей.

Существенно отметить, что как раз после этого обрыва систематического изложения в Соф. II лет., т.-е., после рассказа о возвращении дьяка Племянникова, наблюдается резкое расхождение Соф. II лето-

писи с другими сводами. Дальше до конца 1520 мы можем заметить лишь следы отдаленного использования последними Софийского текста, а затем всякая связь между ними обрывается.

После отмеченного сейчас известия в Никон. летописи (уже под 1519 годом) идет, начиная с известия о смерти цесаря Максимилиана, ряд хронологически сбитых известий: о посылке в Крым князя Юрия Пронского, о приходе Климента Грека и о разобрании церкви Вознесения. В Соф. II летописи двух первых известий о Максимилиане и Пронском вовсе нет, а известие о Клименте отнесено еще к 1518 году, последнее при этом без заключительных слов: „и князь великий его пожаловавъ, отпустилъ“. В Льв. летописи все эти известия имеются, но в несколько иной редакции: с пропуском указания на месяц перед известием о Пронском и с иным изложением известия о церкви Вознесения, причем все эти известия в ней отнесены к 1518 году. Воскр. летопись дает здесь текст тожественный с Никон.

За 1519 г. все известия, помещенные в Соф. II летописи, мы встречаем и в остальных. Но в то время как в Соф. II они изложены весьма кратко, в Никон., Воскр. и Льв. мы имеем весьма подробные рассказы и о „пожаловании“ Казани царя Шигалея, и об Апаке-Мурзе, и посылке воевод под Вильну, при этом два первых рассказа приведены в них в сходных редакциях. Редакции последнего рассказа несколько рознятся, местами, впрочем, сближаясь до полного тожества, причем Льв. летопись иногда ближе к Воскр., иногда к Никон. Получается впечатление о первоначальности текста именно в Львовской летописи: Никоновская как будто немного амплифицирует его, а Воскресенская дает начало по разрядной записи. Известия о чудесах у мощей митрополита Алексея во всех трех летописях рознятся лишь вариантами, но в Никоновской и Воскресенской летописи они разъединены на две части рассказом о Казанских делах, в то время как в Львовской этот рассказ помещен с нарушением хронологической последовательности после изложения всех известий о чудесах.

Переходя к разбору текстов за 1520 год, мы приведем полностью текст Софийской II летописи; он очень краток: „Въ лѣто 7028 князь велики Василей Ивановичь всея Руси со отцемъ своимъ Варламомъ митрополитомъ отпустиша и проводиша святыя иконы, иже принесены быша от Владимера на Москву, многими лѣты обетшавше, на обновленіе. Того же лета свершиша на Туле град каменъ. Тое же зимы, февраля въ 9, постави архіепископа Ростову Ивана Варламъ митрополитъ; того же месяца в 16 Пимина епископомъ на Вологдѣ“. В Воскресенской летописи текст за 1520 г. также краток: в начале мы имеем два известия, которых нет в Софийской II: об отпуске Апака-Мурзы и об отпуске митрополита Григория. Затем следует известие об иконах Владимирских: „Того же месяца сентября отпустилъ князь велики иконы Володимерскіа и проводилъ ихъ со отцемь своимъ митрополитомъ и зъ боляры и съ всѣмъ народомъ честно за Ондроньевъ; а принесени

быша на Москву на обновленіе, многими лѣты обетшавша". — Редакция этого известия как, видим, близка к Софийской. И дальше два последних известия, столь обратившие внимание исследователей: „Того же лета свершиша городъ на Тулѣ каменъ. Тое же зимы постави Варлаамъ митрополитъ Иоанна архіепископа Ростову. Того же месяца 16 на Вологду епископомъ Пимина поставии". Текст Никоновской летописи значительно обширнее. Известия об отпуске Апака и митрополита Григория, близкие по построению к Воскресенской, изложены пространнее, напр.: „отпустилъ ихъ къ ихъ государю; дасъ ними вмѣстѣ послалъ князь великій в Крымъ к брату своему к царю Магметъ-Гирѣю посла Ѳеодора Климентьева...".[15] Известие о Владимирских иконах превращено в весьма украшенный рассказ, с фактическими, впрочем, дополнениями. После этого рассказа следуют известия (три, а не два) о поставлении епископов: „тоя же зимы, февраля 9, въ четверток, поставленъ Варлаамомъ митрополитомъ всеа Русіи Иванъ, архимандритъ Симановскій, архіепископъ Ростову и Ярославлю. Того же мѣсяца февраля 14, во вторникъ, поставленъ Варламомъ митрополитомъ всея Русіи Тиханъ, игуменъ Угрешскій, на Коломну епископъ. Того же месяца февраля въ 16, въ четвертокъ, Варламъ митрополитъ поставилъ Пимина, игумена Соловецкого, на Вологду и въ Перьмь епископомъ". После этого следует известие о посылке Бориса Голохвостова, среди которого, как известно, обрывается первая часть списка О, а затем известие о приходе посла от папы Римского. Двух последних известий, равно как и известия о поставлении Тихона епископом на Коломну, в Воскресенской нет. Текст Никоновской кончается известиями о построении каменного города на Туле и вновь о поставлении Ивана и Пимена. Первое в такой редакции: „Того же лета совершиша градъ каменъ на Тулѣ и именоваша его по прежнему его имени градъ Тула, а рѣка подъ нимъ Тула же". Последнее известие приведено в редакции, дословно сходной с Воскресенской, т.-е., с пропуском обозначения месяца поставления Ростовского архиепископа и написанием его имени „Иоанъ", а не „Иванъ". Текст Львовской за 1520 год опять, как в некоторых случаях раньше, совпадает то с Воскресенским, то с Никоновским. Известия об отпуске из Москвы Апака и митрополита Григория и о Владимирских иконах даны в редакции, сходной с Воскресенской. После этого приведено известие о постановлении Иоанна и Пимена, редакционно также тожественное с Воскресенской. Вслед за тем помещен рассказ о посылке Бориса Голохвостова, дословно совпадающий с изложением Никоновской летописи, а затем не имеющие аналогии в других сводах: отрывочное известие о состоянии воевод на Толстике и, наконец, известие о Туле: „того же лѣта свершиша на Тулѣ градъ каменъ".

---

[15] Подчеркнутых слов нет в Воскр.

Рассматривая отмеченные наблюдения над изучаемыми летописными редакциями, можно сделать ряд довольно любопытных на наш взгляд заключений. За годы 1506—1508 эти редакции можно распределить на две группы: а) Софийская II, Никоновская и Львовская и б) Воскресенская и Софийская I по списку Царского. Поскольку в первой группе мы признаем старейшей редакцию Софийской II, постольку поставим Никоновскую и Львовскую в зависимость от нее (эту зависимость, может быть, можно хронологически углубить, чего, однако, мы пока не решимся утверждать). После 1508 года соотношения летописей становятся иными. Львовская продолжает оставаться в тесной зависимости от Софийской II, Никоновская же делается менее связанной с последней, подчас не только в смысле изложения событий, но и со стороны фактического материала. Тем не менее, как общее построение текста в обоих летописях, так и отдельные совершенно тожественные места его свидетельствуют о некоторой близости их. Что касается Воскресенской летописи, то после (приблизительно) окончания списка Царского Софийской I, т.-е., с того же 1508 года, она становится значительно ближе к Никоновской, давая по большей части тожественный с последней текст. После 1518 года, когда оборвалось систематическое изложение событий в Софийской II лет. описи в известной нам редакции, она может быть поставлена лишь в отдаленную связь с Воскресенской, Никоновской и Львовской летописями. Соотношения между тремя последними делаются весьма сложными. Тем не менее и здесь можно говорить об общем источнике для Воскресенской и Никоновской летописей — летописном своде, восходящем также к Софийской II летописи. Сходство Воскресенской и Никоновской летописей со Львовской то вместе, то каждой порознь может быть объяснено как связью Львовской с этим их источником, так и использованием ею позже Воскресенского и Никоновского текстов. Что касается окончания летописного свода, послужившего общим источником Никоновской и Воскресенской летописей, то по этому поводу трудно высказать какое-либо определенное мнение. Скорее всего конец этот разный в разных его редакциях. Поскольку можно считать определенным, что список О Никоновской летописи или его черновой оригинал оканчивался 1520 г., известием о построении каменного города Тулы, постольку можно решительно высказаться, что и список его источника оканчивался тем же известием (в иной, впрочем, редакции; ср. Воскр. летоп.), распространение которой мы склонны относить за счет редактора Никоновской летописи. Но другой список той же редакции, которым пользовался редактор Воскресенской летописи, мог бы быть продолжен и после 1520 г. Источники последней за время после 1520 г. остаются невыясненными.

Итак, общее заключение о происхождении текста основной редакции Никоновской летописи таково: источником ее, общим с Воскресенской летописью с 1509 г. и до конца, послужила недошедшая до нас редакция Софий-

ской П летописи, которая в некоторых местах была значительно переработана летописцем Никоновской летописи. Надо полагать, что список О в первой своей части весьма близко отразил протограф Никоновской летописи. Быть может, черновой оригинал списка О и был этим протографом.[16] Что касается конца основной редакции Никоновской летописи, то этот вопрос надо считать достаточно выясненным; сопоставление концов первой части списка О и Иоасафовской летописи в этом отношении играет решающую роль: основная редакция Никоновской летописи оканчивалась 1520 годом, словами: „а река под нимъ Тула же". Время написания рукописи списка О можно определить довольно точно. Основанием к такому определению служит перечень русских митрополитов и епископов, помещенный перед летописным текстом списка О. Редактором IX-го тома П. С. Р. Л. было указано, что имена митрополитов, начиная с Иоасафа, приписаны позже другим почерком, и таким образом последним в перечне митрополитов составителем списка О был назван Даниил. Н. П. Лихачев вносит существенную поправку: он говорит, что имена митрополитов, приписанные позже, находятся на подклеенном лйстке бумаги, и под заклейкой можно „увидать на свет, и по незаклеенным верхушкам киноварной нумерации, что в основном тексте был записан „41. Иоасаф", и „может быть" „42. Макарий". Мои наблюдения по подлиннику привели меня к заключению, что последним был записан Иоасаф. Итак, составление списка О нужно приурочивать к 1539 — 1542 годам. Это не значит, конечно, что к этому же времени надо относить и составление протографа Никоновской летописи, он мог быть составлен и раньше — перечень митрополитов в О мог быть дополнен.

III.

Переходя к вопросу о происхождении текста Никоновской летописи после 1520 г., мы припомним, что Н. П. Лихачев считает список П копиею с первой и второй частей списка О вплоть до 1556 г., когда обрывается вторая часть последнего. С. Ф. Платонов держится иного мнения и указывает на зависимость после 1520 г. второй части списка О (л. 940 — 1165) от П, ссылаясь на усвоение первым из второго случайной и позднейшей приписки поста-

[16] С. Ф. Платонов, указан. статья. А. А. Шахматов, Иоасафовская летопись. По вопросу о зависимости Никоновской летописи от Иоасафовской, мы, вслед за А. Е. Пресняковым, не можем присоединиться к мнению А. А. Шахматова о том, что вторая служила источником первой. С другой стороны, мы не думаем, как А. Е. Пресняков, что источник Иоасафовской летописи общий и с Никон., и с Воскр. Как мы имели возможность наблюдать, Никоновский свод значительно переработал свой источник, общий с Воскресенским, между тем, связь Иоасафовской и Никоновской весьма тесна — надо искать поэтому общего источника между ними двумя — не протограф ли это Никон. летописи, т.-е., черновик списка О? — Припомним рассказ об Иосифе Волоцком, зачеркнутый в О, но сохранившийся в Иоасафовской летописи.

влений Иоанна и Пимена. Наличие этого известия в Воскресенской летописи, и притом в той же редакции, С. Ф. Платонов объясняет заимствованием из Никоновской. Мы не можем согласиться с этим мнением С. Ф. Платонова. Текст Воскресенской не может, как мы видели, быть возведен к Никоновской летописи. Сравнение со Львовской и Софийской II летописями, показывает, что он во многих случаях и, в частности, именно в редакции указанного известия, старше Никоновского текста.[17] В таком случае, может быть, список О взял это известие из Воскресенской летописи? Следующие наблюдения покажут, что дело было именно так: составитель списка О после 1520 г. использовал текст Воскресенской летописи: 1) Список П делает описку: „гушъ“ вместо „Богушъ“, как в О и Воскресенской (XIII, стр. 43, пр. 4; VIII, стр. 270). 2) „О Васильѣ Пожогинѣ“ в сп. П, „о Васильѣ Поджогинѣ“ в сп. О и Воскр. л. (т. XIII, стр. 43, прим. 5; т. VIII, стр. 270). 3) „Того же лѣта бысть засуха велика“, „же“ нет в сп. П, но есть и в сп. О, и в Воскр. летописи (XIII, стр. 45; т. VIII, стр. 271). 4) „Пріидоша къ великому князю послы“ в сп. О и Воскр, л., „пріидоша послы къ великому князю“ в сп. П (т. XIII, стр. 46, пр. 7; т. VIII, стр. 272). 5) „Кровопролитие“ в сп. О и Воскр. л.; „кровьпролития“ в сп. П (т. XIII, стр. 54, прим. 2; т. VIII, стр. 274). 6) „Старые иконы“ — в сп. О и Воскр. л.; в сп. П слово „старые“ пропущено (т. XIII, стр. 58, прим. 3. т. VIII, стр. 277). 7) „А на Азторохани учинился Аккубекъ царевичь“; этих слов нет в списке П, но они есть в сп. О и Воскр. л. (т. XIII, стр. 62, прим. 4; т. VIII, стр. 279). 8) Наконец, список П упустил обозначение главы 62-ой, что есть в списке О, соответственно Воскр. летописи (т. XIII, стр. 47, пр. I; т. VIII). Из приведенных примеров достаточно ясно видно, что список О не мог заимствовать свой текст из П. Он восходит непосредственно к Воскресенской летописи, так как иначе все особенности списка П неизбежно должны были бы отразиться на списке О. Эта зависимость списка О от Воскресенской летописи продолжается и дальше, до 1542 г. На списке О довольно отчетливо отразились некоторые особенности Воскресенской, напр., распределение на главы. А. А. Шахматовым довольно подробно выяснена литературная история конца Воскресенской летописи.[18] Он полагает возможным признать существование трех последовательных редакций ее: 1534, 1537 и 1541 гг.[19] Источником текста Никоновской летописи следует вслед за ним признать третью редакцию на всем протяжении текста от 1520 до 1541 г. Надо, однако, отметить, что список О не может быть возведен непосредственно к какому-либо одному

---

[17] Это не решает вопроса о старшинстве текста Воскресенской летописи в целом; можно говорить лишь о старшинстве редакций отдельных известий и, в частности, приведенного.

[18] Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова, стр. 166.

[19] Мы добавили бы 4-ю редакцию Карамз. списка, составленную позже.

из известных нам Воскресенских списков. Некоторые особенности его показывают, что он восходит то к одному, то к другому из них. Приведем несколько примеров: 1) Список О и Карамзинский — „Френчюжков", „Френчюжков" — Синод. и Парижск. списки (т. XIII, стр. 45, пр. 4; т. VIII, стр. 271, пр.). 2) Список О и Карамз. „хотѣлъ", „похотѣлъ" Синод. и Парижск. (т. XIII, стр. 61; т. VIII, стр. 279, пр. 4). 3) Список О и Карамз. „Княземъ и всѣмъ княземъ казанскимъ", „княземъ и всѣмъ людемъ казанскимъ" — Синод. и Парижск. (т. XIII, стр. 55, пр. 1; т. VIII, стр. 275, пр. а). 4) Сп. О, Парижск. и Синод. — „воленъ Богъ да государь в своей земли", пропущено в Карамз. (т. XIII, стр. 55; т. VIII, стр. 275, пр. в). 5) Сп. О, Парижск. и Синод. — „И проявися болячка на нозѣ той на стегнѣ и нача", „и проявися болезнь его язвою на нозѣ той и начатъ" сп. Карамз. (ст. XIII, стр. 75; т. VIII, стр. 285, пр. б). Эти примеры указывают, что сп. О пользовался особым списком третьей редакции Воскресенской летописи, скорее всего общим источником дошедших до нас ее списков. Начиная с 1542 г., как увидим ниже, список О становится в самую тесную связь со списком П, вплоть до конца этого списка.

Переходя к списку П, прежде всего следует отметить, вопреки уже указанному мнению Н. П. Лихачева, что список этот никоим образом не может быть поставлен в зависимость от списка О. Об этом прежде всего свидетельствует текст его, совершенно отличный от текста списка О за годы 1534—1541. Ряд мелких наблюдений приводит к заключению, что за годы 1521—1533 список П имел источником также Воскресенскую летопись. Дадим несколько примеров: 1) В списке П читается „Станиславовичъ", так же как в Синодальном и Парижском списках Воскресенской, тогда как в списке О и Карамзинском читаем „Станиславичъ" (т. VIII, стр. 271, прим. к; т. XIII, стр. 45, пр. 9). 2) „Царя и князей и многихъ людей"; „и" пропущено в сп. П и Парижском списке Воскресенской летописи, но оно есть и в сп. О, и в Карамзинском и Синодальном списках (т. XIII, стр. 62, прим. 4; т. VIII, стр. 279, прим. 3). Итак, чтения списка П восходят иногда к Карамзинскому списку, иногда к Парижскому и Синодальному, иногда только к Парижскому. Нужно, следовательно, поискать общего протографа для всех этих четырех рукописей Воскресенской летописи и списка П Никоновской. Думается, что этим протографом будет если не текст основной редакции Воскресенской летописи, еще нам неизвестный, то список близкий к нему. Эта связь списка П с Воскресенской летописью сохраняется до 1534 г., когда он переходит к новому источнику. На этом источнике и зависимости от него списка П надо остановиться подробнее.

IV.

А. А. Шахматов, как мы видели, еще в рецензии на исследование И. А. Тихомирова отметил, что для объяснения происхождения текста списка П Никоновской летописи за годы 1534—1556 нужно искать особый источник. Он указал, что таким источником была оффициальная московская летопись, носившая заглавие; „Летописец начала царства великого князя Ивана Васильевича“, совершенно сходный с Никоновским, текст которого находится и в Львовской летописи. Мне предстояло таким образом выяснить, насколько возможно, первоисточник этого текста. В поисках лучших списков я обратился к А. Е. Преснякову, который указал мне тогда рукопись Московской Синодальной Библиотеки № 486. Об этой рукописи он два раза упоминал печатно: в своем сочинении „Царственная книга, ее состав и происхождение“ (стр. 13) и в „Заметках о Воскресенской летописи“ (стр. 9). В последней работе он установил связь между текстом этого списка и текстом рукописи Публичной Библиотеки F.IV.585. Однако, детального изучения Синодальной рукописи им сделано не было. Новое издание Львовской летописи в П. С. Р. Л. дало также существенный материал для понимания изучаемого текста. В основание этого издания положен список XVI века, найденный А. Е. Пресняковым среди рукописей Публичной Библиотеки (F.IV.144). Несколько позже я присоединил к этим текстам рукопись Археографической Комиссии № 244, отмеченную Н. И. Сидоровым в его „Описании рукописей Археографической Комиссии“, в которой, также как и в рукописи № 486, помещен текст „Летописца начала царства“ в отдельном списке. При ближайшем сравнении двух последних рукописей оказалось, что „Летописец“, помещенный в рукописи Моск. Син. Библ. № 486, есть копия с „Летописца“ по рукописи Археогр. Ком. № 244. Обе эти рукописи ведут свое происхождение из Кириллова монастыря, бывшего в XVI веке, на ряду с Троице-Сергиевым монастырем, одним из важных центров летописного дела.[20] Рукопись Археографической Комиссии № 244 — сборник в 8-ую долю листа. Первая часть его, сборник статей разного содержания, написана на 1 — 87 листах, бумага ее отличается от бумаги следующей части. Варианты знаков бумаги первой части рукописи (tiara) показывают, что она относится к половине XVI в. (сходный знак у Н. П. Лихачева № 1773). Вторую часть рукописи, листы 88 — 313 об., составляет „Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“. Бумага этой части рукописи однородна, имеет знак кувшинчик с буквами в разновидностях. Сходную бумагу Н. П. Лихачев

---

[20] В дальнейшем изложении я буду обозначать „Летописец“ по рукописи Археогр. Ком. — „Кир. I“, а по рукописи Моск. Син. Библ. — „Кир. II“.

датирует в общем половиной XVI века (№ 1773 — 1556 г., № 1741 — 1556 г., № 3346 — 1542 г., № 3347 — 1546 г.). На протяжении всего Летописца почерк меняется несколько раз: довольно строгий полуустав сменяется иногда менее строгим, иногда скорописью. Но смена почерков не связана со сменой бумаги: так, на листах 208, 258 происходит смена почерков, но бумага остается той же. На листах 225 и 225 об. наблюдается пробел, а с листа 226 идет новый почерк, но бумага остается прежней. Это обстоятельство говорит о том, что рукопись писалась разными лицами, но одновременно, вероятно, наспех. Создается представление, что писали эту рукопись несколько монахов, приехавших из Кириллова монастыря в Москву на короткое время. Они наскоро списали, разделив между собою по частям „только что вышедшій тогда въ свѣтъ“ в Москве официальный летописец, столь интересный по содержанию: вернутся в свой монастырь и перепишут набело этот „черный список“ Летописца.

Такой беловой копией его является список Кир. II. Он составляет вторую часть рукописи Моск. Син. Библ. № 486. Эта рукопись в 8-ю долю листа написана на однородной бумаге, также восходящей к половине XVI века и сходной с бумагой некоторых других Кирилловских рукописей. Почерк ее довольно строгий, четкий полуустав, говорит о том, что писец тщательно выполнял свою работу. Первая часть этой рукописи, листы 1 — 116, тоже летописец и, как кажется, также представляет собою копию с другого летописца, находящегося в рукописи Археографической Комиссии № 247. Беглое рассмотрение этого летописца показывает, что по содержанию он сходен с Кирилловским списком Ермолинской летописи (П. С. Р. Л., т. XXIII, предисловие). „Летописец начала царства“ в рукописи Моск. Син. Библ. занимает листы 116 — 483 об. После текста „Летописца“, как в Кир. I, так и в Кир. II, идут чистые листы. Это обстоятельство показывает, что текст „Летописца“ в обоих списках обрывается не случайно, а оканчивается там, где окончился его источник. На собрании семинария С. Ф. Платонова в 1911 г., где я докладывал о Синодальной рукописи, Сергей Федорович сделал замечание, что отметки, имеющиеся на полях рукописи, напоминают обычные отметки Карамзина. По проверке предположение С. Ф. Платонова вполне оправдалось: Карамзин знал эту рукопись (№ 351 Синод. л.), считал ее на ряду с Царственной книгой главным источником для „описанія первыхъ временъ Іоанновыхъ“ и сделал из нее много выписок (см., напр., примеч. к VIII т. „Ист. Гос. Рос.“ 1, 5, 7, 10, 15, 16, 17, 37, 48, 67 и т. д.).

Упомянутая рукопись Публичной Библиотеки F. IV. 585, как выяснено А. Е. Пресняковым в его статье „Заметки о Воскресенской летописи“, является оригиналом Карамзинского списка Воскресенской летописи. Она состоит из трех разновременных частей, соединенных чисто механически. Первая часть рукописи, листы 1—842, написана скорописью, разными

почерками; по бумажным знакам эту часть можно датировать 60—70 годами XVI в. (у Н. П. Лихачева сходные знаки: № 1850—1562 г., № 1874—1567 г.). Вторая часть рукописи написана четким полууставом на одном сорте бумаги; наиболее близкий вариант водяного знака у Н. П. Лихачева датируется 1558 годом (№ 1852). Эта часть кончается так же, как и текст в сп. Кир. I и Кир. II. Часть третья рукописи F.IV.585, листы 919 — 1079, несомненно, XVII в.[21] Переходя к дальнейшему изложению, заранее отмечу, что рукописи сп. П, Воскр. и Кир. I нельзя возводить одну к другой, что все они, следовательно, восходят к одному, общему для них, протографу.

Кир. II, повторяем, является копией с Кир. I. Одним из доказательств последнего обстоятельства служит то, что отметки годов и оглавления, написанные на полях в Кир. I, внесены в текст Кир. II, часто бессмысленно прерывая изложение. Отмечу несколько таких примеров: 1) на л. 117 в Кир. II: „вѣдяше бо ея великій государь боголюбиву и милостиву, тиху и праведливу въ лѣто 7042-го мудру и мужествену...“ В Кир. I на полях, против слов „тиху и праведливу“, обозначено „лѣта 7042-го“ (Кир. I, л. 89; VIII, стр. 76). 2) На л. 118 об. Кир. II: „крестъ цѣловалъ великому князю Ивану Васильевичу. В лѣто 7042-го и его матере великой княгини Еленѣ“. В Кир. I на полях (л. 90) отмечен год. Ср. список П (стр. 77). 3) На л. 128 Кир. II: „И великій государь, слышавъ крымскаго о измѣнѣ не дружбу и ногайскихъ князей и мурзъ и королево согласіе...“ В Кир. I (л. 95) заглавие „о измѣнѣ“ написано на полях. Здесь интересно отметить, что и в П заглавие это вписано в средину фразы: „И великій государь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, слышавъ Крымскаго царя недружбу и ногайскихъ князей и мурзъ и королево согласіе о измѣнѣ, упование полагаетъ на Бога...“ (стр. 83). Следовательно, в том источнике, откуда брали текст сп. П и Кир. I, заглавие помещено на полях, и Кир. I ближе в данном случае к протографу, чем список П. 4) Кир. II (л. 135): „Литовские же земли воевати изъ Стародуба въ лѣто 7063 г. осени и того же мѣсяца“. Здесь отметка года на полях Кир. I (л. 99 об.) и притом ошибочная (надо, 7043) перенесена в текст Кир. II (стр. 89). В Кир. I, после слов: „страшно убо есть впасти въ руцѣ Бога жива“, на половине 225 листа текст прерывается и далее пробел до конца листа и весь об. л. 225. Текст, писанный уже другим писцом, продолжается на л. 226. Это обстоятельство, уже объясненное при описании рукописи условиями переписки, учтено в соответствующем месте Кир. II (л. 340 об.): три последние строчки меньше размером одна другой и на следующем листе (345), в первом слове „царю“, „ц“ написано киноварью (стр. 180). Этот факт также указывает на механическую зависимость Кир. II от Кир. I.

---

[21] В дальнейшем изложении эта рукопись будет обозначаться „Воскр.“.

Перейдем теперь к сравнительному изучению списков Кир. I, Кир. II и списка П, а также и Львовской летописи, а в части с 1542 г. и Воскр. и списка О.

1) Уже в заглавии мы наблюдаем показательное различие:

Сп. II (стр. 75).	Кир. I (л. 88), Кир. II (л. 116).
Лѣтописецъ начала царства и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи о т отца его преставленія...	Лѣтописецъ начала царства ц а р я и великаго князя Ивана Васильевича и отца его преставленья.

Кир. восстанавливает соответственно протографу „царя“, но делает ошибку: вместо „отъ“ пишет „и“; слова „всея Русіи“ надо счесть скорее вставкой в П.

2) Сп. П. (стр. 75).	Кир. I (л. 82 об.).	Кир. II (л. 116 об.).
„Мнози бо иноверніи покушашеся“.	„Много бо иновѣрніи покушашеся“ — но последнее слово поправлено на „п о к у ш а х у с я“.	„Много бо иновѣрніи п о к у ш а х у с я“.

Кир. I, как и сп. П, берет из протографа „покушашеся“, но исправляет; поправка входит в Кир. II, что говорит о зависимости Кир. II от Кир. I и о н е з а в и с и м о с т и сп. П от Кир.

3) В Кир. I и II ненужное „и“ против П и, вероятно, протографа: „...при великомъ князѣ Василіи и крестъ ему цѣловалъ “(стр. 77; Кир. I, л. 90; Кир. II, л. 118).

4) Кир. I и II (л. 90 и л. 119) пропускают против II и протографа в словах „но ненавидяй д о б р а врагъ діаволъ“ слово „добра“, стр. 77.

5) Несколько ниже (на той же странице) сп. П, в рассказе о поимании Юрия Ивановича, пропускает против Кир. и, конечно, протографа, после слов: „...и какъ людіе къ нему поидутъ, онъ станетъ подъ великимъ княземъ подъискивати“, следующий текст: „сего бо ради ненавидяй добра врагъ діяволъ вложи мысль сіо, вѣдяше бо аще не поиманъ будетъ князь Юрьи, не тако воля его совершитца въ грабленіи и во продажахъ и въ убійствахъ, сего ради наусти ихъ на зло сіе дѣло. Они же убо помрачени бывше діаволимъ дѣйствомъ, и уже дѣлу оному окаянне коснутися хотяху, а не вѣдуще, яко Богъ дастъ власть ему же хощетъ, къ симъ бо рече апостолъ глаголаще: быти мудри обью родѣша, и тако мышляху какъ бы великой княгинѣ сказати. Они же совѣту своего еще не утвердиша. И паки...“ (Кир. I, л. 90 об.; Кир. II, л. 119 и 119 об.). Львовская летопись также пропускает этот текст и, следовательно, восходит к сп. П, а не к протографу (XX, стр. 421).

6) В рассказе „О исламѣ“ сп. П и Кир. I пишут: „наметовалъ свою правду и великого князя Василья Ивановича всея Руси с о б ѣ дружбу...“ (стр. 84, л. 96 об.). Но Кир. II дает чтение „себѣ“. „Собѣ“ так читалось и в протографе. Кир. I н е может быть зависим от Кир. II.

7) „А великому князю учалъ исламъ дружбу свою чинити“ сп. II (стр. 84 и Льв.,[22] стр. 424). В Кир. I и II вставлено: „А къ царю и великому князю“ (л. 96 об., л. 129). Вряд ли эта вставка восходит к протографу.

8) Сп. II. и Львовская делают описку: „а въ сторожевомъ полку князя Ивана Ивановича Бѣлевскаго“ (стр. 88, стр. 426). Кир. I и II пишут: „Бѣльскаго“ (л. 99 об., л. 135 об.). Чтение Кир. восходит к протографу. (Вообще, я думаю, что какие-либо существенные исправления и дополнения нельзя относить на счет переписчиков Кир. I). Повторение описки в Львовской указывает на зависимость ее от II.

9) Немного ниже сп. II пишет: „а въ передовомъ польку“. Эта ошибка восходит к протографу, так как повторяется в Кир. I (л. 100) и Кир. II (л. 135; сп. II, стр. 88); в Львовской исправлено „полку“ (стр. 426).

10) Кир. I и II пропускают в тексте „посланные воеводы съ Москвы начаша воевать“ слова „съ Москвы“ (Кир. I, л. 100; Кир. II, л. 136; стр. 88).

11) В помещенном несколько дальше перечне городов наблюдается различие в написании. В сп. II (по рукописи л. 629 об.): „сорицу свѣсипо вой буровичи“. Льв.: „свисино вой...“ Кир. I (л. 100) и Кир. II (л. 136): „Сорицу свѣсино ву и боровичи“. Надо думать, что текст Кир. ближе к протографу. Однако, чтение последнего восстановить трудно; возможно, что и в нем были ошибки. В печатном издании Никоновской летописи редактор исправляет так: „Сорицу, Свѣси, Новый, Буровичи“ (стр. 85, пр. 5).

12) Сп. II и Льв. пропускают обычное в летописях „далъ Богъ“ в тексте: „вышли изъ Литовскые земли далъ Богъ здравы со многимъ плѣномъ“, как в Кир. (сп. II, стр. 90; Льв., стр. 427; Кир. I, л. 101; Кир. II, л. 138).

13) Текст в Кир., соответствующий тексту в сп. II, написанному на подклеенном (в XIX в.) листке бумаги (стр. 90, пр. 2) читается так: „и пріидоша къ великому князю Ивану Васильевичу царю и государю всея Руси на Москву послы изъ Стеколна и отъ избраннаго короля отъ свѣйскаго отъ гастануза гаутманъ лавровъ да матіашъ лавровъ да олбрехъ овкимовъ оздравствоваша (Кир. I, л. 101; Кир. II, л. 138 об.). В Льв. текст совпадает с изложенным.

14) Текст же на обороте подклеенного листка соответствует такому же в Кир. и Льв.: „въ братствѣ и въ крѣпкой дружбѣ и правду великому князю исламъ далъ и съ нимъ калга сава-шрей царевичъ и иные царевичи и хотятъ быти“ (Кир. I, л. 102; Кир. II, л. 139 об.; Льв., стр. 428).

15) Сп. II. (стр. 92) и Льв. (стр. 428). Кир. I (л. 101). Кир. II (л. 142).

Досифей Крутицкій. Досифѣй. Дософѣй.

---

[22] Здесь и дальше отмеч. по П. С. Р. Л., т. XX, ч. 2.

Ясно устанавливается зависимость Кир. II от Кир. I. Можно с уверенностью сказать, что в протографе было „и“, а не „о“; но трудно сказать было ли „е“ или „ѣ“.

16) Сп. II и Кир. I восходят к протографу: „програбивъ казны ихъ“ (стр. 94), но в Кир. I не ясно: „казны ихъ“ (л. 104 об.), что дало повод Кир. II прочесть „Казань ихъ“ (л. 144 об.). Здесь яснее чем где-либо выступает то обстоятельство, что Кир. II есть копия с Кир. I.

17) Значительный пропуск в II (стр. 98) после слов: „многое множество приступиша литвы и желнырей“, в Кир. I (л. 108 и 108 об.) и Кир. II (л. 151 об. и 152) читается: „князь же Федоръ зъ городцкими людми начаша битися съ литвою безъ милости и пробився до кошевъ литовскихъ, и вѣдѣша Литва храборство княжъ Федорово и вои его, и возвратися князь во град; а литва черезъ градъ меташеся во градъ. А къ полому мѣсту присовокупиша много множество литвы и желнырей. И князь же Федоръ паки ударися на нихъ съ дружиною своею, и разби ихъ, множество потопта литвы и желнырей, и побивъ ихъ и разися съ великое ярости въ полки литовскіе и утѣсниша его къ телѣгамъ кошевымъ и взяли князя Федорова жива...“. Вне сомнения, что этот текст читался в протографе. Пропуск его в сп. II легко объясним: он начинается словами: „князь Федоръ“, этими же словами начинается и текст после пропуска. Писец II ошибся и пропустил. Львовская летопись так же опускает это место, как и II, но заканчивает рассказ несколько иначе, чем II: „А къ полому мѣсту многое множество приступиша литвы и желнырей, и тако градъ взяша, а воеводъ великого князя, князя Федора Васильевича Овчину-Оболенскаго, да Микиту Ивановича Немятова Колочева, да князя Семена Федоровича Ситцково взяша живыхъ, а воеводу князя Петра Семеновича Ромодановскаго убиша, а вои великого князя овѣхъ живыхъ яша, а иныхъ избиша, а иній мнози усѣкоша. А Микиты Ивановича Колычева на третій день не стало, понеже взяша его ранена велми“ (стр. 432). Этих подробностей нет и в Кир.; их, повидимому, нужно считать добавлениями только Львовской летописи, взятыми, вероятнее всего, из разрядных записей. Пропуск же текста сравнительно с Кир. свидетельствует, что Льв. восходит к II, а не к протографу „Лѣтописца начала царства“.

18) Еще пропуск в II (стр. 99) и Льв. (стр. 432) после слов: „и поидаша прочь не зарубая града“; в Кир. I (л. 108 об.) и Кир. II (л. 152 об.) следует: „и слышавъ великаго князя воеводѣ, пришедшихъ изъ Литовскіе земли въ Смоленскъ, и поидоша вонъ изъ Украйны великого князя литва и татарове“. Известие это было и в протографе.

19) Сп. II (стр. 100): „пріѣхали къ великому князю на Москву его городецкые татарове Евгастѣй Игнатовъ съ товарищи, а были на Волгѣ, сто человѣкъ ихъ...“; Кир. I (л. 160) и Кир. II (л. 155) делают описку: „а убили“. Чтение II восходит к протографу.

20) Сп. II делает описку: „загоровѣ“ вм. „заговорѣ“ (стр. 101, пр. I); в Кир. I (л. 116 об.) и Кир. II (л. 155 об.) — правильно.

21) Кир. I (л. 117 об.) и Кир. II (л. 166) делают ошибку: вместо „и князь великій и мати его великая княгини велѣли поставить на корегѣ буй городѣ“ (как в II, стр. 107), они пишут: „на берегу й городъ“.

22) Сп. II (стр. 114) и Льв. (стр. 440):

„О казанскихъ татарехъ. того же лѣта... и воеводы сошлися с казанцы на Куси на рѣчкѣ, а казанскые люди многіе; и грехъ ради наших и за многое не исправленіе передъ Богомъ людей великого князя побиши и по грѣхомъ...“

Кир. I (л. 124) и Кир. II (л. 176 об.):

„... и воеводы не собрався съ тѣми людми, что съ ними были, да поскорили наѣхати на татаръ, а казанскіе люди многіе людей великого князя разгонили и по грѣхомъ...“

Особенности сп. II сравнительно с Кир. и, вероятно, протографом надо счесть сознательной переделкой, затушевывающей причину неудачи.

23) Сп. II (стр. 115):

„Чествовал король Тимофеа въ Вилнѣ“.

Кир. I (л. 125) и Кир. II (л. 178 об.):

„. . . . . въ Литвѣ“

Сп. II дает здесь правильное, несколько уточняющее сравнительно с Кир., чтение, восходящее к протографу.

24) Сп. II (стр. 117, прим. 3) вм. „по“, дает „во“.

Кир. I (л. 127 об.) и Кир. II (182 об.) правильно дают „по“

25) Кир. I (л. 131 об.) и Кир. II (л. 188 об.) пропускают слова: „октомврія 7 въ недѣлю. — Тоя же осени“. Легко было сделать этот пропуск: дальше идет: „октомврія 17“. В данном случае II ближе к протографу (стр. 120).

26) II, немного ниже, пропускает после Ивана Иванова сына Клушина: „да Никифора Дыдылдина“ (стр. 120; Кир. I, л. 131 об.; Кир. II, л. 189).

27) Кир. I (132 об.) и Кир. II (л. 190 об.) пропускают, после слов: „съ дѣдомъ твоимъ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ“, слова: „и съ отцемъ твоимъ съ великимъ княземъ Василіемъ“ (Сп. II, стр. 121).

28) Сп. II вставляет сравнительно с Кир. и протографом (стр. 126): „и многые промежь ихъ бяше вражды о корыстехъ и о племянехъ ихъ, всякъ своимъ печется, а не государьскымъ, ни ни земскымъ (Кир. I, л. 138; Кир. II, л. 201). Нельзя не счесть эту вставку тенденциозной.

29) В II вставка в средине фразы со слов: „безъ государскаго веленья“ и кончая словами: „а врагу дѣйствующу“ (Кир. I, л. 139; Кир. II, л. 201 об.; сп. II, стр. 126).

30) После слов „Федора Григорьевича Адашева“ в II пропущено: „да съ нимъ подъячего Никиту Бернядинова“ (Кир. I, л. 139; Кир. II, л. 201 об.; сп. II, стр. 126).

31) Сп. П (стр. 126):

„... со своею милостынею съ Феодоромъ же гостей Филипа Красухина да Истому Кубышку".

Кир. I (л. 139 об.) и Кир. II (л. 202):

„... въ иные монастыри со своею милостынею торговыхъ людей".

Надо думать, что здесь фактическое уточнение составителя П сравнительно с протографом.

32) Вставка в П (стр. 129) со слов: „же съ ложью, а все прислалъ царь Казанской...", кончая словами: „государемъ нашимъ избави отъ нихъ" (Кир. I, л. 142 об. и Кир. II, л. 206).

33) В Кир. I (л. 147 об.) и Кир. II (л. 218) нет слов: „и промежъ бояры великъ мятежъ бысть" (стр. 133). Это тоже вставка II.

34) Пропуск в Кир. I (л. 150 об.) и Кир. II (л. 220): после слов „около города селъ воевати" нет: „а воевода былъ въ городе князь Иванъ Стригинъ Ряполовскій, а вылазили изъ города Иванъ Васильевичъ Шереметевъ да князь Петръ Ивановичъ Дѣевъ". Эта фраза в конструкции рассказа лишняя; ее надо считать вставкой в П, взятой, вероятно, из разрядных записей (стр. 135).

35) В Кир. I (л. 152) и Кир. II (л. 121 об.) пропущены слова: „что хочетъ дружити великому князю съ своею братію" (стр. 136). Но в Кир. I есть в соответствующем месте небольшой пробел, где могли бы уместиться эти слова, — составитель ее, следовательно, не разобрался в своем оригинале. П дает здесь чтение протографа.

36) Также не разобрано в Кир. I слово „Рыльска" и оставлен пробел в тексте: „Того же лѣта іюля (Кир. пишетъ: іюня) 25 пріѣхалъ к великому князю из Рыльска станичник..." В Кир. II карандашем, почерком XIX в., надписано: „съ поля" (стр. 137; Кир. I, л. 154; Кир. II, л. 225).

В конце рассказа 1541 года, со слов: „А царевичь Имин вышед на поле", начинается сходство „Лѣтописца начала царства" с Воскр. (Рук. Публ. Библ. F.IV. 585, л. 885; ср. стр. 139).

37) Сп. П делает ошибку: „Шедовскые мѣста" вместо „Одоевскые", как в Кир. (стр. 139; Кир. I, л. 153 об.; Кир. II, л. 225 об.) и Воскр. (л. 885). Последнее чтение, опирающееся здесь уже на два источника, является и чтением протографа.

38) Слов в конце 1541 г. по сп. П: „А въ то время государь рать свою нарядилъ былъ многую къ Казани, которые люди были въ Владимирѣ и в Муромѣ и тѣ не поспѣли" нет ни в Кир. (I, л. 154; II, л. 230), ни в Воскр. (л. 885), следовательно, их не было и в протографе; но они есть в Льв., а значит Льв. взяла их из П.

39) На конце рассказа 1541 г. надо остановиться подробнее. Отсюда начинается сходство сп. О со сп. П, т.-е., сп. О здесь переходит от одного своего источника к другому, от Воскресенской летописи к сп. П. Сходство начинается как раз с пропущенных в „Летописце" слов, т.-е., пропущенных

в Кир. и Воскр. В О, как и в П, эти слова есть (стр. 144 прав. стб. и конец стр. 139). О следует здесь за П. В дальнейшем тексте: „воеводы же великого князя пришли къ городу, а царь по вѣстемъ поспѣшилъ от города прочь со всѣми людми. И воеводы за царемъ пошли часа того; пришли къ Дону, а царь уже Донъ перевезся, и воеводы за царемъ отпустили немногих людей, а сами возвратишася и пріидоша к великому князю на Москву всѣ здравы“ (стр. 114 прав. стб.) последняя фраза „пріидоша“ и т. д. взята из П, но переделана в зависимости от предшествующего текста, которого нет в П, его нет также и в Воскр. и в Кир. Он является особенностью сп. О и или восходит к тому списку Воскресенской летописи, который служил источником сп. О и который этой именно фразой оканчивался, или принадлежит редактору сп. О и является фактическим дополнением и исправлением рассказа сп. П. То обстоятельство, что последняя фраза есть, несомненно, переделка фразы из П, как уже отмечено, говорит скорее за последнее предположение.

40) Сп. П и О (стр. 143):	Кир. I (л. 162 об.):	Кир. II (л. 238):
„Того же мѣсяца преставися архіепископъ Ростовскій Досифей и положенъ въ Ростовѣ“.	„... Дософѣй и положенъ въ Ростовѣ“, но „Ростовѣ“ переделано: „Кирилловѣ“.	Согласно исправленному: „въ Кирилловѣ“

Здесь особенно заметна прямая зависимость Кир. II от Кир. I.

41) Кир. I и Кир. II пропускают, спутав числа 11 и 21, после „въ лѣто 7051 сентября 11“, слова: „отпустилъ князь великій въ Крымъ царева человѣка Тамоча, а съ нимъ вмѣстѣ послалъ къ царю въ Крымъ своего человѣка Феодора Вакшеринова з грамотою. Того же мѣсяца 21“ (стр. 143; Кир. I, л. 163; Кир. II, л. 238 об.).

42) Сп. П и О (стр. 145):	Кир. I (л. 165 об.):	Кир. II (л. 242 об.):
в конце 7051 г.: „Тоя же зимы преставися епископъ Ферапонтъ Суздальскій, а положенъ въ Суждалѣ“.	„... а положенъ въ Суждалѣ“, но „въ Суждалѣ“ зачеркнуто и на полях приписано „въ Ферапонтовѣ“.	Согласно поправленному читается „... положенъ въ Ферапонтовѣ“.

И здесь, как и в известии о преставлении Ростовского архиепископа, ясно обнаруживается зависимость Кир. II от Кир. I. Легко объяснить, почему Кир. I сделал поправку в том и в другом случае: кому же лучше знать, как не писцу Кир., монаху Кириллова монастыря, кто погребен в Кириллове и в Ферапонтове. И он поправляет ошибку московского летописца, предположившего, что скончавшийся архиепископ Ростовский положен в Ростове, а Суздальский епископ в Суздале.

43) В списках П и О и в Льв. летоп. чрезвычайно показательная (см. ниже) вставка сравнительно с Кир. I, Кир. II и Воскр.: после слов „... и лѣстницу и двери придѣлаша у тое же церкви Воскресенья Христова въ лѣто

7060 мастеры московскіе", в Кир. и Воскр. нет известия: „и в 63 лѣто царь и митрополитъ въ ту же церковь принесли Рожество Христово отоМстиславьскаго двора и съборъ установили" (Ник. л., стр. 145; Льв., стр. 463; Кир. I, л. 166 об.; Кир. II, л. 244 и Воскр., л. 890). Этот пропуск в Кир. и в Воскр. и редакция вставки в П определенно указывают, что их не было и в протографе. Таким образом, вставку надо отнести на счет сп. П, а в О и Льв. она заимствована из П.

44) Несколькими строчками ниже в П также лишние, сравнительно с Кир. и Воскр., слова: „а совѣтниковъ его разослалъ, и отъ тѣхъ мѣстъ начали бояре от государя страхъ имѣти". Эти тенденциозные слова, понятные только в более поздние годы царствования Грозного, следует считать вставкой в П против протографа (стр. 145; Кир. I, л. 166 об.; Кир. II, л. 244 об.; Воскр., л. 890).

45) Кир. I (л. 167) и Кир. II (л. 245) пропускают, сравнительно с П и Воскр.: „тоя же зимы преставися епископъ крутицкой Досифей" (стр. 46), но в Воскр. (л. 890 об.) вместо „Досифей" — „Дорофей".

46) Сп. П, О и Льв. (стр. 146; Льв., стр. 464 — 5): „тоя же весны Априля послалъ князь великій (в большемъ полку) воеводъ своих князя Семена Ивановича Пункова с товарищи (а в передовомъ полку Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, а въ сторожевомъ князь Давыдъ Палецкой) к Казани легъкымъ дѣломъ в струзѣх..." Заключенных в скобки слов нет в Кир. I (л. 168), Кир. II (л. 246 об.) и Воскр. (л. 891); это, несомненно, вставка в П: она нарушает конструкцию текста: во вторых скобках имена не согласованы в падеже; составитель П заимствовал сведения из разрядных книг и дополнил ими свой рассказ. Сп. О и Льв. следуют за П.

47) П делает тенденциозную вставку, сравнительно с Кир. и Воскр., а следовательно, и протографом: после слов: „онъ бяше тогда у великого государя въ приближеніи Василій", в Кир. I (л. 172 об.), Кир. II (л. 244 об.) и Воскр. (л. 893 об.) нет слов: „и по прежнему их неудобству, что многые мзды в государствѣ его взимаху въ многыхъ государьскыхъ и земскых дѣлехъ" (стр. 149). Льв. и О следуют за П (Льв., стр. 467).

48) В Кир. и Воскр. не отмечен обратный путь Ивана Васильевича из путешествия по монастырям: как в Ник. и в Льв., слова: „и назадъ идучи в Псковъ и в Новгородѣ у Пречистой на Тихвинѣ" вставлены в П, О и Льв. (стр. 149; Кир. I, л. 137; Кир. II, Воскр., л. 894).

49) Сп. П и Кир. I дают: „не мога терпѣти клятвопреступниковъ казанцевъ", Кир. II — „клятвопреступленья казанцев". Описка в Кир. II (стр. 158; Кир. I, л. 187; Кир. II, л. 279).

50) Вставка в П слов (в конце 160-й стр.): „а свадьба была княже Владимира Андрѣевича у царя и великого князя на дворѣ, а вѣнчалъ ихъ Макарей митрополитъ всея Русіи въ соборной церкви въ Пречистой" и, несколько дальше, слов: „пришли къ великому князю вѣсти про крымскаго

царя, что хочетъ быти на его украйну“ — нет в Кир. I (л. 192), Кир. II (л. 286 об) и Воскр. (л. 905), их не было и в протографе. Сп. П вставил их самостоятельно: это подтверждается еще тем, что слова: „пришли къ великому князю...“ в П приписаны на полях (стр. 160, прим. 6). Сп. О и Льв. следуют за П, и последние слова вносят в текст.

51) Вставка в П и О (стр. 168) и Льв. (стр. 485). В Кир. I (л. 205), Кир. II (л. 288) и Воскр. (л. 912 об.) нет слов: „Того же году мѣсяца Августа поставленъ на Пронѣ на рѣкѣ.... и о семъ Богу хвалу воздаша“.

52) Вставка в П, О и Льв. (стр. 170, 487): „того же 59 году пришли к царю.... а иныхъ царей, которые ему служатъ“ (Кир. I, л. 209 об.; Кир. II, л. 315 и Воскр., л. 914 об.).

53) Тоже вставка в П, О и Льв. (стр. 171, 487): „того же году 60 послалъ государь въ Асторохань.... х правдѣ привести“ (Кир. I, л. 209 об.; Кир. II, л. 315; Воскр., л. 915).

54) Сп. П, О и Льв. (стр. 173, 490):

В речи казанского царя П делает пропуски и изменения:

„...ѣхати да мнѣ инуды некуды, ѣду ко царю и великому князю, коли-де меня отъ казанцевъ иметь немѣра и язъ лихихъ еще изведу, да буду у государя“.

Кир. I (л. 213 об.), Кир. II (л. 322) и Воскр. (л. 917 об.):

Вместо подчеркнутых слов дают: „да имѣть князь Дмитрій на томъ, что меня великому князю не убити, пожаловати к городку придати, что пригоже. А яз здесе лихихъ еще извѣду, да пушки, и пищали и зеліе перепорчю; и государю приди самъ, да примышляй сколко ему Богъ поможетъ за их измѣну. А пустити мнѣ русскихъ людей немочно. И князь Дмитрій у него в томъ правды просилъ, что ему такъ здѣлати. Царь по своей вѣрѣ правду на томъ учинилъ и на всемъ, что ему лихихъ людей побити, а иныхъ казанцевъ вывести, а пушки и пищали перепортити и зеліе не оставити и казанцомъ того ему не сказывати. А бояринъ князь Дмитрій Федоровичъ и Алексій Адашевъ да Иванъ Черемисиновъ на томъ царю правду дали только такъ царь учинитъ, как ся обещалъ и государю его жаловати. И здѣлавъ царь на томъ.... да князя Дмитрея и Алексѣя отпустилъ ко государю“.

Вне сомнения, что в данном случае пропуск сравнительно с протографом делает П. Конструкция и содержание текста указывают на то, что здесь мы имеем дело с намеренным пропуском, который следует, вероятно, объяснять политическими отношениями того времени. Сп. О и Льв. следуют за П.

55) Аналогичный пример намеренной переделки текста мы имеем несколько дальше.

П и О (стр. 174) и Льв. (стр. 490):	Кир. I (л. 215 об.), Кир. II (л. 325) и Воскр. (л. 918):
„юрта не порушить, а прожити мнѣ въ Казани не мочно, въ Ногаи Казанцы послали царя просити, язъ иду въ Свіязъской городъ таколи отъ нихъ быти убиту“.	вместо этих слов дают: „юрта не порушити, на чемъ есми правду далъ тѣ дѣла иные подѣлалъ, а досталъ додѣлаю, да ѣду въ Свіяжской городъ, и много словъ о томъ было. Не здѣлаетъ такъ инъ бы ждалъ до весны, и царь Шигалѣй того не захотѣлъ: „свѣдаютъ-де казанцы и мнѣ от нихъ быти убитому“. И отпустилъ царь Алексѣя в Свіязскій городъ. Апушки большіе и пищали, и зеліе вывезено. И говорилъ ему Алексѣй, чтобы Касынъ молну убити и иныхъ людей на чемъ онъ правду далъ лиха чити техъ бы не было“

56) Сп. П делает описку (стр. 176, пр. 4): „лихо которои“ вместо „лихо которое“, как в Кир. I (л. 218 об,), Кир. II (л. 329) и Воскр. (л. 920). Льв. и сп. О следуют за П, повторяют его ошибку. Здесь особенно видна зависимость сп. О и Льв. от сп. П (Льв., стр. 492).

57) В сп. П (стр. 177), сравнительно с Кир. I (л. 220 об.), Кир. II (л. 333) и Воскр. (л. 921), вставлены слова: „того же году в маѣ выѣхалъ къ государю из Астрахани.... Борис Сукинъ“.

58) Сп. П (стр. 188, пр. 4) дает чтение „прогонил“, как и в Кир. (I, л. 242 об.; II, л. 365 об.) и Воскр. (л. 932). Сп. О и Льв. (стр. 503) исправляют: „пригонилъ“. Чтение П, Кир. и Воскр. надо счесть принадлежащим протографу.

59) Напротив, несколько дальше чтение П и О „строитъ“ (стр. 189) не восходит к протографу; в Кир. I, Кир. II и Воскр. „строити“ (л. 244, л. 367, л. 932 об.), в Львовской самостоятельно исправлено.

60) Сп. П (стр. 98) и Кир. I (л. 262) пишут: „Борис Салтыков“, Кир. II (л. 297 об.): „Борис Салтановичъ“.

61) Сп. П пишет: „Труры“ вместо „Туры“ (стр. 205, пр. 1), Кир. I (л. 274), Кир. II (л. 417) и Воскр. (л. 948): „туры“.

62) Сп. П (стр. 207) дает: Кир. I (л. 247 об.), Кир. II (л. 423) и Воскр. (л. 950):

„того же дни послалъ государь околничего своего Ивана Михайловича Воронцова мѣстъ смотрѣти гдѣ стояти большему полку“.	„послалъ государь околничего своего Ивана Михайловича Воронцова того же дни“.

63) В Кир. I (л. 248), Кир. II (л. 423), Воскр. (л. 950) и в П (стр. 207, прим. 3) нет слова „Казанская“ в тексте: „вся земля Казанская на смерть в городѣ затворилися“, как есть оно в О — надо считать самостоятельной

вставкой переписчика О. В. Львовской его также нет (стр. 520); это обстоятельство указывает, что Льв. восходит к П, а не к О.

64) Кир. (I, л. 279; II, л. 425) делают пропуск, спутав два одинаковых отчества; слов, поставленных в скобки, нет в Кир.: „Повелѣ государь правой рукѣ боярину князю Петру (Михайловичю Щенятеву да воеводѣ князю Андрею) Михайловичю Курбьскому...“ (стр. 207). Любопытно, что та причина, по которой сделал пропуск переписчик Кир. I, повлияла и на составителя Воскр.: здесь совсем не упомянут кн. А. М. Курбский: „повелѣ государь правой рукѣ боярину князю Петру Михайловичю Щенятеву да ертоулом князю Юрью Ивановичю Пронскому...“ (л. 950 об.).

65) В тексте: „...о покушении тайника. И государь послалъ къ воеводамъ (Алексіа Адашева, а с нимъ) Размысла, а велѣлъ тотъ тайникъ взорвати“ (стр. 209; Льв., стр. 522) поставленных в скобки слов нет в Кир. I (л. 282 об.; II, л. 481) и Воскр. (л. 952). Слова эти следует счесть вставкой в П сравнительно с протографом. Дальнейший текст подтверждает это: „а велѣлъ ему на это дѣло учениковъ оставити, а самому большего дѣла беречи“. Здесь под „ему“ разумеется, конечно, „нѣмчинъ Разсмыслъ хитрый навычный градскому разоренію“. Таким образом, вставка имени Алексѣя Адашева была сделана в П.

66) Вставка в П (стр. 210), сравнительно с Кир. (I, л. 282 об.; II, л. 431) и Воскр. (л. 952): „и бояринъ князь Василей Семеновичъ, прося у Бога милости прилежно о семъ, по царскому повелѣнію пострадавъ о томъ в день и въ нощь и въ десять день подкопался подъ мостъ, куды съ водою ходятъ; и самъ князь Василей съ товарыщи извѣстно видѣвъ и гласы Татарьскые услышавъ, что въ водою уже черезъ нихъ ходятъ и възвѣстилъ государю“. Эта вставка, думается, принадлежит тому же лицу, что и предыдущая.

Кроме приведенных отличий изученных летописных списков, можно наблюдать еще целый ряд вариантов в написании отдельных слов, в приведении заглавий на полях или в тексте, в пропуске их, в приведении новых и т. п.

Приведенный материал не оставляет больше сомнений в существовании „Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“, даже больше: он дает возможность с довольно большой точностью реконструировать протограф этого „Лѣтописца“ и судить о взаимоотношениях известных нам его списков и ближайших к нему редакций летописей.

Ближайшими к „Летописцу начала царства“ в редакционном отношении являются Кирилловские летописцы и с 1542 года Воскресенская летопись по рукописи F. IV. 585: они точнее других воспроизводят его текст, Кир. I и Воскр. непосредственно к нему восходя, а Кир. II через Кир. I. Список П, также непосредственно восходящий к „Летописцу“, во

многих случаях дает самостоятельную обработку текста, а список О и Львовская восходят к „Летописцу“ через П, не делая от последнего значительных самостоятельных отступлений. Но всмотримся сначала внимательнее в содержание „Летописца“ и его характер.

Что касается конца летописи, то о нем можно судить по концу Кир. I (л. 313 об.) и Воскр. (л. 909): они кончаются известием о приезде черкасских государей (т. XIII, стр. 223). Это известие — единственное после повествования о Казанском походе. После этого известия в каждой из них можно подметить такую особенность: текст, не доходящий до конца страницы, заканчивается росчерком, а дальше следует по несколько чистых листов. Это обстоятельство, одинаковое для двух летописей разных редакций, верный признак, что такой конец их не случайный: писцу дальше не с чего было списывать, его оригинал закончился. Наконец, и список П дает повод к такому же заключению: в нем после указанного известия о черкасских государях приведен короткий рассказ о поветрии в Новгороде, начинающийся словами: „а шестьдесятъ первомъ и шестьдесятъ второмъ году“ и оканчивающийся: „явилъ Богъ милосердіе, преста поветріе“. После этого рассказа, конец которого в списке П занимает первые шесть строчек 793-го листа, следует пробел до конца оборота этого листа. Текст возобновляется на листе 794. Мы не сделаем ошибки, если сочтем, что оба эти известия, о приезде черкасских государей и о Новгородском поветрии, являются в основной редакции „Летописца начала царства“ позднейшими приписками. Кирилловский и Воскресенский летописцы переписывали свой оригинал, когда в нем еще не было приписки о Новгородском поветрии, несомненно, по характеру редакции значительно позднейшей, а список П тогда, когда она была уже сделана.

Итак, „Летописецъ начала царства царя и великаго князя Ивана Васильевича“ оканчивался описанием торжеств и царских наград, которое увенчивало пространную повесть о Казанском взятии, последними словами были: „а кормленіи [23] государь пожаловалъ всю землю“. Вывод этот тем более покажется правильным, если мы примем во внимание цель и время составления „Летописца“.

Что касается времени составления, то о нем довольно точно можно судить по следующему обстоятельству. Я приводил уже имеющуюся в сп. П вставку известия (см. выше, стр. 82 — 83, п. 43) о перенесении в церковь Воскресения престола Рождества Христова со Мстиславского двора. Это событие происходило в 1555 году, оно не приведено в „Летописце“ (Кир. и Воскр.). Следовательно, „Летописец“ написан до 1555 года. Его конец относится к 1553 году. Этими датами и определяется время составления „Летописца“: 1553 — 1555 года.

---

[23] Кир.: кормлении.

Определение времени составления „Летописца“ ведет к догадкам о цели его составления. Поход на Казань, завершившийся взятием ее и сокрушением татарского царства, был весьма крупным успехом внешней политики Московского государства. Царствование молодого царя Ивана Васильевича ознаменовалось событием, прославившим его как защитника „пречестнѣйшей вѣры Христіанскаго греческаго закона, иже во всей поднебесной, яко же солнце сіяше“, как наследника московских самодержцев, постепенно расшатывавших могущество татарских царств и поднимавших значение своего „отечества и дѣдства“.[24] Прославление этого события и его героя и было целью составления „Лѣтописца“. Было решено составить не отдельную повесть, а именно Летописец, долженствовавший описать все начало царствования царя Ивана Васильевича „отъ отца его преставленія“ и увенчивающийся повестью „о сотвореніи преславнаго чуда“. Косвенное подтверждение этой мысли мы видим в том, что все вставки в сп. П, после начала „повѣсти“, носят посторонний характер, нарушающий связное течение рассказа (см. выше п.п. 51, 52, 53 и 57).

По составу „Летописец начала царства“ не является сводом. Источники его — официальные документы: послания царя и митрополита, статейные списки, разрядные записи — являются п е р в о-источниками, которыми автор пользовался в Московском государственном архиве. Лишь один источник литературного характера был использован автором „Летописца“ и при том в самостоятельной и тенденциозной обработке. Мы имеем в виду рассказ о смерти Василия III. Сравнение текста этого рассказа в „Летописце“ и Воскресенской летописи (что то же — сп. П и сп. О), показывает, что он заимствован первым из последней.[25] Поскольку в „Летописце“ не видно дальнейшего использования Воскресенского текста, постольку мы можем думать, что автор „Летописца“ имел в руках первую редакцию Воскресенской летописи, оканчивающуюся смертию Василия III, составленную немного спустя после этого события, и значительно переделал ее. Автор „Летописца“ выбрасывает обращение Василия III к боярам, возлагавшее на них попечение о супруге и детях умиравшего, и призывавшего их „поберечь“ под наследником его „государства Рускіа земли“. Наличие этого обращения, начинающегося словами: „вы же бояре мои, съ вами Рускую землю держахъ и васъ во чти держахъ“, мало соответствующими политической практике Василия III, весьма характерно (все равно, был ли в действительности этот факт или нет) для первой редакции Воскресенской летописи, составленной во времена детства Грозного, в пору боярского правления. Не менее характерно то, что это обращение было выброшено

---

[24] Из речи митрополита Макария.

[25] Ср. А. Е. П р е с н я к о в, Завещание Василия III, „Сб. статей, посв. С. Ф. Платонову“, стр. 75.

автором „Летописца“, в своей обработке рассказа наоборот выдвигавшего значение великой княгини Елены. Можно с большой уверенностью сказать, что „Летописец“ составлялся вскоре после болезни Ивана Васильевича в 1553 г. и событий, связанных с крестоцелованием „пеленочнику“ Димитрию Ивановичу. Политические настроения, проявившиеся в этот момент, были весьма сходными с настроениями в минуту воцарения Грозного. Автор „Летописца“ воспользовался случаем изображения сходного исторического момента в своих целях: он стремился умалить в глазах московского общества значение боярства и возвысить значение царицы Анастасии.

Кто же был автором „Летописца“? Только что указанная тенденциозность его заставляет думать, что его надо искать не в боярской среде, а в кругах, близких к царской семье. Одна поздняя рукопись летописи, близкой по содержанию к „Летописцу“, побывавшая в руках у Татищева, связывает как будто его составление с именем митрополита Макария.[26] Этому не противоречит тенденция содержания „Летописца“: роль Макария освещена в нем в ярких и весьма возвышающих его политическое значение чертах. Остановимся на этой вероятной, по нашему мнению, догадке. Как мы уже видели, „Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“ отразился на сп. П, а через его посредство на сп. О и Львовской летописи. Однако, во всех этих летописях текст продолжается: до 1556 года в П, до 1558 года в О, до 1560 г. в Львовской. Наконец, Лицевой свод, сходный как известно со сп. О, доводит текст до 1567 года. А. А. Шахматов утверждает, что текст этот восходит к тому же „Летописцу начала царства“, постепенно пополнявшемуся.[27] Но доказать этого нельзя: у нас нет ни одного отдельного списка „Летописца“, который давал бы текст от 1534 года до 1567 года. Кроме того, если бы это было так, то несомненно, что сп. О, Льв. и Лицевой свод восходили бы непосредственно к протографу „Летописца“, а не к сп. П и в части до 1556 года. Мы полагаем поэтому, что „Летописец“ не был продолжен после 1553 года и оканчивался, как уже было указано, повестью о казанском взятии. Конец списка П за годы 1553-1556 — самостоятельного происхождения, его источники официальные документы Московского государственного архива и те списки „черные, что писати в Летописец лет новых“, которые хранились когда-то в том же архиве.[28] То же самое нужно сказать о третьей части списка О за годы 1556 — 1558.

Подводя итоги изучению списков П и О Никоновской летописи, в отношении первого мы припомним, что он состоит из нескольких одновременно написанных тетрадей, восходящих к разным источникам. До 1521 года его, кажется, единственным источником была первая часть списка О, от 1521 года

---

[26] Востоков, Описание рукописей Румянцевского Музеума, стр. 362, № CCLVII.
[27] А. А. Шахматов, Рецензия на исследование Тихомирова.
[28] А. А. Э., т. I, № 289.

до 1534 года — Воскресенская летопись в списке, до нас не дошедшем, от 1534-1553 г. „Летописец начала царства“, и, наконец, от 1553-1556 г. — текст самостоятельный. Список О состоит из четырех разновременных частей. Первая часть его является беловой копией протографа Никоновской летописи. Источником этого протографа (с 1506 года), общим с Воскресенской летописью (с 1509 года), была недошедшая до нас редакция Софийской II летописи. Вторая часть его, 1520-1556 годы, была составлена по двум источникам до 1542 года по неизвестному нам списку Воскресенской летописи в третьей ее редакции, а с 1542 года по списку П. Третья часть — годы 1556-1558— самостоятельный текст. Четвертая — частные записи конца XVI века. Список П и три первые части списка О вышли в их окончательном виде из одних рук, и их возникновение следует приписать правительственной инициативе. Думаем, что не ошибемся, если предположим, что назначением их было послужить черновыми оригиналами для задуманного тогда Лицевого свода. Припомнив вставку в списке П имени Алексея Адашева в рассказе о „порушении тайника под Казанью“ и указание в описи Царского архива, что Адашев „писал память, что писати в Летописец лет новых“, мы рискнем предположить, что одно время он был прикосновенен к этой редакционной работе по составлению Лицевого свода. Первоначально оригиналом Лицевого свода был предназначен список П, позже по каким-то соображениям, не чуждым, может быть, политической тенденции, он был заменен списком О.

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ
ПОСТОЯННОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.
I (XXXIV).

Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского Дома.

Б. Д. Грекова.

II.

Собственное сельское хозяйство.

Этот очерк посвящен не всему сельскому хозяйству Софийского Дома в полном его объеме, а только той его части, которая была непосредственно организована для себя самим Софийским Домом и велась под его непосредственным же наблюдением. В светских вотчинах она носила техническое название собственного барского хозяйства или барской пашни.

Здесь прежде всего встает вопрос: с какого времени мы имеем право говорить о собственном барском сельском хозяйстве Новгородского владыки. Нашими исследователями давно уже был подмечен факт, что ни в XV веке, ни в известной части XVI века собственной запашки у крупных и средних землевладельцев как в Новгородской, так и в Московской области еще нет.[1] Массовый материал Новгородских писцовых книг как будто бы подтверждает это наблюдение для Новгородских пятин: если и называется там иногда барская запашка, то столь скромных размеров, что учитывать ее в качестве характерного хозяйственного признака данного времени не представляется возможным. Повидимому, к этой же категории фактов нужно отнести и известное упоминание барского хозяйства в Константиновском монастыре.[2] Монастырь был небольшой, хозяйство его, надо думать, было тоже несложно. Крестьяне сидели на пашне по селам; кроме общей для всех крестьян яловицы к празднику, были обязаны монастырю также сделъем: более зажиточные крестьяне должны были прежде всего поддерживать в порядке монастырские здания, обрабатывать „игумнов жеребей“, ловить рыбу и бобров на монастырь; более бедные, безлошадные крестьяне,

[1] А. Никитский, История экон. быта Вел. Новгорода, стр. 51. Н. Рожков, Сельское хозяйство.

[2] А. А. Э., т. I, № 11—Уставн. грам. митрополита Киприана Константиновскому монастырю.

к празднику должны были молоть рожь и солод, печь хлеб, молотить к посеву семенную рожь и исполнять на монастырь еще кой-какую мелочь. Пашня среди других барщинных обязанностей занимает совсем второстепенное место. Это особенно ясно видно из второй половины грамоты, где приводятся показания свидетелей по спорному вопросу о содержании крестьянских повинностей по отношению к монастырю. В доказательство полного соответствия показаний игумена со свидетельскими по этому вопросу здесь еще раз вкратце передается сущность крестьянских повинностей: свидетели „тѣ жъ рѣчи сказали—и о озерѣхъ, и о истокѣхъ, и о бобровой ловлѣ". Пашни тут совсем не оказалось: этого ни в коем случае не могло бы быть, если бы пашня занимала видное место в монастырском хозяйстве. Из всей этой грамоты, центр тяжести которой лежит в точном определении крестьянских повинностей, которые будто бы последним игуменом были изменены, видно, что небольшое монастырское хозяйство рассчитано было исключительно на потребление монастыря, у которого других средств к существованию не было. Странно было бы этот перечень крестьянских повинностей рассматривать в смысле позднейшей барщины, рожденной совсем другими хозяйственными условиями. До того времени, когда появились эти условия, положение крестьянина хозяйственное и правовое, его отношение к землевладельцу и земле были иными и, согласно общему мнению наших исследователей, больше, чем позднее, приближались к понятию „свободы", если употреблять этот термин в противоположение состоянию крепостной зависимости. Только во второй половине XVI века, когда аренда с крестьян начинает заменяться собственным хозяйством землевладельца, и положение крестьян меняется в сторону усиления их зависимости от хозяев, в итоге принявшей форму крепостных отношений. Эта перемена, происшедшая в середине XVI века в хозяйстве вотчины, бросится сразу в глаза, если мы дадим себе труд всмотреться в грамоту того же Константиновского монастыря конца XVI века (1590 г.).[3] Без всяких преувеличений можно сказать, что монастырская собственная пашня здесь главнейший предмет, о котором идет речь в грамоте. Грамота составлена с целью точнее определить обязанности монастырских крестьян и прежде всего к монастырской пашне. Они должны монастырскую пашню унавозить, вспахать, посеять (зерно предполагается монастырское), убрать хлеб, свезти его и обмолотить, при чем на каждую крестьянскую выть положено было по $1^1/_2$ десятины. В 30-х годах XIX в. при системе рационально-максимальной нагрузки крепостного крестьянина на барщине рекомендовалось крестьянскому тяглу обрабатывать господской земли одну десятину в каждом поле, при чем это тягло тоже было „обязано назначенную землю вспахать, разрыхлить, удобрить, забороновать, засеять

---

[3] П. Иванов, Описание государств. архива старых дел. М. 1850, стр. 237. См. также А. Ю. Б., т. I, № 43.

и убрать с нее хлеб".[4] Ясно, в каком направлении развивались отношения в вотчине XVI века.

Образчиком обычных для XV века хозяйственных обязанностей крестьян по отношению к монастырю может служить известная грамота Новгородского епископа Ионы Юрьеву Новгородскому монастырю.[5] Здесь, между прочим, говорится: „...се урядишася робичичане съ архимандритомъ Григориемъ и съ попы и съ черенци Юрьева монастыря... давати имъ успы въ житницю 30 коробей ржи, 30 овса въ правую мѣру въ новгородскую. А возити имъ самимъ той хлѣбъ въ монастырь святаго Георгія. А посельникамъ поселье по старинѣ. А коли архимандритъ пріѣде на подъѣздъ, стояти ему на стану двѣ ночи. А пива положити христьаномъ довольно, хлѣба и вологи, рыбное и мясное довольно. А конемъ овса и сѣна довольно. А дару архимандриту на томъ стану 5 гривенъ, стольнику полкоробьи ржи, чашнику полкоробьи ржи, попу съ черпцомъ коробья ржи, дьякону четвертка ржи, повору съ конюхомъ коробья ржи, молодцамъ коробья ржи, козначію съ повозникомъ четвертка ржи, приставомъ новгороцкимъ полкоробьи ржи. А коли архимандритъ на подъѣздъ не поѣде, ино тогды пошлинникомъ пошлины вси не надобѣ, а архимандричь даръ 5 гривенъ поставити хрестьяномъ въ монастыри..."[6] Если даже в видах крайней осторожности понимать термин „урядишася", как пережиток, уже не совсем соответствующий действительному положению вещей в середине XV века, то и тогда необходимо признать не случайностью его сохранение, потому что во второй половине XVI-го века ни о каком „уряде" уже нет речи: софийский, например, помещик в это время имеет право изоброчить крестьянина, чем и как пожелает, а крестьянин обязан своего помещика „чтить и слушать во всем".[7] Итак, „уряд" земледельца-крестьянина с землевладельцем есть факт, характеризующий более раннее время и, может быть, с оговорками самое начало XVI в. Конкретные условия уряда робичичан с Юрьевским архимандритом дают нам основание отметить следующие особенности в способе эксплоатации землевладельцем этой волости: 1, собственной барской запашки нет; 2, крестьяне обязаны доставлять непосредственно монастырю хлеб и деньги; 3, они же обязаны содержать (целиком или частично, не указано) посельников, т.-е., местных представителей монастырской администрации; 4, в „подъездной годъ"

---

[4] У. Карпович, Хозяйственные опыты тридцатилетней практики. СПБ. 1837, стр. 313.

[5] Иона в епископах Новгородских с 1458 по 1470 г.

[6] Макарий, архим., Опис. Новг. Юрьева монастыря. Чтен. М. О. И. Д. 1858, III, смесь, стр. 54.

[7] „...И вы бъ... крестьяне и бобыли... своего помѣщика чтили и слушали во всемъ, и пашню на него пахали, и оброкъ его помѣщичъ хлѣбной и денежной давали, чѣмъ онъ васъ изоброчитъ" Актовые книги Постоянной Историко-Археографической Комиссии (в дальнейшем А. К. П. И.-А. К.) № 63, л. 113 об.). Таким назиданием заканчивается каждая софийская жалованная грамота на поместье конца XVI века.

крестьяне должны кормить архимандрита и его свиту на свой счет по определенной табели. Свита называется „пошлинниками“, что дает нам право сравнивать эти подъезды с древним „полюдьем“ и отчасти отгадывать назначение этих „подъездов“. Таким образом хозяйничание землевладельца сводится к тому, что он, урядившись с крестьянами, сидит у себя дома и ждет, когда крестьяне привезут ему домой все, что полагается по договору, или же сам со своими приближенными едет в волость и там получает часть того, что ему причитается. Остальное, недополученное во время поездки, очевидно, подлежит доставке на дом. Поездка землевладельца ложится на крестьян новой тяжестью: они должны дать сверх обычного оброка еще пошлины 5 коробей ржи, овса и сена лошадям, очевидно, „поскольку могут зобати“, людям владыки, сверх ржи, хлеба, вологи, рыбного и мясного довольно, т.-е., они должны хорошо прокормить человек 12—15. Так устраивался Юрьевский монастырь в данной Робичинской волости. Опыт нас предостерегает от больших обобщений в этом вопросе. Вполне вероятно, что в другой волости мы найдем уже некоторое отклонение от Робичинского usus'a. Кирилловский Новгородский монастырь, например, собирал свои оброки в Ржеве несколько иначе: „поѣздники“ монастырские „по двожды на году ѣздять, въ осень, а зимѣ“, забирают деньги, хлеб и др. продукты. Если же они не ездят, тогда крестьяне обязуются доставить в монастырь все эти продукты, но в меньшем количестве: учитываются расходы по перевозке.[8] Владыка Новгородский тоже собирал „дань“ в Ржеве. Крестьяне сами доставляют ему хлеб зимой. А иногда „владычины поѣздники“ ездят. Тогда их кормит и поит население, дает подводы и фураж. Поѣздники владыки попутно и судят и делают хозяйственные распоряжения.[9] Население, несомненно, чувствует тяжесть этих поездок и ревниво оберегает свои интересы. Подлинной жалобой звучат следующие слова документа: „тако жъ дворъ рядятъ на владычины посылники у св. Воскресенья тутъ тыми жъ людми, а люди губятъ; а того здавна не бывало, што владычнымъ бояромъ ѣздити по тымъ жеребьемъ много, нижьли только одиново посылникъ ѣздитъ по тымъ варомъ пивнымъ, поки объѣдетъ пива, а объѣхавши пива, прочь ѣдетъ...“[10] Запашки барской и здесь нет. Софийский уполномоченный собирает с населения дань. Только рыбу ловить в озере владыка присылает своих людей, которых население должно кормить вместе с их лошадьми.[11] Я далек от мысли рисовать какую-либо идиллию для XV и первой половины XVI века в отношениях между крестьянином и землевладельцем,

---

[8] Акты Зап. Росс., т. I, № 71, стр. 87.

[9] „А коли ѣздять поѣзьдники владычины по волости, а пригодится имъ судить судъ...“ „А коли которой чоловѣкъ сойдетъ съ тыхъ жеребьевъ, ино владычинъ поѣзднякъ даивалъ тую землю иному“. Ibid., стр. 88.

[10] Ibid., стр. 90—91.

[11] Ibid., стр. 91.

но считаю необходимым подчеркнуть некоторые особенности этих отношений, чтобы таким путем оттенить новости второй половины XVI века.

В двух Ржевских третях Будковской и Туровской владыка Новгородский получает дань с нескольких „жеребьев“. Что это за жеребьи? Вот текст, который может ответить на наш вопрос: „...владыцѣ Новгородскому идеть нѣ съ которыхъ дворовъ, але не со всихъ, зъ жеребья по полтретинадцати бѣлки..., хотя на которомъ жеребьи одинъ чоловѣкъ сидитъ, а держитъ за собою закладни; а хотя пакъ гдѣ пять чоловѣковъ на одномъ жеребьи сидятъ, тое жъ даютъ..., а съ иньшихъ жеребьевъ идеть по полтрети бочки ржи..., али теперь берутъ съ каждого съ тыхъ жеребьевъ по 7 денегъ... А коли который чоловѣкъ сойдетъ съ тыхъ жеребьевъ, ино владычинъ поѣздникъ даивалъ тую землю иному“.[12] Несомненно, жеребьи — это тяглые участки. Повидимому, размеры их значительны: наш источникъ дает понять, что на одном участке один человек управиться собственными физическими силами не может и прибегает тогда к закладням, под которыми очень соблазнительно понимать нечто вроде закупов Русской Правды. Maximum (м. б., умышленно гиперболический) сидят на таком жеребье 5 человек. Люди эти свободно покидают свои участки, и владычная администрация заботится только о том, чтобы жеребьи не пустовали. Возвращать жильцов на их старые места им еще не приходит в голову. Мы наблюдали сейчас положение крестьян в Ржеве, за пределами пятины, при чем имели дело с показаниями людей, повидимому, заинтересованных, излагающих в виде жалобы положение вещей в Ржевской земле непосредственно после присоединения Новгорода к Москве. В нашем распоряжении имеются и другого рода данные, которые, однако, только подтверждают виденное нами в Ржеве. В писцовой книге Бежецкой пятины 1501 года есть описание „волости Бѣлой владыченской въ Никольскомъ погостѣ“.[13] Волость большая, в ней 664 двора, 667½ обеж. В среднем на каждый двор высевается 3, 4 коробьи. Если коробью считать равною 2 четвертям, то средняя запашка на двор будет исчисляться в 6, 8 четвертей в одном поле. Софийской запашки здесь нет. В волости живет представитель Софийского Дома, ключник Якуш Давыдов. „На погосте въ Шереховичахъ церковь Никола святый, а дворовъ на погостѣ: во дв. ключникъ Якушъ Давыдовъ, а хрестьянъ: во дв. Василь, во дв. Палка...“.[14] Внешние знаки, отличающие его от обыкновенных крестьян, видны в том, что его одного среди населения волости называют по отчеству. У него имеются свои холопы: „Деревня Гора. Во дв. Олухъ..., во дв. Якушевъ человѣкъ ключниковъ Оѳрѣмко.“[15] У Якуша Давыдова свое небольшое хозяйство: „сѣетъ Якушъ, ключникъ, на собя 8 коробей ржи, сѣна коситъ 20 копенъ ..“ Кре-

[12] Акты Зап. Росс., т. I, стр. 88.
[13] Новг. Писц. Кн., т. VI, стр. 1 — 15.
[14] Ibid., стр. 1.
[15] Ibid., стр. 8.

стьяне в волости ведут сельское хозяйство в широком смысле слова. Если судить по тем продуктам, которые они дают владыке и его людям в виде оброка, у них, кроме хлебопашества, разводится скот мясной и для шерсти, они же приготовляют молочные изделия — масло и сыр, на мельнице мелют муку и толкут крупы, делают солод, заготовляют хмель, привозят соль, из птиц, кроме кур, держат гусей. Пшеницу, рожь, овес, ячмень, горох, лен, коноплю собирают со своих полей, стреляют белку. Среди них имеются кузнецы, гончары, торговые люди, которые торговлю считают своим основным занятием, избавляющим их от необходимости заниматься земледелием. Волость, судя по самым объективным признакам, живет сытно. Владыка получает с нее деньгами 28 рублей, всякого хлеба поспом 978 коробей, 7½ коробей семени конопляного, 540 печеных хлебов, 420 сыров, 60 полтей мяса, 30 баранов, 48 пятков льну. Трудно точно сказать, как относится оброк к общей сумме производимых волостью благ, но что касается зернового хлеба, то при известном количестве высеваемого зерна и, предполагая в среднем урожай сам - 4, можно сказать, что оброк составляет не больше 5% всего крестьянского урожая. Хозяйственное поведение владыки по отношению к волости заключалось, следовательно, в том, что он назначал в волость ключника, так или иначе его обезпечивал за счет доходов с волости (предоставлял ему участок земли, вероятно, снабжал необходимым инвентарем, давал ему часть своего дохода с волости), и время от времени посылал в волость своих людей для собирания причитающихся ему даней и для исполнения некоторых специальных хозяйственных поручений, при чем содержание этих софиян тоже ложилось на население волости. В волость Белую приезжал, надо думать, ежегодно „владычен молодец“: о нем в описании волости прямо говорится, „которой по ту дань пріѣзжалъ“;[16] один раз в два года сюда являлся „поѣздъщикъ владычень“,[17] может быть, наезжал сюда и „посельникъ владычень“.[18] О его приезде в описании волости, правда, ничего не говорится, но о вероятности его визитов в волость говорят факты, взятые из описания других софийских волостей. В волости Логовещского погоста Шелонской пятины посельский получает, между прочим, с сохи „за постоянье“, он же получает с обжи „подлаз“,[19] что, несомненно, предполагает его приезды в волость, если не в данный момент, то в прошлом, оставившем свой след. В Солецком погосте взыскивается с софийского населения „поселье“, очевидно в пользу посельского, который однако здесь не живет.[20] Впрочем, и относительно посельника нельзя говорить вообще, имея в виду все софийские волости, так как здесь мы встречаем ряд индивидуальных особенностей. Так, в Тюхольском погосте

---

[16] Н. П. К., т. VI, стр. 13.
[17] Ibid., стр. 14.
[18] Ibid., стр. 13 — 14.
[19] Ibid., т. V, стр. 91 — 92.
[20] Ibid., т. III, стр. 416.

во владычной волости на погосте, в особом дворе живет „владычень посельской Ивашко Рѣпа“, [21] в волости Юрьева монастыря на погосте же „во дворѣ посельской Игнатъ“.[22] Очевидно, посельский мог иметь в своем ведении волость и жить в ней, заменяя ключника, или же ему поручалось несколько волосток, и тогда он должен был их объезжать. В таком же положении находились и приказчики софийские. В Ровдужском погосте, например, один софийский приказчик наблюдал за несколькими софийскими волостками, правда, расположенными рядом: в одной из деревень Бобруеве, иначе Большой Двор, в большом дворе жил приказчик Данилко Игнатьев, который называется „приказчиком тех волосток“.[23] Очень возможно, что уже к концу XV века если не все власти, монастырские, софийские или боярские, то очень многие из них, не теряя права разъезда по деревням, фактически им уже не пользовались: после того, когда их специальные занятия осложнились, и разъезжать уже нельзя было без ущерба для их прямых обязанностей, подъезд естественно превратился в простое получение доли продукта, заменяемого иногда деньгами. Сильно сомневаюсь, чтобы игумен Новгородского Юрьева монастыря, например, вместе с „попом, стольником, чашником, концщиком (кунщиком), поваром, верховниками (!), конюхом, медоваром и посельником“ могли заниматься „полюдьем“ даже и тогда, когда новые политические и хозяйственные условия стали требовать от них другого отношения к своим владениям. В середине XV века архимандрит Юрьевского монастыря, как мы уже видели, действительно ездил в свою Робичинскую волость в сопровождении стольника, чашника, попа, чернеца, дьякона, повара, конюхов, молодцов, казначея и приставов Новгородских,[24] но уже и там предвиделся и оговаривался случай, „коли архимандритъ на подъездъ не поѣде“. В описании волости Белой о „подъезде“ владыки ничего не говорится. Имеется в виду налаженный порядок обложения волостного населения, действующий систематически из года в год. Особый поездщик владычень приезжает сюда „через год“. Приезжает также за данью молодец. Об этом тоже определенно говорится. В своем месте в виде предположения я допускал возможность приезда сюда посельника, потому что постоянное пребывание его в волости при наличности ключника, несомненно, тут живущего и даже имеющего свое хозяйство, казалось, по крайней мере, не обязательным. Что же здесь делают куничник, льняник, медоварец? Куничник едва ли может быть сборщиком кун, т.-е., денег, так как деньги, входящие в состав владычного дохода, собираются, очевидно, молодцом, который приезжает вообще по дань. Не думаю, чтобы натуральную часть дани собирал молодец, а денежную куничник. Естественнее допустить, что это владычный меховщик, который и поставлен рядом с льняником и медо-

[21] Н. П. К., т. I, стр. 708.
[22] Ibid., т. I, стр. 442.
[23] Врем. М. О. И. Др., т. XII, стр. 80, 82.
[24] Чтен. М. О. И. Др. 1858, III, смесь, стр. 54.

варом. Если даже и приезжали сюда в эту волость эти специалисты, то не в „полюдье“, а по своему специальному делу, т.-е., за мехами, льном и медом, каковые продукты получали они не в виде оброка, а, надо думать, покупали; за оброком и приезжать сюда совсем не стоило: в оброк шло с волости всего 8 горстей льну, за 2 белки 4 деньги, а меду совсем никакого не шло. Может быть, и это, пожалуй, самое вероятное, эти специалисты стояли у своего дела в Софийском городском дворе и исполняли там свои обязанности, откуда и их титулы. Те, в сущности, пустяки, которые полагалось получить им с волости Белой, входили некоторым ингредиэнтом в общую сумму оплаты их труда. Это ведь будет совсем в стиле древней Руси и, в частности, Новгородской. Ведь, поручил же князь Святослав домажиричу из Онега участвовать в содержании св. Софии, Василий III в 1515 году приказывал Белозерскому приказчику давать на содержание Нйловой пустыни; отчего же владыке Новгородскому не распорядиться, чтобы его медовар пользовался некоторыми благами от одной из софийских волостей.

Вот еще одна владычная волость, в смысле своего административно-хозяйственного аппарата довольно полно представленная. Это софийская волость в Логовещском погосте Шелонской пятины. В одной из деревень волостки, в дер. Горка, живет „во дв. Гаврилко ключник“.[25] „Доход“ с этой волости, кроме владыки, получают: ключник сельский Гаврилко, ключник городской и посельский. Городской ключник, вероятно, тот самый, о котором в описании Пидебской софийской волости было сказано, что он у крестьян „в городе хлѣбъ отъимаетъ“.[26] Здесь о нем говорится несколько иначе: „городскому ключнику со всее волости отмѣра 3 гривны денегъ“ [27] и несколько дальше еще раз упоминаются „отмѣрные деньги“.[28] Очевидно, он при приемке хлеба в городе мерит хлеб и получает свой „отмер“. Посельский получает „за постоянье“ и „подлаз“. Как приходилось уже говорить выше, вероятно, он не живет здесь, а только приезжает сюда для исполнения своих обязанностей. Интересно отметить подробность, прямо к изучаемому сюжету не относящуюся. Все пошлины собираются то с сох, то с обеж. Посельский, например, „за постоянье“ получает с сох, а „подлаз“ ему же идет с обеж. Владыка собирает свой доход с сох, сельский ключник с обеж. Городскому ключнику „отмер“ идет „со всее волости“, причем не указано, с обжи или с сохи, может быть, ни то, ни другое. Замечательно также и то, что обежный счет и сошный не имеют правильного соответствия: есть сохи, в которых считается 4 обжи, и есть такие, где 12 обеж. В среднем на соху приходится 7 обеж. Только „новое письмо“ привело сохи и обжи в соответствие,

---

[25] Н. П. К., т. V, стр. 91.
[26] Ibid., т. III, стр. 22.
[27] Ibid., т. V, стр. 92. Там напечатано ошибочно „отъ мѣра“.
[28] Ibid.

что должно было обозначать торжество нового порядка, стремящегося объединить это разнообразие в единицах обложения.

Другие софийские волости и волостки, большие и совсем маленькие, описываются гораздо менее подробно. Во владениях Дома Деревской пятины совсем не отмечается „доход“, и очень редко говорится о представителях софийской власти на местах. Водская пятина описана не однообразно в этом отношении, но, повторяю, более полных данных по интересующему нас вопросу, чем мы сейчас привели, для XV века больше нигде не встречается. Если собрать все разбросанные по разным пятинам и погостам детали, то можно будет сделать и кой-какие общие выводы. Из 51 софийских волостки, доступных нашему изучению за XV век, в 22-хъ называются ключники, в 5-и—старосты, в 3-х волостели, по одному разу — дворник, посельский и приказчик. 2 волостки были поручены под наблюдение „десятиннику Корельскому, а доход собирал с них „борец“, наконец, в описании одной волостки назван только один „борец“ и больше ничего ни о ком из администрации не сказано. Относительно 16 волосток никаких сведений в их описаниях по этому вопросу не дается. Некоторые из этих волосток настолько незначительны, что и ожидать в них отдельного представителя администрации невозможно, другие по неизвестным нам причинам с этой стороны остались не аттестованы. Во всяком случае, ясно, что Софийский Дом не оставлял своих владений без соответствующего надзора. Постоянно живущие и наезжающие должностные лица, чередуясь или совместно действуя, составляют тот орган софийской власти, который на местах блюдет хозяйственный интерес своего господина. Однообразного порядка здесь подметить нельзя. Топография и история отдельных волостей, хозяйственная их значимость — все эти условия, повидимому, принимаются во внимание при организации софийской администрации по местам. Самые северные из софийских волостей в Иломанском Ильинском и Никольском Сердовольском погостах Водской пятины, кажется, поручены были надзору Корельского десятинника, надо думать, потому, что в Кореле он уже жил, хотя и с другим, правда, назначением. Посылать новое лицо туда, где земледелием население почти не занималось, куда за владычными белками и деньгами приезжал специальный „борец“, очевидно, считали неэкономным. Десятинник, надо полагать, вполне справлялся с несложными обязанностями, если только они ему действительно поручались, в чем полной уверенности у нас однако нет. Дело в том, что о Корельском десятиннике мы судим по далеко недостаточным данным оброчной книги. В описании Иломанской волостки Мегриярви читаем: „А старого дохода шло владыцѣ со всей волости 700 бѣлъ, да борцу владычню 140 бѣлъ, да десятиннику владычню Корельскому 70 бѣлъ да денегъ 5 гривенъ“.[29] То же, по существу, написано и относительно волости другого погоста Никольского Сер-

[29] Врем. М. О. И. Др., кн. XII, стр. 172.

довольского.[30] Но у нас нет уверенности в том, что эти погосты не могли выплачивать некоторого содержания Корельскому десятиннику и независимо от его сверх специальных обязанностей, а только потому, что софийской казне такой способ расплаты со своим служащим был просто удобен. Предположение о возможности особых поручений десятиннику основывается на аналогии с другими известными нам фактами и на том положении, что едва ли возможно, чтобы столь отдаленные от центра волости жили без всякого представителя центральной власти, если не считать разъезжающего „борца", которого в волости могли видеть раз в год. „Борцов" мы встречаем и в софийских волостях других погостов (Спасском на Оредежи и Егорьевском Лужском), более близких и даже совсем близких по расстоянию к Новгороду. Встречаем их всегда в однообразной обстановке. Именно там, где идет перечисление старого дохода владыки, между прочим, говорится: „а борцю шесть „денегъ"[31] или: „да борцю четвертка пшеници".[32] Значит ли, что в тех волостках, где ничего не говорится о пошлине борцу, борец никогда не появлялся? Сказать что-либо решительное—затруднительно.

Как бы то ни было, совершенно очевидно, что Софийский Дом пользовался двумя способами взыскания со своих волосток доходов: либо посылал своих людей для их сбора, либо принимал оброки, привозимые в город, или куда владыка укажет, самим населением волостей. Это помимо третьего способа, который однако не исключает названных двух, — разумею, подъезды владыки со своей свитой. Последние, повидимому, практиковались периодически, и каждая волость или, по крайней мере, те из них, которые имели основание этим интересоваться, знали свои „подъезжие" и „неподъезжие" годы. „А доходу шло съ тое волости владыцѣ въ подъѣжщей годъ... денегъ 27½ руб. и 9 денегъ, а хлѣба 228½ кор. ржи, 212 кор. овса... Въ неподъѣжщей годъ шло владыцѣ с тое волости денегъ 12 руб., 4 грив. и 5½ денегъ, а хлѣба по тому жъ, какъ въ подъѣжщей годъ".[33] Так значится в описании софийской волости Илеменского погоста Шелонской пятины. То же по существу и в Дремятском погосте той же пятины.[34] Подъезжий год обходится населению дороже неподъезжего. Редкое упоминание в писцовых книгах этого явления, вероятно, указывает на сравнительную редкость явления и в жизни, хотя и необходимо признать, что в писцовую книгу никогда не попадает всего того, что делается в жизни.

Итак, что касается внутреннего наблюдения над хозяйственной жизнью волостей, то, как мы уже видели, оно выражалось прежде всего в назначении в волость ключника. Это самый распростра-

---

[30] Врем. М. О. И. Др., кн. XII, стр. 145.
[31] Н. П. К., т. III, стр. 89.
[32] Ibid., т. III, стр. 40.
[33] Idid., т. V. стр. 168.
[34] Ibid., т. IV, стр. 134.

ненный тип представителя софийской власти в волости. Трудно сказать, как часто он фактически существовал в волости, но во всяком случае мыслился существующим или вернее долженствующим существовать всегда, если его кто-либо не заменял. Иногда совершенно отчетливо говорится, что ключник такой-то живет там-то и пашет, т.-е., имеет свое сельское хозяйство. „Деревня Салма надъ озеромъ надъ Сванскимъ. Во дв. въ большомъ самъ Васюкъ... двѣ обжи. А старого дохода (при владыке) не было: пахалъ ключникъ на себя“.[35] Или: „Деревня на Ижерѣ у Азикина. Во дворѣ большомъ Тимоха, во дв. Родивонко. Сѣютъ ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, обжа. А дохода съ нее не идетъ, а пахалъ ключникъ“.[36] Иногда не сразу видно, живет ли в волости ключник, или только собираются ключничьи пошлины с тем, чтобы поступить затем в софийскую казну. „Деревня Островца у Ладожского озера... А дохода съ нихъ шло 6 денегъ и за ключничю пошлину. А изъ хлѣба пятина“.[37] Но потом, по ближайшем рассмотрении, часто оказывается, как и в данном в Васильевском Равдужском погосте, что ключник в софийской волости действительно жил. Это видно из описания других деревень той же волости, где прямо говорится о доходе, специально идущем ключнику: „а ключнику деньга, овчина, горсть льну“.[38] В трех волостях называются по два ключника: в Песоцком Федоровском погосте во владычной волостке только две деревни, и каждая из них платит свои оброки не одинаково. Деревня на Песках дает владыке деньгами 3 гривны и 3 кор. ржи и ключнику, очевидно, сельскому, местному, четвертка ржи, ½ кор. овса. А другая деревня здесь же, кроме владычного оброка, вносит ключнику погребному 10 бѣлъ, а сельскому ключнику 10 денегъ, 1¼ ржи, 2½ кор. овса.[39] Затем в Пидебском и Кречневском погостах крестьяне вносят кроме владычного оброка еще и ключнич, ключникам сельскому и городскому.[40] Иногда живет в волости, заменяя ключника, приказчик, тиун или волостель. Приказчик встретился в наших источниках всего один раз в очень большой Васильевской Ровдужской волости, которая состояла из пяти, по крайней мере, волосток. Среди них в одной из деревень жил приказчик „тѣхъ волостокъ“,[41] но он своим присутствием не исключал ключников, которые все-таки здесь были или считались во всяком случае не лишними. Так что задача приказчика заключалась в обязанности объединить деятельность ключников, или заменять их тогда, когда они отсутствовали. Волостели жили обычно в очень больших софийских волостях.

---

[35] Врем. М. О. И. Др., т. XII, стр. 44. Сакульский погост.
[36] Ibid., т. XI, стр. 425. Ижерский погост.
[37] Ibid., т. XII, стр. 85.
[38] Ibid.
[39] Ibid., т. XI, стр. 43.
[40] Н. П. К., т. III, стр. 8—9, 22—23.
[41] Врем. М. О. И. Др., т. XII, стр. 80, 82.

В Молвятицкой волости Деревской пятины есть двор волостелин,[42] в Жабенской волости „два двора волостелины, а въ нихъ живутъ тиуни“,[43] несомненно, когда-то тут жили волостели. Это очень большие владения: в Молвятицах, кроме погоста, 130 деревень, в Жабне — 144. Тиуны иногда, как мы сейчас видели, заменяют волостелей в крупных волостях, а иногда сидят в более мелких вотчинах. В Вудрицкой Семеневской софийской волости 25 деревень. На погосте у Семена Святого „на владычнѣ землѣ дворъ тивуновъ“,[44] но самого тиуна сейчас там нет: „пашню того двора пашетъ староста владычень Ермолка из пятины“.[45] Значит, тиун был здесь когда-то, а сейчас его заменил староста. Старост в качестве представителей интересов Софийского Дома мы видим и в других местах. Так, в Шелонской пятине, в Паозерье и в Заверяжье, нет ни ключника, ни тиуна. Их функции, надо думать, выполняет староста Еска Максимов. С Паозерских и Заверяжских деревень „доходу идетъ... владыцѣ и съ старостою денегъ 1½ рубля безъ дву денегъ и съ вежъ съ рыбныхъ, а хлеба 165½ коробей ржи...“[46] Очевидно, владыка получает с крестьян оброк и часть его отдает старосте. В Буховском погосте Деревской пятины в софийской волости на первом месте обозначен двор старосты Насонка,[47] и в Наволочском погосте той же пятины в бывшей софийской волостке тоже живет староста, быть может, уцелевший от старого времени.[48] Может быть, не лишним будет отметить эту роль старосты, несколько не похожую на то, что мы привыкли наблюдать в волостях черных, где староста стоял на страже интересов мира. В одной волостке Тюхольского погоста сидел посельский Ивашко Репа,[49] о чем приходилось уже говорить в другом месте.

Трудно делать точные выводы из этих обрывков старой жизни, так как в наших источниках отразились, с одной стороны, факты, наблюдаемые в свое время писцами, с другой, мы встречаем окаменелости, свидетелей давно отжитого уже порядка. Тем не менее всетаки совершенно ясно одно: рассматривая работу софийской центральной администрации на местах, мы ни разу не встретили Софийский Дом в качестве непосредственного организатора сельского хозяйства в своих волостях. Любопытно в этом отношении подчеркнуть отсутствие собственного софийского „барского“ сельского хозяйства именно там, где оно впервые возникло позднее. Разумею некоторые подгородные софийские деревни Водской пятины Кречневского и Пидеб-

---

[42] Н. П. К., т. I, стр. 652.
[43] Ibid., стр. 612.
[44] Ibid., стр. 786.
[45] Ibid.
[46] Ibid., т. IV, стр. 10, 12.
[47] Ibid., т. I, стр. 756.
[48] Ibid., т. II, стр. 461.
[49] Ibid., т. I, стр. 708.

ского погостов и в Заверяжьи Шелонской пятины. Хозяйственная политика Дома в конце XV и начале XVI в. сводилась исключительно к пассивному наблюдению за тем, что делают в волостях крестьяне, и в собирании оброков. В этом последнем отношении можно подметить некоторую систему, над которой, впрочем, едва ли трудился какой-либо доморощенный Кольбер, так как вся ее сущность продиктована условиями природы каждого места и расстоянием от города. Далекие северные волости, богатые пушниной, с ничтожным земледелием, снабжают Софийский Дом белками и деньгами. Владычная волость Мегриярва, отстоящая от Новгорода почти на 600 верст, была обложена в пользу владыки и его агентов 910 белками и 5 гривнами денег. В том же погосте четыре владычные перевары платили ежегодно с двора по 14 денег и по 1 четверти ржи.[50] Соседняя волость Никольского Сердовольского погоста давала 880 белок и деньгами 11½ гривен.[51] Волость Соломяна одноименного погоста платила деньгами, хлебом и очень незначительным количеством белок.[52] Эта последняя волость по форме оброков промежуточная: белки потом в небольшом количестве встречаются только один раз в Водской пятине.[53] Отсюда начиная, идут хлебные земледельческие волости, которые платят свой оброк продуктами сельского хозяйства и деньгами. На первом месте стоит, конечно, зерновой хлеб в виде ржи, ячменя, овса и пшеницы, хлеб печеный; затем идет лен, сено, репа, бараны, овчины, говяжьи лопатки, бараньи лопатки, сыры, масло, пиво бочками, хмель бочками и коробьями, сиги и яйца. Яйца идут только с близь лежащих к Новгороду волосток, вероятно, потому, что перевозить их на далекие пространства при тогдашних путях и средствах сообщения было нецелесообразно. Если мы сделаем общий подсчет всех оброков, которые владыка в XV веке, накануне присоединения Новгорода к Москве, получал в год со своих волостей, в Водской пятине расположенных, то получим следующую таблицу:

денег	63 рубля (новгородских)
ржи	773 коробьи
овса	527 „
ячменя	323 „
пшеницы	67 „
льна	24 пятка, 3 горсти
сена	76 осрамков
репы	24 коробьи
баранов	22
лопаток бараньих	3
говяжьих лопаток	1

[50] Врем. М. О. И. Др., т. XII, стр. 170.
[51] Ibid., стр. 143 и сл.
[52] Ibid., стр. 180 и сл.
[53] В Песоцком Федоровском погосте 10 белок. Врем. М. О. И. Др., т. XI, стр. 43.

кур	15
овчин	29
белок	1760
сыров	40
масла коровья	1 блюдо
пива	108½ бочек
хмелю	27½ бочек и 2½ коробьи
сигов	15
яиц	940
печеных хлебов	3

Относительно цифр зернового хлеба нужно сказать, что они на самом деле меньше действительной цифры, потому что в 6 волостях точное количество хлеба не указано, а определено долей урожая — четверть, треть, пятина. В тех случаях, когда позволяли условия, я вставлял цифру коробей хлеба не ту, которая действительно шла владыке в 70-х годах XV века, так как величина эта была переменной (в долях урожая), а ту, которой заменялось не точно определенное количество из доли урожая так называемым „поспом“ при наложении „нового дохода“ уже новой Московской властью. Такая замена допускалась мною в том предположении, что „посоп“ должен был, хотя бы приблизительно, соответствовать старому размеру хлебного „дохода“, так как, по общему моему наблюдению, новая власть, по крайней мере, первое время старалась не слишком резко менять размеры обложения и приближалась в этом отношении более или менее к старому масштабу.

Столь приблизительный способ моих вычислений, конечно, не претендует на признание за ним годности для более тонких выводов. Это обстоятельство я очень хорошо сознаю. Только крайняя необходимость привести весь пестрый материал к виду, сколько-нибудь доступному для общего наблюдения, несколько смягчает вину исследователя. 6 волостей составляют 25% всех волостей, захваченных нашим наблюдением. Остальные 75% использованы мною без указанного методологического беззакония. Полученной таким образом цифрой я предполагаю с надлежащими оговорками пользоваться при переводе хлеба на деньги, так как казенные цены хлеба известны. На всем протяжении Водской пятины они в конце XV века стояли твердые. Весьма вероятно, что они к концу века все-таки изменились по сравнению с 70-ми годами XV века, но предупреждая об этом новом допущении, я все же по необходимости пользуюсь этими новыми ценами и для 70-х годов XV века. Пшеница—1 гривна, т.-е., 14 денег за коробью, рожь—10 денег, ячмень—7 денег, овес—5 денег. Оказывается, что цена зернового хлеба, ежегодно собираемого с волостей Водской пятины, равна приблизительно 75 рублям новгородским. Таким образом, деньгами владыка получал несколько меньше, чем натурой, но не так мало, как

можно было бы думать. Принимая на себя все упреки в неточности вычислений и в допущенни ряда условностей, я тем не менее считаю полученный вывод достаточным для того, чтобы утверждать его соответствие с изучаемой конкретной хозяйственной обстановкой, и нисколько не удивляюсь, что и новая власть, пришедшая на смену владыке, сочла вполне возможным заменить значительную часть натуральных оброков деньгами: деньги у населения, несомненно, были. И новая власть в лице Московского великого князя не отказывается от натуры совсем; она только старается заменить неопределенную долю продукта точно зафиксированным количеством посопного хлеба и тут же стереотипно повторяет: „А въ которомъ году не взять хлѣба хлѣбомъ, и за хлѣбъ положено деньгами“ столько-то, по твердой цене. Предполагалось, что население может, легко или не легко, это другой вопрос, найти у себя соответствующее количество денег. Здесь будет вполне уместно указать, что в наших источниках разбросан ряд фактов, указывающих на хлебную торговлю, в которой принимало участие и местное крестьянское население. В писцовой книге Плещеева и Кузьмина 7091 г. по Обонежской пятине в погостах, близко лежащих к Шведской границе, упоминаются складочные места разных товаров и хлеба, в частности. В погосте Вытегорском, например, несколько амбаров, куда „сыплют хлеб и соль и всякий товар кладут тутошние крестьяне и приезжие торговые люди“, или в Введенском погосте на Ояти, где названо 24 амбара, куда „клали всякие товары“.[54] Весьма вероятно, здесь разумеется торговля со Швецией. Местное население было тоже втянуто в эти торговые отношения. Вот, между прочим, откуда у крестьянина могли быть деньги. В 80-х годах XVI века значительная часть этих амбаров была пуста, их разорили немцы во время войны, но их развалины говорят о недавнем прошлом.

Произошло ли что-либо заметно новое в определенном направлении в хозяйственной жизни софийской деревни за краткий промежуток времени в 20 лет, отделяющий описание пятины от новгородского взятия, мы точного ответа дать не можем. Ясно, во всяком случае, что перемена, если она произошла, не могла быть очень резкой: Софийский Дом в своем старом оброке мало чем по существу отличался от нового вводимого Москвой порядка. Конечно, Московскому князю было трудно организовать даже такое несложное наблюдение за жизнью каждой волости, какое постепенно в течение долгого времени завел у себя владыка; великому князю, конечно, было труднее, чем владыке, наладить доставку продуктов в Москву; великий князь, наконец, и в деньгах нуждался гораздо больше, чем владыка, у которого при его масштабе жизни относительно было средств больше, чем у Московского правительства, и великому князю естественно деньги оказались нужнее яиц, овчин и говяжьих лопаток.

---

[54] К. Неволин, О пятинах и погостах, прил. VI, стр. 175 и 150.

Сейчас нам предстоит задача найти момент возникновения собственной софийской барской запашки, т.-е., начало новой экономической политики Софийского Дома. Мы можем этот новый курс вполне ясно наблюдать с середины XVI века и, чем ближе к его концу, тем отчетливее, потому что и самое явление, нас интересующее, делается заметнее. Следовательно, в нашем распоряжении имеются два исходных пункта, вполне точно установленных: 1) полное отсутствие софийской барской запашки в конце XV и в самом начале XVI века и 2) настоящее собственное „барское" сельское хозяйство в 80-х годах XVI века. Можем сюда еще прибавить, что барская запашка возникла в подгородных софийских деревнях—Марково, Мельницы Старая и Новая и Поляны. Отсюда вполне естественно выделяется промежуток времени лет в 70 приблизительно, в течение которого мог выявиться в конкретной форме новый хозяйственный курс. Для того, чтобы лучше расчистить путь для предстоящих исканий, мы укажем сейчас же, что в писцовых книгах по Шелонской пятине в Заверяжьи, где впоследствии появились две софийские деревни, Старая Мельница и Новая Мельница, в конце XV веке ни одной деревни с именем Мельница не имеется, что на тех местах, где образовались эти две деревни, вообще, никаких деревень не было.

Что это не пропуск писца, для подгородных деревень весьма мало вероятный вообще, не дефект дошедших до нас писцовых книг, мы можем убедиться по описанию Заверяжья, полному и аккуратному, которое дало возможность весьма осторожному иследователю составить подробную карту Заверяжья для XV века. По этому поводу автор карты А. М. Андрияшев замечает: „описание этой местности (Шелонского Заверяжья) сохранилось полностью". [55] Нам ничего не остается больше сказать, кроме того, что обе Мельницы, и Старая и Новая, возникли позднее по инициативе Софийского Дома, причем не одновременно: Старая, очевидно, появилась раньше Новой. Знаменательным я считаю и факт отсутствия этих новых софийских деревень как в государственных писцовых книгах, так и в собственных софийских. Возникли деревни весьма недавно, и владыка не спешил их зарегистрировать; положение это, может быть, выгодное для Софийского Дома, продолжалось очень долго: ни старец Левкей в своем описании софийских дворцовых земель в 1592 г. не описывает этих деревень, хотя они, несомненно, тогда уже существовали, ни царские писцы Федор Маврин и подьячий Андрей Козловский 1629 года не называют их. Последние, конечно, добросовестно не знают о существовании ни Старой, ни Новой Мельницы. Софийский Дом, надо думать, выдавал их не за деревни, а за собственную домовую пашню, и имел к тому формальные основания: здесь ведь не жил ни один тяглец,

---

[55] А. Андрияшев, Материалы по истор. геогр. Новг. земли. Шелонская пятина. М. 1914, стр. 4. См. также его карту.

а деревней для писцовой книги обычно называется поселок, в котором живет плательщик податей—крестьянин. Таким путем Софийский Дом без официального обеления этой пашни пользовался всеми преимуществами этой последней. Когда в 1599 году Борис Годунов дал Софийскому Дому свою обельную грамоту на 20 обеж, то в ней не указывалось, где именно лежит обеляемая пашня. Софийский Дом сам потом уже назвал Полянскую волость и продолжал молчать о Мельницах.

Теперь попробуем окунуться в ряд мелких фактов и соображений, чтобы найти материал хотя бы для приблизительного ответа на поставленный выше вопрос о времени возникновения собственной софийской пашни в названных софийских деревнях. Начнем с деревни Маркова. Это деревня Кречневского погоста, о которой в писцовой книге Водской пятины 1500 года сказано так: „Дер. Марково надъ Волховомъ, противу монастыря Деревяницы: во дворѣ въ большомъ во владычнѣ владычень человекъ Михалъ; во дв. владычень конюхъ Митя Гридинъ; а хрестьянъ: во дв. Поминикъ Левоновъ, сынъ его Стешко. Сѣютъ ржы 10 коробей, а сѣна косятъ 20 копенъ. Полтретьи обжы. А доходъ владыцѣ съ Пуминика съ обжы 20 яицъ, а изъ хлѣба треть; а ключнику сельскому полдевяты деньги, а городцкому ключнику полторы деньги. А 1½ обжы пашутъ владычни люди на себя. Да подъ тою же деревнею косятъ сѣна на владыку 700 копенъ“. Из дальнейшего текста видно, что эти 700 копенъ скашиваются на владыку „всѣми деревнями“ Кречневской софийской волости.[56] Лежит она приблизительно в 4 верстах от города. Деревня эта в описании выделяется из множества других деревень. Она несколько необычного типа. Прежде всего здесь большой владычный двор, в котором поселились „владычные люди“, прибывшие сюда, кажется, недавно: если не ошибаемся между первым и вторым письмом, т.-е., между началом 80-х годов и концом 90-х. На это обстоятельство указывает факт увеличения числа людей в волостке „по новому письму“ по сравнению с письмом старым, причем это увеличение непропорционально с ростом количества дворов, и факт этот, кажется, разъясняется тут же прибавкой, что в число людей включены и владычные люди, которых, стало быть, при первом письме здесь не было. Владыка Новгородский после операции, какую пришлось ему перенести в связи с лишением Новгорода прежней его автономии, стал проявлять больше инициативы в вопросах своего хозяйства, что, между прочим, можно было наблюдать на жизни Софийского городского двора. Естественно вполне, что владыка в новом своем положении вынужден был изменить свое отношение и к деревенскому своему хозяйству и обратил свое внимание на подгородную Кречневскую волость, в частности, на дер. Марково, очень удобно расположенную в 3—4 верстах от города

[56] Н. П. К., т. III, стр. 9.

на берегу Волхова. Владычные люди, вновь прибывшие сюда, конечно, имели определенную хозяйственную цель: владычный человек Михал, поселившийся в большом владычном дворе, несомненно, уполномоченный Софийского Дома; конюх владычный исполняет свои специальные обязанности. Оба они ведут здесь свое небольшое хозяйство. Около деревни Маркова на владыку всею волостью крестьяне косят сено (700 копен). Едва ли это сено не для тех лошадей, для которых живет здесь конюх Митя Гридин. Может быть, это прообраз будущего барского хозяйства, в этой деревне которого, однако, пока еще нет. Следующий момент, известный нам в истории деревни Маркова—1547-48 г. В отрывке расходной книги софийской казны, между прочим, упоминается и дер. Марково. „Того же дни дано Марковской дружине жалованье: Митьке, Харьке, Матюшке, Стешу, Иванку, Офромейку; дано имъ на человѣка по 5 гривенъ въ новгородское число; да коровнику Памфилку 19 алтынъ безъ 2 денегъ въ московское число, да сыну его Грише дано 12 алтынъ безъ 2 денегъ; Никитке кирпичнику дано полтина въ московское число. И всего имъ денегъ дано 5 рублевъ, 27 алтынъ и 2 деньги в московское число". [57] Следовательно, в 1547-48 г. в дер. Маркове, кроме представителей Софийского Дома, живут еще 6 человек дружинников, кирпичник и коровник с сыном, всего 9 человек. Это все наемные свободные люди. Их назначение отчасти выясняется указанием на специальности—кирпичник и коровник, отчасти новыми фактами, сообщаемыми тем же документом. В расходной книге софийского казначея 1547-48 г. есть помета, где говорится о том, что дворовому софийскому городскому старосте Кислому было из казны отпущено 15 алт. 2 д. на покупку сошников и топоров. „А он (староста) купилъ на тѣ деньги шестеры сошники да два топора, а отданы тѣ сошники на Марково да на Мельницу..." [58] Сошник это лемех или рало, треугольное железо, насаженное плоскою трубкою своею на ногу сошного полоза. Он бороздит землю. Сошник нужен исключительно для обработки земли. Если Софийский Дом посылает сошники в Марково, следовательно, там имеется пашня, и не чья иная, а собственная софийская. Работать там некому, кроме тех дружинников, которых специальности не обозначены. В этом мы еще больше убедимся, когда ближе всмотримся в заработную плату этих дружинников. Все они получают поровну, по 23 алт. 2 д., за ними следуют: коровник—18 алт. 4 д., кирпичник—16 алт. 4 д., наконец, сын коровника—11 алт. 4 д. Разница в заработной плате значительная; следовательно, труд этой первой группы рабочих считается и важнее и сложнее труда коровника и кирпичника. По моему убеждению, основанному на только что приведенных данных, им здесь больше нечем заниматься, кроме сельского

---

[57] Изв. Арх. Общ., т. III, стр. 43.
[58] Ibid., т. III, стр. 45.

хозяйства. Итак, в деревне Марково Кречневского погоста, в трех верстах от города, в 1547 году собственное барское софийское хозяйство уже существует. Следовательно, оно возникло между 1500 и 1547 годами. К сожалению, нет возможности уточнить дату возникновения в этой деревне софийской запашки.

Переходим теперь к двум другим деревням, которые были названы выше. Это Мельницы Старая и Новая. В конце XVI века в них обоих есть софийская пашня. В 1547 году в расходной книге упоминается только одна деревня Мельница. Конечно, это Старая Мельница. В 1500 году ни одной из этих деревень еще не существует. Следовательно, они организовывались в порядке определенной постепенности в общем хозяйственном плане Софийского Дома. Деревня Старая Мельница на карте генерального межевания последней четверти XVIII века стоит на правом притоке р. Веряжи, названной там Веришкой. [59] Расположена она на двух сторонах речки, от Новгорода к юго-западу отстоит приблизительно верстах в 4-х. Об этой деревне расходная книга софийского казначея 1547-48 г. говорит вместе с дер. Марковым, когда трактует о посылке туда специально для них купленных сошников и топоров. [60] И затем отдельно упоминает Мельницу, когда там идет речь о жалованьи Мельницкой дружине: „Того же дни дано Мельнитцкой дружинѣ жалованье: Матюшкѣ, Климу, Мосѣйку, мельнику Игнашу, коровнику Еуфиму Хорламову, Ондрюшкѣ, Ѳедькѣ, Ивану Острову. Дано дружинникамъ на человѣка по 5 гривенъ по ноугородцкую, а коровнику дано 4 гривны новгородцкую, да сыну его Иванку дано 10 алтынъ, да конюху Степанку дано полтина московская". [61] Мельницкая дружина состоит из 7 человек, к ним присоединены еще отдельно нанятые—коровник с сыном и конюх, т.-е., здесь та же картина, которую мы только что могли наблюдать в Маркове: дружинники получают самую высокую ставку—по 23 ал. 2 д., за ними следуют: коровник—18 ал. 4 д., конюх—16 ал. 4 д. и сын коровника Иванко—10 алтын. Если мы сравним эти ставки со ставками Марковской дружины, то заметим полное тождество во всех случаях, кроме одного, вполне естественного. Он касается двух подростков: в Маркове один из них получал 11 ал. 4 д., в дер. Мельнице только десять алтын. То, что мы говорили относительно назначения этих 6 наивысших по оплате труда рабочих для дер. Марково, мы должны сказать и для дер. Мельницы. Эти рабочие—земледельцы, свободные, наемные рабочие. И в Старой Мельнице, несомненно, в 1547 году уже организована софийская собственная пашня. Мы говорим о „Старой" Мельнице, между тем как в расходной книге софийского казначея этот эпитет не приложен

---

[59] Изв. Арх. Общ.. т. III, стр. 45.
[60] Н. Муравьев, Истор. исслед. о древностях Новгорода. СПБ. 1828.
[61] Изв. Арх. Общ., т. III, стр. 41.

к дер. Мельнице. Там прямо говорится д. Мельница, [62] Мельницкая дружина. [63] Этот эпитет появился только тогда, когда сделалось необходимым различать две одноименные деревни: Старой Мельница стала тогда, когда появилась Новая. В 1547 году Новой Мельницы еще нет. Она делается нам известной уже в 1592 году, [64] следовательно, ее возникновение должно быть отнесено на этот сорокалетний промежуток времени. Итак, что же мы знаем о древнейшем периоде собственного софийского сельского, так называемого, барского хозяйства? Мы знаем, что 1) барская запашка возникла в первой половине XVI века по инициативе самого Софийского Дома, очевидно, в тот момент, когда она по условиям времени сделалась необходимой; 2) барское сельское хозяйство появилось в подгородных деревнях; 3) оно ведется под непосредственным наблюдением центра, который сам непосредственно и нанимает рабочих, и поддерживает орудия производства и пользуется продуктами производства; 4) производство основано на свободном наемном труде. Необходимо также выяснить, насколько приведенные факты являются характерными для данного времени, в какой мере на основании этих фактов мы можем судить о состоянии сельского хозяйства, если не в Московском государстве вообще, то, по крайней мере, в Новгородской области. Обследовать ряд подлинных хозяйств одного района с этой целью у меня не было возможности. Оставалось обратиться к данным писцовых книг, которыми в свое время пользовались А. И. Никитский и Н. А. Рожков. Никитский по этому поводу говорит: „Как ни громадны были владения некоторых Новгородских бояр, ни в одном из них не замечается намека на большое хозяйство: последнее, напротив, во всех имениях было малым. Собственной запашки не существовало вовсе, или же она являлась в весьма ограниченных размерах. Вовсе собственной запашки не существовало и в церковных владениях, как владычных, так и монастырских“. [65] У Н. А. Рожкова относительно центральных Московских уездов читаем: „...барская запашка, существовавшая раньше (первая половина XVI в.) почти исключительно в вотчинах служилых людей, во второй половине века значительно расширяется и распространяется почти на все виды земельного владения“. [66] Что касается северной области, тот же автор замечает, что здесь „нетрудно заметить значительное, почти полное сходство с центром“. [67] В Западном Полесье, т.-е., в области, нас особенно интересующей, Н. А. Рожков указывает на рост барской запашки уже

---

[62] Изв. Арх. Общ., т. III, стр. 45.
[63] Ibid., стр. 41.
[64] А. К. П. И.-А. К. № 37, л. 189 об.
[65] А. Никитский, Эконом. быт, стр. 51.
[66] Н. Рожков, Сельск. хоз., стр. 132.
[67] Ibid., стр. 156.

в 1539 году.[68] Эти выводы дают нам твердое основание для уверенности, что добытые итоги наших наблюдений над жизнью определенной конкретной хозяйственной организации не могут считаться индивидуальными и случайными: Софийский Дом в качестве общественной единицы, несомненно, подчинен общим современным ему производственным отношениям. Само собой разумеется, что это замечание распространяется и на другие отмеченные нами стороны этих отношений, хотя иногда и необходимо бывает делать при этом особые оговорки. Так, например, Н. А. Рожков отмечает факт распространенности холопского труда в барском хозяйстве и делает исключение для церковных земель: „...можно думать, говорит он, что несвободный земледельческий труд в этом виде земельного владения (церковное владение) употреблялся редко".[69] Мы ясно показали, что в Софийском Доме на пашне работают не холопы и не крестьяне, а свободные наемные рабочие. Буквально то же самое, что мы наблюдали и на городском Софийском дворе в это же время.

Итак, в Софийском Доме собственная запашка появилась приблизительно в 30 — 40-х годах XVI века и, конечно, появившись, должна была развиваться, если те общие условия, которые вызвали к жизни новое хозяйственное явление, продолжали сами существовать. А у нас нет никаких оснований предполагать их исчезновение. Необходимо, однако, отметить, что дальнейшая эволюция указанных явлений протекала не без препятствий и осложнений. Так называемый кризис 70 — 80-х годов XVI века разрушительно подействовал на русское хозяйство вообще и на софийское в частности. На этом моменте необходимо остановиться, так как он внес в жизнь русской вотчины нечто существенно новое.

К концу Ливонской войны общее хозяйственное разорение Московского государства уже было фактом очевидным. Принимать радикальные меры к поднятию благосостояния масс было, повидимому, невозможно, а среди ряда паллиативов, принимаемых властью в это тяжелое время, укажем на опыт так называемой „десятинной пашни". Правительство надеялось при помощи принудительных мер увеличить количество земледельческого труда и, следовательно, продуктов, необходимых государству. Каждый крестьянин в новгородских дворцовых волостях обязан был вспахать на государя 4 десятины пашни. Для осуществления этого нового в экономической политике плана наряжаются специальные комиссии, которые должны точно указать, где именно и кому следует пахать. По результатам их работы, которую можно наблюдать в устройных книгах, видно, как тщательно выполнялась задача. Отбирались земли у тех владельцев, которые соприкасались с дворцовыми волостями, очевидно, для того,

---

[68] Н. Рожков, Сельск. хоз., стр. 186—189.
[69] Ibid., стр. 158.

чтобы дать возможность дворцовым крестьянам наилучшим способом исполнить возложенное на них новое обязательство. Софийский Дом при этом лишился нескольких своих деревень. Надо думать, что этот принудительный труд принес хорошие результаты, потому что государство прибегает к нему второй раз в момент, еще более тяжелый, наступивший в 20-х годах XVII века, когда начиналась ликвидация последствий „Смуты". Частные землевладельцы поставлены были в ту же необходимость, но положение их было гораздо более затруднительным в виду отсутствия необходимого количества рабочих рук и соответствующего в достаточной мере права их принуждения. Правда, рабочие руки стали появляться по мере обнищания крестьянской массы, что началось задолго до войны и выразилось, между прочим, в появлении бобыльства, но в течение разорительнейшей из войн, какой справедливо считают войну Ливонскую, разорение населения достигло весьма значительных размеров, и налаживать какое бы то ни было хозяйство стало делом очень трудным.

Людям, живущим продажей своей рабочей силы, пришлось особенно резко испытывать тяжесть своего положения. Мы имеем ряд фактов, свидетельствующих о том, что часть крестьянства, сорванная с земли хозяйственной разрухой, мечется в поисках сносного пристанища и редко его находит. Очевидно, редкий хозяин-землевладелец располагал достаточными средствами, чтобы создать для своих рабочих положение, способное их более или менее удовлетворить, и сделать потребность в дальнейших поисках лучшего, если не излишней, то, по крайней мере, не столь остро ощущаемой.

Пока шла война, трудно было власти изыскивать средства к восстановлению разрушающегося хозяйства. Но лишь только на время прекратились военные действия, правительство Грозного сейчас же обращает свое внимание в эту именно сторону. Весьма показательны в этом отношении заседания церковных соборов 1581 и 1584 годов. Созваны они были, несомненно, по инициативе светской власти, которая сама, повидимому, и ставила перед соборами определенные задачи и подсказывала соборам нужные правительству решения. На решение этих соборов возложены были те именно вопросы внутренней политики, которые по тогдашним отношениям между церковью и государством не могли быть решены авторитетом царя и требовали санкции церкви. Царь пожелал соблюсти форму создавшихся отношений нерушимо, но в то же время заставил церковь сделать все то, что было нужно светской власти в порядке систематического дополнения к тем мерам, которые энергично проводила в жизнь светская власть. В ряду этих мер, как мне кажется, необходимо едва ли не на первом месте поставить временную отмену крестьянских переходов или иначе приостановку действия закона Судебника о Юрьевом дне. [70] Отмена произведена, повидимому, была в 1580 году,

[70] Подробнее об этом см. мою статью „Юрьев день и заповедные годы" в Изв. Акад. Наук за 1926 год, стр. 67—84.

и следующий 1581 год объявлен был заповедным. До этого времени закон Судебника был далеко не мертвой буквой, а правилом, регулировавшим самые реальные общественные отношения, о чем совершенно ясно говорят недавно поступившие в научный оборот записки фон-Штадена [71] и раньше известные нам источники, о которых говорить здесь не место. Временная мера превратилась в постоянную несколько позднее, и особенно много не за чем распространяться, кому и для каких целей она была интересна.

Возвращаясь к нашему непосредственному предмету исследования, мы должны прежде всего указать, что Софийский Дом в общем процессе хозяйственного оскудения за указанный период не представлял никакого исключения и подвергся общей участи. Разорение этого времени можно было наблюдать на хозяйственной истории Софийского двора в городе Новгороде. [72] В софийских деревнях дело обстояло не лучше, о чем еще не один раз придется говорить, но между положением Софийского городского двора и софийской деревни в это время есть и существенная разница. Город по необходимости сжался, прежний размах экономической жизни сузился, горожане стали отказывать себе во многом и свели свои жизненные интересы к вопросам питания. Жалкие попытки превращения улицы или дворового места в огород едва ли могли спасти обреченный город, и все надежды обернулись на деревню. Спасение должно было придти оттуда. Софийский Дом, очень сильно обедневший к этому времени, не только не прекращает своих сельско-хозяйственных начинаний, о которых шла речь выше, но по мере своих сил стремится захватить под свою собственную пашню новые земельные пространства.

О своих затруднениях в этом направлении владыка Варлаам откровенно, мало преувеличивая, а может быть, и совсем не прибегая к гиперболам, писал в своем письме к царю Федору Ивановичу. Очевидно, старый источник, покрывающий с избытком потребности Дома,—крестьянский оброк, значительно поиссяк. Удивляться этому не приходится, если мы примем во внимание общее хозяйственное потрясение, жертвой которого стал, конечно, и крестьянин. Все-таки в целях хотя бы частичного освещения вопроса о способности софийского крестьянина платить оброк своему хозяину в изучаемый момент, мы остановимся на некоторых наших наблюдениях. Между прочим, у нас имеются сведения относительно софийских крестьян, отданных Домом софийским помещикам. В книге старца Левкея 1592 года указывается крестьянский оброк в пользу этих помещиков 24 раза.

Все помещики получают оброк натурой (хлебом) и деньгами. Отношение этих двух частей оброка бывает разное. Например, помещичий доход с дер. Ветхого Села шел в размере 5 четвертей разного хлеба (2 ч. ржи,

---

[71] Г. Штаден, О Москве Ивана Грозного, стр. 122, 123.

[72] Летопись Занятий Археогр. Ком., вып. XXXIII, стр. 261 — 269 и дальше.

2 ч. овса, 1 ч. ячменя) и 9 алтын денег, [73] т.-е., четверти хлеба относились к алтынам, как 5 : 9. С деревни Дунякова причиталось помещику 10 четей разного хлеба (4 ч. ржи, 4 ч. овса, 1 ч. ячменя, 1 ч. пшеницы) и деньгами 11 ал. 4 д., что составит отношение хлеба к алтынам 5 : 5,8. Для того, чтобы найти среднее отношение, мы берем все известные нам 24 случая и получаем следующие цифры: всего помещики, отмеченные в книге по тем или иным поводам, получают в оброк:

ржи	$37^1/_2$	четвертей
овса	28	„
ячменя.	$8^1/_2$	„
пшеницы	1	„
деньгами	4 р. 27 ал. 3 д.	

Делаем приблизительный перевод хлеба на деньги по рассчету 56 денег за 1 четверть ржи, по какой цене покупал владыка оптом рожь осенью следующего года. [74] Стоимость других хлебов определяем по старому от XV в. отношению 14 : 10 : 7 : 5 (пшеница, рожь, ячмень, овес), и в результате получаем, что вся

рожь стоит	2100	денег
овес	784	„
ячмень.	331	„
пшеница	78	„
Всего.	3293 д. = 16 р. 15 ал. 3 д.	

т.-е., натурой помещики получают приблизительно в $3^1/_2$ раза больше, чем деньгами. Вспомним, что было в конце XV века. Там мы видели, что натура почти равнялась деньгам. В народном хозяйстве произошли серьезные перемены. Любопытно, что в тех случаях, когда старец Левкей касается оброков в пользу Софийского Дома, мы ни разу не встречаем денег, всегда владыка получает хлебом. [75] У него по прибытии в Новгород на место своего служения в 1592 году созрел определенный план увеличить собственное софийское производство хлеба, так как оброков было мало, а лучшая земля оказалась в руках софийских помещиков. Хлеба, писал он, на софийский обиход не ставится, приходится его покупать, а денег нет в казне, и Софийский Дом входит в долги.

В такой хозяйственной обстановке, надо думать, и возникла, незадолго до прибытия вл. Варлаама в Новгород, софийская деревня из софийской мельницы, стоявшей на берегу речки Саковы при впадении ее в р. Веряжу. От города деревенька отстоит верстах в трех или чуть-чуть больше. Это нам известная так называемая Новая Мельница. В 1547-48 г. ее еще не было.

---

[73] А. К. П. И.-А. К. № 37, л. 150.
[74] А. К. П. И.-А. К. № 36, л. 73 об.
[75] А. К. П. И.-А. К. № 37, лл. 179, 187, 187 об., 189.

В 1592 году здесь имеется уже софийская барская запашка,[76] и по темпу жизни в этой деревне можно судить, что она играет важную роль в общем хозяйственном плане Софийского Дома. Здесь в 1593 году живет представитель Софийского Дома приказчик Иван Емельянов, софийский сын боярский. 13 декабря 1593 года, между прочим, дано было ему 2 алт., „а онъ купилъ на тѣ деньги на Новую Мельницу мази“,[77] 6 декабря были „куплены двои дровни... Дровни отданы на Новую Мельницу приказчику Ивану Емельянову“.[78] Там, несомненно, продолжает существовать и действовать водяная мельница, для которой в течение $3^1/_2$ месяцев покупалось много необходимых предметов, как-то: канатов веревочных к воротам водяным,[79] мази и сала говяжьего, укладу,[80] и др.; несколько раз ремонтировались отдельные части мельницы; „уклад наваривали къ шести клевцамъ“,[81] делали „веретено большое, да подпяток, да пороплицу“.[82] Но самое важное назначение деревни заключается не в мельнице, а в пашне. Для наблюдения за ходом сельского хозяйства и живет здесь приказчик. Действительно, стоит всмотреться внимательнее в те предметы, коими снабжается деревня из центра, и мы легко убедимся, что в Новой Мельнице занимаются главным образом земледелием. Вот, приказчик Иван Емельянов 13 декабря 1593 года „подковалъ переды у девятерыхъ лошадей“,[83] в другой раз отправлено в Новую Мельницу „двои дровни“,[84] 9 подхомутников.[85] Или такой факт, отмеченный в приходной книге 1593 года: 30 октября „проданъ быкъ съ Новые Мельницы сыну боярскому Василью Алексѣеву“.[86] Все эти мелочи говорят нам о том, что здесь ведется как будто бы сельское хозяйство. В расходной книге 1600 года мы имеем совершенно точные на этот предмет указания. Под 10 ноября здесь записано: „по митрополичью приказу дано на Новой Мельнице 7 дружинникомъ з женами 2 алт. 2 д., да 9-ти бобылем и з женами 3 алт., коровнику с коровницею 2 деньги, мельнику з женою 2 деньги, плотнику Трошу съ сыномъ 2 деньги. Всѣмъ мужикомъ и жонкамъ дано по деньге“.[87] В той же книге дальше читаем: 16 ноября „дано Новые Мельницы коровнику Фетьке Гурьеву за двое куровъ алтынъ, а тѣ у него куры взяты по митрополичю приказу детемъ боярскимъ, как митрополитъ былъ на Мель-

---

[76] А. К. П. И.-А. К. № 37, л. 189 об.
[77] Ibid., № 36, л. 95.
[78] Ibid., л. 94.
[79] Ibid., л. 72 — 72 об.
[80] Ibid., л. 85.
[81] Ibid., л. 86 об.
[82] Ibid., л. 94.
[83] Ibid., л. 95 об.
[84] Ibid., л. 95.
[85] Ibid., л. 92 об.
[86] Ibid., л. 35.
[87] Ibid., л. 20 об.

нице“.[88] Перед нами часть административного и рабочего состава деревни (может быть, даже и весь состав): приказчик, 7 дружинников, 9 бобылей, коровник с коровницей, мельник и плотник с сыном — всего 21 человек рабочих, не считая их жен. Теперь совсем ясно, что здесь настоящее сельское хозяйство с коровьимъ двором и мельницей в качестве составного его элемента.

Интересен состав этой рабочей части населения. Тут две организации: 1) дружинники, т.-е., свободные наемные рабочие и 2) бобыли, зависимые от своего хозяина люди по особому договору — бобыльской порядной, о сущности которой много приходилось говорить в другой работе.[89] Бобылей больше, чем дружинников. Относительно коровника, коровницы, мельника и плотника мы не знаем, кто они такие, бобыли, дружинники или крестьяне. Судя по аналогии с данными 1547—48 года,[90] не дружинники, следовательно, люди зависимые по порядной бобыльской или крестьянской, т.-е., по закону о заповедных годах „временно“ лишенные права выхода. Если в 70-х годах, судя по сообщению Штадена, крестьяне обычно жили „или за великим князем, или за митрополитом, или еще за кем-нибудь“, в целях самосохранения,[91] то вместе с обнищанием крестьянской массы явились новые побудительные мотивы к поискам пристанища у тех, кто так или иначе сумел уцелеть во время стихийного бедствия. Власть хозяина безусловно на наших глазах растет. Один из бобылей, поступая в бобыли к Новгородскому митрополиту, правда, несколько позже (в 1638 году), но во время, в экономическом отношении очень похожее на конец XVI века, писал в своей порядной: „а на софийскую мнѣ работу ни на какую не ходить и здѣлья никакова не дѣлать“.[92] Можно думать, что без этой специальной оговорки он должен был бы в силу своей зависимости на всякую софийскую работу ходить и всякое сделье делать, что государь святитель укажет. Это уже не похоже на свободный труд. Юридическое положение деревенских рабочих изменилось в конце XVI века в том же направлении, что и городских.

Работа на Новой Мельнице ведется под непосредственным наблюдением Софийского Дома; в этом нас убеждают как многочисленные факты снабжения деревни всем необходимым непосредственно из центра, так и фактом внесения всех расходов по деревне в софийскую казначееву расходную книгу и поручением исполнять те или иные деревенские нужды софийскому служебнику, постоянно живущему в городе.

---

[88] А. К. П. И.-А. К. № 36, л. 22.

[89] Б. Греков, Новгор. Дом св. Софии, стр. 399 — 400.

[90] Летопись Занятий Археогр. Ком., вып. XXXIII, стр. 226 и след.

[91] „Если бы не это, то ни у одного крестьянина не осталось бы ни пфенига в кармане, ни лошади с коровою в стойле... Крестьянин хочет ухорониться, чтобы ему не чинили несправедливости“. Г. Штаден, Opus cit., стр. 122.

[92] А. Н. С. Д., т. XII, л. 158.

Сам владыка, наконец, навещает деревню, уже не в порядке „подъезда“, как это делалось в XV веке, а в качестве хозяина с целью наблюдения над тем, что делается на его собственной пашне. Интересно отметить перемену и в другом отношении: в XV веке крестьяне должны были при посещении своего господина приготовить ему и его свите пива, и хлеба, и вологи, и рыбного, и мясного „довольно“. Конечно, без всякой платы. Сейчас во время посещения владыки кто-то из свиты взял в деревне у коровника курицу, и за эту курицу заплатили из софийской казны.

Приблизительно в таком же положении находилась и деревня Старая Мельница. В 1547-48 году там работала дружина, т.-е., наемная рабочая сила. Состав рабочего населения этой деревни в конце XVI века сильно переменился. Ряд косвенных данных указывают довольно ясно на характер этой перемены. Прежде всего ясно, что в этой деревне есть барское софийское хозяйство: так же как и в другие деревни, где была организована собственная пашня, и в д. Старую Мельницу из центра посылают различные предметы, необходимые в сельско-хозяйственном быту, как-то: подхомутники,[93] хомуты, дуги, молотильные путы,[94] заказывают крюк в овин, на чем латка вешать,[95] и покупают самую латку. Надо думать, что здесь живут бобыли, хотя у нас и нет фактического доказательства этому положению. Наконец, совершенно ясно и точно старец Левкей сообщает нам, что крестьяне и бобыли окрестных софийских деревень выполняют барщинные сельско-хозяйственные работы, между прочим, и здесь: „...все те Паозерские митрополичи, и Пискупицкие, и Завальские, и Моринские, и Ковлинские крестьяне и бобыли на митрополита сено косят на Мсте на реки пожню Стержова, а рожь и ярь жнут на Старой Мельнице...“[96] Здесь говорится только об уборке хлеба на Старой Мельнице. Пахота и др. работы, вероятно, производились предполагаемыми в наличности местными бобылями, если судить по аналогии с д. Марковым, к которой мы и переходим.

В 1547-48 г. здесь была софийская барская запашка. Работали тут дружинники. В 1582 году в Маркове попрежнему стоял большой двор, в котором жил приказчик владыки, был и двор коровий. О дружинниках, которых мы здесь наблюдали в 1547-48 г., теперь уже не слышно. В некотором количестве они могли здесь остаться, но в писцовую книгу, которой мы сейчас пользуемся, они естественно не попали. Зато писцовая книга ясно нам называет бобылей, которых числилось здесь 7 дворов; к 1582 году из них осталось живущих только 2, и 5 дворов бобыльских стояли пустыми. Почему дворы запустели, хорошо известно. По тем же причинам и пашня

---

[93] А. К. П. И.-А. К., № 36, л. 92 об., 88.
[94] Ibid., л. 17, 22.
[95] Ibid., л. 18. Латка — котел. Аристов, Промышленность древней Руси.
[96] А. К. П. И.-А. К., № 37, л. 189 об.

владычная тоже сократилась; из 25 прежних четвертей обрабатывается сейчас только 10, сена скашивается 100 копен. Всего в живущем здесь считалось 1 обжа и в пусте $1^1/_2$ обжи.[97] „Пашни паханые архиепископли 10 чети, да перелогу 15 чети“.[98] Перелог в данном случае — это недавняя пашня, покинутая вследствие общих причин, воздействовавших на хозяйственную жизнь Новгородского края: до Ливонского разорения, стало быть, здесь пахали 25 четей. Через 10 лет, т.-е., в 1592 году мы наблюдаем деревню Марково совсем оправившейся после разорения и даже можем отметить значительный шаг вперед по сравнению с недавним прошлым. Прежде всего здесь уже нет пустоты. Софийская запашка равна 35 четвертям, т.-е., на 10 четвертей стала больше, чем до разорения. Живет здесь приказчик, в старых 7 дворах поселились снова бобыли.[99] Имеется житница,[100] коровий[101] и, весьма вероятно, конюший дворы. Деревня повысилась в ранге, и теперь в писцовой книге называется сельцом. Софийская запашка в 35 четвертей по здешнему масштабу — солидная запашка: в наиболее населенных софийских волостях вся крестьянская пашня немногим превышала по своим размерам софийскую Марковскую (в Рождественском Коломенском погосте все крестьяне пахали 82 четв., в Андреевском Грузинском — 75, в Никольском Городищском — 31). Кроме этой давнишней пашни, в сельце Маркове на софийский же обиход стали запахивать по соседству в дер. Владычне, недавно бывшей в поместном владении у софийского боярина Фуника Клементьева и сейчас отобранной „во дворец“, т.-е., в Дом. Здесь пахалось 40 четвертей. Таким образом, софийская пашня растет на наших глазах.

Земля тут „добрая“, и поэтому совершенно понятно, почему ее старались широко использовать при новых хозяйственных условиях. В 1500 году, кроме пашни, тут был и значительный сенокос (1760 копен сена). Сейчас у сельца Маркова остался небольшой луг, дававший только 100 копен сена, и больше лугов не осталось совсем. Один из дьяков, получивший несколько позднее в этих местах поместный участок, писал владыке: „сенного покосу нет ни единые копны“, и просил выделить ему пожню где-либо в окрестностях.[102]

Что касается рабочей силы, которая применялась на беспрерывно растущей собственной софийской пашне, то вполне исчерпывающих сведений у нас мало: известно однако, что в с. Маркове работают бобыли, что во Владычине в 1600 году яровой хлеб жали бобылицы, „двадцать жонок“.[103]

---

[97] А. К. П. И.-А. К., № 65, л. 2 об. Писц. кн. Самсона Дмитриева.

[98] Ibid.

[99] А. К. П. И.-А. К., № 37, лл. 182—182 об. Писц. кн. старца Левкея 1592 г.

[100] А. К. П. И.-А. К., № 36, лл. 69, 15 об.

[101] А. К. П. И.-А. К., № 65, л. 2 об.

[102] А. К. П. И.-А. К., № 64, л. 81.

[103] „Дано жницамъ, бобылицамъ 20 жонкамъ, которые жали на Владычне яровой хлебъ, 20 алтынъ“. Запись в расх. кн. 1600 г. А. К. П. И.-А. К. № 36, л. 7 об.

О дружинниках документы молчат, хотя и нельзя истолковывать это молчание в смысле полного их отсутствия. Важно отметить, что новый тип рабочего, бобыля и крестьянина, постепенно и решительно вытесняет свободного наемного рабочего.

Новости, появившиеся в жизни софийской деревни в связи с переменой экономической политики Софийского Дома, особенно ярко подчеркиваются в писцовой деятельности софийского писца старца Левкея.

Дело мне представляется в следующем виде: после самых тяжелых в смысле хозяйственной разрухи годов Софийский Дом был не в силах принять сразу решительные меры к восстановлению своего хозяйства, и некоторое время реставрация шла по инерции: сам Дом поддерживал свое собственное хозяйство в тех местах, где это было легче всего; крестьяне, предоставленные самим себе, отстраивались собственными средствами, лишь пользуясь некоторой податной льготой; софийские помещики, каждый в меру своих материальных рессурсов, старались наладить свое хозяйство, возвращались в свои усадища, приглашали за собой крестьян, тянули с собою „людей“, т.-е., холопов, у кого таковые имелись. В результате, естественно получилось, что „лучшая земля“ оказалась „за дѣтьми боярскими за соѳѣйскими, и за дьяки, и за подьячими“.[104] Старый по возрасту и слишком связанный со старыми традиционными отношениями в Софийском Доме владыка Александр, повидимому, не мог или не хотел заглядывать вперед, учитывать и перестраивать. После его смерти новый митрополит Варлаам энергично принялся за дело и прежде всего постарался разобраться в его сущности. Очень многое его не удовлетворило, и он высказался по этому поводу в своем интересном письме к царю Федору Ивановичу. В казне денег нет, как и вообще „казны никоторые нет“, т.-е., ни денег, ни ценных вещей в казне не оказалось. „Вотчины соѳѣйской осталося после немецкой войны $2^1/_3$ сохи“, между прочим, пишет владыка Варлаам. Очевидно, он счел для своих целей удобнее не подводить точных реальных итогов состояния софийской вотчины с момента от окончания войны до смерти своего предшественника владыки Александра, т.-е., за последний 10-летний период времени, который мы не случайно называем реставрационным. Поэтому он и начинает свое изложение от исходного момента „немецкой войны“. $2^1/_3$ сохи, надо думать, московских сох, что составляет 70 новгородских обеж. Дальше вл. Варлаам излагает, как распределена эта софийская земля. „А которая софейская вотчина осталась, и та лучшая земля за детьми боярскими за софейскими, и за дьяки, и за подьячими въ поместьи съ угодьи. А которая землица выпашь, и хлебъ не родитца, и тое землю пашутъ на софейской обиходъ на дворовой. А всего сеютъ на Софейской Домъ 104 чети ржи...“[105] 104 чети по официаль-

---

[104] Неопис. столбцы Новг. Соф. Дома, хранящ. в П. И.-А. К.
[105] Ibid.

ному, принятому государством для данного места, счету составит $10^2/_5$ обжи. Запашка в 104 четей ржи не может удовлетворить потребностей Софийского Дома. Приходится хлеб покупать в долг: „А хлеб съ осени, займуючи, покупаютъ. А хлеба на обиходъ не ставитца“. [106] Все здесь процитированное чрезвычайно интересно. Как получилась эта печальная картина? В чем тут беда? По нашему мнению, здесь мы имеем дело не только с объективным бедствием, а и с перемещением точек зрения на предметы, которые раньше расценивались совершенно иначе. В самом деле, можно ли себе представить, чтобы владыка стал жаловаться на скудость софийской запашки в конце XV или в начале XVI века и этим объяснять нужду в хлебе насущном? Конечно, нет. Тогда кормился Софийский Дом совсем иным способом. Мог ли стеснить, скажем, владыку Феофила факт распределения земель между его слугами даже в той форме, о которой так жалобно говорит вл. Варлаам? И здесь должен быть ответ отрицательным. Наконец, были ли в то время налицо достаточно сильные побуждения у этих самых слуг, чтобы менять город на глухую деревню, садиться на землю даже с риском обидеть своего патрона? И на этот вопрос положительного ответа дать нельзя. Очевидно, многое переменилось в этот сравнительно короткий срок; переоценка ценностей явилась неизбежной, и владыка Варлаам в этом отношении весьма показателен. Царь, конечно, понял Новгородского митрополита и, предоставляя ему свободу действий, между прочим, дал совет — перебрать своих служилых людей, оставить только необходимых, „лучшие места, которые ныне в поместья же розданы, поимать на собя и устроить села и пашни на собя“. Таким путем рекомендовал царь „Пречистые Богородицы Софеи Премудрости Божией и великихъ чудотворцевъ Домъ устроить“. [107] И нимало не медля, владыка Варлаам приступил к выполнению начерченной программы, начав с того, что командировал комиссию писцов со старцем Левкеем во главе для описания дворцовых софийских сел, деревень и угодий. [108] Под начальством старца Левкея работали софийские дети боярские Иван Мартьянов и Никита Семенов. [109] Первый из них не новичек в этом деле: в 1585 году он сам стоял во главе писцовой комиссии. Работа комиссии старца Левкея точно называется дозором и сыском, и это название не случайное: оно вполне соответствует задаче комиссии. Старец Левкей прежде всего стал проверять права на владение софийской землей всех, кто сидел до сих пор на тех или иных, законных, незаконных или сомнительных, основаниях, затем он принял меры к тому, чтобы незаконные владельцы вернули свои земли „во дворец“, организовал отдельные группы деревень в хозяйственно-

---

[106] Неопис. столбцы Новг. Соф. Дома, хранящ. в П. И.-А. К.
[107] Ibid.
[108] А. К. П. И.-А. К., № 37, л. 96.
[109] Б. Греков, Новгор. Дом св. Софии, стр. 538.

административные единицы „села“ и „волости“, озаботился, чтобы земли не лежали в пусте, с каковой целью отдавал их на оброк, поручая охранять их отдельным лицам и группам лиц. Он же путем расспросов местного населения распутывает осложненные временем поземельные отношения разных лиц, выделяет часть земли церквам, заносит в книгу пропущенное прежними писцами. Наконец, внимательно следит за наличными рабочими руками, в частности, за крестьянскими переходами, и внимательно отмечает барщинные повинности крестьян там, где они имели место. Судя по характеру работы старца Левкея, он, несомненно, принадлежал к типу людей, способных в переходные моменты схватить дух времени и быстро к нему приспособиться. В работе старца Левкея легко можно отметить те же новости, что и в письме владыки Варлаама к царю. Там мы видим словесное выражение того, что старец Левкей претворил в дело. На землю устанавливается новый взгляд, рабочие руки приобретают новую цену, собственная барская запашка — новый хозяйственный смысл.

Присматриваясь ближе к работе старца Левкея, мы отмечаем прежде всего факт, о котором приходилось говорить выше: собственная софийская барская запашка совершенно точно и без всяких фиговых листков названа только в дер. Маркове, в старой деревне, хорошо известной всем писцовым комиссиям и всем писцовым книгам. Не мог скрыть старец Левкей и некоторого прогресса в хозяйственной физиономии этой деревни: она превратилась незадолго перед описанием в „сельцо“, к которому стали тянуть другие деревни, пустота заменилась жилом и пр.

О барском хозяйстве в соседних двух деревнях Новой и Старой Мельницах полное и едва ли не тенденциозное молчание, как будто бы их и нет совсем. Кажется, мы в праве здесь вспомнить аналогичное поведение софийского помещика Степана Спячего по отношению к своим починкам, поведение, обнаруженное и осужденное в принципе тем же старцем Левкеем: оказывается эти починки „въ писцовыхъ (софийских) книгахъ Федора Фатьянова съ товарыщи (1575 года) да Ивана Мартьянова съ товарыщи (1585 года)... не написаны“, потому что „писцовъ отъ тѣхъ починковъ помѣщики отводили и въ письмо и въ книги не сказывали“.[110] Только один раз старец Левкей проговорился при описании Паозерья: „А все ти Паозерские митрополичи, и Пискупицкие, и Завалские, и Моринские, и Ковлинские крестьяне и бобыли на митрополита сено косят на Мсте на реки пожню Стержова, а рожь и ярь жнут на Старой Мельницы...“.[111] Стало быть, ему хорошо было известно, что на Старой Мельнице ведется софийское хозяйство. Но он, очевидно, не имел намерения упоминать об этих хозяйственных очагах, может быть, потому, что об этих предметах выгоднее было молчать до поры до

---

[110] А. К. П. И.-А. К., № 37, л. 131 об.
[111] Ibid., л. 189 об.

времени, особенно если к тому можно было изобрести какие-либо оправдывающие юридические предлоги. В писцовой книге старца Левкея и о селе Полянах тоже нет ни звука, а между тем несколько лет спустя мы там видим сельское софийское хозяйство на полном ходу. Зато общую тенденцию отобрания у софийских помещиков возможно больше удобной земли и устроить софийскую новую запашку мы можем легко усмотреть как в той придирчивости, с какой старец Левкей проверяет у помещиков документы на владение землей, так и в многократных случаях организации, хотя и случайных, правда, но новых запашек на Софийский Дом. Отбирается земля у помещиков прежде всего, когда писцовая комиссия выясняла несоответствие размеров фактического владения с документальными данными. В таких случаях писали, что деревни „стали за окладомъ“, [112] или: „остались за окладомъ“. [113] У Степана Спячего, как мы видели, обнаружилась утайка починков от писцов, и это обстоятельство тоже было признано достаточным основанием для конфискации.[114] Все поместные земли, которыми помещики владели до сих пор „бездачно“, отбирались тоже. [115] Самое основание конфискации не вызывает никаких сомнений, но мне представляется небезынтересным факт допущения незаконного владения в течение столь долгого времени. Мы встречаем здесь случай, когда софийский помещик продолжал владеть поместьем после того, как 7 лет тому назад предыдущая писцовая комиссия лишила его права владения: на таком основании старец Левкей, например, отобрал поместья у Григория Безобразова и у Василия Лутохина. [116] Такие случаи могли быть терпимы только при равнодушном отношении к земле и сделались невозможны в конце XVI века. Считаю не лишним отметить одну черту в работе старца Левкея — это его манера делать свое дело молча. Иногда он пишет просто: „...деревни, что были за таким-то помещиком“, „и тѣ деревни отписаны у него на митрополита“ [117] без всякой мотивировки. А иногда он выражается еще лаконичнее: были в поместьи за таким-то помещиком, а сейчас митрополичи. [118] Благодаря счастливо дошедшей до нас переписке владыки Варлаама с царем, мы, конечно, очень хорошо понимаем, в чем тут дело: старец Левкей выполняет точно определенный план, навеянный новой хозяйственной обстановкой. Софийский Дом тщательно разыскивает удобные земельные пространства для того, чтобы завести свое собственное хозяйство. Но ведь и софийский помещик, как и всякий землевладелец, в это время переживает такую же хозяйственную лихорадку, принявшую эпиде-

---

[112] А. К. П. И.-А. К., № 37, л. 133.
[113] Ibid., л. 146.
[114] Ibid., л. 131 — 132.
[115] Ibid., лл. 98 об. — 99, 126 и др.
[116] Ibid., лл. 129, 126.
[117] Ibid., лл. 150, 152, 160.
[118] Ibid., лл. 112, 117, 135 об., 137 и др.

мическую форму. По иным несколько побуждениям, но к увеличению запашки стремится и крестьянин, положение коего в этом отношении было особенно затруднительно, так как расширение хозяйственной площади грозило ему непосредственным увеличением тягла. Выручала его в таких случаях пашня неофициальная и полуофициальная. Под первой мы разумеем такую, о которой не знает Софийский Дом, под второй — известную Софийскому Дому и приносящую ему доход, но не записанную в государственные писцовые книги, следовательно, свободную от тягла. Так, например, в софийской волости Паозерьи (Шелонская пятина) официальной пашни крестьянской считалось 24 обжи, полуофициальной — 4 обжи. Об этой последней сами крестьяне должны были сообщить старцу Левкею. В дер. Завала „... митрополичи крестьяне (названы трое)... и всѣ крестьяне тоѣ деревни сказали 3 обжи на Завалахъ паханы ис снопа“, [119] в селе Пискупицах была припущена в пашню крестьянам еще обжа, о которой старец Левкей на основании крестьянских показаний говорит с оттенком некоторого разочарования, словно он ожидал большего: „припускново засѣву сказали на две четверти всего“. [120] Это на обжу, конечно, очень мало. Очевидно, крестьянскую фактическую пашню он проверить лично не мог. О размерах этой неофициальной крестьянской пашни мы тоже можем говорить только приблизительно. Отмечаю здесь только самый факт существования этого рода пашни, доказательства и объяснения чему приведу подробнее в другом месте. Итак, поведение старца Левкея для нас не представляет загадки. К фактам того же хозяйственного порядка мы должны отнести и еще ряд наблюдений. Мы знаем из ответа царя владыке Варлааму, что он должен был после отобрания земель у помещиков „устроить села и пашни на собя“. Конечно, это дело нелегкое, и напрасно мы бы искали в писцовой книге старца Левкея больших результатов в этом направлении, но работа писцовой комиссии во всяком случае велась именно в этом плане. Вот, например, „къ митрополичю же дворцовому селу къ Сермаксе (Введенской погостъ)... приписаны деревни Пиркинского погоста, что бывали въ помѣстье за Китаемъ Бухвастовымъ, а после того были въ помѣстье за Гнѣвашемъ Лутохинымъ, а ныне тѣ деревни за митрополитомъ: дер. Гумбаричи у Ладожского озера на речке на Гумбарице...; пустошь, что была деревня, Пелчюжно, на речке на Пелчюжне...“. [121] Эти приписные деревни уже входят в состав Сермаксы не как географического, а как хозяйственно-юридического понятия: „И всего в Введенском погостѣ на Сермаксе и на Свери, и в Гумбарицах живущего и пустово 11 обежъ с полутретью и полполчети обжи...“. [122] Очевидно, софийская власть намерена была так или иначе использовать это объединение. К сожалению, у нас нет никаких сведений

[119] А. К. П. И.-А. К., № 37, л. 189.
[120] Ibid., л. 187.
[121] Ibid., лл. 110 — 110 об.
[122] Ibid., л. 111.

о том, как в этом отношении обстояло дело фактически. В других случаях мы имеем обильный материал для суждения о степени осуществления поставленной задачи. Вот в отобранном от Гневаша Лутохина поместьи Пиркинского погоста в починке Тененичах, где стоял двор помещика, сейчас „пашутъ на митрополита 3 чети в поле, а въ дву полехъ по тому же“.[123] В том же поместьи в другой деревне, где недавно еще жил „Гнѣвашевъ человекъ, Лутохина Звяга Некрасовъ“, „ныне на той деревни на митрополита поднято два поля на рожь къ 101 году, а нынешнего 100-го году въ третьемъ поле митрополичи крестьяне Анцыфорко Нестеровъ да Якушъ Никифоровъ, да Аврамко Петровъ сеяли ярь изъ снопа“.[124] В Тененичах же в пустоши, что была деревня, Иванково „третье поле пашутъ на митрополита“.[125] В погосте Дмитриевском Соцком в деревне Осипково посиденье на речке на Шапше софийская запашка появилась на поле у „вдовы Офимьицы Ивановы жены“: „того двора полтрети обжы пашутъ на митрополита“;[126] в другой пустой деревне в Наволоке на той же речке на митрополита запахали 1/3 обжи.[127] В Михайловском Ладожском погосте в софийской волости Заболотьи в одноименном с волостью довольно многолюдном сельце „на митрополита сеяно на получети обжы рожь“.[128] В том же погосте и в той же волости, в безыменной деревне, на речке Елошне засеяно на митрополита 9 четвертей без четверика.[129] Софийская пашня разбросалась небольшими разной величины островками среди крестьянских полей. Заметно, что старец Левкей не пропускал ни одного случая увеличить софийскую пашню.

Старец Левкей работал летом. Это видно как из того, что сдавая в аренду пустые участки земли на льготу, он определяет срок с 1 сентября 1592 года, „съ Семене дни Лѣтопроводца 101 году да по Семень день 103 году“,[130] так и из того, что на митрополита по распоряжению писцов „поднимают“ землю на рожь ко 101 году, т.-е., пашут под озимую рожь, очевидно, в августе.[131] Для того, чтобы организовать сельское собственное хозяйство, конечно, требовалось время и средства: ни того, ни другого у старца Левкея в распоряжении не было, между тем необходимость в запашке ощущалась так сильно, что писцовая комиссия, не дожидаясь возможности устроить настоящее собственное софийское сельское хозяйство, пользуется случайными клочками земли и устраивает временную пашню.

---

[123] А. К. П. И.-А. К., № 37, л. 112 — 112 об.
[124] Ibid., л. 114.
[125] Ibid., л. 115.
[126] Ibid., л. 143.
[127] Ibid., л. 143 об.
[128] Ibid., л. 155 об.
[129] Ibid., л. 157 об.
[130] Ibid., лл. 152 об. — 153.
[131] Ibid., л. 114.

Вполне организованное сельское софийское хозяйство мы можем наблюдать в Полянской волости Тесовского Климецкого погоста. История этой новой хозяйственной организации представляется в следующем виде. Поляны это Софийская волость, в которой владыка считался землевладельцем еще во времена Новгородской независимости. Землю у владыки здесь отбирали, возвратили частично в 1552 году и совсем вернули в 1648 году. Итак, Полянская волость поступила в Софийский Дом только в 1552 году. Ясно, что до этого времени она не могла стать объектом хозяйственного воздействия со стороны Софийского Дома. Однако, в промежуток между 1552 и 1582 годами Софийский Дом устроил в волости специальный владычный двор, в 1588 году к волости владыка Александр путем особого ходатайства вернул две деревни, отобранные у него в 1574 году устройной комиссией в момент организации государевой десятинной пашни. [132] Но о собственном софийском „барском" хозяйстве в этой волости мы имеем первые сведения только от 1599 года. Под этим годом у нас есть обельная жалованная грамота, выданная владыке Варлааму царем Борисом Годуновым. Из грамоты явствует, что царь Борис пожаловал владыку Варлаама, велел не взыскивать своих государевых податей с тех земель, „въ которыхъ селехъ его митрополичи пашни на него пашутъ" в размере 20 обеж, и „на техъ 20 обжахъ (велел) на софийской обиходъ пашня пахати, а государевыхъ царя и в. к. Бориса Федоровича всея Руси никакихъ податей съ техъ с 20 обежъ не платити". [133] Если мы не ошибаемся, царь этим актом предоставил самому владыке приурочить эти 20 обеж к любому месту в своих владениях, и владыка выбрал Полянскую волость, что официально и оформил особым документом, составленным воеводой кн. Д. А. Ногтевым. [134] Так в Полянской волости в конце XVI века появилось софийское собственное сельское хозяйство. По официальному счету на 20 обеж причитается 200 четвертей в одном поле земли. После Ливонской войны волость стояла недолго в разрушенном виде. Софийский Дом, повидимому, принял решительные меры к ее восстановлению. Подробнее об этом предмете будет речь при обозрении судьбы всех софийских земель в Климецком погосте, а в данный момент перед нами другая задача; всмотреться в организацию этого хозяйства. К счастью, для этого есть содержательный материал, который позволяет даже иногда выходить за пределы узко очерченной задачи и касаться сюжетов, косвенно с нею соприкасающихся. Имею в виду две замолотные книги по Полянской волости. Одна 112, другая 113 года. И одна засевная книга 113 года. По этим книгам перед нами проходит весь цикл земледельческих работ как на

---

[132] А. К. П. И.-А. К., № 65, лл. 269—269 об.
[133] Моск. Писц. Архив при Межев. канцелярии. Спорн. дело № 131, л. 387 об.
[134] А. А. Э., т. III, стр. 199.

собственной софийской пашне, так и на крестьянских участках; здесь мы видим взаимные хозяйственные отношения различных групп населения между собой и к Софийскому Дому, узнаем подробности сельского хозяйства и пр., но, к сожалению, картина хозяйства, представленная в книгах, относится ко времени не совсем обычному. В эти годы был большой неурожай, вызвавший ряд последствий, которые переплетались иногда настолько тесно с нормальными отношениями в волости, что порой бывает очень трудно рассмотреть, что именно относится к явлениям обычного порядка, и что вызвано исключительным временем. Иногда в этих вопросах совсем нельзя разобраться. Так что несмотря на обладание столь ценным материалом, мы тем не менее лишены возможности свободно черпать из него необходимые нам сведения, так как всегда возникает опасение сделать ошибку. Принимая в соображение эти опасности, попробуем разобраться в данных нашего источника.

Село Поляны попрежнему призвано играть центральную роль в волости, как было и до разорения. Двор владычный здесь отстроен вновь; все необходимые для ведения хозяйства службы тоже выстроены, заведен скот, мертвый инвентарь, поселены рабочие различных категорий, живет софийский приказчик. В церкви той самой, которая единственная из всего, что было в этом селе, уцелела во время нашествия шведов и литовцев, опять идет служба, как раньше до разорения. В селе Полянах есть софийская житница, помещающаяся под церковью. Так как церковь здесь каменная, следовательно, и житница тоже каменная, вероятно, хорошо приспособленная для хранения хлеба. Источники только два раза называли это хлебохранилище житницей, обычно они его называют просто „подцерковьем“. Тут и хранится весь хлеб, вырабатываемый в Полянах. Недалеко от церкви стоит владычный двор, в котором имеет постоянное пребывание приказчик, и куда по мере надобности наезжают различные представители софийской администрации со специальными хозяйственными поручениями. Приказчик, между прочим, ведет постоянный учет приходу и расходу хлеба. Некоторая доля права распоряжения этим хлебом безусловно принадлежит ему, хотя и под условием строгой отчетности. Хлеб, конечно, назначался „на софийский обиход“, но им же покрываются и местные нужды, а в данные неурожайные годы, на этот последний предмет, он тратился почти весь целиком. Отсюда выдаются крестьянам семена на посев, этим же хлебом кормится приказчик и приезжие представители софийской власти, отсюда платится жалованье местным служащим, выдается зерно на просфоры и пр. Из упоминания коровника Саньки Яковлева, который получает жалованье, т.-е., состоит на службе, мы естественно заключаем о наличности в селе Полянах скотного двора. Коровник в наших умолотных и засевных книгах упоминается несколько раз, при чем два раза его называют коровником Гусем и один раз коровником Санькой Яко-

влевым. [135] Так как наши книги относятся приблизительно к одному времени и в них нет нигде никаких намеков на то, что здесь два коровника, то мы заключаем, что Санька Яковлев и есть Гусь. Как бы то ни было, во владычном дворе, несомненно, имеется скотный двор. Совершенно необходимо признать здесь наличность большой конюшни, несмотря на отсутствие каких-либо намеков на этот предмет в наших документах. Дело в том, что для всех земледельческих работ, которые здесь ведутся в довольно большом масштабе, как мы уже отчасти видели и в чем еще неоднократно будем убеждаться, рабочий скот и прежде всего лошади необходимы. Само собой разумеются здесь сараи, амбары и пр., что полагается в организованном хозяйстве. Должны быть и рабочие люди, но о них несколько ниже. В соседнем селе Тесове, где тоже жил приказчик, но специального софийского земледельческого хозяйства не велось, упоминаются „непашенные люди", т.-е., люди нетяглые. [136] Весьма вероятно, что и в Полянах люди этой категории были, хотя источники об этом и не говорят ничего определенного.

В некоторые месяцы года здесь особенное оживление, хорошо знакомое всякому, соприкасавшемуся с сельским хозяйством. Ведь, секрет успешного сельского хозяйства заключается в том, чтобы делать все во время, и это правило имеет для всякого земледельца силу категорического императива. Бог знает, с какого времени выработался календарь земледельца; мы его уже застаем известным нашим предкам с первых страниц летописи, и Софийский Дом в этом отношении, конечно, подчинялся этому железному закону. Моменты особенного оживления здесь—весна и осень, при чем, как это обычно бывает в земледельческом хозяйстве, осень хлопотливее весны. Дело в том, что весной здесь идет только распашка полей и посев яровых хлебов, между тем как осенью посев озимых и учет урожая как яровых, так и озимых хлебов, „зажен, счет снопов, умолот и засев", если пользоваться терминологией замолотной книги. Обычно 4 или 5 августа приезжают сюда специально для этой цели командированные из Софийского Дома лица, иногда вместе с приказчиком, иногда и без него, с выбранными от всей Полянской волости целовальниками из софийских крестьян; все они образуют особую комиссию в 5—6 человек, которая и работает здесь интенсивно в течение 3 месяцев. В первых числах ноября все работы закончены. В 1603 году все осенние работы в Полянской волости закончились, например, к 12 ноября. „И всей ржи за расходом осталося в подцерковьи ноября по 12 число...", т.-е., отчетность за истекший год была готова к 12 ноября. К отправке в Поляны к 4—5 августа назначаются в Новгороде определенные компетентные люди.

---

[135] Московское Древлехранилище (сокращенно: М. Д.), разр. вязка № 1, дело № 2.
[136] А. К. П. И.-А. К., № 65, л. 243 об.

Они получают „память“, в которой обозначается их командировка. „Лета 7112 августа въ 4 день по приказу великого господина преосвященного Исидора, митрополита В. Новагорода и Великолуцкаго, память Софѣйскому служебнику старцу Гурию да софѣйскому сыну боярскому Трофиму Плещееву, да съ ними вѣрнымъ цѣловальникомъ, софѣйским крестьяном Полянские волости, Фомке Ларивонову да Иванку Яковлеву“.[137]

В этом году, следовательно, быть „у зажена, и у счета снопов, и у молоченья, и у засеву“ (озимого) определено было перечисленным лицам. Старец Гурий—старый софийский служебник. В 1600 году мы его видим в ответственной роли конюшего старца,[138] который то погрязает в мелочах своего специального дела: в разных веревках, кнутах, хомутах, шлеях, „собачьих чепях“, то получает распоряжение провожать важного гостя из Иосифова монастыря. В 1604 году ему пришлось отлучиться из Новгородского Софийского двора в Поляны на три месяца. Трофим Плещеев в Софийском Доме еще не успел себе сделать карьеры и, повидимому, только начинает ее. В следующем году старца Гурия не беспокоили этим поручением, и ездил в Поляны Трофим Плещеев один. Наконец, целовальники—это крестьяне Полянской волости: один живет в дер. Туховижи, другой в д. Разиковых Полянах; они выбраны на этот год волостным обществом. В следующем году их заменили новые целовальники. Так, очевидно, бывает всегда в Софийском Доме. Замолотчик назначается из детей боярских, получает специальную память ехать в такую-то вотчину, „а приѣхавъ выбрать (т.-е., устроить выборы) въ цѣловальники крестьянина (или крестьян), человѣка добра, душею пряма, животомъ прожиточна, кому мочно верить въ софийскомъ сноповомъ выдельномъ хлѣбѣ, и взять на целовальника у волостныхъ людей выборная память за поповскою рукою и волостных людей за руками, которые грамотѣ умѣютъ“.[139]

В 1604 году, на неизвестных нам формальных основаниях, в числе этих перечисленных лиц оказался еще один член комиссии, вероятно, получивший распоряжение ехать в Поляны позднее—это Иван Тимофеев, фигура нам тоже довольно знакомая по своей работе в сушиле на Новгородском Софийском дворе.[140] В 1604 году в замолотной комиссии мы встречаем его, хотя в „памяти“ он назван не был. Он называется в том списке лиц, которые, „живучи въ замолотѣ“, „съѣли 3 четверти съ полуосьминою ржи“. Их тут трое: старец Гурей, Трофим Плещеев да Иван Тимофеев.[141] В следующую осень тут были для тех же целей дети боярские Трофимец сын Плещеев да Второй Рябинин, и с ними крестьяне Полян-

[137] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2.
[138] А. К. П.-И. А. К., № 36, лл. 2 об., 6 об., 15 об., 21 об., 14 об.
[139] А. Н. С. Д., т. II, № 89, л. 179.
[140] А. К. П. И.-А. К., № 36, лл. 1 об., 4, 19 об.
[141] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2.

ской волости в качестве целовальников уже не те, которые были раньше. Итак, комиссия 113 года новая по составу по сравнению с прошлым годом. Старец Гурей и Иван Тимофеев остались в городе, Второй Рябинин, местный приказчик, должен помогать Трофиму Плещееву, который в этом году командирован сюда один. Пробыл он в Полянах с 5 августа по первые числа ноября и, кроме того, весной здесь жил три месяца, с 20 марта по 29 мая; после чего он прибыл обратно в Новгород и привез с собой засевные книги и кучу кабал в семенном и в еменном хлебе, которые по приказу казначея, старца Макария, да приказных людей, Семена Лутохина да Максима Коротнева, отданы были тогда же чашнику старцу Макарию. [142] Рябинин оставался, конечно, в Полянах все время. Весной 113 года по приказу владыки Исидора софийский сын боярский Трофим Ильин сын Плещеев, вероятно, в сотрудничестве с местным приказчиком производили в Полянах засев яровых хлебов. Целовальников здесь нет, действует один Плещеев, если не подразумевать естественного содействия приказчика Второго Рябинина. Его действия весенние, а равно как и работа комиссии осенняя представляют для нас исключительный интерес и в то же время задачу слишком ответственную, так как в зависимости от того или иного понимания наших документов находится то или другое представление о системе сельского хозяйства в Полянской волости, а eo ipso в значительной мере и в других местах софийских владений. Необходимо помнить, что мы имеем здесь дело с временем неурожая. К изучению вот этой именно стороны дела и надлежит перейти. Мы уже видели, что Борис Годунов обелил в 1599 году в селе Полянах 7 обеж и в деревне Кусонях 13 обеж. [143] До Ливонского разорения в Полянах числилось 9 обеж и в Кусонях 22 обжи. Согласно обельной грамоте 20 обеж Софийскому Дому предоставлялось обрабатывать на льготных условиях. Всего в волости было 100 обеж, и при обычной устойчивости цифр обеж можно смело утверждать, что так тут считалось и до разорения и долго спустя. Эти 100 обеж распределялись таким образом: в самом главном месте, в селе Полянах Высоких, 9 обеж, в Кусонях, ближайшей к Полянам деревне, 22 обжи и в других деревнях остальные 69 обеж. Вполне допускаем, что не все эти обжи в конце XVI и в самом начале XVII в. были живущими, не все из тех, которые остались за обелением 20 обеж владычной запашки, т.-е., не все они тянули свои потуги; но тем не менее уверены, что в начале XVII в. разорение 80-х годов XVI в. здесь было настолько же ликвидировано, как, скажем, в Кречневской и Пидебской или в других софийских волостях в это время.

Отношение софийских властей в хозяйственном плане к этим деревням не одинаковое. Село Поляны — это в самом тесном смысле слова барская

---

[142] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2.

[143] Поляны и Кусони — смежны, и поля их соприкасаются непосредственно.

пашня, terra salica. Умолотные и засевные книги называют ее „усадиской пашней“. Если бы это был монастырь, то пашню бы эту назвали „монастырской“ в отличие от крестьянской: „въ Софѣйской вотчинѣ въ селѣ въ Полянахъ софѣйской сынъ боярской Трофимъ Ильинъ сынъ Плещеевъ высѣялъ на софѣйской обиходъ на усадиской пашнѣ софѣйскихъ семянъ изъ подцерковья...“ [144] Из приведенного текста видно, что эту пашню засевает софийский сын боярский, тот самый, который сюда специально с этой целью и был командирован. Засевает он софийским зерном, которое берет в софийской же житнице в подцерковье. Засев делается на софийский обиход, т.-е., усадская пашня имеет все существенные признаки барской запашки в обычно принятом в науке значении слова. К ней мы еще раз вернемся в другом месте, а сейчас скажем еще о другом виде запашки на софийский же обиход. Поля деревни Кусонь распахивались и засевались другим путем, чем в селе Полянах. Тут тоже высеваются софийские семена из подцерковья, но засевают их Кусонские крестьяне—половники, отсюда и пашня эта носит название „половной“. „Въ деревне въ Кусони на половную землю высѣяно софѣйскихъ сѣмянъ изъ подцерковья...“ [145] Или: „вымолотили софийскихъ сѣмянъ съ Кусонской половной земли...“ [146] Отсюда и хлеб, снятый с этой земли, называется „половным“: „да у Кусонскихъ крестьянъ... взято половной ржи 17 копен“. Наконец, в Полянской волости есть третья категория земель — это крестьянская оброчная пашня в обычном понимании слова. Это крестьянская пашня по Полянским деревням. Крестьяне обрабатывают полянскую землю из доли продукта, в данном случае из четвертого снопа: „да въ Полянской волости по деревнямъ взято на софѣйской обиходъ у крестьянъ четвертого снопа ржи: въ деревне въ Туховижахъ у Дмитрея Васильева съ товарыщи...“ [147]

---

[144] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2: книги засевные Полянской волости 113 году.

[145] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2.

[146] Ibid. Замолотн. книги Полянской волости 112 года.

[147] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2. Замолотные книги 112 года. Обычно Софийский Дом различает несколько видов пашни по степени трудности обработки земли: самая легкая пашня это по земле „проорной“, т.-е., обычная пашня трехполья, самая распространенная в это время. Затем идет по восходящей степени трудности дербина, где приходится раздирать землю и, наконец, суки. Последняя в свою очередь подразделяется по тому же собственно говоря принципу: первая, вторая и третья пашня на суках. Первая самая трудная из всех видов пашни, потому что, кроме раздирания земли, нужно земледельцу убрать растущее дерево, выкорчевать („суки сечь“), сжечь остатки („пал ронять“) и потом только сеять. Третья пашня на суках уже есть нормальная пашня, вторая занимает середину. Софийский Дом в средине XVII века берет со своих крестьян обычно пятый сноп с „проорной“ земли и с „третьего хлеба“ на суках, с „дербены“ и со „второго хлеба“ на суках берет более льготно для крестьян—шестой сноп и, наконец, с „первого хлеба“ на суках берет еще меньше—седьмой сноп. (А. Н. С. Д., т. II, № 89, лл. 179, 180).

В Полянской волости $9^1/_2$ обеж находились в особом положении. Так как в замолотной книге 112 года не указывается, где именно лежали эти $9^1/_2$ обеж, и кто именно из крестьян ими владел, то мы предполагаем, что эти $9^1/_2$ обеж, вернее всего, не попали в число живущих тяглых, и разные крестьяне волости, в одиночку или группами, брали эту землю в аренду из посопного хлеба: „да у соффйскихъ крестьянъ Полянские волости взято соффйского посопного хлѣба за 112 год соффйские житницы въ подцерковье съ полудесяты обжи жита..., овса посопного взято..., пшеницы взято посопной в подцерковье... И всего посопного хлѣба взято въ подцерковье у соффйскихъ крестьянъ Полянские волости съ полудесяты обжи..." [148] Вот и все виды эксплоатации Полянской волости. Остановился на каждом из них.

Усадская и половная пашня, собственно говоря, и есть пашня софийская, барская запашка. Различаются эти два вида барской пашни качеством рабочих рук, обрабатывавших эту землю и условиями оплаты труда. Наш документ относительно усадской пашни не указывает точно, кто эти рабочие руки. В засевной книге Полянской волости 113 года мы имеем только краткое указание: „лѣта 7113 года, апрѣля въ 23 день по приказу в. г. преосвященного Исидора митрополита ...въ соффйской вотчине въ селе въ Полянахъ соффйской сынъ боярской Трофимъ Ивановъ сынъ Плещеевъ высѣялъ на соффйской обиходъ на усадиской пашне соффйскихъ сѣмянъ изъ подцерковья: ...пшеницы 23 четверти, 70 четвертей осьминого овса..., жита 37 четей с осьминою. [149] Точно также в замолотных книгах читаем: „На усадиской пашне въ селе въ Полянах нажато ржи 65 копенъ..." [150] и т. д. Совершенно ясно, что сеял и жал не сам Трофим Плещеев, а что у него для этого были люди. Кто эти люди, мы, к сожалению, точно сказать не можем и вынуждены прибегнуть к более или менее обоснованным догадкам. Едва ли это дружинники, подобные Мельницким, которые работали там в 1593 году вместе с бобылями: [151] замолотные книги ни разу не назвали нам ни одного дружинника, между тем как повод назвать их, несомненно, встречался не один раз (раздача из житницы хлеба всем там живущим, отчет об этих раздачах). Гораздо ближе к реальности кажется мне пользование услугами бобылей, живущих здесь, а в горячее страдное время вполне допускаю специальный наем в помощь постоянным рабочим, подобно тому, что мы видели в д. Владычне, где на уборку хлеба были наняты 20 жонок-бобылиц. [152] В Полянских засевных книгах называется особая группа бобылей, о работе которых нет никаких специальных указаний, а между тем неко-

---

[148] Ibid. М. Д., разр. вязка, № 1, дело № 2.
[149] Книги засевные Полянск. вол.
[150] Ibid. Замолотн. кн. 113 года.
[151] А. К. П. И.-А. К. № 36, л. 20 об.
[152] А. К. П. И.-А. К. № 36, л. 7 об.

торым из них выдается посевное зерно вместе с софийскими служебниками; [153] следовательно, они исполняют тоже какие-то обязанности по отношению к Дому. Затем, несмотря на молчание умолотных и засевных книг (по вполне понятным мотивам), мы допускаем также и барщинный труд окрестных крестьян, подобный тому, который применяли в д. Старой Мельнице. В порядных того же времени указаний на барщину очень много. Во всяком случае с полной необходимостью нужно допустить рабочую ненаемную силу, находящуюся в распоряжении представителей софийской власти и в тот момент, когда весной сеяли яровое, и когда осенью собирали и яровое и озимое и готовили землю как на озимь, так и на весенний посев.

Конечно, совершенно естественно, что софийское посевное зерно хранилось тут же в подцерковьи и высевалось по мере надобности. Особых сортов озимого и ярового посевного зерна здесь не предполагается, так как не было тут таких хлебных злаков, которые бы высевались и осенью и весной. Озимой была только рожь, яровыми хлебами были все остальные, т.-е., в данном месте овес, ячмень и пшеница. Озимая рожь сеялась около 5-го августа. В 1604 году 5-го августа или очень скоро после 5 августа (4 августа комиссия замолотчиков получила память. Надо думать, что 5-го она была на месте) „на усадской пашнѣ въ селѣ въ Полянахъ высѣяли изъ подперковья старые и новые ржи ко 113 году 25 четвертей и пол-2 осьмины“. [154] Это засеяно, следовательно, одно из 3-х полей. Весной 113-го года Трофим Плещеев снова приехал в село Поляны около 20 марта (20 марта он уже вынимает себе на есту рожь из подцерковья); при нем начали пахать под яровое, и 23 апреля Трофим Плещеев уже высеял „на усадиской пашнѣ софийскихъ сѣмянъ изъ подцерковья въ оржаномъ поле на зябляхъ пшеницы 23 четверти. Месяца мая въ 6 день (он же) высѣялъ ...70 четвертей съ осьминою овса“ и 15 мая посеял жита (ячмень) 37 четей с осьминою. [155] Вспахано и засеяно яровым второе поле „оржаное“, т.-е., то, на котором прошлой осенью собрали рожь, причем пшеницу посеяли „на зяблях“, т.-е., в том месте, где рожь в прошлом году не взошла, так как была прибита морозом. Третье поле лежит под паром. Его будут пахать под рожь к следующему, 114-му году. Осенью 113 года опять приехал к 5 августа сюда Трофим Плещеев и „высѣялъ ржи на софѣйской обиходъ въ селе въ Полянахъ изъ подцерковья старые ржи ко сту четвертому надесять году 37 четей съ осьминою“. Кроме озимового посева, осенью много работы иной: жатва озимого и ярового и молотьба. Трехпольная система земледелия выдерживается в селе Полянах на собственной софийской запашке, как мы это видим очень строго. Чисто земледельческая работа осложняется здесь еще и дру-

---

[153] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 1. Книги засевные 113 г.
[154] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2. Замолотн. кн. 112 года.
[155] Ibid. Книги засевные 113 года.

гой работой — счетом снопов, учетом умолота, взиманием своей части продукта от разных категорий полянского населения. Прибывший в волость софийский сын боярский Трофим Плещеев вместе с местным приказчиком и выборными от крестьян целовальниками и проделывают всю эту работу. Выборные целовальники в этой работе необходимы в качестве представителей крестьянского населения, заинтересованного в том, чтобы всякий учет велся в присутствии обеих сторон.

Следующая часть и более значительная собственной митрополичьей пашни обрабатывается половниками, которые нашими источниками, правда, так не называются, но которых иначе назвать трудно по целому ряду соображений.

Наши замолотные и засевные книги называют их просто крестьянами. „Да у Кусонскихъ крестьянъ у Вортюшки Григорьева съ товарыщи, вымолотили сѣмян съ Кусонской съ половной земли...“ [156] и т. д. Но их положение хозяйственное и правовое, насколько последнее удается разгадать, говорит о том, что это половники, т.-е., люди, работающие на софийской пашне из „половины“ продукта. Они живут в деревне Кусонях, где до Ливонского разорения было 25 дворов. Сколько теперь, т.-е., в 1604 году, там дворов, к сожалению, не известно. Немецкие и литовские люди не оставили тут ничего: 25 мест дворовых только говорили приехавшему писцу о недавнем прошлом. Сейчас здесь живет 8 половников-крестьян, которые и ведут хозяйство, повидимому, на средства Софийского Дома, т.-е., пользуясь орудиями и средствами производства владыки, его семенами, удобрением и пр. пр. Точных данных для такого заключения у нас, правда, нет, но мы опираемся на обычность такого явления с одной стороны и на некоторые косвенные намеки нашего источника. „Въ деревне Кусони на половную землю высѣяно софѣйскихъ семянъ изъ подцерковья: у Мосийка Степанова четверть съ четверикомъ осьминнымъ пшеницы, да у него же высѣяно софѣйскихъ сѣмянъ на половной земли жита 3 четверти... У Иванка Кузикова высѣяли...“ и т. д. (идет перечень всех половников). „Всего въ Кусони дано пшеницы софѣйскихъ семянъ на половную землю изъ подцерковья 11 четей да $1^1/_2$ осьмины, да овса 43 чети, жита 25 четвертей съ осьминою и четверикомъ осьминнымъ“. [157] Сравним этот текст, например, со следующим: „Да въ Полянскую волость дано софѣйскихъ сѣмянъ изъ подцерковья по деревнямъ крестьянамъ: в деревню въ Хинонивы Володимеру на $^1/_3$ выти — пшеницы 2 четверти, овса ему дано 4 чети, жита 3 чети с осьминою. Лазарьку — четверть пшеницы“ [158] и т. д. (идет перечень всех крестьян деревни Хинонивы). Сразу бросается в глаза, что отношение к половникам иное, чем к крестьянам, хотя

---

[156] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2. Замолотн. кн. 112 г.
[157] Ibid. Книги засев. г.113
[158] Ibid.

посевное зерно и там и здесь выдано из одной и той же софийской житницы. В первом случае мы замечаем гораздо более значительную активность со стороны Софийского Дома: „высеяно, высеяли у такого-то“, между тем, как во втором случае „дано“ такому-то крестьянину на определенный участок. Половник Мосийко Степанов или его товарищ Иванко Кузиков скорее служат здесь для обозначения топографии посевного участка, чем указывают на лицо, ведущее хозяйство. И едва ли это случайность. Повидимому, Мосийко Степанов и его товарищи только исполнители весьма определенных распоряжений софийских властей и не могут равняться настоящим крестьянам, самостоятельным хозяевам. „Да въ деревнѣ Кусоняхъ высѣяно ржи на половной земли у Вортюшки Григорьева съ товарыщи Софѣйскихъ сѣмянъ, которые сѣмена за ними были, 19 четвертей“.[159] У них оказывается, и семена софийские были, т.-е., оставались от урожая до следующего посева, и это обстоятельство позволяет нам думать, что у половников имеются не только семена софийские, а и еще много от Софийского Дома другого, чего у крестьян нельзя предполагать. Всегда в замолотных книгах, когда нет надобности перечислять всех крестьян — половников деревни Кусони, говорят о них „Вортюшка Григорьев с товарыщи“. Может быть, этот Вортюшка играет какую-либо роль в организации Кусонских половников, хотя настаивать на этом все-таки очень неосторожно. Во всяком случае, Кусонские половники решительно выделяются в засевной книге и дают нам основание предполагать в них некоторую спаянность и организованность, следствие одинакового положения по отношению к своему хозяину. Сколько они отдавали продукта своего труда хозяину? На этот вопрос ответить точно трудно. Попробуем однако решить задачу. Вот ее условие. Хозяин дал половникам на посев озимой ржи 19 четвертей. Осенью он получил от половников „половья“ $17^3/_8$ четвертей. Какую часть всего урожая это составит, если известно, что урожай озимой ржи в этом году в селе Полянах (т.-е., совсем рядом) был сам—4,11?[160] $19 \times 4{,}11 = 78{,}09$ четв. ржи собрано было всего в Кусонях. 19 четвертей посевных семян отсчитываем, как подлежащих возвращению по общему заведенному здесь правилу. $78{,}09 - 19 = 59{,}09$. Какую часть этой общей суммы собранной ржи составит $17^3/_8$ четверти? $59{,}09 : 17{,}4 = 3{,}3$. Конечно в нашей задаче и в ее решении много приблизительного. Таких примеров в арифметических задачниках не бывает, но тем не менее наши выводы весьма и весьма вероятны. Половники и в других местах, у других хозяев часто платили $^1/_3$ урожая.

Яровое у половников высевалось так же, как и в Полянах: те же злаки, те же пропорции их, и давали они в софийскую житницу такую же часть. В 113 году ярового было было высеяно у них — пшеницы $11^3/_4$ чет-

---

[159] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2.

[160] Каким образом получены эти цифры, будет показано ниже.

верти, жита $25^5/_8$ и овса 43 четверти. Засевная книга указывает точно, сколько именно у кого из половников высеяно всякого хлеба. Осенью того же года Софийский Дом получил все свои семена полностью и, кроме того, „половье с природу“ — пшеницы $^1/_2$ четверти, жита $16^1/_4$ и овса $4^1/_4$. Если мы на основании этих данных составим новую задачу, где будет поставлен вопрос, какой урожай был в этом году, если известно, что хозяин в „половье“ получал 3-ю часть и, кроме того, возвращал себе полностью посевное зерно, получим урожайность этого года для пшеницы 1,13, жита 2,9, овса 1,3. Проверяем этот ответ с урожайностью этих же хлебов в селе Полянах, где эти цифры получаются совсем просто и легко, так как там сеют и собирают в житницы без всяких осложняющих обстоятельств. В Полянах в этот тощий год картина следующая: пшеница родилась сам—1,2, жито сам—2,3, овес сам—1,2, т.-е., совпадение настолько полное, насколько это вообще возможно в сельском хозяйстве. Что и требовалось доказать. Таким образом и с другой стороны мы подтвердили наш вывод о том, что половники давали в Софийский Дом третью часть урожая с предварительным вычетом посевных семян.

Перейдем теперь к настоящим крестьянам, которые жили по деревням в Полянской волости. Всех деревень, кроме Полян и Кусони, 11. Для данного момента мы не имеем о них всех тех сведений, которые обычно заключаются в писцовых книгах, и потому с некоторой опаской подходим к характеристике хозяйственного состояния этих деревень. Все-таки попытаемся использовать материал, нам доступный. По писцовой книге 1582 года мы видели волость в полном разорении, но тем не менее можем восстановить некоторые стороны жизни волости до разорения. Там указаны дворовые места. Их количество дает нам право заключать о числе действительных дворов до разорения. Число побитых неприятелями людей говорит нам о численности населения до войны и т. д. Засевная книга 1605 года заключает в себе перечень тех крестьян каждой деревни, которые получали в виде ссуды посевное зерно из софийской Полянской житницы, иногда против имени крестьянина проставляется цифра вытей. Обежный счет тоже не забыт, как мы уже видели, и о чем еще придется говорить.

Сопоставление этих данных позволяет нам получить несколько ценных выводов (см. таблицу на след. стр.).

Людей, мужчин, до 1582 года здесь считалось, без Кусони и Полян, 56 человек, сейчас 70, не считая церковного причта и софийских Полянских служебников. Стало быть, у нас есть основание предполагать, что разорение успешно изживается. Но это только одна сторона дела. Другая обстоит, кажется, хуже. Как людям живется здесь по сравнению с тем, как жили они тут до разорения? На этот вопрос, принимая во внимание неурожайные два года, иллюстрируемые не раз нашими источниками, с одной стороны ответить очень легко. Живется скверно. Но только такой ответ никого

Название деревень.	Колич. дворов	
	До 1582 г.	В 1605 г.
Хиновина.	6	4
Подхиновье.	3	1
Засинье.	5	2
Велигощи	12	12
Остров.	4	2
Туховижи	не указ.	8
Мошковы Поляны. . .	12	8
Разиковы Поляны. . .	7	5
Ясень	10	7
Замостье.	не указ.	3
Черная речка (Речица).	7	8
	84	60

удовлетворить не может. Хотелось бы знать, в каких хозяйственных условиях в нормальное по урожайности время жили эти софийские крестьяне. Если точного и полного ответа на этот вопрос мы дать не в состоянии, то нельзя ли ответить на него хотя бы частично. Против некоторых крестьянских имен проставлены цифры долей выти, на какой сидит данный тяглец. Вот, если судить по этим цифрам, мы должны будем признать сравнительную бедность населения. Раньше до разорения, возьмем для примера деревню Велигощи, там было 12 дворов, т.-е., хозяев, и деревня платила с 12 обеж, т.-е., на хозяина в среднем приходилась обжа. Теперь хозяева очень осторожны: брать на себя целую выть не рискуют сами, а с другой стороны, их и принудить, очевидно, нельзя. Перед нами только дроби выти, причем даже половин нет, а все трети, четверти, один раз даже $^1/_6$. Мы, конечно, не знаем, чему именно здесь равнялась выть, знаем только, что в данном случае выть заменила обжу, потому что в засевной книге вместо „выть“ иногда говорят „обжа“. Во всяком случае, эти дроби производят такое впечатление, что население не хочет связывать себя большим количеством официальной пашни и предпочитает прирабатывать другим путем, между прочим, прибегая и к аренде: $9^1/_2$ обеж крестьяне обрабатывают из посопного хлеба. Это, несомненно, те $9^1/_2$ обеж, которые остались за вытями. Если считать, что размеры фактической запашки достигли размеров довоенного времени, что по аналогии с Кречневским Пидебским, например, погостом вероятно вполне, то окажется все-таки, что в общем даже увеличившееся несколько население запахивает из тягла меньшее пространство земли, чем это было до разорения. Может быть, эта допущенная властью осторожность крестьян теперь, т.-е., в 1605 году, есть уже некоторый анахронизм; если даже это и так, то, следова-

тельно, еще очень недавно это явление вызывалось самыми конкретными требованиями местной жизни, и софийская власть не находила возможным принуждать своих крестьян брать на себя полновесные тягловые обязательства.

Вот в каком виде рисуется нам положение софийских крестьян Полянской волости. Все они члены волостной организации, участвуют в сходах, выбирают должностных лиц и всяких иных своих представителей, хозяйничают, платят свои оброки и государственные подати, выполняют барщину. В изучаемый момент старостой был один из крестьян среднего достатка, которого составитель засевной книги довольно непочтительно назвал просто Ленькой. Староста, как и все прочие крестьяне, на посев ярового получают зерно в долг [161] из подцерковья. Семена на озимь у них свои. Хозяину дают четвертую часть урожая озимого и ярового. Этот оброк крестьяне должны были доставить на своих лошадях в подцерковье. Молотили в каждой деревне особо, умолот вносился в особые книги „замолотные", наблюдал за молотьбой „замолотчик" вместе с особой комиссией, куда входили и выборные крестьяне. [162] Молотили те же крестьяне—это их повинность. Но прежде чем приступать к молотьбе софийского оброчного хлеба, его предварительно собирали снопами от отдельных крестьян данной деревни. Процедура молотьбы, таким образом, отделяется от „зажену" и „от счету снопов". Выборные от крестьян целовальники присутствуют и при этих операциях. Такая сравнительно сложная обстановка собирания хлебного оброка объясняется тем, что в этом деле могут быть и бывают всегда неожиданности. Для примера возьмем несколько случаев из жизни Полянской волости, как их записали в замолотной книге. „Умолотъ четвертому снопу ржи въ Полянской волости, что взято у крестьянъ на софѣйской обиходъ въ подцерковье: въ дер. въ Велигощахъ взято четвертого снопа ржи у Батрака Иванова съ товарыщи 8 копенъ сотныхъ, 91 снопъ,

---

[161] Может быть, это только по случаю неурожая.

[162] В одной из памятей софийскому замолотчику несколько более позднего времени мы имеем очень полные сведения о том, как должен себя вести замолотчик при исполнении своих обязанностей: вместе с комиссией, специально составленной для получения оброчного крестьянского хлеба, он должен „со всякого хлѣба выделить... съ проорные земли пятой снопъ, а з дербены шестой снопъ, а съ суковъ съ первого хлѣба седьмой снопъ, а з другого хлѣба шестой скопъ, а съ третьяго хлѣба пятой снопъ. А выделя тотъ хлѣбъ, въ стоги скласти при себѣ жъ, высушивая хлѣбъ гораздо, а по времени велѣти крестьяномъ тотъ сооѣйской выдельной пятинной хлѣбъ омолотить". У замолоту вся комиссия должна „стояти... на гумне безотступно, чтобъ у крестьянъ надъ сооѣйскимъ выдельнымъ пятиннымъ хлѣбомъ никакие хитрости не было". Замолотчик на одном месте остается недолго. По роду своих обязанностей он должен разъезжать по деревням. „Память" это обстоятельно предусматривает и по этому поводу говорит: „а куда позовутъ замолотчика хлѣба выделять или молотить и ему подводы себѣ имати (и всей комиссии)... у тѣхъ крестьянъ, которые позовутъ" (А. Н. С. Д., т. II., № 89, лл. 180—181).

а умолоту тое ржи 12 четей съ осьминного“ [163] и т. д. Так записывается каждая деревня. Из этих записей мы узнаем не только общее количество зерна, поступающее в подцерковье, но видим, как разнообразны качества хлебов в различных деревнях, что зависит от многих причин—и от почвы, и от обработки земли, и от климатических случайностей. В деревне Засинье взято четвертого снопа 1 копна, 21 сноп, т.-е., 121 сноп, а умолоту получено $1^1/_2$ чети. В деревне Замостье взято 221 сноп, а умолоту получено $1^3/_8$. В дер. Остров взято 263 снопа, умолоту получено $4^1/_4$ четверти и т. д. 1 четверть ржи вымолачивается в разных деревнях из разного количества снопов. Колебания очень велики: от 158 снопов на четверть (дер. Замостье) до 61,9 (дер. Остров). Так дело обстояло в 113 году, а в предыдущем 112 несколько иначе: колебания еще более резки от 322 снопов до 88 на четверть ржаного зерна, причем нет совпадения в одних и тех же деревнях. Самый высокий умолот 113 года мы видим в дер. Остров, в той же деревне в 112 году умолот 1 четверть со 100 снопов, самый низкий в 113 году в дер. Замостье; в 112 году в этой деревне дело обстоит лучше: четверть вымолачивалась из 102 снопов, а самый низкий умолот приходится на дер. Хиновины, где 1 четверть вымолачивалась из 322 снопов, между тем как в 113 году в той же деревне четверть получалась из 100 снопов и т. д. Очевидно, разница в почве играет в этих колебаниях совсем второстепенную роль. Причины, повидимому, в каких-то климатических катастрофах, намек на которые мы имеем в засевной книге 113 года, где отмечен факт посева яровой пшеницы на „заблях“. [164] Понятно, что при таком широком диапазоне всяких возможностей, зоркий глаз заинтересованных сторон должен быть необходимым условием для уверенности, что ни с чьей стороны в каждом данном случае не допущено никаких уклонений от нормы.

Что касается яровых хлебов, то у волостных крестьян дело обстоит в значительной степени так же, как и у половников и в селе Полянах, т.-е., высеваются те же хлебные злаки, в такой же приблизительно пропорции

---

[163] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2. Замолотная книга 113 года.

[164] Умолот в селе Минееве около гор. Дмитрова может служить интересным предметом для сопоставления наших Полянских цифр. Село Минеево тоже софийское село. Мы имеем отчет о молотьбе в этом селе. Здесь различается рожь качественно — добрая, средняя и плохая. Умолот 1 четверти доброй ржи получается здесь из 133 снопов, средней из 200 и плохой из 250 снопов. Наше вычисление совершенно точно только в том случае, если там копна равнялась 100 снопам, как и в селе Полянах. Факты эти относятся к 1666 году (А. Н. С. Д., т. XII, № 736, л. 176). В вотчине Немчинова монастыря, расположенной невдалеке от В. Лук, в 1669 году софийский замолотчик принимал и молотил хлеб, причем умолот был следующий: 1 четверть ржи вымолачивалась из 166 снопов, овса из 143, жита из 267 и пшеницы из 469 снопов. Тут же рядом у бывшего попа 1 четверть ржи получалась из 190 снопов, а четверть овса из 153 (А. Н. С. Д., т. II, № 89, л. 186).

с неизбежными в отдельных случаях незначительными отклонениями. Посевное зерно для ярового хлеба крестьяне получают из подцерковья и возвращают его полностью осенью, причем семенному хлебу ведется особый счет, так как семенное зерно не всякое, какое получается от умолота. Это лучшее зерно, и в софийской хозяйственной практике всегда различаются—семенной хлеб и естомый хлеб. „Да ѣстомой ржи взято въ Полянской волости...“ „Да софѣйскихъ сѣмянъ взято у крестьянъ Полянской волости“.[165] Софийские крестьяне Полянской волости, как мы указывали это выше, арендуют у Софийского Дома еще 9½ обеж из „посопного хлеба“. Для Софийского Дома этот вид оброка имеет большое преимущество в том отношении, что хозяин здесь не имеет дела ни с счетом снопов, ни с молотьбой, избавлен от частых неожиданностей при вымолотке зерна. Надо думать, что эти удобства покупались некоторой ценой, и хозяин получал, в общем, меньшую долю продукта посопным хлебом, чем из четвертого снопа. За 112 год крестьяне, повидимому, не все, а только те, кто вступал с Домом в соглашение относительно аренды $9^1/_2$ обеж, должны были дать в Полянскую житницу: ржи $18^7/_{12}$ четвертей, овса $18^{19}/_{24}$ ч., жита $9^1/_2$ ч. и пшеницы $12^{17}/_{24}$. Так они должны были внести в подцерковье, но на самом деле внесли несколько иначе: ржи $19^5/_{24}$, овса $16^5/_8$, жита $11^7/_{12}$, пшеницы $11^1/_3$. Это произошло от того, что крестьяне не смогли, вероятно, в связи с неурожаем давать условленный хлеб и иногда переводили один хлеб на другой в соответственных количествах. Так, за $^7/_8$ ч. ржи и за $2^1/_6$ ч. овса они заплатили житом, за $1^3/_8$ ч. пшеницы дали $1^1/_2$ четверти ржи. Это последнее обстоятельство, а также необычное соотношение злаков говорит нам о том, что на этих $9^1/_2$ обжах велось не регулярное, освященное традицией, хозяйство, а высевался тот или иной хлеб по разным более или менее случайным соображениям. На эту нерегулярность хозяйства на арендованных $9^1/_2$ обжах указывает, между прочим, и то обстоятельство, что крестьяне на этот предмет не берут в подцерковьи посевных семян (вероятно, высевают случайные количества хлеба), и самое существование этой категории пашни, повидимому, очень временное, так как, например, в следующем 113 году никаких намеков на ее существование в замолотных книгах мы уже не встречаем. На этот год крестьяне, надо думать, не обрабатывали из посопного хлеба ничего, потому что в неурожайный год такой способ аренды земли сплошной убыток для арендатора.

Чтобы покончить вопрос с различными категориями Полянского населения, остановимся еще на Полянских софийских бобылях, на софийских служебниках и на церковных причетниках. В селе Полянах жили 4 человека „церковных причетников“, один коровник и 4 бобыля.[166] К этим

---

[165] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2.

[166] Перевод в четверти мой. М. Д., Засевн. кн. 113 г.

4 бобылям необходимо присоединить еще двух, упоминаемых в замолотной книге того же года. Первые 4 бобыля, имеют свое земледельческое хозяйство несколько иного типа, чем крестьяне: они пашут и сеют яровой хлеб не всех принятых здесь видов: ржи и пшеницы они не сеют совсем. Высевают, следовательно, только жито и овес. Один из них Мирошка сеет только одно жито. И все это в размерах очень небольших. Мирошка высевает только ¾ четверти овса; самый богатый из них Третьяк сеет 5 четвертей жита и ½ четв. овса, т.-е., все они ведут земледельческое хозяйство очень урезанное, и каждый по своему, индивидуально; все они самого главного озимого хлеба, что обычно бывало в крестьнском хозяйстве, не сеют. Значит, у них и трехполье, как система, отсутствует. Нет никаких указаний, чтобы они платили оброки. Рождается самое естественное предположение, именно то, которое было высказано уже выше, что бобыли эти в Полянах работают на барской пашне. Вторая категория бобылей — это бобыли, Кисель и Вогафонко, которые ведут, повидимому, настоящее крестьянское хозяйство только не на тяглой пашне, а на земле, в писцовые книги не занесенной. Их пашня лежит „на суках“, и с этих суков они дают владыке 4-ый сноп. Понимать этот термин „с суков“ нужно в смысле новой пашни, вспаханной на лесной росчисти. [167] Бобыли эти, следовательно, расчистили себе новые участки и пользуются ими, не платя государевых податей, в виде оброка отдавая владыке четвертый сноп. Сеют они только жито, т.-е., ячмень. Других хлебов мы у них не видим. Посевное зерно все бобыли берут в софийской житнице с непременной отдачей его после уборки хлеба с полей. Общее у этих двух видов бобылей, конечно, прежде всего то, что они бобыли, и те и другие обязаны Софийскому Дому отдавать часть своего труда, натурой ли или частью продукта, наконец, своим трудом — это все равно. Следовательно, различие между ними не в юридической их природе, которая в обеих группах одинакова, а в некоторых хозяйственных особенностях их бытия. Полянский коровник Гусь тоже имеет свою запашку и, конечно, в селе в Полянах, так как отлучаться далеко отсюда он не может. Его хозяйство не полное: высевает он пшеницу, жито и овес. Озимого, кажется, не сеет. По крайней мере, нигде о его ржи не говорится. Да и едва ли он может вести трехпольное крестьянское хозяйство при своих служебных специальных обязанностях. За свой труд, кроме участка земли, он получает семенной хлеб без отдачи (мы не видим, чтобы он возвращал выданные ему на засев семена) и особое жалованье хлебом и, весьма вероятно, деньгами, о которых, конечно, в замолотных и засевных книгах справок никаких сделать нельзя. Жалованье его в полугодие состоит из 2½ четвертей

---

[167] Даль, Толк. словарь. „Прятать суки, валить суки (Новг., Твер., Пск.) расчищать лес под пашню или покос. Говорят „сеять на суках“.

ржи и 3 четверти овса, т.-е., в год из 5 четв. ржи и 6 четв. овса. Впрочем, так было только в 113 году, а в 112 он получал меньше: 4 четверти ржи и 5 ч. овса в год. Прибавку он стал получать только с осени 113 года. Кроме коровника, на жалованьи состоит еще местный священник. Он получает в год 6 четвертей ржи и столько же овса. В 113 году ему ничего не прибавили. Кроме того священник, как и все, впрочем, причетники, имел небольшой пашенный участок. Священник сеял только пшеницу, причем высевал очень немного, всего полосьмины, т.-е., 1/4 четверти. Столь незначительная запашка едва ли дает даже право причислять священника к лицам, занятым хозяйственным трудом. Повидимому, он был сыт от жалованья и от приходских доходов, которые, судя по многолюдству прихода, должны были действительно его обеспечивать. Остальные члены причта ведут более серьезное хозяйство, но все-таки равняться в этом отношении крестьянам они не могут. Высевают они только яровое. Озимой ржи не сеют, т.-е., правильного хозяйства у них нет. Все-таки и дьячек и понамарь высевают пшеницу, жито и овес, проскурница Матренка только 1 четверть жита и 2 четверика пшеницы. Овса у ней нет. У всех у них есть, повидимому, заработок, который их кормит, потому что поле по своим незначительным размерам ни в коем случае не может их обеспечить.

Теперь после изучения всех этих сторон в организации хозяйства Полянской волости, было бы не лишним ознакомиться с общим ходом хозяйства и его результатами. И для этой цели неизбежно опять окунуться в будни волостной жизни, не пренебрегая никакими мелочами.

Полностью в нашем распоряжении только один хозяйственный год (1604), да и тот по урожаю ненормальный, с чем в дальнейшем, конечно, необходимо считаться; относительно следующего года у нас имеются неполные сведения.

Предлагаемая табличка должна демонстрировать состояние урожая за годы 1604—1605.

	1604	1605
Рожь	5,6	4,11
Пшеница	2	1,6
Овес	2	1,5
Жито	2,5	2,4

Эти цифры урожая только приблизительные, потому что ничего совершенно точного добыть и невозможно, [168] причем необходимо помнить,

[168] Получены они следующим способом. Я брал цифры посевного зерна для какой-либо деревни и сопоставлял ее с цифрой умолотного зерна из 4-го снопа.

что урожайность даже у каждого хозяина довольно индивидуальна, хотя и имеет общую тенденцию к уравнению. При взгляде на эту маленькую табличку мы сразу видим, что 112 год по урожайности плох, а 113 еще хуже. [169] Если бы так было всегда, едва ли бы здесь стоило вести хозяйство. Надо думать, что это исключительные по неурожайности годы. Поэтому естественно ожидать и соответствующих обычных спутников неурожая. Урожая 112-го года не хватило населению даже на пропитание. Пришлось обращаться к займу в ту же софийскую житницу. Это заем „естомой ржи", „естомого жита". В 112 году осенью уже выяснилось, что хлеба не хватит. И крестьяне 8 деревень из всех 13 обратились и в Полянскую подцерковную житницу и в Новгород в городскую софийскую житницу за семенным хлебом на посев озимой ржи, чего обычно, повидимому, не делали: озимую рожь сеяли они свою собственную. Еще одна немаловажная подробность: брали в этом году на посев не лучшую специально семенную рожь, а естомую, т.-е., имевшую другое назначение. Осенью 113 года после окончания уборки хлеба Софийский Дом собирает тот хлеб, который был выдан в прошлом году на посев озимого и весной того же года на посев ярового. „Да у софѣйскихъ крестьянъ Полянской волости взято ѣстомой ржи, что имъ было давано на сѣмена по кабаламъ въ прошломъ 112 году въ селе Поляна изъ подцерковья, и что они имали рожь въ Новгороде на сѣмена". Вся обстановка, в какой происходит эта выдача хлеба, необычна. Когда раздается нормальным порядком зерно на посев ярового хлеба, не берут кабал, а дают просто семенное зерно, и в Новгород за ним не ездят. Здесь же мы видим нагромождение сложных условий, несомненно, в виду необычности самого года. Не все деревни получали этот хлеб; вероятно, что и не все крестьяне в тех деревнях вынуждены были прибегать к этому источнику. В одной деревне иногда берут зерно из двух источников—из Новгородской и из Полянской житниц, в другой — только из Полянского подцерковья. Все это говорит о явлении, не успевшем вылиться в законченные определенные формы, что подтверждает исключительность этого года. Наконец, естомую рожь, взятую в Софийском Доме на посев, многие не высеяли, а использовали ее по первому назначению, т.-е., съели, а может быть и брали с таким намерением, чтобы съесть. По этому поводу в нашем

Эту последнюю множил на 4, прибавлял цифру посева и затем сумму делил на цифру посева. Для примера беру за 112 год деревню Туховижи. Засеяно овса было $25^3/_8$ четверти, получено из 4-го снопа $4^1/_2$, значит, всего родилось: $(4^1/_2 \times 4) + 25^3/_8$, а так как засеяно было $25^3/_8$, то урожайность будет определяться: $[(4^1/_2 \times 4) + 25^3/_8] : 25^3/_8 = 1{,}7$ (приблизительно). В другой деревне получается таким же путем 2,5. Беру среднее для всей волости. Урожайность средняя второй половины XIX в. Новгородской губернии такова: рожь 5, овес $7^1/_4$, ячмень $5^3/_4$. Это у крестьян. У частных владельцев несколько выше.

[169] Видно это и на абсолютных количествах хлеба, получаемого хотя бы от волостных крестьян, плативших Дому 4-ый сноп.

источнике какая-то неясность: с одной стороны мы видели, что „естомая“ рожь вполне определенно берется на „семяна“; с другой—в заключительном итоге читаем: „И всей ржи взято по кабаламъ у соффѣйскихъ крестьянъ въ Полянской волости, что имъ было давано на е с т в у въ Полянахъ изъ подцерковья и въ Новгородѣ из соффѣйскихъ житницъ, 61 четверть и 2 третника осьминных да овса сотного взято осьмина, да у Иванского дьячка у Микитки взято соффѣйской семянной ржи да у проскурницы у Матреницы, что им было давано въ прошлом во 112 году 3 осьмины ржи“.[170] Несомненно, что эту занятую рожь крестьяне и сеяли и ели, но кто именно как поступал с своим занятым хлебом, мы точно сказать не можем. Видно, что туго пришлось в этом году населению волости, даже и тем, кто, казалось бы, более других был обеспечен. Когда настало время из нового урожая отдавать рожь, многие не смогли этого сделать, так как, очевидно, предстоял новый тяжелый год, и предпочли вместо ржи отдавать другим хлебом по соответствующей расценке: за рожь дают чаще всего жито, потом овес и пшеницу. Многие остались должниками до следующего года, который, как мы видели, не принес улучшения. Естомую рожь брали и в 113 году и с таким же, повидимому, трудом погашали ее из нового скудного урожая. Брали в долг в пищу не только естомую рожь, но и „естомое жито“. Осенью 1605 года[171] опять пришлось раздавать в долг хлеб, так что Трофим Плещеев уже с весны 1605 года роздал хлеба семенного по 9 кабалам и еменной ржи по одной памяти и 4 кабалам. Весенний заем ржи, конечно, целиком идет на еду. Крестьяне не могли уже ранней весной питаться своим хлебом, и им было „дано на ѣмяна соффѣйские ржи изъ подцерковья къ яровыя пахоте 26 четвертей и пол 2 осьмины“.[172]

Работа и состояние в данный момент Полянской житницы хорошо характеризуются годичным ее балансом. Нам известно, что в житнице по 12 ноября 1603 г. включительно, за расходом, оставалось к новому хозяйственному году:

Ржи	$275^{1}/_{6}$	четвертей.
Жита	$305^{5}/_{6}$	„
Пшеницы	$145^{3}/_{4}$	„
Овса	378	„
Всего	$1104^{3}/_{4}$	четвертей.

Весной 1603 г. расход этого хлеба выразился в следующих цифрах:

В Полянах на софийской пашне высеяно всего	131	четверть
„ Кусонях на половной пашне „ „	$80^{3}/_{8}$	„
„ Полянских деревнях у крестьян „ „	$689^{1}/_{4}$	„

[170] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2. Замолотн. кн. 112 г.
[171] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2. Замолотн. кн. 113 г.
[172] Ibid.

Дано на жалованье служебникам	$40^1/_8$ чтв.
Съедено должностными лицами	
Выдано крестьянам в долг на „есту“	
Всего	$940^3/_4$ чтв.

По истечении зимних месяцев весной Трофим Плещеев подвел итог наличности, которая выразилась в следующих цифрах:

Ржи	
Жита	44 чтв.
Овса	$60^1/_2$ „
Пшеницы	$2^1/_4$ „
	$106^3/_4$ четверти.[173]

С этой наличностью предстояло просуществовать все лето. Задача совсем не простая, так как крестьяне, которые не могли приступить к яровой пахоте без хлебной ссуды, конечно, не смогут приступить и к уборке хлеба без такой же ссуды. Следует обратить внимание на то, что в житнице не осталось к весне ни одной четверти ржи, т.-е., того самого хлеба, без которого крестьянину жить особенно трудно. Она, очевидно, вся была съедена. Не удивительно, если нуждающиеся крестьяне довольствуются естомым зерном на посев, едят овес, ездят в Новгород, чтобы выпросить в долг хлеба в городской житнице. Летом крестьяне, оставшиеся без собственной ржи, и не имея возможности занять в житнице, так как ее тоже там не было, стали питаться ячменем и взяли его в долг из житницы $22^1/_2$ четверти. То же и в отношении овса. „Да въ Полянской волости взято у софийскихъ крестьянъ по деревнямъ софѣйского ѣстомого овса и у причетниковъ церковныхъ и у бобылей, что имъ было давано на ѣству во 113 г. из подцерковья, 17 четей съ осьминою и съ четверикомъ. Да въ подцерковье старого овса 43 чети безъ четверика осьминого.“ Точно все $60^1/_2$ четверти, зарегистрированные весной того же года. Остается остановиться на пшенице, чтобы оправдать весь баланс Полянской житницы. К осени 1604 г. осталось в житнице 2 четверти пшеницы, $^1/_4$ куда-то ушла без записи.

Что принес в общем новый земледельческий год, мы отчасти могли видеть по мизерному урожаю. Если посчитать все долги и все другие поступления в софийскую житницу, то мы заметим, что она наполняется хлебом снова в размерах приблизительно старых. После всех операций осенью 1604 г. в софийской Полянской житнице оказалось:

---

[173] Вместо 164, которые должны были бы остаться в житнице ($1104^3/_4 - 940^3/_4 = 164$). Значит, тут произошел еще какой-то неотмеченный расход хлеба в $57^1/_4$ чтв.

Ржи	$243^1/_6$	чтв.
Овса	$448^3/_4$	„
Пшеницы	$126^5/_{12}$	„
Жита	$344^3/_8$	„
Всего	$1162^2/_3$	четвертей.

На 58 четвертей больше прошлогоднего. Но эта цифра обманчива. Сюда вошли и крестьянские долги, т.-е., такой ингредиент, который не предвещает ничего хорошего. Нужно констатировать факт не только не улучшающегося положения волости, а скорее ухудшающегося. Так долго, конечно, тянуться не могло, и надо думать, что на помощь населению пришла сама природа.

Остается коснуться еще нескольких сторон в хозяйстве волости. Конечно, судить по данным нашего документа о нормальном течении жизни в волости можно далеко не всегда, но тем не менее есть здесь и такие моменты, которые, пожалуй, при всяком состоянии урожая будут одинаковы. Таковы, например, функции приказчика, взаимоотношение между волостью и городом, соотношение видов высеваемых хлебов, их сравнительная ценность, система земледелия и т. п. Многие из этих сюжетов нами уже по мере возможности освещались. Остановимся еще на некоторых. Всюду мы наблюдали, что больше всего сеется в волости рожь, а между тем в софийской Полянской житнице всегда больше всего овса, за которым следуют в убывающем порядке жито, рожь и пшеница; рожь иссякает первая. Это явление нужно отнести к последствиям неурожайного времени, когда население съело всю рожь и перешло уже на овес и ячмень. В другое время картина должна быть иная, хотя овес и занимал всегда здесь видное место в ряду хлебных культур. И в конце XIX века в Новгородской губернии сеют 45% ржи. 14% овса, 3,7% ячменя, 3,6% конопли, 2,6% льна, 1,2% гречихи и 0,7% гороху.[174] Овса в конце XVI и в начале XVII высевалось во всяком случае больше, чем теперь. Среди яровых хлебов он всегда занимает первое место. Самым ценным хлебом считается пшеница. На основании очень частых случаев перевода одного хлеба в другой с указанием на количество того и другого можно вывести следующее соотношение в ценности отдельных видов хлеба. Если за единицу брать рожь, то на одну четверть ржи приходится в четвертях: пшеницы $^3/_4$, овса $1^1/_2$, жита $^1/_3$, т.-е., самым дешевым хлебным злаком считается овес, за ним идут жито, рожь и пшеница.[175] Соотношение ценности хлебов в нашей волости представляет обыч-

---

[174] П. Семенов, Полн. геогр. опис. нашего отеч. СПБ. 1900, т. III, стр. 134.

[175] В 1668 продавали софийский хлеб по следующим ценам: рожь по 24 алтына четверть, жито по 18 алт. 4 деньги, овес по 13 алт. 2 д. (А. Н. С. Д., т. II, № 89 л. 183).

ное явление, в чем можно убедиться, сравнив эти цифры с данными Н. А. Рожкова в его книге „Сельское хозяйство“.[176]

Из сопоставления цифр средней урожайности XIX века с нашими мы могли видеть, что рожь озимая родилась более или менее нормально. Недород только в яровых хлебах. А между тем жизнь всей волости расстроилась настолько, что о доходе Софийский Дом, конечно, и думать не мог. Почти весь произведенный здесь хлеб тут же был и потреблен. За известное нам время на софийский обиход отсюда брали совсем незначительные количества хлеба: „на муку выдано изъ подцерковья на софийский обиходъ ржи молотой 5 четвертей, да пшеницы выдано изъ подцерковья на софийский обиходъ на муку 5 четей“. По приказу владыки делались еще экстренные выемки зерна. „Дано князю Григорию Петровичу Ромодановскому, какъ ѣхалъ съ Иванягорода, четверть овса. Дано Ивану Михайлову сыну Глѣбову Салтыкову, какъ ѣхалъ на Иваньгородъ съ матерью, 3 осьмины овса“. Ели софийский Полянский хлеб на месте приказчик, замолотчик; целовальнику давали какие-то пустяки. Наконец, во время приездов митрополита со своими детьми боярскими в волость, давали из житницы людям и лошадям рожь и овес, (3 четверти овса, 1 чтв. ржи). В данное неурожайное время, никакого дохода Полянское хозяйство Дому не приносило. В нормальные по урожайности годы, конечно, дело обстояло значительно лучше, и Софийский Дом в значительно большем размере пользовался Полянским хлебом, но говорить о больших доходах от этого хозяйства во всяком случае не приходится. Но тем не менее мы можем определенно утверждать, что софийская администрация находит необходимым, как мы это видели, не только поддерживать свое собственное сельское хозяйство, но и по возможности расширять его, и это обстоятельство чрезвычайно показательно для данного периода в истории русского хозяйства. Затруднительное хозяйственное положение волости в неурожайное время не могло не вызывать заинтересованных лиц на размышления, и, может быть, именно в связи с тем интересом, какой представляла эта волость, стоят неоднократные посещения волости самим митрополитом.[177] Если бы хозяин волости не был привилегированным лицом, имевшим возможность получать источники для своего существования не только от своего хозяйства, а и другим нехозяйственным способом, конечно, мы могли бы наблюдать эту заинтересованность в ведении барского земледельческого хозяйства гораздо в большей степени.

Несмотря на то, что материал, легший в основу изложенных здесь наблюдений над жизнью волости, исчерпан довольно полно, полученные выводы мало удовлетворяют запросы исследователя прежде всего потому,

---

[176] Н. Рожков, Сельское хозяйство, М. 1899, стр. 204 и др.
[177] М. Д., разр. вязка № 1, дело № 2. Замолотн. кн. 113 г.

что заключения о нормальном положении волости приходилось делать из фактов времени неурожайного. Тем не менее даже и при этих условиях можно подметить в изложенных наблюдениях некоторые стороны в жизни волости, выполнявшей свое назначение в общей хозяйственной структуре Дома, ряд характерных для конца XVI и начала XVII в. явлений.

Можем ли мы себе представить что либо подобное Полянским образцам в любой из софийских волостей на рубеже XV и XVI веков? Думаю, что нет. Если не говорить о собственной софийской запашке, которая тогда или совсем отсутствовала или только кой-где зарождалась, возможно ли представить такую тесную и даже запутанную переплетенность отношений и интересов землевладельцев и земледельцев разных категорий? Стоит вспомнить выше перечисленные способы эксплоатации Софийским Домом своих земельных владений, чтобы ответить на вопрос отрицательно. Землевладелец и земледелец встречались тогда друг с другом гораздо реже: система взимания оброков с подвластного населения не требовала более сложных отношений. Наконец, на протяжении только XVI века с момента возникновения собственной софийской пашни и до конца века, как много переменилось в составе и положении рабочего населения, обслуживавшего эту пашню!

Отсюда сами собой напрашиваются выводы, от которых однако удерживает автора очерков сознание, что на основании изучения только одной хозяйственной организации и притом особого типа (церковная вотчина) нельзя делать каких либо широких заключений; с другой стороны оставить наблюдения над индивидуальной жизнью вотчины без сопоставления их с другими фактами того же порядка, представленными хотя бы и отрывочно, но в более широком объеме, представляется излишней осторожностью. С оговорками о некоторой условности получаемых от этого сопоставления выводов, мы все же попробуем охарактеризовать основные моменты в хозяйственной эволюции новгородской деревни за XVI век, особенно те из них, интерес к которым возбужден изысканиями в области хозяйственных отношений Софийского Дома. Прежде всего хочется отметить факт энергично развивающегося крестьянского хозяйства в начале XVI века, о котором, между прочим, говорит в общей форме и уже цитированный Штаден. В его изображении крестьянское хозяйство преуспевало „до недавнего времени“, о чем он и говорит специально. Потом этот успех был разрушен: „в большей своей части страна запустела“. Но это замечание относится уже к 70-м годам XVI века, когда запустение действительно было и нам хорошо известно и по другим источникам. Но не то было несколько раньше, сравнительно совсем недавно, когда царь не стеснялся давать иностранцам до трех раз новые поместья, населенные людьми, потому что эти хозяева-иноземцы не могли удержать крестьян на местах при реальной возможности и фактическом пользовании правом Юрьева дня. Штаден ясно говорит нам о нали-

чии богатого крестьянства[178], что легко подтвердить и известным нам более объективным материалом, а в качестве естественной оборотной стороны этого явления мы хорошо знаем появление в первой четверти XVI века бобыльства и дальнейшее развитие этого института в количественном отношении.[179] Перед нами не что иное, как факт расслоения крестьянства, спутник развивающихся капиталистических отношений. Попробуем заглянуть в Новгородскую писцовую книгу. Беру Шелонскую пятину потому, что по ней мы можем с некоторым удобством наблюдать одни и те же места в различные моменты их существования. В таких удобных для наших целей условиях находится, например, погост Болчинской, так как он описан и в 1498 году и в 1539-м. Останавливаюсь на первых 18 населенных местах этого погоста в порядке их описания в книге 1498 года. В этом году там зарегистрировано 13 деревень и 5 пустошей с населением в 24 дворах. Запашка равна 98½ коробьям.[180] В 1539 году в тех же местах уже нет совсем пустошей: все они превратились в деревни, дворов 40, 122½ коробьи.[181]

Конечно, в подобного рода сопоставлениях всегда остается место для сомнений. Действительно, мы здесь имеем величину непостоянную в своей хозяйственной сущности — это двор. У нас нет точных сведений о том, что такое двор со стороны его рабочего населения ни за XV, ни за XVI вв. На 24 двора в 1498 году названо 35 человек, на 40 дворов в 1539 году названо 46 человек, из коих 1 барский, 1 холопский и 6 бобыльских. Бобыли не пашут той пашни, которая выражается в коробьях, холопы называются в писцовых книгах совершенно случайно и в счет ответственных пахарей не входят. Мы не знаем также, почему одни из крестьян помечены во дворах, другие не помечены, какое отношение устанавливалось между одними и другими. Это и есть „туманный круг хозяйственных и юридических отношений, какие устанавливались между составными элементами крестьянского двора“.[182] К сожалению, рассеять этот туман не пришлось еще никому. Тем не менее приведенные цифры все-таки говорят объективно об уничтожении пустошей и о безотносительном увеличении запашки. С риском впасть в некоторую ошибку попробуем сделать и другой расчет: в 1498 году на каждого упомянутого в писцовой книге жильца приходилось 2,5 коробьи высевания, в 1539 году 3,2 коробьи. Повторяю, здесь нет и не

---

[178] Г. Штаден, О Москве Ивана Грозного, стр. 122, 123.

[179] Интересная иллюстрация к этому положению встретилась в материалах более позднего времени: бобыли в поисках заработка пришли в г. Осташков. Здесь они жили только одну зиму. Из города Осташкова их выслали, „потому что-де бобылей умножило: стало не прокормитца“. (А. Н. С. Д., т. V, № 218, л. 99).

[180] Н. П. К., т. IV, стр. 158 — 162.

[181] Ibid., стр. 407 —416.

[182] В. Ключевский, Отзывы и ответы. III сборник статей. М. 1914, стр. 466.

может быть точности, но тем не менее мы все-таки имеем подтверждение этим цифрам и с другой стороны. Такие же результаты дают наблюдения и над другими погостами. Факт преуспеяния крестьянского хозяйства в первой половине XVI века можно считать доказанным. Стремление землевладельцев к повышению доходности своих имений, новые приемы эксплоатации своей земли (барская пашня) — все это мы ясно видели в настоящем очерке. Сравнение с данными писцовых книг, а также сопоставление с наблюдениями других исследователей вопроса приводит нас к убеждению, что отдельные подмечаемые факты из жизни Софийского Дома не одиноки и не случайны. Везде в Московском государстве, не только в одной Новгородской области, распахиваются новые земли, ставятся новые усадьбы и новые деревни, оживают пустоши. Требуется много рабочих рук. Понятно, почему крестьяне так часто пользуются правом Юрьева дня (активно или пассивно, это другой вопрос), почему в Софийском Доме существуют особые „отказчики“, на обязанности которых лежала поставка рабочих рук туда, где в них была нужда. Самое определенное указание относительно софийских отказчиков у нас имеется для 1577 года;[183] но совершенно очевидно, что институт этот должен был действовать и раньше. Другая сторона развивающегося хозяйственного процесса, как указано было выше, заключалась в том, что навстречу поискам рабочих рук заметно стали обнаруживаться признаки расслоения в крестьянской среде. Возникающая новая барская пашня появлялась или за счет пустошей, или путем обработки девственной земли, наконец, как мы видели на примере Софийского Дома, нередко на земле уже культурной, но до сих пор находившейся в других руках. Не лишним здесь будет вспомнить работу старца Левкея. Иных средств устроить барское хозяйство, повидимому, не было. Если принять во внимание ряд выгод устройства сельского хозяйства на старых уже раньше разработанных участках, то моменты стеснения крестьян не должны представляться столь редким явлением. Обезземеленный тем или иным путем крестьянин, отбывший тягла и пашни, или только покинувший тягло, вследствие его увеличивающейся тяжести, наконец, член крестьянской семьи, еще не вкусивший тягла и не желающий стать рядовым членом крестьянского мира, — все эти и им подобные люди искали других общественных форм существования и часто находили «крѣпкую пристань» именно в состоянии бобыльства.[184] Бобыль чаще всего тот же пахарь, только пашущий землю в иных условиях, чем это делают крестьяне: живя

---

[183] В приходной книге Софийского Дома 1577 года, между прочим, записано „взято у Михаила у Волкова да у Онтона Онаньина 4 р. 30 алт. А даны были имъ тѣ деньги... въ нынешнемъ 85 году на крестьянские отказы о Егорьеве дни въ Тесово“. Госуд. Публ. Библ., рукопись б. Дух. Академии № 1548.

[184] Об этом подробнее см. мою книгу „Новг. Дом св. Софии“, т. I, стр. 417 и дальше. Глава трактует только о юридической природѣ бобыльства и вообще нуждается в некоторых поправках.

за своим господином, бобыль значительно укрывался от взоров правительственных агентов, поэтому и нам не всегда легко определить, чем именно он занимается. В Полянской волости все бобыли земледельцы, в чем мы могли убедиться. Само собой разумеется, что бедствия военного времени, разорившие прежде всего Новгородскую землю и новгородского крестьянина, создали очень значительный контингент лиц, неспособных без посторонней помощи сесть снова на крестьянскую пашню: рост бобылей в конце XVI века находит себе полное объяснение. Не будь этого катастрофического бедствия, мы имели бы, вероятно, иную картину хозяйственной истории Новгородской области и всего Московского государста. Погоня за землей в середине столетия, новая система ее эксплоатации, перегруппировка общественных классов (смена боярства дворянством), оживление городов, применение свободного труда в деревне и в городе — все эти признаки, характеризующие состояние Московского государства к середине XVI века, говорят о развивающемся хозяйственном расцвете капиталистического типа. Определенно угрожающих явлений в самом хозяйственном процессе в глаза не бросается. Речь идет о таких явлениях, которые вели бы непосредственно к хозяйственному или, как иногда выражаются, аграрному кризису, под которым разумеют печальное состояние хозяйства в 80-х годах XVI века. На эту сторону дела обратил недавно внимание М. Н. Покровский [185], в своих возражениях Н. А. Рожкову по вопросу о происхождении этого кризиса. Н. А. Рожков совершенно точно подметил факт обнищания Московского государства въ 70 — 80-х годах XVI века и заговорил также о замеченном им регрессе в „системе“ сельского хозяйства. В большинстве центральных уездов, по его словам, „с замечательной правильностью паровая зерновая система, господствовавшая в шестидесятых годах XVI века, сменяется к концу столетия переложной системой“. „По мере перехода к переложной системе земледелия, продолжает автор, везде появляется пашня, паханая наездом: нарушается, следовательно, и правильный севооборот“.[186] Причину этого упадка в земледелии автор видит „в постепенном росте поместного и крупного монастырского землевладения“. М. Н. Покровский с полным основанием усумнился в правильности объяснения происхождения кризиса: „исследователь хозяйства подлинного и конкретного не может согласиться с выводами автора, пишет он, но вполне понимает, что эти выводы получились в результате желания осмыслить факт, всюду на протяжении Московского государства ярко обнаруживаемый“.[187] Не меньше сомнений по тому же поводу высказывал сравнительно давно и В. О. Ключевский, который в заключение своего разбора книги Н. А. Рожкова, между

---

[185] М. Покровский, Русская история, т. I.
[186] Н. Рожков, Сельское хозяйство, стр. 66.
[187] М. Покровский, Opus cit., стр. 344.

прочим, указал, что вопрос о „кризисе“ нуждается в пересмотре: „когда вопрос будет обследован возможно разностороннее, тогда, может быть, и самый процесс получит иное освещение и иную оценку; явления, какими он обнаруживался, станут перед исследователем в другом сочетании и взаимоотношении, причины окажутся следствиями и наоборот“.[188] „Исследователь хозяйства подлинного и конкретного“ прежде всего должен отметить факт, что материалы подлинной жизни дают доказательства тому, что мы имеем дело с „кризисом“ не столько в обычном понимании слова, т.-е., с явлением, рожденным причинами, заложенными в условиях самого хозяйственного процесса, сколько с катастрофой, по устранении причин коей хозяйственная жизнь получает возможность успешно залечивать свои раны. Непосредственное знакомство с состоянием хозяйства в это время не дает оснований для того, чтобы согласиться и с оценкой новых регрессивного типа признаков в сельском хозяйстве, будто бы изменивших, по мнению Н. А. Рожкова, старую хозяйственную систему во всем государстве. Наконец, объяснение причин, вызвавших „кризис“ того же автора, не кажется убедительным тому, кто имел случай следить за деталями в эволюции русского хозяйства за это время. Когда будет изучено „подлинное и конкретное“ хозяйство вотчины и поместья, когда появится возможность сравнивать условия ведения хозяйства там и здесь, только тогда можно будет точно решать задачу, давно поставленную и до сих пор не решенную. А „...пока что, приходится, повторяю слова М. Н. Покровского, искать ответа на вопрос, отправляясь от некоторых общих наблюдений, которые при всей скудости нашего материала все же сделать можно“. В числе объективных условий, к концу эпохи Грозного затормозивших развитие денежного хозяйства в России, наиболее осязательным и заметным был ход внешней политики. Это Ливонская война и связанное непосредственное с нею нашествие крымцев. „На счет татарского разорения доброю долею приходится отнести то почти внезапное запустение, какое констатируют исследователи в центральных уездах, начиная именно с 70-х годов“.[189] Разорение Новгородской области, прибавим от себя, находится в самой тесной связи с военными действиями самой русской армии, ее тыла, с появлением в известный период войны неприятельских армий шведской и польской на Новгородской территории.

Если для Московского центра татарское разорение на некоторое время стало служить исходным пунктом хронологии, то нашествие литовских и немецких людей играло ту же роль на Новгородской территории. Нельзя также забывать, что война, по масштабу подобная Ливонской, действовала не только на те места, где непосредственно лилась кровь, и горели крестьян-

---

[188] В. Ключевский, Отзывы и ответы. III сборник статей. М. 1914, стр. 478.
[189] М. Покровский, Opus cit., стр. 345—347.

ские дворы и помещичьи усадьбы, что она требовала страшного напряжения сил общества на всем протяжении государства и прежде всего разорительным бременем ложилась на тех, кто на своих плечах выдерживал прогрессивно растущее и без того не легкое тягло.

В течение 90-х годов XVI века в Софийском Доме наблюдается сравнительно быстрый и успешный процесс оживления хозяйства, в некоторых отношениях качественно примыкающий к периоду до разорения и значительно изменившийся в других. Те формы, в каких Софийский Дом восстановляет свою пашню, пользуясь правда трудом крестьян и бобылей, которых ему нанимать уже не приходилось, говорят нам также о том, что никакой перемены в системе земледелия не произошло: перелог 70-х—80-х годов, который резко бросается в глаза всякому, кто разворачивал писцовую книгу за это время, оказывается не отказом от трехполья, как системы, а временным несчастьем: как только появилась малейшая возможность продолжать хозяйство, население прибегает всегда к трехполью, ликвидируя запустевшую пашню, которую недавно еще писцы называли перелогом совсем не в смысле замены трехполья более отсталой системой, а только для отметки запустения. Что касается пашни наездом, то это явление иногда свидетельствует о желании населения запахать больше, чем допускают размеры официальной пашни, и особенно в эпоху реставрации хозяйства оно во всяком случае должно быть сочтено симптомом прогрессивного харектара. Об этих сюжетах придется говорить еще подробнее и детальнее в следующих очерках, а сейчас мне хочется только указать, что в характеристику кризиса XVI века, сделанную Н. А. Рожковым, следует внести некоторые поправки.

Положение рабочего населения в софийской деревне, несомненно, изменилось; особенно заметны эти перемены должны были быть в тех деревнях, где образовалась софийская пашня. Но напрасно мы бы старались искать каких-либо ярких признаков этих перемен: крестьянин и до своего фактического закрепления пользовался весьма относительной свободой, а с другой стороны и в XVII веке, даже после Уложения Алексея Михайловича, нам известны случаи, как будто нарушающие цельность нашего понимания крестьянской крепости. Подлинная жизнь никогда не укладывается целиком в формы, приобретающие ясный и законченный вид лишь в наших отвлеченных представлениях. Однако, кроме отмены Юрьева дня, расширения права помещиков и вотчинников разыскивать и возвращать своих беглых крестьян, кроме этих бросающихся в глаза фактов конца XVI века, мы можем подметить еще некоторые черты, свидетельствующие о внутренних переменах, происшедших в отношениях между крестьянами и их владельцами. Имею в виду те изменения, которые, конечно, не случайно произошли в тексте жалованных грамот Новгородских епископов своим служилым людям: в самых ранних из них, относящихся к 50-м годам XVI в., нет той приписки, которая стереотипно повторялась в позднейших, приблизительно начиная

с 80-х годов, о том, чтобы все крестьяне и бобыли своего такого-то помещика, которому они в данном случае и передаются, „чтили и слушали во всемъ и пашню на него пахали и оброкъ ему всякой платили, чѣмъ онъ (их) изоброчит, а он их ведает и судит“ по настоящей грамоте. [190] В старых грамотах по этому же поводу писалось иначе: „и вы бы, крестьяне... давали бъ есте ему (помещику) дань, хлѣбъ и деньги и все пошлины по старинѣ, а онъ васъ судитъ и вѣдает во всемъ“. [191]

Здесь тоже отразилась одна из тех перемен, которые мы могли наблюдать в различных сторонах хозяйственной жизни вотчины. Вот еще небольшая, но характерная картинка с натуры. 29 января 1604 года к владыке Исидору поступила жалоба от женского монастыря Ивана Предтечи в Пиркинском погосте на двух софийских помещиков, которые по отношению к монастырскому причту позволили себе некоторое превышение власти: они потребовали на „попѣ съ причетники... дани..., и пашню-деи и всякую страду страдать на себя заставливаютъ, и попадьѣ, и дьячковѣ женѣ, и черницамъ на себя прясть куделю присылаютъ, и называютъ-деи себе ихъ крестьянами“. Нарушение закона состояло в том, что эти требования, обычные в это время в отношении крестьян, предъявлялись к священнослужителям. Трудно ручаться, что такого происшествия не могло случиться и в первой половине XVI века, но во всяком случае теперь это делается с большим правом со стороны помещика и при уменьшившихся возможностях самозащиты со стороны крестьянина. Общее направление эволюции этого явления определилось вполне.

Реставрационный процесс безостановочно развивался вплоть до новой катастрофы, которая оказалась горше первой. Военные действия шведов и поляков разорили Новгородский край и смели все хозяйственные успехи Софийского Дома. Как раз те места, где расположена была собственная софийская пашня, оказались местами длительной стоянки неприятельских войск, которые не щадили ничего. В другой связи я подробно излагаю судьбу софийских владений в погостах Пидебском, Кречневском и Паозерском — тех именно, где Софийский Дом вел свое хозяйство. Здесь привожу только самые необходимые фактические сведения о хозяйственном состоянии этих софийских владений, чтобы показать, насколько Софийский Дом пострадал от нового „кризиса“. Обе деревни Мельницы, село Марково и Полянская волость были затронуты военным движением очень значительно: Мельницы были разорены, Марково уничтожено до тла, Полянская волость оказалась в развалинах. Ни о каком хозяйстве при таких условиях говорить не приходится. С 1618 года приблизительно Софийский Дом начинает залечивать свои раны. О реставрации с. Маркова нельзя было думать, и владыка переносит свое внимание на близь лежащее село Богородицкое, предоставляя право соседним крестьянам косить

---

[190] А. К. П. И.-А. К., № 63, л. 112.
[191] Ibid., л. 78. Ср. Б. Греков, Монаст. хозяйство, стр. 147.

сено на месте бывшего села Маркова. Никаких сведений о том, что началась хозяйственная деятельность в Полянской волости, мы тоже не имеем. Знаем только, что стали запахивать в дер. Н. Мельнице, но очень вяло и как будто бы нерешительно. От 31 июля 1619 года имеем интересное письмо софийского казначея и дьяка к вновь назначенному и еще не появлявшемуся в Новгороде владыке Макарию. Сообщают ему о новгородских делах, отвечая на вопросы владыки. Между прочим, пишут: „а про хлѣбъ, государь, про засѣвъ и о сѣнахъ раскажутъ тебѣ, государь, Ѳедоръ да Иванъ Быковы". Это дети боярские, которые специально едут в Москву по требованию новаго митрополита. Потом эту фразу автор письма зачеркивает (у нас имеется черновик письма) и пишет вместо нее: „а на софийской, государь, пашне на Новой Мельнице сѣяно ржы къ нынешнему 127-му году 22 чети, и тои ржы жали лутчие и середние и худые всего 40 копенъ сошныхъ и два суслона. А яри, государь, высеяно на Мельнице 56 чети съ осьминою овса, да четь жита, четь гороху. А хлѣбъ растетъ середней. А къ новому, государь, году высѣяно ржи (оставлено незаполненное место для проставления цифры). А поле не все сѣяли, потому что навозу не стало. А земля выпашь, только сѣмена изгубить". [192] Стоит вспомнить, что было здесь еще так недавно, когда тут жил 21 человек рабочих мужчин со своими семьями, и в страдную пору нанималось столько же наемных рабочих женщин для ускорения уборки ярового хлеба (об озимом у нас не было сведений), и мы сразу почувствуем разницу. Сейчас озимого хлеба сеется 22 четверти, ярового $58^1/_2$ четвертей. Это распределение хлебов уже само по себе говорит о ненормальной постановке сельского хозяйства. И на следующий год поле засевали не все. Земля плохо приготовлена к посеву, не хватает навозу, потому что скота нет. При таких условиях, действительно, прежде всего надо подумать, стоит ли рисковать семенами. Второе впечатление от процитированного текста — пашня в Новой Мельнице единственная в софийском обиходе: иначе бы представители Софийского Дома, конечно, назвали в своем докладе и другое место, кроме Новой Мельницы. Очевидно, больше нигде не пахали. Софийский казначей в своем письме к владыке Макарию довольно основательно жаловался: „мы-де во всякой домашней скудости и отъ должниковъ погибаемъ". Дом в таких условиях не мог быть аккуратным исполнителем своих обязательств по отношению к своим служащим и был не в состоянии выплатить жалованье ни деньгами, ни хлебом даже своим певчим дьякам, которые жаловались на это царю. [193] В сентябре 1619 года уже сам владыка Макарий, только что водворившийся в Новгороде, старается привести в известность состояние софийского сельского хозяйства. Он, между прочим, пишет в гор. Торжок игумену Введенского монастыря и поручает ему „досмотрить въ Торжку

---

[192] А. Н. С. Д., т. I, № 11.
[193] А. Н. С. Д., т. I, № 1.

соѳѣйского дворового места, и что на томъ дворовомъ мѣсте какова хлѣба сѣяно". Едва ли бы владыка без особой крайней нужды стал интересоваться клочком городской земли на значительном от Новгорода расстоянии. Очевидно, приходилось дорожить всяким запаханным местом. Ответ от игумена получился вполне неудовлетворительный: „по твоему государеву наказу я, твой государевъ богомолецъ, съ поповскимъ старостою, съ Вознесенскимъ попомъ Ероѳиемъ, соѳѣйского дворового мѣста досматривали. И соѳѣйское дворовое мѣсто не пахано, и хлѣбъ на немъ никакой не сѣянъ". [194]

Дальше идет период второй реставрации софийского хозяйства, отмеченный по отношению к городскому Софийскому Двору в первом очерке, в отношении же к деревне ждущий своей очереди.

---

[194] А. Н. С. Д., т. I, № 12.

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ
ПОСТОЯННОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.
I (XXXIV).

К истории кабального холопства.

В. И. Веретенникова.

I.

Общий очерк истории института кабального холопства в его основных чертах давно установлен в русской исторической литературе. Но в этой общепринятой схеме имеется одно важнейшее утверждение, которое едва ли правильно, а между тем оно имеет основное значение в общепринятом построении процесса развития на Руси кабального холопства.

Обыкновенно развитие института кабального холопства рисуется таким образом: до 1597 года всякий свободный человек мог взять в долг какую-либо определенную сумму денег, с обязательством уплачивать проценты по этой ссуде личным своим трудом на пользу и по распоряжению своего кредитора; если бы через годовой срок должник не смог уплатить свой долг (основной, конечно), то он продолжал и далее отрабатывать проценты по этому долгу своим личным трудом кредитору. Все эти отношения закреплялись особым типом частно-правового акта, носящего название „служилой кабалы". Ясно, что тут лежит в основе долговая сделка; ясно, что в тот момент, когда должник уплачивает свой основной долг, он немедленно же освобождается от уплаты по нем процентов, т.-е., от несения к а к и х-л и б о л и ч н ы х обязательств по отношению займодавца и, следовательно, сейчас же в с я к а я л и ч н а я зависимость между заимодавцем и должником исчезает, теряя свое основание. Так все одинаково понимают сущность кабального холопства до 1597 года; ни разногласий, ни сомнений в таком понимании, кажется, не существует. И вот, одним указом, частным, мало выделенным среди многих других (часто сравнительно малозначительных) указов, с 1597 года вводится з а п р е щ е н и е кабальным людям уплачивать свои долги и тем самым прекращать свою личную от кредитора зависимость; а с другой стороны, долговое отношение просто уничтожается со смертью заимодавца, не переходя к его наследникам, как то обычно было установлено для других частно-правовых обязательств. Так, целая большая категория частно-обязанных людей превращается нормативно в холопов, — неисходных и принудительных, — простым правительственным распоряже-

нием; устанавливается, следовательно, в сущности новый тип рабства, получающегося путем займа по „служилой кабале“.

Ключевский, первый из русских историков подвергший институт кабального холопства более подробному изучению, в своем понимании указа 1597 года не отступает от только что изложенного его толкования, хотя, пожалуй, вносит некоторый особый оттенок в это толкование. Прежде всего, Ключевский указывает на то, что „в Судебнике 1550 г. и в ближайших к нему по времени дополнительных указах кабальное холопство является еще вполне с характером заемно-служилого на довольно неопределенных условиях. Такой характер сохраняет оно и в дошедших до нас служилых кабалах“. Разбирая текст служилой кабалы этого времени, Ключевский делает предположение, что „вероятно, она (т.-е., служилая кабала) давалась первоначально только на год, после чего должники, уплатив долги, могли выходить на волю“. Таков юридический смысл акта, но фактически „они (т.-е., должники) обыкновенно оказывались несостоятельными“, и в силу этого в 1560 году „царь указал несостоятельных кабальных выдавать до искупу; но тогда господа, удерживая при себе кабальных, стали продавать или закладывать их жен и детей, разрывая кабальные семьи“; „в свою очередь и холопы старались перезаложиться другим, покрывая старый долг новым займом“. Таково было, по мнению Ключевского, положение с кабальными холопами перед 1597 годом; и целью закона этого года была попытка „пресечь возникавшие отсюда беспорядки, применяясь к господствовавшим отношениям и понятиям“; „чтобы прекратить разрыв кабальных семей, тяжбы и побеги, закон 26 апреля (1597) постановил, что в случае спора, если кабальный уйдет от господина без его согласия, с такими кабальными следует поступать, как с докладными, выдавать их в службу господам до смерти последних, а денег по кабалам не брать с холопов, хотя бы они и просили о том“. Закон, поясняет далее Ключевский, не предписывал, чтобы кабальная служба всегда непременно продолжалась до господской смерти, он только давал норму для разрешения спорных случаев“. Однако, далее Ключевский определенно все-таки устанавливает, что „в 1597 г.... бессрочная вольная служба за рост с правом уплаты долга по уговору превратилась в обязательную службу за самый долг до смерти заимодавца по закону“. [1]

Лаппо-Данилевский (во „Введении“ к „Записной книге ...дьяку Алябьеву“) не отступает также от обычного толкования указа 1597 г.; этот указ он рассматривает, как „установлявший зависимость кабальных людей от своих господ по время их смерти“; „служилая кабала, говорит тот же ученый в другом месте, как известно, была видом ограниченной холопской

---

[1] В. Ключевский, Опыты и исследования, изд. 2-е, стр. 238 — 239 и 256.

зависимости, которая (кроме смерти самого холопа) после указа 1597 г. прекращалась лишь со смертью господина". [2]

Владимирский-Буданов в одном из примечаний к им изданной в его „Хрестоматии" „Указной книге Приказа Холопьего Суда" утверждает также, что „кабальное холопство есть холопство пожизненное и „оно превращено в пожизненное настоящим указом" (т.-е., указом 25 апреля 1597 г.); „но, конечно, обычай предупредил в этом случае закон". [3] Развивая больше эту последнюю мысль в другом месте, названный ученый утверждает, что „продолжение ее (т.-е., служилой кабалы) до смерти господина не установлено в первый раз указом 1597 г., а возникло раньше из необходимости определить срок временного холопства не по сумме, обозначенной в кабале". [4] Эта мысль, признаемся, для нас очень неясна и неопределенна в ее доказательствах и развитии названным ученым; однако, несомненно, что Владимирский-Буданов имеет в виду, что пожизненность кабального холопства „не установлена в первый раз указом 1597 г." по существу, фактически; но юридическое, формально-правовое установление этого остается именно за указом 1597 года.

До 1597 года „у кабального человека, утверждает Павлов-Сильванский, оставалось еще право выкупа на волю, важное его преимущество перед безусловным рабом", и „смысл замечательного указа 1597 г., создавшего новую форму кабального холопства, пожизненного, до смерти господина, и заключается прежде всего в лишении кабальных людей этого права перехода, в их прикреплении к лицу господина"; здесь произошло, по мнению названного ученого, „окончательное превращение вольных заемщиков в холопов с 1597 г.". [5]

Дьяконов категорически утверждает: „из этого указа (т.-е., указа 1597 г.) видно, что положение кабальных людей существенно изменилось... они лишены права выкупа на волю уплатою долга по кабале („и денег по служилам кабалым у холопей не имати"), затем... установлена пожизненность кабального холопства"; „по указам 1586 и 1597 г., говорит названный ученый в другом месте, кабальное холопство получило характер личной крепости закабаленных по смерть их господина". [6]

Такое же понимание указа 1597 г. в отношении кабального холопства встречаем и у Сергеевича. „Итак, пишет названный ученый, на кабальных людей по старым кабалам, писанным до 1586 г., и по новым, писанным с 1597 г., февраля с 1-го числа, распространены те правила, которые были

---

[2] Р.И.Б., т. XVII, стр. XVI и XXI.

[3] Христоматия по ист. русск. права, вып. III, изд. 1889 г., стр. 90.

[4] Обзор ист. рус. права, изд. IV, стр. 673.

[5] Павлов-Сильванский, Люди кабальные и докладные — Ж.М.Н.Пр. 1895, январь, стр. 13 и 15 (отд. оттиск).

[6] Дьяконов, Очерки обществ. и госуд. строя древн. Руси, изд. 4, стр. 370 и 373.

установлены в 1586 г. для кабальных докладных. С 1597 года все кабальные, — и новые, и старые, — обращаются во временных холопов и лишаются права прекращать свое зависимое состояние уплатой долга, но зато в момент смерти кредитора все они получают свободу, не платя по кабале". [7]

То же толкование основного смысла указа 1597 г. встречается и у проф. А. Н. Филиппова. „По указам 1586 и 1597 г., утверждает названный ученый, кабальное холопство превращается из временного (до уплаты долга) в пожизненное в том смысле, что оно длится по жизнь кредитора и прекращается лишь с его смертью, при чем кабальный не мог уплатить своего долга, если бы хотел, так как кредитору было запрещено взятие с него этого долга". [8]

Общая всем исследователям кабального холопства мысль заключается в том, что практика задолго подготовила почву для превращения заемщиков-работников по уговору в холопов по принуждению; закон 1597 г. только, — даже как бы задним числом, — признал, узаконил такую практику.

Ключевский полагает, что служилая кабала давалась первоначально (т.-е., до указа 1597 г.) только на год, после чего должники, уплатив долги, могли выходить на волю; но, замечает далее названный ученый, „они обыкновенно оказывались несостоятельными... А тогда господа, удерживая при себе кабальных, стали продавать или закладывать их жен и детей, разрывая кабальные семьи... В свою очередь холопы старались перезаложиться другим, покрывая старый долг новым займом"; „годовых холопов, которые не могли расплатиться после срока, господа стали превращать в холопов купленных, безусловных, прилагая к ним тот принцип закладного права, по которому просроченный заклад превращался в продажу", [9] при чем „видно, что иные кабальные, уходя от своих господ, просили принять у них деньги в уплату по кабалам". [10] Таким образом, еще задолго до указа 1597 г. кабальные, за неплатеж в срок долга по несостоятельности, в подавляющем количестве оказались в полной власти заимодавцев, которые начали свободно распоряжаться даже их семьями, так что закон 1597 г., с точки зрения фактически к этому времени для кабального холопства сложившихся общественных отношений, даже как бы задерживал, — стремился задержать, — дальнейшее и окончательное развитие факта полного перехода кабальных людей на положение подлинных холопов тем, что хотя бы ограничил этот переход временем жизни заимодавца и уничтожил наследственность во владении кабальным холопом.

---

[7] Сергеевич, Древности русск. права, т. 1, изд. 3 (1909), стр. 166.
[8] Филиппов, Учебн. истор. рус. права, изд. 5, 1914, стр. 490.
[9] Ключевский, Op. cit., стр. 256.
[10] Ключевский, Op. cit., стр. 239.

Но тут был еще один момент, на котором Ключевский тоже, хотя и вскользь, останавливается в объяснении указа 1597 г., именно — политика правительства московского, которая „пыталась пресечь возникшие отсюда (т.-е., от продажи семей кабальных и от перезалогов кабальных от одних владельцев другим) беспорядки“: „законодательство... в 1597 г. признало просроченный кабальный заем равносильным продаже в холопство, но условное, т.-е., докладное: кабальный холоп терял право выкупа без согласия господина; зато и господин лишался права взыскания долга без согласия холопа, а смерть первого погашала самый долг последнего“. [11]

Приблизительно в тех же основных чертах строит объяснение указа 1597 г. и Павлов-Сильванский, только развивая второй момент, именно — влияние тут политики московского правительства. Сперва, как и Ключевский, названный ученый останавливается на обрисовке фактического положения кабальных холопов еще задолго до указа 1597 г.; „на практике кабальные люди, вероятно, с первого их появления стали в положение холопов;... возможность выкупа на свободу была, в сущности, одной фикцией; право выкупа сводилось на практике к праву перехода, перемены одного господина на другого“. Рядом с этим Павлов-Сильванский особенно останавливается на практике и политике в этом вопросе московского правительства. Он утверждает, что „мысль об установлении пожизненного холопства издавна не была чужда московскому правительству“; „политика московского правительства в XVI веке, нуждавшегося в людях и средствах, естественно была направлена к ослаблению рабства, так как свободный человек, становясь рабом, ускользал, подобно закладнику, от государственной службы и повинностей“. „Во второй половине XVI-го века враждебная рабству тенденция московских государей проявляется все решительнее, и уложение (1597 г.), по мнению названного ученого, стоит в связи с прекращением продажи в полное рабство; оно явно стремится заменить продажу в полницу продажей в служилую кабалу. Полагая закрепостить добровольных холопов, оно даже не упоминает о возможности брать с них полные или докладные крепости и как бы делает обязательным закрепление их служилыми кабалами“. [12]

Сергеевич, говоря о „нововведениях“ указа 1586 г. (которым, по его мнению, уже „докладные“ кабальные люди были „объявлены крепкими своим кредиторам до их (кредиторов) смерти и лишены таким образом права прекращать свое зависимое состояние уплатой долга“), думает, что „они только на первый взгляд представляются содержащими в себе стеснение прав кабальных“, так как „если кабальные до указа 1586 г. уплачивали

---

[11] Ключевский, Op. cit., стр. 256.

[12] Павлов-Сильванский, Люди кабальные и докладные— Ж.М.Н. Пр. 1895 г. январь, стр. 14 — 15, отд. оттиск.

свой долг, то в очень редких случаях; большинство же их переходило в кабальную зависимость к наследникам кредитора и по свою смерть оставались в кабале". Таким образом, по мнению названного ученого, указ 1586 г., даже „ограничивая кабальную зависимость временем жизни кредитора, приходит на помощь большинству докладных кабальных". [13]

Близкие соображения высказывает в объяснении указа 25 апреля и Дьяконов, кратко на этом останавливаясь в нижеследующих словах: „не трудно понять, под какими влияниями установлена пожизненность кабального холопства. Житейская практика и для некоторых разрядов полного холопства склонялась к их пожизненности. Отпуск же на свободу кабальных людей был, повидимому, широко распространен. Указом только узаконен был установившийся обычай. Отмена же права выкупа кабального состоялась в интересах рабовладельцев, не желавших допускать переманивания кабальных". [14] Таким образом, вышеназванный ученый примыкает к общему объяснению об узаконении тут уже имевшего место обычая и практики, но ближайший повод этого видит в давлении рабовладельцев, желавших избавиться от переманивания у них холопов (тут, пожалуй, чувствуется некоторая параллель, проводимая Дьяконовым с историей запрещения крестьянского выхода, который в жизни превратился в „вывоз" и против которого все время боролись землевладельцы, так как им это „переманивание" путем вывоза было также крайне невыгодно).

II.

Только что изложенное построение, однако, заключает в себе некоторые неясности, трудно устранимые.

Во-первых, чрезвычайно мало похоже на о б ы ч н у ю практику Московского правительства, крайне осторожного и предусмотрительно-консервативного в своих действиях, принятие такого рода определенно-резкой, если не сказать больше, меры и притом в такой форме, как форма царского указа по линии приказа. Это было замечено давно, и делался ряд попыток объяснить это. Едва ли, однако, возможно признать эти объяснения достаточными; реальных, конкретных оснований для них, как увидим ниже, во всяком случае указано не было.

Второе недоумение, которое возникает при обычно принятом вышеуказанном понимании о бывшем в 1597 г. переломе в истории кабального холопства, состоит в том, что тогда является непонятной форма текста служилых кабал до 1681 года, т.-е., в течение 90 лет после переломного момента (т.-е., 1597 г.); оказывается, что все это время форма акта оста-

---

[13] Древности русск. права, т. I, изд. 3, 1909 г., стр. 154.

[14] Очерки общ. и госуд. строя древн. Руси, изд. 4, 1912 г., стр. 372.

валась неизменна в существе своем и тожественна с формой этого акта до 1597 г.; и условия займа играли в тексте служилой кабалы XVI в. такую же главную роль, какую те же условия играли в тексте служилой кабалы всего XVII века до 1681 года. Одним из новейших исследователей служилых кабал, виднейшим специалистом и очень осторожным исследователем в этой области, было определенно констатировано, что „служилые кабалы и после смуты обыкновенно писались с тем же условием о займе. Можно даже думать, что в то время оно еще не вполне утратило свое значение: служилые кабалы иногда называются вместе с тем и „заемными“... Легко заметить, что и впоследствии размеры денежного долга колеблются и что, значит, они еще не стали вполне условными“; „сами вольные люди, поступающие в кабальное холопство, иногда признают себя в своих служилых кабалах „заемщиками“; на допросе они также иногда называются „заемщиками“ и заявляют, что, поступая в холопство, „деньги заняли“. [15] При этом надо вспомнить, что Уложение 1649 г. посвятило специальное внимание вопросу о размере долга по служилой кабале и установило его норму „на одного человека в трех рублях“, следовательно, как будто в ближайшее к 1597 году время кабальное холопство оставалось по существу своему сделкой гражданской, реальным долговым обязательством, гражданским, следовательно, в его существе. Устойчивость, якобы, с 1597 г. уже омертвевшей формы служилой кабалы, конечно, можно объяснить консерватизмом, устойчивостью переживаний в московской жизни и тому подобными, весьма общими и не опирающимися в данном случае ни на какой конкретный базис соображениями. О такой устойчивости, однако, говорить с большой уверенностью едва ли возможно: не так давно (1906 г.) был найден указ 1680 г., разосланный воеводам, с приложением новой формы („образцового письма“), по которой отныне должны были писаться служилые кабалы; таково было правительственное распоряжение; и именно точно с этого времени мы сразу же не находим более уже ни одного акта служилой кабалы, который был бы написан иначе, чем по преподанной форме; таким образом, факт этот свидетельствует скорее об отсутствии устойчивости переживаний и омертвении форм актов, чем об обратном, а тем более в течение такого огромного срока, как почти 90 лет. Итак, чем же объяснить, что несмотря на категорическое аннулирование указом 1597 г. условий займа кабальной зависимости, они определенно-неизменно продолжали иметься в форме актов кабального холопства еще почти в продолжение целого XVII-го века?

Наконец, недоумение вызывает сопоставление выше приведенного общепринятого толкования указа 1597 г. с указом „лета 7116 марта в 9 день“ (царя

---

[15] Лаппо-Данилевский, Служилые кабалы позднейшего типа, отд. отт., стр. 32—34.

В. И. Шуйского), занесенного наряду с указом 1597 г. в ту же указную книгу приказа Холопьего Суда; этот указ гласит, что царь Василий Иванович „не велел“ в холопьи записные книги записывать „записи на вольных людей, что тем вольным всяким людям у тех людей служить по тем записям до своего живота“, т.-е., как раз именно такого рода „записи“, которые строго соответствуют указу 1597 г., устанавливавшему именно такую форму зависимости. Данный указ Шуйского мотивирован тем, что „по первому указу и по Судебнику на вольных людей таких записей, что им служить до своего живота у всяких людей, имати не велено и в записные книги в Холопьем Приказе и холопьи крепости записывать не велено же“. И далее тот же указ повелевает: „имати записи на вольных людей всяким людям, на урочные лета по прежнему уложению; и сей... указ велено написати к прежним указам... царя и в. к. всея Руси“. Владимирский-Буданов замечает по поводу этого указа, „что трудно догадаться, почему служилые кабалы нельзя писать на всю жизнь, когда обычай и закон признали уже, что холопство, возникающее из них, всегда пожизненно“. [16]

Это же противоречие подмечено было А. С. Лаппо-Данилевским; он писал, что то место вышеприведенного указа, которое „повелевает имати записи на вольных людей всяким людям на урочные лета по прежнему уложению“, также не согласуется с законом 1586 и 1597 г.г. Примиряет это противоречие А. С. Лаппо-Данилевский соображением, что „указ 9 марта, в сущности, говорит о „записях“, а не о „служилых кабалах“, и Уложение проводит различие между записями „на урочные годы“ и служилыми кабалами.“ [17] Однако, и при таком понимании даннаго указа Шуйского остаются некоторые недоумения. Во-первых, едва ли можно достаточно категорически утверждать, что „записи, чтобы служити до своего живота у всяких людей“ и записи „на урочные годы“, о которых говорит Уложение 1649 года, являлись вполне тождественными терминами, принимая во внимание, что термин „запись“ вообще имел в XVII веке крайне расплывчатое значение. Затем, остается неясным при таком толковании еще и то, почему в „записи“ не разрешается то, что 11 лет всего назад (по указу 1597 года) узаконяется для „служилой кабалы“, при явном для начала XVII века отсутствии каких-либо незыблемо строгих и конкретных разграничений в номенклатуре актов в связи с их существом?

Я позволяю себе предложить несколько иной анализ текста указа, откуда будет исходить иное понимание смысла этого указа и затем иное понимание всего связанного с этим указом момента в истории развития кабального холопства древней Руси.

---

[16] Владимирский-Буданов, Христом. по ист. русск. права, в. III, изд. 4-е, стр. 91, 106 (прим. 44-е).

[17] Лаппо-Данилевский, Op. cit., стр. 32.

III.

Изучаемый указ 1597 года дошел до нас только в двух рукописных текстах первой половины XVII века и в одном печатном тексте половины XVIII века, взятом с неизвестного оригинала.

Первый из этих текстов (напечатанный в „Актахъ Историческихъ“, т. I, № 221, стр. 419) имеется в рукописном сборнике собрания Ф. Толстого, хранящемся в Рукописном Отделении Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде под шифром Q. II. 16. Вся эта рукопись в целом представляет собой книгу в переплете (кожа-дерево), написанную несколькими разными почерками середины XVII века. Титульный лист с текстом, писанным такою же скорописью, очевидно, является частью, современной всей книге и с нею органически связанной; текст этого титульного листа таков: „книга старый судебник боярина Михаила Петровича Головина списана в Земском приказе с судебной книги государя царя и великого князя Іоанна Васильевича всеа Росии“. Состав рукописи таков: а) оглавление по статьям, суммарное и неряшливое, в конце — отрывочное и с пропусками (лл. 2—13); б) текст Царского Судебника (лл. 14—85); в) ряд боярских приговоров-указов и просто царские указы общего характера (лл. 86—307), причем к концу помещены указы более узкие по своему содержанию и относящиеся исключительно до ведомства Земского приказа; нередко тут же прилагаются в копиях и другие соответственные приказные документы. Рукопись вообще написана очень небрежно, так же небрежно написана и интересующая нас ее часть. Более или менее ясных водяных знаков обнаружить в рукописи не удалось; правда, на последних листах имеется нижняя часть знака la folie, „голова шута“, но это данное ничего хронологически точного дать не может; структура бумаги и почерк говорят за приурочение рукописи к половине XVII века. Никаких знаков препинания в рукописи вообще не имеется; самое тщательное рассмотрение листов, где находится нас интересующий текст, убеждает, что знаки препинания совершенно отсутствуют и тут.

Второй текст указа 1597 года мы имеем в одном рукописном сборнике, хранящемся в Музее Палеографии Академии Наук СССР в Ленинграде. Эта рукопись описана в статье А. И. Андреева „Сводный Судебник“ (Известия Рос. Акад. Наук за 1925 г., стр. 627—628) и с полной достоверностью отнесена к первой половине XVII века; она заключает в себе текст так называемого „Сводного Судебника“, и с листа 78 об. начинается текст указа 1597 года, причем изучаемое нами место этого указа находится на листе 80-м. Вся рукопись маленького формата, с аккуратными полями, писана четко, тщательно, очевидно, со вниманием. На протяжении всей рукописи употребляется только один знак препинания, а именно — точка, стоящая

посредине (а не внизу, как теперь) буквы. Рассмотрение значения этого знака препинания в данной рукописи приводит к следующим выводам: этот знак имеет явно только фонетическое (а не грамматически-логическое) значение; он указывает лишь на существование в месте, где он поставлен, необходимости голосовой передышки, остановки, и только; таким образом, этот знак препинания в разных местах соответствует очень различным, ныне употребляемым таковым же знаком. Это нетрудно показать на нескольких примерах. Вот текст: „которые отпускные без боярские печати (знак препинания) и без дьячьи руки в прежних летах даваны до уложения (знак препинания) и те отпускные в отпускные ли (знак препинания) и государь указал что с отпускною у того государя не служити (знак препинания)"; тут конец статьи (л. 74 об.). Ясно, что в первом случае при употреблении современной системы знаков препинания (логически-грамматической) не должно быть никакого знака; во втором случае должна быть поставлена запятая, в третьем — вопросительный знак, в четвертом— точка. Однако, во всех случаях употребления знака препинания рукописи мы имеем фонетические, голосовые остановки-передышки, необходимые при чтении данного отрывка. Еще пример: „О землех суд (тут — знак препинания; по смыслу ясно, что это — название статьи; далее идет самый текст этой статьи) взыщет боярин на боярине или монастырь на монастыре (знак препинания) или боярин на монастыре (знак препинания) ино судите за три годы (знак препинания) а взыщет монастырь на боярине..." В этом отрывке в первом случае, с точки зрения современной орфографии, знак препинания поставлен вместо точки, во втором случае — он же поставлен вместо запятой, а в третьем случае — опять вместо точки или точки с запятой; с другой стороны, при чтении данного отрывка знак препинания рукописи точно указывает на передышки, на фонетические остановки.

Таким образом, пунктуация данной рукописи является пунктуацией в основе фонетической и потому несравнимой и непереводимой с достаточной точностью на пунктуацию современную.

Третий текст изучаемого указа, последний нам известный, находится в „Сводном Судебнике", издания 1774 года. Этот текст, очевидно, является копией какого-то рукописного текста этого памятника, где имеется и текст изучаемого указа 1597 года. Что мы имеем в данном случае особый, иной рукописный подлинный текст сравнительно с двумя выше разобранными, то ни утверждать, ни отрицать этого нельзя: в текстах есть несомненные разночтения (см. ниже), с одной стороны, но, с другой стороны, все эти разночтения легко могут быть результатом просто недосмотра, небрежности переписчика и корректуры печатного текста; таким образом, ни отрицать, ни утверждать, что в тексте „Сводного Судебника", изд. 1774 года, мы имеем особый текст, третий, сравнительно с двумя вышеуказанными, нет оснований.

Приводим интересующую нас часть текста указа 1597 г. по всем трем вышерассмотренным источникам:

Рукопись Гос. Публичн. Библиотеки в Ленинграде.	Рукопись Музея Палеографии Акад. Наук СССР.	„Сводный Судебник" в издании 1774 г.
„..быть в холопстве как и по докладным а от гдрей своих им не отходит и денег по тѣм служилым кабалам у тѣх холопей не имали б (?) и челобитя их в том не слушали б (?) по старым кабалам а выдавать их тѣм гдрем по тѣм кабалам в службу до смерти а которого записново..."	„...быти в холопстве как и по докладным а от государей своих им не отходити, и денег по тѣм служилым кабалам у тѣх холопей не имати, и челобитья их в том не слушати по старым кабалам, а выдати их тѣм государем по тѣм кабалам в службах до их смерти, а у которого записано..."	„...быти в холопстве как и докладным, а от государей своих им не отходити, и денег по тѣм служилым кабалам у тѣх холопей не имати и челобитья их в том не слушати, по старым кабалам, а выдавати их тѣм Государем по тѣм кабалам до их смерти, а которого записного..."

Сопоставление всех этих трех дошедших до нас текстов интересующего нас места указа 1597 года дает определенный вывод в отношении устойчивости текста. Текст является очень однородным, очень устойчивым во всех трех источниках; разночтений мало, они незначительны и несущественны, сводясь просто к пропускам или дополнениям, совершенно не влияющим на смысл. Если анализировать наиболее крупное разночтение в конце текста (оно отмечено разрядкой), то это разночтение сводится, с одной стороны, к пропуску, с другой стороны—к дополнению двумя выражениями („в службу" и „их") различных текстов, причем ни дополнение, ни пропуск не изменяют смысла, а только дают большее или меньшее его уточнение. Итак, приводимый отрывок неизменно одинаков во всех имеющихся в нашем распоряжении текстах в его словесном выражении.

Но из вышеизложенного анализа сохранившихся текстов интересующего нас места указа 1597 г. также ясно, что никаких знаков препинания в нашем современном значении их мы не находим ни в одной из сохранившихся рукописей, и та расстановка тех именно знаков препинания, которую мы находим сделанной в публикации данного текста „Актами Историческими", является чистым домыслом ученых редакторов этого издания, домыслом, не опирающимся ни на какие конкретные, формальные, палеографические данные, могущие быть почерпнутыми из старых рукописных текстов. Таким образом, если из того или иного порядка расстановки тех или иных знаков препинания вытекает тот или другой смысл, то или другое понимание содержания данного текста, то ни то, ни другое понимание содержания не находит себе опоры в формальном рассмотрении первичных рукописных текстов, и, значит, до сих пор принятая пунктуация изучаемого текста есть чисто гипотетическое ученое построение, ведущее за

собой, следовательно, лишь чисто гипотетическое, именно данное, понимание смысла текста; является таким образом полная возможность предложить иную, также гипотетическую, но более обоснованную соображениями какого-либо иного порядка, пунктуацию данного изучаемого текста, которая может повести за собой большее или меньшее видоизменение в понимании всего смысла содержания данного текста. Против пунктуации, данной редакторами „Актовъ Историческихъ“ и ныне общепринятой, можно сделать некоторые возражения, во-первых; во-вторых, можно предложить пунктуацию, которая, по нашему мнению, будет более соответствовать прежде всего синтаксическому строю приказного языка конца XVI века.

Рассмотрение смысла и значения союза „а“ в древне-русском (Московского периода) актово-приказном языке наводит на определенное заключение, что этим союзом обычно, как общее правило, начиналась новая мысль, новый, следующий, так сказать, раздел изложения; иными словами говоря, этот союз имел определенно и исключительно разделительное значение, им всегда отмечалось новое, начало другой мысли по отношению к шедшему до этого союза изложению; он не соединяет, а разъединяет изложение, не сливает, а разбивает мысли текста. Союз „и“, видимо, в этом отношении играл иную, противоположную роль; он именно соединял мысли, показывал и подчеркивал их связь, цельность, некоторое отношение их друг к другу. Трудно дать исчерпывающее и достаточно незыблемое доказательство и обоснование только что высказанному пониманию роли союза „а“ в приказно-деловом языке Московской Руси; к сожалению, у историков русского языка я не мог найти чего-либо в этом отношении. Поэтому, в доказательство вышеизложенных соображений о значении союза „а“ придется высказывать только некоторые соображения, убедительность которых, возможно, и не является окончательной, но пока другого пути, видимо, нет. Если подвергнуть изучению употребление союза „а“ в обоих Судебниках, например, затем — в уставной книге Разбойного приказа или так называемой „книге ведомства казначеев“, то станет ясно основное разделительное значение рассматриваемого союза; каждая статья Судебников и вышеуказанных книг, в том разделении их на статьи, какое можно считать установленным, начинается почти без исключения именно союзом „а“;[18] между тем, как раз каждая новая статья является новым разделом мысли законодателя (именно постольку она и выделяется, как особая статья), и, следовательно, этому новому разделу мысли обязательно предшествует исключительно и только союз „а“. Если же этот союз встречается иногда внутри статьи, то всегда и там он служит для введения опять таки

---

[18] Владимирский-Буданов, Христ. по ист. рус. права, вып. III, где напечатаны эти акты.

новой, хотя бы и дополнительной, мысли.[19] Можно бы сослаться еще на употребление этого союза и в приказных делах начала XVII века. Было уже замечено именно такое значение союза „а“ в деловом языке Московской Руси акад. А. С. Лаппо-Данилевским, авторитет которого в знании данного языка едва ли подлежит сомнению; „составители старинных грамот, говорит названный ученый, причем речь идет именно о грамотах XVI—XVII вв., часто пользовались союзом „а“ в смысле: „потом“, „затем“ и начинали с него изложение новой мысли“ (Подчеркнуто мной).[20] Если так понимать значение и роль союза „а“ в приказно-деловом языке Московской Руси, то придется признать, что при пунктуации знак точка с запятой является наиболее подходящим знаком препинания для постановки его перед „а“ древне-русского, московского текста; и тогда перед „и“ такого текста, видимо, приходится ставить более смягченный знак препинания в виде запятой.

Если признать вышеизложенные соображения заслуживающими хотя бы некоторого внимания и с такой точки зрения проверить правильность пунктуации вышеприводимого отрывка из указа 1597 года, даваемой издателями „Актовъ Историческихъ“ и ныне общепринятой, то придется таковую пунктуацию признать не совсем точной и внести в нее поправки, которые, как увидим, дадут нам возможность иначе истолковать и смысл изучаемого приказа, чем он толкуется обычно. Привожу ниже рассматриваемый отрывок указа с пунктуацией, сделанной согласно вышеизложенным соображениям: „...быти в холопстве, как и по докладным; — а от государей своих им не отходить, и денег по тем служилым кабалам у тех холопей не имати и челобитья их в том не слушати по старым кабалам; — а выдавати их тем государем по тем кабалам в службу до смерти“. При такой пунктуации понимание данного текста будет неизбежно несколько иным, чем вышеизложенное, общепринятое. Тут первая мысль изложена, кончая словами: „как и по докладным“; далее идет новая мысль; на это указывает следующее „а“. Первая мысль сравнивает всех кабальных холопов по линии докладных; затем в словах: „а от государей своих не отходити“... и т. д., кончая словами: „не слушати по старым кабалам“ изложена уже другая, новая мысль; для правильного понимания этой мысли необходимо только выяснить точно понятие „старая кабала“ и значение местоимения „тот“. В продолжении изучаемого текста есть фраза: „которая кабала старая или новая, по новому уложению, записана в книге...“; из этого выражения ясно, что „новой кабалой“ тут называется кабала, составленная уже согласно „новому уложению“; страницей ранее в тексте того же указа определяется

---

[19] Ср., напр., Владимирский-Буданов, Op. cit., в. III, стр. 7, ст. 5; ibidem, стр. 45, ст. 3; вып. II, стр. 87, ст. 15, 13 и т. д.

[20] Лаппо-Данилевский, Служилые кабалы позднейшего типа, отд. отт. стр. 43.

и понятие о „новом уложении“: „до нынешнего государева нового уложения, 105 году февраля по 1 число“; итак, „новым уложением“ в тексте указа именуется самый этот указ 1 февраля 105 года; таким образом, под „новой кабалой“ в данном тексте надо понимать служилую кабалу, совершенную хронологически после 1 февраля 1597 года, а, следовательно, под „старой кабалой“ кабалу, заключенную до „нового уложения“. Такое определение понятия „старой кабалы“ подтверждается и оправдывается текстами из того же указа (например, см. стр. 92-ую Христ. Владимирского-Буданова, вып. III, со слов: „а которая служилая кабала на холопа и на рабу...“, кончая словами: „...а по новой кабале денег не имати“). Местоимение „тот“ в старо-русском приказном языке обычно указывает на предыдущее по тексту и может быть переведено, как „вышеупомянутое“, „вышеозначенное“.

Принимая во внимание эти соображения о „старой кабале“ и о местоимении „тот“, придется место, излагающее вторую мысль анализируемого текста, понимать таким образом: а (т.-е., затем) от своих государей (т.-е., заимодавцев) им (т.-е., всем перечисленным выше холопам кабальным) не отходить, денег по тем (т.-е., вышеозначенным) кабалам у холопов тех (опять-таки вышеперечисленных всех кабальных) не имати (т.-е., не брать и не взыскивать), их челобитья (т.-е., иски) в том (т.-е., в принятии от них денег в уплату долга) не слушати (т.-е., не принимать) по старым кабалам“ (т.-е., по кабалам, данным до 1 февраля 1597 года). Таким образом в данном отрывке заключено, — согласно такому анализу текста, — положение, гласящее, что по служилым кабалам, выданным до 1 февраля 1597 года, холопам запрещается отходить от своих господ, запрещается разрывать кабальные отношения путем уплаты долга, запрещается удовлетворять и даже вообще принимать какие-либо иски в этом направлении; но все это касается только и исключительно должников по кабалам старым, т.-е., выданным до 1 февраля 1597 года.

Далее в изучаемом тексте идет уже третья мысль: „а (т.-е., затем, потом, — далее можно вставить для пояснения: если такие явления будут все-таки происходить, то) выдавать их (т.-е., холопов) тем (т.-е., вышеупомянутым) государям по тем (т.-е., по вышеозначенным, именно старым) кабалам в службу до смерти“. Итак, в этой третьей мысли речь идет опять только и исключительно о кабальных холопах лишь одной категории: закабаленных служилыми кабалами, совершенными до 1 февраля 1597 года. Если, следовательно, суммировать все содержимое данного места указа 1597 года в его общем и целом, то оно может быть выражено следующим образом: всем тем кабальным холопам, вне зависимости от способа установления их кабальной зависимости, кабалы на которых были даны до 1 февраля 1597 г., запрещалось погашать уплатой долга свою зависимость, которая устанавливалась раз навсегда отныне в общем виде

до смерти их господина. Такое запрещение никакого отношения к служилым кабалам, совершенным вновь, после 1 февраля 1597 г., не имеет. Общая мера превращения временных, лично обязанных своим трудом должников в вечных холопов касалась только уже имевшейся налицо группы кабальных холопов. Никакого видоизменения в самый институт кабального холопства, как таковой, данный указ при таком его понимании не вносит; этот институт продолжает существовать далее и после данного указа так же, как он существовал и до него, нисколько не изменяясь в своей юридической сущности.

Совершенно очевидно, что только-что изложенное толкование изучаемого места указа 1597 года существенно отличается от того общепринятого его толкования, о котором мы говорили в начале нашего этюда.

IV.

Мы видели, что общепринятое толкование возбуждает несколько трудно разрешимых вопросов и стоит в видимом противоречии с одним несомненным фактом более позднего времени: с указом В. И. Шуйского от 9 марта 1608 г. Необходимо заметить, что предлагаемое нами толкование, как сейчас увидим, совершенно устраняет и те трудно разрешимые вопросы, и то противоречие с указом 9 марта 1608 года, которые неизбежны при общепринятом толковании указа 1597 г. в этой его части.

Если при общепринятом толковании, как видели, возникает недоуменный вопрос, каким образом всегда такое осторожное в своих мероприятиях, идущее обычно у жизни на поводу Московское правительство как бы вдруг, в одном этом случае, путем заурядного царского указа решилось установить новую форму холопской неволи, и целый класс временно-обязанных людей перенести в разряд вечных холопов, установив, как правовую норму, такое перенесение, — то, при вышеизложенном толковании, этот вопрос просто отпадает, уничтожается: никакого такого рода шага в данном указе Московское правительство не предпринимало, никакой новой формы холопской зависимости оно не устанавливало этим указом 1597 года; делалось только частное, конкретного характера распоряжение, отнюдь не имевшее никакого нормативного характера.

Как мы видели выше, при общепринятом толковании изучаемой части указа 1597 года, возникает и второе недоумение — вопрос: почему формуляр служилой кабалы отныне, с указа 1597 г., существовал все-таки незыблемо почти 90 лет без всяких изменений; а между тем простым указным распоряжением в 1680 году легко и безповоротно, сразу этот формуляр оказалось возможным изменить в желательном правительству направлении. Что же заставляло Московское правительство медлить с этим распоряжением целых

девяносто лет, когда было так, очевидно, не трудно провести его в жизнь в каждый данный момент?

При предлагаемом мною толковании разбираемого указа устраняется совершенно и этот вопрос, сомнение; ведь указ 1597 года отнюдь не отменял сделки займа по служилой кабале, как известной формы гражданских отношений; эта сделка, следовательно, продолжала юридически, нормативно существовать в своих старых и тех-же формах также после 1597 года, как и до него; а значит, должна была и продолжала существовать и старая служилая кабала, как внешнее оформление таковой сделки. Итак, при выше предлагаемом толковании становится не только понятным, но и логически неизбежным именно существование того явления, которое при общепринятом толковании порождает лишь недоумение и вопрос.

Как видели также выше, уже в некоторое противоречие с тем-же общепринятым толкованием указа 1597 г. становится существование указа Шуйского. И значение этого указа 7116 года, и отсутствие какого-либо противоречия его с указом 1597 г. при моем толковании последнего указа — ясны. Согласно этому толкованию, институт кабального холопства в его прежнем виде нормативно-юридически отнюдь не видоизменялся указом 1597 г.; следовательно, и форма акта, т.-е., служилой кабалы, не должна была в свою очередь изменяться, а наоборот, всякие попытки к таковым изменениям (особенно если они видоизменяли самое существо сделки) естественно должны были встречать определенное противодействие со стороны Московского правительства. Когда практика жизни, видимо, определенно стала противодействовать такой охранительной в отношении понимания института кабального холопства политике московской власти, то эта последняя пробует бороться с такой практикой, свидетельством чему и служит, между прочим, указ 7116 г. Следовательно, при мною предлагаемом толковании указа 1597 г. исчезает всякое противоречие и недоумение от сопоставления его с указом 7116 г., который получает полный смысл и делается совершенно понятным в его содержании и цели.

Таким образом, предлагаемое в данном этюде понимание указа 1597 года (а тем самым — и одного из основных моментов в развитии института кабального холопства) уничтожает все те трудно разрешимые недоумения, которые имеются налицо при общепринятом толковании данного указа и отсюда при общепринятом понимании одного из основных моментов в развитии кабального холопства.

Резюмирую в основных чертах все вышеизложенное. Общепринятое толкование указа 1597 г. (в его части, относящейся до кабального холопства) соединяет с этим указом, выводит из него важнейший переломный момент эволюции на Руси института кабального холопства, когда это последнее из частно-правовой, гражданской в своей основе, сделки одним взмахом приказного пера было обращено из института гражданского права

в институт права публичного, причем путем веления государственной власти безысходно принудительно была сделана впредь навсегда холопами-рабами целая категория до того лично свободных людей, только временно бравших на себя, добровольно и на срок, экономическую по своему характеру зависимость, обусловленную исключительно частно-правовым моментом займа; этим, следовательно, устанавливалась новая форма рабства, как результата займа по акту служилая кабала.

Ближайшее изучение текста так обычно трактуемого указа приводит, как выше видели, к несколько иному пониманию его, а вместе с тем иному построению момента в эволюции служилого кабального холопства, связанного с этим указом 1597 года, а именно: запрещение уплаты долга и оставление должников принудительно в положении вечных холопов относится лишь к тем кабалам, которые были заключены до 1 февраля 7105 г., и совершенно не касается всех тех кабал, которые будут совершаться, начиная впредь с этого срока; эти „новые“ кабалы не меняются никак, и обязательства, ими устанавливаемые, остаются неизменными, каковыми они были и до этого времени. Иными словами говоря, указ 1597 г. имел в виду лишь определенную группу уже существовавших, застарелых кабал и с ними связанных должников, а отнюдь не устанавливал какой-либо новой нормы или формы рабства на основе самопродажи, так принудительно видоизменяя чисто гражданскую долговую сделку, лежащую в основе служилой кабалы. Старая служилая кабала юридически и практически неизменно продолжала существовать и после 1597 г. в том же своем виде, как и до этого года, и никакого переломного момента в институте кабального холопства с этим указом отнюдь не связано. Указ 1597 г. только предписал считать лишившимися возможности (а не права) уплатить свой долг тех кабальных людей, которые были обязаны служилыми кабалами, выданными до 1 февраля 1597 г., а потому и принужденных до смерти господина отрабатывать проценты по их долгу. Основания же для того были взяты отнюдь не из области какой-либо иной, а базировались на исключительно гражданского характера соображениях и чисто долговом характере всей сделки по служилой кабале. Правда, эти основания в данном указе не приведены, но они ясно вскрыты в указе, рядом с предыдущим помещенном, в то же самое время данном, где утверждалось, что если кто-либо добровольно, без всякого условия служит у кого-либо более полугода, то на такого добровольного послужильца его господину должно дать служилую кабалу принудительно, вне зависимости от желания послужильца, ибо, мотивирует указ это свое постановление, „тот человек того добровольного холопа кормил, одевал и обувал“,[21] т.-е., затратил на него, дал ему в ссуду извест-

[21] Владимирский-Буданов. Христом. по ист. русск. права, в. III, стр. 93.

ный капитал, через что послужилец сделался его должником в известной сумме, и не имея других возможностей платить проценты по этому долгу, должен был их отрабатывать личным трудом (иначе говоря, быть его кабальным холопом, что и удостоверялось актом — служилой кабалой), как то было давным давно установлено для таких случаев и законом, и практикой Московской Руси (см., напр., ст. XVI „Указной книги ведомства казначеев").

То толкование, которое я пытался дать в предыдущем изложении указу 1597 г. в его части, касающейся кабального холопства, толкование, как видели, очень расходящееся с общепринятым, толкование, заставляющее иначе посмотреть на один из основных (по имеющимся представлениям) моментов в истории развития кабального холопства, я не пытаюсь, — стремлюсь оговорить это точно и ясно, — признать безусловно доказанным мною; я полагаю, что мною предлагаемое толкование есть только гипотеза; но рядом с этим думаю, что такой же, только менее обоснованной, гипотезой является и общепринятое толкование. Будем ли мы когда либо вместо гипотез иметь тут достаточно прочно обоснованное построение, — это покажет будущее; однако, недостаток исторических данных, пожалуй, заставляет очень сомневаться в возможности когда-либо положительного решения поставленного вопроса.

Вотчинный режим и крестьянская крепость.

(По поводу книги С. Б. Веселовского: „К вопросу о происхождении вотчинного режима“.[1])

А. Е. Преснякова.

1.

Исследовательская работа над таким коренным вопросом, как происхождение крепостного права, идет непрерывно с тех пор, как его в 1858 году ребром поставил М. П. Погодин. Как ни скудно у нас появление в печати новых научных работ, однако в этой области намечается новая и весьма плодотворная постановка стародавней проблемы: отчетливо выясняются эволюционные моменты в экономике Московской Руси, которые привели к смене средневекового феодального хозяйства новой формой организации сельско-хозяйственного труда — хозяйством крепостным;[2] заново ставится вопрос об оформлении в указном порядке крестьянского закрепощения землевладельческой власти — более внимательным изучением „ввозных“ и „послушных“ грамот, с одной стороны, а, с другой, данных, все еще недостаточных, о „заповедных“ и „выходных“ годах;[3] конкретнее и глубже выясняется социальный процесс, основной для всей истории Московского государства, — смена боярства дворянством в значении господствующего класса.

Труд С. Б. Веселовского посвящен, по существу, изучению того же сложного исторического процесса, но с своей, особой точки зрения, резко отграниченной. Книга озаглавлена: „К вопросу о происхождении вотчинного режима“; под „вотчинным режимом“ С. Б. Веселовский разумеет вотчинный суд и полицию, т.-е., „судебные и полицейские права помещиков по отношению к своим крестьянам“. Сосредоточив внимание на одной этой

---

[1] Издание Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва, 1926.

[2] Б. Д. Греков, „Юрьев день и заповедные годы“ (ИАН, 1926 г., № 1—2) и „Очерки из истории хозяйства Новгородского Софийского Дома XVI — XVII в. в.“ (Летопись Занятий Археографической Комиссии за 1923 — 1925 годы, в. 33).

[3] М. А. Дьяконов, „Поместье и крестьянская крепость“; „Заповедные и выходные лета“.

стороне „вотчинного режима“, С. Б. Веселовский ставит свою тему весьма широко, как в выяснении предпосылок вотчинной юрисдикции с древнейших времен, так и в охвате изучением разнородных владельческих групп (за одним, впрочем, роковым исключением: монастырская вотчина намеренно почти вовсе выключена из сферы наблюдения), и дает цельную конструкцию изучаемым отношениям, сообщая попутно ряд интересных и ценных частных выводов и наблюдений. Однако, чтобы использовать труд С. Б. Веселовского в научно-положительном смысле, придется выделить из его содержания ряд выводов и определений, которые вызывают большие сомнения.

Существенна самая постановка основного вопроса в исследовании С. Б. Веселовского. Автор указывает, что многим историкам (вспомним хотя бы М. А. Дьяконова) судебная и полицейская власть землевладельца над крестьянами его имения представлялась поздним явлением, которое сложилось уже на готовой почве крепостной зависимости крестьян. Представление это автор справедливо признает ошибочным и своей задачей считает выяснение, что в этом „вотчинном режиме“ надо видеть „основу, на которой развивались крепостные отношения“. С. Б. Веселовский оговаривается,[4] что не претендует на „совершенную новость“ своего взгляда. Однако, он упоминает только об одном, довольно случайном, хотя и весьма показательном замечании В. И. Сергеевича, что право вотчинного суда и управления, которое было одной из привилегий вольных слуг по их жалованным грамотам, „с прикреплением крестьян вошло в состав крепостного права, некоторые черты которого имеют, таким образом, более глубокие корни, чем указы, сперва ограничивающие, а потом и вовсе отменяющие вольный переход крестьян“;[5] но о подлинном своем предшественнике — П. И. Беляеве, С. Б. Веселовский вовсе не нашел нужным упомянуть. А, между тем, исследование П. И. Беляева: „Древне-русская сениория и крестьянское закрепощение“ [6] целиком посвящено выяснению, как „на почве исконной вотчинной власти, развитой и подтвержденной многочисленными иммунитетными грамотами, и расцвела помещичья сениория XV и XVI веков“. Конечно, работы П. И. Беляева, при всей несомненной даровитости и оригинальности их автора, смущают историка-профессионала многими неожиданностями метода и своеобразием многих формулировок и определений. Но основные линии его исследования научно-ценны и плодотворны. Так, и в только что приведенных словах Беляева четко поставлена та же задача, которую поставил себе С. Б. Веселовский, но определение помещичьего имения XV — XVI веков, как „сениории“ — не многого стоит. Такая терминология у Беляева, впрочем, только дань тому смешению понятий феодаль-

---

[4] Стр. 99.
[5] Русск. Юрид. Древн., т. I², стр. 367.
[6] Журн. Мин. Юстиции, 1916 г., октябрь и ноябрь.

ного строя и крепостного режима, которое получило господство в нашей исторической литературе, вопреки их принципиальным различиям, и по строю хозяйственных отношений, и по классовой структуре и по выраставшей из них государственности. Далеко не свободен и С. Б. Веселовский от такого смешения: и он изучает „тот строй отношений, который принято называть сениориальным или вотчинным“, причем под эти термины у него одинаково подходят как сениориальный режим раннего средневековья, так и отношения в помещичьем имении эпохи развитого крепостного права. Смешение это дает С. Б. Веселовскому основание отрицать, как увидим, понятие „феодализма“ по отношению к русскому историческому прошлому. А, между тем, такая чрезмерная широта понятия „вотчинный режим“, объединяющая в одном определении многовековую эволюцию, научно бесплодна, даже определенно вредна, так как затушевывает характерные отличия основных периодов этой эволюции. Сам же С. Б. Веселовский ясно указывает на эту необходимую периодизацию и выдвигает момент существенного перелома в ходе изучаемого исторического процесса, отметив в самом начале своей работы, что „главный интерес вопроса заключается именно в переходном — от уделов к Московскому государству — времени“. В выяснении этого „переходного“ исторического момента — центр тяжести всей работы С. Б. Веселовского: происхождение вотчинного режима, в его понимании, это вопрос о происхождении крепостнических отношений в сфере служилого землевладения XVI — XVII столетий. Явления и данные предшествующего периода рассматриваются только, поскольку в них можно видеть предпосылки „вотчинных“ отношений эпохи крестьянского закрепощения. Вопрос ставится так: надо установить основной факт, не понятый прежней научной литературой, „а именно то, что судебные привилегии, подвергаясь с течением времени ограничениям в объеме, распространялись на все большее количество лиц и в середине XVI века... стали общим правом“.

2.

С. Б. Веселовский начинает разработку своей темы с „предпосылок иммунитета“ в положении рабов и закупов Русской Правды, причем подчеркивает с особым ударением, что господская власть над ними вытекала из личных отношений господина к рабам и зависимым людям, независимо от того, был ли он землевладельцем или нет. Но, наметив этот исходный пункт изучаемой эволюции, С. Б. Веселовский не углубляет его анализа, не касается его связи с основными особенностями древней общественности, слагавшейся из ряда союзов, автономных во внутренних своих отношениях, [7]

[7] Ср., например, очерк И. И. Яковкина, Договор, как нормативный факт, в древнем праве“ (в „Сборнике статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову“, 1922).

в частности, со значением „двора“ или „дворища“, как основной хозяйственной и организационной ячейки общественного строя. А, между тем, именно эта замкнутость отдельных бытовых, хозяйственных мирков, закрытых от окружающего мира властью домовладыки, вела к распространению его власти с членов семьи и рабов на входивших в данную хозяйственную организацию свободных людей, делая их „полусвободными“ и подчиненными вотчинной юрисдикции. По существу так и понимает С. Б. Веселовский положение закупа. Закупничество он определяет, как „кредит в особой сфере отношений“, назначение которого — дать господину „рабочие руки, в которых он нуждается для дома и сельского хозяйства“. Признавая, что закуп получал от господина живой и мертвый инвентарь и должен жить у господина во дворе или на пашне, С. Б. Веселовский считает вероятным, что он получал участок земли для обработки в свою пользу. Связь закупа с хозяйством господина делала его полусвободным, подчиняла его дисциплинарной власти господина и ставила его, по отношению к третьим лицам в сфере подсудности, в положение, близкое к положению холопов; С. Б. Веселовский считает, поэтому, естественным признать, что „в делах закупов между собой судьей становится их господин“ [8]. Все это важно для С. Б. Веселовского, как „предпосылки иммунитета“, не зависящие от того, был ли господин рабов и закупов землевладельцем или нет. Но сам же он отмечает, что „в древнейшее время хозяйственная жизнь, в частности, хозяйство землевладельцев, было основано в значительной мере на труде рабов и зависимых людей“, и в рассуждении о закупе естественно выдвигает именно закупа ролейного (пашенного). „Предпосылки иммунитета“ в древней Руси, конечно, не зависят от землевладения в своем правовом содержании, но явно связаны с землевладельческим хозяйством социологически; эта оговорка, как увидим, существенна для анализа дальнейших построений и выводов С. Б. Веселовского. К ней тотчас приходится обратиться, как переходишь с автором от рабов и закупов к зависимым людям XIV и XV веков, к серебреникам и закладникам. Серебреники — исторические преемники закупов; главное ограничение их свободы то же, что у закупов: „серебреник не может покинуть кредитора, не уплативши долга и не исполнивши условленных работ“. С. Б. Веселовский не находит возможным допустить, чтобы серебреник мог, подобно кабальному (который

---

[8] В вопросе о подсудности холопов автор утверждает, что их неподсудность княжеским судьям ограждена в договорах Новгорода с великими князьями статьей: „ни холопа, ни рабы без господаря твоим судиям не судити“; но, стало быть, все-таки судить, только не „без господаря“? Тут явно имеется в виду суд при участии или хотя бы с ведома господина. Ограничение несудимости холопов автор видит в оговорках судебного иммунитета — „опричь душегубства“ и т. д., о подсудности „людей и крестьян“, так как полагает, что в этой формуле нет основания исключить холопов из числа „людей“ боярщины, о которых говорит жалованная грамота.

служил во дворе господина), во всякое время ликвидировать свои долговые отношения и уйти: „вся обстановка сельско-хозяйственного труда должна была противоречить праву должника порывать свои обязательства во всякое время“,[9] а известные грамоты XV века Кириллову и Ферапонтову монастырям понимает, как восстановление старых правил крестьянского отказа, а не как нововведение, каким их обычно признавали прежние исследователи. Общее положение серебреников делает их подсудность господину-кредитору весьма вероятной. В подтверждение этой своей мысли С. Б. Веселовский приводит, с осторожной оговоркой,[10] статью из грамоты великого князя Василия 1514 г. Смоленской земле: „а кто человека держит в деньгах, и он того своего человека судит сам“, а также общее соображение, что „в древнейшее время различные формы долговой и служебной зависимости сопровождались подсудностью зависимых людей господину“. Нельзя не пожалеть, что С. Б. Веселовский не поясняет читателю, какие это „различные формы“ долговой и служебной зависимости сопровождались подсудностью господину и чем они отличаются от тех, которые к такому последствию не вели. А, между тем, внимательный читатель книги С. Б. Веселовского может получить определенный ответ на этот вопрос из его же собственного изложения: это те формы задолженности и службы, которые сопровождались работой в хозяйстве господина и проживанием в его дворе или на его земле. И придет такой читатель неизбежно к выводу (для С. Б. Веселовского нежелательному), что именно в этих хозяйственно-организационных условиях основание подсудности зависимого человека господину, в подчинении его хозяйской господской власти, а не в задолженности самой по себе; опору такому выводу найдет читатель еще и в том, что сам С. Б. Веселовский упоминает

---

[9] Встречающийся в текстах о серебрениках термин „летнее серебро“ С. Б. Веселовский понимает, как „серебро“, обусловленное исполнением „сезонных“ работ; не вижу оснований для представления, что серебро отрабатывалось посезонно; грамоты говорят, например, об обязанности серебреников „издельное серебро заплатити“ и о том, что они должны „дело доделывать и на то серебро, а осень придет и они бы и серебро заплатили“; их сезонная работа — пахота „за рост“, а не погашение серебра; „летнее серебро“ понимаю, как рассроченный „полетный“ платеж.

[10] С. Б. Веселовский считает свидетельство грамоты великого князя Василия III показательным для великорусских отношений только условно, так как она относится к старине Смоленской земли; грамота великого князя Василия III утверждает за Смоленской землей судебные порядки, как они были при Витовте. С. Б. Веселовский поясняет, что старина Смоленской земли была, быть может, ближе к Русской Правде, чем северо-восточная Русь XII — XIV вв., и противопоставляет ее также „областям литовской культуры“. Едва ли связь с стариной Русской Правды всего литовско-русского права меньше, чем старины Смоленской земли, да и порядки, какие находим, напр., в Двинской уставной грамоте, едва ли могут быть исторически поняты помимо дальнейшей эволюции того же права Русской Правды. Ср. об этом у Стратонова „К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды“, Казань, 1920.

не только о долговой зависимости, но также о зависимости „служебной“, не определяя точнее, что он под этим разумеет.

Если бы С. Б. Веселовский учел более определенно и решительно исконную связь установленных им „предпосылок иммунитета“ с землевладельческим хозяйством (промысловым и земледельческим), ему не пришлось бы выдвигать княжескую власть, как силу, необходимую, чтобы связать эти предпосылки с землевладением. Бесспорно, что „корни иммунитета имели не земельный, а личный характер“, но отсюда еще не следует, что для установления связи этих предпосылок с землей, чтобы „придать всему определенность института землевладельческого иммунитета, нужно было пожалование князя“. Вопрос о связи „личных элементов иммунитета“ с землевладением должен был, по справедливому мнению С. Б. Веселовского, возникнуть „тогда, когда дружинники и служилые люди князя стали оседать на землю и делаться землевладельцами, когда вообще стала развиваться частная собственность на землю“. В какую же эпоху возник этот процесс землевладельческого оседания дружины? С. Б. Веселовский пытается выяснить его рассмотрением содержания жалованных грамот XIV—XVI веков. Но бояр-дружинников мы видим землевладельцами в XI веке; „села с челядью“ обычная единица княжеского и боярского хозяйства XII—XIII вв., как и „села со изгои“; монастыри и церковные иерархи развивают рабочую силу своих вотчин, привлекая на свои земли „изгои же и сябры“, а бояре-дружинники—ролейных закупов.

К той же эпохе ведет вопрос о „происхождении несудимости самих господ“. Непонятно утверждение С. Б. Веселовского, что мы не имеем для древнейшего времени прямых указаний на непосредственную подсудность князю его дружины. Такое указание дает статья так наз. „Правды Ярославичей“, устанавливающая 12 гривен „за обиду“, если кто „умучит, а без княжа слова“, огнищанина, тиуна или мечника. Но это не важно, пожалуй, так как С. Б. Веселовский самый факт такой подсудности признает неподлежащим сомнению, „судя по всему строю и характеру дружинных отношений“. Однако, это не мешает С. Б. Веселовскому искать в жалованных грамотах XIV — XV вв. черты, „бросающие свет на происхождение исключительной подсудности князю служилых людей“. Это „происхождение“ стародавняя старина для этих жалованных грамот, унаследованная „двором государя князя великого“, прочная традиция древних дружинных отношений.

„Судя по актам XIV века и более поздним, говорит С. Б. Веселовский, парафразируя положение, установленное Н. П. Павловым-Сильванским, управление и суд наместников и волостелей есть такая же нормальная форма управления княжескими черными людьми, как иммунитет есть нормальная форма управления для частновладельческих земель всех разрядов“. Но не учитывает он той существенной стороны вопроса, что генезис обеих этих „форм управления“ в развертывании дружинных сил, как неизбежного

органа княжого и землевладельческого господства, и что „иммунитет“ сложился в „форму управления“ именно благодаря исконной связи его „личных“ элементов с землевладением.

Как же понимать эту связь? Нужен ли для ее выяснения такой deus ex machina, как „пожалование князя“?

Можно только с полным сочувствием повторить утверждение С. Б. Веселовского, что „выводить право суда над свободными людьми из землевладения, из землевладельческих прав... нет никаких оснований“. Но можно также, не смущаясь заявлением С. Б. Веселовского, что „самое происхождение права частной земельной собственности, его характер и составные элементы нам совершенно неизвестны“,[11] признать, что в эпоху захватного землепользования применение к земельному хозяйству труда рабов и зависимых людей должно было сыграть основную роль в самом созидании частного, личного землевладения: через своих людей владелец овладевал землей, осваивал ее себе. Установленные С. Б. Веселовским „предпосылки иммунитета“ только одна из сторон подчинения господской власти рабочей силы, и, в этом смысле, они являются также предпосылками происхождения вотчинного землевладения. С. Б. Веселовский не принял во внимание, как содержание тех же жалованных грамот и других источников (судных списков, житийных текстов и т. п.) дает определенное представление о самой технике земельных захватов и образования вотчинных владений — путем поселения на земле трудовой силы несвободной челяди и полусвободных людей: закупов, изгоев, серебренников, половников и т. п. Тезис о происхождении землевладельческого иммунитета независимо от „пожалования князя“, о „естественном“ развитии иммунитетного владения в общих условиях древнего колонизационного процесса и общественного строя, тезис, который защищал, на русской почве, Н. П. Павлов-Сильванский, надо признать остающимся в силе; и это признание только подкрепит то, что наиболее ценно в выводах С. Б. Веселовского: что вотчинная власть, выросшая из весьма древних предпосылок, есть основа всего вотчинного режима, на которой и выросли, в конечном счете, крепостные отношения.

4.

Центр тяжести работы С. Б. Веселовского в изучении тех отношений, которые отразились в жалованных грамотах XIV—XVI веков: происхождения этих отношений, их характера и их судьбы при переходе „от уделов к Московскому государству“.

---

[11] Этим можно не смущаться, потому, что при полной неизвестности условий возникновения частной земельной собственности, нельзя было бы С. Б. Веселовскому и отрицать вывода из нее прав вотчинного суда.

С. Б. Веселовский настойчиво проводит мысль, что „судебные и другие иммунитетные права землевладельцев в XIV — XVI веках могли проистекать и основываться только на княжеских пожалованиях", о чем так недвусмысленно свидетельствуют „сотни различных актов". Свидетельство это—несомненно: жалованная грамота, как источник права, создает определенные правоотношения и дает им обоснование в определенном акте княжеской власти—пожаловании. Но это еще ничего не говорит о происхождении тех общественных отношений, которые получают в жалованных грамотах правовое оформление и правовую санкцию. Жалованные грамоты, акты княжеской власти эпохи ее непрерывного усиления в XIV—XVI веках, ставят сложившиеся отношения вотчинного властвования на новые основания и в новые условия. Значение того, что можно назвать политикой жалованных грамот, весьма велико в процессе консолидации великорусской государственности, начиная с XIV века. Процесс усиления княжеской власти и объединения вокруг нее землевладельческих сил идет во всех княжествах, великих и удельных, но доминирующее значение в нем принадлежит росту центральной, великокняжеской власти всея Руси, — преодолению политической раздробленности. Рост боярского и церковного, особенно монастырского землевладения, в захватах земель и угодий за счет крестьянских волостей, ищет опоры и правовой санкции в актах княжого пожалования. Жалованные грамоты, давая землевладельцам такую опору по отношению к массе населения, ставили, в то же время, их вотчинную власть в зависимость от правительственной власти, как такой же „нормальный" прием управления и государственного строительства, как управление через наместников и волостелей. Великокняжеская власть широко использовала практику выдачи жалованных грамот для проведения в жизнь воззрения, что права грамотчиков „могут проистекать и основываться только на княжеских пожалованиях", причем, в период преодоления удельщины и организации московского единодержавия, перешла к отрицанию пожалований „местных" князей на том основании, что-де „те грамоты не самих князей великих". В этом процессе жалованная грамота не источник, создающий, как полагает С. Б. Веселовский, заново основы вотчинной юрисдикции и связь „предпосылок иммунитета" с землевладением, а прием организации на новых упроченных основаниях связи между крепнущей правительственной властью и землевладельческим классом. Проводя в жизнь, настойчиво и успешно, воззрение, что права грамотчиков проистекают только из пожалования, эта власть использовала обычный порядок возобновления грамот при каждой смене правителей, с одной стороны, и вотчинников, с другой, для пересмотра грамот по их содержанию, с тенденцией к ограничению привилегий.[12] С. Б. Веселовский сильно настаивает на этом порядке пере-

[12] Ср. о политике жалованных грамот в моей работе: „Московское Царство" (1918), гл. IV.

утверждения грамот при смене контрагентов, как на доказательстве личного характера иммунитета вне его связи с землевладением; но ведь основная форма иммунитетной грамоты, „невъезжая“, касается определенной территории, земли владельческой, а несудимость связана с лицом владельца и касается его людей. „Личными“ были и пожалования кормлениями. „Личный“ характер носит вся эта система отношений, выросшая исторически из древних дружинных связей; пожалования даются государевым боярам и государевым богомольцам.

Вся эта—назовем ее политической—сторона вопроса о политике жалованных грамот составляет внешнюю, организационную сторону процесса, пережитого Великороссией в XIV — XVI веках. Самый глубокий интерес вызывает попытка С. Б. Веселовского выяснить землевладельческую основу этого процесса путем рассмотрения „архаизмов“ жалованных грамот.

Характеризуя жалованные грамоты, как исторический источник, С. Б. Веселовский отмечает ту их особенность, что „изучая их нельзя быть вполне уверенным, что то, что утверждает или отрицает данная жалованная грамота, существовало или не существовало в данном случае“. Из века в век живут в грамотах архаизмы терминологии, целых формул и клаузул, не соответствующих позднейшей действительности. С. Б. Веселовский посвятил целую главу особенностям грамот Рязанского княжества, особенно богатых такими архаизмами.[13] Особое внимание исследователя привлекают такие перечни повинностей, от которых жалованные грамоты освобождают людей вотчинника-грамотчика, как „великого князя дело делати или пруды делати, или свои великого князя дворы ставити, или хлеб молотити и весьти в которой город“, княжого коня кормить, в ловы ходить, сено косить и т. под. В Рязанских грамотах освобождение населения от таких повинностей выражено в форме перечисления приказчиков князя, которым запрещается въезд в околицу грамотчика: после волостеля упоминаются: ямщик, бобровник, боровщик, закосник, иногда еще чашники, ключники, рыбные ловцы, бортники.

Оценка таких черт содержания жалованных грамот, как архаизмов, пережитков „глубокой древности“, приводит С. Б. Веселовского к попытке выяснить наиболее существенную, по его мнению, функцию жалованных

---

[13] При этом С. Б. Веселовский выясняет значение многих таких архаизмов, как безатщина, костки, резанка, шестьдесят и т. п. Иногда, впрочем, он видит в содержании жалованных грамот новизну там, где ее нет, и неправильно понимает обычные термины. Так, душегубством никогда не называлась „вообще всякая неестественная смерть“, и не было термина „бесхитростное“ душегубство. Так, статьи о ненаказуемости населения за чью-либо смерть от несчастного случая, когда о том „обыщут без хитрости“, также как и об освобождении населения от коллективной ответственности, если оно находило и выдавало душегубца на казнь властям, только защита населения от злоупотребления этих властей „дикой вирой“. Тут грамоты XV в. только повторяют Русскую Правду.

грамот, которую он определяет, как „разграничение интересов княжеского хозяйства и частных землевладельцев". „Эта сторона жалованных грамот, замечает С. Б. Веселовский, несомненно, гораздо важнее тех исключительных пожалований, которые иногда в них встречаются и которые бросались в глаза первым исследователям этого источника". Дело в том, что она отражает, по мнению С. Б. Веселовского, отношения того раннего времени, когда „самое понятие частной собственности на землю, как вещного права, определенного и одинакового для всех, находилось в процессе развития". Поэтому, „когда земля из разряда княжеских переходила тем или иным путем... в руки монастырей или частных лиц, то князьям приходилось определять, какие права и какие дани и доходы они оставляют за собой, а от каких отказываются в пользу частного собственника". Особо характерную сторону этого разграничения и составлял вопрос о повинностях, которые „возникли и сложились на почве частного хозяйства князей и в большинстве были несовместимы или трудно совместимы с самостоятельным и независимым от князя хозяйством частного независимого землевладельца". Организация вотчинного землевладения требовала поэтому „отказа князя от некоторых своих частновладельческих прав".

Повидимому (сжатое и, по необходимости, несколько конспективное изложение небольшой по объему работы не дает тут полной ясности точке зрения автора), С. Б. Веселовский исходит в этом построении из представления обо всей территории княжества, как охваченной „частновладельческими правами" князя, и о постепенном выделении из нее единиц „частного" вотчинного владения, в чем и усматривает процесс развития частной собственности на землю. Так, и в рассуждении о „сместном суде" С. Б. Веселовский обращает внимание на то обстоятельство, что грамоты не разрешают вопроса о порядке суда для тех случаев, когда „судом смешаются" люди двух грамотчиков-иммунистов, и заключает из этого, что статья о сместном суде сложилась в те отдаленные времена, когда владение грамотчика было окружено, главным образом, княжескими землями.[14]

Вывод С. Б. Веселовского о „разграничении интересов" очень ответственен, так как ведет к целому построению развития „частной собственности на землю" путем выделения вотчин из состава земель княжого владения. Но вывод этот вызывает ряд серьезных сомнений. С. Б. Веселовский, несомненно, впервые обратил должное внимание на весьма существенную сторону содержания жалованных грамот, почти не освещенную прежней литературой, но, столь же несомненно, сильно преувеличил ее значение

---

[14] С. Б. Веселовский поясняет, что в таких случаях дело решалось совместно обоими вотчинными властями и приводит прямое об этом свидетельство Чанслора; обращение их, при разногласии, к „данным" судьям, сопровождает замечанием, что эти судьи судили „сместно" (прим. 54), на что нет указаний в грамотах, и что трудно себе представить: „данный" судья творил княжой суд.

для вопроса о происхождении вотчинного землевладения. С. Б. Веселовский не определяет точнее, что разумеет он под „разрядом княжеских земель“, при переходе из которого земли в руки духовных или светских вотчинников ставилось на очередь разграничение „частнохозяйственных прав“. Но не вижу возможности иначе понять все это построение, как возводя его к предпосылке, что вся земля княжества первоначально мыслится, как земля, принадлежащая князю, и охвачена его вотчинным владением и хозяйством. Такое представление было в свое время весьма популярно в исторической литературе, но оно основывалось только на известной формуле некоторых актов по отчуждению земельных участков, что отчуждается „земля государя великого князя“; однако, по разъяснении А. И. Андреевым, что все такие акты касаются сделок на участки великокняжеских оброчных земель,[15] признание за великокняжеской властью такой „верховной собственности“ на землю можно строить разве для второй половины XVI века, по мере слияния оброчных земель с черными волостными в податном отношении, распространения на все крестьянство термина „государевы сироты“ и исчезновения различий между купчими на черную волостную и на оброчную землю. Тем более отпадает возможность относить подобное представление к древнейшим временам и ставить его предпосылкой всей эволюции вотчинного землевладения. С. Б. Веселовский еще сильно обостряет эту предпосылку, связывая ее с „частно-хозяйственной“ эксплоатацией на князя трудовой силы сельского населения.

Эти повинности, которые „сложились на почве частного хозяйства князей“, по определению С. Б. Веселовского, слишком резко выделены им из общего комплекса всех повинностей, о каких говорят жалованные грамоты. Классификация средневековых повинностей на частноправовые и публичноправовые — всегда условна и искусственна; не даром наши историки права часто говорили о „смешении частного права с государственным“, как о характерной особенности правовых воззрений средневековья. Это категории не догматические, вневременные, а исторически слагавшиеся; граница между сферами публичного и частного права была в разное время различной и устанавливалась постепенно слагавшейся практикой.[16] В частности, то „разграничение интересов“, в котором С. Б. Веселовский видит наиболее существенную функцию жалованных грамот, касалось не только тех прав на повинности населения, какие он признает „частнохозяйственными“, но, как сам автор указывает, также и тех, которые им опреде-

---

[15] „Отступные грамоты“ в „Сборнике статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому“ (П., 1916).

[16] Ср. поиски такого разграничения у А. С. Лаппо-Данилевского, „Очерк русской дипломатики частных актов“; ср. также статью С. Н. Валка, „Воспоминания ученика“ в „Русском Историческом Журнале“, кн. 6 (посвященная памяти А. С. Лаппо-Данилевского).

ляются, как „административно-хозяйственные“ и „фискально-полицейские“. В грамотах повинности разного (с нашей точки зрения) рода перечисляются, сплошь да рядом, в перемешку, с весьма слабо выдержанными признаками какой-либо классификации, а „процесс превращения этих сборов (и повинностей) из княжеских в вотчинные“ протекал для всех их категорий по существу в одних и тех же формах. При этом, конечно, как отмечает и С. Б. Веселовский, в крупных боярщинах светских и духовных владельцев условия для перехода в руки их владельцев прав, которые носят (по нашим понятиям) публично-правовой характер, были более благоприятны, чем по отношению к мелким владениям. В общем же, „несомненно, как замечает С. Б. Веселовский, что некоторые сборы (этой категории) сохранились и продолжали существовать в эпоху полного развития крепостного права“; не лишним было бы добавить указание, что дело не только в сборах и повинностях, но и в элементах власти над населением, которых они служили выражением: власти административно-полицейской, неотделимой от „предпосылок иммунитета“. Возвращаясь от этих общих соображений к вопросу о разграничении интересов княжеской власти и вотчинных владельцев, приходится признать, что ценные наблюдения С. Б. Веселовского над теми повинностями, которые он выделяет как „частнохозяйственные“, получили у него слишком широкое толкование. Толкование это надо ограничить в двух направлениях. Во-первых, содержание далеко не всех жалованных грамот характеризуется освобождением населения земель, которые переходили из разряда княжеских в руки вотчинников-грамотчиков, от таких повинностей, а это дает основание видеть тут, преимущественно, тот „разряд“ земель, который был непосредственно втянут в организацию княжого дворцового хозяйства. Но, с другой стороны, и это второе соображение представляется более существенным, нет основания понимать дело так, что речь идет о повинностях населения непременно тех земель, на которых поставлена „частнохозяйственная“ эксплоатация на двор князя. Повидимому, древнейшая пора знала разные трудовые повинности населения, не связанные непосредственно с землевладением, хотя и обслуживавшие княжеское хозяйство, как те, какими угрожает новгородцам воевода князя Святополка: „а приставим вы хоромов рубити наших“, или ростовские бояре владимирцам, называя их своими „холопами каменьщиками“; знала и особые сборы с населения на содержание путей княжеского хозяйства, как то „ловчее“, какое наложил князь Мстислав Данилович на жителей Берестья. Во всяком случае, архаизмы, изучаемые С. Б. Веселовским, отражают отношения и порядки, которые были давней стариной для эпохи жалованных грамот, и нельзя не пожалеть, что С. Б. Веселовский не подошел к их толкованию с той же предпосылкой, что личные отношения подвластного положения предшествовали поземельным связям. Думается, что для древней Руси нельзя выводить из землевладения

не только „предпосылок иммунитета“ в отношениях подсудности, но также повинностей хозяйственного характера, а вернее представлять себе дело так, что власть над трудовой силой была предпосылкой для организации как вотчинного, так и дворцового землевладения, с постепенным разграничением их прав и интересов. Это разграничение, путем освобождения населения иммунитетных владений от ряда сборов и повинностей и от вмешательства в административное и хозяйственное властвование над ним, вело к превращению повинностей из княжеских в вотчинные и к закреплению вотчинной юрисдикции за счет княжеской.

Наблюдения над процессом „разграничения интересов“ подводит С. Б. Веселовского к изучению основных вопросов истории землевладения и хозяйства древней Руси, но он, историк права, ведет свое исследование со строгой выдержкой формально-правовой точки зрения на изучаемые отношения, оставляя в стороне анализ их хозяйственно-организационной структуры. Отсюда формальный и внешний характер тех его, самих по себе весьма ценных, наблюдений, какие он собирает для выяснения наиболее интересного вопроса „о переходе от уделов к Московскому государству“, и тех выводов, какие он на них строит. Бо́льшая конкретизация изучаемых отношений на почве уяснения народно-хозяйственной их основы необходима для желательной отчетливости построения, для полноты и обоснованности наблюдений и выводов. Сколько-нибудь полное и обоснованное выяснение „происхождения вотчинного режима“ невозможно при условном отрыве этой проблемы от изучения истории землевладения и вотчинного хозяйства. Неизбежность этого элементарного соображения выступает особенно наглядно по отношению к основной части всей работы С. Б. Веселовского, посвященной судьбе „вотчинного режима в XVI веке“.

5.

Несомненной заслугой исследования С. Б. Веселовского надо признать подчеркнутое представление об активном характере политики жалованных грамот. Если раннюю стадию этой активности, смысл которой был в организации тесной связи крепнущей великокняжеской и местной княжеской власти с землевладельческим классом, С. Б. Веселовский оставил неосвещенной, зато у него решительно выдвинуто значение иммунитета, как „универсального средства, которое князья употребляли с самыми различными целями“: и как приема экономической политики ради заселения и разработки пустых земель, и как приема государственного строительства ради обеспечения разного рода службы, административной и хозяйственной. Значение иммунитета, как приема управления, С. Б. Веселовский выясняет в ряде параграфов своего труда, посвященных рассмотрению иммунитета

соборных, ружных и приходских [17] церквей, иммунитетных пожалований тяглым людям-слободчикам, торговым и промышленным людям и владельческим предприятиям; „универсальность“ такого приема подчеркнута сопоставлением данных об иммунитетных пожалованиях разных духовных и светских владельцев своим служилым и тяглым людям. Все эти экскурсы очень ценны по свежести наблюдений, почти не отмеченных прежней литературой, и дают С. Б. Веселовскому основание набросать живую картину социальной структуры общества удельного, а отчасти и московского времени, как состоявшего из ряда больших и меньших ячеек, обособленных хозяйственных, податных и судебно-административных единиц. Но все это имеет лишь весьма косвенное отношение к вопросу о происхождении вотчинного режима. С. Б. Веселовскому эти экскурсы понадобились для выяснения „правильной оценки иммунитетных пожалований“, а в частности и особенно, для устранения обычного представления о связи их, преимущественно, с крупным вотчинным землевладением. Привычная нашей научной литературе историческая картина „боярского феодализма“ представляется С. Б. Веселовскому отнюдь не соответствующей действительности. Причин тому две. Во-первых, С. Б. Веселовский выключил из своего рассмотрения наиболее обильный материал, основной для прежних исследователей русского средневековья, иммунитет т. наз. церковного землевладения. Но это землевладение сложилось на Руси не как владение церкви, единого учреждения, церковными имуществами, а как вотчинное владение отдельных монастырей и иерархов, по типу „боярщины“, и его правовая и социальная природа тожественна боярскому вотчинному землевладению; кроме того, повидимому, С. Б. Веселовский придает особое значение тому, что, например, большие монастырские вотчины обычно состояли из разбросанных по разным уездам отдельных владений, но такова типичная структура всякого феодального землевладения; соединение крупного землевладения с мелким хозяйством вполне соответствовало основам феодального хозяйства, сводившегося, по существу, к сбору доходов с населения, подвластного вотчинной власти. А еще существеннее другое: материал, на котором С. Б. Веселовский сосредоточил свое внимание, на девять десятых относится к периоду преодоления того, что называют удельно-вотчинным феодализмом, к эпохе, когда иммунитет стал „универсальным“ средством нового государственного строительства в процессе образования Великорусского государства.

---

[17] Непонятны примеры иммунитетных пожалований „приходским“ церквам в которых речь идет о церкви, которую игумен (он же—черный поп) поставил „на диком лесу“, и о двух церквах, о которых определенно сказано, что у них прихода нет („ни единого человека“); тут, как и в четвертом примере, мотив пожалования—запустение.

С. Б. Веселовский несколько раз возвращается к цитате замечания В. И. Сергеевича о том, что „в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки“, которые едва ли были „крупными“ землевладельцами, и настаивает на заключении, что иммунитеты были „общим правилом“, а не исключением, имевшим будто бы в виду крупное привилегированное землевладение. Однако, утверждение, что таково исконное значение иммунитета, с самого начала его истории, мало согласовано с основным положением С. Б. Веселовского о происхождении вотчинного режима путем распространения „судебных привилегий“ на все большее количество лиц и превращения их, с середины XVI в., в общее право. Если это исконно „общее правило“, то что же нового принесла перестройка отношений в XVI веке?

К книге С. Б. Веселовского приложен список 109 жалованных грамот светским землевладельцам. Из них только 11 относятся к первой половине XV века, а 11 ко времени между 1455 и 1469 г. и 22 ко времени между 1475 и 1505 г. Только этот последний промежуток времени С. Б. Веселовский называет „переходным“, что ошибочно, так как пятидесятые годы XV века — время ликвидации той смуты времен Василия Темного, в перепетиях которой рухнули основы старого „удельно-вотчинного“ порядка.[18] Все остальные грамоты в перечне С. Б. Веселовского — XVI века. На этом материале естественно получить вывод, что „большинство грамотчиков — рядовые служилые люди, иногда мелкие“, как и тот, что неверно мнение, будто иммунитет, финансовый и судебный, был преимущественно достоянием вотчинного землевладения; С. Б. Веселовский и подчеркивает, что можно в конце XV века встретить примеры иммунитета несудимости в соединении с служилым землевладением, а в начале XVI века—с поместьем, причем отмечает, что в собранном у него материале большинство жалованных грамот за время между 1506 и 1554 годами относится к поместьям.

Сами по себе эти наблюдения чрезвычайно ценны, но отнюдь не обосновывают отрицательного отношения С. Б. Веселовского к установленному Н. П. Павловым-Сильванским понятию о „феодальных отношениях в удельной Руси“, а, напротив, подтверждают представление о второй половине XV и XVI веке, как о периоде перехода от феодального хозяйства к крепостному и возвышения на смену боярству нового общественного класса — поместного дворянства. В изучение этого переходного периода С. Б. Веселовский вносит ряд новых и весьма ценных наблюдений.

Характеризуя содержание пожалований этого времени, С. Б. Веселовский отмечает значительный перевес судебных привилегий над податными, а для XVI в., „около 1506 года“, прекращение выдачи тарханных грамот: великие князья выдают служилым землевладельцам только несудимые гра-

---

[18] Ср. о характере и значении этой ликвидации в моей книге: „Образование Великорусского Государства“, гл. 10.

моты. Далее: так продолжалось до 1063-го года, т.-е., до второй половины 1554-го, а после июльской грамоты 1554-го помещику Афанасию Сазонову известно только пять несудимых грамот, но все они, по убедительному разъяснению С. Б. Веселовского условий их выдачи, явно исключительны, как и тарханы, выданные после 1506 года. Притом вместо разнообразных пожалований XV века, в XVI в., „приблизительно во втором десятилетии его“, вырабатывается однообразный шаблон несудимых грамот. „Форма его, говорит С. Б. Веселовский, становится настолько шаблонной, что их можно было бы отпечатать и выдавать, как паспорта, вписывая в бланк имя и владение грамотчика“. Это ведет к заключению, что „путем вековой практики был выработан, в конце концов, порядок, ставший общим правом“.

Так выясняется С. Б. Веселовским происхождение вотчинного режима. Он создан историческим процессом выделения частновладельческих земель, вотчин и поместий, из общего тягла и общей подсудности их населения. В изображении этого процесса у С. Б. Веселовского есть особенности, на которых необходимо остановиться. „Тягло удельного времени и порядки его отбывания сложились на почве вотчинного хозяйства князей применительно к зависимому и несвободному населению, сидевшему на земле князя“. Процесс „разграничения интересов княжеской казны и интересов частного землевладения“ привел к выработке „средних норм тягла“, совместимых со службой и вотчинным землевладением.[19] Это построение, как отчасти уже было указано, обязано своей стройностью искусственному упрощению наблюдаемых отношений. Установленные самим же С. Б. Веселовским „предпосылки иммунитета“ не позволяют выводить тягло и порядки его отбывания исключительно из отношений княжеского хозяйства: они складывались на почве вотчинного хозяйства всех крупных землевладельцев: князей, духовных и светских владельцев, применительно к зависимому и несвободному населению их земель. Но и этим не исчерпана недостаточность формулы С. Б. Веселовского. Тягло, сложившееся в период перехода „от уделов к Московскому государству“ в целую финансовую систему, нельзя выводить исключительно из „частновладельческих“ и „частнохозяйственных“ отношений. С. Б. Веселовский вовсе не касается „численных“ и „письменных“ людей, не поясняет своего понимания этих терминов XIV в., замененных в XV в. термином „тяглые“ люди, и вовсе обходит вопрос о значении „неминучей“ татарской дани в истории возникновения и организации тягла, как административно-финансовой базы всего государственного

[19] Тягло, оставшееся на населении вотчин, С. Б. Веселовский называет „белым“, противопоставляя его „черному“ тяглу посадов и волостных крестьян; но термина „белое тягло“ старая Русь не знала и не поняла бы: тягло вотчинников и помещичьих крестьян то же „черное тягло“, что и всех тяглых людей; столь же непонятен и термин „белый корм“, которого С. Б. Веселовский не подтверждает никаким текстом.

строительства „переходной“ эпохи, образования Московского государства. При этом С. Б. Веселовский сам же приводит — на примере грамоты 1483 года — практику выделения вотчинного владения из общей тягловой организации, когда служилому человеку дается разрешение приобрести землю с тем, что он „с тое земли с слугами и с черными людьми не тянет, а служить ему с своею братьею с детьми боярскими“; а этот пример, подобных которому С. Б. Веселовский мог бы много привести, так как это явление весьма обычное, дает четкое представление о таком „выделении“ владельческих имений, которое ничего общего не имеет с какими-либо соотношениями между князем и служилым землевладельцем по „частнохозяйственным“ и „частновладельческим“ интересам.

Как бы то ни было, с конца XV в. развертывается процесс ликвидации старого строя „нивеллирующей“ политикой Московских великих князей: „Иван III и его преемники систематически принижали верхи служилого класса, покровительствовали низам, и в отношении ко всем служилым людям стремились провести, вместо прежних личных отношений, безличные общие шаблоны“. Поэтому и замирает практика выдачи жалованных грамот: их содержание перерабатывается и обобщается в системе общего права. Реформы середины XVI века подводят итог этому процессу, как в области государственного тягла, так и в области суда и управления.

С. Б. Веселовский дает ряд ценных наблюдений, касающихся судебно-административных реформ в годину отмены кормлений. Но от его внимания ускользнул, к сожалению, летописный текст, сообщающий об исходном моменте этих реформ. Текст этот издан еще в 1911 году,[20] но его значение впервые указано С. Ф. Платоновым недавно.[21] Это сообщение о выступлении молодого царя Ивана Васильевича 27-го февраля 1549 года в собрании „освященного собора“ и Боярской Думы в защиту детей боярских и их крестьян от обид, какие они терпят от бояр „в землях и в холопах и в иных обидных делах“, и о последовавшем 28-го февраля уложении, „что во всех городах Московские земли наместникам детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным; да и грамоты (поясняет летопись) свои жаловальные послал во все города детям боярским“. Это известие ярко подтверждает общий вывод С. Б. Веселовского, что „во время издания Судебника судебные привилегии служилых людей были общим правилом и во всех городах“. Но если бы он знал этот текст, он, конечно, узнал бы в грамотах, о которых упоминает 64-я статья царского Судебника: „а детей боярских судити наместником по всем городам по нынешним царевым жаловальным по их вопчим грамотам“, те самые, о каких сообщает известие 1549 года, что они посланы „во все города

[20] Полн. Собр. Русск. Летоп., т. XXII, часть I, стр. 528—529.

[21] С. Ф. Платонов, „Иван Грозный“, Петр. 1923, стр. 60 — 62; теперь этот текст вошел и в учебные хрестоматии.

детем боярским". Это избавило бы С. Б. Веселовского, при толковании им 64-й статьи Судебника, от всегда сомнительного приема, ссылки на ее будто бы „неудачную редакцию" и от искусственного толкования (вслед за Владимирским-Будановым) термина „вопчие грамоты", как наименования грамот по имеющейся в них клаузуле о „вопчем" или сместном суде. „Нынешние вопчие грамоты", очевидно, не старые именные, а новые „общие" для служилых землевладельцев целого уезда. [22]

Установление нового общего порядка подсудности служилых землевладельцев С. Б. Веселовский, естественно, ставит в связь с отменой кормлений и указывает при этом, что, во-первых, грамоты об отставлении кормлений говорят об отставке их „во всех городах", стало быть, речь идет об общем уложении, и, во-вторых, что „отставка кормленщиков в уездах служилого землевладения приняла совсем другой вид, чем в черных волостях". В этих уездах широкое распространение несудимых грамот, обобщенное „вопчими" грамотами 1549 г., настолько подготовило реформу, что на вотчины и поместья окуп мог быть наложен в одинаковом для всех городов окладе (42 алт. 4 деньги с большой сохи), и, кроме того, отставка кормленщиков не привела к замене их выборными судейками. С. Б. Веселовский указывает, что в последней четверти XVI века в некоторых уездах, где преобладало служилое землевладение, упоминаются „судные головы" из детей боярских, но так, что трудно установить, были ли они выборными, а вообще в таких уездах суд то остается в ведении наместников и волостелей, то поручен осадным головам, губным старостам или городовым прикащикам. [23]

Но все это касается подсудности самих служилых землевладельцев и только внешним образом поясняет условия происхождения вотчинного режима, суть которого определена в начале работы С. Б. Веселовского, как совокупность „судебных и полицейских прав помещиков по отношению к своим крестьянам". „Право вотчинного суда, замечает С. Б. Веселовский в заключительной части своей книги, осталось в стороне от сложного процесса развития новой администрации и суда". За служилыми землевладельцами осталось „известное право суда и управления, и этот вопрос на несколько столетий был погребен в глубинах народной жизни", как „вопрос внутреннего, главным образом, распорядка боярщины". В эту „глубину

---

[22] Таких грамот до нас не дошло, или они пока не разысканы; это не должно удивлять, так как их сохранность, как актов по выполнению общего уложения, не имела особой цены ни для центральных учреждений, ни для землевладельцев, тщательно хранивших личные жалованные грамоты.

[23] Наблюдения С. Б. Веселовского в значительной мере разрешают недоумения, какие высказывал М. А. Дьяконов по вопросу о так наз. „земской реформе" Грозного в статье: „Городовые прикащики" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1900 г., кн. I), или, по крайней мере, указывают путь к их разрешению.

народной жизни“ исследование С. Б. Веселовского не входит. Углубить выяснение вопроса о происхождении вотчинного режима и довести его до желательной законченности может только изучение внутренних распорядков боярщины в том направлении, в каком идут упомянутые исследования Б. Д. Грекова, выясняющие то перерождение землевладельческого хозяйства, которое можно определить, как переход от хозяйства феодального к крепостному, и которым определялась вся изучаемая С. Б. Веселовским эволюция вотчинного режима. Эволюция эта обусловила подъем значения и силы нового общественного слоя, сплотила служилый люд в землевладельческий класс и доставила ему, на смену старому феодальному боярству, господствующее положение в народно-хозяйственной жизни в формах крепостного хозяйства и крепостного права, и во всех областях общественной и государственной жизни в формах нарождавшейся дворянской сословности. Но изучение процессов, приведших к построению вотчинного режима, потребовало бы работы с иным материалом, чем тот, на каком сосредоточил свое внимание С. Б. Веселовский: документов вотчинного хозяйства, актов, в которых отразился процесс крестьянского закрепощения и, особенно, для выяснения образования и роста землевладельческой власти над крестьянами, дипломатической истории ввозных и послушных грамот XVI века, на многозначительное изменение формул которых указывал еще М. А. Дьяконов в исследовании: „Поместье и крестьянская крепость“.

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ
ПОСТОЯННОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.
I (XXXIV).

Орден Иуды 1709 года.

С. Ф. Платонова.

1.

Приводимые в этой статье документы заимствованы из принадлежащей В. Гр. Дружинину рукописной книги копий с писем Ингерманландского губернатора А. Д. Меншикова в подведомственную ему Ижорскую канцелярию в Москве за годы 1704—1709.[1] Канцелярия эта находилась в селе Семеновском на Потешном дворе и первоначально представляла собою несколько отдельных „канцелярий“, носивших (в 1703—1705 гг.) общее наименование Семеновской приказной палаты. С 1705 года эта палата начала называться Ингерманландской канцелярией, а в феврале 1708 года в ней была произведена внутренняя реформа: отдельные „канцелярии“ превращены были в „столы“ единой „Ижорской канцелярии“ и получили общего „президента“. Сообразно с этими переменами А. Д. Меншиков адресует свои письма сначала дьякам „Ивану Степанову“, „Анисиму Щукину“, затем „господину Щукину“ и, наконец, „президенту Щукину“ и „господину президенту“. Письма эти касаются всех сторон деятельности канцелярии, чаще всего вопросов, связанных с комплектованием, обмундированием и довольствием войск. Изредка Меншиков дает Щукину особые поручения. Щукин, например, приглашается выдать жалованье „иноземцу, что учит менших государынь царевен, Остерману“ (л.л. 15, 324). В письме Меншикова от 18-го мая 1706 г. читаем: „Андрѣя Виниюса двор и пожитки всѣ опиши и перепечатай, такъ же и помѣстья и вотчины всѣ опишите до указу, а что чего по описи явится, о том ко мнѣ пришли вѣдомость. Виниюсова вина: по выходе войск его царского величества из Гродни з дороги тайным образом чрез Кенизберхъ за море ушол, здѣлавъ воровством своим проѣзжей пас будто за государевою печатью и многие грубительные слова дорогою розглашал и будто вышедшее из Гродни войско ныне швед до конца разбил. И сию ево вину объяви, дабы невѣдением кто

[1] Книга копий в кожаном переплете с оторванными застежками заключает в себе 400 листов, писанных почерками первой половины XVIII века и нумерованных в позднейшее время.

не поставил причины ево в безвинность“ (л. 73).[2] Очень любопытно и такое случайное поручение Щукину, шедшее, повидимому, от самого царя из Гродны: в письме от 12-го ноября 1705 г. Меншиков пишет: „По цыдулке, в сем писмѣ положенной, изволь увѣдомитца, хотя тупо написано, однакож из государевых хоромъ отдано и за скоростью почты такъ к тебѣ послано. А в цыдулке написано: Доведатца по каким ни есть писмам, или стариковъ поспросить, мѣсто Лоховичи гдѣ сказывают? в прежную войну схоронено денег 20 бочек“ (л. 30).

2.

Из таких и подобных поручений Щукину одно в особенности заслуживает внимания. Всего две недели спустя после Полтавской битвы, в тот день, когда началась эвакуация с Днепра пленных шведских полков внутрь России, именно 11-го июля 1709 г., „светлейший князь“ Меншиков послал Щукину следующее письмо (приводим его со всеми канцелярскими отметками):

„Господин Президентъ. По полученiі сего здѣлайте тотчас манѣту серебреную вѣсомъ въ десять ѳунтов, а на ней велите вырезать Июду на осине повѣсившаго(ся) и внизу тридесятъ сребреников лежащихъ и при них мешекъ, а назади надпись против сего: [треклятъ сынъ погибелныі Июда еже за сребролюбие давится]. И к той манѣте здѣлавъ цепь в два ѳунта, пришлите к нам на нарочной почте немедленно. Подлинное за приписью свѣтлѣйшаго князя. Из обозу от Полтавы Июля 11-го дня 1709 году... Чрез почту посолскую июля в 22 день“ (л. 338).[3]

Прошло со времени этого письма около двух недель, и Меншиков вновь напоминает Щукину о „монете“. „Господин Президент. О которой серебреной манете напред сего от нас писано (говорит он в письме от 26-го июля из Киева), о томъ нынѣ паки подтверждаемъ, дабы еѣ какъ наискоряя здѣлав прислали вы к намъ конечно немедленно“ (л. 341 и 342 об.). Августа 9-го последовало новое письмо Меншикова Щукину

---

[2] И. П. Козловский, „Первые почты и первые почтмейстеры в Моск. государстве“, т. I, Варшава. 1913, стр. 222 и сл.—Его же, „Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого“, Спб. 1911, стр. 70.

[3] В „Трудах Рязанской Ученой Архивной Комиссии“ за 1894 год, стр. 69, текст этого распоряжения Меншикова („Зделать тотчас манету... на нарочней почте немедленно“) приведен, как „указ великого государя“ 22-го июля, с рукописи конца XVIII столетия, и в конце добавлены слова: „И по тому его великого государя указу к делу той манеты отдано из Ижорской канцелярии от расходу расходчика Семена Баженова серебренаго дела мастеру Матвею Алексееву серебра ефимками четвертками и полуефимками двенадцать фунтов да на угар полфунта, итого двенадцать фунтов с полфунтом“. К сожалению, описания рукописи „из портфеля Архивной Комиссии“, откуда взят этот текст, не приведено. Указанием на него я обязан А. А. Ильину и А. В. Орешникову.

из местечка Полонного: „Господинъ Президентъ. Прежде сего чрез два письма к вамъ мы писали о дѣле болшой серебряной манеты и о скорой оной к намъ присылке, но по се число ни на единое писмо отповеди от вас не имѣемъ. Того ради еще симъ подтверждаемъ: какъ наискоряе тоѣ манету здѣлавъ, пришлите к намъ с нарочнымъ немедленно". Это письмо „за закрѣпою свѣтлѣйшаго князя" было доставлено в Москву Щукину „с куриеромъ княжимъ денщиком Давыдовым августа в 20 день" (л. 345 об.). Повидимому, Щукин действительно торопился с „монетой" не в полную меру: она была готова только через полтора месяца после получения Щукиным заказа на нее и отправлена Меншикову из Москвы 4-го сентября. Меншиков получил монету в Польше, в Торуни (Торне), вероятно, около 1-го октября. В его письме Щукину от 10-го октября из „Торуня" читаем: „Писмо ваше от 4 дня прошлого сентября из Москвы писанное и серебряную манѣту мы получили чрез подьячего Протопопова, которой отпущен к вам с сим попрежнему. Об ыномъ ни о чемъ ныне к вамъ писать нѣ имѣем" (л. 354 об.).

Какое употребление было сделано из „большой серебряной монеты", можно уразуметь из сообщения Датского посланника при Петре Великом Юста Юля о его первых свиданиях с царем в Нарве в конце 1709 года, именно в те дни 19 — 22 ноября, которые Петр провел в Нарве на обратном его пути из Пруссии и Польши в Петербург. Во время пирушки у Нарвского обер-коменданта Нарышкина Юст Юль был поражен количеством шутов, окружавших царя. „В числе прочих шутов (пишет Юст Юль) был один, по имени князь Шаховской; звали его кавалером ордена Иуды, потому что он носил иногда на груди изображение Иуды на большой серебряной цепи, надевавшейся кругом шеи и весившей 14 фунтов. Царь рассказывал мне, что шут этот—один из умнейших русских людей, но при том обуян мятежным духом. Когда однажды царь заговорил с ним о том, как Иуда-предатель продал Спасителя за 30 сребренников, Шаховской возразил, что этого мало, что Иуда должен был взять больше. Тогда в насмешку Шаховскому и в наказание за то, что он, как из его слов казалось, тоже был бы не прочь продать Спасителя, еслиб он жил в настоящее время, только за бо̀льшую цену, царь тотчас же приказал изготовить вышеупомянутый орден Иуды с изображением сего последнего в то время, как он собирается вешаться".[4]

Невозможно сомневаться, что на груди Шаховского Юст Юль видел именно ту „большую серебряную монету", которую Меншиков заказывал Щукину. И внешний вид, и размеры медали или „монеты" в описании Датского дипломата совпадают с тем, что значится в первом письме

[4] „Записки Юста Юля, датского посланника при Петре В. (1709—1711)". Перевод Ю. Н. Щербачева. М. 1900, стр. 93. (Из „Чтений Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос." 1899 г., II и III).

„светлейшего князя“: разница лишь в двух фунтах серебра. Сделанная в Москве медаль была послана Меншикову вдогонку во время его поездки из Киева вслед за Петром в Польшу, попала в его руки в Торне и, вероятно, там же была пожалована шуту Шаховскому, сопровождавшему Петра в его дипломатической поездке к союзным дворам.

3.

Князь Юрий Федорович Шаховской в кругу приближенных Петра был особой мало значительной, но заметной. По официальной лестнице московских чинов Шаховской поднялся до звания стольника и исполнял деловые поручения Петра в сфере ведомства Монастырского приказа и его начальника боярина И. А. Мусина-Пушкина.[5] Но гораздо более определялось значение Шаховского его ролью во всепьянейшем соборе (где он носил имя „архидиакона Гедеона“) и его шутовством, благодаря которому он стал любимцем Петра. От природы умный, он среди дураков и шутов царской дворни занимал особое положение. Повидимому, он играл роль распорядителя в порядке царских забав, составлял церемониал или „росписание“ святочных увеселений („славленья“), скреплял шутовские грамоты и „патенты“ от имени князь-папы и во всем таком безделии оказывался искусным и нужным человеком. Но рядом с этим у Шаховского было и еще одно назначение, о котором скажем словами князя Б. И. Куракина: он „был ума немалого и читатель книг, токмо самой злой сосуд и пьяной, и всем злодейство делал с первого до последнего, и то делал, что проведывал за всеми министры их дел и потом за столом при его величестве явно из них каждого лаевал и попрекал всеми теми их делами, чрез которой каналь (то-есть, каким путем) его величество все ведал“.[6] Шут превращался в соглядатая, шпиона и сыщика, которого сановники опасались и ненавидели. Понятно, с каким чувством в удобную минуту они показывали ему

---

[5] „Описание документов и бумаг, хранящихся в Архиве Мин. Юстиции“, кн. VIII, стр. 169 — 173. — Любопытно, что, будучи царским стольником, Шаховской в штате Ингерманландского губернатора Меншикова носил титул „ближнего боярина“ и имел „в товарищах“, то есть ниже себя, окольничего князя Ю. Ф. Щербатого и думного дворянина П. В. Бутурлина (Меншиковский архив в Библиотеке Академии Наук, 13-й картон, № 211, дело 16 августа 1710 года).

[6] „ИАН СССР“, 1926, стр. 531 — 532, 677. — „Архив князя Ф. А. Куракина“, кн. I (1890), стр. 73. Князь Б. И. Куракин отмечает, что „расписывая все выславление“, Шаховской „наживал от того себе великие пожитки“, ибо ему давали „великие подарки“ за то, чтобы попасть в число славильщиков. О том, что̀ такое „славленье“, см. „Поступки и забавы имп. Петра В.“ (В. В. Майкова). Спб. 1895 (в „Памятниках Древней Письменности“. CX); также „Записки Юста Юля“, стр. 129, и Фоккеродта в „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.“, 1874, кн. II, стр. 18—19.

свое презрение и нерасположение. Юст Юль был однажды очевидцем того, как на пирушке, в присутствии царя, „князь Шаховской, тот, что носит орден Иуды, добровольно принимал пощечины за червонцы, кто больше даст“.[7]

Не удивительно ли, что столь ничтожный и презренный человек стал предметом операции с „большою манѣтою“, что ради него учинена была деловая спешная переписка „через почту посольскую“ и с особым „курьером“, а затем посылка монеты с особым подьячим? Не странно ли, что в такую важную минуту, как ликвидация пленной шведской армии и учет громадной военной добычи, под Полтавой занимались глумлением над шутом и выдумывали для него особый орден Иуды? Знак этого ордена весил 12 фунтов серебра, что само по себе представляло значительную ценность; но это серебро нельзя было рассматривать, как награду за присутствие Шаховского на поле битвы, так как в числе награжденных за участие в бою Шаховской получил уже в награду кубок.[8] Невольно является предположение, что орден Иуды имел иное назначение, более серьезное, чем украшение шута за его случайную выходку по поводу Иудина предательства. Думаем, что здесь имелось в виду иное более реальное предательство, скорее всего — Мазепино. Петр надеялся поймать Мазепу на пути его бегства в Турцию. За ним и за Карлом XII в степь 1-го июля был послан князь Гр. С. Волконский.[9] Догнать беглецов, „Полтавских недобитков“, ему не удалось. Он дошел до Турецкой границы, в урочище Французская Криница, 28-го июля и там в этот день узнал, что турки „изменника Мазепу взяли со всем ево товарством в Бендер за караул, и он-де Мазепа зело болен“. Об этом Волконский известил Меншикова в письме от 29 июля.[10] Когда именно Меншиков получил это известие, сказать трудно. Но во всяком случае в продолжение всего июля и в августе у Петра и у Меншикова жила еще надежда, что Мазепа попадет в их руки—или захваченный в бегстве, или выданный турками. Эту надежду окончательно уничтожила кончина Мазепы, последовавшая 22-го августа 1709 года. Если орден Иуды готовили для издевательства над изменою Мазепы, то с кончиною гетмана он терял свой смысл, и попрошайка Шаховской мог получить его в дополнение к наградному кубку, как человек, не брезгавший никакою вообще подачкою.

Орден Иуды ни в натуре, ни в изображении неизвестен нашим специалистам.[11] Между тем, было бы любопытно видеть, как московские мастера

---

[7] „Записки Юста Юля“, стр. 220.
[8] „Архив князя Ф. А. Куракина“, кн. I, стр. 323.
[9] Голиков, „Деяния Петра В.“, изд. 2-е, т. XV („Грамоты и письма“), стр. 20.
[10] Меншиковский архив, „Копии с писем и реляций“, кн. 6, л. 20.
[11] Я очень обязан и благодарен А. А. Ильину за его справки об ордене Иуды.

выполнили задание Меншикова. На этом задании отразились апокрифические мотивы, связанные с Иудою-предателем, как раз в их Украинских редакциях. Меншиков помещал Иуду на осине: именно осина, в связи с разными о ней украинскими и отчасти белорусскими суевериями, представлялась наиболее приличным для предателя орудием самоубийства. [12]

---

[12] С. Соловьев, „Историко-литературные этюды. К легендам об Иуде-предателе", вып. I Харьков. 1895, стр. 78—79, 84—86.

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ ПОСТОЯННОИ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ. I (XXXIV).

МАТЕРИАЛЫ.

1. Двинская уставная таможенная откупная грамота 1560 г.

Сообщ. Н. С. Чаев.

Издаваемая ниже Двинская уставная таможенная грамота 1560 г. апреля 23, данная группе Двинян, откупивших у царских казначеев сбор тамги, судовых, померных, подъемных и др. пошлин на Колмогорах, в Емце, Уне, Неноксе, на Кулуе и в Морже, является самой ранней из изданных до сих пор Двинских таможенных грамот (см. А. А. Э., т. I, №№ 312, 338, 352). Грамота хранится ныне в собрании Постоянной Историко-Археографической Комиссии Академии Наук. Текст ее, писанный скорописью, расположен на четырех ставах, в лист (разм. 168½ снт. × 28 снт.). Верхние семь строк первого става сохранились лишь наполовину; в этой части грамота подклеена в более позднее время листом толстой бумаги.

Грамота относится к типу т. н. откупных таможенных грамот, довольно распространенному в таможенной практике Московского государства. В отношении формы она мало чем отличается от известных уже откупных грамот (ср. А. А. Э., т. I, №№ 134, 263, 312, 331, 332, 334, 335, 342, 352, 356, 362, 363, 366; Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. II, №№ 55, 56, 57 и др.). В своей основной части она только повторяет те формы, которые выработались, вероятно, еще в XV столетии (ср. с Белозерской тамож. грамотой 1497 г. — А. А. Э., т. I, № 134).

Содержание грамоты дает некоторый материал для характеристики того времени в жизни Двинского края, когда торговая деятельность в нем иностранцев, в частности англичан, появившихся на Двине в 50-х г.г. XVI ст., или еще совсем не проявилась, или если и проявлялась, то столь незаметно, что грамота не оставила об этом никаких следов. Вместе с тем из ее содержания можно предполагать об оживленной внутренней торговле края, как местной, так и иногородней. Об этом свидетельствует между прочим, и тот высокий „откуп“, который брался с откупщиков. Нельзя не отметить также, что грамота 1560 г. вообще является весьма ценной как в своем специальном значении источника для изучения таможенной политики Московского правительства в Двинском крае, так, с другой стороны, и источника для изучения его экономической эволюции, именно тех ее моментов, которые непосредственно предшествовали развитию торговых связей края с иностранцами.

1 Лѣта 7060 осьмаго апреля от двадесятъ [третьего]... до лѣта 7060 девятаго апреля двадесятъ тр[етьего]... откупили у царевыхъ великого князя казначѣевъ у Ѳедор[а Ивановича Сукина да у Хозяина Юрь]евича Тютина на Двинѣ и на Колмогорахъ и в... и в Моржу тамгу и судовыя пошлины и семежное и помѣрное... Двинянѣ Якимко Романовъ, Кондратко Савельевъ

сынъ Савунинъ, Онѳилоѳко Онтроповъ сынъ По[повъ], Матѳеико Степановъ сынъ Окулова, Степанко Васильевъ сынъ Пенекъ, Иванко Онѳимовъ... Прокофьевъ сынъ Верещагинъ, Васька Нѣверовъ, Савка Ѳедоровъ сынъ Ляскинъ, Макарко Григорье[въ] сынъ, Олексѣико Олександровъ, Ромашко Калининъ, Иванко Десницынъ, Истомка Мироновъ, Зиновко Михаиловъ сынъ Оѳутина, Гаврилко Семеновъ, Насонко Кузминъ сынъ Вислоухова, Карпикъ Ивановъ, Левка Посельского, Суморокъ Ивановъ, Степанко Вересовои, Прошко Григорьевъ, Терехъ да Ивашко Михаиловы дѣти Косицына, Неверко Ивановъ сынъ Котоминъ, Павликъ Ивановъ сынъ Вепревъ, Митка Онтроповъ сынъ Посельского, Иванко Булыга Ивановъ сынъ Котоминъ, Иванко Тимоѳеевъ сынъ Рагоза, Степанко Семеновъ сынъ Текунинъ, Ѳилипко Родивоновъ сынъ, Ивашко Исаковъ сынъ, Матюшка Михаиловъ сынъ Удальцовъ, Терешко Григорьевъ, Онисимко Онтроповъ сынъ Посельского, Васька Степановъ, Климко Васильевъ сынъ Поленовъ, Агеико Кузьминъ сынъ, Васька Космыня, Степанко Оноѳреевъ, Троѳимко Степановъ сынъ Баженинъ, Тимонка Тимоѳѣевъ сынъ, Русинко Ѳилиповъ, Первушка Кузьминъ, Тархъ Власьевъ, Сенька Скрепцовъ, Олексѣ[и]ко Онтомановъ, Васька Алексѣевъ сынъ Онтоманова. А откупъ имъ дати старои без наддачи тожъ, что было в откупу в прошломъ в шестьдесятъ шестомъ году, тысяча рублевъ да четыреста рублевъ да восмьдесятъ рублевъ да пять рублевъ. А взяти у нихъ тѣ откупные таможные деньги царевымъ [и] великого князя казначѣемъ Ѳедору Ивановичю Сукину да Хозяину Юрьевичю Тютина на срокъ на Егориевъ день вешнои лѣта 7060 девятаго апреля в дватцать третеи день. А брати имъ таможная пошлина: хто приѣдетъ с Вологды или с Устюга или откуды нибуди на Колмогоры в нас[ад]е или в дощаникѣ или в какомъ судне нибуди, и таможникомъ у нихъ имати судовые подъемные пошлины, с насаду и з дощаника, за саженые и за семежные пошлины, с тысячи по два рубля и по две гривны, а со ста пудъ по семи алтынъ и по две деньги. А которои носадъ или дощаникъ или какое судно нибуди подоиметъ больше || тысячи пудъ или меньши, и имъ имати пошлинъ по тому же розчету, а сажженного и семожные пошлины имъ нѣ имати. А Вологжане или Устюжане приѣдутъ на Колмогоры в насадехъ или в дощаникѣ или в какихъ судехъ нибуди, а оставятъ тѣ суды на зимовище, а купятъ соль на Колмогорахъ, а поѣдутъ в тѣхъ же судехъ на Устюгъ или к Вологде, и таможникомъ имати подъемные пошлины по тому же розсчету. А хто поедетъ Двинянинъ в насаде с солью с Колмогоръ к Устюгу или к Вологде, и имъ имати у Двинянина з большого носаду по дватцати алтынъ, а с середнего по полтине, а с меньшего по четыре гривны. А хто поедетъ с Колмогоръ Вологжанинъ или Двинянинъ или Устюжанинъ в верхъ в насаде в гребномъ в какомъ нибуди без соли или без товару, и с тѣхъ судовъ пошлинъ и семожного не имати. А хто приедетъ с Ваги и со всего Подвинья в насаде на Колмогоры, и имъ имати з большого насаду по дватцати алтынъ, а с середнего по полтине, а с меньшего по

четыре гривны. А хто приѣдетъ из Корелы и из Новагорода и из Заморья в лодьяхъ на Колмогоры, и имъ имати с лодьи по дватцати алтынъ да по две семги, а с меньшие лодки по десяти алтынъ да по две семги жъ; а за семгу имати деньгами по алтыну. А с тѣхъ насадовъ и судовъ имати пошлины московскими деньгами в московское число. А хто учнетъ давати навгородцкими деньгами, и имъ имати ноугородцкая деньга за две деньги московские жъ. А хто приѣдетъ на саняхъ, или верхомъ приѣдетъ или пешъ придетъ на Колмогоры и вь Емцу и в Уну и в Неноксу с Подвинья и с Ваги, изо всеѣ Ноугородцкие земли и изо всеѣ Московские земли, и имъ имати с нихъ явки с верховного человека с одного по две бѣлки, а с пешеходовъ имати по бѣлке. А с Колмогорцовъ и сь Емчанъ и с Унянъ и с Нѣнокшанъ явки имъ нѣ имати. А хто Двинянинъ иногородецъ [и] исо всѣхъ горо[до]въ и изо всѣхъ волостеи Ноугородские земли, хто купитъ соль или продавъ звѣситъ, и пудовщикомъ имати с продавца со ста бѣлъ по бѣлке вѣсчего, а с купца по бѣлке же. А бѣлка имати ходячая, деньги в две московскихъ. А хто купивъ или продавъ взвѣситъ воскъ или медъ или икру или мѣдь или свинѣцъ или олово или масло или сало, и пудовщикомъ имати со ста бѣлъ вѣсчего: с продавца полбѣлке, а с купца полбѣлке же. А пудовщикомъ и ихъ робятомъ[1] у купца и у продавца ихъ товару не вѣсити; а вѣся[тъ] товаръ свои сами или кого себѣ третьего излюбятъ. А хто продасть или купитъ крухъ воску без весу или кадь меду или икры или сало или масла или мѣдь или олово или свинцу или иного которого товару весного
3 бѣз весу на двѣсте бѣлъ, или хто учнѣтъ соль продавати в пудъ без весу ‖ , а не в ихъ таможнои пудъ, ино [и]мати на нихъ заповеди: на продавце сто бѣлъ, а на купце другая сто бѣлъ; сто бѣлъ взяти намеснику, а другая сто бѣлъ взяти пудовщикомъ. А за бѣлку ходячюю взяти по две деньги московскихъ. А хто купитъ или продастъ какова товару весного без весу боле двухсотъ белъ, и имъ имати заповеди на нихъ: на продавце сто бѣлъ, а на купце другая сто бѣлъ; намѣстнику сто бѣлъ, а другая сто бѣлъ взяти пудовщикомъ. А хто про[да]сть или купитъ какова товару весного без весу меньше двухсотъ бѣлъ, и наместникомъ и пудовщикомъ имати на нихъ заповеди на купце и на продавцѣ только бѣлъ, на ко[ль]ко продалъ; половина взяти на продавце, а другая взяти на купце; половина взяти намѣстнику, а другая половина взяти пудовщикомъ. А хто продасть или хто купитъ какова товару весного без весу меньше пятинатцати бѣлъ, и имъ того пудовщикомъ нѣ являти, а пудовщикомъ у нихъ с того вѣсщего товару и заповеди нѣ имати. А померное имати со ржи и со пшеницы и с овса и с солоду и с конопели и з гречюхи и з гороху и з засны и с толокна и со всякаго жита и с хм[е]лю; и со всего того имати с четырехъ четвертѣи московскихъ по полубѣлке. А с репы имати с четырехъ четвертеи москов-

[1] В рукоп.: „робатом“.

скихъ помѣрного четверть бѣлки. А мѣрити имъ всякое жито в осмину в пятенную. А будетъ больши или меньши четырехъ четвертеи, и имъ имати по росчету. А померное имати на продавцѣ, а на купцѣ помѣрного нѣ имати. А хто продасть всякаго жита и хмелю или репы без меры воза два или три, или хто купитъ нѣ в ихъ пятенную мѣру, ино с нихъ заповеди имати: на продавцѣ сто бѣлъ, а на купце другая сто бѣлъ; сто бѣлъ взяти намеснику, а другая сто бѣлъ взяти пудовщикомъ. А хто продасть всякого жита четыре четверти московскихъ или восмь четвертеи рѣпы, а не явя помѣрщикомъ, или хто учнетъ продавати или купити не в ихъ пятенную мѣру, ино с нихъ заповеди взяти сто бѣлъ: пятьдесятъ бѣлъ взяти на продавцѣ, а дру[га]я пятьдесятъ бѣлъ взяти помѣрщикомъ. А хто продасть всякаго жита и хмелю болѣ дву четвертеи, а меньше четырехъ четвертеи или меньше двухъ четвертеи, или репы четырехъ четвертеи, а меньши осьми четвертеи или меньши четырехъ четвертеи, не явя померщикомъ, и помѣрщикомъ имати протаможье по тому же розсчету, какъ емлютъ протаможье с четырехъ четвертѣи московскихъ с хлѣба и с хмелю и с репы с осьми четвертеи. А хто продасть всякаго жита меньши осьмины московские
4 и рѣпы || меньше четверти московские, и имъ того помѣрщикомъ не являти, а помѣрщикомъ у нихъ с того помѣрного нѣ имати. А пятно имъ имати: хто купитъ лошадь или продастъ, и таможникомъ имати с лошади: с купца по деньге, а с продавца имати по деньге же. А хто лошадь менитъ, и с тѣхъ таможникомъ имати с купца и с продавца по две деньги с лошади. А хто купитъ лошадь или продастъ или хто смѣняетъ, а таможникомъ нѣ явя. и на техъ людехъ имати заповеди по два рубля: рубль намѣснику, а другои рубль таможникомъ. А которои приставъ учнетъ заповедь правити, и тому приставу четырехъ алтынъ не имати, а имати ему во всякои заповеди хоженое. А подъемная пошлина имати имъ въ Двинском уезде: на Колмогорахъ на посадце да на волоку у Николы да на Кулую у соли на посадце да в Неноксе да на Уне да на Луде. А хто учнетъ продавати и купити рогозинами и кадьми и крухи и возомъ и пудомъ в вѣсъ соль и масло и сало и медъ [и] воскъ и рыбу и всякои весчеи товаръ, и имъ тотъ товаръ подымати под оба конца; а имати имъ подъемного со всякаго вѣсчего товару с обеихъ концовъ, с конца по полуденьге, а з другово конца по полуденьги же со всякаго подъему, имати имъ подъему с обѣихъ концовъ с купца и с продавца по половинамъ, а больши имъ того нѣ имати. А хто учнетъ на Колмогорахъ и на волоку и на Кулую и в Неноксе и в Унне и на Луде купить и продавати в розвесъ меньше пуда, полупудомъ и полубезменомъ или гривенкою, и имъ с тѣхъ с купца и с продавца подъемного не имати. А опричь тѣхъ Двинскихъ таможниковъ, которые откупили подъемную пошлину, не подымати никому никоторого весчего товару. А хто учнетъ которои вѣсчеи товаръ мимо тѣхъ откупщиковъ подымати самъ или свои казаки, и на тѣхъ людехъ имати протаможье по таможнои грамоте; а того прота-

можья имати половина намѣсникомъ, а другая половина подъемнымъ откупщикомъ имать. А имати имъ судовая пошлина и людцкая пошлина и семежное и пудъ и пятно и померное и подъемную пошлину с царевыхъ и великого князя сельчанъ и со царицыныхъ великие княгины сельчанъ и с митрополичьихъ и со владычныхъ и со княжихъ и з боярскихъ и с манастырскихъ и з грамотчиковъ, с тѣхъ, которые грамоты на царево и великого князя имя в лѣта 7050 девятомъ году в мае нѣ подписаны, и со всехъ без омѣны чеи хто нибуди. А подписалъ царевъ и великого князя дьякъ Третьякъ Митрофановъ.

На обороте: [Дьякъ] Третьякъ Митрофановъ.

---

2. Новые материалы о движении Степана Разина.

Сообщ. Б. Д. Греков.

В разное время, начиная с 1836 года, Археографическая Комиссия издавала материалы, касающиеся движения Степана Разина, помещая на страницах своих изданий то отдельные документы, то целые группы их.

В виду интереса к этому историческому сюжету, с одной стороны, и желания итти навстречу новым научным запросам в этой области — с другой, Постоянная Историко-Археографическая Комиссия печатает еще одну серию источников на ту же тему в убеждении, что они не только могут сообщить несколько новых бытовых штрихов в указанном явлении, но вместе с напечатанными раньше документами значительно увеличивают материал для более широкого освещения всего вопроса и, в частности, для наблюдений над социальным составом активных участников движения. Не случайность, что из 70 приблизительно лиц, о которых даются в предлагаемых документах новые сведения, из принимавших участие в движении нет ни одного человека более или менее привилегированного положения: если не считать одного священника, вся активная масса — это: стрельцы, холопы, гулящие люди, работники на волжских судах и их жены. Разность в отношениях к движению различных слоев населения особенно ярко бросается в глаза из документа № I.

Большая часть этих материалов (№№ I, V — XI) найдены среди актов Астраханского Губернского Правления, поступивших в Комиссию в 1841 г., при поверке в 1926 г. наличности их мною и сотрудником Комиссии В. Г. Гейманом. № IV взят из актов собрания П. М. Строева, среди которых имеется еще несколько номеров (по описи М. Г. Курдюмова №№ 639, 642, 643, 650, 652 — Летоп. Зан. Археогр. Ком., в. XIX), касающихся этого же вопроса; они не печатаются в настоящем издании, так как нового ничего не дают (Ср. А. А. Э., т. II, № 185; Доп. къ А. И., т. VII, № 12). № II найден в собрании П. Я. Словцова, а № III, приговор по делу Разина, без начала, отыскан А. И. Андреевым в Москве, в собрании актов Московского Общества Истории и Древностей Россійских.

Что касается приговора по делу Разина, то печатаемый текст требует некоторых комментариев. Приговор в подлиннике пока не найден. Имеются только две копии, обе неполные. Одна из них, у которой не хватает первой половины текста, принад-

лежит б. Московскому Архиву Министерства Иностранных Дел (Донск. дела 1671 г. № 2) и напечатана у А. Попова, („Материалы для истории возмущения Стеньки Разина", М. 1857 г., стр. 231 — 235). Другая, современная приговору, принадлежит Московскому Обществу Истории и Древностей Российских и заключает в себе большую часть текста (почти три четверти его); в ней немало ошибок и неправильно прочитанных переписчиком мест, которые в тех случаях, когда позволяла возможность, исправлены. В виду того, что недостающая часть текста приговора очень незначительна, в интересах удобства исследователя, в настоящем издании приводится текст полностью, причем недостающая начальная часть его переведена редактором с немецкого текста, который, в результате сличения всех иностранных текстов, оказался наиболее близким к русскому оригиналу. Переводы приговора на иностранные языки, сделанные в 1671 или 1672 гг., т.-е., непосредственно после его произнесения, известны нам следующие: 1. немецкий — „Kurtze doch warhafftige Erzählung von der blütigen Rebellion in Moscau"... Emden. 1671. 2. голландский — „Kort waerachtigh Verhael van de bloedige Rebellye in Moscovien aengerecht door den grooten Verrader en Bedrieger Stenko Rasin Donsche Cosak. Haerlem". 1671. 3. английский — „A relation concerning the particulars of the rebellion, lately raisend in Moscovy by Stenko Rasin... Savoy", 1672. С английского сделан перевод 4. французский — „Relation des particularités de la rebellion de Stenko Rasin...". Traduit de l'anglois par C. Desmares. Paris. 1672. Из более поздних переводов известен перевод на немецкий язык Weber'a в его книге „Das veränderte Russland..." Leipzig 1738 (SS. 317 — 323), сделанный безусловно с русского оригинала, в чем легко убедиться, сличив перевод с оригиналом. Английский текст был переведен на русский язык А. Станкевичем (Чтения Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1895, кн. III.) Сличение этих переводов с русским оригиналом приводит к убеждению, что самый близкий к подлиннику перевод сделан немцами, Weber'ом и неизвестным нам переводчиком („Kurtze doch warhafftige Erzählung..."), каждый из которых делал свою работу самостоятельно. В качестве примера различной степени точности переводов, напр., привожу перевод царского титула: по-французски — „... Grand-Czar Al. Mich., Empereur et Deffenseur de la grande etc...", по-английски, судя по обратному переводу А. Станкевича, было то же: „...великому царю А. М., повелителю и защитнику (Denfendor) великие..", по-немецки — совершенно точно: „... Gross Herr Tzar und Gross fürst A. M., des grossen... Russlands Selbst-Erhalter etc.". И в других случаях наблюдаем то же: французский и английский переводчики, очевидно, не знали, что делать с встретившимися им словом „насадами" и передали этот термин собственным именем Nasaisky, немцы точно перевели „die Nasaden" и т. д. Оба немецкие текста сличены, но при переводе на русский язык в основу положен текст Weber'a. В предлагаемом переводе сделана попытка хотя бы отчасти соблюсти терминологию русского текста, поэтому слово „Schelm" переводится не „злодей", как у Станкевича, а „вор", как в уцелевшей части русского оригинала; на таком же основании употреблен термин „бить челом" и т. п.

Документы, найденные среди актов, поступивших в Комиссию из Астраханского Губернского Правления, очень ветхи, очевидно, были когда-то подмочены, потому что бумага их почти совсем истлела, чернила частью, а иногда и совсем выцвели. Издать этот материал Комиссия считала полезным также в целях спасения их содержания, так как на долговременность существования подлинников, несмотря на ряд принятых мер к их сохранению, рассчитывать нельзя. Состоянием подлинников объясняются и пробелы в печатаемом тексте.

В заключение, прилагаю перечень печатаемых документов:

№ I. 1667 г. Дело о нападении Степана Разина на партию ссыльных по пути их из Казани в Астрахань и о переходе ссыльных на сторону Разина. № II. 1671 г.

апреля 12. Память Тобольского воеводы князя Ивана Репнина с товарищами Тюменскому письменному голове Ефиму Козинскому о принятии мер к поимке сообщников Степана Разина и задержании его „воровских писем“. № III. 1671 г. июня 6. Приговор по делу Степана и Фрола Разиных. № IV. 1671 г. ранее июня 7. Грамота Новгородского митрополита Питирима архимандриту Тихвинского монастыря Ионе о содержании в земляной тюрьме „роспопа Тимошки“, осужденного за участие в движении Степана Разина. № V. 1672 г. мая — августа. Дело о поимке и допросе „воров“ Пашки Трубача, Алешки Борисова и Ивашки Грехова. № VI. 1672 г. июня — июля. Дело об есауле Алешке Рте, осужденном за участие в бунте Степана Разина. № VII. 1672 г. июля 14. Поручная запись разных лиц по Марье Мартыновой дочери Киреевой в том, что она явится в суд и до суда никуда не сбежит. № VIII. 1672 г. июля 18 — 20. Челобитная вдовы Дуньки Левонтьевой о своей дочери Дуньке Петровой, муж которой осужден за участие в бунте Степана Разина, и допрос Дуньки Петровой. № IX. 1672 г. июля 27. Поручная запись разных лиц по Степаниде Ивановой жене Оссохиной в том, что она не будет укрывать у себя „воровских людей“. № X. 1672 г. Допросы разных лиц, обвиняемых в участии в бунте Степана Разина. № XI. Без даты. Две челобитные боярина Петра Прозоровского: 1. на Астраханских казаков, пограбивших его „животы“, 2. о возвращении ему его „животов“, находящихся у жены „атамана Васьки Уса“.

1. 1667 г. — Дело о нападении Степана Разина на партию ссыльных по пути их из Казани в Астрахань и о переходе ссыльных на сторону Разина.

1. Господамъ: князю Ивану Ондрѣевичю, Ивану Ѳедоровичю, Якову Ивановичю, Ивану Гавриловичю, Григорью Кузьмичю Григорей Куракинъ, Михайло Головинъ, Артемей Козловъ, Романъ Табунцовъ челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, господа, во 175 году въ розныхъ месяцехъ и числехъ по указу великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя Росіі самодержца, присланы съ Москвы въ Казань ссыльные розныхъ чиновъ люди; а ис Казани велено послать въ Астарахань; а хто имяны ссыльные люди, имъ роспись подъ сею отпискою. И тѣ ссыльные люди посланы ис Казани въ Астарахань съ Астараханцомъ съ Кузьмою Кереитовымъ. И какъ Кузьма Кереитовъ [1] съ ссыльными людьми въ Астарахань приедетъ, и вамъ бы, господа, въ приеме тѣхъ ссыльныхъ людей у Кузьмы Кереитова учинить по указу великого государя; да о томъ, господа, велѣть къ намъ отписать. [2]

На обороте: Господамъ: князю Ивану Андрѣевичю, Ивану Ѳедоровичю, Якову Ивановичю, Ивану Гавриловичю, Григорью Кузьмичю.

175 года июня въ 11 день подалъ отписку Астараханецъ Кузьма Кареитовъ ‖ .

---

[1] О нем см. Попов, „Материалы“, стр. 22.

[2] Ко второй партии ссыльных, перечень которых помещается ниже, приложена отписка такого же содержания, как и печатаемая, с некоторыми незначительными вариантами; существенно только дополнение в конце текста, отсутствующее в печатаемом тексте: „Да на [с]сылъ же дано Кузьме девятеры кайдала“.

2. Роспись ссыльнымъ людемъ, которыхъ велено сослать ис Казани въ Астарахань и на Терекъ.

Въ Астарахань: Розрядного приказу подьячей Ондрей Наумовъ, у него два человека; Астараханские беглые стрельцы: Мишка Поярковъ, Васька Дворяшинъ, Астараханецъ новокрещенъ Ивашко Армянинъ з женою.

На Терекъ: Данилова полку Краѳерта салдатъ Ѳедька Малаѳеевъ, Семенова приказу Челюсникина стрелецъ Васька Давыдовъ, гулящей человекъ Гришка Ивановъ сынъ Ржевской.

На обороте: Писалъ Стенька Ивановъ.

3. Роспись ссыльнымъ людемъ *(второй партии)*.

Въ Астарахань: Артемонова приказу Матвѣева стрелецъ Сенька Артемьевъ.

На Терекъ: Ондрѣева приказу Коптева стрелецъ Минка Исаевъ, Иванова приказу Зубова стрелецъ Омелька Митрофановъ, Терские бѣглые стрельцы: Демка Семеновъ, Митька Назарьевъ ||.

4. И бояринъ и воеводы: князь Иванъ Ондреевичъ Хилковъ, Иванъ Ѳедоровичъ Бутурлинъ, Яковъ Ивановичъ Безобразовъ, дьяки: Иванъ Ѳоминъ, Григорей Богдановъ, слушавъ великого государя грамоты и казанские отписки, велѣли Астараханца Кузьму Кареитова о ссыльных людехъ, которые посланы съ нимъ Кузьмою ис Казани въ Астарахань и на Терекъ допросить. И Астараханецъ Кузьма Кареитовъ въ допросе сказалъ: въ нынешномъ-де во 175 году посланы ис Казани ссыльные люди въ Астарахань и на Терекъ съ нимъ Кузьмою. Въ Астарахань: Розрядного приказу подьячей Ондрей Наумовъ да съ нимъ два человека ево Ондрѣевы, да Артемова приказу Матвѣева стрелецъ Сенька Артемьевъ, да Астараханские бѣглые стрельцы: Мишка Поярковъ, Васька Дворяшинъ, да новокрещенъ Ивашко Арменинъ з женою; да на Терекъ: Данилова полку Краферта салдатъ Федька Малаѳѣевъ, Андрѣева приказу Коптева стрелецъ Минка Исаковъ, да Терские бѣглые стрельцы: Демка Семеновъ да Митька Назарьевъ, Иванова приказу Зубова стрелецъ Омелька Митрофановъ, Семенова приказу Челесникова стрелецъ Васька Давыдовъ, да гулящей человекъ Гришка Ивановъ Ржевской; и те ссыльные люди ѣхали съ нимъ Кузьмою ниже Саратова до урочища Каравайныхъ горъ, и въ техъ-де урочищахъ на[пали] на нево Кузьму воровские казаки, атаманъ || Стенька Разинъ съ товарыщи, а съ нимъ воровскихъ казаковъ сотъ съ семь, и те-де воровские казаки ево Кузьму пограбили и разорили совсемъ безъ остатку, а техъ-де ссыльныхъ людей, которые посланы съ нимъ Кузьмою ис Казани, взяли къ себе на струги, и кайдалы на нихъ разбили, и пометали въ воду, а иные взяли съ собою и говорили тѣмъ ссыльнымъ людемъ: хто-де хочетъ итти съ ними, воровскими казаками, охотою, а неволею-де они никово съ собою не емлютъ; и ис тѣхъ-де ссыльныхъ людей пошли къ нимъ, воровскимъ казакамъ, своею охотою: Московской стрелецъ Сенька Ортемьевъ да Аста-

раханские стрельцы: Мишка Поярковъ, Васька Дворяшинъ, да салдатъ Федька Малаѳеевъ, Ондрѣева приказу Коптева стрелецъ Минка Исаковъ, да Терские бѣглые стрельцы: Митька Назарьевъ, Омелька Митроѳановъ, Московской стрелецъ Васька Давыдовъ, да гулящей человѣкъ Гришка Ржевской, [1] да Саратовскихъ стрельцовъ, которые провожали его Кузьму, два человека, да подьячева Ондрѣя Наумова ево дворовыхъ людей два жъ человека, да ево Кузьминыхъ дворовыхъ же людей четыре человека; а ныне онъ Кузьма привезъ въ Астарахань ссыльныхъ людей: Розрядного приказу подьячева Ондрѣя Наумова да новокрещена Ивашка Арменина з женою, да на Терекъ стрельца Демку Семенова; по стрельце-де Стеньке Глухомъ государеву грамоту привезъ онъ Кузьма, а ево-де Стеньку въ Казани къ себе не приимывалъ; а въ Казани-де онъ ссыльныхъ людей приималъ противъ росписей, каковы присланы подъ отписками, а ево-де Стенькина имени въ казанскихъ отпискахъ и въ росписяхъ въ отпуску въ Астарахань съ нимъ Кузьмою не написано.

5 ставов.

II. 1671 г. апреля 12. — Память Тобольского воеводы князя Ивана Репнина с товарищами Тюменскому письменному голове Ефиму Козинскому о принятии мер к поимке сообщников Степана Разина и задержании его „воровских писем“.

Лѣта 7179-го апрѣля въ 12 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, и государя благовѣрного царевича и великого князя Феодора Алексѣевича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі, и государя благовѣрного царевича и великого князя Иоанна Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі, указу память на Тюмень писмяному головѣ Ефиму Ивановичю Козинскому. Въ нынешнемъ во 179-мъ году марта въ 23 день въ государеве цареве и великого князя Алексѣя Михайловича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, грамоте писано въ Тоболескъ къ боярину и воеводамъ, ко князю Ивану Борисовичю Репнину съ товарыщи, что измѣн[ни]ки воры, Донские казаки Стенька да Фролко Разины, съ товарыщи своими, съ такими жъ ворами, забывъ православную християнскую вѣру и государево крестное целованье, всему Московъскому государству изменили и съ такими жъ воры и богоотступники, которые къ ихъ воровству пристали, обольстя Низовыхъ городовъ жителей, бездомовыхъ людей, вшедъ въ городы, боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского и иныхъ воеводъ въ Понизовыхъ городѣхъ и изъ дворянъ ||, и изъ детей боярскихъ, и изъ служилыхъ, и изъ конныхъ, и изъ пѣшихъ, и изъ жилецкихъ изъ людей боярскихъ побивали. И ис Понизовыхъ городовъ они воры, Стенька да

[1] В рукоп.: „Ржавской“.

Фролко съ товарыщи, съ такими жъ богоотступники и измѣнники, пришли къ Синьбирску и в ыные городы и къ Синбирску приступали многажды. И ис подъ Синьбирска онъ же, воръ Стенька Разинъ, съ товарыщи послали въ розные мѣста товарыщевъ своихъ, такихъ же воровъ, съ воровскими прелесными письмами на соблазнъ незнающимъ бездомовнымъ людемъ. И по тѣмъ прелеснымъ письмамъ воровскимъ незнающие[1] и бездомовные люди въ розныхъ мѣстехъ пошатались и къ нимъ воромъ, къ Стеньке Разину съ товарыщи, пристали. И бояре, и воеводы, и государевы ратные люди тѣхъ воровъ и богоотступниковъ и товарыщевъ ихъ, такихъ же воровъ, подъ Синбирскимъ и в ыныхъ во многихъ мѣстехъ многихъ побили и живыхъ поимали. И тѣ воры взяты, и пытаны, и казнены многие, и перевѣшаны, и четвертованы. А в роспросе, и съ пытокъ, и у казней тѣ воры говорили, что-де Стенька Разинъ съ товарыщи ис подъ Синбирска з бою побежали съ небольшими людьми на Донъ || и въ розные городы, а чаютъ-де, иные побегутъ въ Понизовые и въ Сибирские городы. А которыхъ городовъ люди отъ Синбирска по чертѣ и в ыныхъ городѣхъ къ ихъ воровству приставали и съ ними воравали, и тѣхъ воровъ бояре и воеводы з государевыми ратными людьми побили; и та погибель учинилась имъ отъ своево воровства. А въ которыхъ городѣхъ по ихъ воровскому возмущению изменили, и тѣ воры великимъ государемъ въ винахъ своихъ добили челомъ и воровъ и заводчиковъ, которые воровали и приставали къ воровству, приводили къ бояромъ и воеводамъ человѣкъ по сту, и по двѣсти, и по триста. И тѣ воры и заводчики казнены жъ, и четвертованы, и перевѣшаны; а тѣ люди, которые тѣхъ воровъ и заводчиковъ, поимавъ, приводили, живутъ въ домахъ своихъ попрежнему. И по указу великихъ государей велено въ Тобольску и Тобольского разряду въ городѣхъ, и въ селехъ, и въ деревняхъ учинить заказъ крепкой: будетъ ис тѣхъ воровъ хто или ихъ воровские письма гдѣ объявитца, и служилые и всякихъ чиновъ Руские люди и иноземцы тѣхъ воровъ поимавъ, приводили въ Тобольску... || велено сказать, что имъ за то великихъ государей жалованье и милость будетъ. И какъ къ тебѣ ся память придетъ, и тебѣ бъ велѣть на Тюмени и въ Тюменскомъ уѣзде въ селехъ и въ деревняхъ учинить заказъ крепкой: будетъ ис тѣхъ воровъ гдѣ объявятца, или какие воровские письма, и они бъ служилые и всякихъ чиновъ руские люди и иноземцы, служа великимъ государемъ, про тѣхъ воровъ и измѣнниковъ и про ихъ воровские письма провѣдывали накрепко, и гдѣ провѣдаютъ, и они бъ, служилые люди и иноземцы, тѣхъ воровъ, поимавъ, приводили къ тебѣ на Тюмень. А хто будетъ техъ воровъ поимавъ приведетъ, и отъ великихъ государей тѣмъ людемъ государево жалованье и милость будетъ; а ково ис тѣхъ воровъ къ тебѣ будетъ хто приведутъ, и тебѣ бъ ихъ присылать за крѣпкими приставы, и о томъ писать въ Тоболескъ къ боярину и воеводамъ ко князю Ивану Борисовичю Репнину съ товарыщи. Да къ тебѣ жъ посланы

[1] В рукоп.: „незнающимъ“.

на Тюмень съ Верхотурскимъ стрельцомъ съ Федькою Добрынинымъ во всѣ слободы къ приказщикомъ Тобольского розряду о тѣхъ же ворахъ, о Стеньке Разине съ товарыщи. И тебѣ бъ тѣ памяти у него Федьки взять и послать въ слободы тотчасъ съ нарочными гонцы, съ Тюменскими служилыми людьми; а съ кѣмъ пошлешь, и о томъ въ Тоболескъ потому жъ отписать.

На обороте: Діакъ Юрьи... — Справилъ Микиѳоръ Чаплинъ.

179-го апрѣля въ 19 день подалъ Верхотурской стрелецъ Ѳедька Добрынинъ.

4 состава.

III. 1671 г. июня 6. — Приговор по делу Степана и Фрола Разиных.

Вор, богоотступник и мятежник, Донской казак Стенька Разин! В 7175-м году ты, забыв страх Божий и милость, которую тебе оказал великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великие и Малые и Белые России самодержец, восстал против его царского величества.

Ты собрал к себе других казаков, и вы отправились на Волгу, чтобы выполнить свои злодейские замыслы. Там вы причинили многим людям великое зло, захватили нагруженные рыбой и солью насады и большие корабли патриарха, пограбили его монастыри, равно как и корабли различных купцов, и чинили подобные же насилия до самого города Астрахани.

Ты же, вор, между Астраханью и Черным Яром царского величества воеводу Семена Беклемишева, который был послан для переговоров с тобой, ограбил, бил до смерти и посадил в воду.[1] Затем ты убил сотника Московских стрельцов Сивцова (Susora),[2] который тоже был отправлен к тебе.

Когда из Астрахани были посланы на Яик воевода[3] и два полковника[4] с солдатами, чтобы договориться с тобой полюбовно, отклонить тебя от твоих злодейских замыслов и предложить тебе бить челом его царскому величеству о прощении, ты

---

[1] Несомненно, здесь разумеется Семен Беклемишев, но это место в текстах, имеющихся в нашем распоряжении, читается по-разному: в немецком — „beraubet und todt geschlagen, dernach ins Wasser geworfen“ (Weber, „Das veränderte Russland“, стр. 317), во французском — „as vollé, tué et jetté dans l'eau“ (Попов, „Материалы“, стр. 227), в английском по переводу на русский яз. А. Станкевича только „бросил в воду“. Из слов современника, Астраханского воеводы кн. И. Хилкова, видно, что Семен Беклемишев был „ограбленъ безъ остатку, и руки ему Семену чеканомъ порубили и плетьми били“, после чего, однако, Семен Беклемишев мог отправиться в Астрахань (Попов, Opus cit., стр. 24). Сажание в воду, повидимому, не всегда кончалось смертью. Ср. ниже, №№, 35, 36 (стр. 233).

[2] Никита Сивцов. А. Станкевич думает, что здесь разумеется Северов Богдан. В переводах эта фамилия названа — по-фр. Susouer, по-англ. Susover, по-нем. по Weber'y Susora, по анонимному переводу 1671 года Susoura. Из сообщения кн. И. Хилкова известно, что кн. Прозоровский послал „сотника Московских стрельцов Никиту Сивцова... к С. Разину... для уговору, и чтоб они в винах своих... добили челом...“ Сотника Никиту Сивцова (Попов, „Материалы“, стр. 76) Стенька Разин убил до смерти ночью и тело бросил в воду, между тем, как Северов, будучи во главе военного отряда, разбитого казаками, после боя отступил к Астрахани (Попов, „История возмущения“, стр. 31).

[3] Яков Безобразов. Попов, „Материалы“, стр. 26, № 10.

[4] Семен Янов и Никифор Нелюбов. Ibid.

повесил двух полковников и с Яика вышел в море, а оттуда снова на Волгу, где ты уничтожил рыбные промыслы и сжег Татарские селения.

Ты, вор, также появился у городка Терека и много зла причинил как кругом лежащим местам, так и на море, во владениях Персидского шаха, подданных которого ты пограбил, у купцов отобрал имущество и лишил их жизни. Затем ты разрушил некоторые Персидские города, отчего произошла великая ссора между государствами. Равным образом по твоему злодейскому приказанию Астраханские стрельцы убили своих полковников, присоединились к тебе и много зла учинили в различных местах.

Ты со своей шайкой забрал также корабль Персидского шаха, похитил оттуда все товары и сына Персидского купчины[1] вместе с другими персианами предал смерти, и снова учинились на море и по Волге великие грабежи, разбои и убийства.

В 7177-м году Астраханский воевода князь Иван Семенович Прозоровский снова выслал против тебя воеводу и стольника князя Семена Львова с царского величества войском, которые окружили тебя и твоих казаков и легко могли бы всех перебить, что ты, вор, со своими товарищами заметил и потому послал к воеводе двоих из своих самых приближенных казаков от имени твоего просить, чтобы его царское величество их помиловал, с предложением, что они (казаки) вернутся к себе домой и впредь никакого зла больше делать не будут, но будут служить верно царскому величеству, не будут чинить между его царским величеством и шахом Персидским больше никаких ссор, и ни на Волге, ни на Каспийском море никаких больше нападений делать не будут. На этом два казака принесли клятву, и ты послал семь человек бить челом его царскому величеству. Но с совершенной ясностью оказалось, что это была лишь ложь, которой обманули его царское величество; и хотя тогда было дозволено всем тем, кто был с тобой, идти от Астрахани на Дон в свои жилища, ты всетаки, не взирая ни на что, на своем пути по Волге, забыв оказанную царским величеством милость, произвел большие разбои, в Царицыне убил воеводу и сделал много зла.

В 178-м году ты, вор, со своими казаками, опять забыв страх Божий, отступив от святой соборной и апостольской церкви, будучи на Дону, богохульствовал против Господа нашего Исуса Христа, и запрещал строить церкви, и церковного[2]

1 пѣния пѣть не велѣлъ, и свя[щенни]ковъ з Дону збилъ, и велѣлъ венчать около березы.

Ты жъ, воръ, забывъ милостивую великаго государя пощаду, какъ тебе и товарищемъ твоимъ вмѣсто смерти животъ данъ, измѣнивъ[3] ему великому государю и всему Московскому государству, пошолъ на Волгу для своего воровства и старыхъ Донскихъ казаковъ, самыхъ добрыхъ людей, перегрибилъ и многихъ побилъ до смерти и въ воду посажалъ ||.

2 Да жильца Гарасима Овдокимова, которой посланъ былъ на Донъ съ его великаго государя милостивою грамотою х к атаману х Корнѣю Яковлеву и х казакомъ, убилъ же и въ воду посадилъ, да и воеводу, которой былъ на Дону, Ивана Хвостова, билъ, и изувѣчилъ, и ограбилъ, и от тѣхъ побой онъ умре.

---

[1] Купчина, „der oberste Kaufmann“, Мам-Гули Бек, его сын Сехамбет. Попов, Opus cit., стр. 35. Об этом сюжете ничего не говорится ни во французском, ни в английском текстах.

[2] С этого места начинается текст по рукописи Московского Общества Истории и Древн. Российских.

[3] В рукоп.: „изменникъ“.

Ты жъ, воръ, Стенька, пришедъ подъ Царицынъ, говорилъ Царицынскимъ жилецкимъ и всякимъ людямъ и вместилъ воровскую лесть, бутто ихъ Царицынскихъ жителей и ратныхъ людей идутъ сѣчь; а которые люди по государевому милостивому указу посланы были на Царицынъ имъ же на оборону, и Царицынские жители по твоей прелести своровали и городъ тебѣ здали. И ты, воръ, воеводу Тимоѳѣя Тургенева и Царицынскихъ жителей, которые къ твоему воровству не пристали, побилъ, и посажалъ въ воду и ходилъ противъ ратныхъ людей, которые сшли на службу великого государя на Царицынъ з головою стрелецкимъ с Ываномъ Лопатинымъ, и съ полуголовою Ѳедоромъ Якшинымъ и с ыными, бился, и обманомъ ихъ побилъ, и голову стре[ле]цкого Ивана Лопатина ‖ , и сотниковъ, и пятидесятниковъ, муча розными муками, посажалъ въ воду, и съ насадовъ великого государя хлѣбные запасы и промышленыхъ людей всякие товары поималъ; и съ Царицына пошолъ на Черной Яръ, и на Черномъ Яру воеводу Ивана Сергѣевского, и головъ стрелецкихъ, и сотниковъ, и стрельцовъ Московскихъ, которые посланы были для береженья насадовъ со княземъ Семеномъ, а ево вы побили до смерти. 3

А какъ ты къ Астрахани пришолъ, и ты товарищей своихъ посылалъ говорить и прельщать воровскихъ Астраханскихъ служилыхъ и всякихъ чиновъ людей, чтобъ городъ здали, и боярина и воеводу выдали, и въ городъ бы тебя пустили; и Астраханские служилые люди своровали, изменили великому государю, похотя къ твоему воровству пристать, на городъ воровъ пустили.

Ты жъ, воръ, сложась въ Астрахани съ ворами жъ, боярина и воеводу князя Семена Ивановича Прозоровского, взявъ изъ с[о]борной церкви, съ роскату бросили и брата ево князя Михайла, и дьяковъ, и дворянъ, и полковниковъ, и головъ стрелецкихъ Московскихъ, и Астраханскихъ детей боярскихъ, и сотниковъ ‖ , и стрельцовъ, которые къ воровству твоему не пристали, 4 и купецкихъ и всякихъ чиновъ Астраханскихъ жителей, и приѣзжихъ торговыхъ людей, муча разными муками, побилъ, а иныхъ въ воду пометалъ мучительски и животы ихъ пограбилъ, и по томъ мучении церкви Божии, и монастыри, и великого государя казну въ полате и въ таможне, и домы всякихъ чиновъ людей пограбилъ, а въ приказной полате дела государственные зжегъ, и такое наругательство чинилъ, чего нигдѣ не ве[де]тца, и священниковъ и иноковъ, обнажа безо всякаго стыда, и всякихъ чиновъ людей и изъ[-за] животовъ мучилъ рознымъ томлениемъ и муками, и самыхъ младенцовъ не щадилъ, и [1] шахова величества купчинъ и торговыхъ людей, и невѣровъ, и Тезиковъ, и Армянъ, и Бухарцовъ, которые жили, на время въ Астрахань приѣхали для торговыхъ промысловъ, многихъ побили и товары пограбили, съ шаховымъ величествомъ многую ссору учинили ‖ .

Ты жъ, воръ, не насытясь невинныхъ многихъ кровей и незлобивыхъ 5 младенцовъ, детей боярина князя Ивана Семеновича Прозоровскаго велѣлъ,

[1] В рукоп.: „в“.

взявъ з двора, повѣсить черезъ городовую стѣну за ноги и сверхъ того мучения одного велѣлъ казнить смертью, а другова, по многихъ мукахъ изувѣча, отдалъ къ митрополиту, не чая ево отъ такихъ мукъ жива.

А подьячихъ Астроханскихъ, которые служили великому государю, а къ твоему воровству не пристали, а были въ приказной полате, велѣлъ ты мучить страшными муками: за ребра вешать; а которые помощию Божиею отрывались, и тѣхъ велѣлъ вѣшать за многие ребра, чтобъ скончались мучительною томною смертью.

Ты жъ, воръ, въ Астрахани после побитыхъ дворянъ и головъ стрелецкихъ и детей боярскихъ, и сотниковъ, и всякихъ служилыхъ и торговыхъ людей женъ и дочерей выдалъ на поругательство богоотступникомъ, товарищемъ своимъ, такимъ же ворамъ, насильствомъ, и священникомъ
6 велѣлъ ихъ венчать || по своимъ печатемъ в неволю, а не [по] архиерейскому благословению, ругаясь святей божиі церкви и преданию святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, вменяя тоѣ тайну святаго супружества ни во что; а которые священники тебя не послушали, и тѣхъ сажалъ въ воду.

А учиня такое кровопролитие, изъ Астрахани пришолъ къ Царицыну, а съ Царицына къ Саратову, и Саратовские жители тебѣ городъ здали по твоей воровской присылке.

А какъ ты, воръ, пришолъ на Саратовъ, и ты государеву денежную казну, и хлѣбъ, и золотые, [что] были на Саратове, и дворцового промыслу всѣ пограбилъ, и воеводу Кузьму Лутохина и детей боярскихъ побилъ.

А съ Саратова пришолъ ты, воръ, къ Самаре; и Самарские жители городъ тебѣ здали и по твоей воровской присылке и умыслу и заводу, и ты государеву казну пограбилъ же и воеводу Ивана Елѳимова и Самарцовъ, которые къ твоему воровству не пристали, побилъ же ||.

7 А отъ Самары ты, воръ и богоотступникъ, съ товарыщи подъ Синбирской пришолъ, а пришедъ подъ Синбирскъ, з государевыми ратными людьми бился, и къ городу къ Синбирску приступалъ, и многие пакости починилъ, и посылалъ въ розные городы и мѣста по чертѣ свою братью съ воровскими прелесными письмами.

И писалъ въ воровскихъ письмахъ, бутто сынъ великого государя, благовѣрный нашъ царевичъ и великий князь Алексѣй Алексѣевичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі,[1] ныне живъ, и бутто по указу великого государя ты, воръ, идешь снизу Волгою къ Астрахани [2] и подъ Москву для того, чтобъ побить на Москвѣ и въ городѣхъ бояръ, и думныхъ, и ближнихъ и приказных людей, и дворянъ, и детей боярскихъ, и стрельцовъ, и солдатъ и всякого чину служилыхъ и торговыхъ людей, и людей боярскихъ, бутто

---

[1] Отсюда начинается текст, напечатанный А. Поповым в „Материалах для истории возмущения Стеньки Разина“ (изд. Рус. Беседы), М. 1857, стр. 231 — 235. Все варианты в дальнейших примечаниях взяты у А. Попова.

[2] Вместо „къ Астрахани“ у А. Попова „х казаки“.

за измѣну. А сынъ великого государя нашего, благовѣрный государь нашъ царевичъ,[1] по воле всемогущаго Бога, оставя земное царство,[2] преставися въ вѣчный покой небесного царствия, а преставление ево въ государьскихъ полатахъ при отцѣ ево ‖ , при великомъ государе нашемъ во 178-мъ году 8
генваря въ 17-мъ числѣ, а тѣло[3] погребено на Москвѣ въ соборной церкви архистратига Божия Михаила съ протчими государьскими родителями генваря жъ во 18-мъ числѣ, а погребение было при отцѣ ево, при великомъ государе нашемъ;[4] а на погребение были: святейшии патриархи Паисѣй Александрейской, Иоасаѳъ Московской со всѣмъ освященнымъ соборомъ; да не токмо преставление и погребение сына великаго государя нашего царевича[1] вѣдомо на Москвѣ въ народе, но[5] и во всѣхъ окрестныхъ государьствахъ про то вѣдомо жъ; а ты, воръ и измѣнникъ, забывъ страхъ Божий, такое великое дѣло учинилъ,[6] хотя народъ возмутить и крови пролить, чево и помыслить страшно ‖ .

Да ты жъ, воръ, вменилъ[7] всякимъ людямъ на прелесть, бутто съ тобою 9
манахъ [Никон],[8] и тѣмъ прельщалъ всякихъ людей; а Никанъ манахъ по государеву указу, по суду святейшихъ патриархъ и всего освященного собору, отъ патриар[ше]ского престола посланъ на Белоозеро, въ Ѳарапонтовъ монастырь, и ныне въ томъ монастырѣ.

Ты жъ, воръ и богоотступникъ, и единомышленники твои писали[9] воровские многие письма в полки боярина и воеводы князя Юрья Алексѣевича Долгоруково съ товарыщи къ ратнымъ людямъ, хотя прельстить на прелесть и на измѣну многихъ людей.

И будучи ты, воръ, съ своимъ съ воровскимъ собраниемъ противъ воли Божии ничево надъ Синбирскомъ не учинилъ, а милостию Божиею и пречистые Богородицы, надежды христианской, помощию[10] и заступлениемъ, молитвами дивнаго въ чюдесѣхъ преподобнаго отца Сергия, Радонежского чюдотворца ‖ , а великаго государя нашего царя и великого князя Алексѣя Ми- 10
хайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, и его государьскихъ благородныхъ чадъ, благовѣрного государя нашего царевича и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі,

---

[1] В рукописи далее следует: „полное“, что значит — вписать сюда полный титул.

[2] «Царствие».

[3] Вставлено: „его“.

[4] Далее в рукоп. ошибочно повторены слова, уже приведенные выше: „во 178-мъ году генваря въ 17-мъ числѣ, а погребение было при отцѣ его государеве, при государе нашемъ царѣ“ (полное).

[5] Нет: „но“.

[6] „Умыслилъ“.

[7] „Вмещалъ“.

[8] В рукоп.: „Никонъ“ нет.

[9] В рукоп.: „письма“.

[10] В рукоп.: „помощницы“.

и благоверного государя нашего царевича и великого князя Иоанна Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі, счастиемъ, и промысломъ и службою великаго государя ратныхъ людей подъ Синбирскомъ и во многихъ мѣстехъ ты, воръ, израненъ, и воровское твое собранье побиты многие, а ты съ небольшими людьми ушолъ на Низъ; а по чертѣ и в ыныхъ городѣхъ по твоимъ воровскимъ присыльнымъ письмамъ уклонились къ воровству, и во всѣхъ городѣхъ и мѣстехъ воеводъ и приказныхъ людей побилъ и въ воду пометалъ.

А ты, воръ Ѳролко, приставъ[1] к воровству брата своего, соединяясь съ такими[2] ворами, ходилъ, собрався, къ Украйнымъ городомъ и в ыные места, и многое разоренье чинилъ и людей побилъ.[3]

И въ той своей діявольской надежде вы, воры и крестопреступники,
11 Стенька и Ѳролко, и со единомышленники своими похотѣли || святую церковь обругать, не вѣдая милости великого Бога и заступление пресвятые Богородицы, християнские надежды, и Московскихъ чюдотворцовъ, къ царствующему граду Москвѣ и ко всему Московскому государьству, въ такую мерзость пришли, что о имени великого Бога, въ Тройце славимаго, и пресвятые Богородицы, христианские заступницы и надежды, слышать не хотѣли, уповая на дьявольскую лесть; и въ томъ своемъ воровствѣ со 175-го году по нынешней по 179-й годъ апрѣля по 14 день невинную кровь проливали, не щадя и самыхъ младенцовъ; а[4] апрѣля въ 14 день милостиею Божиею и заступлениемъ пресвятые Богородицы, християнские надежды и заступницы, и дивнаго въ чюдесѣхъ преподобнаго чюдотворца Сергия молитвами, и великого государя[5] и ево государьскихъ благородныхъ чадъ, благороднаго государя нашего [царевича и великаго князя Ѳедора Алексѣевича],[5] и благороднаго государя нашего, царевича [и великаго князя Иоанна Алексѣевича] счастьемъ и за молитвами великаго господина [святѣйшаго Иоасафа, патриарха Московскаго и всеи Русіи] и всего освещенного собору, а службою и радѣниемъ и промысломъ его великого государя бояръ, и воеводъ, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и жильцовъ, и полковниковъ рейтарскихъ, пехотныхъ головъ и полуголовъ, и сотниковъ Московскихъ стрельцовъ
12 || , городовыхъ дворянъ, и детей боярскихъ, и иноземцовъ, и службою Московскихъ стрельцовъ, и выборныхъ полковъ салдатъ, и боярскихъ людей, а вспоможениемъ[6] въ денежныхъ податяхъ[7] тѣмъ ево великого государя ратнымъ людямъ на жалованье гостей, и гостинные[8] сотенъ и

---

[1] В рукоп.: „присталъ“.
[2] Прибавлено: „жъ“.
[3] „Побивалъ“.
[4] „а“ — нет.
[5] См. примечание 1-е на стр. 213.
[6] В рукоп.: „въ таможенныхъ“.
[7] В рукоп.: „палатахъ“.
[8] Вставлено: „и суконные“.

дворцовыхъ слободъ и черныхъ сотенъ жилецкихъ людей, и всѣхъ православныхъ христіанъ вы, воры, и крестопреступники, и изменники, и губители христіанскихъ душъ, съ товарыщи своими подъ Синбирскимъ и в ыныхъ во многихъ мѣстехъ побиты жъ.

А ныне по должности[1] къ великому государю[2] службою и радѣніемъ войска Донскаго атамана Корнѣя Яковлева и всего [войска] и сами вы поиманы, и приведены къ великому государю къ Москве, и на Москвѣ въ роспросе и съ пытокъ въ томъ своемъ воровстве винились. И[3] за такие ваши злые и мерские передъ Господемъ Богомъ дела, и къ великому государю[2] за измѣну и ко всему Московскому государьству за разоренье, по указу великаго государя бояря приговорили казнить злою смертию, четвертовать,[4] а тебѣ, Ѳролку, голову отсѣчь.

12 ставов.

IV. 1671 г. ранее іюня 7. — Грамота Новгородского митрополита Питирима архимандриту Тихвинского монастыря Іоне о содержаніи в земляной тюрьме „роспопа Тимошки“, осужденного за участие в движении Степана Разина.

Благословение великаго господина преосвященнаго Питирима, митрополита Великого Новаграда и Великихъ Лукъ, сыну и сослужебнику нашего смирения Тихвина монастыря архимандриту Іоне з братьею. Въ нынешнемъ во 179-мъ году посланъ отъ насъ къ вамъ на Тихвину присылочной съ Москвы Кадомского уѣзду, что на дикомъ полѣ, вотчины Спасского Нового монастыря села Богданова роспопъ Тимошка за воровство, что онъ къ воровскимъ казакомъ присталъ, и многие воровства чинилъ, и воровскимъ казакомъ заговоры писалъ, Соѳѣйского Дому съ сыномъ боярскимъ Степаномъ Неѣловымъ да съ провожатыми. А велено вамъ того роспопу Тимошку у себя въ Тихвинскомъ монастырѣ держать въ земляной тюрьмѣ въ крепи за сторожею, и никово къ нему пущать, и чернилъ и бумаги ему давать не велено, да и того велено смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобъ онъ никуды не ушолъ и дурна никакова надъ собою не учинилъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ того роспопу Тимошку у себя въ Тихвинскомъ монастырѣ въ тюрьмѣ велѣлъ держать за крѣпкою сторожею и около той тюрьмы велѣлъ сваи вбить въ землю дубовые длинные накрепко, чтобъ

---

[1] В рукоп.: „подножествіи“.

[2] См. примечание 1-е на стр. 213.

[3] Нет „и“.

[4] На этом оканчивался текст; последние слова имеются только в нашей рукописи: ни в одном из переводов на иностранный язык этой прибавки тоже нет. Надо думать, что ее не было в приговоре. Прибавка эта, вероятно, появилась позже, в связи с отсрочкой и некоторым смягчением участи Фрола Разина, который 6 июня, после казни брата, обещал сделать новые сообщения о бунте.

ему ис тое тюрьмы нельзѣ подкопатце, и двери велѣлъ задѣлать, только бъ велѣлъ оставить одно окошечко небольшое, чтобъ ему мошно подать ѣсть и пить, и сторожемъ велѣлъ у него быть съ великимъ опасеньемъ днемъ и ночью безотступно, чтобъ онъ ис тое тюрьмы никуда не ушолъ и въ тюрьмѣ никакова дурна нат собою не учинилъ. А милость святые неизреченные премудрости Божіи и великихъ чюдотворцевъ: Никиты и Ниѳонта, епископовъ, и Иоанна, Еѳѳимия, Ионы, Моисѣя и Сераиона, архиепископовъ Новгородскихъ, и всѣхъ святыхъ молитвы и нашего смирения благословенне да есть и будетъ съ тобою всегда и во вѣки.

На обороте: Сыну и сослужебнику нашего смирения Тихвина монастыря архимандриту Ионе з братьею.

179-го июня в 7 день подалъ святительскую грамоту Соффѣйского Дому сынъ боярской Василей Михайловъ сынъ Жегловъ.

1 став.

V. 1672 г. мая — августа. — Дело о поимке и допросе „воров“: Пашки Трубача, Алешки Борисова и Ивашки Грехова.[1]

1. Господамъ: Ѳедору Ивановичю, Льву Ѳедоровичу Яковъ Одоевской, Иванъ Каркадиновъ, Василей Пушечниковъ, Степанъ Шараповъ, Петръ Самойловъ, Василей Протопоповъ челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ во 180-мъ году поѣхалъ изъ Астарахани воръ Олешка Борисовъ къ Москвѣ на государеве рыбномъ струшку промыслу Ивана Тюрченина по отпуску изъ Астарахани боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского; а по нашему, господа, розыску въ сыскномъ дѣле объяви[лось] ево Олешкино великое воровство; и вамъ бы, господа,[2] о присылке того вора Алешки[3] к намъ въ Астарахань учинить по указу великого государя ‖ .

На обороте: Господамъ: Ѳедору Ивановичю, Льву Ѳедоровичю.

2. Лѣта 7180-го июля въ 11 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Россиі самодержца, указу, память Казанцу Алексѣю Матвѣевичу Пелепелицыну. Какъ къ тебе ся память придетъ, и тебѣ бъ взять на государеве рыбномъ струшку промыслу Ивана Тюрченинова [рабо]тника, вора Алешку Борисова, и, сковавъ, прислать въ Астарахань съ провожатыми [Саратовс]кими стрельцы; и о томъ писать [въ А]старахань къ боярину и воеводе ко князю Якову Никитичю Одоевскому, къ стольнику ко князю Ивану Михайловичю Карк[одинову],

---

[1] Об Ивашке Семенове сыне Грехов см. А. И., т. IV, № 202, XCIX.

[2] Зачеркнуто: „по указу великого государя велѣть“.

[3] Зачеркнуто: „съ того рыбного струшка взять и прислать въ Астарахань для подлинного розыску съ Саратовскими провожатыми, сковавъ, тотчасъ и о томъ въ Астарахань велѣть къ намъ отписать“.

къ Василью Лаврентьевичю [Шу]шечникову, къ диякомъ: къ Степану Шарапову, къ Петру Самойлову, къ Василью Протопопову; а будетъ ты того вора Алешки съ того рыбного струшка не возьмешь и ево мимо Царицына пропустишь, и тебѣ за то[1] [по] указу великого государя быть въ жестокомъ [наказаньи]... ||

3. Лѣта 7180-го іюля въ 15 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, указу, память сотнику Московскихъ стрельцовъ Алексѣю Утѣшеву. Ѣхати ему вверхъ Волгою рекою до Саратова и, приѣхавъ на Саратовъ, подать бояр[ина] и воеводы князя Якова Никитича Одоевского съ товарыщи отписки[2] думному дворянину и воеводе Ѳедору Ивановичю Леонтьеву да дьяку Льву Савлукову; и какъ придетъ на Саратовъ стругъ промышленника Ивана Тюрченина, стругъ з государевою ры[бою], да головы Московскихъ стрельцовъ Григорья Остаѳьева съ человѣкомъ ево съ Ѳедькою Ѳедоровымъ, и ему взять у думнова дворянина и воеводы у Ѳедора Ивановича Леонтьева и у дьяка стольника князь Семеновского человѣка Львова Пашку Иванова Трубача да Олешку Борисова...[3] да провожатыхъ до Царицына и ѣхать въ Астарахань[4] и вести ихъ за крѣпкимъ карауломъ; а будетъ тотъ стругъ[5] прошелъ выше Саратова, и ему потому жъ взять на Саратове провожатыхъ || и ѣхать вверхъ Волгою рекою до тѣхъ мѣстъ, гдѣ изъѣдетъ стругъ головы Московскихъ стрельцовъ съ человѣкомъ ево съ Ѳедькою Ѳедоровымъ и рыбного промышленника Ивана Тюрченина, и взять на тѣхъ стругахъ[6] Пашку Трубача[7] да Олешку Борисова...и рухледь, что у него есть,[8] и вести ево Пашку съ собою въ Астарахань бережно за[9] карауломъ и по городомъ имать провожатыхъ, поскольку человѣкъ пригоже; а приѣхавъ въ Астарахань, явитца и[10] Пашку Трубача и Олешку[11] и про[12] рухледь объявить боярину и воеводамъ: князю Якову Никитичю Одоевскому, стольнику князю Ивану Михайловичю Каркодинову, Василью Лаврентьевичю Пушечникову, дьякомъ: Степану Шарапову, Петру Самойлову, Василью Протопопову || .[13]

---

[1] Зачеркнуто: „быть тебѣ в...“.
[2] Зачеркнуто: „подать астараханскую отписку“.
[3] Зачеркнуто: „которой на томъ стругу в гребле“.
[4] Зачеркнуто: „а того Пашку“.
[5] Зачеркнуто: „головы Григорья Остафьева“.
[6] Зачеркнуто: „стольника князь Семеновского человека“.
[7] Слова „да... Борисова“ приписаны над строкой.
[8] Вставлено над строкой несколько неразобранных слов.
[9] Зачеркнуто: „крѣпкимъ“.
[10] Зачеркнуто: „про“
[11] Зачеркнуто: „бача“. Слово „Олешку“ написано над строкой.
[12] Зачеркнуто: „ево“.
[13] Имеется вариант этой памяти без упоминания Алешки Борисова.

4. Июля въ 29 день по указу великого государя [сотн]икъ Московскихъ стрельцовъ Алексѣй Утѣшевъ принялъ на дороге на Волге рекѣ на Болыклиевско[мъ] водоворотѣ двухъ человѣкъ колодниковъ: Пашку Трубача съ товарищомъ ево Ивашкою Семеновымъ Грѣховымъ, [у] Астраханскихъ стрельцовъ, у Гришки Павлова съ то[ва]рыщи; а рухляди у нихъ никакой нѣтъ. Въ томъ я Алексѣй [е]му Гришкѣ Павлову и росписку далъ. А росписку писалъ головы Московскихъ стрельцовъ Володимѣрова приказу Даниловича Воробьина сотеной Ивашко Андрѣевъ по ево Алексѣеву вѣлѣнью ‖ .

На обороте: 180-го августа въ 9 день, взять...

5. Трубача Пашкина жена Иванова Анютка Ѳедорова дочь въ роспросе сказала: мужъ-де еѣ Пашка поѣхалъ къ Москве на третей недѣле по Пасце головы Московскихъ стрельцовъ Григорья Остаѳьева на стругу; а слышала-де она отъ Григорьева человѣка Остаѳьева отъ Мишки, а чей сынъ, того не вѣдаетъ, а въ лицо ево знаетъ, что мужъ еѣ Пашка Григорью Остафьеву билъ челомъ въ холопство, а [онъ]-де Мишка и ныне въ Астарахани у Григорья Остаѳьева.

6. А Григорей Остаѳьевъ сказалъ: Трубачъ-де Пашка къ нему въ холо[пи] не бивалъ челомъ, и онъ ево къ себе не приимывалъ, а что-де Пашки[на] жена Трубача Анютка [сказала], что мужъ еѣ Пашка [былъ въ холоп]стве у него Григорья [Остафьева], и онъ-де про то не вѣдаетъ... Трубачъ Пашка нанялся [въ] работники, а человѣкъ у него... есть, а только бъ-де Пашка... билъ челомъ, и онъ бы-де и жену ево... вмѣсте.

7... и того Пашку Трубача, и Ивашку Грехова выше Царицына взялъ сотникъ Алексѣй Утешевъ къ себе на стругъ и привезъ съ собою на Саратовъ, а съ Саратова повезъ къ вамъ, господа, въ Астрахань августа въ 8 день; и о поимке тѣхъ воровъ Пашки Трубача, Ивашки Грехова и Олешки Борисова и о посылке ихъ въ Астарахань мы съ Саратова къ вамъ прежъ сего въ техъ числехъ, какъ они посланы, въ Астрахань писали ‖ .

8... стрелецъ Аѳонасьева приказу [Л]евшина Васька Ивановъ Батракъ распрашиванъ, а въ роспросе сказалъ: по Пашке-де Трубаче онъ въ работе, [ч]то ему Пашке итти на судне головы Московскихъ стрельцовъ Григорья [О]стаѳьева до Лыскова, [онъ] Васька ручался и порукою по нему [пи]сался потому, какъ-де Астарахань бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославской принялъ, и онъ-де съ нимъ съ Ваською спознался, а сказывался-де онъ Астараханскимъ стрельцомъ, а взялъ-де онъ найму за роботу рубль; а жена-де и дѣти того Пашки и ныне въ Астарахани; потому-де ему Пашке и вѣрить.

Другим почерком: Отъ роспросу стрельца Ваську Иванова велено беречь въ приказной полате приставу Ѳильке Мокѣеву Москвитину.

Третьим почерком: Григорей Остаѳьевъ человека своево Мишку взялъ и руку приложилъ.

На обороте: Къ сему роспросу вместо Васьки Иванова по ево веленью площадной подьячей Оська Матвеевъ руку приложилъ.

8 ставов.

VI. 1672 г. іюня — іюля. — Дело об есауле Алешке Рте,[1] *осужденном за участие в движении Степана Разина.*

1. 180-го іюня въ 10 день въ Астрахани въ приказной полатѣ передъ бояриномъ и воеводами: перед княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ, передъ стольникомъ передъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Каркодиновымъ, передъ Васильемъ Лаврентьевичемъ Пушечниковымъ, да перед дьяки: передъ Степаномъ Шараповымъ, передъ Петромъ Самойловымъ, передъ Васильемъ Протопоповымъ, Ивана Тимофѣева сына Владычкина человѣка ево Олешкина жена Борисова Манька Яковлева дочь роспрашивана, а въ роспросе сказала: родомъ-де она Касимова города, отецъ-де еѣ Казимко служилъ во дво[ре] у Касимовского царевича, и царевичъ-де отца еѣ и мать и еѣ Маньку изъ двора отпустилъ тому лѣтъ з десять и пріѣхалъ съ ними въ Астарахань, и въ Астарахани-де отецъ еѣ и мать померли, а она после ихъ крестилась в православную християнскую вѣру и вышла замужъ || [Ка]зинскаго царевича за человѣка ево за Максимка Иванова, прозвище Слока, а тотъ-де мужъ еѣ Максимко поѣхалъ изъ Астарахани къ Москвѣ тому лѣтъ съ пять и съ Москвы не бывалъ, а она-де Манька вышла замужъ вора Стеньки Разина за товарыща за казака за Олешку Борисова тому другой годъ; и въ нынешнемъ-де во 180-мъ году въ маѳ мѣсяце въ последнихъ числехъ мужъ еѣ Олешка поѣхалъ къ Москвѣ на государеве рыбномъ насаде промыслу Ивана Туркина, по отпуску боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского и по подписной челобитной, а на убивстве-де преосвященного Иосифа, митрополита Астараханского и Терского, стольника князь Семена Львова, ... Олешка былъ или нетъ, того она не вѣдаетъ, потому что она была въ тое пору во вдовахъ; а противъ-де боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского съ товарыщи на вылоскахъ онъ Олешка былъ и великого государя съ ратными людьми бился; а какъ боярин и воевода Иванъ Богдановичъ Милославской пришелъ въ Астарахань, и мужъ еѣ Олешка данъ былъ на поруки, чтобъ ему изъ Астарахани никуды не съѣхать; а хто по немъ порутчики были, того она не ведаетъ; а дѣло было въ приказной полате у подьячего у Ивана Кононова; а выдалъ-де еѣ замужъ за того Олешку воръ атаманъ Васька Усъ сильно; а мужъ-де Олешка беглой человѣкъ Ивана Тимофѣева сына Владычкина; и первая-де ево Олешкина жена и нынѣ на Москвѣ во дворѣ у Ивана Владычкина.

Съ роспросу жонка Манька велѣно держать в ызбушке за карауломъ Московскимъ стрельцомъ Иванова приказу Воложина... ||

[1] О нем же см. А. И., т. IV, № 202, LXVII.

2. 180-го іюля въ 23 день въ приказной полате боярину и воеводе князю Якову Никитичю Одоевскому извещалъ полуголова Московскихъ стрельцовъ Василей Володимеровъ: іюля въ 22 день, на первомъ часу ночи, пришли-де къ нему Василию на дворъ, гдѣ онъ стоитъ, Львова приказу Секѣрина сиповшики: Ѳетька Колпаковъ, Ивашко Белобѣковъ, а сказали ему: какъ-де бояринъ и воеводы князь Яковъ Никитичъ Одоевской съ товарыщи пришли въ Астарахань, и они-де, сиповшики, поставлены на дворъ ко вдовѣ, а какъ ее зовутъ, того не знаютъ; а у той-де вдовы во дворе живетъ невѣдомо какой человѣкъ, а з двора никуды не хаживалъ, только-де выходилъ ввечеру поздо да по утру рано на дворъ тайно; а та-де вдова называла того человѣка себѣ сыномъ, а сказывала тѣмъ сиповшикамъ, что онъ боленъ. И по тому-де ихъ извѣту онъ Василей, къ той вдовѣ на дворъ пришедъ, и того человѣка взялъ и привелъ въ приказную полату; а какъ-де онъ Василей къ той вдовѣ на дворъ пришолъ, и онъ ее спросилъ, какой больной человѣкъ у нее лежитъ; и она, вдова, ему Василью сказала, что тотъ человѣкъ изъ Верховыхъ городовъ посадцкой человѣкъ, Ѳедькою зовутъ, а чей сынъ и которого города, того не сказала, а лежитъ-де у ней тотъ человѣкъ... ||

3. ...[Аста]раханской стрелецъ Сенька Григорьевъ, а въ чьемъ приказе былъ, того она не вѣдаетъ; а которого-де человѣка у неѣ вчера ввечеру взяли, и того человѣка Алешкою зовутъ, Кириловъ сынъ, и въ воровствѣ съ воромъ Стенькою Разинымъ былъ и женился у неѣ брата еѣ Васьки Бровкова на женѣ, на вдовѣ Анютке, тому другой годъ, и жилъ все у неѣ во дворѣ, и былъ у воровъ у Васьки Уса и у Ѳедьки Шолудяка ясауломъ; и какъ-де бояринъ и воеводы князь Яковъ Никитичъ Одоевской съ товарыщи пришолъ въ Астарахань, а тотъ-де Алешка съ тое поры занемогъ и лежалъ у ней боленъ; а какъ перепищикъ дворы и людей переписывалъ, и она-де Степанидка ево Алешку изъ Верховыхъ городовъ посадцкимъ человѣкомъ не называла, а сказала про него у переписки, что онъ Астараханской стрелецъ, и сиповшикомъ Ѳедьке и Ивашке не сказывала, что онъ Алешка ее сынъ, а Ѳедькою ево называла по ево-де Алешкину веленью. А іюня въ 22 день приходили х тому Алешке три человѣка: Московской стрелецъ Мокѣйко Семеновъ, да боярина Ивана Богдановича Милославского человѣкъ Петровской, а какъ ему имя, и третей человѣкъ какова чину и какъ ево зовутъ, и для чего они х тому Алешке приходили, и долго ль сидѣли, того не вѣдаетъ, потому что ее Степанидки въ тое пору дома не было; а жилъ-де тотъ Алешка у ней Степанидки въ дому не въ похо... ||

4. А Григорьева приказу Остаѳьева стрелецъ Мокѣйко Семеновъ въ роспросе сказалъ: іюля въ 22 день въ вечеръ ко вдовѣ къ Степанидке Иванове дочери на дворъ приходилъ для того: бранилъ-де ево, Мокѣйка, того жъ приказу стрелецъ Олешка Ѳедоровъ, а слышала-де то та вдова Степанидка, и онъ Мокѣйко ей говорилъ, что онъ въ томъ на неѣ учнетъ

слатца, и она бъ сказала правду, а Олешка Ротъ былъ тутъ же, и Олешке-де Рту онъ Мокѣйко говорилъ, чтобъ онъ ныне вскоре не казался, а больши-де того съ тѣмъ Олешкою речей не говаривалъ, и товарищевъ съ нимъ Мокѣйкомъ никого не было...

5. Боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского человѣкъ Матюшка Михайловъ сынъ Петровской въ роспросе сказалъ: іюля-де въ 22 день шелъ онъ на торгъ съ человѣкомъ же боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского съ Оською Степановымъ и зашли къ ясаулу къ Олешке Рту пить браги, да у нево жъ-де Олешки былъ въ то время стрелецъ Мокушка Семеновъ, а знакомъ-де ему Матюшке тотъ Алешка потому: какъ бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославской пришелъ подъ Астарахань, и тотъ-де Алешка въ Астарахани у воровъ былъ въ ясаулахъ и приѣзжалъ изъ Астарахани къ боярину и воеводе къ Ивану Богдановичу отъ воровъ съ п[исьма]ми, и бояринъ-де и воевода Иванъ Богдановичъ по многие [дни] велѣлъ ево у себя кормить; и въ Астарахани же онъ Матюшка приходилъ къ нему Алешке по... ||

6. ... Разинъ на воровство мыслилъ, того Олешка не вѣдаетъ; а какъ-де преосвященного Іосиѳа, митрополита Астараханского и Терского, скинули съ роскату, а стольника и воеводу князя Семена Львова убили, и онъ Олешка въ тое пору былъ тутъ же съ ворами вмѣсте въ рядовыхъ казакахъ, а не въ ясаулахъ, и въ ясаулы выбрали ево послѣ того, и на вылоскахъ противъ боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского онъ Олешка не былъ; а какъ-де бояринъ и воевода князь Яковъ Никитичъ Одоевской съ товарыщи приѣхалъ въ Астарахань, и онъ-де Олешка, убояся смерти, жилъ въ Астарахани у вдовы Степанидки въ хоронахъ; а июля-де въ 22 день приходили къ нему Олешке Григорьева приказу Остафьева стрелецъ Мокѣйко Семеновъ, хлѣбникъ, да боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского люди: Петровской, а другова человѣка какъ зовутъ и какъ Петровского имя, того не ведаетъ, просили у него пить браги, и говорили ему Олешке, для чего-де онъ Олешка боярину и воеводамъ князю Якову Никитичю Одоевскому съ товарыщи не объявитца, а только бъ-де онъ объявился, и ему бъ-де было лутче, а иныхъ никакихъ речей они съ нимъ не говорили, а сидели у него съ четверть часа и отъ него пошли з двора въ лавку ево... ||

7. ...[го]ворилъ съ пытки воръ и воровскихъ казаковъ ясаулъ Алешка Ротъ: какъ-де бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославской пришелъ подъ Астарахань... воръ-де Ѳетька Шолудякъ да Астараханской стрелецкой пятидесятникъ... Максимовъ, и старшины, и всѣ казаки [по]сылали ево Алешку в табары [и ве]лѣли говорить, что бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославской [съ р]ат[ными] людьми пришелъ подъ Астарахань безъ указу великого государя;... Алешка въ таборахъ боярину и воеводе Ивану Богдановичю тѣ рѣчи говорилъ.

И тотъ воръ Алешка кажненъ смертью ||.

8. Царю и государю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцу, бьетъ челомъ сирота твоя бѣдная вдова Стеѳанидка Иванова дочеришка. Взята я, сирота твоя бѣдная, въ приказную полату за приставы въ томъ, что жилъ у меня, сироты твоей, есаулъ Олешка; и въ нынешнемъ, государь, во 180-мъ году іюля 26-го числа тотъ есаулъ Олешка повешенъ, а мнѣ, сиротѣ твоей бѣдной, указу никакова нѣтъ; сидечи за приставы, помираю голодною смертью. Милосердый государь царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержецъ, пожалуй меня, сироту свою бѣдную, вели, государь, мнѣ бѣдной свой великого государя милостивой указъ учинить, чтобъ мнѣ, сиротѣ твоей бѣдной, съ робятишки, сиротами, въ конецъ не погибнуть. Царь, государь, смилуйся.

На обороте: 180-го іюля въ 20 день бить тое вдову батоги за то, что таила того Алешку, и освободить на поруки.[1]

10 ставов.

VII. 1672 г. іюля 14. — Поручная запись разных лиц по Марье Мартыновой дочери Киреевой[2] *в том, что она явится в суд и до суда никуда не сбежит.*

Се язъ приказные полаты подьячей Ероѳѣй Варламовъ сынъ Любимовъ, да язъ Астараханской посацкой человѣкъ Иванъ Ивановъ сынъ Бирекѣцкой, да язъ Астараханецъ Семенъ Матвѣевъ сынъ Кирѣевъ, да язъ Троицкого монастыря казенной подьячей Василей Ивановъ, да язъ Рождества Богородицы дьячокъ Андрѣй Петровъ, да язъ Троицкого же монастыря бобыль Богданъ Ѳедоровъ, все мы поручики, поручились есьми приказные полаты приставу Анисиму Аѳонасьеву Астараханца по Матвѣеве жене Кирѣева по Марье Мартинове дочери въ томъ, что ей Марье за нашею порукою ставитца въ приказной полате передъ бояриномъ и воеводы: передъ княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ, да передъ стольникомъ передъ князь Иваномъ Михайловичемъ Коркодин[ов]ымъ, да передъ Васильемъ Лаврентьевичемъ Пушечниковымъ, и передъ дьяки: передъ Степаномъ Шараповымъ, да передъ Петромъ Самойловымъ да передъ Васильемъ Протопоповымъ, по вся дни и безъ указу великого государя изъ Астарахани никуды не съѣхать. А будетъ она, Марья, за нашею порукою въ приказной полате не учнетъ по вся дни ставитца или изъ Астарахани безъ указу великого государя куды съѣдетъ и збежитъ, и на насъ на порутчикахъ пеня великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, а пеню, что великий государь укажетъ. А хто

[1] Последняя челобитная помещена в конце дела не по хронологическим основаниям, которые находятся в некотором противоречии с вышеприведенными актами, а по смыслу.

[2] О ней же см. А. И., т. IV, № 202, LVI.

изъ насъ, порутчиковъ, будетъ въ лицахъ, на томъ великого государя пеня и порука. А на то послуси: Иванъ Харитоновъ. А запись писалъ Московской площадной подьячей Петрушка Гарасимовъ лѣта 7180-го году іюля въ 14 день.

На обороте: Ерофѣйко Любимовъ и вмѣсто Ивана Берекецкого, по его велѣнью, руку приложилъ. Ручалъ Васька Ивановъ и руку приложилъ. Андрюшка Петровъ ручалъ и руку приложилъ. Сенька Кирѣевъ ручалъ мать свою Марью и руку приложилъ. Къ сей записи, вместо поручика Богдана Ѳедорова, стрелецъ Давыдова приказу Григорьевича Баранчеева Знайко Васильевъ, по ево веленью, руку приложилъ. Послухъ Ивашко руку приложилъ.

180-го июля въ 16 день; взять къ дѣлу.

1 сстав.

VIII. 1672 г. іюля 18—20. — Челобитная вдовы Дуньки Левонтьевой о своей дочери Дуньке Петровой, муж которой осужден за участие в бунте Степана Разина, и допрос Дуньки Петровой.

1. Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіі самодержцу, бьетъ челомъ сирота твоя вдова бѣдная и безпомочная, горькая и разореная вдова Царицынская Дунька Левонтьева. Въ прошломъ, великий государь, во 180-мъ году, какъ воръ и крестопреступникъ Ѳедька Шелудякъ побѣжалъ ис подъ Синбирска..., приехалъ на Царицынъ и побралъ насъ сиротъ твоихъ съ Царицына города суда, въ Астрахань, и, приехавъ суда, въ Астрахань, дочь мою родную Дуньку насильствомъ [св]оимъ взялъ казакъ Ивашко; и какъ твой великого государя бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославской [пришелъ съ по]лкомъ суда, въ Астарахань, и въ то, государь, время тотъ зять мой Ивашко билъ челомъ во дворъ боярину и воеводе Ивану Богдановичу Милославскому. А нынѣ, государь, тотъ зять мой Ивашко за ево стражничью вину великий государь указалъ ево Ивашку [в]ершить; и тотъ зять мой Ивашко нынѣ вершенъ, [а] жена ево Ивашкова, а моя сироты твоей дочь [мо]я родная Дунька, и по се время сидитъ за карауломъ, помираетъ голодною смертию. Милосердый государь царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіі самодержецъ, пожалуй мѣня сироту свою, бѣдною и бѣзпомочною горькою [вдо]ву и розоренную, вели, государь, о той дочери [мо]ей свой милостивой царской указъ учинить, чтобъ ей бѣдной и бѣзпомочной, сидя за карауломъ, голодною смертию не умереть. Царь государь, смилуйся, пожалуй. ||

На обороте: 180-го июля въ 18 день поставить въ приказной пола[те] и допросить.

2. И противъ сей челобитной Ивашкова жена Ондреева Дунька Петрова въ роспросе сказала: первой-де ее мужъ былъ Царицынской стрелецъ,

и жилъ на Царицыне и умеръ тому года з два; и какъ воръ Ѳедька Шелудякъ съ казаками бежалъ изъ-подъ Синбирска въ Астарахань, ис Царицына многие жители поѣхали за нимъ въ Астарахань, и она-де Дунька съ матерью съѣхали въ Астарахань же, и въ Астарахани взялъ ее Дуньку за себя в неволю Сибирского царевича бѣглой человѣкъ Ивашко Андрѣевъ въ прошломъ во 179-мъ году послѣ Успения Пресвятыя Богородицы; и жили въ сосѣдяхъ у посацкого человѣка у Еремки Ѳедорова до приходу въ Астарахань боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского; а какъ-де бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ пришелъ въ Астарахань, и мужъ-де ее Ивашко билъ челомъ ему, боярину и воеводе, во дворъ и жилъ во дворѣ и съ нею Дунькою, а пожитковъ-де у нихъ никакихъ не было и ныне нѣтъ ||.

Другим почерком: 180-го июля въ 20 день бояринъ и воеводы: князь Яковъ Никитичъ Одоевской, стольникъ князь Иванъ Михайловичъ Коркодиновъ, Василий Лаврентьевичъ Пушечниковъ и дьяки велѣли тое жонку дать на поруки.

На обороте: Къ семъ речемъ, вместо Дуньки Петровы, сотенной Борисова приказу Степановича Корсакова Микишка Ѳилатовъ по еѣ веленью руку приложилъ.

2 става.

IX. 1672 г. июля 27. — Поручная запись разных лиц по Степаниде Ивановой жене Оссыхиной в том, что она не будет укрывать у себя „воровских людей“.

Се язъ Астараханецъ сынъ боярской Назаръ Михѣевъ сынъ Елизаровъ, да язъ Астараханской площадной подьячей Осипъ Матвѣевъ сынъ Долгой, да язъ конной стрелецъ Иванова приказу Матвеевича Ѳедотьева Кирила Ивановъ сынъ, каменщикъ, да язъ пешей стрелецъ Микитина приказу Гарасимовича Змѣева Микиѳоръ Семеновъ сынъ, плотникъ, да язъ конной стрелецъ Иванисова приказу Савиновича Есипова Андрѣй Даниловъ сынъ, хлебникъ, все есми порутчики, поручились есми въ Астарахани приказные полаты приставу Ѳедоту Петрову сыну Чюлку по Астараханской по вдове, Степановской жене Оссыхина Степаниде Иванове, въ томъ, что ей за нашими поруками впредь никакихъ у себя воровскихъ людей не держать и не ухоранивать и никакой воровской рухледи у себя не держать. А будетъ она, вдова Степанида, впредь у себя какихъ воровъ, или заповедныхъ людей или какую воровскую рухледь у себя учнетъ держать и таить, и на насъ, на порутчикахъ, пеня великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца; [пе]ни намъ порутчикомъ, что великий государь ука[жетъ. А] на то послуси: Ѳѳонасей Микитинъ [сынъ] Кобылинъ. А запись писалъ площадной подьячей... Некрасовъ лѣта 7180 июля въ 27 день.

На обороте: Къ сей записи вместа порутчика Назара Е[лиз]арьева да Кирила Иванова, по его веленью, по[ру]чихъ Оська Матвѣевъ ручалъ и руку приложилъ. Къ сей записи вмѣсто порутчиковъ Микифора Семенова сына, плотника, да Андрея Данилова сына, хлебника, по ихъ веленью, площадной подьячей Андрюшка Ѳедосеевъ руку приложилъ. Послухъ Ѳеонька руку приложилъ. Послухъ Якушко руку приложилъ.

1 став.

X. 1672 г.—Допросы разных лиц, обвиняемых в участии в движении Степана Разина.

1. Гришка Клементьевъ сынъ Числовъ сказался: былъ дворовой человѣкъ стольника князя Михаила Прозоровского, а въ воровство Стеньки Разина и Ѳедьки Шолудяка жилъ въ Астарахани, а въ воровствѣ съ ними нигдѣ не былъ; а боярину и воеводе Ивану Богдановичу Милославскому во дворъ билъ челомъ онъ Гришка и з женою своею съ приѣзду ево въ Астарахань, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А у пытки въ роспросе Гришка говорилъ то жъ, что и въ роспросе сказалъ.

2. Ивашко Ѳедоровъ сынъ Ишакъ сказался: былъ дворовой человѣкъ стольника князя Михаила Прозоровского, а въ роспросе сказалъ: въ воровство-де Стеньки Разина и Ѳедьки Шолудяка жилъ онъ въ Астарахани и въ воровствѣ съ ними нигдѣ не бывалъ; а боярину и воеводе Ивану Богдановичу Милославскому во дворъ билъ челомъ съ приѣзду ево, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А въ роспросе Ивашко у пытки говорилъ тѣ же рѣчи, что и въ роспросе сказалъ ‖ .

3. Гулящей человекъ Ивашко Дмитреевъ роспрашиванъ, а въ роспросе сказалъ: тому-де лѣтъ съ шесть съѣхалъ-де онъ Ивашко ис Казани у вселенского киръ Макария, патриарха Божия града Антиохии и всего Востока, на струг[е] в гребле, и, приѣхавъ въ Астарахань, записался въ государя виноградные сады въ садовники, и былъ лѣтъ съ пять; и нынешние-де весны пустилъ въ свое мѣсто въ садовники гулящего человека; а онъ-де Ивашко ходилъ вверхъ до Царицына на стругу у головы стрелецкого, у Ивана Ѳедотьева, въ работе; приѣхавъ въ Астарахань, нанялся въ работ[ники в] Троецкомъ монастыре въ работу въ огородъ; у воровскихъ казаковъ въ тысяче, и въ сотне, и въ десятке не былъ, и дувановъ не имывалъ, и подъ Синбирской и подъ иные ни подъ которые городы не ходилъ, и подъ татарские улусы съ воровскими казаками не ѣздилъ, и къ воровству не приставалъ.

Другим почерком: Послать къ Москве ‖ .

4. Елѳимко Гавриловъ сказался: былъ дворовой человекъ стольника князя Михаила Прозоровского, а въ роспросе сказалъ: въ воровство-де

Стеньки Разина и Ѳедьки Шолудяка жилъ онъ въ Астарахани, а въ воровствѣ съ ними не былъ, кормился работою; а какъ Ѳедька Шолудякъ пошелъ подъ Синбирскъ, и ево Елѳимка воръ Янка Усъ ималъ в неволю съ собою подъ Синбирскъ; а на приступахъ-де подъ Синбирскимъ не былъ; а какъ воръ исъ-подъ Симбирска побежалъ, и онъ Елѳимко побежалъ съ ними жъ и остался на Самаре; и на Самаре жъ билъ челомъ во дворъ боярину и воеводе Ивану Богдановичю Милославскому, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А съ пытки Елѳимко говорилъ тѣ же рѣчи, что и въ роспросе сказалъ.

Третьим почерком: З другие пытки Елѳимко говорилъ прежние жъ рѣчи ‖ .

5. Сенька Осиповъ сынъ Полдневой сказался: былъ дворовой человѣкъ стольника князя Семена Львова, а въ воровство-де Стеньки Разина и Ѳедьки Шолудяка жилъ въ Астарахани, а въ воровствѣ съ ними нигдѣ не былъ; а боярину и воеводе Ивану Богдановичю Милославскому во дворъ билъ челомъ съ приѣзду ево в Астарахань, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А у пытки въ роспросе Сенька говорилъ то жъ, что и въ роспросе сказалъ.

6. Ивашко Ивановъ сынъ Полдневой сказался: былъ дворовой человѣкъ стольника князя Семена Львова, а въ роспросе сказалъ: въ воровство-де Стеньки Разина и Ѳедьки Шолудяка жилъ онъ въ Астарахани до смерти князя Семена Львова во дворѣ у него; а после смерти ево кормился работою, а съ ворами въ воровствѣ нигдѣ не былъ; а боярину и воеводе Ивану Богдановичю Милославскому во дворъ билъ челомъ, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А у пытки въ роспросе Ивашко говорилъ то жъ, что и въ роспросе сказалъ ‖ .

7. Левка Мокѣевъ сказался: былъ дворовой человѣкъ боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского, а въ роспросе сказалъ: въ воровство-де Стеньки Разина и Ѳедьки Шолудяка жилъ онъ въ Астарахани и кормился на учюгахъ работою, а въ воровствѣ съ ними нигдѣ не былъ; а боярину и воеводе Ивану Богдановичу Милославскому во дворъ билъ челомъ онъ съ приѣзду ево въ Астарахань, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А у пытки въ роспросе Левка говорилъ то жъ, что и въ роспросе.

8. Конанка Тимоѳѣевъ сказался: былъ дворовой человекъ боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского, а въ роспросе сказалъ: въ воровство-де Стеньки Разина да Ѳедьки Шолудяка жилъ онъ въ Астарахани и на учюгахъ кормился работою; а какъ митрополита убили, и съ учюговъ гулящихъ людей воры взяли всѣхъ въ городъ, и ево Конанка взяли съ ними жъ вмѣсте, и дали ему воры з дувану два янсыря шолку; а хто митрополита убилъ, того не вѣдаетъ и въ воровствѣ... ‖

9. Гараська Костентиновъ сказался Синберенина сына боярского Артемья Горского дворовой человѣкъ, а въ роспросе сказалъ: какъ-де воръ Стенька Разинъ былъ подъ Синбирскимъ, и ево взяли казаки въ Синбирску въ остроге; и какъ побежали казаки ис подъ Синбирска, и онъ Гараська ѣхалъ съ ними въ кошеварахъ до Царицына, и на Царицыне занемогъ и жилъ до тѣхъ мѣстъ, какъ Ѳедька Шолудякъ бѣжалъ ис подъ Синбирска жъ въ Астарахань; а после того съѣхалъ съ Царицынцы въ Астарахань и жилъ до приходу боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского, а въ воровствѣ нигдѣ не былъ; а во дворъ боярину и воеводе Ивану Богдановичу билъ челомъ, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А съ пытки Гараська говорилъ то жъ, что и въ роспросе.

10. Илюшка Семеновъ сказался Вологженина сына боярского Матвѣя Пекина дворовой человѣкъ; съ Москвы-де онъ бежалъ въ прошломъ во 178-мъ году въ Нижней Новгородъ, а изъ Нижнего нанялся въ работу на патриаршей насадъ и ѣхалъ до Царицына ||, а на Царицыне тотъ насадъ воровские казаки пограбили, и онъ Илюшка съ того времени жилъ на Царицыне, кормился работою до тѣхъ мѣстъ, какъ Ѳедька Шолудякъ бѣжалъ ис подъ Синбирска, а после того съѣхалъ въ Астарахань; и до приходу боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского въ Астарахани кормился работою жъ, а въ воровствѣ нигдѣ не былъ; а во дворъ боярину и воеводе Ивану Богдановичу билъ челомъ, для того что на Москвѣ у него жъ во дворѣ учился на поварне.

Другим почерком: А съ пытки Илюшка говорилъ тѣ же рѣчи, что и въ роспросе. А подъ Синбирскимъ-де былъ онъ съ Стенькою Разинымъ, а съ Ѳедькою не былъ, жилъ въ Астарахани.

11. Якушка Ивановъ сказался: былъ дворовой человѣкъ стряпчего Аѳонасья Кокошкина и после смерти ево былъ въ Астарахани въ конныхъ стрѣльцахъ; и какъ воръ Стенька Разинъ съ казаками вышелъ на Волгу, и онъ Якушка изъ Астарахани посланъ былъ съ Левонтьемъ Плохимъ подъ Царицынъ для языковъ; и, взявъ языка, привезли на Черной Яръ и послали въ Астарахань; и какъ воръ Стенька Разинъ взялъ Черной Яръ... ||

12. Микишка Матвѣевъ сказался: былъ дворовой человѣкъ боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского, а въ роспросе сказалъ: въ воровство-де Стеньки Разина и Ѳедьки Шолудяка жилъ онъ въ Астарахани, а въ воровствѣ съ ними нигдѣ не былъ; а боярину и воеводе Ивану Богдановичу Милославскому во дворъ билъ челомъ онъ Микишка и з женою съ приезду ево въ Астарахань, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А у пытки въ роспросе Микишка сказалъ тѣ жъ рѣчи, что и въ роспросе.

13. Елизарко Игнатьевъ сказался: былъ дворовой человѣкъ боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского, а въ роспросе сказалъ: въ воров-

ство-де Стеньки Разина и Ѳедьки Шолудяка жилъ онъ въ Астарахани, а въ воровствѣ съ ними нигдѣ не былъ; а боярину и воеводе Ивану Богдановичу Милославскому во дворъ билъ челомъ отъ приѣзду ево въ Астарахань, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А у пытки въ роспросе Елизарко сказалъ тѣ жъ рѣчи, что и въ роспросе ‖ .

14. Григорьева приказу Жукова стрелецъ Олешка Поскочинъ въ роспросе сказалъ: съ ворами, Стенькою Разинымъ и съ Ѳедькою Шелудякомъ, подъ Синбирскимъ и нигдѣ подъ государевыми городами на приступехъ и въ высылке противъ вора Стеньки не былъ, и ни х какому-де воровству онъ Олешка не пристовалъ, и дувановъ никакихъ неималъ; а какъ-де митрополита Иосиѳа и князь Семена Львова убили, и въ то-де время былъ онъ Олешка на Царицыне, ѣздилъ для хлѣба.

Другим почерком: Послать ево з женою къ Москве ‖ .

15. Карпунка Матвѣевъ сказался Астараханской пешей стрелецъ Иванова приказу Сьянова; тому-де ныне четвертой годъ, пошолъ было онъ Карпунка вверхъ къ Москве и, дошодъ до Нижнева, захворалъ, и какъ-де обмогся, изъ Нижнего нанялся въ работу на Троецкой насадъ и плылъ до Царицына; и на Царицыне-де воръ Стенька Разинъ ево Карпунку и иныхъ работниковъ съ насаду взялъ, и съ Стенькою-де Разинымъ онъ Карпунка къ Астарахани приступалъ, а подъ Синбирскимъ и подъ городкомъ на приступехъ онъ, Карпунка, не былъ, а какъ-де боярина и воеводу князя Ивана Семеновича Прозоровского съ товарищи побили, и въ то-де время дувани досталось ему: шолку шесть ансырей, да два киндяка, два сафьян[а]; а после того дувановъ никакихъ не ималъ.

Другим почерком: Послать ево и з женою къ Москве.

16. [О]лешка Микитинъ сказался Астараханской [стрелецъ] Иванова приказу Ѳедотьева, въ высыл... ‖

17. Астараханской стрелецъ Микитина приказу Змеева Окинка Васильевъ роспрашиванъ, а въ роспросе сказалъ: въ Астарахани онъ Акинка служитъ великому государю въ стрельцахъ въ томъ приказе тому осьмой годъ и изъ Астарахани онъ Акинка въ высылке съ стольникомъ съ князь Семеномъ Львовымъ на Черномъ Яру не былъ, и подъ Синбирской съ ворами, съ Стенькою Разинымъ и съ Ѳедькою Шелудякомъ, не ходилъ и подъ новымъ земляным Соляным городкомъ не былъ: въ то время лежалъ хворъ; а въ тысячи былъ у Калентьева; и дуваныималъ съ ними же воровскими казаками ровно; а въ походъ онъ Акинка подъ Татарские улусы изъ Астарахани съ ворами казаками не ѣздилъ [же за] болѣзнью.

Другим почерком: Написать имянно хто... взять.

Того жъ приказу пятидесятникъ Ивашко Аѳонасьевъ про Окинку Васильева сказалъ: по извѣту-де ихъ пятидесятниковъ ево Окинку[съ] смотру голова стрелецкой Микита Змеевъ послалъ съ нимъ ево Акинку въ приказ-

ную палату, для того что-де онъ Акинка былъ на море въ воровстве съ Стенькою Разинымъ, а взятъ на море жъ, на острове Чечене, неволею ‖ .

18. Стенька Тимоѳѣевъ, прозвище Жилка, сказался: ныне-де въ Астараханскихъ стрельцахъ в Ыванове приказе Сьянова приверстанъ изъ гуляющихъ людей, а прежде сего бывалъ государевъ крестьянинъ Арзамасского уѣзду Кузьм... усады; тому-де лѣтъ з двадцать сошолъ онъ на Низъ... а на стругахъ до Астарахани и въ Астарахани-де съ Стенькою Разинымъ и Ѳедькою Шелудякомъ... не былъ и дувановъ никакихъ...

Другим почерком: Отослать ево къ Москве и з женою.

19. Про[нька] Шелудякъ сказался конной Астраханской стрелецъ Иванова приказу Есипова: былъ-де ему роспросъ въ Розрядномъ столѣ у подь[ячего]... ‖

20. Микитина приказу Змеева Любишка Михайловъ въ роспросе сказалъ: по указу-де великого государя посланъ онъ былъ изъ Астарахани на Яикъ съ воеводою съ Яковомъ Безобразовымъ за воромъ за Стенькою Разинымъ; и воръ-де Стенька съ Яику ушелъ на море [съ] своими воровскими казаками; и воевода-де Яковъ Безобразовъ велѣлъ быть въ Яицкомъ городкѣ головѣ стрелецкому Богдану Сакмышеву, да съ нимъ велѣлъ быть Астараханскимъ... ‖

21. 180 году іюля въ 16 день въ роспросе Казанского митрополита домовой человѣкъ Микитка Дмитреевъ сказалъ: жилъ-де онъ у митрополита въ Судномъ приказе въ сторожахъ; а грамоте-де онъ умѣетъ; и передъ приходомъ вора Стеньки Разина съ товарыщи на Волгу поѣхалъ онъ ис Казани по отпуску Казанскова митрополита въ Астарахань для прокормленья, и челобитная-де под[пис]ная у него была; и воры-де [его о]грабили, и челобитная [про]пала; а ис Казани жъ поѣхалъ онъ со товарыщи тринатцать человѣкъ, и въ томъ-де числѣ Ивановъ человѣкъ Сергиевского Евсютка Ивановъ; и какъ воръ Стенька Разинъ Черной Яръ взялъ, и онъ-де былъ въ то время на Черномъ Яру; а въ воровстве-де съ Стенькою и съ Ѳедькою Шолудякомъ онъ не былъ, жилъ на Черномъ Яру; а гдѣ товарыщи ево, того-де онъ не вѣдаетъ; а Ивановъ человѣкъ Сергиевского Евсютка поѣхалъ въ Казань с Ывановскою женою Сергиевского; а въ Астарахань-де онъ Микитка приѣхалъ съ Черного Яру передъ приходомъ боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского, а до приходу ево жилъ на Черномъ Яру ‖ .

22. ...два ансыря, а иные рухледи, что принесъ, того [не] помнитъ; а сказалъ, что они убили [митро]полита да стольника князь Сем[ена] Львова, и та рухледь досталась... Лев[ке] з дувану; и тое грабежную рухледь онъ Левка испродалъ и на деньги покупалъ хлѣбъ; а ныне пожитковъ у него ничего нѣтъ.

Другим почерком: Съ роспросу посаженъ въ черную другую полату.

Третьим почерком: Пытать.

[Съ] пытки Левка Дарнинецъ сказалъ: за М[атвеемъ]-де Лопатинымъ въ погоню онъ ѣздилъ; [нани]малъ ево в кормщики солильщикъ Мишка, [а] ныне онъ на Урустубскомъ учюгѣ; а поимавъ-де Матвѣя Лопатина и сотниковъ, привезли они въ Астарахань, и солильщикъ Мишка отвелъ къ вору къ Стеньке Разину и говорилъ, что привелъ добрыхъ языковъ; и онъ-де Левка такихъ словъ не говорилъ и въ воровствѣ не былъ; [а как]ъ-де митрополита убили, и онъ-де въ то [вре]мя былъ на Урустубскомъ учюгѣ... [ду]ванъ взялъ, приѣхавъ въ Астарахань.

Другим почерком: [Отправи]ть ево къ Москве з женою ‖ .

23. Іюля жъ въ 23 день въ приказную полату передъ боярина и воеводъ: передъ князя Якова Никитича Одоевского, передъ стольника передъ князя Ивана Михайловича Коркодинова, передъ Василья Лаврентьевича Пушечникова, передъ діаковъ: передъ Степана Шарапова, передъ Петра Самойлова, передъ Василья Протопопова, головы Московскихъ стрельцовъ Львова приказу Секѣрина стрелецъ Ивашко Еремѣевъ привелъ гулящего человѣка Савку Оноѳреева, а сказалъ: сего-де числа велѣлъ ему того гулящего человѣка Савку сыскать голова Левъ Секѣринъ, и отвесть въ приказную полату, что-де тотъ гулящей человѣкъ Савка въ смутное время былъ у воровъ ясауломъ; и онъ-де, сыскавъ ево Савку, для того въ приказную полату и привелъ. И бояринъ и воевода князь Яковъ Никитичъ Одоевской, стольникъ князь Иванъ Михайловичъ Коркодиновъ, Василей Лаврентьевичъ Пушечниковъ, діаки: Степанъ Шараповъ, Петръ Самойловъ, Василей Протопоповъ велѣлъ того гулящего человѣка Савку Оноѳреева роспросить ‖ .

24. 180-го июля въ 26 день сказали пятидесятники стрелецкие и пятисотные Иванова приказу Семеновича Сьянова и все рядовые про Ивашку Чекмаса: съ воромъ Стенькою в Ыицком городкѣ въ воровстве былъ и надъ ямою стрельцовъ и салдатъ руб[илъ], а сотника стрелецкого Иванова приказу Ѳедотьева Кондратья Конца... съ ямы привели въ Яицкой городокъ, и онъ у нихъ, воровъ, ушелъ; про то про все онъ ведаетъ. А скаску писалъ того жъ приказу сотенной Васька Артемьевъ. ‖

25. 180-го августа въ 2 день стрелецъ Микитина приказу Борисова Мишка Ивановъ въ роспросе сказалъ: въ прошломъ-де во 179-мъ году брата ево, воровского казака Панфилка Деревя[гина], убили государевы ратные люди подъ Синбирскимъ; [а пос]ле-де брата ево у жены ево Василиски о[сталось] ожерелье жемчюжное пристяжное мужское, [а чье] то ожерелье было, того-де онъ не вѣдаетъ; [слы]шалъ-де онъ, что то ожерелье было стольника князя Пе[тра] Семеновича Прозоровского; и въ нынешнемъ-де во [180-мъ] году, въ декабре месяце въ 5-мъ числѣ то ожерелье пристяжное у него Мишки взялъ бояринъ и во[евода] Иванъ Богдановичъ Милославской, а далъ ему за то ожерелье куль муки ржаной, да полчети крупъ въ к[азенную] мѣру, да полведра вина, а приходилъ-де къ нему для того ожерелья держальникъ ево б[оярина] Яковъ Новгородцовъ.

Другим почерком: Писать о томъ къ великому государю, а... допросить.

На обороте: Къ симъ распроснымъ рѣчамъ площадной [подья]чей Климка Бочоновъ вместо Мишки Иванова [Де]ревя[ги]на по ево веленью руку приложилъ ‖ .

26. [Гуля]щей человѣкъ Мишка Минѣевъ въ роспросе сказалъ: въ прошломъ-де во 178-мъ году сплылъ-де онъ Мишка изъ Нижнего на государеве рыбномъ насаде въ Астарахань въ гулящихъ людехъ; и приѣхавъ въ Астарахань, жилъ на патріархове учюге Комызяке, работалъ изъ хлѣба безъ ряды з годъ; и после того нанялся въ Спасскомъ монастыре въ огороде работать всякая работа;[1] и онъ-де Мишка въ огороде работаетъ; а въ воровствѣ съ воровскими казаками не былъ, и дувановъ неималъ, и подъ государские городы съ воровскими казаками не хаживалъ, и въ тысече и въ сотне, и въ десятке не бывалъ.

Другим почерком: Послать къ Москве.

27. Гулящие люди: Ивашка Кондратьевъ въ роспросе сказалъ: тому-де третей годъ съѣхалъ-де онъ Ивашко съ Самары въ Астарахань съ Спасскимъ архимандритомъ Антоньемъ и, приѣхавъ въ Астарахань, жилъ въ Вознесенскомъ монастырѣ, зимою въ монастырѣ работаетъ, а лѣтомъ въ работе жъ въ огороде, и по се время живетъ въ огороде жъ; а въ воровстве-де онъ съ воровскими казаками не былъ нигдѣ и дувановъ не имывалъ.

Другим почерком: Послать къ Москве и з женою ‖ .

28. Другой гулящей человѣкъ того жъ огорода Ивашка Савельевъ въ роспросе сказалъ: приѣхалъ-де онъ Ивашка прошлые осени съ Царицынскими жители въ Астарахань; и изъ Астарахани отъ воровскихъ казаковъ вышелъ въ табары къ боярину къ Ивану Богдановичу Милославскому въ полкъ; и приказано-де ево Ивашка записать въ салдаты въ Юрьевъ полкъ Грабова, и въ салдатахъ былъ немногое время, и волею Божиею заскорбѣлъ, и за скорбью изъ салдатъ выписанъ; и какъ-де онъ Ивашка обмогся, и онъ-де нанялся въ Вознесенскомъ монастыре въ огороде работать; а въ воровстве-де онъ ни въ какомъ не былъ, и дувановъ не ималъ и подъ Синбирскимъ и подъ иными городами на приступехъ не былъ.

Другим почерком: Отпустить съ письмомъ ‖ .

29. ...въ 30 день въ приказную пола[ту...] боярина и воеводы князя Якова Никитича Одоевского человѣкъ Микинка Кипаевъ [при]велъ мужика, а сказалъ: какъ-де [боя]ринъ и воевода князь Яковъ Никитичъ [Одоевской] на службу великого государя въ Астара[хань]..., и тотъ-де мужикъ билъ челомъ боярину и воеводе князю Якову [Никит]ичю во дворъ въ Синбирску, а ныне-де [вѣдо]мо учинилось, что тотъ мужикъ ‖ и былъ въ воровствѣ съ воровскими казаками; и онъ бояринъ и воевода князь Яковъ Никитичъ [Одо]евской прислалъ того му[жи]ка въ приказную полату.

---

[1] Зачеркнуто: „работать“.

30. Приводной мужикъ въ роспросе сказался: Нижегородецъ [посад]цкой человѣкъ Ивашкомъ [зовутъ]...

31. Ганка Ларионовъ сынъ Шелудякъ сказался: бывалъ конной Астараханской стрелецъ, что ныне Григорьева приказу Жукова; а въ нынешнемъ-де во 180-мъ году бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославской указалъ ево отдать на митрополей дворъ по старине, потому что-де отецъ ево Ганкинъ былъ у митрополита во дворе; а съ ворами-де съ Стенькою Разинымъ и съ Ѳедькою Шелудякомъ ни подъ которыми городами на приступехъ не бывалъ и дувановъ не бралъ; а поверстанъ-де былъ въ сотню, в казаки, былъ поневоле, не хотя смерти.

Другим почерком: Послать ево съ роспискою въ Григорьевъ приказъ Жукова къ Москве и з женою и з детьми ‖ .

32. [Гул]ящей человѣкъ Ивашко Ѳоминъ въ роспросе [сказалъ: въ] прошломъ-де въ 179-мъ году [...въ в]оровство съѣхалъ-де онъ [Ивашка] съ Царицына въ Астарахань... пауске Царицынскихъ жителей [з] женами ихъ; и приѣхавъ въ Астарахань, ходилъ въ миру кормиться Христовымъ имянемъ; а въ воровскихъ казакахъ онъ Ивашко и въ тысячи, и въ сотне, и въ десятке не былъ, и дувановъ съ ними не имывалъ, и подъ Синбирской и подъ иные государские городы съ воровскими казаками не ѣздилъ; и какъ бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославской приѣхалъ на Болдинскую косу, и въ то время нанялся онъ Ивашка на Спасской учюгъ, чюрку въ лошкомой работалъ зиму, а ныне-де весною нанялся въ томъ же монастырѣ въ огородъ работать всякая огородная работа; и приѣхалъ-де въ Спасской огородъ полуголова Московскихъ стрельцовъ Максимъ Лупандинъ, взявъ ево Ивашка, привелъ въ приказную полату.

Другим почерком: Послать ево къ Москве и з женою ‖ .

33. Астараханской пушкарь Ивашко Якимовъ Се...яникъ въ роспросе сказалъ: въ прошломъ-де во ...-мъ году посыланъ-де былъ онъ Ивашка [съ] Астарахани на Ч[ерной Я]ръ съ стольникомъ и воеводою съ князь Се[меномъ Льво]вымъ [въ вы]сылке противъ воро[въ, Стеньки] Разина съ товарищ[и. И какъ воръ Стенька] Разинъ пришолъ на Чорно[й Яръ]..., стрелецкихъ и салда[цкихъ рат]ныхъ людей порубили, и [стрель]цовъ взялъ съ собою въ Астарах]ань; а изъ Аста]рахани на приступе былъ и городъ... и[малъ]; и былъ после взятья въ пушкаряхъ, а въ сотне у воровскихъ казаковъ не былъ; а дуваны ималъ такие жъ, какъ имали ево братья дуваны; а подъ Синбирскомъ-де и подъ иными ни подъ которыми городами съ воровскими казаками не ѣздилъ, ж[илъ] въ Астарахани и подъ Татарские улусы не ѣздилъ же.

Другим почерком: Послать [и] з женою къ Москве ‖ .

34. Ивашко Андрѣевъ сынъ Щербакъ сказался Астараханской пѣшей стрелецъ Микитина приказу Змеева, служитъ-де онъ въ стрельцахъ лѣтъ съ полтретьятцать и больши, холостъ; въ прошломъ-де 178-мъ году былъ-де

онъ Ивашко посланъ на Яикъ на... вчюгъ; и какъ воръ Стенька Разинъ на Яике ихъ многихъ побилъ и съ собою поималъ, и въ то время ево Ивашку Стенька Разинъ съ собою взялъ на море; и какъ-де онъ Стенька в[ышелъ] на Волгу на Царицынъ, и въ то время онъ Ивашка залежалъ на Царицыне; и какъ онъ воръ Стенька Разинъ пошолъ, взявъ Астарахань, подъ Синбирскъ, и онъ-де Ивашко... пришолъ въ Астарахань, и въ Астарахани-де все хворалъ и дувановъ не бралъ ‖ .

35. [Прот]ивъ сей помѣты Астараханецъ Иванъ Глятковъ [роспр]ашиванъ, а въ роспросе сказалъ: съ воровскими-де [казак]ами онъ Иванъ нигдѣ не бывалъ и къ воровъ[ств]у ихъ не приставалъ, былъ по многие времяна въ воровскую шатость въ хоронахъ; а на Дѣловомъ дворѣ при ворахъ не бывалъ же; а какъ послышали воры приходъ боярина и воеводы [Ивана] Богдановича Милославского великого [полка] съ ратными людьми, и ево-де Ивана Астар[аханской] толмачъ Кирюшка, а ево имяни [не] помнитъ, поималъ и отвезъ къ ворамъ къ атаману Ѳедьке Шелудяку; и воръ-де Ѳедька Шелудякъ [ве]лѣлъ ево въ воду посадить и, застращавъ, велѣлъ [ему] быть за Кутумовою рѣкою у государева..., и приставили къ нему своихъ воровъ, казаковъ трехъ человѣкъ; а детей-де ево [посаж]али въ Астарахани за карауломъ и вѣ[шать х]отѣли за ноги; и какъ-де бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославской подъ Астарахань пришелъ, и онъ-де Иванъ ушелъ въ полкъ боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского на Болдинскую косу.

Другим почерком: Выписать изъ десятни, велено ль ему быть въ детяхъ боярскихъ попрежнему.

Третьим почерком: Изъ Розрядного стола о Иване Гляткове письмо таково.

На обороте: Иванъ Глятковъ руку приложилъ ‖ .

36. ...Андрѣевъ сказался Астараханской пѣшей стр[елецъ] Иванова приказу Сьянова; служитъ-де онъ [въ стрель]цахъ лѣтъ з девять; а какъ-де воръ Стенька Разинъ в[зялъ Астара]хань, и въ то-де время онъ былъ на службе... годовой; а какъ-де ходили подъ Синбир[скъ]... анъ воры, и въ то-де время онъ съ ними никуда [не х]одилъ, а жилъ въ Астарахани, укрываючись... ...- де ево воровские казаки въ то время пос[адили] въ воду.

Другим почерком: Послать и з женою къ Москве ‖ .

37. Антипка Петровъ сказался Астараханской конной стрелецъ Иванова приказу Ѳедотьева, служитъ-де онъ въ стрельцахъ дватцать пятой годъ въ Астарахани; а какъ-де воръ Стенька Разинъ вышолъ на Волгу, и онъ-де Антипка былъ въ то время въ высылке на Черномъ Яру съ Леонтьемъ Плохово; и какъ-де воръ Стенька Разинъ Черной Яръ взялъ, и онъ-де Антипка былъ въ то время... въ степи у лошадей, пасъ ихъ; и какъ-де пошолъ подъ Астарахань, и онъ Антипка остался после ево в... въ степи и приѣхалъ въ Астарахань после того, какъ онъ воръ пошолъ подъ Синбирскъ... на десятой недѣле, после того жилъ въ Астарахани; и какъ-де Ѳедька Шелудякъ ходилъ подъ Синбирскъ, и онъ-де Антипка въ то время не ходилъ же; а вы-

бранъ-де онъ былъ Антипка изъ за... въ ясаулы до прихода подъ Астарахань... ‖

38. [Яку]шка Аѳонасьевъ сынъ Волыщи... [ска]зался Синбиренина Ѳилиповъ [человѣкъ] Окулова; а въ роспросе сказалъ: съ Синбирска-де онъ поѣхалъ въ Астарахань на государеве насаде въ работе; и на Царицыне воровские казаки тотъ насадъ пограбили, и онъ Якушка жилъ на Царицыне; а какъ воръ Стенька Разинъ пошелъ подъ Синбирскъ, и онъ Якушка въ то время съѣхалъ въ Астарахань и кормился работою; а въ воровствѣ въ Астарахани и съ Ѳедькою Шолудякомъ подъ Синбирскимъ не былъ и дувановъ неималъ; а боярину и воеводе Ивану Богдановичю Милославскому во дворъ билъ челомъ съ приѣзду ево, для того что прокормитца было нѣчемъ.

Другим почерком: А у пытки въ роспросе Якушка говорилъ то жъ, что и въ роспросе сказалъ ‖ .

39. 181-го сентября въ 16 день стрелецъ Игнашка Емельяновъ пытанъ, а съ пытки говорилъ: Московского-де стрельца Онашки Романова онъ Игнашка и никово опричь Ѳедора Аристова не крадывалъ и опричь того въ воровствѣ не бывалъ нигдѣ; а какъ воръ Стенька Разинъ съ товарыщи пришелъ въ Астарахань, и онъ-де Игнашка въ то время бывалъ въ Астарахани въ гулящихъ людехъ; а какъ воръ Стенька п[о]шолъ подъ Синбирскъ, и онъ-де Игнашка после того изъ Астарахани шелъ въ работе на Троицкомъ насаде до Царицына, и на Царицыне занемогъ и былъ боленъ года съ полтора, а подъ Синбирскъ съ ворами не ходилъ; а съ Царицына съѣхалъ въ Астарахань передъ приходомъ боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского, и на Косу и подъ Соляной городокъ съ ворами не ходилъ; а въ стрельцы приверстанъ при боярине и воеводе при Иване Богдановиче Милославскомъ; а деньги-де, что съ нимъ принесены, ево Игнашкины работные ‖ .

40. ...и въ то-де время онъ Карпунк[а в Астра]хани сидѣлъ въ осаде, а пр... все по миру кормился [Христовымъ] именемъ, а подъ Синбирск[ой]... ни подъ которые городы [не ходилъ и ду]вановъ-де не бралъ.

Другим почерком: Послать ево и з женою [къ Москве].

41. Лукашка Кузьминъ, прозвище..., сказался Астараханской конной стрелецъ Григорьева приказу Жюкова, служитъ въ стрельцахъ лѣтъ з двадцать; а какъ воръ Стенька Разинъ взялъ Астарахань, и въ то[-де] время онъ Лукашка посланъ былъ на [Волг]у провожать Бориса Пазухина; и какъ-де онъ Лукашка приѣхалъ въ Астарахань,[1] Стенька Разинъ съ воровскими казаками бояръ и воеводъ [из]билъ безъ него; а съ воромъ-де Стенькою Разинымъ онъ Лукашка и съ Ѳедькою Шелудякомъ ни подъ которые городы не ходилъ и дувановъ не бралъ.

Другим почерком: Послать ево и з женою къ Москве ‖ .

---

[1] Зачеркнуто: „и онъ-деи“.

42. Куземка Ивановъ сынъ Лашинъ сказался Астараханской конной стрелецъ Иванова приказу Ѳедотьева, служитъ-де онъ въ стрельцахъ лѣтъ съ тритцать и больши; а какъ-де воръ Стенька Разинъ пришелъ подъ Астарахань, и онъ-де Куземка въ то время былъ въ Астарахани; а какъ-де ходилъ подъ Синбирскъ, и онъ-де Куземка въ то время съ воровскими казаками не ходилъ, былъ все въ Астарахани; а какъ воръ Ѳедька Шелудякъ пришелъ ис подъ Синбирска, и въ то-де время приверстанъ онъ Куземка былъ въ казаки въ сотню; а дуваны-де онъ Куземка съ воровскими казаками бралъ вместе, потому что-де пробыть было нельзя.

Другим почерком: Послать ево и з женою къ Москве ‖ .

43. Митька Осиповъ сынъ, прозвище Каменевъ, ска[зался Гри]горьева приказу Жукова конной Астараханской стрелецъ, служитъ въ пятидесятникахъ [лѣтъ] съ полтретьятцать и больши, нигдѣ ево измѣны не бы[ло]; а какъ-де воръ Стенька Разинъ взялъ Астарахань, и въ то-де время онъ, ушедъ, лежалъ въ Спаскомъ монастыре на кѣлье десять дней; и какъ-де воръ Стенька Разинъ ходилъ подъ Синбирскъ, и въ то время онъ Митька не ходилъ же; а какъ Ѳедька Шелудякъ пошолъ подъ Синбирскъ, и въ то-де время былъ имъ жеребей, кому итти подъ Синбирскъ, и ему-де не досталось; и после-де того онъ жилъ, все укрядаючись... воровскихъ казаковъ.

Другим почерком: Послать з женою и з детьми... пытать ево накрепко.

44. Ивашко Терентьевъ сказался Астараханской стрелецъ, пятидесятникъ Иванова приказу Есипова, служилъ-де онъ въ стрель[цахъ прежъ] сего въ пешихъ, а ныне въ конныхъ лѣтъ съ... цать съ пять или съ шесть; а какъ [воръ Стенька] Разинъ вышолъ на Волгу, и въ то-де время [былъ] посланъ онъ Ивашко противъ воровскихъ казаковъ на Черной Яръ съ Леонтьемъ Плохова; и воръ-де Стенька всѣхъ въ то время избилъ и ихъ взялъ въ Астарахань; и после-де того жилъ онъ все въ Астарахани, укрядаючись, а ни подъ которые городы не ходилъ.

Другим почерком: Выписать изъ извѣту поповъ... послать ево и з женою и з детьми къ Москве.

45. Стенька Трифоновъ сказался Астараханской конной стрелецъ, пятидесятникъ Иванова приказу Есипова, служитъ-де онъ въ стрельцахъ лѣтъ съ тритцать и больши; а какъ-де воръ Стенька Разинъ вышолъ на Волгу, и онъ-де [былъ] посыланъ противъ ево вора съ Леонтьемъ Плохимъ; и какъ-де воръ ихъ разбилъ и многихъ ...билъ и привезъ-де въ Астарахань... де ...лалъ воръ своимъ воровскимъ лю[демъ] взять, и онъ-де въ то время... юртахъ и жилъ до приходу [боярина] и воеводы Ивана Богдановича... ‖

46. Тишка Ивановъ сынъ, прозвище Свияже[нинъ], сказался Астараханской конной стрелецъ... Григорья Жукова приказу, служитъ-де онъ въ стрельцахъ въ Астарахани осьмнатцатой годъ; а какъ-де воръ Стенька Разинъ пришелъ подъ Астарахань, и онъ-де Тишка былъ въ Астарахани; а подъ Синбирскъ-де съ Стенькою и съ Ѳедькою не ходилъ; а подъ

Земляной-де городокъ онъ Тишка не ходилъ же, потому что досталось-де ему з жеребья стоять на стенѣ въ Астарахани; а дуваны-де небольшие бралъ поневоле, не захотя себѣ смерти отъ воровъ.

Другим почерком: Послать ево з женою къ Москве.

47. Ивашко Еремѣевъ сынъ Голубятниковъ сказался Астараханской конной стрелецъ Григорьева приказу Жуко[ва], служитъ-де онъ въ стрельцахъ лѣтъ з десять и больши; а какъ-де воръ Стенька Разинъ пришелъ подъ Астарахань, и онъ-де въ то время лежалъ въ Астрахани боленъ; и какъ-де и подъ Синбирскъ в[оры] Стенька и Ѳедька Шелудякъ ходили, и онъ-де Ивашко съ ними не былъ, ни х какому-де ихъ [воровъ]ству не мысля не хаживалъ... дряхлъ ходилъ о клюкахъ.

Другим почерком: Послать [ево и з женою] къ Москве ‖ .

48. Иванова приказу Ѳедотьева стрелецъ Оѳ[оньк]а Буторцовъ въ роспросе сказалъ: приѣхалъ-де онъ Офонька съ Яику въ Астарахань съ Констентиномъ Дмитриевымъ з годовой сл[ужбы] до приходу вора Стеньки Разина къ Астарахани за два дни, какъ-де воръ Стенька Разинъ взялъ Астарахань; и въ то-де время онъ Оѳонька отъ воровскихъ казаковъ ухоранивался отъ бойства; а съ ворами-де Стенькою Разинымъ и съ Ѳедькою Шелудякомъ на приступехъ подъ Синбирскимъ не бывалъ; а въ Астарахани-де съ воровскими казаками онъ Оѳонька въ рядовыхъ казакахъ былъ и дувановъималъ.

Другим почерком: Послать ево з женою къ Москве ‖ .

49. Илюшка Ивановъ въ роспросе сказался Казанецъ, отецъ-де ево Ивашка былъ [1] портной мастеръ, жилъ за Казанскимъ митрополитомъ въ селѣ на Омарѣ, и онъ Илюшка жилъ съ отцомъ своимъ вмѣсте; и въ прошломъ-де во 178-мъ году сшолъ онъ изъ села Омары въ работе на струги до Царицына, а съ Царицына пришелъ въ Астарахань того жъ лѣта и жилъ въ Астарахани, а въ воровствѣ не былъ; и въ Астарахани вышелъ въ полкъ къ боярину и воеводе къ Ивану Богдановичю Милославскому и билъ челомъ ему во дворъ, а кабалы на него нѣтъ ‖ .

50. .. да Казанцы жъ, которые взяты у боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского, распрашиваны, а въ роспросе сказали: Микитка Яковлевъ .. сказался Казанскаго митрополита конюхъ, отецъ-де ево Яшка былъ Казанскаго жъ митрополита крестьянинъ села Казадули, и онъ-де Митька у митрополита въ конюхахъ съ морового повѣтре; и въ прошломъ-де во 177-мъ году сшолъ онъ... ис Казани на митрополье насаде до Саратова, а [съ] Саратова пришолъ въ Астарахань и въ Астарахани-де билъ челомъ онъ во дворъ боярину ‖ .

51. ... [въ Черно]мъ Яру стольникомъ съ князь Семеномъ Львовымъ онъ Алешка не былъ, потому что былъ на службе великого государя на

---

[1] Зачеркнуто: „у Казанского митрополита“.

Яике, а съ Яика-де [ево] переменили, и приплылъ онъ Алешка въ Астарахань до приходу къ Астарахани вора Стеньки Разина за три дни, и противъ-де вора Стеньки Разина изъ Астарахани з городовой стены бился, и на стене-де воровские казаки ево Алешку ранили, а изъ Астарахани онъ Алешка съ воромъ Стенькою и съ воромъ Ѳедькою подъ Синбирскимъ не былъ, и дувановъ въ Астарахани и нигде не бралъ.

Другим почерком:[1] С... быть въ Григорьеве приказе Жукова и отдать головѣ съ росписк[ою] ‖ .

52. Астараханской стрелецъ Иванова приказу Ѳедотьева Ѳеонька Васильевъ Болдырь роспрашиванъ, а въ роспросе сказалъ: служитъ-де онъ Ѳеонька великому государю въ конныхъ стрельцахъ лѣтъ з десять; и въ прошломъ-де во 178-мъ году на Черномъ Яру съ стольникомъ и воеводою съ княземъ Семеномъ Львовымъ въ высылке былъ, и съ воромъ съ Стенькою Разинымъ съ Черного Яру въ Астарахань приѣхалъ съ нимъ вмѣсте, и въ приступное время онъ Ѳеонька былъ въ стругу; а на приступе-де не былъ и дуванъималъ; а изъ Астарахани съ Стенькою Разинымъ и съ Ѳедькою Шелудякомъ подъ Симбирскимъ не былъ и на приступъ подъ Новой Соляной городокъ не ходилъ, жилъ все въ Астарахани; а въ тысячи былъ у атамана у Васьки Уса, въ сотне у Ивашка Гладкова, въ десятке Мишки Самаренина.

Другим почерком: Послать и з женою къ Москве.

41 статъ.

На полях актов №№ 1, 2, 9—11 написано: „пытать“, *а №№ 5—7, 12 и 13* — „съ пытки роспросить“.

XI. Без даты. — Две челобитные боярина Петра Прозоровского: 1, на Астраханских казаков, пограбивших его „животы“, 2, о возвращении ему его „животов“, находящихся у жены „атамана Васьки Уса“.[2]

1. Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Петрушка Прозоровской. Билъ челомъ тебѣ, великому государю, я холопъ твой на Астараханскихъ воровскихъ казаковъ: на Митьку Каменѣва, да на Ваську Анбарихина,[3] да на Калинку Борисова, на Ондрюшку Романова, на Бакайка съ товарыщи въ грабленыхъ своихъ животахъ, и подалъ я, холопъ твой, въ приказной полате въ Астарахани темъ граблепымъ животамъ роспись, чтобъ тѣхъ воровъ въ приказную полату поставить и противъ росписи роспросить въ техъ моихъ грабленыхъ животахъ. Милосердый государь царь и

---

[1] Зачеркнуто: „послать ево и з женою к Москве“.

[2] См. А. И., т. IV, № 202, XXXVII.

[3] О нем же см. ibid., XCI.

великий князь Алексѣй Михайловичъ, всѳа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, техъ воровъ, Митьку Каменева да Ваську Анбарихина съ товарыщи, поставить въ приказной полате и противъ росписи распр[осить] и по допросе свой милостивой великого [государя] указъ учинить. Царь, государь, смилуйся.

На обороте: Къ великому государю о томъ писать ‖ .

2. Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Петрушка Прозоровской. По твоему великого государя указу былъ отецъ мой, бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровской, на твоей великого государя службе въ Астарахани воеводою; и въ прошломъ, государь, въ 178-мъ году отъ вора отъ Стеньки Разина съ товарыщи отецъ мой, бояринъ князь Иванъ Семеновичъ, въ Астарахани убитъ, а животы отца моего пограблены, и разобраны, и отданы вору, воровскому казачью атаману Ваське Усу, в подаркахъ въ воровскомъ кругу; а какъ онъ Васька умеръ, и тѣ животы отца моего остались у жены ево Васькины Оленки: платье и конская сбруя и серебрянная посуда; и я, холопъ твой, темъ животамъ съ человѣкомъ своимъ съ Мат[юшк]ою Бородинымъ въ Астарахань послалъ роспись. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, ево Васькину жену взять въ приказную полату и роспросить и по роспросу свой великого государя указъ учинить. Царь, государь, смилуйся.

Другим почерком: Къ сей челобитной вмѣсто стольника князь Петра Ивановича Прозоровского человѣка ево Матюшки Бородина, по ево велѣнью, Астараханской площадной подьячей Оська Долговъ руку приложилъ.

2 ссстава.

---

3. Записки П. Ф. Гаккеля о 14 декабря 1825 г.

Сообщ. Б. Д. Греков.

Павел Францевич Гаккель в 1815 году 24 апреля поступил на службу в Перновский Гренадерский полк, 24 января 1821 года уже поручиком был переведен в лейб-гвардии Семеновский полк, в каковом положении и пережил день 14 декабря 1825 года. Как видно из прилагаемого текста, П. Ф. Гаккель лично со своим 3-м батальоном в событиях не участвовал и только с большим интересом и вниманием следил за их развертыванием, занося по свежим следам свои впечатления на бумагу. То, чему он был сам свидетелем, сидя в Софийских казармах, он записывал, повидимому, непосредственно. „Происшествие“ настолько его захватило, что он не ограничился собиранием и записыванием фактов, а задумал заняться более глубоким обследованием событий по предварительно разработанному им плану (см. стр. 263—265), из коего видно, что автор не склонен был рассматривать „14 декабря“, как происшествие, изолированное от общего уклада русской жизни. Работы своей он или не выполнил, или она до нас не

дошла. Во всяком случае мы имеем только ряд отдельных набросков, повидимому, частей задуманной работы. П. Ф. Гаккель писал на своем родном языке, т.-е., на немецком; знал он, конечно, и русский язык, но делал в нем не мало ошибок. Его записки написаны очень неразборчиво; особенно трудно читать то, что написано карандашом, который от времени сильно истерся. Этим объясняется обилие непрочтенных мест в издаваемом тексте. Масса поправок и вставок, еще более затрудняющих чтение текста, говорит нам о тщательности работы автора. Наблюдение это вполне подтверждается и его дневником, озаглавленным по-русски: „Очередъ карауламъ. Офицерскій списокъ и журналъ должностямъ и ученіямъ съ отмѣткою: здѣланнымъ на оныхъ ошибки; перемѣнъ; и замѣчаній начальниковъ и пр.: и пр.: касающемуся до службы 1824-го, 1825-го года. И 1826 до 15 марта во фронтѣ. 1826 отъ 24 марта Адъютантомъ.—П. Г. Л. Г. С. П. П.“ Все обещания, здесь изложенные, автор выполнил добросовестно, даже с избытком: в офицерском списке он аккуратно отмечает каждую перемену в службе офицера, в дневник учений и замечаний начальства заносит всякую мелочь, подводит итоги своей служебной работе помесячно и т. п. Конечно, и „происшествие 14 декабря“ тоже нашло себе здесь место: под 27 ноября Гаккель заносит о присяге имп. Константину, под 14 декабря — Николаю, после чего следует краткая характеристика дня.

Кроме названных здесь рукописей Гаккеля, имеющих отношение к 14 декабря, среди бумаг Гаккеля можно отметить: два письма (в копиях) имп. Елизаветы Алексеевны к императрице-матери, отрывок „Aus einer diplomatischen Note“ описание смерти Александра I, изложение событий, непосредственно следовавших за этой смертью в Петербурге и Варшаве. Из этого последнего документа выясняется, что Гаккель сам склонялся больше на сторону Константина: „я боюсь, пишет Гаккель, что Константин слишком крепко держится своего решения (об отказе от престола). Теперь хвалят этого князя чрезвычайно и считают счастьем, если он примет корону“.

Из всех этих материалов печатаются наиболее интересные, т.-е., „Der 14-te Dezember 1825“, „Plan zu einer vollständigen Beschreibung...“ и одна страница (17 об.) его дневника. Последний документ писан самим автором по-русски.

Ряд ошибок и неточностей П. Ф. Гаккеля не лишают однако его записок, отразивших подлинные переживания известной части общества, научного интереса.

Подготовка немецкого текста к изданию и перевод на русский язык сделаны под моей редакцией Э. Г. Иогансон.

Der 14-te Dezember 1825.

P. Hackel.

Dienstag, den 15. Dezember. — Die Ungewißheit über die Ereigniße, die sich gestern in Petersburg zugetragen haben müssen, treibt meine Unruhe aufs Höchste. Es muß etwas bedeutendes, etwas sehr wichtiges seyn, denn die Vorkehrungen, die ich diese Nacht treffen hörte, lassen das Schrecklichste,—einen Aufstand—erwarten. Es ahnte mir schon gestern, als hier dem Kayser Nicolai gehuldigt wurde, daß einige Regimenter Schwierigkeiten machen würden, es wird nicht einem jeden eingeleuchtet haben, wie es mit dem schnellen Thronwechsel zusammenhängt, und was die Ursache

ist, daß man innerhalb drei Wochen zwei Kaysern gehuldigt hat. — Indessen hier fügte sich alles ruhig in den Inhalt des Manifestes.

Ich legte mich gestern um elf Uhr zu Bette, konnte lange nicht einschlafen, wie es in meiner Krankheit immer der Fall war, doch dieses mal wurde ich durch ein ungewöhnliches Hin- und Herlaufen auf den Treppen, ein Flüstern und lauteres Gerede unter meinem Fenster noch mehr ermuntert; ich glaubte die Ursache dieses nächtlichen Tumults mir dadurch zu erklären, daß man vielleicht den Kayser hierher erwarte und dazu Anstalten getroffen wurden; ein wenig später schien es mir, als hörte ich Truppenabteilungen vorbeimarschiren. — Es wurde stiller und ich schlief ein, wiewohl sehr spät.

Gegen Morgen wurde ich wieder durch einen bedeutenden Lärm unter meinem Fenster geweckt, ich hörte commandiren und bald darauf deutlich die Stimme des Bataillonscommandeurs des Preobrashenskischen Bataillons, welcher das Manifest verlas, — darauf folgte der Schwur, die Maße von Stimmen, die ihn nachsprach, war schauerlich in der Stille des frühmorgens anzuhören. Ich glaubte mir diese Vorkehrung, so früh die Leute schwören zu lassen, auch durch die Ankunft des Kaysers deuten zu können. Von unseren hörte ich nichts. Das Bataillon wurde auseinander gelassen, doch schloß ich aus dem Hin- und Hergehen, das fortdauerte, daß die Compagnien noch nicht auseinander gegangen waren. Ich wollte eben wieder einschlafen, als mich der Generalmarsch weckte, — ich sprang auf, — das konnte nichts anderes bedeuten, als daß das Bataillon ausrücke, — dieser Gedanke, wie auch die verschiedenen Muthmaßungen über die Ursachen eines so unerwarteten Ereignißes ließen mir keine Ruhe, —ich rief Orlow: er solle sich erkundigen, weswegen die Soldaten ausmarschieren und ob die Unsrigen auch den Befehl hätten? Seine Antwort trieb meine Unruhe aufs Höchste, und erregte eine Angst über das, was vorgefallen seyn müsse, die ich nicht beschreiben kann — „unser Bataillon", sagte er, „sey schon in der Nacht auf einen Befehl, den ein Feldjäger gebracht, aufs schleunigste nach Petersburg, mit scharfen Patronen versehen, marschiert, gleichfalls die Husaren, die Preobrashenskischen seyen eben im Begriff dahin auszurücken. Die Ursache sey, wie er gehört habe, daß das Moskausche Preobrashenskiche und Chevalier Garde Regiment dem Kayser N[ikolay] nicht haben schwören wollen, sondern Constantin als rechtmäßigen Thronfolger, dem sie schon den Eid geleistet, nur anerkennen wollten". — „Ja", fügte er hinzu, im Moskauschen Regiment sey der Aufstand so groß gewesen, daß die Soldaten den General Frederiks niedergestoßen haben sollen, daß man die Kasernen mit Kanonen besetzt hielte. — So unbefriedigt mir ein solches Gerücht war, und so wenig ich dem Detail Glauben beymaß, so mußte doch etwas Unerhörtes paßiert seyn, daß man die Truppen von hier so über Hals Kopf nach Petersburg verlangte.

Unser Bataillon war weg, ich wußte von alle dem nichts, — was sollte ich nun machen, — ich war zwar krank, und der Oberst Rehbinder wußte es,

hatte mich auch von Dienstleistungen dispensirt, indessen ich hatte mich nicht rapportirt, auch hatte ich ein Verlangen, Zeuge der Begebenheiten zu seyn, die jetzt in der Residenz vorgehen. Ich beschloß in dem ersten Augenblicke nach Petersburg zu fahren, hatte mich auch schon halb angekleidet, als ich aber überlegte, daß ich eigentlich nichts bestimmtes wußte, wo ich das Bat(aillon) finden würde, daß man mir doch gar keine Order gegeben mitzugehen (welches freilich leicht in dem Tumult vergessen werden konnte) und daß ich auch keine Pferde bekommen konnte, daß ich auch, wenn ich vielleicht genöthigt wäre mich in bloßer Uniform der kalten Luft auszusetzen, leicht, ja wahrscheinlich wieder krank werden würde, beschloß ich nicht zu fahren, um mich aber sicher zu stellen, wenn Nachfrage geschehen sollte, warum ich nicht mit dem Bataillon gezogen sey, mich krank zu rappoptiren. Nachdem ich dieses gethan, wurde ich ruhiger ud kleidete mich wieder aus und legte mich hin, denn die Uhr war erst fünf und ich hatte fast gar nicht geschlafen. Bald darauf hörte ich wieder commandiren. Das Preobr-[ashenskische] Bat[aillon] versammelte sich, dann hörte ich ein wiederholtes hurrah! rufen und sie wegmarschiren. — Mein Gemüthwar sehr aufgeregt, allerhand schreckliche Gedanken und Bilder schwebten mir vor, bis ich endlich in Schlaf verfiel und so in Träume überging.

Als ich um 10 Uhr aufstand, war alles still. Näheres konnte ich von niemand erfahren, denn ich war der einzige nachgeblieben in der Kaserne. Nur die Dentschiki und die Schreiber waren nicht mitgegangen, aber auch sie konnten nichts mehr wissen, als daß das Bataillon mehr gelaufen als gezogen sey.

Meine Unruhe über die Lage der Dinge in Petersburg steigt mit jeder Minute, ich verfalle auf allerhand Muthmaßungen, — bald stelle ich es mir bloß als eine Vorsichtsmaßregel vor, und verwerfe alle Gedanken an vorgefallene Thätlichkeiten, — bald scheint es mir aber, das ärgste sey zu erwarten, sobald Regimenter aus den Schranken des blinden Unterwerfens heraustretend, in die höhere Verfügung eigenmächtig eingegriffen haben mochten und ihre Unzufriedenheit über dieselbe an den Tag legen. — Ich erwarte alle Augenblicke etwas bestimmteres zu hören und weiß doch nicht woher — ich denke das Bataillon müsse bald zurückkehren und will deswegen nicht nach Petersburg. Das Gerassel eines jeden vorbeifahrenden Wagens treibt mich ans Fenster, hör ich eine Stimme, so spring ich vom Stuhle auf, — aber bleibe in der Ungewißheit, die mich martert und peinigt. Gott wie wird das enden! (O Alexander, wenn du wüßtest, wie die Ruhe, die während deiner Regierung herrschte, gestört ist. — O warum mußtest du[1] dem Reiche und dem Volke entrissen werden, welche du durch deine Regierung beglücktest!)

---

[1] Зачеркнуто: „die Welt verlassen der du“.

(Eine Stunde später). Endlich bin ich doch aus der gänzlichen Ungewißheit gerissen. Obgleich ich immer noch nichts bestimmtes über die Vorfälle in Petersburg erfahre, weiß ich wenigstens, wo mein Bataillon ist. Der Schreiber benachrichtigte mich, es sey auf dem Wege nach Petersburg auf der Colonie aufgehalten worden, und habe sich dort in Quartiere verteilt, man habe noch Proviant geholt und wisse nicht, wie lange man dort bleiben werde. Die Leibhusaren stehen bei der Средняя роратка und haben in verschiedenen Distancen nach Petersburg zu Piket ausgestellt, die Order haben, niemand, der aus der Stadt kommt, durchzulassen, und nach der Stadt nur die, welche mit einem Billet vom General Patapow, der über alle diese versammelten Truppen das Commando hat, versehen ist. Etwas schreckliches muß vorgefallen seyn, welches solche Maßregeln erforderlich macht.

Abends. Die Gewißheit der schrecklichsten Dinge ist doch nicht so marternd, als die Ungewißheit, — aber diese Gewißheit der Nachrichten über die gestern in Petersburg sich ereigneten Begebenheiten ist so schrecklich, daß mir, als ich sie erzählen hörte, das Blut in den Adern stockte und der Athem verging. Wie soll ich es anfangen, das durch die Feder auszudrücken, wovon ich nur unzusammenhängende Ideen habe, was ich lange für einen Traum hielt; ich habe keine Ruhe, ich muß die verworren unzusammenhängende Skizze der erzählten Tatsachen ordnen, um sie deutlich vor mir zu haben und mir im ganzen einen Begriff von der in Rußland durch jahrelange Ruhe und blinde Unterwürfigkeit unerhörten Empörung gegen die obere Gewalt zu machen. Ich saß und laß «Tristram Shandy», als Baron Solowjew zu mir kam; ich sprang erfreut auf, endlich wieder jemand aus unserem Bataillon zu sehen und etwas näheres, bestimmteres zu erfahren. Aus den abgebrochenen Nachrichten, die er mir oft unterbrochen gad, und welche Baron Steinwher, der mit der Compagnie zurückkehrte, noch vermehrte, geht folgendes gräßliche Ganze hervor.

Es war Montag den 14. Dezember, als das zweite Bataillon des Moskauer Garderegiments, von denen die meisten Soldaten betrunken (welche alle betrunken und wahrscheinlich schon früher aufgewiegelt waren, dem Kayser Nikolay) nicht zu schwören, äußerten nun laut ihre Unzufriedenheit, daß man ihnen den Kayser Constantin, dem sie gehuldigt, dem sie durch den Wahn, in dem sie S. R. [1] bestärkt, und dem sie... [2] glaubten, nicht zeige, weigerten [3] sich bei der Eidesleistung zu schwören; der Kapitän Rostopschin, Fürst Schtschipin Rostowskj...[4] Rjumin — Bestuschew mit der Bibel und Pistole in der

---

[1] Щепин-Ростовский.
[2] Не разобрано одно слово.
[3] От этого слова и до слова „Unzufriedenen“ зачеркнуто.
[4] Не разобрано одно слово.

Hand, der sie schon vorher aufgewiegelt und wahrscheinlich...[1] betrunken gemacht hatte, war an der Spitze dieser Aufwiegler, ging von Glied zu Glied der Unzufriedenen.

So stürmten sie in Unordnung aus den Kasernen. S. R. an ihrer Spitze und riefen, es lebe der Kayser Constantin. Ihm haben wir geschworen und nur ihn wollen wir als unseren Kayser anerkennen und treu bleiben.[2] Keine Vorstellung der Chefs, wie die Sache sich verhalte, noch die Verlesung des Entsagungsbriefes Constantins, des Manifestes N. beruhigte sie, sie forderten ihren Kayser, man zeige ihn uns, man gebe ihn heraus, ihr habt ihn gefangen. Der General Schenschin,[5] welcher auf die ersten Soldaten losging, wurde mit einem Säbelhieb niedergehauen, — General Frederiks, ihr Reg.-Comm., der auf sie zuging, ihnen ihr Vorgehen vorwerfend, und mit Drohungen sie zur Ergebenheit dem Kayser N. ermahnend, wurde von einem Soldaten der Leib mit dem Bajonett aufgerissen, er fiel als das zweite Opfer ihrer Wuth, welche nun sich aller Soldaten bemächtigte...[3] Nun sie einmal aus den Schranken der Menschlichkeit getreten waren, wurden sie zu wilden Bestien. Man wollte sie im dem Hofe der Kaserne einschließen; es wurden Schildwachen ausgestellt, — sie bahnten sich den Weg mit Flintenschüssen und Bajonettstößen, mehrere kamen ums Leben; so lief diese (wilde) rasende Schaar mit geladenen Flinten und gesenkten Fahnen durch die Erbsen-Straße dem Winterpalais schießend zu auf ihrem Weg Excesse...[4] ausübend, sie hielten Offiziere an und fragten, wem sie geschworen, — die Tore des Winterpalais wurden geschlossen—sie versammelten sich vor dem Palais, forderten den Kayser Constantin. Der Kayser, die Kayserin erschienen auf dem Balkon (man kann sich denken in welcher Stimmung). Der Kayser rief ihnen zu, sie sollten zu Sinnen kommen, sollten bedenken, was sie thäten, er sey Ihr Kayser, Constantin habe dem Throne entsagt, kurz er suchte sie auf alle Art zu beruhigen. Man schickte den Metropoliten mit dem Kreuz sie zu besänftigen. Sie verspotteten ihn. Nichts half. Unterdessen[6] war der Befehl an alle Garderegimenter Cavalerie und Artillerie gelangt, sich mit geladenen Gewehren und Kanonen nach dem Winterpalais zu begeben, — ihn zu umzingeln. Mit der größten Geschwindigkeit wurde dieser ausgeführt. Das Volk fing an sich zu empören, Constantin auszurufen, — sie versammelten sich haufenweise. Es blieb nichts übrig als die Waffen gegen die Empörer zu richten. An allen Eingängen der Straßen vom Winterpalais wurden Kanonen mit

---

[1] Не разобрано два слова.

[2] Последние два слова приписаны карандашом.

[3] Не разобрано семь слов.

[4] Не разобрано одно слово.

[5] От слов „Der General Schenschin“ до слова „Constantin“ зачеркнуто карандашом.

[6] От слова „Unterdessen“ до слова „ausgeführt“ зачеркнуто.

Kartätschen geladen aufgeführt. Alle Regimenter standen unter Gewehr.[1] Zu verschiedenen malen schickte der Kayser Abgeordnete zu den Aufwieglern, sie sollten zu ihrer Pflicht zurückkehren. In[2] dieser Funktion sprengte auch der Graf Miloradowitsch an eine der Quarres, welche diese Empörer formiert hatten; er, der sein Leben in unzähligen Schlachten aufs Spiel gesetzt, immer der Gefahr blindlings entgegengerannt war, welches ein Hauptzug in seinem Charakter war, that es auch hier; er gab dem Haufen, welchem er sich genähert, ein Zeichen, daß er mit ihm zu sprechen wünsche; geehrt und beliebt wie er bey den Soldaten war, schwieg alles, um ihn anzuhören, ja man präsentierte ihm sogar das Gewehr; er stellte den Soldaten ihr Unrecht vor, setzte ihnen die Sache ins gehörige Licht, ermahnte sie zu ihrer Pflicht zurückzukehren und sich zu ergeben, sie sollten alle begnadigt werden, man hörte ihn ruhig an, und schon fingen einige an zu erwidern, es entstand eine Art Uneinigkeit unter ihnen und einige wollten sich schon abtheilen, als wie rasend ein junger, langer, hagerer Mann im Frack aus ihrer Reihe hervorstürzte — Küchelbecker war es, ein bekannter Phantast. ein fanatischer Anhänger aller Freigeister liberaler und carbonaris, der sogar eine Zeitlang in Paris als ein öffentlicher Redner für die Freiheit und den Sturz der Tyrannen Epoche gemacht hatte. „Was wollt ihr beginnen?“ schrie er, — „glaubt doch seinen Worten nicht, wisset, daß er als Generalgouverneur von Petersburg die größte Schuld trägt, daß Constantin geangen gefhalten wird, stoßet ihn nieder, gebt ihm den Lohn, das er euren rechtmäßigen Kayser nicht anerkennen will.“ Indem er dieses sagte, zielte er mit dem Pistol auf ihn (Miloradowitsch); die Kugel geht ihm durch die Seite, er stürzt vom Pferde. Die letzten Worte Küchelbeckers haben die Wuth der Empörer entflammt, man schießt auf ihn, einige stürzen mit dem Bajonett auf ihn los, er wird noch am Kopf und am Beine verwundet, und der Held, der ehedem Suworows Fuß gefolgt, so oft gleichsam den Tod herausgefordert hatte, und trotzdem nie verwundet worden war, fällt hier als ein Opfer der Raserey seiner eigenen Soldaten, — o unergründliches, unbegreifliches Schicksal! —

Es blieb ohne Wirkung.[3] Der Lärm wurde immer größer. Endlich entschloß sich der Kayser das Äußerste zu wagen und selbst unter sie zu treten und mit ihnen zu sprechen. Er nahm Abschied von der Kayserin Mutter und seiner Gemahlin, denn man mußte sich aufs Äußerste gefaßt machen, (O die schreckliche Lage der unglücklichen Mutter...)[4] er bekreuzigte sich und ging zu ihnen. Er stellte ihnen nochmals die Lage vor und sagte, wie sie

---

[1] Вставлено несколько неразобранных слов.

[2] Начиная отсюда и до слова „Schicksal“, текст перенесен из вставки автора, сделанной в конце рукописи.

[3] Зачеркнута вся фраза.

[4] Многоточие в рукописи.

es glauben könnten, daß er gegen seinen Bruder so eine That unternehmen könne ihm die Krone entreißen zu wollen, — er wäre durch den Willen des seligen Kaysers und seines Bruders Konstantin — genöthigt den Thron zu besteigen sie sollten (sich) ruhig verhalten, und ihn anerkennen, er wolle sie alle begnadigen. — Keiner wagte es Hand an ihn zu legen und die Waffen zu gebrauchen, die in ihrer Hand waren. Wir können das nicht glauben, Ew. Kayserliche Hoheit, wir haben dem Kayser Constantin geschworen, wir wollen ihn sehen und nur ihn anerkenmen. Gebt ihn uns heraus und wir wollen weiter von nichts hören und wissen, so sprachen soschrien vielmehr alle durcheinander. Man sieht deutlich, daß nur der Brandweingeist aus ihnen sprach und ihre Handlungen leitete, denn sie nahmen durchaus nicht raison an, und ließen dar keine Vorstellung gelten. Der Kayser war genöthigt sich zurückzuziehen. Man mußte jetzt zum Äußersten schreiten, um das Volk in Schrecken zu jagen, um die Empörer zu vernichten und sich ihrer todt oder lebendig zu bemächtigen. — Auch die Garde Equipage hatte sich empört unter Anführung einiger Offiziere. Sie warteten schon in den Strassen und riefen den Kayser Constantin aus. Das Leib Grenadier Regiment — hatte sich auf der Petersburger Seite gleichsfalls aufgewiegelt...[1] sie verließen ihre Kasernen und näherten sich gleichfalls dem Winterpalais, wo sie sich mit den Moskauschen vereinigten. Der Oberst Stürler ihr Commandeur wurde[2] das Opfer ihrer Wuth. Über die Täthlichkeiten, die dort verübt wurden, habe ich nichts Näheres gehört. Der Oberst Stürler hinterläßt eine junge unglückliche Wittwe. O schreckensvoller[3] Tag! was hast du dir für Opfer auserlesen. — Ahnte ich das wohl, als ich den Abend ganz ruhig doch mit Schauder das Trauerspiel „Die Bartholomäusnacht“ las (O die arme Stürlerin, voriges Jahr war ich so oft mit ihr in Gesellschaft, lernte sie kennen und schätzen, — o unglückliche Mutter und Schwester. — Den Bruder der Frau hat der Kayser zum Flügeladjutanten gemacht, — ein edler Zug, gewiß wird er auch der Frau ein Los zu bereiten suchen, welches, wenn auch ihren Schmerz nicht verringern kann, sie aber wenigstens in ökonomischer Hinsicht sicher stellt).[4]

Noch tobten die Moskauschen auf dem Platz vor dem Winterpalais. Der Kayser gab den Befehl die Kanonen auf sie zu richten, — doch seine Gnade hatte noch kein Ende, — er schickte nochmals ab, um sie aufzufordern sich zu ergeben, es half nichts, er rief den Artilleristen: Hört mein Commando, — schon war das Commando Wort „первая“ gegeben, — die Langmuth und das große edle Herz, welches nicht das Blut seiner Untertanen fließen lassen wollte, ließ den Kayser noch einmal die Wütheriche auffordern — es that keine Wirkung. „Nun — sie wollen es nicht anders — muß ich wider

---

[1] Не разобрано три слова.
[2] От слова „wurde“ до слова „gehört“ зачеркнуто.
[3] От слова „O schreckensvoller“ до слова „las“ зачеркнуто карандашом
[4] Скобки поставлены карандашом.

willen Blut vergießen lassen", rief er aus, und das Commando Wort: „Feuer", wurde gegeben. Die Kartätschen streckten mehrere Glieder der Empörer nieder, sie[1] zerstreuten sich her und dahin fliehend. Es begann ein gegenseitiges Flintenfeuer, in welchem mehrere verwundet wurden. Die Straßen wurden gesperrt. Kosaken und Infanterie Patrouillen durchstreiften die Straßen. Verdächtige wurden angehalten, die Flüchtlinge aufgefangen und nach der Polizei gebracht, sich sammelnde Haufen Volks auseinander getrieben. Die Piken und... Kantschuhs der Kosaken waren in Bewegung. Das aufgewiegelte Volk hatte sich hinter den Zaun bey der Isaaks Kirche geflüchtet, eine Kartätschen Salve...[2] trieb sie auseinander. Die Garde zu Pferde kam mit ihnen ins Handgemenge; das Volk schlug mit Knütteln, warf mit Steinen.[3] Haufenweise und einzeln wurden nun mehr der flüchtigen Empörer eingebracht, viele ergaben sich selbst — man führte sie nach dem Winterpalais, wo der Kayser den Reuigen vergab. — Blaß und abgehärmt ging der Großfürst M. in dem Saale des Winterpalais, wo er sonst die Ordonanzen empfing, herum; Baron Solowieff von unserem Bat. abgesandt zu melden, daß er an den Ort der Bestimmung angelangt sey, nahm er unter den Arm, sprach sehr gütig und herablassend mit ihm, fragte, ob alles bey uns ruhig sey, — so auch Schmidt, der einige eingefangene Offiziere von der Garde-Equipage gebracht hatte, den er sonst selten eines Blickes gewürdigt, faßte er mit ihm sprechend unter dem Arm. Ein Adjutant von dieser Equipage wurde mit gebundenen Händen unter Convoy eingebracht — Der Großfürst trat zu ihm und sagte ihm: „Мерзавецъ, что ты надѣлалъ? — О подлецы! Гдѣ твой брат?"

Alles war dort in der größten Verwirrung und ging auf und ab...[4] Die Zahl der eingebrachten Gefangenen vermehrte sich mit jedem Augenblick. Lazareff, der Adjutant des Kaysers, der früher in der Equipage gedient, weinte und konnte sich nicht fassen, — der Kayser hatte ihm gesagt: „Вотъ, что твои сослуживцы надѣлали!"... Jakubow. .., ein verabschiedeter Uhlanen Offizier, der auch von der Partei der Aufwiegler war, bat beim Kayser vorgelassen zu werden; er flehte um Gnade, er bekannte reuig seyn Verbrechen, zu dem er sich hatte verleiten lassen, er versprach die Hauptanstifter, die er kannte, anzugeben. — Der Kayser gab ihm die Hand und sagte: „Ich verzeihe dir, geh, du bist frey" — welch edler Zug! So sah es im Winterpalais aus, — wie sah es aber in den inneren Gemächern der Kayserin aus. Wer vermag dorthin einen Blick zu werfen, ohne daß ihm beim Gedanken daran das Herz blutet.

Die Truppen hatten sich unterdessen um das Palais biwakartig formirt, es brannten auf dem Platze große Feuer, woran sich die Soldaten

---

[1] От слов „sie zerstreuten" до слова „gesperrt" зачеркнуто.
[2] Не разобрано три вставленных слова.
[3] Зачеркнуты слова: „Die Soldaten mit Säbeln".
[4] Не разобрано три слова.

wärmten. Die ganze Stadt soll davon erleuchtet gewesen seyn. Schauerlich muß dieser unerhörte Anblick gewesen seyn — die Feuer, die Menschenmassen in der dunklen Nacht. Die Kavaleristen hatten abgesessen, den Pferden frisches Heu geschüttet, die Kanonen und auch die Soldaten blieben den ganzen Tag so stehen, es wurde ihnen Essen gebracht, kurz, es sah wie auf einem Schlachtfelde aus, wo sonst die Soldaten in der musterhaftesten Disziplin zum Tode marschirten.

Die meisten der Aufwiegler waren theils eingefangen, theils ergaben sie sich selbst. Die Festung war schon mit denselben angefüllt, die meisten waren begnadigt — aber viele Menschen hatte es gekostet. Auch ein Held, der in unzähligen Schlachten sein Leben glücklich erhalten hatte, war an diesem verhängnisvollen Tage gefallen und kam gräßlich ums Leben; er, der in so vielen Feldzügen siegreich seine Truppen geführt hatte, fiel hier, von den Händen seiner eigenen Soldaten gemordet: Graf Miloradowitsch, tödlich durch Bojonettstiche verwundet, lebte nur zwei Stunden... noch weiß ich nicht,[1] auf welche Art er ums Leben gekommen; er hatte dem Vaterland gedient und starb für seinen Kayser. Unterdessen war die Ruhe wieder hergestellt — aber was muß das für eine furchtbare Ruhe gewesen seyn, die nun eintrat, das Volk war auseinandergejagt und hatte sich ruhig zurückgezogen, was wird man nicht noch alles hören. Man beobachtete die strengste Wachsamkeit, um das Gerücht dieser Begebenheit nicht aus der Stadt zu lassen, ohne Billet darf niemand das Thor passieren. Die Post wird aufgehalten, die Briefe werden wahrscheinlich geöffnet. Ich bin wegen früher geschriebener Briefe in Unruhe, ich schrieb ja nichts als Anspielungen auf die Ungewißheit über die Thronfolge; gut, daß mein letzter Brief an Vater nur die Nachricht von dem Thronbesteigen N. enthielt. Es tut mir leid, dass ich nicht Zeuge dieser schrecklichen Ereignisse gewesen bin, so etwas...[2] man nur einmal erlebt...[3] und fürs ganze Leben ist so eine Epoche von großer Wichtigkeit. Um 2 Uhr Mittags erhielt unser Bataillon Order nach Zarskoje zurückzukehren. Wie war ich froh, als ich meine Kameraden wiedersah, und aus der schrecklichen Unruhe gerissen wurde, in welcher ich den ganzen Tag gelebt hatte. Es ist spät, aber noch flieht mich der Schlummer. Wie gräßlich muß diese Nacht denjenigen seyn, die gestern vielleicht das Liebste auf Erden verloren. Der Sturm tobt draußen; — ich denke an die vorigjährige Ueberschwemmung, o das war ein großes Unglück, welches sie verkündigte! ein Blutbad!

Der Kayser und der Großfürst fährt nicht anders als mit einer Eskorte von der Garde zu Pferde — o wenn ich doch jetzt in Petersburg wäre!

---

[1] Зачеркнуто карандашом.
[2] Семь зачеркнутых слов не разобрано.
[3] Шесть зачеркнутых слов не разобрано.

Alle übrigen Regimenter sollen sich musterhaft benommen haben, gerade von den Jsmaïlofschen und den Jägern, gegen die N. oft zu streng war, hatte ich das Gegenteil erwartet. Diese Unbesonnenheit, ja Verrücktheit der Offiziere, die in der Empörung verwickelt,—kann ich nicht begreifen,—es sollen 150 an der Zahl aus verschiedenen fast allen Regimentern miteinander, seyn — was konnten sie für einen Zweck haben, wie konnten sie glauben, daß sie mit der Handvoll Leute ohne Plan etwas gegen die Großmacht ausrichten könnten? Auf jeden Fall scheint es mir, als müsse vorher irgend eine Verabredung stattgefunden haben. Ein[1] Glück, daß sich die Leibgrenadiere nicht mit den Moskauschen und der Equipage vereinen konnten, dann wäre es zu einer ernstlichen Schlacht gekommen. Noch ist mir, als sehe ich alles hinter einem Flor, als sey alles ein Traum. So verworren ist die Erzählung von den Vorfällen. Der Fürst Rostopschin wurde, als die Aufwiegler sich aus den Kasernen mit Gewalt den Weg bahnten, in dem er sich in ein Haus geflüchtet hatte, von unserem Adjutanten Tornberg gefangen. Sogleich band man ihm die Hände auf den Rücken und führte ihn zum Regiment. Die Offiziere, durchdrungen von Unwillen über die Schande, die er über das ganze Offizier Corps und ihre Uniform gebracht, mißhandelten ihn, rissen ihm die Epauletts von dem Kragen ab, — sehr niedrig war es aber von dem Obersten Nejelow, dem Commandeur des rebellis. Bat., daß er sich so vergaß, und ihm ins Gesicht spuckte — er entehrte sich selbst mehr dadurch als ihn. Fürst Obolensky, Adjutant des Generals Bisrtam, als Haupt, Bestuschew 4 Brüder, lauter junge Leute...[2] mit verschrobenen Ansichten von Freiheit, es ist einleuchtend, daß sie schon eine geraume Zeit vorher dieses Complott gestiftet und auch ihre Zusammenkünfte gehabt hatten, welche zu dem gräßlichen aber zugleich unvernünftigen Resultat führteu, die Soldateu aufzuwigeln durch Brandwein, und allerhand andere Mittel, wodurch sie berauschten, Versprechungen und Vorspiegelungen, die sie den Soldaten machten und ihnen den Gang der Dinge in einem ganz falschen Licht zeigten, gelang es ihnen, sich einen Anhang unter den Soldaten zu verschaffen, welche nur als blinde Werkzeuge ihrer Pläne anzusehen sind. Sie bedienten sich der Anhänglichkeit, welche das russische Volk an ihren (seinen) rechtmäßigen Regenten immer bewiesen hat, als Mittel, um die Soldaten und das Volk gegen Nikolaj aufzuwiegeln, welchen sie als einen Prätendenten darstellten, der Constantin die Krone entreißen wolle. Es ist klar, dass dieses nur ein Vorwand gewesen seyn muß, um sich einen Anhang zu verschaffen...[3] daß dieser sich vermehren und zuletzt in allen Regimentern anstecken würde. Aber der Zweck dieser Verbündeten kann nicht

---

[1] От слова „Ein Glück“ до слова „Flor“ зачеркнуто.
[2] Не разобрано три слова.
[3] Не разобрано три слова.

gewesen seyn, Constantin auf den Thron zu setzen, denn was erwartete ihrer für ein Lohn, wenn sie dieses auch durchgesetzt — welches nur ein Mensch ohne Sinn und Verstand ausführbar glauben konnte, und da in diesem Complott alle Journalisten, kurz alle aufgeklärtesten und hellen Köpfe Rußlands waren, die bisher durch ihre Schriften sich in der russischen Litteratur ausgezeichnet haben, und besonders da ein Küchelbecker und drgl, mehrere sich unter ihnen befanden, läßt sich nichts geringeres denken, als daß ihre Absicht gewesen seyn muß, die ganze russische Regierungsform und die Monarchie umzustürzen und die Constitution zu fordern — ein furchtbarer Gedanke, der aber nur in phantastischen Köpfen, die sich ganz ihren verrückten Ideen von Freiheit und Gleichheit hingaben, entstehen konnten, und die ein solches in Rußland ausführbar glauben konnten, welche nur den günstigen Augenblick benutzend, nicht die Folgen und den Ausgang berechneten, den ein so unsinniger Plan haben mußte. Freilich hatte dieses Vorhaben einen noch gräßlicheren unflätigeren Ausgang genommen, welcher wie ich jetzt höre, und wie ich oben voraussetzte, eine vollkommene Conspiration gewesen ist, die schon unter der Regierung Alexanders existiert, von der er auch gewußt hat, die Untersuchung aber auf eigenen Wunseh aufgeschoben hatte. In der reutenden Artillerie haben ebenfalls die Soldaten, von ihren Offizieren in den Wahn gesetzt, man wolle Constantin die Krone wider seinen Willen entreißen, nicht schwören wollen, doch zum Glück kam der Groszfürst M[ichael] [1] dem schrecklichen Unheil, welches daun angestiftet worden wäre, zuvor.— Als die Soldaten sich zu schwören weigerten und ihm die Ursache sagten, ließ er gleich die Offiziere arretiren und von der Artillerie zu Fuß, die geschworen hatte, die Ausgänge der Kasernen mit Kanonen besetzen, die Order hinterlassen, sobald sich ein Mann regen würde, um die Kaserne zu verlassen, man auf sie feuern sollte. Wäre es den Conspiranten gelungen, wie es ihr Plan gewesen, sich vor dem Senat zu versammeln, dort mit ihrem Anhang mit den Waffen der Soldaten, von Geschütz der reutenden Artillerie unterstützt, einzudringen, und den Senat zu zwingen, die Constitution, die von ihnen schon entworfen war, zu unterschreiben und dann in das Winterpalais zu dringen um den Kayser dazu zu zwingen — was für Ströme Bluts wären dann geflossen. Sehr lächerlich ist es, wie die Verschworenen unter dem Volk und den Soldaten, die Constitution ausgerufen haben, diese glaubten (wie sie auch nicht anders glauben konnten), es sei Constantin, den sie ausriefen (denn was hat ein Ruße für einen Begriff von Constitution) und so schrien sie auch Constantin und setzten hinzu, „was geht uns Constantin seine Frau an — wir wollen nur den Constantin“. Man sieht, wie man das arme Volk verblendete, daß sie blos als Maschinen zu

---

[1] Зачеркнуто: „dem Ausbruch“.

gebrauchen sind...[1] Ein Bauer der im Arm von einer Kartätsche verwundet, sagte: „вотъ тѣ и Констанція!“

So ist denn das wirklich eingetreten, was Magnitzky von diesen aufgeklärten Köpfen prophezeyt haben soll. Ob aber die Maßregeln, die man nahm, um sie zu unterdrücken nicht gerade diese schrecklichen Excesse beschleunigt, ja herbeygeschafft haben, ist eine andere Frage. So viel ist gewiß, daß schon lange eine Verbindung dieser Art stattgefunden haben muß, und daß sie sich den gestrigen ungewöhnlichen Hergang der Dinge bey der Thronveränderung zu Nutze machten, und auch mehrere junge Leute drin wider Willen verwickelten. Unter diesen Verblendeten befand sich ein junger Fürst... nsky erst einige Monat Offizier, ein junger Storch und mehrere andere hoffnungsvolle junge Leute (Ersteren hat der Kayser seiner Mutter zugeschickt, sie solle ihn bessern) — Es ist natürlich, dass die Jungen, die eine Ehrenauszeichnung darin suchten mit Gretsch, Bulgarin, Rylejew, Bestuschew, Küchelbecker etc. etc. liirt zu seyn, sich leicht von ihrem Geiste beseelt, verleiten ließen, sich ihnen ganz hinzugeben.

Die Seele[2] dieser Conspiration, die das Ganze geleitet und zu dem Zwecke eine Constitution zu fordern herbeigeführt hat, ist ein Oberst Fürst Trubetzkoy dieser Stabsoffizier aus der 2-ten Armee, der sich hier auf Urlaub befand, — er selbst hat an den Thätlichkeiten nicht Theil genommen, sondern befand sich an dem verhängnisvollen Tage während dem Treueid im Winterpalais; wahrscheinlich lag das auch in seinem Plan jemand dort schon vorzufinden. Andere Verbündete haben ihn beym Verhör angegeben. Man hat unter seinen Papieren eine Liste aller Conspiranten gefunden, unter denen auch viele Offiziere und andere Personeu sind, die nicht hier anwesend und ansässig sind, woraus wan schließen kann, daß es ihre eigentliche Absicht nicht war, schon jetzt loszubrechen, folglich ihr Plan auch nicht zur Ausführung reif war. Der Moment, sich Anhang unter dem Volk und Unterstützung der Soldaten zu verschaffen, konnte aber nicht günstiger seyn, indem sie einen anderen Vorwand unterschoben. Wie hätten sie auch sonst den rohen Russen zum Aufstande um die Constitution zu fordern bereitwillig gemacht.

Dieser Trubetzkoy hat eine Gräfin Laval zur Frau, eine Schwester des Österreichischen Gesandten Lebzeltern[3] woraus man auf so manches schließen kann, welches am Ende doch zu einem wichtigen Resultate geführt hatte.

Nach dem, was der Wütherich Stschepin Rostowsky verübte, läßt sich nichts anderes denken, als daß er irgend ein berauschendes Mittel zu sich genommen, welches ihm für die Zeit, daß seine Wuh dauerte, ganz den Verstand benahm, denn wie konnte er sonst solche Gräuelthaten verübt haben,

---

[1] Не разобрано семь слов.

[2] От этого слова и до слов „geführthatte“ — вставка, написанная автором отдельно.

[3] Последнее слово приписано карандашом.

ohne daß ihn irgend ein Rachegefühl antrieb, ohne daß er nur Ursache (hatte), diejenigen, die er mordete, anzufeinden.

Nachdem, was ich (heute) vom Obristen Rehbinder gehört, verhält es sich mit dem Anfang der Rebellion ganz anders. Nämlich so.[1]

Der General Schenschin, Brigade-Commandeur des Moskauschen Regiments, versammelte das Offiziers-Corps dieses Regiments in dem Quartier des Generals Baron Fredriks, um ihnen das Manifest des Kaysers und die Entsagung Constantins vorzulesen und sie dann zum Schwur zu führen. Zwei Offiziere fehlten, der Kapitän, Fürst Stschepin-Rostowsky und Bestuschew-Rjumin; man glaubte sie irgendwo beschäftigt, und begann die Verlesung der Akte. Ein ganz unerwarteter Lärm, der im Hof entstand, das Rühren der Trommel, zog die Aufmerksamkeit aller auf sich. Alles stürzte zur Thür hinaus nach dem Schauplatz, wo diese Unordnung entstand; der Kapitän Sch. Rost. stürzte mit entblößtem Säbel und geladener Pistole in der Hand aus der Kaserne, ihm folgte ein Haufen Soldaten, der immer anwuchs; er bestand aus Leuten von allen beiden Bataillonen, ungefähr 700 an der Zahl. Der Obrist Chwoschtschinsky lief auf den Kap. S. [tschepin]-R. [ostowsky] zu ihn fragend, was dieser Aufzug bedeute, ob er verrükt geworden wäre, das ganze Regiment so zu entehren? Statt einer Antwort erhielt er von S. R. einen Hieb mit dem Säbel über den Kopf, welcher seinen Kiver (Helm) spaltete und ihm eine tiefe Kopfwunde beibrachte. Chwosch. wollte sich seiner bemächtigen, erhielt aber, indem er seinen Degen ziehen wollte, einen zweiten Hieb über die Schulter, der ihn schwer verwundete, er taumelte zurück. Der General Schenschin, ein feuriger, hitziger Mann, außer sich über das, was er sieht, rennt gerade auf den Wüthenden, doch er hatte nicht die Zeit, ihm ein Wort zuzurufen und ihm den Säbel zu entreißen, welches seine Absicht war, als S. [tschepin]—R. [ostowsky] ihm einen Hieb über den Kopf und das Gesicht versetzte, welcher ihn gleich zu Boden streckte; der rasende S. haut noch, indem er schon liegt, auf ihn zu, — seine eigenen aufrührerischen Soldaten zogen ihn zurück und retteten dadurch den General vor nutzlosem Tode. Doch sein Blutdurst war noch nicht gestillt. Der General Fredriks, der sich ihm nahte und ihn beschwor, er möchte doch zur Vernunft kommen und bedenken, was er thäte, erhielt einen Hieb, der ihm den Hinterschädel spaltete und ihn zu Boden streckte— alles dieses war das Werk eines Augenblicks. — Niemand wagte sich unbewaffnet in seine Nähe, und indem man Anstalten treffen wollte ihn zu fangen, rannte er wie eine wilde Bestie davon den[2] Aufrührern zurufend ihm zu folgen. Diese aufrührerischen Soldaten, die er alle betrunken gemacht und aufgewiegelt hatte, folgten ihm. Man suchte die Eingänge zu sperren und sie aufzuhalten, — (sie) bahnten sich aber mit Bajonetten und Flintenschüssen den Weg, und zogen die Erbsenstraße entlang mit gesenkter Fahne.

[1] Карандашом приписано над строкой „Anfang“.

[2] От слова „den“ до слова „folgen“ написано карандашом.

Alles, was ihnen entgegenkam, wurde angehalten und gefragt, wem man geschworen habe, — welche N. sagten, wurden gemißhandelt. Sie strömten dem Winterpalais zu. Dort hatte man schon von den Vorfällen Nachricht bekommeu, die Thore wurden geschlossen, und aufs schleunigste alle Regimenter der Garde Cavallerie und Artillerie mit scharfen Patronen beordert, das Winterpalais und die daran gränzenden Sraßen zu besetzen. Im nu waren die Regimenter unter dem Gewehr, — ein jeder in welchem Anzug er sich gerade befand. Es gelang einigen Regimentern, den Empörern den Weg nach Wasili Ostrow abzuschneiden, unser Regiment hielt die Galeerenstraße, die Poststraße und die Isaaksstraße besetzt. Man bemühte [1] sich die...[2] Winterpalais auf der Nordseite vereinten sich die Unzufriedenen des Leibgrenadierregiments mit der Moskauschen Der Obrist Stürler, Commandeur dieses Regiments, suchte sie zu ihrer Pflicht zurückzuführen und sie aufzuhalten, — da rannte der Wüthrich Scht. Rost. auf ihn zu, schoß mit dem Pistol nach ihm, traf ihn tödlich. Stürler stürzte vom Pferde, ermannte sich, stand auf, und indem er sich mit beiden Händen umfaßte, machte er mit der letzten Anstrengung noch einige Schritte und fiel tot zu Boden. Unterdessen hatten sich die Rebellen vor dem Winterpalais versammelt (und...[3] Auch das [4]...[5] die Empörer nieder). Viermal wurde mit sechs Kanonen und Kartätschen Feuer gegeben. — Die übrigen reterierten sich nach der Senat Seite in ziemlicher Ordnung. Die Eskadron des Obristen Welliot erhielt den Befehl eine Attaque auf sie zu führen; als sie den Rebellen sich auf 40 Schritte genähert hatten, machten diese halt und gaben eine Salve aus ihren Flinten. Mehrere Soldaten, auch der Commandeur, Obrist Welliot, wurden verwundet. Eine zweite Attaque wartete der nun verringerte Haufe der Rebellen nicht ab, sie zogen sich nach dem Zaun bey der Isaakskirche zurück (da wo das Monument Peters des Großen steht, dessen Geist es jetzt wohl tat über Rußland...[6] sich zu wissen) denn ihnen blieb kein Ausweg, weil die Straßen durch Regimenter gesperrt waren, sie warfen die Gewehre von sich und flohen nach allen Seiten zu, ein jeder sich in die Häuser und Höfe flüchtend; einzelne verteidigten sich noch, doch hörte bald auch das Flintenfeuer auf. Man spricht von einigen Tausenden die an diesem Tage geblieben sind; wieviel Unschuldige darunter, welche die Neugier, ohne es zu wissen, vor den Schlund der Kanonen hingeführt.

---

[1] От слов „Man bemühte“ до слова „Moskauschen“ зачеркнуто.
[2] Не разобрано одно слово.
[3] Следуют слова (стр. 243) „forderten den Kayser Constantin“ до слова „ausgeführt“.
[4] Следуют слова (стр. 243—244) „Volk fing“ до слов „zurückkehren“.
[5] Недостает чего-то в тексте.
[6] Не разобрано два слова.

Dieser[1] Küchelbecker ist das würdigste Subjekt unter ihnen, dessen ganzes Leben nicht anders als ein exaltierter Traum in einer Fieberhitze anzusehen ist. Er ist aus Ehstland und ist hier geboren, wurde im Z. S. Lyceum erzogen, wo er schon als ein Freigeist und Phantast bekannt war, der bei mancher Gelegenheit Proben seines ungezügelten Geistes und von Durst nach Freiheit ablegte; oft soll er sich wie ein völlig verrückter Mensch bewiesen haben, so hat er auch immer in einer Sprache und einem Geiste gesprochen, welche keinem Menschen mit gesundem, ruhigen Verstand begreiflich gewesen seyn sollen. Er hat sich einmal im Lyceum ersäufen wollen, weil ein Eleve ihn mit Essig begossen und er sich für immer beschimpft hielt. Als er aus dem Lyceum entlassen wurde, bekam er eine Anstellung in Civil, aber die Fesseln der Abhängigkeit konnte er nicht lange ertragen; er lebte lange Zeit sich als Dichter in französischer, deutscher und russischer Sprache produzirend, und er machte nicht wenig Aufsehen durch das Feuer und [die] Kraft seiner Ideen, — man kann ihm weder Genie noch Talent absprechen, — aber sein ganzer Geist hatte eine falsche Richtung genommen, ihm fehlte alles Moralische, und er folgte nur seinen Eingebungen und überspannten Ideen von Freiheit; diese zu verbreiten, auf andere überzutragen ist das Hauptziel seines Wirkens gewesen. Später erscheint er als Sekretär des Hofmarschalls Narischkin in Paris, wo er öffentlich als Redner auftrat, anfangs unter dem Vorwande über die russische Literatur Vorträge zu halten, um sich Zuhörer zu verschaffen, dann aber mit Enthusiasmus über Freiheit und den Geist der Revolution zu sprechen, welche er bey den Franzosen aufzuregen suchte. Es fehlte ihm in Paris nicht an einer Anzahl von Zuhörern, doch kam die Polizei dahinter, erfuhr, wer er war, wandte sich an Narischkin, ihn [über] den Unfug benachrichtigend, welchen sein Sekretär trieb und ihn auf die Folgen aufmerksam machend. Narischkin untersagte ihm diese Art sich als Tribun zu produzieren; er erwiderte, daß dieses nur seyn Zweck gewesen, warum er nach Paris gekommen, und trat aus aller Verbindung mit Narischkin. Unterdessen veränderte er die Art seiner Vorlesungen, bald hier, bald dort, die Polizei suchte ihn, man wandte sich an den russischen Gesandten, — er war nicht mehr sicher, — mußte Paris verlassen. Sehr tragisch war sein Abtritt vom Catheder. —Er hielt seine Abschiedsrede, — während der Rede hatte er die Gewohnheit von Zeit zu Zeit nachzutrinken, in seiner Extase ergriff er statt des Glases, die Lampe, die vor ihm steht, begiesst sich mit dem Öhle, verbrennt sich die Hände am Lampenglase, — kommt aus der Fassung, erschrickt sehr und fällt endlich die Stufen vom Catheder herunter.—Von Paris ging er nach Aachen, wohin ihm seine Anhänger aus Paris gefolgt waren. Er wollte dort seine Vorlesungen fortsetzen, aber die preußische Regierung bemächtigte sich seiner und trans-

---

[1] Этот отрывок, повидимому, написан позднее для предполагаемой большой работы.

portierte ihn nach Dresden, wo der Großfürst Constantin, der sich zu der Zeit dort befand, von ihm und seinen Thaten hörte. Er ließ ihn mit Bedeckung nach Kalisch transportieren, wo er als ein verdächtiger, gefährlicher Mensch eine Zeitlang gefänglich eingezogen wurde, — man ließ ihn aber auf Verwendung los, er hatte sich als Dichter einen Nahmen gemacht, man wollte nicht ganz seinen Geist unterdrücken und entließ (ihn) mit (der) ziemlich deutlichen Weisung, was ihm bevorstände, wenn er sich nicht ändere, — er wurde nach Grusien zu Ermolow geschickt, wo er sich bey mancher Gelegenheit ausgezeichnet haben soll; er versuchte dort sein Glück, wie er selbst gesagt hat, unter den Baschkiren, Kirgisen, Tscherkessen und allen derartigen Völkern, und kam vorigen Sommer nach Petersburg zurück, wurde aber übel und lau aufgenommen, und bekam keinen Dienst — er war unterdessen Collegienassessor geworden — auch den Ort seiner Erziehung das Lyceum besuchte er wieder, — man machte den Direktor aber auf die Gefahr aufmerksam, welcher die Eleven durch den Umgang mit solch einer Person ausgesetzt wurden, und wirklich übte er sogleich dort seinen Beruf, wie er es nannte, aus und fing ihnen an von Unterdrückung und der Schmach, in der sie lebten, zu reden. — Der Direktor außer sich suchte ihn zu entfernen, das Lyceum wurde ihm untersagt, aber nur mit Gewalt, und nachdem er mit dem Direktor fast handgemein geworden war, gelang es ihn aus Zarskoje Selo zu entfernen. Darauf lebte er in Petersburg, soll auch eine Stelle bey Schischkow gehabt haben. Man hörte wenig von ihm, bis er am 14. December seinen Nahmen aufs schändlichste, durch den Mord eines allgemein beliebten geschärzten Mannes und berühmten Generals verewigt hat. Er...[1] Aufenthalt bey sei... ihn beim Großfürsten, auf den er anfangs gezielt, früher zu bitten, er sey... willens gerne Anstalt.

Перевод:

14-ое декабря 1825 года.

Вторник 15-го декабря. — Неизвестность относительно событий, которые, повидимому, происходили вчера в Петербурге, меня крайне беспокоит. Случилось, вероятно, нечто значительное, нечто очень важное, ибо меры, которые, как я слышал, предприняты сегодня ночью, допускают предположение самого ужасного, — восстания. Я уже вчера предчувствовал, когда здесь присягали императору Николаю, что некоторые полки создадут затруднения: не каждый, вероятно, может постигнуть, чем вызвана быстрая смена престола, и какова причина того, что в течение трех недель присягали двум императорам.—Однако, здесь все спокойно подчинилось манифесту.

Я вчера вечером лег в одиннадцать часов и долго не мог заснуть, как это всегда бывало во время моей болезни. Но в этот раз мое внимание было привлечено необычной беготней вверх и вниз по лестнице, шопотом и громким разговором под моим окном; я

[1] Это место в 5½ строк написано карандашом на заглавном листе. Карандаш вытерся, и прочесть почти ничего нельзя.

пытался объяснить себе причину этого ночного смятения тем, что сюда, быть может, ждали императора и к этому делались приготовления; немного погодя мне показалось, будто я слышу, как мимо проходят отряды солдат.—Стало тише, и я заснул. Правда, очень поздно. Под утро я был снова разбужен значительным шумом под моим окном. Я слышал команду и вскоре после этого услышал голос командира Преображенского батальона, который читал манифест,—за этим следовала присяга, гул голосов, которые ее повторял; это жутко было слышать в тишине раннего утра. Я полагал, что и это мероприятие—так рано заставлять людей приносить присягу, можно объяснить (ожиданием) прибытия императора. О наших я ничего не слышал. Батальон был распущен, однако, из продолжавшегося хождения я заключил, что (воинская) часть еще не разошлась. Я только хотел было снова заснуть, как меня разбудил генеральный марш. Я вскочил. Марш ничего другого не мог обозначать, как то, что батальон выступает. Эта мысль, как и разные предположения о причинах такого неожиданного происшествия, не давали мне покоя. Я позвал Орлова: он должен был осведомиться, зачем солдаты выступили, и не получили ли и наши приказа о том же. Его ответ довел мое беспокойство до высшего напряжения. Он возбудил во мне неописуемый страх перед тем, что могло случиться. Наш батальон, сказал он, еще ночью по приказу, привезенному фельдъегерем, срочно отправился в Петербург с боевыми патронами точно так же, как и гусары. Преображенцы готовы выступить туда же. Причина, как он слышал, заключается в том, что Московский, Преображенский и Кавалергардский полки не хотели присягать императору Николаю: но хотели признавать только Константина как законного престолонаследника, которому они уже присягнули. „Да, прибавил он, в Московском полку, кажется, восстание было так велико, что солдаты убили генерала Фредерикса, и на казармы направлены пушки“. Как ни недостаточны были эти слухи, и как ни мало веры я им придавал, все же должно быть (действительно) случилось нечто неслыханное, раз войска так стремительно были потребованы в Петербург.

Наш батальон ушел. Я об этом ничего не знал. — Что мне было делать? — Хотя я и был болен, и полковник Ребиндер об этом знал и освободил меня от служебных обязанностей, однако я не подавал рапорта о болезни, и у меня было сильное желание быть свидетелем происходящих сейчас в столице событий. В первую минуту я решил ехать в Петербург и уже наполовину оделся; но подумал о том, что, в сущности, определенно мне неизвестно, где разыскать (свой) батальон, что я не получил никакого приказа о выступлении вместе с батальоном (это, конечно, легко могло быть забыто среди суматохи), и что я не мог получить лошадей. Подумал я также и о том, что если по необходимости придется мне выйти на холодный воздух в одном мундире, то я несомненно опять заболею. Я решил не ехать, а чтобы обезопасить себя на случай, если бы стали справляться, отчего я не отправился вместе с батальоном,—подать рапорт о болезни. Остановившись на этом, я стал спокойнее, разделся опять и лег, так как было только 5 ч., и я почти не спал. Вскоре после этого я опять услышал команду. Собрался Преображенский батальон, я услышал неоднократное „ура“ и топот уходящих войск.—Я был крайне возбужден, всякие страшные мысли и образы мелькали предо мной, пока я, наконец, не погрузился в сон.

Когда я в 10 ч. встал, все было тихо. Подробностей я ни от кого не мог узнать, так как я был единственный, который оставался в казармах. Одни только денщики и писаря не отправились с батальоном и ничего другого не могли знать, как только то, что батальон скорее бежал, чем шел.

Мое беспокойство относительно положения вещей в Петербурге растет с каждым мгновением; мне приходят в голову разные предположения: то представляется, что все это только одни меры предосторожности, и я отбрасываю всякую мысль о совершении насилия, то мне кажется, что можно ожидать и самого худшего, если только полки,

выйдя из рамок слепого повиновения, своевольно вмешаются в распоряжения верховной власти и выкажут свое недовольство ими. Я каждую минуту надеюсь услышать что-нибудь более определенное и не знаю сам, откуда. — Думаю, что батальон вскоре должен вернуться, и поэтому не хочу сам отправляться в Петербург. Шум каждой проезжающей телеги гонит меня к окну. Стоит услышать мне голос, и я вскакиваю со стула, но продолжаю оставаться в неведении, которое меня терзает и мучит. Боже, чем все это окончится? (О Александр, если б ты знал, как спокойствие, царившее во время твоего правления, нарушено. О отчего тебя отняли у твоего государства и у народа, которого ты осчастливил своим царствованием!).

(Час спустя). Наконец я вырван из полного неведения. Хотя я и не узнал ничего определенного о событиях в Петербурге, я, по крайней мере, знаю, где находится мой батальон. Писарь сообщил мне, что на пути в Петербург батальон задержали в колонии, и там он разместился по квартирам; достали еще провианту и не знают, сколько времени там останутся. Лейб-гусары стоят у Средней Рогатки и выставили на разных дистанциях по направлению к Петербургу пикеты, которые имеют приказ, никого, идущего из города, не пропускать, и в город только тех, кто снабжен билетом (пропуском) от генерала Потапова, командующего всеми собранными здесь войсками. Случилось, должно быть, нечто ужасное, что вызвало такие мероприятия.

Вечером. Самая ужасная известность не так мучительна, как неизвестность, но известность, относительно событий, происшедших вчера в Петербурге, так ужасна, что у меня, когда я о них услышал, кровь остановилась в жилах и сдавило дыхание. Как мне выразить пером то, о чем у меня только несвязные представления, что я долго считал только сном; у меня нет покоя, я должен привести в порядок спутанные, несвязные наброски рассказанных фактов, чтобы их ясно иметь перед собой и составить себе общее понятие о неслыханном в России после многолетнего спокойствия и слепого повиновения восстания против верховной власти. Я сидел и читал „Tristram Shandy“, когда вошел ко мне барон Соловьев. Я вскочил, обрадованный, что, наконец, увидел кого-нибудь из нашего батальона и узнаю что-нибудь более подробное, определенное. Из отрывочных известий, которые он, часто себя прерывая, мне сообщил, и которые барон Штейнвер вернувшийся, с отрядом, дополнил, вытекает следующая ужасная картина:

Это было в понедельник 14 декабря, когда 2-ой батальон Московского Гвардейского полка, большинство солдат которого были напоены и, вероятно, уже заранее настроены не присягать императору Николаю, теперь громко выражало свое недовольство тем, что им не показывают императора Константина, которому они присягали и которому они благодаря заблуждению, поддерживаемому в них Щепиным-Ростовским, верили, отказались присягать; капитан Ростопчин, князь Щепин-Ростовский... Бестужев-Рюмин с библией и пистолетом в руке, который их уже раньше подстрекал и, вероятно..., напоил, стоял во главе этих бунтовщиков и переходил от части к части недовольных.

Так выбежали они в беспорядке из казарм с Щепиным-Ростовским во главе и кричали: „Да здравствует император Константин! ему мы присягнули и только его мы признаем нашим императором и ему останемся верными“. Ни разъяснения начальников о положении дела, ни прочтение письма об отречении Константина и манифеста Николая не успокоили их. Они требовали своего императора; пусть его только покажут, выдадут. „Вы его арестовали“. Генерал Шеншин, который выступил против ближайших солдат, был сражен ударом сабли; генералу Фредериксу, их полковому командиру, который к ним подошел, упрекая их в их деянии и угрозами увещевая их к подчинению императору Николаю, был вспорот штыком живот. Он пал жертвой их ярости, которая теперь овладела всеми солдатами.

Потеряв человеческий облик, они превратились в диких зверей. Их хотели запереть во дворе казармы; была выставлена стража; они прочищали себе путь ружейными выстрелами и ударами штыков; многие лишились жизни. Так эта безумная толпа с заряженными ружьями и с опущенными знаменами бежала, стреляя по Гороховой улице, к Зимнему Дворцу... Действуя в этом направлении..., они задерживали офицеров и спрашивали, кому они присягали. Заперли ворота Зимнего Дворца. Они собрались перед дворцом и потребовали императора Константина. Император и императрица появились на балконе (можно себе представить, в каком настроении!). Император крикнул им, чтобы они пришли в себя, чтобы подумали, что делают, что их император — он: Константин отказался от престола. — Одним словом, он старался всячески их успокоить. Выслали митрополита с крестом, чтобы их умиротворить. Они издевались над ним. Ничего не помогало. Между тем всем гвардейским полкам и артиллерии был отдан приказ отправиться с заряженными ружьями и пушками к Зимнему Дворцу и его окружить. Это было выполнено с величайшей быстротой. Народ начал возмущаться, вызывать Константина. Собирались толпами. Ничего не оставалось, как обратить оружие против бунтовщиков. У всех входов Зимнего Дворца были поставлены пушки, заряженные картечью. Все полки находились под оружием. Неоднократно посылал император посланцев к восставшим, чтобы вернуть их к своему долгу. В этой роли подъехал также и граф Милорадович к одному из каррэ, которое построили восставшие. Он, который в бесчисленных битвах рисковал своею жизнью, всегда слепо кидался навстречу опасности, что было главной чертой его характера, сделал это и здесь; он дал знак толпе, к которой он приблизился, что хочет с ней говорить; так как он был очень уважаем и любим солдатами, то все замолчали, чтобы его услышать; ему даже отдали честь; он указывал солдатам на их неправоту, представил им дело в надлежащем свете, убеждал их вспомнить о своем долге, сдаться: они будут помилованы. Его спокойно выслушали, и некоторые уже начали отвечать; между ними началось несогласие, и иные хотели уже отделиться, Вдруг из их рядов выскочил длинный, тощий молодой человек во фраке. Это был Кюхельбекер, известный фантазер, фанатичный приверженец всех вольнодумцев, либеральный карбонарий, который даже в Париже одно время обращал на себя общее внимание в качестве публичного оратора за свободу и низвержение тиранов. „Что вы хотите сделать? кричал он — не верьте его словам, знайте, что он в качестве Петербургского генерал-губернатора главный виновник того, что Константин содержится под стражей. Убейте его! Наградите его за то, что он не хочет признавать вашего законного императора!“. Сказав это, он из своего пистолета прицелился в него. Пуля проходит через бедро. Он падает с лошади. Последние слова Кюхельбекера разожгли ярость мятежников. В него (Милорадовича) стреляют, некоторые на него направляют штыки, ранят его еще в голову и в ногу. И герой, который когда-то сопровождал Суворова и так часто вызывал на поединок смерть, и несмотря на это никогда не был ранен, падает здесь жертвой ярости своих собственных солдат. — О, непостижимая, непонятная судьба!

Все меры оказались тщетными. Шум все рос. Наконец, император решился на крайний шаг: подойти к ним и поговорить с ними лично. Он простился с императрицей-матерью и со своей супругой: нужно быть готовым к худшему. (О, ужасное положение несчастной матери!..). Он перекрестился и отправился к ним. Разъяснил им еще раз положение дела и говорил им, как-де могли они подумать, что он будет действовать против своего брата, что никто не хочет вырывать у него [Константина] корону, и что он [Николай] принужден волей покойного императора и своего брата Константина вступить на престол.—Пусть они его признают, и останутся спокойными.—Он их всех помилует.—Никто не посмел наложить на него руку и пустить в ход оружие, которое

было в их руках. „Мы не можем этому верить, Ваше Императорское Высочество! мы присягнули императору Константину, мы хотим его видеть и признаем только его. Выдайте нам его, и мы больше ничего знать не хотим". Было ясно, что в них говорили и руководили их поступками винные пары, так как они не поддавались никаким уговорам и не считались ни с какими увещеваниями. Император был принужден удалиться. Необходимы были теперь крайние меры, чтобы напугать народ, уничтожить мятежников и чтобы захватить их живыми или мертвыми. Гвардейский экипаж также восстал под предводительством нескольких офицеров. Они уже ждали на улице и провозглашали императора Константина. Лейб-гренадерский полк на Петербургской стороне также взбунтовался... Они оставили свои казармы и также подошли к Зимнему Дворцу, где и соединились с Московским полком. Полковник Стюрлер, их командир, сделался жертвой их ярости. Об их убийствах, которые там совершались, я подробностей не слыхал. Полковник Стюрлер оставляет после себя молодую несчастную вдову. О ужасный день! — Какие жертвы ты избрал себе! — Разве я это предчувствовал, когда вечером совсем спокойно, но с жутью читал трагедию „Варфоломеевская ночь"... О, бедная Стюрлер! в прошлом году я так часто бывал с ней в обществе, научился ее ценить. О несчастная мать и сестра! Брата жены император произвел в флигель-адьютанты. — Благородная черта! Вероятно, он и жене постарается устроить судьбу, что если и не может уменьшить ее горя, то обеспечит ее хотя бы в экономическом отношении.

Московский полк продолжал бунтовать на площади перед Зимним Дворцом; император отдал приказ направить против них пушки. Но его милость еще не иссякла: он еще раз послал к ним с предложением сдаться. — Ничего не помогло. Он крикнул артиллеристам: „Слушайте мою команду". Уже раздалась команда: „первая!" —Но долготерпение и великое благородное сердце, не желавшее проливать крови своих подданных, побудило императора еще раз повторить злодеям предложение. Это не произвело действия. „Что же, они иного не хотят. Вопреки моему желанию я должен проливать кровь", воскликнул он, и команда: „пли!" была отдана. Картечь уложила несколько человек из мятежников. Они рассеялись в бегстве. Началась ружейная перестрелка, во время которой многие были ранены. — Заняли улицы. Патрули казаков и пехоты обходили улицы, подозрительных останавливали, беглецов ловили и доставляли в полицию, разгоняли народ, собирающийся толпами. Пики и казацкие канчуки были пущены в ход. Взбунтовавшийся народ притаился за забором у Исаакиевской церкви. Залп картечью... разогнал их. Конная гвардия вступила с ними в рукопашный бой. Толпа сражалась дубинами, бросала камнями. Толпами и в одиночку арестовывали беглых мятежников, частью они сами сдавались. Их вели к Зимнему Дворцу, где император раскаивающихся прощал. — Бледный и изможденный великий князь М[ихаил] ходил по залу Зимнего Дворца, где он обычно принимал ординарцев; посланного нашим батальоном с докладом о прибытии батальона на место назначения, барона Соловьева, он взял под руку, говорил с ним крайне милостиво и снисходительно, спрашивал, все ли у нас спокойно; также и со Шмидтом, которого он [раньше] редко удостаивал взглядом, разговаривал он, взяв его под руку; [Шмидт] привел нескольких арестованных офицеров Гвардейского Экипажа. Одного адъютанта этого экипажа привели под конвоем. Великий князь к нему подошел и сказал: „Мерзавец, что ты наделал? — О подлецы. Где твой брат?".

Все находились там в большом смятении и ходили взад и вперед. Число арестованных росло с каждым часом. Лазарев, адъютант императора, который раньше служил в Экипаже, плакал и не мог успокоиться. — Император ему сказал: „вот что твои сослуживцы наделали!" Якубов..., отставной уланский офицер, который также был из числа мятежников, просил пропустить его к императору. Он покаялся в своем преступлении, к которому его подговорили, обещал выдать главных зачинщиков. Импе-

ратор дал ему руку и сказал: „Я прощаю тебя, — ступай, ты свободен!“ Какая благородная черта! Такова была картина в Зимнем Дворце. — Что же делалось во внутренних покоях императрицы? Кто может бросить туда взгляд, не содрогаясь при мысли об этом?

Между тем войска устроили бивак около дворца. На площади горели большие костры, у которых грелись солдаты. Говорят, что весь город был освещен этими кострами. Ужасным должно было быть это неслыханное зрелище. Огни среди темной ночи. Кавалеристы спешились и дали коням свежего сена. Пушки и солдаты также стояли целый день. Им принесли еду. — Одним словом, было как на поле битвы, когда солдаты в примерном порядке идут на смерть. Большинство мятежников были отчасти арестованы, отчасти сдались сами. Крепость ими была уже наполнена. Большинство было помиловано, но многим это стоило жизни. Так герой, уцелевший счастливо во многих боях, пал в этот роковой день и при ужасных обстоятельствах лишился жизни; он, который в стольких боях так победоносно вел свои отряды, был здесь убит руками своих собственных солдат. Граф Милорадович жил еще 2 часа... Я еще не знаю, при каких обстоятельствах лишился он жизни. Он служил отечеству и умер для своего императора. — Между тем спокойствие опять было восстановленно. Но что это должно было быть за ужасное спокойствие, которое теперь наступило. Народ был разогнан и удалялся спокойным. Что еще придется услышать? Соблюдали строжайшую бдительность, чтобы не выпустить слухов о происшедшем событии из города. Без билета никто не смеет пройти через ворота. Почту останавливают, письма вскрывают. Я не спокоен из-за ранее написанных писем, хотя я ничего не писал, кроме намеков на неизвестность относительно престолонаследия; хорошо, что мое последнее письмо к отцу содержит только известие о вступлении на престол Николая. Я жалею, что не мог быть свидетелем этих ужасных происшествий. Раз пережитые они имеют огромное значение на всю жизнь. В 2 часа дня наш батальон получил приказ вернуться в Царское. Как я был рад, когда вновь увидел своих товарищей и был вырван из беспокойства, в котором провел весь день. Уже поздно, но сон еще не приходит. Как ужасна должна быть ночь для тех, кто быть может вчера потерял самое дорогое на земле! На дворе бушует буря. Я вспоминаю прошлогоднее наводнение. О, это было большое несчастье, которое оказалось прообразом! Кровавая баня! Император и великий князь не выезжают иначе, как с конвоем от конной гвардии. — О, если б я мог теперь быть в Петербурге!

Все остальные полки, говорят, держали себя безупречно. Как раз со стороны измайловцев и егерей, с которыми Николай бывал часто слишком строгим, я ожидал противоположного. Эту необдуманность и безумие офицеров, замешанных в восстании, я никак не могу понять. Какое у них могло быть основание, как они могли думать, что они с горстью людей, не имея плана, что-либо могли предпринять против великой державы? Во всяком случае мне кажется, что здесь предшествовало тайное соглашение. Счастье, что лейб-гренадеры не могли объединиться с Московским полком и с Экипажем: — тогда бы произошла ужасная битва. Я все еще смотрю точно через вуаль, как будто все это сон! Настолько сбивчив рассказ о происшедшем. Когда мятежники из казарм силой себе пробивали путь, князь Ростопчин, скрывшись в одном из домов, был пойман нашим адъютантом Торнбергом. Сейчас же ему связали руки на спине и привели в полк. Офицеры, возмущенные позором, которым он покрыл всех офицеров и их мундир, избили его, сорвали у него погоны и воротник. — Но очень низко было со стороны полковника Неелова, командира возмутившагося батальона, что он настолько забылся, что плюнул ему в лицо. Этим он себя сам больше обесчестил, чем его. Около 150 офицеров замешаны в восстании: князь Оболенский, адъютант генерала Бистрома, четыре

брата Бестужевы, все молодые люди с превратными понятиями о свободе. Совершенно очевидно, что они уже давно составили заговор и имели свои собрания, приведшие к ужасному, но одновременно и безрассудному результату. Они взбунтовали солдат водкой и другими средствами, опьянявшими их, обманными обещаниями, которые они давали солдатам, показывая им положение вещей в совершенно ложном освещении. [Таким образом] им удалось приобрести приверженцев среди солдат, которых следует рассматривать, только как слепое орудие их планов. Они воспользовались привязанностью, которую русский народ всегда питал к своему законному правителю, как средством, чтобы солдат и народ возбудить против Николая, изображая его претендентом, желающим отнять корону у Константина. Совершенно ясно, что это был только предлог, чтобы приобрести приверженцев... Число их увеличится, и в конце концов (окажутся таковые) во всех полках. Но целью этих сообщников не могло быть возвести на престол Константина, ибо что за награда ждала бы их, если бы они этого добились? — Это мог бы считать осуществимым только человек без здравого смысла, а так как в этом заговоре принимали участие все журналисты, все просвещенные и светлые головы России, до сих пор выделявшиеся своими произведениями в русской литературе, и в особенности, так как среди них находились такие люди, как Кюхельбекер, и подобные ему, то нельзя предположить у них другого намерения, как совсем свергнуть русскую монархическую форму правления и требовать конституции. — Ужасная мысль! Она могла возникнуть только в сумасбродных головах, отдавшихся всецело своим безумным идеям о свободе и равенстве, допускающих возможность выполнения всего этого в России, пользуясь благоприятным моментом, не предвидя последствий и исхода, которые такой безумный план должен был иметь. В действительности это предприятие имело еще более ужасный исход, и было, как я теперь слышу и раньше предполагал, настоящим заговором, существующим еще при правлении Александра, о котором он был осведомлен, но расследование которого по его собственному желанию откладывалось до настоящего времени. Солдаты конной артиллерии, которым офицеры внушили, что у Константина против его воли вырывают корону, также отказались принять присягу, но к счастью великий князь Михаил предотвратил ужасное несчастье, которое было подготовлено. Когда солдаты отказались принять присягу, и ему сказали причину, он велел арестовать офицеров и занять выходы из казарм пушками. Он отдал приказ стрелять, если кто-либо сделает попытку оставить казармы. Если бы заговорщикам удалось согласно своему плану собраться перед Сенатом, проникнуть туда при поддержке своих приверженцев, вооруженных солдат и орудий конной артиллерии, и принудить Сенат подписать наскоро составленную конституцию, и затем проникнуть в Зимний Дворец, и принудить императора к тому же, какие потоки крови полились бы тогда! — Поистине смешно, как заговорщики среди народа и солдат провозглашали конституцию, а эти последние думали (и иначе думать и не могли), что это Константин, которого они провозглашают (ведь какое же понятие имеет русский о конституции?). Они так и кричали: „Константин!“ и прибавляли: „какое нам дело до жены Константина? — Мы хотим только Константина!“ Видно, как ослеплен был бедный народ, и служил только (орудием)... Один крестьянин, рука которого была ранена картечью, сказал: „вот-те и Констанция!“

Итак, действительно произошло то, что Магницкий как будто предсказывал по отношению к этим просвещенным головам. Меры, принятые для их усмирения, не ускорили ли или даже не вызвали ли как раз этот ужас? Это другой вопрос! Одно ясно, что сообщества подобного рода давно уже существовали, и что они воспользовались необычайным ходом вещей при перемене престолонаследия и втянули также многих молодых людей. Среди этих ослепленных находился также молодой князь ...нский, не-

сколько месяцев только как произведенный в офицеры, молодой Шторх и много других подающих надежду молодых людей. (Первого император отправил к матери, чтобы она его исправила!). Естественно, что молодежь, польщенная знакомством и связью с такими лицами, как Греч, Булгарин, Рылеев, Бестужев, Кюхельбекер и др., проникнувшаяся их духом, всецело им отдалась.

Душою этого заговора и главой всего (движения) был некий полковник князь Трубецкой, штабный офицер 2-й армии, находящийся здесь в отпуску; он сам в выступлении не принимал участия, а находился в роковой день в Зимнем Дворце; вероятно, застать там кого-нибудь входило в его план. Другие заговорщики выдали его во время допроса. В его бумагах нашли список всех заговорщиков, среди которых находится много офицеров и других лиц, здесь не присутствующих, из чего можно заключить, что у него не было настоящего намерения выступить теперь же, следовательно, и их план еще не созрел для выполнения. Но момент приобрести себе приверженцев среди народа и поддержку со стороны солдат не мог быть более удачным. Они воспользовались другим предлогом.—Как бы иначе удалось им вызвать готовность к восстанию и к требованию конституции у неотесанного русского? Этот князь Трубецкой женат на графине Ляваль, сестре австрийского посла Лейбцельтерн, из какового обстоятельства тоже можно сделать кой-какие выводы, способные привести к важному результату.

Взвешивая все, что совершил злодей Щепин-Ростовский, ничего другого нельзя предположить, как то, что он принял какое-нибудь опьяняющее средство, лишившее его на время его бешенства рассудка; ибо как бы он иначе мог совершить такие чудовищные злодеяния, не гонимый чувством мести, не имея причины питать вражеские чувства к тем, кого убивал.

Судя по тому, что я сегодня услышал от полковника Ребиндера, с началом восстания дело обстоит совершенно иначе. А именно так:

Генерал Шеншин, командир бригады Московского полка, собрал офицеров этого полка на квартире генерала барона Фредерикса, чтобы прочесть им манифест императора и отречение Константина и потом привести их к присяге. Двух офицеров не хватало, князя Щепина-Ростовского и Бестужева-Рюмина; думали, что они где-нибудь заняты, и начали чтение актов. Совершенно неожиданный шум, раздавшийся на дворе, и барабанный бой, привлекли внимание всех. Все кинулись к дверям, к месту, где происходила эта суматоха. Капитан Щепин-Ростовский бросился с обнаженной саблей и заряженным пистолетом из казармы, за ним следовала все возрастающая толпа солдат; они состояли из солдат обоих батальонов, числом около 700. Полковник Хвощинский подбежал к капитану Щепину-Ростовскому спросить его, что означает вся эта сцена, не сошел ли он с ума, — так опозорить весь полк. Вместо ответа он получил от Щ[епина]-Р[остовского] удар саблей по голове, который рассек его кивер и нанес глубокую рану в голову. Хвощинский пытался его схватить, но получил в то время, как он хотел вынуть свою шпагу, второй удар по плечу, который его сильно ранил. Он отшатнулся назад. Генерал Шеншин, пламенный, горячий человек, вне себя от того, что он видит, бросился прямо к беснующемуся; однако он не имел времени сказать ему ни одного слова и вырвать у него саблю, что было его намерением, как Щепин-Ростовский нанес ему удар по голове и по лицу, который свалил его тотчас на землю; бешеный Щепин замахивается на него еще в то время, как он уже лежит, — его собственные мятежные солдаты оттянули его назад и спасли этим генерала от бесцельной смерти. Но его жажда крови не была еще утолена. Генерал Фредерикс, который к нему приблизился и заклинал его придти в себя и обдумать, что он делает, получил удар, который рассек ему затылок и свалил его на землю. Все это было делом одного мгновения. Никто не отваживался приблизиться к нему безоружным,

и в то время, как хотели принять меры, чтобы его схватить, он помчался, как дикий зверь, призывая мятежников следовать за собой. Мятежные солдаты, которых он напоил и подстрекал, следовали за ним. Пытались запереть входы, чтобы их задержать, но они проложили себе путь штыками и ружейной стрельбой и пошли вдоль по Гороховой улице с опущенным знаменем. Всякого, кто попадался им навстречу, они задерживали и спрашивали, кому он присягал; кто говорил Н[иколаю], того избивали. Они двигались к Зимнему Дворцу. Там уже были получены известия о случившемся, были заперты ворота, и было приказано всем кавалерийским и артиллерийским полкам гвардии срочно занять Зимний Дворец и граничащие с ним улицы. Вмиг полки были под ружьем, каждый в той одежде в какой он в тот момент находился. Некоторым полкам удалось отрезать бунтовщикам путь на Васильевский остров; наш полк занял Галерную, Почтамтскую и Исаакиевскую улицы. У северной стороны Зимнего Дворца объединились недовольные лейб-гренадеры и Московский полк. Полковник Стюрлер, командир этого полка, пытался вернуть их к своему долгу и задержать их; тогда подскочил к нему бешеный Щепин-Ростовский, выстрелил в него из пистолета и ранил его смертельно. Стюрлер свалился с лошади, очнулся, встал и, обхватив себя обеими руками, сделал из последних сил еще несколько шагов и упал мертвым на землю. Между тем мятежники собрались перед Зимним Дворцом и... также и... Четыре раза были даны выстрелы из шести пушек картечью. Остальные ретировались к Сенату в довольно хорошем порядке. Эскадрон полковника Вельо получил приказ повести против них атаку; когда они приблизились к бунтовщикам на 40 шагов, то те остановились и дали залп из ружей. Многие солдаты, а также и командир, полковник Вельо, были ранены. Остатки восставших не дождались второй атаки и отступили к забору Исаакиевской церкви (там, где стоит памятник Петру Великому, дух которого теперь радуется...), ибо им не оставалось никакого выхода, так как улицы были заняты полками. Они побросали ружья и разбежались поодиночке во все стороны, скрываясь в дома и дворы; некоторые защищались еще, но вскоре прекратился и ружейный огонь. Говорят о нескольких тысячах, которые полегли в этот день; сколько безвинных между ними, которых любопытство привело к пасти пушек!

Этот Кюхельбекер — негоднейший субъект между ними, всю жизнь которого следует рассматривать, как экзальтированный бред во время лихорадки. Он родом из Эстляндии, воспитывался в Царскосельском лицее, где он уже был известен, как вольнодумец и фантазер, и неоднократно проявлял свой необузданный дух и жажду свободы; говорят, что он себя часто вел, как совершенно сумасшедший человек; так, он будто всегда говорил таким языком и в таком духе, что ни один человек со здравым спокойным умом его не понимал. Он в Лицее однажды собирался топиться, потому что один лицеист облил его уксусом, и он считал себя навсегда опозоренным. Когда он был выпущен из Лицея, он получил гражданскую должность, но не мог долго переносить узы зависимости; жил он долгое время, сочиняя стихи на французском, немецком и русском языках, и привлекал немало внимания огнем и силой своих идей. Ему нельзя отказать ни в гении, ни в таланте,—но весь его дух получил ложное направление, у него отсутствовало все моральное, и он следовал только своим фантазиям и идеям о свободе. Их распространять и передавать другим было главной целью его деятельности. Позже он появляется в качестве секретаря гофмаршала Нарышкина в Париже, где он публично выступал, как оратор, вначале под предлогом лекций по русской литературе, чтобы заполучить себе слушателей, а потом заговорил с энтузиазмом о свободе и о духе революции, которые он пытался вызвать у французов. В Париже не было

недостатка в слушателях; но проведала об этом полиция, узнала, кто он, и обратилась к Нарышкину, извещая его о бесчинствах, творимых его секретарем, и обращая его внимание на последствия. Нарышкин запретил ему выступать в этом направлении. Он (Кюхельбекер) возразил, что это только и было целью его поездки в Париж, и порвал всякую связь с Нарышкиным. Между тем он изменил характер своих лекций. Полиция искала его. Обратилась к русскому послу. Положение Кюхельбекера стало не безопасно, он должен был оставить Париж. Очень трагичен был его уход с кафедры.— Он произносил свою прощальную речь. Во время речи у него была привычка время от времени пить; в экстазе он схватил вместо стакана лампу, которая стояла перед ним, облил себя маслом, обжег себе стеклом от лампы руки. Он растерялся, очень испугался и упал, наконец, вниз со ступенек кафедры! — Из Парижа он отправился в Ахен, куда за ним последовали его приверженцы. Он хотел продолжать там свои лекции, но Прусское правительство арестовало его и переправило в Дрезден, где великий князь Константин, который там в это время находился, услышал о нем и его деяниях. Он велел переправить его под конвоем в Калиш, где он сидел некоторое время в тюрьме, как подозрительный, опасный человек. Его однако выпустили по ходатайству. Как поэт, он сделал себе имя. [Поэтому] не хотели совсем подавлять его дух и отпустили его с довольно ясным указанием на то, что ему предстоит, если он не изменится. Он был послан в Грузию к Ермолову, где как говорят, имел много случаев выдвинуться. Он пробовал там свое счастье, как он сам говорил, среди башкир, киргизов, черкесов и всех подобных народностей и вернулся прошлым летом обратно в Петербург, но был плохо и равнодушно принят и не получил никакой должности. Он сделался между тем коллежским ассессором. Посетил он снова также и место своего воспитания. Директору указали на опасность, которая грозит воспитанникам от общения с такой личностью. И действительно, он там сейчас же приступил к выполнению своего призвания, как он это называл, и начал говорить им об угнетении и позоре, в которых они живут. Директор вне себя старался его удалить. Ему было запрещено посещать Лицей, но удалить из Царского Села удалось только силой после того, как он с директором почти подрался.

После этого он жил в Петербурге, как будто бы должен был получить место у Шишкова. Мало было о нем слышно, пока он наконец 14 декабря позорнейшим образом не увековечил свое имя, прославившись убийством всеми любимого человека — великого героя и знаменитого генерала.

Plan zu einer vollständigen Beschreibung der Ereignisse und Begebenheiten nach dem Tode des Kaysers Alexander und der Thronbesteigung des Großfürsten Nikolay.

I.[1] Ausführliche Beschreibung der Krankheit des Kaysers. Brief.

1. Die Gerüchte und Begebenheiten kurz nach dem Tode des Kaysers, nebst den Briefen der Kayserin.

2. Des Lieut. Rostowzows Warnung an Nikolay, den Thron nicht zu besteigen, weil er zu jung, man kein Zutrauen zu ihm habe, und Unruhen entstehen würden. In einem gut geschriebenen Briefe, den er als Paket von seinem General Bistram, dem Großfürsten überreichte, stellte er ihm alles

[1] Так в рукописи.

dar, was die Folge einer Unterredung mit Obolänsky war. — Der Kayser entfärbte sich, begab sich mit ihm ins Kabinett und hat lange mit ihm gesprochen, worauf R. sich wegbegeben. — Der Befehl den anderen Morgen früh die Truppen zum Schwur zu führen war eine Folge der Warnung.

3) Die Verschworenen haben eine Versammlung auf dem Landhause des Grafen Laval. Sie bestimmen den 15. Dec. zum Ausbruch ihrer Empörung. Oboljänsky ist dagegen (als Anmerkung eine nähere Beschreibung dieses Mannes und der gegenseitigen Anthipathie mit dem jetzigen Kayser). Er besteht darauf den Tag der Beerdigung des Kaysers Alexander zum Aufwiegeln des Volkes zu benutzen, — sein Plan, von mehreren unterstützt, war, wenn der Kayser vor der Kasanschen Kirche ankömmt, den Zug aufzuhalten, den Deckel des Sarges aufzureißen und den, durch die nicht besonders geratene Balsamierung und die Länge der Zeit entstellten Leichnam dem Volke zu zeigen, und so das Gerücht, welches sie schon vorher ausstreuen wollten, der Kayser sey mit Mitwissen der Kayserlichen Familie vergiftet, glaubwürdig zu machen; — in dem Moment sollten auf jedes Glied der Kayserlichen Familie 10 Mörder fallen und sie morden. Die Stadt sollte dann der Plünderung preisgegeben werden. (Bemerkung der Privat Absichten einiger Verschworenen). Die Mehrzahl der Stimmen wollte die Gelegenheit des neuen Schwurs benutzen, um die Soldaten über die Rechtmäßigkeit der Thronbesteigung N. zweifelhaft zu machen, und verbrecherisch darzustellen, und sie so ohne ihr Wissen als Maschine ihrer höheren Pläne zu gebrauchen.—Der veränderte Befehl über die Besteigung des Thrones hatte eine andere Versammlung in der Nacht zur Folge, welche den Ausbruch der Rebellion schon auf den anderen Morgen festsetzte; jedem der Hauptverschworenen wurden Verhaltungsbefehle und Chargen für den anderen Tag gegeben.

4. Begebenheiten des 14. Dec. aus den gedruckten Berichten der Zeitung und meinen schriftlichen Aufsätzen zusammengesetzt. (Wie der Kayser zu Fuß das Winterpalais verläßt, das versammelte Volk anredet, ihm das Manifest und die Briefe vorliest...[1] und einen General an der Hand führend, ihnen als den Beschützer der Kayserin zeigt. Facta des Bulatow und Jakubowitsch.

5. Hergestellte Ruhe. Offizielle Bekanntmachungen. Manifeste, Prikasen. Oberkriminalkriegsgericht und Tribunalunter Vorsitz des Kaysers [und] Beysitz des Großfürsten. Die Zahl der Mitverschworenen vermehrt sich täglich; angesehene Personen von Wichtigkeit und Bedeutung sind darin verwickelt. Bulatow liefert sich selbst aus, Depreradowitsch bringt seinen Sohn selbst dem Kayser. — Einige Scenen beim Verhör. Der junge Graf Konownitzin, die Fürstin Trubezkoy — Alexander Bestuschew. Die Anzahl der Verschworenen und Mitwissenden anfangs 639 vermehrt sich zuletzt bis auf 1287, welche

[1] Не разобрано пять слов.

alle unter scharfem Gewahrsam sind, je nachdem ihre Theilnahme ist. Viele Generale werden grade im Winterpalais aus dem Reisewagen steigend in Masken zum Verhör geführt. Der Gräfin Laval Mitwissenschaft, sie hat Hausarrest — es findet sich bei ihr die Fahne der Rebellen, die sie gestickt mit der Inschrift—liberté, égalité. Man spricht von Einweihung des Hauses Oeterreich in dieses Complott. Die Kasse der Rebellen soll sich an eine Million belaufen. Ringe, welche ein jeder Mitverschworene erhielt von Gold mit eisernen Totenköpfen und der Inschrift „1826—71“, d. h. den 12 März, an welchem ihren früheren Plänen nach die Kayserliche Familie bey der Feier des 25-jährigen Regierungsjahres Alex. in der Festung gemordet werden sollte.

Neuerungen im Militärdienst, die von den vernünftigsten und weisesten Ansichten des Kaysers zeugen, indem er alles lästige, nutzlose abschafft in. Mänteln zur Manege zu gehen erlaubt, den langsamen Schritt aufhebt und die engen schwarzen Hosen mit breiten dunkelgrünen vertauscht.

План подробному описанию событий и происшествий после смерти императора Александра и вступления на престол великого князя Николая.

I. Обстоятельное описание болезни императора. Письмо.

1. Слухи о событиях тотчас после смерти императора с приложением писем императрицы.

2. Предостережение поручика Ростовцева Николаю: на трон не вступать, так как он слишком молод, к нему нет доверия, и произойдут беспорядки. В хорошо написанном письме, которое он под видом пакета от своего генерала Бистрома передал великому князю, он представил ему все, что было результатом разговора с Оболенским. Император побледнел, отправился с ним в кабинет и долго с ним разговаривал, после чего Ростовцев ушел. Приказ на следующий день утром привести войска к присяге был результатом предостережения.

3. Заговорщики назначили собрание на даче графа Ляваль. Они назначают начало восстания на 15-ое дек. Оболенский против этого. (В виде примечания — более подробное описание этого человека и взаимной антипатии с теперешним императором). Он настаивает на том, чтобы день похорон императора Александра использовать для возмущения народа. Его план, многими поддержанный, состоял в том, что когда император прибудет к Казанскому собору, остановить шествие, сорвать крышку гроба и показать народу искаженный, благодаря не очень удачному набальзамированию и большому промежутку времени, труп и таким образом сделать достоверным слух, который они еще до того распустили, будто император с ведома императорской фамилии был отравлен. В этот момент должны были на каждого члена императорской фамилии напасть 10 убийц и их убить. Город должен был быть затем предан грабежу. (Замечание о частных намерениях некоторых заговорщиков). Большинство хотело использовать факт новой присяги, чтобы возбудить сомнение у солдат по поводу законности вступления на престол Николая, преступно исказить дело и использовать солдат, не подозревавших о своей роли, как орудие своих больших замыслов. — Измененный приказ о вступлении на престол имел следствием другое собрание ночью, которое определяло начало восстания на следующее утро; каждому из главных заговорщиков были даны инструкции и для следующего дня.

4. События 14-го декабря, составленные из печатных извещений в газетах и моих писанных статей: как император пешком оставил Зимний дворец, обратился к собравшемуся народу, прочел манифест и письма... и, ведя за руку одного генерала, указывал на него, как на защитника императрицы. Факты Булатова и Якубовича.

5. Востановленное спокойствие. Официальная информация. Манифест, приказы. Верховный Уголовный военный суд и Трибунал под председательством императора [и] в присутствии великого князя. Число заговорщиков растет с каждым днем. Видные лица по важности и значению замешаны в этом. Булатов сам пришел с повинной Депрерадович привел сам своего сына императору. Отдельные сцены на допросе. Молодой граф Коновницын, княгиня Трубецкая, Александр Бестужев. Число заговорщиков и соучастников, равное первоначально 639, увеличилось к концу до 1287, которые все находятся под строгим арестом в зависимости от их участия. Многих генералов прямо из повозок доставляют в Зимний Дворец и ведут в масках на допрос. Соучастие графини Ляваль. Она подвергнута домашнему аресту. У нее находится знамя бунтовщиков, на котором она вышила надпись: libérté, égalité! Говорят, Австрийский дом посвящен в этот заговор. Касса мятежников по слухам доходит до миллиона. Кольца, которые получил каждый заговорщик, из золота с железным черепом и надписью „1826—71“, т. е. 12-го марта, в который по их прежним планам императорская фамилия должна была быть убита в крепости во время празднования 25-летия правления Александра.

Нововведения на военной службе, свидетельствующие о разумнейших и мудрейших взглядах, так как он [Николай] отменяет все тяжелое и бесполезное: в манеж разрешено ходить в шинелях, отменен медленный шаг, и узкие черные штаны заменены широкими темнозелеными.

Выписка из дневника П. Гаккеля.

Декабрь.

До 7-го я былъ боленъ въ Санктъ-Петербургѣ.

Середа 8-го я пріѣхалъ въ Софію.

Понедельникъ 14-е. Присягали Императору Николаю I Павловичу.

Прочитали письмо Константина Павловича, который по обѣщанію данаго Государю, отказался отъ престола.

Сей день оставляетъ горестную память во вѣки. Большая часть солдатовъ Л. Г. полковъ Московскаго, Лейбъ-Гренадерскаго и Гвардейскій Экипажъ сбунтовались и не хотѣли присягать Императору Николаю. Государь видѣлъ себя принужденымъ ихъ разогнать силою оружія. Генералъ Графъ Милорадовичъ былъ убитъ, также полковникъ Стюрлеръ. Ранены: Г. М. Шеншинъ, баронъ Фредриксъ, полковникъ Хвощенский и Велліо. Около 150 офицеровъ разныхъ полковъ были участниками и защинчиками сего бунта.

3-й баталіонъ выступилъ по дорогѣ въ С. Петербургъ, былъ остановленъ у Колонистовъ и возвращался вечеромъ въ Софію.

Л. Г. Гусарскій полкъ содержалъ цѣпъ у Середной рогатки и не пропускалъ никого изъ города и въ городъ.

Кроме дежурнымъ по карауламъ никакія должности не имѣлъ.

4. Воспоминания П. П. Пекарского об его службе в Государственном Архиве.

Сообщ. И. А. Бычков.

Петр Петрович Пекарский (р. 1827, ум. 1872) и по избрании его в академики в 1863 году продолжал, как известно, служить до самой своей кончины в Государственном Архиве, куда он поступил в 1862 году на должность старшего архивариуса. С 1864 года он был начальником отделения этого Архива, а с 1869 года делопроизводителем VI класса.

В приобретенных Государственною Публичною Библиотекою в 1923 году бумагах П. П. Пекарского нашлись, между прочим, написанные им в марте 1869 года интересные воспоминания о службе его в Государственном Архиве, живо рисующие обстановку, в которой приходилось работать в нем этому неутомимому исследователю.

Берусь нынѣ за перо, чтобы вкратцѣ изложить о томъ, что происходило со мною со времени вступленія моего въ Государственный Архивъ, т.-е., съ 1862 года до настоящаго времени.

По рекомендаціи Ламанскаго, В. И.,[1] бывшій до Злобина [2] начальникъ Архива почтенный старичокъ Гильфердингъ [3] принялъ меня туда старшимъ архиваріусомъ. Онъ вовсе не думалъ ни о какихъ преобразованіяхъ, и я могъ бы спокойно, подобно моему предшественнику В. И. Ламанскому, переписывать подъ рукою груды матеріаловъ и потомъ печатать ихъ безъ моего имени, что сдѣлано также Ламанскимъ въ Чтеніяхъ Москов[скаго] Общества Исторіи и Древностей. Но я думалъ о своей обязанности иначе и полагалъ, что надо работать какъ архиваріусу. Сколько теперь помню, я описалъ каждый листокъ всѣхъ бумагъ, бывшихъ до того неописанными, въ разбросѣ, и принадлежавшихъ ко временамъ Петра Великаго, Екатерины I и Елизаветы; также составилъ подробный каталогъ бумагамъ Бирона: всѣ онѣ до

[1] Владимир Иванович Ламанский (р. 1833, ум. 1914), впоследствии профессор С.-Петербургского университета и (с 1900 г.) ординарный академик Академии Наук, служил до 1862 г. старшим архивариусом Государственного Архива.

[2] Константин Константинович Злобин (р. 1814, ум. 1877) был директором Государственного Архива с 5 января 1864 года по свою кончину.

[3] Федор Иванович Гильфердинг (р. 1798, ум. 1864), отец известного слависта А. Ф. Гильфердинга, был управляющим Государственным Архивом с 16 августа 1851 г. по свою кончину.

того времени были разбросаны въ разныхъ шкафахъ разныхъ комнатъ, а иныя лежали съ полусгнившими бумагами Тайной Канцеляріи въ послѣдней комнатѣ бывшаго помѣщенія Государственнаго Архива въ бумажныхъ мѣшкахъ, до которыхъ до меня изрѣдка дотрогивался добрый, но совершенно невинный по части исторіи старшій архиваріусъ Яковъ Васильевичъ Бѣляевъ. Гильфердингъ вовсе не мѣшался въ мои работы, я поэтому дѣлалъ ихъ чрезвычайно отчетливо, чему могутъ служить доказательствомъ мои собственноручные каталоги, хранящіеся въ Государственномъ Архивѣ при дѣлахъ, которыя перечислены выше.

Со времени вступленія въ управленіе Государственнымъ Архивомъ Злобина въ 1864 г. мои труды должны были принять иной характеръ: новый начальникъ непремѣнно хотѣлъ ввести въ Государственный Архивъ тѣ же распорядки, какіе онъ видѣлъ в Главномъ Петербургскомъ Архивѣ [1] заведенными при его предшественникахъ, почему и говорилъ неустанно о распредѣленіи всѣхъ дѣлъ на разряды и составленіи алфавитнаго указателя именъ. Знакомый съ нашими архивными описями, я ужаснулся громадности работы, которой Злобинъ, не умѣя разбирать стариннаго почерка и никогда не занимаясь опредѣленіемъ хронологическихъ датъ въ старинныхъ рукописяхъ, даже не подозрѣвалъ. Это незнаніе однако не мѣшало ему говорить съ невозмутимымъ самодовольствомъ: „вы увидите — мы это кончимъ къ будущему году!“

А въ Архивѣ и двадцатой части дѣлъ не было описано: они принимались изъ разныхъ мѣстъ и учрежденій въ разныя времена при поверхностныхъ и часто безтолковыхъ чиновническихъ описяхъ, которыя и оставались потомъ единственными пособіями для справокъ. Въ доказательство тому, какъ легко было по нимъ пріискивать, напомяну, что въ иныхъ описяхъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, подъ букву Р стояло книгъ до 20 подъ заглавіемъ „Разныя дѣла“, въ другихъ, также заключавшихъ самыя разнообразныя дѣла, описана была только первая бумага, а прочія шли за принадлежащія къ ней, хотя въ сущности тамъ иногда было до двадцати совсѣмъ другихъ дѣлъ. Исключенія были малочисленны, и извѣстны на перечетъ тѣ изъ старинныхъ описей, которыя были сносны. Ни въ расположеніи дѣлъ, ни въ описаніи ихъ не было никакой системы; все это зависѣло отъ того, какъ Богъ положитъ на душу. Бывшій до Гильфердинга начальникъ Государственнаго Архива Полѣновъ, [2] для казоваго конца, наскоро отобралъ

---

[1] До назначения директором Государственного Архива Злобин был (с 1861 г.) управляющим С.-Петербургским Главным Архивом Министерства Иностранных Дел, а с 14 апреля 1864 г. стал первым директором обоих архивов.

[2] Василий Алексеевич Поленов (р. 1766, ум. 1851), бывший ординарным академиком Академии Наук с 1842 года, а в 1850 — 1851 г.г. председательствующим в Отделении Русского языка и словесности, управлял Государственным Архивом с 1834 г. по свою кончину.

по нѣсколько бумагъ, разбилъ ихъ на множество нелѣпыхъ разрядовъ (между ними былъ „О награжденіи чиновниковъ знаками отличій"), собралъ также, далеко не всѣ впрочемъ, письма и бумаги царской фамиліи, и все это торжественно сложилъ въ такъ называемое секретное помѣщеніе, гдѣ дѣйствительно все было такъ устроено, что оно можетъ считаться несгораемымъ. Здѣсь то вмѣстѣ съ знаменитымъ донынѣ нераспечатаннымъ дѣломъ [1] о декабристахъ [2] и разными конвертами подъ государевою печатью, очутились, по милости Полѣнова, и вѣдомости полковыя, отчеты о постройкѣ кораблей и разная иная дребедень. Здѣсь же, уже неизвѣстно почему, хранился далеко не секретный Кабинетъ Петра Великаго. Затѣмъ въ Архивѣ дѣла, переданныя чрезъ посредство графа Блудова [3] о какомъ-либо старинномъ событіи, носили названіе Блудовскихъ, отъ бывшаго министра Двора князя Волконскаго [4] — бумагами Волконскаго и т. д.

Бо̀льшая часть дѣлъ пріискивалась, какъ выше сказано, по сдаточнымъ описямъ, изъ которыхъ ничего нельзя было узнать. Обыкновенно выдавались Соловьеву, [5] Есипову, [6] Семевскому [7] не тѣ дѣла, которыя имъ были нужны, а подъ рядъ, что попадалось подъ руки. Поэтому Соловьевъ говорилъ въ Москвѣ, что въ Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ безпорядокъ классическій, а Семевскому удалось напечатать статейку о фрейлинѣ Гамильтонъ, [8] гдѣ идетъ рѣчь о разныхъ гадостяхъ, и „Петръ Великій какъ юмористъ", [9] гдѣ что ни строчка, то похабное выраженіе, отчего вся статья въ печати вышла испещренною точками, и удивленный читатель могъ только недоумѣвать, въ чемъ же весь юморъ. И дѣйствительно часто случалось, что начало дѣла попало случайно въ бумаги, присланныя чрезъ Блудова, продолженіе его лежало подъ другимъ заглавіемъ въ бумагахъ князя Волконскаго, а конецъ гдѣ-нибудь въ иномъ отдѣлѣ, безъ описи.

---

[1] В подлиннике описка: „не распечатанномъ дѣлѣ".

[2] Издается теперь Центрархивом в серии „Восстание декабристов. Материалы" (первый том вышел в свет в Москве в 1925 году).

[3] Графа Дмитрия Николаевича.

[4] Князя Петра Михайловича (ум. 1852), министра Двора в царствование Николая I.

[5] Историку Сергею Михайловичу.

[6] Григорию Васильевичу Есипову (р. 1812, ум. 1899), занимавшемуся с 1850-х годов в Государственном Архиве изучением материалов по истории России, преимущественно XVIII века, и на основании их напечатавшему ряд исторических исследований и статей.

[7] Михаилу Ивановичу (р. 1837, ум. 1892), впоследствии основателю и редактору исторического журнала „Русская Старина".

[8] Статья „Фрейлина Гамильтонъ. Историческій очеркъ. 1719" напечатана была в „Отечественных Записках" 1860 года, № 9, отд. I, стр. 239 — 310.

[9] Напечатана была в журнале „Свѣточъ" 1861 года, книга IX, отд. II, стр. 1—50. — Обе эти статьи перепечатаны в книге М. И. Семевского „Слово и Дѣло. 1700 — 1725" (3-е издание вышло в свет в 1885 году).

Въ подтвержденіе можно сослаться на огромную переписку о содержаніи въ заключеніи Брауншвейгской фамиліи: [1] часть ихъ была въ бумагахъ князя Волконскаго въ секретной комнатѣ, другая въ отдѣлѣ, носившемъ названіе „Внутреннее управленіе Кабинета", третья лежала неразобранною совсѣмъ отдѣльно, четвертая опять въ секретной комнатѣ, но въ сторонѣ отъ бумагъ такъ называемыхъ Волконскаго, а пятая въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи, не имѣвшихъ связи съ предыдущими отдѣлами.

Одинъ только отдѣлъ Государственнаго Архива представлялъ нѣкоторую цѣльность — это дѣла Тайной Канцеляріи, но только тѣ, которыя не были подмочены; пострадавшія же отъ наводненій были сложены въ послѣдней комнатѣ Архива въ грудахъ, вѣчно сырыхъ и, слѣдовательно, подвергавшихся гніенію, такъ какъ эта комната была безъ печи. По моему ходатайству Злобинъ выпросилъ дозволеніе поставить туда печь, отчего дѣла въ нѣсколько недѣль просохли, но многимъ изъ нихъ поздняя мѣра эта не принесла пользы, и они обратились или въ пыль, или въ сплошную массу, которой нельзя было развернуть по листамъ.

Теперь, для дополненія картины Государственнаго Архива, нельзя пропустить молчаніемъ его личнаго состава. Злобинъ съ неудержимыми порывами дѣятельности, не знавшій русской исторіи (въ чемъ мнѣ сначала откровенно сознавался), никогда не читавшій старинныхъ рукописей и притомъ врагъ занятій, гдѣ требовалась усидчивость и терпѣніе, безъ которыхъ нельзя быть истиннымъ архиваріусомъ. Затѣмъ я, человѣкъ больной, нервный, нетерпѣливый, но нѣсколько знакомый съ рукописями и оцѣнкою внутренняго ихъ достоинства. Далѣе другіе чиновники: Гюбенетъ [2] — трудолюбивый, знающій разбирать старинные почерки и, при всей ограниченности образованія и медлительности, какой я рѣдко встрѣчалъ, человѣкъ несомнѣнно полезный и честно потрудившійся при разборкѣ подмоченныхъ бумагъ, ядовитая пыль которыхъ лезла въ горло, глаза и носъ; по недѣлямъ у него вѣки у глазъ были совершенно красныя, а глаза были

---

[1] На основании этих документов Государственного Архива была написана в половине 1860-х годов В. В. Стасовым, по поручению барона (впоследствии графа) М. А. Корфа, обширная монография „Брауншвейгское семейство". Черновой подлинник этого труда В. В. Стасова, писанный его рукою и просмотренный бароном М. А. Корфом, сделавшим в нем некоторые небольшие перемены, хранится в Рукописном Отделении Публичной Библиотеки. Беловая рукопись этого труда была представлена бароном Корфом императору Александру II, и по ней первая часть „Брауншвейгского семейства" напечатана в историческом сборнике „Старина и Новизна", книга 22-я, Петроград. 1917, стр. 148 — 203, причем автором труда ошибочно назван граф М. А. Корф.

[2] Николай Александрович Гиббенет (р. 1826, ум. 1897), служивший в Государственном Архиве в течение почти пятидесяти лет, автор обширного труда „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона" (в двух томах, СПб. 1882 — 1884), написанного главным образом на основании материалов, хранящихся в этом архиве.

близки къ воспалительному состоянію. Другой архиваріусъ Лисенко, [1] хохолъ, безграмотный до смѣшнаго и ничего не смыслящій. Третій — Шульцъ; его опредѣлилъ самъ Злобинъ, который потому восторгался имъ безпредѣльно: такъ, однажды въ екстазѣ назвалъ его даже розою, распускающеюся въ Архивѣ. Впрочемъ, эта роза оказалась съ колючками: Шульцъ, разсердившись за то, что ему не дали штатнаго мѣста, дѣлалъ непріятности Злобину, и этотъ одно время даже боялся его, подозрѣвая, что онъ поколотитъ его. Исторія Протопопова, прибившаго вице-директора изъ нѣмцевъ, была у него въ памяти; Шульца перевели потомъ въ хозяйственный отдѣлъ Архива, и онъ уже не занимался болѣе по Государственному Архиву.

Сознаюсь, что при такомъ положеніи описей и личнаго состава дѣятелей Архива я сначала съ опасеніемъ слушалъ мечтательныя предположенія Злобина и возражалъ ему; но мало по малу самолюбіе привести самому Архивъ въ порядокъ, убѣжденіе, что такая работа расширитъ мои знанія по русской исторіи XVIII стол[ѣтія], а также и то, что, несмотря на ненавистную для меня дробность раздѣловъ, можно будетъ современемъ изъ частныхъ описей составить легко одну общую, — все это вызвало меня на то, чтобы приняться за рѣшительную перетасовску Архива и переборку всѣхъ его дѣлъ отъ перваго до послѣдняго. Уже при началѣ у меня съ Злобинымъ возникъ споръ насчетъ раздѣленія на разряды. Онъ непремѣнно хотѣлъ раскладывать дѣла на множество мелкихъ раздѣловъ, а мнѣ желательно было расположить бумаги по царствованіямъ. Мои представленія не имѣли успѣха, потому что Злобинъ, разъ забравъ себѣ что-нибудь въ голову, не уступалъ уже ни передъ какими доводами. Въ слѣдствіе этого нынѣ въ Государственномъ Архивѣ 28 разрядовъ, изъ которыхъ болѣе чѣмъ половина покажутся очень смѣшными и ненужными для будущихъ ученыхъ архивистовъ и изслѣдователей. По милости этого дѣленія у насъ теперь есть отдѣлы: бумаги, касающіяся до лицъ Императорской фамиліи; письма высочайшихъ особъ между собою; переписка высочайшихъ особъ съ частными лицами; есть разрядъ дѣлъ секретныхъ по государственнымъ преступленіямъ, бумагъ Тайной Канцеляріи и, наконецъ, дѣлъ просто секретныхъ; въ послѣднемъ отдѣлѣ довольно поспѣшно поставлены рядомъ дѣла о петербургскихъ б..... временъ Елизаветы и переписка о масонахъ. Честь такого куріознаго соединенія всецѣло принадлежитъ Злобину, и всѣ мои представленія о безсмыслицѣ отъ подобныхъ сопоставленій остались тщетными. Не могу также пройти молчаніемъ еще одного забавнаго распоряженія Злобина: онъ лично ненавидѣлъ Сперанскаго [2] по какимъ-то отношеніямъ

---

[1] Андрей Андреевич Лисенков.

[2] Отец К. К. Злобина, Константин Васильевич (р. 1771, ум. 1813), сын известного богатого откупщика В. А. Злобина, был женат первым браком на свояченице М. М. Сперанского Марианне Стивенс, с которой разъехался через шесть месяцев после брака.

его къ отцу своему (см. Корфа Графъ Сперанскій), и поэтому бумаги о Сперанскомъ, не имѣющія никакого уголовнаго характера, онъ съ особеннымъ злорадствомъ положилъ въ разрядъ дѣлъ о государственныхъ преступникахъ и торжественно заявилъ о томъ мнѣ.

Все вниманіе моего командира было поглощаемо алфавитомъ именъ, встрѣчающихся въ дѣлахъ, а потому онъ даже не хотѣлъ сначала, чтобы составлялись описи бумагамъ; но въ этомъ случаѣ я уже противосталъ особенно сильно, и онъ, не убѣдившись въ пользѣ ихъ, рѣшился, кажется, во избѣжаніе ссоры со мною, только терпѣть мои хлопоты о нихъ.

Злобинъ писалъ на карточкахъ имена съ обертокъ, на которыхъ писались составляемыя мною оглавленія дѣлъ. Впрочемъ, онъ было пробовалъ и самъ писать содержаніе бумагъ, но, благодареніе Богу, въ этомъ случаѣ онъ не могъ идти далеко, такъ какъ не умѣлъ разбирать старинныхъ почерковъ, и потому брался только за то, что уже было описано кое-какъ Полѣновымъ, напр., переписка высочайшихъ особъ, или же дѣла позднѣйшаго времени, именно Тайной Експедиціи. Его труды по этой части легко узнать, потому что на оберткахъ онъ писалъ своею рукою. Въ перепискѣ высочайшихъ лицъ онъ слѣдовалъ весьма не мудрой системѣ, надписывая только: письма такого-то къ такому-то. И такъ все въ этомъ родѣ. Въ дѣлахъ Тайной Експедиціи сохранялъ онъ подобный же лаконизмъ, отчего всѣ дѣла по его описанію выходили похожими другъ на друга. Кромѣ того онъ нигдѣ не опредѣлялъ годовъ: эта кропотливая и подъ часъ нелегкая работа великодушно предоставлялась мнѣ, и годы вездѣ выставлены моею рукою. При этомъ случаѣ я украдкой отъ Злобина дѣлалъ къ его краткимъ оглавленіямъ дѣлъ дополненія и прибавки. Уже нѣсколько лѣтъ послѣ онъ примѣтилъ это и, разсказывая мнѣ, дѣлалъ при этомъ видъ, что очень признателенъ за то.

Мои работы по описанію дѣлъ я началъ съ первой комнаты стараго помѣщенія Архива и потомъ послѣдовательно проходилъ чрезъ вторую, третью, чрезъ проходъ въ четвертую и, наконецъ, въ четвертую комнаты. Оглавленія я писалъ на узкихъ полоскахъ бумаги; ихъ и сшитыхъ въ особыя тетрадки и вложенныхъ въ обертки много встрѣтятъ будущіе архивисты и изслѣдователи. Писали также эти оглавленія и Гюбенетъ, и Лисенко; но мало изъ этихъ оглавленій встрѣтится безъ моихъ поправокъ; въ особенности длинныя и безтолковыя оглавленія Лисенка приходилось совсѣмъ передѣлывать. При дѣлахъ, которыя были въ производствѣ состоявшихъ при Екатеринѣ II дѣльцовъ и лежали съ тѣхъ поръ не смѣшанныя съ другими, я, при новой раскладкѣ ихъ по разрядамъ, для сохраненія памяти объ ихъ производителяхъ, придумалъ ярлычки, которые наклеены на бумагахъ Козицкаго, Теплова, Елагина, Козьмина[1] и др., какъ для сохраненія памяти

[1] Григорий Васильевич Козицкий, Григорий Николаевич Теплов, Иван Перфильевич Елагин и Сергей Матвеевич Козмин были статс-секретарями императрицы Екатерины II.

о нихъ, такъ и для разныхъ соображеній, которыя могутъ возникнуть у будущихъ историковъ. При этихъ описаніяхъ соединялись постепенно разрозненныя бумаги одного и того же дѣла, обозначались разряды и потомъ складывались, въ началѣ безъ всякаго порядка. При соединеніи бумагъ однихъ и тѣхъ же дѣлъ представилось мнѣ новое совсѣмъ неожиданное затрудненіе: я говорилъ уже выше, что Полѣновъ для казоваго конца отобралъ по нѣскольку бумагъ, часто самого пустаго содержанія, разложилъ ихъ въ картоны, на картонахъ наклеилъ разныя заглавія, и все перенесъ въ секретную комнату, между тѣмъ бумаги дѣйствительно важныя по содержанію валялись въ общемъ помѣщеніи Архива. Когда я ихъ переносилъ въ секретную комнату, то Злобинъ тому не противился, но если я намѣревался оттуда выносить, для очищенія мѣста, Полѣновскіе картоны съ неважными бумагами, то онъ постоянно старался препятствовать мнѣ въ томъ и тѣмъ замедлялъ ходъ работы, такъ какъ всетаки было необходимо описать хламъ, остававшійся въ секретной комнатѣ. Тщетно я старался ублажать его и доказывать то пустоту этихъ бумагъ, то давнее мое знакомство съ ними, потому что ключъ отъ секретной комнаты почти годъ былъ на моихъ рукахъ, когда Гильфердингъ былъ боленъ, и стало быть тогда еще я имѣлъ полную возможность списывать ихъ, сколько мнѣ угодно, когда бы имѣлъ къ тому желаніе. Къ счастію это препятствіе отстранилось тѣмъ, что Злобинъ отправился однимъ лѣтомъ въ отпускъ, и я въ его отсутствіе, имѣя у себя ключъ отъ секретнаго помѣщенія, поспѣшилъ прежде всего очистить его отъ ненужнаго хлама, а вмѣсто него размѣстить дѣла Тайной Канцеляріи, которыя считаю самыми важными изъ всѣхъ хранящихся въ Государственномъ Архивѣ и потому заслуживающими особеннаго попеченія объ ихъ сбереженіи. Разборъ и опись этихъ дѣлъ представляли затрудненія не совсѣмъ обыкновенныя: половина ихъ были подмочены еще до передачи ихъ въ Госуд[арственный] Архивъ, и притомъ не одинъ разъ. О просушкѣ ихъ никто не заботился, и такимъ образомъ большая часть ихъ сгнила, истлѣла или обратилась въ сплошную массу, отчего при одномъ прикосновеніи къ нимъ поднималась ядовитая пыль, вредно дѣйствовавшая на глаза и на дыхательное горло. При разборкѣ подобныхъ дѣлъ, когда бывало сморкнешься, то на носовомъ платкѣ скоро являлись пятна изъ пыли, попадавшей въ носъ. Около двухъ лѣтъ я провелъ въ чтеніи, разборѣ и принятіи разныхъ средствъ къ сохраненію уцѣлѣвшихъ отрывковъ и лоскутковъ изъ такихъ дѣлъ. Гибенетъ помогалъ мнѣ тѣмъ, что занимался разборомъ и собираніемъ во едино огромныхъ дѣлопроизводствъ. Одно, въ которомъ замѣшанъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ,[1] другое — о Брауншвейгской фамиліи.[2] Послѣднее

---

[1] Этими делами о Феофане Прокоповиче пользовался И. А. Чистович в своем труде „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ (СПб. 1868).

[2] См. выше, стр. 270, прим. 1-е.

я просматривалъ и размѣщалъ послѣ него самъ. Помню, что мы оба не разъ болѣли отъ этихъ занятій, во время которыхъ сидѣли покрытые съ ногъ до головы сѣрою пылью, и съ краснѣвшими вѣками и мутными глазами. Между тѣмъ оба мы не торопились этою работою, потому что, какъ нарочно, всѣ подобныя дѣла были очень любопытны по содержанію, тогда какъ пустыя или касавшіяся счетоводства бумаги уцѣлѣли превосходно и читать ихъ было чрезвычайно легко.

Къ 1868 году дѣла Тайной Канцеляріи разложены были въ хронологическомъ порядкѣ и перенесены мною въ новое помѣщеніе, а въ 1868 г. послѣдовательно размѣщались по разрядамъ и переносились также въ новое помещеніе прочіе разряды. Изъ нихъ одинъ Кавказскій, который не описывался подробно, а огуломъ, раскладывалъ Гибенетъ. Всѣ же остальные разряды, отъ 1 до 25 включительно, прошли черезъ мои руки; изъ нихъ только въ трехъ я не принималъ непосредственнаго участія, хотя просматривалъ всѣ.

Въ іюлѣ 1868 г. со мною сдѣлался нервическій ударъ, и Злобинъ особенно старался, чтобы я уѣхалъ за границу. Въ отсутствіе мое образовалъ онъ 26 разрядъ изъ дѣлъ Губернской Канцеляріи, но такимъ образомъ, что вязки вложили въ новыя обертки, съ обозначеніемъ, что это дѣла Губернской Петерб[ургской] Канцеляріи, слѣдоват[ельно] труда на опись этого разряда положено не много. Будучи въ Парижѣ, я писалъ къ Злобину, что теперь Госуд[арственный] Архивъ почти въ порядкѣ, остается разложить немногія бумаги по разрядамъ, а потомъ выставить на дѣлахъ нумера. Оставивъ первую работу, при которой, какъ ни пуста она, требовалось умѣніе читать старыя рукописи, Злобинъ ухватился за послѣднее и съ обычною своею торопливостью принялся выставлять нумера на дѣлахъ, нисколько не думая о томъ, что были еще дѣла, отысканныя и описанныя послѣ составленія описей, почему ихъ слѣдовало сначала внести въ опись, или подложить къ поставленнымъ уже дѣламъ, прежде обозначенія нумеровъ на дѣлахъ, вошедшихъ въ опись, что иначе приходилось измѣнять всѣ нумера или же подчищать ихъ много разъ на оберткѣ дѣла, на картонѣ, въ описи и, наконецъ, въ алфавитѣ. Но Злобину до всего этого было мало дѣла, и онъ самодовольно говорилъ Штендману:[1] „Вотъ говорили, что въ Госуд[арственномъ] Архивѣ все Пекарскій да Пекарскій, а работы идутъ быстро впередъ и безъ него!“

---

[1] Георгий Федорович Штендман (р. 1836, ум. 1903), впоследствии член Археографической Комиссии и секретарь Русского Исторического Общества (с 1879 г. по свою кончину). Собирая материалы для своей (не осуществившейся) магистерской диссертации о сношениях России в XV — XVII в.в. с Священною Римскою Империю, он, между прочим, занимался в конце шестидесятых годов и в Государственном Архиве, где им были рассмотрены все дела Тайного приказа.

По возвращеніи моемъ изъ за границы въ январѣ 1869 г. Злобинъ великодушно предоставилъ мнѣ описаніе разряда бумагъ Россіи до-Петровской,[1] гдѣ мнѣ снова пришлось корпѣть надъ полуистлѣвшими бумагами, писанными по большей части скверною скорописью конца XVII вѣка, и опредѣлять годы, когда онѣ были написаны. Эту опись я старался дѣлать особенно тщательно. Между тѣмъ видя, что обуреваемый необузданными порывами дѣятельности Злобинъ постепенно портилъ тѣ разряды, надъ которыми съ такою любовью трудился я ровно 5 лѣтъ: — онъ не только не обращалъ вниманія на вновь прибывающія дѣла послѣ составленія описи, но пропускалъ нумера, напр., послѣ 7 ставилъ 10, а иногда подъ однимъ и тѣмъ же нумеромъ помѣщалъ по нѣскольку дѣлъ; безпрестанно подчищались картоны, описи, обертки и алфавитъ, одинъ разрядъ о Польшѣ три раза выдержалъ такую операцію,—я наконецъ не выдержалъ и сказалъ ему, что подобная работа только замедляетъ успѣшное окончаніе описанія Архива и отбиваетъ всякую охоту къ дальнѣйшимъ занятіямъ, и въ отвѣтъ получилъ горделивое возраженіе: „Я за это отвѣчаю и потому я въ правѣ это дѣлать!“

Мартъ 1869 г.

---

[1] Работая над описью дел Тайного приказа, П. П. Пекарский сообщил Археографической Комиссии списки с двух грамот царя Ивана Васильевича Грозного к королю Шведскому Иоанну 1572—1573 г.г. (напеч. в „Лѣтописи занятій Археографич. Комиссіи“, вып. V (СПб. 1871), отд. II, стр. 30 — 47). Эти же две грамоты помещены и в „Дѣлахъ Тайнаго приказа“, книга 2-я („Русская Историческая Библіотека“, т. XXII, СПб. 1908, ст. 31 — 52).

Книга расходная Санктпетербургского Комисарства Соляного Правления 1725 года.

С. Ф. Платонова.

I.

В 1926 году в Постоянную Историко-Археографическую Комиссию поступила, в дар от Ю. В. Татищева, рукопись, содержащая в себе „Книгу расходную его императорского величества денежныя казны Кабинетной и Соляной суммы Санктпетербургского Камисарства Соляного Правления сего 1725 году“.[1] Эта рукопись принадлежит к числу тех, которые были во второй половине XIX века исключены из Архива Департамента таможенных сборов и проданы на рынок, откуда попали в частные собрания (и в некоторых экземплярах в учреждения Академии Наук). Знакомство с „Книгой Расходной“ позволяет сделать несколько ценных наблюдений, которым и посвящена настоящая статья.

Заключая в себе полную картину расходных операций Петербургского Комисарства Соляного Правления за целый 1725 год, „Книга“ дает возможность определить, куда разошлась бывшая в ее обороте годовая сумма, составлявшая в червонцах, ефимках и рублях более 600.000 рублей.[2] Одной из главных статей расхода в „Книге“ показаны денежные отпуски в „Кабинет“ государей или в „Комнату“ на „чрезвычайные мелочные расходы“ Петра и Екатерины. Втечение года таких отпусков было около

[1] Шнуровая книга в кожаном переплете содержит в себе 276 писанных листов (551 нумерованную страницу), за которыми следуют чистые листы в значительном количестве; впереди нумерованных страниц оставлено 30 чистых листов, чтобы писать „алфабѣтъ Росходной книги“, в котором, однако, кроме заглавия, ничего не написано. Вел эту книгу весь 1725 год копиист Алексей Дорофеев, как это явствует из его росписки на 427 странице; дополнительные под 31 декабря записи (на стр. 550 — 551) сделаны другим лицом; на обороте листа 276-го заключительная отметка: „в сей книге писанных двести семдесят шесть листовъ“.

[2] О том, на что именно назначались доходы от соляной регалии, см. показание современника в „Сборн. Русск. Истор. Общ.“, т. III, стр. 517—518. Срвн. П. Н. Милюкова, „Госуд. хозяйство России“, изд. 1892 г., стр. 704 — 705 и 490 — 491.

двадцати на сумму 24.300 рублей. Деньги требовались в Кабинет, главным образом, весною в связи со свадьбой цесаревны Анны Петровны с герцогом Голштинским. Значительную статью расхода составлял именно этот герцог: „на содержание его кухни“ отпускалось ежемесячно по 3.000 рублей, а с июня по 5000 рублей, всего же в год он получил 50.000 рублей. Другие династические паразиты принцы Людвиг и Карл Гессен-Гомбургские были скромнее и получили на год всего 6.050 рублей на стол и квартиру.[1] Кончина Петра Великого вызвала большие расходы на церемонию погребения и придворный траур. Много денег тратилось на устройство дворцовых парков и садов; как пример, приведем выдачу 16-го марта 1.660 рублей „подрядчикам за провоз из Новагорода в ближние Дубки и в Село Царское липовых шестнадцати тысячь дерев“ и 7-го августа выдачу 1.000 рублей „на покупку бревен, досок, красок и на прочие расходы, потребные к садовым ея величества делам“. Большие суммы шли на всякого рода работы в Кронштадте, по постройке укреплений и зданий, и на постройки в дворцовых усадьбах Петербурга и окрестностей.[2] Отпускались средства и в адмиралтейство на работы „у собственного ея величества корабля“ (16-го марта, 15-го апреля и др.), а также на работы по судовому строению на реках, например, „к строению его величества судов, на которых его величество изволил маршировать от Вышнего Волочка до Ладоги“ (15-го января). Далее, Комисарство оплачивало счета различных поставщиков ко дворцу, русских и иностранных, за товары всякого рода, от художественных изделий до свежих „устерсов“. Из выдач этого порядка особенно любопытна выдача 130 рублей (27 декабря) города Якутска казацкому голове Афанасью Шестакову „за покупные тамошняго народу разные платья и китовых усов“. Поставка этих предметов была вызвана заказом Петра В., сделанным еще в 1719 году.[3]

Но самой заметной статьей расхода Комисарства было содержание лиц, составлявших придворный штат и дворню их величеств. Придворные

---

[1] Об этих принцах см. Голикова, „Деяния Петра В.“, IX, изд. 2-е, стр. 525, и „Сборн. Русск. Истор. Общ.“, т. III, стр. 361—363. Субсидия им была назначена еще 4 сентября 1723 года.

[2] См. указ 1722 года об отпуске денег на этого рода расходы „из соляной суммы“ в „Сборн. Русск. Истор. Общ.“, т. XI, стр. 472 — 474.

[3] В Постоянной Историко-Археографической Комиссии находится документ, относящийся к этому делу и содержащий доношение А. Шестакова с перечнем привезенных им предметов. В начале доношения говорится: „В прошлом 719-м году, будучи в Питергофе, приказал (Петр) мнѣ изыскать и купить въ Якуцском городе тамошнего народу без обиды платье, какой народ какое платье носят на головах и на себе и на руках и на ногах, да усы китовые исцельные, на которых бы был волосъ, да мамонта-зверя голову с рогами“. Шестаков добыл и привез все, кроме головы „мамонта-зверя“.

о рангах 1721 года, — в расходной книге встречаются в редких случаях. Они получают случайные и „тайные“ выдачи. Так, „светлейший“ Меншиков „на некоторые нужнейшие расходы“ получил однажды 500 рублей (26 марта). Генерал И. И. Бутурлин „на некоторую нужную дачу“ получил (20 марта) полторы тысячи. Князю Вас. Вл. Долгорукову „для некоторой его посылки“ была выдана тысяча рублей (11 января). Братья Нарышкины, Александр и Иван, получили (9 июля) займы „для их необходимых нужд“ 3.000 рублей. Генерал-майору С. А. Салтыкову была выдана (30 марта) тысяча рублей „на некоторую нужную и тайную дачу“. Также „на некоторые нужные и тайные дачи“ получил (20 марта) 3.000 рублей известный деятель Тайной канцелярии Андрей Ушаков. Сам распорядитель кредита Комисарства кабинет-секретарь А. В. Макаров получал свое жалованье из Комисарства: ему (17 декабря) было выдано 133 р. 29 копеек.[1] К придворным сановникам можно присоединить и одну из первых по времени „статс-дам“ русского двора, шутиху „князь-игуменью“ Настасью Петровну, рожденную княжну Прозоровскую, по мужу княгиню Голицыну: ей возвратили (4 марта) 84 рубля, неправильно полученные с нее на казенном кирпичном заводе,[2] и выдали (3 июня) 500 рублей за портрет с алмазами, „который в прошлом 1717 году, в бытность в Голандии, взят на ее величество“. Другая сановница, вдова Романа Вилимовича Брюса, получила в два срока (20 марта и 20 ноября) 10.000 рублей „за двор ее с каменным строением, который взят на ее величество“. Думаем, что к людям непростого происхождения принадлежало и то лицо, которое без имени было „прислано от двора его императорского величества“ еще при жизни Петра в Петербургский „гварнизон“, а по смерти Петра весною перевезено в Шлиссельбург. При жизни Петра на безыменного „арестанта“ расходовалось 10 копеек в день, но вскоре по кончине императора (именно 15 февраля) даны были ему „прибавочные“ 5 копеек на день и кроме того „для отдачи арестанту“ приобретено платье, обувь и „прочая рухлядь“, именно: шапка бобровая; рукавицы оленьи с пухом; штаны суконные; сапоги; башмаки телятенные; туфли сафьянные; чулки („одни валеные, другие гарусные“); одеяло выбойчатое холодное, стеганое на бумаге, подбито крашениною; епанча суконная „мех волчей черевей“; фуфайка камчатая, стеганая на бумаге. Ко всему этому для арестанта были куплены за 86 копеек „сани болковни (то-есть, пошевни) покрытые ценовкою“. Все эти данные указывают на то, что безыменный арестант не был простым колодником; но кто он был, пока высшего порядка — те, которые имелись ввиду при составлении табели

---

[1] О выдачах Меншикову и Макарову в Постоянной Историко-Археографической Комиссии находятся документы из дел Соляного Правления.

[2] О возврате Голицыной этих денег есть документы в Постоянной Историко-Археографической Комиссии из дел Соляного Правления.

сказать не можем.[1] Наконец, к числу знатных клиентов Комисарства надобно причислить и Прусского посланника при Русском дворе барона Густава фон-Мардефельда. Тесная „дружба“ между дворами Петербургским и Берлинским в 1725 году отразилась на Мардефельде тем, что 18 сентября было „выдано его королевского величества Прусского министру Мардофельту, за ево показанные к ползе государства Россйского проекты о разных делах, в подарок четыре тысячи рублев“. За этим дипломатическим подарком последовал вскоре и другой: 8 октября „по указу из Коллегии Иностранных Дел отпущено в ту Коллегию на дачу Прусскому тайному советнику барону Гундлингу, за сочиненные книжки во образъ трактата о доказательстве фундамента Российского императорского титула, за ево труды в награждение, медалей золотых“ всего десять штук разных на сумму 400 рублей.

Выдачи Комисарства знатным придворным и дипломатическим персонам были единовременными и случайными. На постоянном иждивении этого учреждения находились люди нисших рангов и простые „служители двора“. К ним причислялись прежде всего царские денщики; затем врачи, художники и учителя; далее певчие и музыканты; кухмистеры и кондитеры; садовники и мастера, служившие в токарне Петра В., наконец, всякого рода слуги и та шутовская братия, к которой Петр питал большую слабость. Из всех этих лиц в „Книге расходной“ записаны выдачи деньщикам Андрею Древнику (Andreas Drewnik), Алексею Татищеву, Александру Бутурлину, Василию Поспелову, Алексею Юрову.[2] Из врачей упоминаются Блюментросты и Поликола; из архитекторов Трезини.[3] Скульптор „италианец граф Растрелли“ (Карло Бартоломело) получил 29 октября 200 рублей „за выливание его императорского величества поясного медного портрета“. Эта сумма составляла половину уговоренного гонорара за известный бронзовый бюст Петра В., исполненный Растрелли.[4] Из живописцев, состоявших „в команде“ надворного интенданта Мошкова, на страницах „Книги“ встречаются „Дангоур“ (Johan Gottfrid Tonnauer), Иван Никитин, Ведекинд (Johan Hinrich Wedekind) и Адолский;[5] из учителей — Рамбур, Пауфлер и Исаак Веселовский.[6] За этими представителями более или менее интеллигентного труда следуют придворные певчие, с уставщиком (реген-

---

[1] Сведения об арестанте находятся на стр. 8, 38 — 39, 50 — 54, 236 — 237, 372 и 471 „Книги“.

[2] Стр. 10 — 11, 131 — 132, 168, 302 — 303, 418 — 419. Иногда в „Книге“ денщики именуются камер-юнкерами.

[3] Стр. 140, 164, 305, 401; 200 — 201, 469.

[4] В получении денег Растрелли расписался своеручно: „Ricetto ducendo Rubli Conte de Rastrelli. Ditto 200“ (стр. 450).

[5] Стр. 5, 126, 410, 445; 128, 409 — 410; 139, 517; 3, 509.

[6] Стр. 3, 127, 389; 6, 127, 389; 289.

том) Иваном Протопоповым, и „дому ее величества крестовый священник“ Иаков Федоров.[1] Затем идут довольно многочисленные группы музыкантов, русских и иноземных, и штат токарей, состоявших при токарне Петра В. с их начальником известным Андреем Нартовым.[2] Хорошо обеспеченную группу составляли, наконец, кухмистеры и кондитеры Я. Фельтен, Ю. Потон (Patton), Ф. Гримкен (Grimcken), М. Суплан (Sauveplane) и садовник Ян Розен.[3]

За этою вереницею „служителей двора“ в „Книге“ идут слуги, или „служители дома их величеств“. Во главе их находятся доверенные лица, вроде Ивана Кобылякова, приближенного обер-камердинера Петра В., неотлучно находившегося при царе во всех его поездках, или заведовавшего токарней уже названного выше Андрея Нартова или „грыдорованного дела мастера“ Степана Коровина.[4] Рядом с этими людьми определенного дела при „доме их величеств“ жили и кормились личности неопределенного назначения, однако, пользовавшиеся положением и милостями в такой же мере, как и деловые люди. Таков, например, Василий Петров Распопа. По прозвищу можно заключить, что он попал в „дом его величества“ из духовного звания, но чем он был занят при Петре, узнать из документов нельзя.[5] Таков же был и Ян Дакоста, по общепринятому мнению, шут его величества, но во всяком случае шут очень высокого ранга, ибо годовой оклад его денежного жалованья равнялся 600 рублям и кроме того ему в 1725 г. было выдано 700 рублей на покупку двора и 300 рублей „на его иждивение“.[6] Гораздо мельче Дакосты был шут Михайло Ширяев, по одной официальной записи, „князь великий оратор и архискосырь“, повидимому, тот самый, с извета которого началось известное дело Монса. В 1725 году ему также был приобретен двор в 700 рублей ценою, но жалованье его

---

[1] Стр. 530; 202 — 203, 362; 271.

[2] Стр. 6, 129, 190 — 192, 218 — 220, 278, 377 — 380, 382 — 353, 388, 525 — 529 — о музыкантах; стр. 35 — 36, 137, 165, 198, 227, 255, 300, 356, 380, 423, 458, 489 — 490, 498, 503, 514 — о штате токарной мастерской. Автографы А. Нартова на стр. 13, 127, 388.

[3] Стр. 7, 128, 390; 25, 136, 181, 536; 363; 457; 530 — 531.

[4] Стр. 11, 16 — 17, 132, — о Кобылякове; стр. 32, 72, 223, 390, 488 — о Коровине. Степан Михайлович Коровин, гравер и переводчик, получил некоторую известность, как и Нартов, своими литературными упражнениями.

[5] Стр. 10, 130. Василия Петрова Распопу не следует смешивать с Василием Петровичем Поспеловым, деньщиком, впоследствии бароном и шталмейстером. О Поспелове см. „Русск. Биограф. Словарь“ (под этой фамилией), где смешаны сведения об обоих этих лицах, и Поспелову приписано то, что Берхгольц говорит о Распопе.

[6] Стр. 10, 130 — о Распопе; стр. 2, 59, 65 — 66, 127, 296, 364, 388 — о Дакосте. В Библиотеке Академии Наук находится одна из книг Дакосты: „Las Memorias de Felipe Comines“ (1643, fol.), на которой есть любопытная запись о жизни и свойствах Дакосты, сделанная по-португальски Р. Саншесом (переведена далее В. И. Кардашевским).

равнялось только 200 рублям.[1] За этими сравнительно видными лицами царской дворни в „Книге“ следует ряд имен мелких людишек, кормившихся от щедрот своего господина, любившего потехи и шутки всякого рода. Тут видим и „конюшенного чина скомороха“ (он же „гудошник“), Якова Конева, и „плешивых“ (таково название должности) Калину Григорьева с товарищами, всего семь человек, и „карлу“ Луку Честихина с матерью и братом, которых он кормил своим убожеством, и „дураков“ вроде Семена Тургенева и ему подобных.[2] Изучение этой среды убогих умственно и физически людей, которыми любил окружать себя Петр, может составить предмет особого очерка, не лишнего в серии этюдов из бытовой истории Петровского времени. В настоящее время не будем на них останавливаться.

II.

В „Книге“, между прочим достойным внимания материалом, есть две записи, особенно любопытных и требующих толкования. Обе они, однородные по характеру и назначению, не относятся к обычному ведомству Комиссариатства и являются в нем случайностью.

Первая из них сделана 28-го января, в самый день кончины Петра Великого: „По указу ис Камор-Коллегіи, в котором объявлен Сенацкой указ генваря 27-го дня, и по указу ж ее величества всепресветлейшие державнейшия государыни императрицы всероссийской Екатерины Алексеевны, за рукою тайного кабинет-секретаря господина Макарова, генваря 28-го дня отпущено лейб-гвардии на Преображенской и Семеновской полки на дачю в жалованье на майскую и сентябрскую трети прошлого 724-го году взаимно двадцать тысячь рублев, которые велено возвратить ис положенных на те полки из Сибирской губернии денег чрез шесть недель или по последней мере в два месяца“. Далее росписка: „Андрей Ушаков принял“.

Вторая запись сделана 2-го февраля: „По указу ее величества ис Каморъ-Коллегіи, в котором объявлен Сенатцкой указ генваря. 27-го дня сего 725-го году, отпущено лейб-гвардии на Преображенской и Семеновской

---

[1] Стр. 128, 194, 389, 524 — 525. „Сборник выписок из архивных бумаг о Петре В.“, II, стр. 160; Голиков, „Деяния Петра В.“, изд. 2-е, X, стр. 117.

[2] Стр. 136, 510 — о Коневе; сравни „Сборник выписок“, II, стр. 102, и „Походный журнал“ 1724 года, изд. 2-е, стр. 17. — О „плешивых“ в „Книге“ стр. 137, 456. Эта должность упоминается не раз у современных писателей; всего лучше говорится о „плешивых“ у Кашина („Поступки и забавы имп. Петра В.“ в „Памятниках Древней Письменности“, CX, стр. 12 — 15) и у Фоккеродта (русский текст, стр. 18 — 19). — О Луке Честихине в „Книге“ стр. 12, 131, 133; о Тургеневе стр. 13, 130. В „Походном Журнале“ 1714 года (стр. 108, 110, 124) указывается, что по Финскому заливу с царем плавали „дураки“: архиерей Петр Бутурлин, Александр Юшков, Семен Тургенев, и что их особый Narrenschiff, между прочим, попал на мель.

полки на дачю в жалованье на майскую и сентябрскую трети прошлого 724-го году, ис принятых денег из канцелярии генерала-маэора господина Дмитреева-Мамонова,[1] три тысячи рублев". Далее росписка сержанта Преображенского полка С. А. Безобразова.

Из приведенных текстов видно, что в последние минуты жизни Петра его жена Екатерина именовалась уже „всепресветлейшей державнейшей императрицей" и что ее распоряжением гвардейским полкам из экстренного источника (кабинетных сумм) выданы были деньги для уплаты жалованья, недоданного за предшествовавший год. Чтобы оценить значение этих фактов, необходимо восстановить в памяти общую политическую обстановку того момента.

В двадцатых числах января 1725 года Петербург переживал „престрашный и рыдательный случай": в одном из покоев старого Зимнего дворца, в своей „конторке", мучительно умирал Петр, и придворные были озабочены вопросом о его преемнике. Умелый политик и правитель, Петр не умел уладить свои собственные семейные дела. Его первый брак привел к тому, что свою жену он держал в ссылке, а сына засудил до смерти. От этой семьи остался при Петре один только его внук, десятилетний мальчик Петр Алексеевич. Во втором браке рождавшиеся сыновья Петра умирали во младенчестве, а две взрослые дочери были прижиты им до церковного венчания. По прямой нисходящей линии наследовать престол мог только внук, и в этом случае единственную заботу составлял бы вопрос об устройстве регенства на срок до совершеннолетия маленького государя. Если бы Петр держался старого московского обычая передачи власти по прямой нисходящей, дело было бы просто: сам ли бы он назначил регента, или же это пришлось бы сделать другим, все равно — судьба престола была бы ясна. Но Петр осложнил положение двумя своими мерами. Во-первых, в феврале 1722 года он опубликовал „устав", колебавший принцип династического наследования и определявший, чтобы „было всегда в воле правительствующего государя: кому оный хочет, тому и определит наследство". Таким образом Петр превращал свое государство в особого рода избирательную монархию, в которой право избрания последующего монарха принадлежало царствующему государю. А во-вторых, в ноябре 1723 года Петр издал манифест о том, что намерен свою жену Екатерину „коронациею короны почтить", и исполнил это свое намерение в мае 1724 года. В Московском Успенском соборе с большой пышностью был совершен обряд коронования Екатерины, причем Петр возложил на нее корону, а в руки ей вручил „державу", то-есть золотой шар, увенчанный крестом и представлявший собою эмблему — „видимый

[1] О Канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова см. В. И. Веретенникова, „История Тайной Канцелярии Петровского времени" (Харьков. 1910), стр. 28, 30 — 40. — Об И. И. Дмитриеве-Мамонове см. книгу „Дмитриевы-Мамоновы" (sine loco et anno), стр. 16 — 22.

образ самодержавия“.[1] Эта коронация дала повод многим думать, что император в силу „устава“ 1722 года „выбрал в наследники престола свою вседражайшую супругу“. Хотя люди авторитетные и утверждали, что „Петр Великий не с тем ее венчал царским венцом, чтоб ее наследницею своею учинить, ниже когда того желал“, однако двусмысленность действия оставалась и сыграла свою роль в последние минуты жизни Петра.[2]

В таких обстоятельствах, в ожидании смертного часа Петра, вельможи удостоверились от тайного кабинет-секретаря А. В. Макарова, что в бумагах Петра нет письменных распоряжений о „наследии престола“. Ясно было, что раз император не воспользовался правом, какое сам себе обеспечил „уставом“ 1722 года, было необходимо решать вопрос о преемстве власти общим советом. Советоваться и ссориться начали заблаговременно, дня за два до кончины больного. Жена или внук — других претендентов не могло быть. Те, кто хотел воцарить внука, опирались на вековую московскую традицию. Но им возражали, что сила этой традиции уничтожена „уставом“ 1722 года и — в связи с ним — коронацией Екатерины: следует просто возобновить присягу, которая будто-бы была принесена императрице во время ее венчания, и только. Много было писано о том, как группировались и спорили в эти дни петербурские сановники.[3] Из всех показаний современников явствует, что дело было решено не столько дебатами сановников, сколько вмешательством гвардейцев, ловко привлеченных на свою сторону друзьями Екатерины. Оба гвардейские полка, Преображенский и Семеновский, имевшие дворянский состав с большим количеством „отецких детей“ из прежней знати, стояли близко к царскому двору, участвовали во всех придворных торжествах и праздниках, давали из своей среды людей в администрацию и по всему этому были в тесной близости к самому Петру и к его „хозяйке“ Екатерине. Гвардия выказывала тогда большую преданность царской семье несмотря на то, что ей неисправно платили жалованье. Правда, солдаты-дворяне, хорошо питаемые и одеваемые казною и обеспеченные даровым трудом крепостных крестьян, могли обходиться без денежного жалованья; но все таки оно было далеко не лишним рессурсом и для них. Привлекая гвардейцев на сторону Екатерины, ее друзья именем императрицы сулили гвардии немедленную выдачу жалованья. Иностранные дипломаты, бывшие тогда в Петербурге, согласно сообщали своим прави-

---

[1] „Полн. Собр. Зак.“ №№ 3893 и 4366. — Голиков, „Деяния Петра В.“, изд. 2-е, т. IX, стр. 64 — 67, 296; т. X, стр. 56 — 69.

[2] Голиков, „Деяния Петра В.“, изд. 2-е, т. IX, стр. 297. — „Житие и славные дела Петра В.“, т. II (СПб. 1774), стр. 283 — 284. — „Сочинения кн. М. М. Щербатова“, т. II (СПб. 1898), стр. 169.

[3] Кроме „Истории России“ Соловьева, можно сослаться на статью Е. Ф. Шмурло, „Кончина Петра В. и вступление на престол Екатерины I“ („Сборник статей в честь Д. А. Корсакова“ (Казань. 1912 — 1913, стр. 352 — 365, и отдельно).

тельствам, что Екатерина обещала гвардии денежные выдачи из собственных сумм („qu'elle les paierait de ses propres deniers"; „dass sie ihnen sofort aus ihrem eigenen fond die Gage bezahlen wollte").[1] Нельзя было не верить таким категорическим показаниям о подкупе столичного гарнизона; но затруднительно было представить себе, в каких именно формах мог быть произведен этот подкуп и когда именно к нему прибегли, чтобы укрепить шансы Екатерины и обеспечить ее торжество.

Приведенные выше записи „Книги" совершенно точно разрешают эти вопросы. Петр еще дышал, когда Сенатским указом, подкрепленным указом же „ее величества всепресветлейшие державнейшие государыни императрицы", 27-го января была решена, а 28-го, в самый день смерти Петра, уже произведена выдача гвардии из кабинета такой суммы денег, какой было более чем достаточно для уплаты задержанного денежного жалованья. Выдача была сделана в долг („взаимно"), но, как увидим, не вся взятая сумма вернулась в Кабинет в 1725 году. Щедрый императрицын подарок не был, конечно, подкупом в точном смысле слова; но он сделал свое дело не хуже прямого подкупа и весьма посодействовал быстрому и беспрепятственному воцарению Екатерины.

Для того, чтобы вполне осветить дело с выдачею гвардейцам задержанного жалованья, надлежит привести некоторую справку. Неполучение денег для гвардии в надлежащие сроки произошло в связи с податною реформою тех лет. Введение подушной подати, имевшей ввиду главным образом содержание войск, поставило в 1724 году вопрос и об источниках содержания гвардейских полков. Расход на них был определен, „на жалованье, за мясо и за месячный провиант и за рационы, кроме амуниции", в 196.764 рубля и за амуницию „примерно" 12.180 р. 29 коп., а всего 208.954 р. 29 к.[2] Так как сборы подушных денег на полки решено было производить по принципу территориальному, то „его императорское величество, будучи в Зимнем доме генваря 13 (1724 г.), указал: гвардию разложить на деньги Сибирской губернии" („а хлеб положить с монастырей"). Для сбора этих подушных денег в Сибирскую губернию посланы были от обоих гвардейских полков офицеры. Однако, по новости дела и по нераспорядительности заведующего этим делом полковника Солнцева, операция не удалась; офицеры „через целый год" жили в Хлынове „без дела", не добыв из Сибири ни одной копейки, а на 1724 год положенный оклад на жалованье в гвардию платила не Сибирь, а Штатс-контора, вообще из подушных сборов государства. Как она платила, видно из того, что 28 января 1725 года гвардия еще не имела денег ни за вторую, ни за третью (майскую и сентябрьскую)

---

[1] Кампредон в „Сборн. Русск. Истор. Общ.", т. LII, стр. 441; Мардсфельд, там же, т. XV, стр. 254.

[2] „Полн. Собр. Зак.", № 4472.

трети предшествовавшего 1724 года. Вот почему выдача 23.000 рублей из кабинетной и соляной суммы была для гвардии очень своевременным и важным обстоятельством и могла, конечно, повлиять на расположение солдат в пользу щедрой императрицы. Есть указание, что из взятых в Соляной конторе денег не все 20.000 рублей, а только 13.000 р. были „в жалованье розданы". Нерозданный остаток был возвращен „в Кабинет" в течение 1725 года; но то, что было роздано, так до конца этого года и не вернулось в казну вопреки поставленному 28 января условию возвратить „через шесть недель или по последней мере в два месяца". Несостоятельность Сибирской губернии повела к тому, что 7 июля 1725 года дан был указ: „гвардию с Сибирской губернии снять" и положить ее на другие доходы, главным образом с Московской губернии.[1]

Приложение.

Рукописная заметка Р. Саншеса на книге Las Memorias de Felipe de Comines con escolios propios de Don Ivan Vitrian. Amberes, 1643. fol.

Sumario da vida do possessor que foi deste livro chamado Ivan Christian Semah da Costa Cortiços. Morto em 6 de Mayo 1740 em Petersburg.

Naceo este homem em Salé na Affrica: veyo com seu Pay que era de raça Espanhola para Hamburgo com outros mais irmaons de idade de 16 annos. Seu Pay e seos adscendentes erâo Judeos; e este Costa foi assim nacido e circumcidado segundo o rito Judaico: em Hamburgo viveo algum tempo; depois foisse para Flandres, e tornando a Hamburgo sendo ja maior se fes christâo; exercitava o officio de corretor na quella villa para comer. Como Pedro Primeyro, Imperador de Russia, passasse a Hamburgo me parece pellos annos 1712, ou 1713 lhe foi presentado Costa pello seu Residente, como homem de bons dittos e que poderia divertir a sua Majestade: Pedro Primeyro comecou afallarlhe em Hollandes, e como Costa se turbasse a responder lhe o Emperador o reprehendeo da sua timides: replicou Costa: que muito que eu tenha medo de V. Maj[esta]de se vos fazeis tremer a Europa? ou por esta ou por outras respostas Pedro I o trouxe consigo a Russia. Com sua molher e seos filhos, ja todos criados & doutrinados christaons.

Pedro I se divertia com elle, e Elle passava por bufâo da Corte; deu lhe o usofructo da Ilha de Hogland com o titulo de Conde de Hogland da qual tirava algum proveito: fello Rey dos Samoeides, acto que se fes publi-

---

[1] „Полн. Собр. Зак.", № 4752.—П. О. Бобровский, „История л.-гв. Преображенского полка", т. II, стр. 121 — 122.

camente na Corte, ainda que ridiculamente: porque fazendo vir o Emperador Samoeides lhe derao o juramento de Vassallos, e a os Samoeides ditto novo Rey lhe deytou dinheyro por marca de grandeur e Majestade: ainda que ridiculo tudo: tinha taboa na Corte, adonde comia, e seis centos Rubles cada anno.

Porque vi este homem muitas vezes & com elle fallei taobem, & lhe ouvi dizer o que refiro, e por que merece que depois de morto fallem delle, quis aqui dar o seu character: Era de estatura alta, seca, moreno, a vos masculina, as feycoins bem marcadas principalmente o naris que era de Judeo: fallava perfectamente Espagnol, Italiana, Frances, Alemao, Hollandes, e Portugues e mui bem: nunca pode apprender a lingua Russa ainda que esteve em Russia 26, ou vinte e sete annos: o engenho era vivo, tinha boas respostas et sentenciozas, e como todas erão tornados para divertir quatro Emperadores que sirvio, nâo se fazia cazo dellas: nâo se ouvio que fallasse mal de ninguem, e na Corte jamais se misturou com aquelles que erâo infies, apartandosse de todas as conversacoins particulares: servio a Catherina Imperatris Molher de Pedro I: a Pedro II, & a sua Magestade Reynante Anna Ivanowna; da qual Soberana recibeo muitas gracas.

Dizem que morrera de idade de 75 annos: hunos dizião que sem Religião; outros que morrera Judeo na Crença, e mui poucos que disserão que morrera christâo: deste modo se julga de todo o homem que mudou de Religião: eu nunca ouvi delle couza pella qual pudesse conhecer que elle cria na Religiâo Judaica, ou de christo: se elle nao cria em Mahomete, este homem parece me que nao cria nada.

Amava a lectura, e como nâo sabia latim, nâo era douto, ainda que elle dizia que entendia o Hebraico, e os escrittos dos Rabinos mui bem. Deos lho pagarà se elle teve algum merecimento por este conhecimento.

Emfim de sua Filha cazada comprei este livro que era o milhor que tinha em castelhano, com outros mais em Maio 1740. St.-Petersburg.

Перевод:

Рукописная заметка P. Саншеса на книге „Las Memorias de Felipe de Comines“. Антверпен, 1643. fol.

Очерк жизни бывшего владельца этой книги, называвшегося Иваном Христианом Сема Да Коста Кортисос, умершего в мае 1740 г. в Петербурге.

Родился этот человек в Сале, в Африке. В возрасте 16 лет он со своим отцом, который был испанского происхождения, и другими братьями отправился в Гамбург. Отец его и его предки были иудеями, и этот Коста был также рожден и обрезан согласно иудейскому обряду. Он прожил некоторое время в Гамбурге, а затем отправился во Фландрию. По возвращении в Гамбург, будучи уже совершеннолетним, он сделался христианином. Чтобы существовать, он исправлял в этом городе должность маклера. Когда Петр Первый, император России, был проездом в Гамбурге, кажется, в 1712 или 1713 г.г., Коста ему был представлен его резидентом как человек очень остроумный, который мог бы потешить его величество. Петр Первый заговорил

с ним по-голландски, и так как Коста смущался отвечать ему, император упрекнул его за его робость. Тогда Коста ответил: „Многие, кроме меня, боятся вашего величества, разве вы не заставляете дрожать Европу?“. За этот ли, или за другие ответы, но Петр I взял его с собой в Россию вместе с его женой и сыновьями, которые все уже выросли и воспитались в христианстве.

Петр I развлекался с ним, и Коста считался придворным шутом; Петр дал ему в поместье остров Гохланд с титулом графа Гогландского, из которого он извлекал некоторую выгоду; сделал его королем самоедов — акт, происходивший публично при дворе, хотя и в шутку, ибо когда император велел самоедам явиться, они принесли ему (Да Коста) присягу в качестве вассалов, и названный новый король бросал самоедам, ради пышности и величия, деньги, хотя все это было шуточным. Коста пользовался столом при дворе и получал шестьсот рублей в год.

Так как я видел этого человека много раз, а также беседовал с ним и слышал то, что передаю, и так как он заслуживает, чтобы о нем говорили после его смерти, я хочу дать его портрет. Он был высокого роста, сухощавый, смуглый, с мужественным голосом, резкими чертами лица, особенно носом, который у него был еврейский; говорил в совершенстве на испанском, на итальянском, французском, немецком, голландском и португальском языках, но никогда не мог выучиться языку русскому, хотя жил в России 26 или 27 лет; был живого ума, давал удачные и разумные ответы, а так как все они были направлены к тому, чтобы потешать четырех императоров, которым он служил, то он на них не скупился; не приходилось слышать, чтобы он говорил о ком-нибудь дурно; при дворе он не общался с теми, которые были неверными, избегал всех частных разговоров; служил императрице Екатерине, супруге Петра I, Петру II и ее величеству ныне царствующей Анне Ивановне, от каковой государыни получил много милостей.

Говорят, что он умер в возрасте 75 лет. Одни говорили, что он умер вне религии, другие, что он умер в иудейской вере, и очень немногие утверждали, что он умер христианином. Так приходится судить обо всяком человеке, который менял религию. Я никогда не слышал о мотивах, по которым можно было бы предполагать, что он исповедывал иудейскую или христианскую религию. Если он не верил в Магомета, то мне кажется, что этот человек не верил ни во что.

Он любил чтение, но так как не знал латыни, то ученым он не был, хотя и говорил, что понимал еврейский язык и сочинения раввинов очень хорошо. Да вознаградит его Бог, если он имеет какие-нибудь заслуги благодаря этому знанию.

В заключение скажу, что книгу эту я купил у его замужней дочери, как одну из лучших на испанском языке, вместе с другими книгами, в мае 1740 г.

С.-Петербург.

Перевел с португальского
В. И. Кардашевский.

Описание актов, хранящихся в Постоянной Историко-Археографической Комиссии.

Согласно положения, утвержденного 7 апреля 1926 г. Отделением Исторических Наук и Филологии Академии Наук СССР, Археографическая Комиссия была слита с Постоянной Исторической Комиссией в одну комиссию — Постоянную Историко-Археографическую, в ведение которой было передано, между прочим, собрание документов XV — XVIII вв., поступивших в Археографическую Комиссию преимущественно в первые десятилетия ее существования из разных учреждений и от частных лиц.

Трудами сотрудников Комиссии и, главным образом, покойного члена Археографической Комиссии М. Г. Курдюмова значительная часть собрания Комиссии была в прежние годы не только разобрана по годам и уездам Московского государства, но часть из них была описана, причем почти все описи были напечатаны. Часть же документов, принадлежавших преимущественно к коллекциям, собранным отдельными лицами и переданным ими позднее в Археографическую Комиссию, была напечатана в ее изданиях. Таким образом, к началу деятельности Постоянной Историко-Археографической Комиссии имелись налицо описи следующих ее коллекций документов: а) учреждений: 1) Арзамасского Уездного Суда („Летопись Занятий", в. X), 2) Бежецкого Уездного Суда (XXVI), 3) Вятской Казенной Палаты (XVIII), 4) Каширского Городнического Управления (XXVI), 5) Киевской Казенной Палаты (XVII), 6) Кунгурского Уездного Суда (XXI), 7) Муромского Уездного Суда (XXIII), 8) Новгородской Казенной Палаты (XIX), 9) Соликамских присутственных мест (XXI), 10) Тульского Губернского Правления (XXIII) 11) Черниговских Губернского Правления и Казенной Палаты (XVII); б) духовных учреждений: 11) Николаевского Коряжемского монастыря (XXIII) и 12) Новгородского Софийского Дома (XIV); в) частных лиц: 13) Актовой,[1] 14) Аристова, 15) Артемьева, 16) Батенькова, 17) Беллюстина, 18) Борисова (XXVI), 19) Буткова, 20) Варадинова, 21) Вельяминова-Зернова, 22) Воздвиженского, 23) Вонлярлярского, 24) Голышева, 25) Гри-

[1]) За немногими исключениями, описания коллекций частных лиц напечатаны в XXXI-м вып. „Летоп. Занятий".

горьева, 26) Дурова, 27) Зубрицкого, 28) Иванова, 29) Каблукова (XXVI), 30) Кавелина, 31) Мацкевича, 32) Мельникова, 33) Мусина-Пушкина, 34) Муханова, 35) Опочининой, 36) Пахмана, 37) Поливина, 38) Протасова, 39) Савваитова (XXVII), 40) Свирелина, 41) Семевского (IX, прилож., и отдельн. опись, брош. в 6 листов), 42) Соловьева, 43) Строева (XVII, XIX и „Русск. Истор. Библ.“, т.т. XXXII и XXXV), 44) Суворова, 45) Уварова, 46) Хераскова, 47) Ходоровича (XIII), 48) Шаффера, 49) Юматова, 50) Юрлова, 51) Яковцевского (XII), и г) научных обществ: 52) б. Русского Археологического Общества (опись Д. Прозоровского).

Как уже отмечено выше, некоторые коллекции, не имея до того описи, были разобраны и напечатаны или целиком или в значительной части в изданиях Комиссии. Сюда относятся: 53) коллекция документов, относящихся к стольнику В. А. Даудову („Летоп. Зан.“, V), 54) коллекция Г. Д. Хилкова („Сборник князя Хилкова“, №№ 1 — 56), 55) коллекция Зинченко, изданная в 1890 — 1908 г.г. под названием „Актов Холмогорской и Устюжской епархий“ в томах XII, XIV и XXV „Русской Исторической Библиотеки“.

Общее количество документов, занесенных в печатные описи или изданных целыми коллекциями или в значительной части их, достигает 19694 №№, из них М. Г. Курдюмовым описаны и отчасти изданы 15799 №№.

Если количество описанных документов Комиссии является, бесспорно, весьма значительным, то очень большая часть собрания документов Комиссии остается неописанной и лишь разобранной вчерне в топологическом и хронологическом порядке. Сюда относятся следующие коллекции документов: 1) Астраханских, 2) Белозерских, 3) Верхотурских, 4) Вологодских, 5) Иркутских, Кузнецких и Нерчинских, 6) Новгородских, 7) Олонецких, 8) Переславля Залесского, 9) Ядринских, 10) Якутских, а также монастырских собраний: 10) Александрова Свирского монастыря, 11) Клименецкого, 12) Тихвинского Большого и приписных к нему монастырей. Кроме этих коллекций, число документов которых не может быть точно указано, в Комиссии оказалось довольно большое количество неразобранных документов и неменьшее количество принадлежащих к коллекциям, собранным частными лицами и пожертвованным или проданным ими в Археографическую Комиссию в разные годы, но не вошедших в описание коллекций частных лиц, составленное М. Г. Курдюмовым; к последней группе относятся коллекции: 1) Аничкова, 2) Бередникова, 3) Волконских, 4) Калачева, 5) Котова, 6) Мордвинова, 7) Окулич-Казарина, 8) Романченко, 9) Словцова, 10) Сомровых, 11) В. Н. Строева и 12) Эмме.

В виду изложенного естественным образом наметился план работ Постоянной Историко-Археографической Комиссии по разбору и описанию хранящихся в Комиссии документов. Предстояло в первую очередь разобрать в топологическом и хронологическом порядке те коллекции документов,

которые в предшествующие годы не подверглись такой обработке. Из так называемой „розни“ (т. е., документов, не отнесенных к определенным коллекциям) были выделены те документы, которые могут быть отнесены к другим коллекциям, а оставшиеся расположены по уездам Московского государства и в пределах уездов по годам; так составилась смешанная коллекция документов XVI — XVIII вв., относящихся к разным уездам. Далее, были разобраны в хронологическом порядке все те отдельные коллекции, которые в прежние годы не были обработаны в таком смысле; такой работе подверглись названные выше коллекции Котова, Романченко, Словцова, Сомровых, В. Н. Строева и др. Затем была закончена начатая в прежние годы разборка документов Александрова Свирского и Клименецкого монастырей и близится к окончанию разборка документов Тихвинского Большого и приписных к нему монастырей. Наряду с этим, с целью проверки хронологического и топологического распределения документов, был начат просмотр тех коллекций, которые не имеют до настоящего времени описания; такой работе подверглись упомянутые ранее документы Астраханские, Белозерские, Верхотурские, Иркутские, Кузнецкие и Нерчинские.

Помимо разбора коллекций документов Археографической Комиссии и вновь поступивших в 1926/27 г. собраний, было приступлено к продолжению работ по научному описанию документов Комиссии, прочное основание для которых, как уже отмечено выше, было положено покойным членом Археографической Комиссии М. Г. Курдюмовым. Установив в качестве общего правила необходимость описания в первую очередь ранних (до начала XVII в.) документов, которые не вошли в предшествующие описания, сотрудниками Комиссии были пересмотрены все неописанные коллекции документов, и относящиеся к указанному периоду описаны. В настоящее время эта работа закончена, и описание документов до 1600 г. включительно печатается в настоящем выпуске. Правила, которыми руководствовались сотрудники Комиссии в работе по описанию, те же, которые имелись в виду мною при составлении „Краткой описи грамот, хранящихся в Рукописном Отделении Российской Публичной Библиотеки“ (Шгр. 1923).

В разборе документов, под моим руководством и при моем участии, кроме постоянных сотрудников Комиссии, принимали участие следующие лица: В. К. Касперовская, А. Ф. Вишнякова, А. А. Введенский, а также мои бывшие слушатели по Ленинградскому Университету: Н. С. Чаев, А. П. Глаголева, Г. Н. Чабров, Р. И. Козинцева, Р. Б. Мюллер, К. Н. Сербина и Г. Л. Гейерманс.

Описанием документов, вошедших в настоящий выпуск и относящихся в большей части к коллекции Зинченко, преимущественно занимался В. Г. Гейман, которому в описании документов Двинского, Важского и некоторых других уездов помогали Н. С. Чаев и А. П. Глаголева. Общая редакция описания принадлежит мне.

А. Андреев.

1. XII в., не позднее 1147 г. — Купчая грамота Антония Римлянина. На оборотной стороне подтверждения: 1573 г. августа 15, 1584 г. августа 31, 1606 г. июля 30 и 1617 г. июня 24.—Столбец из 4 ставов; сс. 3-4. Спис. XVI в. Напеч. в „Ист. Рос. Іер.“, III, с. 123—124; Карамзин, „Ист. Гос. Рос.“, II, прим. 210.

2. XII в., не позднее 1147 г.—Духовная Антония Римлянина. На оборотной стороне те же подтверждения, что в № 1-м; тот же столбец, сс. 1-3. Спис. XVI в. Напеч. в „Ист. Рос. Іер.“, III, с. 124—126; Карамзин, „Ист. Гос. Рос.“, II, прим. 210.

3. 1150 г. сентября 30.—Уставная грамота Смоленского князя Ростислава Мстиславича епископии Смоленской.—Тетрадь из пяти листов; лл. 1—4. Спис. XVI в., писанный западно-русским полууставом, переходящим в скоропись. Напеч. в „Доп. къ А. И.“, т. I, № 4, I, с. 5—7.

4. 1150 г. сентября 30.—Уставная грамота епископа Смоленского Мануила епископии Смоленской.—Тетрадь из пяти листов; лл. 4—5. Спис. XVI в., писанный западно-русским полууставом, переходящим в скоропись. Напеч. в „Доп. къ А. И.“, I, № 4, II, с. 7—8.

5. 1450 г. октября 4.—Жалованная грамота великой княгини Марии Ярославовны Покровскому Чухломскому монастырю об освобождении живущих в Усольской волости, в Верховьи, монастырских людей, старожильцев и пришлых, от дани и пошлин, о неподсудности их волостелям и тиунам и об освобождении монастырских варниц от всякого рода податей.—Два става. Спис. XVI в. Напеч. в „А. И.“, I, № 49, с. 97.

6. 1450—51 г.г.—Грамота Белозерского князя Михаила Андреевича Кириллову Белозерскому монастырю игумену Касьяну с братией о присуждении в пользу монастыря права рыбной ловли в озере Уломском, бывшем в споре между игуменом Касьяном и игуменом Ферапонтовой пустыни Германом с братией.—Спис. XVII в. Напеч. у Мейчика, „Грам. XIV-XV вв.“, с. 99, и в „А. Г. Р.“, I, № 2.

7. 1451—52 г.г.—Данная Новгородского посадника Василия Степановича Богословскому Важскому монастырю на земли и угодья по рекам Пинешке Большой и Малой и в других местах Важского уезда.—Спис. XVI (?) в. в лист. Напеч. в „А. Ю.“ № 110, VI.

8. 1459—1470 г.г.—Жалованная грамота „господина Великого Новгорода“ Соловецкому монастырю, игумену Ионе и всем старцам, о владении островами Соловками, Анзеры, Нуксами, Заяцким и другими.—Привешено восемь свинцовых печатей. Кусок пергамена. Напеч.: „Лѣтоп. Соловецкій“, М. 1833, с. 9-13; Досифей, „Опис. Солов. мон.“, ч. I, с. 48—51, и др.

9. 1459—1470 г.г.—Данная Семена Климова Соловецкому монастырю, игумену Ионе и всей братии, на „отцину“ его, участки „в Выгу у Золотца“, в реках Кеми и Шуе, и по берегу до Соны реки, „промежи пяти родов“.—Привешена свинцовая печать. Кусок пергамена.

10. 1471—1482 г.г.—Жалованная грамота архиепископа Новгорода и Пскова Феофила Соловецкому монастырю на четыре сельца, земли, воды, полешие леса, страдомый лес и водные ловища на Бобровой горе. На обороте подтверждение грамоты архиепископом Геннадием (1484—1504 г.г.) на имя игумена Исаии (1484 г.).—Привешена свинцовая печать. Кусок пергамена.

11. 1475—76 г.г.—Данная архиепископа Великого Новгорода и Пскова Феофила „в дом святого Николы на Вяжище“ на тридцать рублей, которые „приказал“ Фома Маноилов в храм св. Николы в Шунге, с обязательством выдавать этому храму хлеб из житниц монастыря.—Спис. XVII в.

12. 1476—1482 г.г.—Грамота Белозерского князя Михаила Андреевича Кириллову Белозерскому монастырю о пожаловании, по просьбе сына его князя Ивана, деревни Бреньковской, с освобождением ее от прежней финансово-административной зависимости Федосьину Городку.—Спис. XVII в. Напеч. у Н. Дебольского, „Изъ актовъ и грамотъ Кирилло-Бѣлозерскаго мон-ря“, № CXLIII.

13. 1482 г. января 5.—Жалованная вотчинная грамота великого князя Ивана Васильевича Богословскому Важскому монастырю, игумену Кириллу с братиею, на земли и угодья в Важском уезде. На обороте подтверждение 1623 г. июля 20, за подписью дьяка Прокофия Пахирева.—В лист. Без начала. Плохой сохранности.

14. Не ранее 1483 г. июля 17.—Книги писца Дмитрия Китаева, испоместившего по приказу великого князя Ивана Васильевича в Водской пятине, в двадцати семи погостах, восемьдесят восемь семей „княженецких“ людей, „послуживцев“ Новгородских бояр, взятых великим князем из боярских дворов при присоединении Новгорода.—Пять ставов. Спис. XVII в.

15. 1484 г. июля...—Грамота „с прочетом“ великого князя Ивана Ивановича в Солигалич Кузьме Клементьеву о ненарушении жалованных грамот, данных Покровскому Чухломскому монастырю на принадлежащую ему соляную варницу у Соли Галицкой.—Спис. XVI в. Напеч. в „А. И.“, I, № 93, с. 139.

16. 1485—1505 г.г.—Докладной судный список Михаила Дмитриевича Шапкина и Ивана Головы Семенова сына по делу крестьянина Сямской волости Мартынки Косяка с крестьянином Кириллова Белозерского монастыря Ивашкой Онисимовым сыном о владении пашней у деревни Левшина. Доклад князю Данилу Александровичу Пенкову и дьяку Никифору Кобелеву.—Три става. Спис. XVII в. Напеч. в „А. Г. Р.“, I, № 7.

17. 1489—1505 г.г.—Отводная („разводный список“) на Колкачские деревни, отведенные „по великого князя слову и со княжа Данилова Александровича доклада“ Михаилом Дмитриевичем Шапкиным и Иваном Головой Семеновым Кириллову Белозерскому монастырю, игумену Макарию с братиею, от волостей великого князя Волочка Словенского и Сямы.—Семь ставов. Спис. XVII в. Напеч. в „А. Г. Р.“, I, № 41.

18. 1492—93 г.г.—Данная „грамота“ князя Давыда Ивановича, „поговоря со старостою с Михаилом Гойтуровым и с волосными людьми добрыми“, Фоме Федорову сыну на поженку на Перемьском острове, против Пячь горы. На обороте подписка 1534 г. июня 21 о продаже этой пожни Павлом Фоминым сыном и Артемием Павловым сыном Матвею Дерибе Михайлову сыну и всем Перемским волощанам.—Печать утеряна. Напеч. в „Древностяхъ. Тр. Археогр. Ком. Моск. Археолог. О-ва“, II, в. 1, ст. 156.

19. 1495—96 г.г.—Докладная „дельная грамота“ Саввы Семенова сына и брата его Федора на „отцину“ отца их, на деревни на Айнове горе, Лявле острове, Софушкине, Ровдине горе, Лисеострове, в Емце и в других местах Двинского уезда.—Две печати тиунов Двинских Бориса Иванова Бундова и Василья Петрова Ушакова.

20. 1495—96 г.г.—Отступная („купчая“) Лаврентия Родионова сына Шибуды Терентию Григорьеву сыну Цивилеву на часть Запольской деревни с угодьями в Чухченемской волости Двинского уезда.

21. Не ранее 1495—96 г.г.—Выписка из Новгородских писцовых книг Деревской пятины письма Прокофья Зиновьева сына Скурата и Петра Волка Борисова на вотчины Никольского Островского монастыря в Жабенском погосте.—Столбец из 2 ставов; с. 1-й. Спис. XVII в.

22. Не ранее 1495—96 г.г.—Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Юрия Константиновича Сабурова на деревни церкви Ивана святого „что в городе (Пскове) в Пятницкомъ концѣ у Бориса (и) Глѣба в пристѣнье“, находящиеся в Тихвинском погосте.—Два става. Спис. XVII в.

23. 1496—97 г.г.—Закладная на землю на Пазовской веретее Чухченемской волости Двинского уезда, заложенную Григорием и Сидором Лукиными детьми Кузнецовыми Павлу Михееву сыну.

24. XV в.—Купчая на землю на Коневе острове, купленную Иваном Грихновым сыном у Омелфы Якимовой дочери и у ее сына Юрия.—Привешена свинцовая печать. Кусок пергамена.

25. XV в.—Купчая на село с угодьями на Коневе острове, купленное Иваном Семеновичем, Порядниным внуком, у Обакумовых детей: Степана и Ефрема Яковлевых, Федосьи, Татьяны, Евдокии и Кирилла.—Привешена свинцовая печать. Кусок пергамена.

26. XV в.—Раздельная попа Якова и попа Антона Максимовых детей на земли и воды в Койдокурьи, на Летней стороне, в реке Яреньге и на море.—Привешена свинцовая печать. Кусок пергамена.

27. XV в.—Купчая на участок Парандоев, купленный Павлом, Ивашем и Борисом у Бориса Калтоева.—Привешена свинцовая печать. Кусок пергамена.

28. XV в.—Данная („рукописанье“) Марфы Николаевскому Корельскому монастырю на „куплю“ мужа ее Филиппа: село в Лявлеострове, два села в Конечных, пожни и рыбные ловли по Малокурье, место, дворище

и полянку в Неноксе.—Спис. XVI в. Напеч. у Сибирцева и Шахматова, „Еще нѣсколько Двинск. грамотъ“, с. 22—23.

29. XV в.—Данная Исаака Семеновича и матери его Олфимьи Богословскому Важскому монастырю на деревни с угодьями в Мидлеше и на Пинешке.—Остатки печати. Напеч. (по списку) в „А. Ю.“ № 110, II.

30. XV в.—Купчая на Алексеев участок в Поморьи, купленный Иваном, Денисьем и Максимом Мануевыми детьми у Фалелея Вальдольского, Саввы и Сидора Юрьевых детей.—Привешена свинцовая печать. Кусок пергамена.

31. XV в. — „Данная“ Шунжан дому святого Николы Вяжицкого на землю на Шунге с угодьями. — Спис. XVII в.

32. 1500—01 г.г. — Докладной судный список Двинского писца Тимофея Михайлова сына Афанасьева по спорному делу между „своеземцемъ“ Степаном Игнатьевым сыном Кашиным и „крестьянами великого князя“ Нефедом Васковым сыном Потямовым с товарищами о земле „противъ Костковы горы на присадномъ островѣ на Онаньинѣ юрмолѣ“ в Койдокурской волости Двинского уезда.—Печать черного воска казначея Дм. Влад. Ховрина.

33. 1501 г. июня... — Докладная „мировая грамота“ Марка Иванова сына Жерновова, Сенки Тарасова „в старостино место в Гридино Елезово да в Ывашково Левково (и) во всехъ крестьянъ мѣсто Коидокурские луки“, Макара Обросимова „в брата своего мѣсто Ѳедьково, Обросимова сына Шуигина“, Тимони Курдумова „в племянника своего мѣсто того же Ѳедка“ по делу о поскотине Койдокурской волости, отгороженной половниками Федки, и о рыбных ловлях по Койдокурье. „А подписалъ великого князя дьякъ Тишко Моклоковъ“.— Печать черного воска казначея Дм. Влад. Ховрина.

34. 1502—03 г.г. — Меновная („менная“) на землю на Плоском в Лисеостровской волости Двинского уезда, промененную Елисеем Степановым сыном Онцифору Александрову сыну на землю там же.

35. 1503—04 г.г. — Купчая („купьцая грамота“) на половину деревни Оникеевской и Гришкинской в Коровкине погосте на Лодме, купленную Лукой и Исаком Евсеевыми детьми Прощалыкиными у Александра Федорова сына Макарова. На обороте подписка 1504—05 г.г. об отводе продавцом упомянутых земель покупателю. — Напеч. (по списку) в „Р. И. Б.“, XXV, Лодомские акты, № V, ст. 5—7.

36. 1505 — 07 г.г. — Данная вдовы Соломониды Бартеневой с сыновьями Петром, Федором, Семеном и Михаилом Саввину Сторожевскому монастырю, игумену Каллисту с братиею, на селище Михайловское-Козодавля.

37. 1507—08 г.г. — Отступная („отданная“) Елизара Иванова сына Полежаева Якову Клементьеву сыну Заломаю на треть озера Кудмо с угодьями.

38. 1508 г. июня 6. — Грамота великого князя Василия Ивановича Ивану Микитичу Тевяшеву о пожаловании ему волости Пуреховской под Владимиром „в кормленье", вместо взятого „из под него" города Сурска у реки Истры. — Спис. XVII в.

39. 1508 г. не ранее ноября... — „Закладная" на пожни Долгомер на Павшегде и Надявку, возле Рымбокурьи, заложенные Кононом Алексеевым сыном и Насоном Никифоровым сыном Алексеевым Елисею и Филимону Степановым детям Карзиным.

40. 1509—10 г.г. — Раздельная („зарядная грамота") Юрья Прокофьева сына, Якова, Ивана Большого и Ивана Курицы Васильевых детей и Кузьмы Клементьева сына Железо на „воды" и пожни в Питалах.

41. 1509—10 г.г. — „Купчая грамота" на половину деревень Букаркинской и Фофановской на Ижме, купленных Иваном Худяком Остафьевым сыном Поповым и Наумом Евсеевым сыном Прощолыкиным у Евсея Онаньина сына Прощолыкина.

42. 1511 г. февраля 26. — Грамота великого князя Василия Ивановича Косте Семеновичу Чирикову о пожаловании ему великокняжеских черных деревень в Ярославле, в волосте Черемхе, с освобождением живущих в этих деревнях людей от подсудности Ярославским наместникам и Черемошским волостелям. — Вислая красно-восковая печать великого князя.

43. 1511 г. не ранее декабря 6. — Отступная („посильная") Якова Заломы Клементьева сына с детьми Михайлом, Иваном, Федором и Васильем Михайле Иванову сыну Кологривову на рыбную ловлю в реке Солзе.

44. 1511—12 г.г. — Меновная („менная") на участок за Ивиным полем, промененный Селиваном Еремеевым сыном Елисею и Филимону Степановым детям на участок на Долгом поле, по Малой Елке.

45. 1511—12 г.г. — „Закладная" на деревни Поташевскую и Онуфриевскую в Чухченеме, в Среднем погосте, заложенные Иваном, Епифаном, Степаном, Яковом и Леонтием Терентьевыми детьми и Ермолаем Мартемьяновым сыном старцу Герасиму Агафонову сыну и его детям. — Имеется современный список.

46. 1511—12 г.г. — „Запись" Козьмы Иванова сына Чевакина „с товарищи" о порядке владения тоней на Полстенемском наволоке на Зимней стороне.

47. 1512 г. мая 6. — Мировая („запись") Карпа Исакова сына Тойвотовского, „в Осташово мѣсто Жедяева сына Вороньихъ Глазъ и в Мишуково место Оксеньева сына", и Степана Игнатьева сына по делу о владении тоней на Летней стороне, между Тотманскою и Гнидиной.

48. 1513 г. февраля... — „Купчая грамота" на Подборную землю и угодья по реке Ентале, купленную Федором Кондратьевым сыном

у Михаила, Алексея, Маланьи и Оксиньи Вахромеевых детей Кузнецовых и Ховроньи Александровой дочери, жены Вахромея Кузнецова.

49. 1513—14 г.г. — „Закладная“ на поженку Кюровскую под Кеницами, заложенную Григорием Леонтьевым сыном Родиону Иванову сыну.

50. 1514 г. ноября 30. — „Запись“ Остафия Федорова сына и его товарищей о порядке владения тонями на Летней стороне.

51. 1514—15 г.г. — „Закладная“ на половину земли Лаврентьевой на Луготине, заложенную Потапом Самыловым сыном Кузнецовым брату своему Демиду Самылову сыну.

52. 1514—15 г.г. — „Купчая“ на покосы по реке Пыжме, проданные Василием Есиповым сыном Лешим и его сыном Кузьмою Моисею Иванову сыну.

53. 1515 г. августа 9. — Купчая („закладная“) на „лоскут земли орамой“ на Вилетове, купленный Елисеем и Филимоном Степановыми детьми Карзиными у Григория Маковеева сына. — Правый нижний угол акта оборван.

54. 1515—16 г.г. — Память Никиты Семенова, Саввы Страхова Москвина и других о новоприбылых после писца Тимофея Михайлова тонях на Двине, на Летней стороне, и о тонях, отнятых у них своеземцами Алексеем Амосовым с братьями. — Сильно выцвела.

55. 1516 г. апреля 20. — Меновная („менная“) на поженку Пикил, вымененную Ильинским старостою Чухченемской волости Двинского уезда Онанием Устиновым сыном у Фалилея Васильева сына на пожню Губная горка, над рекою.

56. 1516 г. июня... — „Купчая“ на пожню на Малом Комарове, над Нюрдолою, купленную Филимоном Степановым сыном Карзиным у Василия Иванова сына Федорова.

57. 1517 г. не ранее декабря 25 — 1518 г.г. — „Закладная“ на половину деревень Потаньевской и Онуфриевой в Среднем погосте, заложенных Максимом и Спиридоном Ермолиными детьми Ильинскому старосте Чухченемской волости Двинского уезда Онаньи Устинову сыну. — Имеется также современный список этой закладной.

58. 1517—18 г.г. — „Закладная“ на пожню „с лоскутом“ в Шевчеве, заложенную Павлом Зиновьевым сыном и его сыном Терентьем Филимону Степанову сыну Карзину.

59. 1517—18 г.г. — „Купчая“ на пожню на Раклуке, над Рымбокурьею, купленную Елисеем Степановым сыном Карзиным у Федора Онцифорова сына.

60. 1517—18 г.г. — „Купчая грамота“ на „два лоскута“ земли за Песчаником в Чухченемской волости Двинского уезда, купленные Марком Онаньиным сыном у Ивана Леонтьева сына Бурца.

61. 1518 г. октября 31. — Жалованная тарханная грамота великого князя Василия Ивановича Покровскому Чухломскому монастырю на его владе-

ния.—Подтверждения: 17 мая 1551 г., 14 июня 1584 г., 24 апреля 1599 г. и 6 августа 1602 г. — Пять ставов. Спис. XVII в. Напеч. в „А. И.“, I, № 125.

62. 1519—20 г.г. — „Купчая грамота“ на половину пожни в Савиной веретее, купленную Ионою Микифоровым сыном у Михаила Леонтьева сына Кузмина.

63. 1520 г. августа 7. — „Купчая грамота“ на поженку под Кеницами, купленную Родионом Ивановым сыном Кодаевым у Михаила Леонтьева сына Кузмина.

64. 1520 г. сентября 1. — „Купчая“ на землю в Сятеверах, купленную Филимоном Степановым сыном Карзиным и Василием Елисеевым сыном у Наума и Якова Савиных детей Юшиных.

65. 1520—1537 г.г. — Докладной судный список князя Андрея Кемского по делу Ферапонтова монастыря с Кирилловым Белозерским монастырем о владении пожнями на речке Ергобуе, на устье Черной речки. — Пять ставов. Спис. XVII в. Напеч. в „А. Г. Р.“, I, № 14.

66. 1524 г. декабря 15. — „Отступная“ Максима Ермолина сына Ильинскому старосте Чухченемской волости Двинского уезда Алексею Елисееву сыну на заложенную землю с угодьями в Середнем погосте. — Спис. XVI в.

67. 1524—25 г.г. — „Купчая“ на половину пожни Лаврентьевской на Луготине, купленную Михаилом, Федосеем, Гаврилой и Иваном Демидовыми детьми Кузнецовыми у дяди своего Потапа Самылова сына.

68. 1524—25 г.г. — „Отступная“ Филимона Леонтьева сына Нестеру Никитину сыну на его владенье в Карзине курьи на Лисеострове.

69. 1525 г. января 15. — „Отступная“ Максима Ермолина сына церкви святого Ильи Чухченемской волости Двинского уезда на двор и дворище в Середнем погосте.

70. 1525 г. августа 15. — Раздельная „запись“ Федосия Максимова сына „и во всѣхъ волощанъ мѣсто Никольского прихода“ и Саввы Еремеева сына „и во всихъ мѣсто волощанъ Рождества Христова прихода“ на тони по реке Двине.

71. 1525 г. декабря 25, — „Купчая“ на половину земли Подборьской по реке Енотале, купленной Евсевием Федоровым сыном Коньтеевым у Якова Оботура Ларионова сына Лютово.

72. 1525—26 г.г.—Отступная („отданная“) Семена Федорова сына Кузнеца Филиппу Мартемьянову сыну на долю в покосах на Мундорове.

73. Не ранее 1525—26 г.г. — Роспись рыбным ловлям в Егорьевском Толвуйском и Никольском Шунгском погостах, находящихся в оброчном пользовании Николаевского Вяжицкого монастыря и крестьян великого князя, с отметками об уплате оброка. — Спис. XVII в. Столбец из 13 ставов; начиная со става 7-го, следует повторение росписи, но без отметок об уплате оброка.

74. 1526 г. апреля 11. — Купчая („купная грамота“) на половину деревни в Середнем погосте, купленную Ильинским старостою Чухченемской волости Двинского уезда Алексеем Елисеевым сыном у Панфила и Федора Потапьевых детей. — Имеется также современный список этой купчей.

75. 1526 г. мая 9. — „Купчая“ на поженку „на Няри“, купленную Ильинским старостою Чухченемской волости Двинского уезда Алексеем Елисеевым сыном у Федора Онцыфорова сына.

76. 1526 г. октября 2. — Отступная („отданная“) Марьи Петровой дочери Черлениковой и Марины Савиной дочери Страховой Ивану Омосову сыну Попову и Ивану Михайлову сыну Кологривову на две полутони на Взвозе и в Сярзенге.

77. 1526 г. октября 12. — Раздельная („дельная“) Ивана Фомина сына и племянников его Афонасья и Ивана Онтомановых четей на движимое и недвижимое имущество в Глухом погосте Чухченемской волости Двинского уезда.—В лист. Спис. (?) современный.

78. 1527 г. апреля 29. — „Купчая“ на треть деревни в Кузмине погосте, купленную Михаилом, Федосеем и Иваном Демидовыми детьми Кузнецовыми у Василия Степанова сына Игнатьева.

79. 1527 г. июня 9. — „Купчая“ на поженку и „лоскут земли“ на Великом острове, в Шевцове, купленные Василием Елисеевым сыном Карзиным и Степаном Филимоновым сыном Карзиным у Лариона Михайлова сына и Маремьяны Пахомовой дочери.

80. 1527 г. ноября 18. — „Купчая“ на пожню в Шевцове в Чухченемской волости Двинского уезда, купленную Филимоном Степановым сыном Карзиным у Ивана и Онтомана Михайловых детей.

81. Ранее 1530 г. — Купчая на сельцо Бирилевское с деревнями и починками Вологодского уезда Окологородского стана, купленное Кирилловым Белозерским монастырем у подьячего Филиппа Яковлева сына Нефедьева.

82. 1530 г. февраля 4.—„Меновная грамота“ на деревни Кириллова Белозерского монастыря в Надпорожском стану Белозерского уезда, вымененные боярином князем Иваном Васильевичем Оболенским „своему государю, великому князю Василию Ивановичу всея Росии и его детем впрок без розмены“ у игумена Кириллова Белозерского монастыря Феодосия с братией на уступленные монастырю великокняжеские езовые деревни того же уезда сельца Федосьина городка. — Два става. Спис. XVII в. Напеч. в „Р. И. Б.“, II, № 35.

83. 1530 г. августа 11. — „Правая грамота“ тиуна Двинского наместника Дмитрия Андреевича Сухана Иванова Луке Прощелыкину на деревню Часовенскую на реке Лодме, бывшую у него в споре с Федором Чевакиным. — Приложена восковая печать. Три больших става. Грамота плохой сохранности, в нескольких местах текст вырван. Сходна с напе-

чатанной в „Р. И. Б.“, XIV, ст. 20—30 (отличия см. там же, в примеч. на ст. 19—20).

84. 1531—32 г.г. — „Купчая“ на половину деревни с угодьями на Двине, на Лисеострове, на Кергомене, и на четверть тони на Летней стороне от устья Лопшенги и до Сярты, купленные Семеном Михайловым сыном Галовым у Кузьмы Иванова сына Чевакина.

85. 1532—33 г.г. — Раздельная („дельная“) Наума, Ивана, Петра „и в брата Семена место“ Евсеевых детей Прощолыкиных брату Исааку и его детям Захарию и Василию на пожни Коловиху и Кабалицу и рыбные ловли у Кола и в Кабалице.

86. 1532—33 г.г. — Закладная „кабала“ на участок в Сярти Чевакиной на Летней стороне, заложенный Ефимом Козьминым сыном Ефрему Федорову сыну Букрееву.

87. 1532—33 г.г. — „Купчая“ на покос по реке Пыжме, против Белого озера, проданный Семеном Дмитриевым сыном Гавриловым Нестеру Нечаю.

88. 1533 г. апреля 8. — Оброчная, „по великого князя слову Василья Ивановича“, дворецкого князя Ивана Ивановича Кубенского Ивану Иванову сыну Любовникову на бортные угодья в Курмурском ухожеи. — Приложена восковая печать. Три состава. Напеч. в „А. Ю. Б.“, II, № 175, 1, ст. 557—559.

89. 1533 г. сентября 22. — „Отступная“ Ивана Федосьева сына зятю его Григорию Тимофееву сыну на землю с угодьями в Поглядинской деревне в Карпушкове погосте на Княжеострове.

90. 1533 г. (название месяца не разобрано) 23. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, купленную Иваном Михайловым сыном Кологривовым у Семена Киприянова сына и у Константина Мелентьева сына.

91. 1533—34 г. г. — Раздельная („дельная“) Нестора, Никифора и Макара Софроновых детей на движимое и недвижимое имущество. — Местонахождение имущества в акте не указано, но акт писан Харлампейкой Семеновым, писавшим в эти годы акты на владения в Карзине курьи („А. Ю.“ № 23, с. 54, 55; см. также выше № 68). Имеется „противень“ этой раздельной.

92. 1533—34 г.г. — „Духовная“ Феофила Никитина сына на участок земли в Сидоровской деревне, деньги и „всякие запасы мидяные и железные“, завещанные разным лицам и Троицкому приходу Важского уезда.

93. 1534 г. февраля 7. — Грамота великого князя Ивана Васильевича Саввину Сторожевскому монастырю о подтверждении прав монастыря на монастырский Сторожевский лес, с запрещением кому-бы то ни было, под страхом денежной пени, пользоваться этим лесом, „не объявляяся монастырскому приказчику“. — Грамота частично повреждена.

94. 1534 г. марта 15. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, проданную Леонтием Лаврентьевым сыном Чупреяновым Ивану Михайлову сыну Кологривову.

95. 1534 г. мая 25. — Раздельная „запись“ Матвея Кузьмина сына „с товарищи“ на тони на Летней стороне: на устье Лопшенги, на Корге, Песчанку и Лудушку.

96. 1534 г. июня 18. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, проданную Иваном Афанасьевым сыном Чупреяновым, из Тойнокурьи, Никитой и Михайлой Фефилатьевыми детьми Чупреяновыми, из Тойнокурьи, Ивану Михайлову сыну Кологривову.

97. 1534 г. июля 20. — Запись о том, что в присутствии Григория Иванова сына Кологривова, Семена Михайлова сына Головы, „целовальника великого князя из Неноксы“, Филиппа Онаньина сына Харамзина и других лиц „с Поморья из Неноксы“, Пашко Гридин сын, Куземка Терехов сын и Нечай Костылев сын Олферов, „и в отцевъ своихъ место“, „отперлись“ от владения пожнями Николаевского Корельского монастыря Остречихой и за рекой Ширшемой.

98. 1534 г. июля 25. — „Отступная“ Остани Васильева сына Кожемяки Якову Васильеву сыну Кологривову на треть озер Кудмо и Коровья с угодьями.

99. 1534 г. сентября 8. — „Купчая“ на треть земель в угодьями в Кузмине погосте, купленных Василием Михайловым сыном Кузнецовым у дяди своего Ивана Демидова сына Кузнецова.

100. 1535 г. марта 27. — „Отступная“ Карпа Федорова сына Немого Кузьме Алексееву сыну Третьяку на „лоскутец орамой“ за Ильинским погостом Чухчененской волости Двинского уезда.

101. 1535 г. мая 12. — Меновная („менная“) на жеребей в пожне на юрмоле за Нюрдолою, на Пашковери, промененный Кирьяном Микифоровым сыном, Матреною Микифоровою дочерью, женою Бориса Елисеева сына, и Яковом и Федотом Якимовыми детьми Ондреяну и Степану Филимоновым детям Карзиным на участок в Нестерове погосте.

102. 1535 г. июля 2. — „Купчая“ на двор над Падрокурьею, проданный Григорием Некрасом Яковлевым сыном Постенковым зятю своему Федору Иванову сыну Кляпину.

103. 1535 г. сентября 16. — Раздельная („дельная“) Григория Тимофеева сына Тупицы, Дмитрия Борисова сына Ершова и Дорофея Федосеева сына на дворища в Карпушкове погосте в Поглядинской деревне.

104. 1535 г. октября... — Раздельная („дельная“) Андреяна и Степана... на имущество своего отца [в Чухченемской волости Двинского уезда].—Начало грамоты оторвано.

105. 1535 г. декабря 29. — „Отступная“ Ефима Таская Иванова сына Дедова Карпу Вахромееву сыну на половину тони в устье реки Солзы.

106. 1535 — 36 г.г. — „Отступная“ Остани Васильева сына Кожемяки Якову Иванову сыну Кологривову на пожни на реке Кудме.

107. Не ранее 1535 — 36 г.г. — Выпись из писцовых книг дьяка Фуника Курцова, Никиты Великого и конюха Бунды Быкасова на пожни Никольского Мостищского монастыря по рекам Негоще и Веряжи. — Спис. XVIII в.

108. 1536 г. мая 28. — Раздельная („дельная“) Дорофея Федосьева сына, Дмитрия, Василия и Марка Волка Борисовых детей Ершовых и Григория Тимофеева сына на земли и угодья в Поглядинской деревне в Карпушкове погосте.

109. 1536 г. июня 30. — Благословенная грамота архиепископа Новгородского Макария „великого князя чернокунцам“ Перше Савину с товарищами на построение в Лодомской волости церкви во имя великомученика Георгия. — Без конца. Спис. XVI в. Напеч. в „Р.И.Б.“, XXV, акты Лодомск. церкви, ст. 11 — 12.

110. 1536 г. не ранее октября 21. — Закладная „кабала“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, заложенную Захарием Степановым сыном Игнатьевым Ивану Михайлову сыну Кологривову.

111. 1536 — 37 г.г. — „Купчая“ на землю по реке Ижме в Заостровской волости с двором и угодьями, купленную Игнатием Исаковым сыном Прощолыкиным у дяди своего Семена Евсеева сына Прощолыкина.

112. 1536 — 37 г.г. — „Купчая“ на пожни по реке Пыжме, проданные Леонтием и Федором Васильевыми детьми Петровыми и Яковом Игнатьевым сыном Монастырским Нечаю Иванову сыну Глаткому.

113. 1536—37 г.г. — „Отступная“ Назария Афонасьева сына Тимофею и Гаврилу Барсану Селивестровым детям на землю с угодьями в Карзине курьи.—Напеч. в „А.Ю.“ № 23, с. 54, ст. 1 — 2.

114. 1536 — 37 г.г. — „Отступная“ Елизария Федорова сына и Павла Анкудинова сына Тимофею и Гаврилу Барсану Селивестровым детям на землю с угодьями в Карзине курьи. — Напеч. в „А.Ю.“ № 23, с. 54, ст. 2-й.

115. 1536 — 37 г.г. — „Отступная“ Василия Павлова сына Малахею Стефанову сыну на половину участка с угодьями на Лисеострове, в Карзине курьи.

116. 1537 г. января 17. — Раздельная („дельная“) Леонтия и Архипа Остафьевых детей Вороньих Глаз и Дмитрия Ермолина сына Остафьева на движимое имущество отца и деда их. Местонахождение имущества не указано, но раздельная писана Вознесенским дьяком Миронцом Климентиевым сыном Поповым. Имеется противень этого акта с датой 1536—37 г.г., без рукоприкладств на обороте.

117. 1537 г. не ранее марта 19. — „Закладная“ на долю в Захребетной тоне в Сярти Большой на Летней стороне, заложенную Иваном Ивановым сыном Горяином Михаилу Васильеву сыну Попову.

118. 1537 г. августа 5. — Отступная („посильная“) Антония Нечая и Ивана Степановых детей Карзиных Тимофею и Гаврилу Барсану Сели-

верстовым детям на землю с угодьями в Карзине курьи на Лисеострове. — Напеч. в „А.Ю.“ № 23, с. 54, ст. 1-й.

119. 1537 г. декабря 28. — „Отступная“ Карпа Вахрамеева сына Чермного Марку Есипову сыну Худякову на половину тони в устье реки Солзы.

120. 1537 — 38 г.г. — „Отступная“ Сидора Никифорова сына Овдеева Филиппу Яковлеву сыну на долю в пожнях в реке Кирвасове в Унской губе.

121. 1537—38 г.г. — Раздельная „запись“ на земли островов Ряпунды. Овинцы, Колкова и на пожни на реке Рыбеже (Рыбежке) и в Ланех в Егорьевском Кожельском и Тихвинском погостах, бывшие в споре у Нечая Володимерова сына Харламова и Успенского Аркажского монастыря, игумена Нафанаила с братией.—Три сстава. Спис. XVII в. Имеется другой список XVII в. на двух ставах.

122. 1537—38 г.г. — Третейская запись Нечая Володимерова сына Харламова и Успенского Аркажского монастыря игумена Нафанаила с братией по делу с спорной земле на острове Ряпунде и по реке Рыбежке. — Спис. XVII в.

123. 1538 г. января 22. — „Купчая“ („кабала купчая“) на долю в рыбных ловлях в реке Солзе, проданную Захарием Степановым сыном Игнатьевым Ивану Михайлову сыну Кологривову.

124. 1538—39 г.г. — „Отступная грамота“ Нестера Болобана Никитина сына Патрикею и Ивану Антипиным детям на половину владенья с угодьями на Лисеострове, в Карзине курьи.

125. 1538—39 г.г. — „Купчая“ на покосы по реке Пыжме, проданные Никитой Есиповым сыном Лешим Ивану Москве Васильеву сыну.

126. 1538—39 г.г. — „Купчая“ на участок земли на Летней стороне, купленный Иваном Ивановым сыном Горяиным у Ненилы Михайловой дочери Леонтьевой.

127. 1539 г. марта 16. — Жалованная несудимая грамота великого князя Ивана Васильевича Троицкому Гледенскому монастырю, с подтверждением прав монастыря на земельные его владения и на безпошлинный провоз установленного количества запасов на монастырский обиход. Подтверждения: царя Федора Ивановича 1588 г. февраля 16, царя Бориса Федоровича 1598 г. октября 8 и царя Михаила Федоровича 1615 г. мая 25. — Три става. Заверенный список начала XVII в. Имеется второй список с той же грамоты, более поздний и менее исправный, с теми же подтверждениями, на трех ставах.

128. 1539 г. не ранее мая 20. — Закладная „запись“ на долю в Захребетной тоне в Сярти Большой на Летней стороне, заложенную Иваном Ивановым сыном Горяином, Василием Леонтьевым сыном и Иваном Ортемьевым сыном Павлу Петрову сыну Татаркину.

129. 1539 г. июля... — Грамота великого князя Ивана Васильевича Устюжскому наместнику князю Семену Александровичу Трубецкому и Сольвычегодскому прикащику Федору Ильину Челищеву о подтверждении жалованных несудимых грамот Архангельского и Троицкого Гледенского монастырей. — Три состава. Спис. XVI века.

130. 1539 г. августа 7. — Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича Троицкому Гледенскому монастырю о подтверждении прав монастыря на исключительное владение заводью на реке Сухоне под монастырем, с запрещением вступаться в эту заводь Устюжанам „всяким людям“ и об освобождении монастыря от уплаты каких-либо торговых пошлин при провозе установленного количества запасов на монастырский обиход. — Два состава. Спис. XVI в.

131. 1539 г. августа 7. — Жалованная грамота царя (!) и великого князя Ивана Васильевича Троицкому Гледенскому монастырю на судебные, финансовые, торговые и друг. льготы, и о предоставлении монастырю исключительных прав на владение заводью на реке Сухоне под монастырем. Подтверждения: царя Федора Ивановича 1588 г. февраля 16, царя Бориса Федоровича 1598 г. октября 18 и царя Михаила Федоровича, без указания даты. Пять ставов. Спис. XVII в. — Грамота представляет, повидимому, позднейшее соединение в одну, притом сделанное с явными анахронизмами, двух великокняжеских грамот от 16 марта и 7 августа 1539 года; см. выше, №№ 127 и 130.

132. 1539 г. октября 19. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Борисом, Евстратом Истомой, Максимом и Стефаном Кузьмиными детьми Чевакиным Ивану Михайлову сыну Кологривову.

133. 1539 г. октября 23. — Губная Каргопольская грамота. — В лист. Спис. XVI в. Напеч. в „Доп. къ А. И.“, I, № 31.

134. 1539 г. декабря 7. — „Отступная“ Ивана Амосова сына Попова Кириллу Орлу Иванову сыну Дорофееву на долю рассола в Пятой варнице в Неноксе на Великих местах с угодьями.

135. 1540 г. июля 9. — „Купчая“ на землю на Большом острове, на Песчанике, купленную Михаилом Лаврентьевым сыном у Леонтия Мартемьянова сына Посолонного.

136. 1540 г. июля 20. — „Купчая“ на пожни по реке Пыжме, проданные Яковом Игнатьевым сыном Монастырским Нестеру Иванову сыну Нечаю.

137. 1540 г. декабря 12. — „Купчая“ на треть деревни чернокунской с угодьями в Поглядинской деревне в Карпушкове погосте на Княжеострове, купленную Семеном Ивановым сыном Черным у Григория Тимофеева сына.

138. 1540 г. декабря 12. — „Отступная“ Григория Тимофеева сына Тупицы Семену Иванову сыну Черному на землю с угодьями в Поглядинской деревне в Карпушкове погосте на Княжеострове.

139. 1540 г. декабря 29. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Логином Семеновым сыном Остафьевым Матвею Никитину сыну Остафьеву.

140. 1541 г. марта 29. — „Мировая“ Алексея Яковлева сына Кологривова и игумена Николаевского Корельского монастыря Ефрема, старца Ефима и всей братии по делу о Кудмозерской пашне, озере Кудмо и других угодьях.

141. 1541 г. мая 5. — „Отступная“ Кузьмы Терентьева сына Ивану Родионову сыну Третьяку на долю рассола в Подрезной варнице в Неноксе. — Начало оторвано.

142. 1541 г. мая 16. — „Отступная“ Демида Некраса Терентьева сына Удоева Ивану Третьяку Родионову сыну на долю рассола в варнице на Смердьих местах в Неноксе.

143. 1541—42 г.г. — „Купчая“ на землю на Большом острове, у Песчаника, купленную Михаилом Лаврентьевым сыном у Леонтия Мартемьянова сына Посолонного.

144. 1541—42 г.г. — Выписка из „столпа“ 7050 года с именами дворян и детей боярских „всех пятин“, „которые ходили в неделях“.—Спис. XVII в.

145. 1541—42 г.г. — „Купчая“ на участок земли за рекой Солзой, проданный Григорием, Сидором Топором и Осипом Федоровыми детьми Пономаревыми Исааку Григорьеву сыну Кологривову.

146. 1541—42 г.г. — „Отпись“ Леонтия Дорофеева сыну Семена Иванову сыну Черному в приеме на хранение их „вопчих“ старых грамот на деревню в Карпушкове погосте.

147. 1541—42 г.г. — „Рядная“ княгини Марии Ивановны Согорской, урожденной княжны Кемской, с перечислением приданного (движимого имущества и недвижимости в Пошехонском уезде), передаваемого ею зятю своему князю Даниле Васильевичу Хованскому за дочерью своею княгиней Соломонидой Пронской. — Спис. XVI в.

148. 1542 г. января 1. — „Отступная“ Тимофея Андреева сына Григорию Астафьеву сыну Черному на часть сугреба рассолу в варнице на Смердьих местах в Неноксе.

149. 1542 г. апреля 18. — „Отступная“ Макария Софронова сына Горончарова Малафею Михайлову сыну Коровину на участок земли с угодьями на Лисеострове, в Карзине курьи.

150. 1542 г. апреля 24. — Раздельная („дельная“) Василия и Луки Елисеевых детей Карзиных и Ондреяна и Степана Филимоновых детей на юрмольские земли на Долгой веретее, в Заозерье и других местах Чухченемской волости Двинского уезда. — Два става.

151. 1542 г. ноября 30. — „Купчая“ на половину Питальских пожен, вод и всяких угодий, проданных Иваном Кузьминым сыном Железовым, с Великой Курьи, Филиппу Родионову сыну.

152. 1542 г. декабря 1. — „Закладная“ на часть Питальских пожен, рыбных ловель и всяких угодий, заложенных Иваном Кузьминым сыном Железовым, с Великой Курьи, Филиппу Родионову сыну.

153. 1543 г. января 10. — „Отступная грамота“ Онаньи Иванова сына Захарова Дементию Лаврентьеву сыну на землю за рекою, в Чухченемской волости Двинского уезда.

154. 1544 г. января 28. — „Порядная“ Лисеостровца Елизара Федорова сына Трубина Тимофею и Барсану Селивестровым детям на десять „вервей“ в Карзине курьи.

155. 1544 г. марта 12. — „Купчая“ на четверть земли Подборской, купленную Еремеем Федоровым сыном Коньтеевым и Андреем Евсеевым сыном Коньтеевым у Аграфены Савельевой дочери, племянницы Якова Обатура Ларионова сына.

156. 1544 г. марта... — Жалованная тарханная грамота великого князя Ивана Васильевича Успенскому Челменскому монастырю на его владения в Каргопольском уезде. Подтверждения: его же 1549 г. июля..., царя Федора Ивановича 1584 г. сентября 14 и царя Бориса Федоровича 1599 г. марта 25. — Пять ставов. Спис. XVII в.

157. 1544 г. апреля 20. — „Купчая“ на тони в Сярти на Летней стороне, проданные Фетиньей Никифоровой дочерью Косоноговой, женой Ермолы Чевакина, Тимофею Иванову сыну Дорофееву.

158. 1544 г. октября 6. — „Отступная“ Малафея Федотьева сына Ласея Степану Анисимову сыну на участок земли с угодьями и хоромами в слободке в Нижней Товрице и на прикупную деревню Михайловскую Оксовщину в Чухченемской волости Двинского уезда.

159. 1544 г. октября 11. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, проданную Иваном Коротким Ивановым сыном Бритневым Ивану Михайлову сыну Кологривову.

160. 1544 г. ноября 3. — „Мировая запись“ Кирила Нестерова сына Нешева Семену Иванову сыну Черному и его жене Матрене о „Луковском деле“.

161. 1545 г. февраля... — Жалованная тарханная грамота великого князя Ивана Васильевича Архангельскому монастырю на его владения в Двинском уезде и торговлю. — В лист. Отрывок. Спис. XVI в., за скрепою игумена Евфимия (1585—1589 г.г.).

162. 1545 г. марта 5. — „Отступная“ Карпа Федорова сына Немого Ключникова Онаньи Иванову сыну Захарову на „лоскут“ земли у Никулина озера в Чухченемской волости Двинского уезда.

163. 1545 г. декабря 1. — „Отводная“ Емельяна и Ивана Алексеевых детей Макаровых „и в братьи своей мѣсто“ Василию Стефанову сыну на деревни с угодьями в Яковлькурьи. — Часть акта вырвана; акт разорван на три части.

164. 1546 г. января 6.—„Купчая“ на землю под Олексиным в Чухченемской волости Двинского уезда, купленную Дементием Лаврентьевым сыном у Василия Иванова сына Суковесова.

165. 1546 г. февраля 15. — Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Кириллову Белозерскому монастырю, игумену Афанасию с братией, о предоставлении монастырю права беспошлинной покупки в Каргополе 10.000 пудов соли для беспошлинной же торговли этой солью в Москве и других городах и волостях. — Один лист. Спис. XVI в.

166. 1546 г. не ранее августа 15. — „Закладная“ на двор с угодьями на реке Уне и на долю в реке Кинжуге с пожнями в Унской губе, заложенные Федором Павловым сыном Курейского Алексею Амосову сыну.

167. 1547 г. января 2. — Жалованная несудимая грамота великого князя Ивана Васильевича Федору Мосолову с детьми и племянниками на его вотчину сельцо Бектеево в Каменском стану Рязанского уезда.—Вислая печать красного воска.

168. 1548 г. мая 7. — „Отступная“ Малахея Степанова сына Комолова Ивану Емельянову сыну на землю с угодьями на Лисеострове, в Карзине курьи.

169. 1548 г. июля 23. — „Отступная“ Ивана Емельянова сына Вахрамею Александрову сыну и Сидору Малафееву сыну на землю с угодьями на Лисеострове, в Карзине курьи.

170. 1548 г. августа 1. — „Купчая“ на землю на горе в Кеницах, в Кузьминском „ободу“, купленную для церкви святого Ильи Чухченемской волости Двинского уезда Дементием Лаврентьевым сыном у Михаила Филимонова сына Бобра.

171. 1548 г. августа 25. — „Купчая“ на двор с угодьями на Падрокурье, проданный Федором Кляпиком Ивановым сыном Якиму Романову сыну.

172. 1548 г. августа 27. — Жалованная несудимая грамота царя Ивана Васильевича Богословскому Важскому монастырю. На обороте: „приказали казначеи Иванъ Ивановичъ Третьяковъ да Федоръ Ивановичъ Сукинъ“; подтверждения: царя Ивана Васильевича 1551 г. мая 17, за подписью дьяка Юрия Сидорова, и его же 1574—75 г.г., за подписью дьяка Афонасия Демьянова. — Вислая печать красного воска. В листъ, ветхая. Напеч. в „Доп. къ А. И.“, I, № 44.

173. 1548 г. сентября 14. — Купчая („купная грамота“) на землю „орамную“ с пожнями под Олексиным в Чухченемской волости Двинского уезда, купленную Дементием Лаврентьевым сыном у Оникея Иванова сына Ивачева.

174. 1548 г. октября 1. — „Данная“ Дмитрия Ермолина сына Николаевскому Корельскому монастырю на земли с угодьями в Тойвотове погосте и на тони и пожни на Летней стороне.

175. 1548 г. ноября 18. — Закладная „кабала“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, заложенную Иваном Лаврентьевым сыном Костылевым Терентию Григорьеву сыну Кологривову. — Имеется современный список того же акта.

176. 1549 г. апреля 1. — „Купчая“ на землю и пожни под Олексиным в Чухченемской волости Двинского уезда, купленные Дементием Лаврентьевым сыном у Харлантья Иванова сына.

177. 1549 г. мая 16. — „Купчая“ на треть Высокой горы с угодьями в Богоявленском приходе Ухтостровской волости Двинского уезда, проданную Ондреяном Дементьевым сыном Лаврентьевым Афонасию Овдокимову сыну.

178. 1549 г. июня 25. — „Отступная“ Ивана Плохого и Василия Нестеровых детей Болобановых Ивану Антипову сыну на землю с угодьями на Лисеострове, в Карзине курьи.

179. 1550 г. не ранее марта 12. — „Закладная“ на поженку в Савиной веретеи на Большом острове, заложенную Корманом Алексеевым сыном Олшутиным Ильинскому старосте Чухченемской волости Двинского уезда Матвею Григорьеву сыну.

180. 1550 г. мая 9. — „Отступная“ старицы Федоры Ларионовой дочери церкви святого Ильи Чухченемской волости Двинского уезда на „лоскут“ земли на горе у церкви.

181. 1550 г. декабря 21. — Грамота царя Ивана Васильевича на Двину старостам, соцким, целовальникам и земским людям о новых мерах жита. — Соврем. спис. Напеч. в „Доп. къ А. И.“, I, № 45.

182. 1551 г. января 27. — „Отступная“ Афонасия Михайлова сына Дементию Лаврентьеву сыну на два „лоскута“ земли в Поташеве погосте.

183. 1551 г. не ранее февраля 3. — „Закладная“ Афанасия и Федора Тимофеевых детей Омельяну Яковлеву сыну Чемакину на часть деревни с угодьями в Кеврольском стану Двинского уезда. — Ветхая. Верхний левый край оторван, с правого края выцвела.

184. 1551 г. февраля 26. — Грамота „с прочетом“ царя Ивана Васильевича на Чухлому городовому приказчику Андреяну Перфильеву об отводе Покровскому Чухломскому монастырю берегового места „на песку“ у Соли Галицкой для выгрузки дров к монастырской соляной варнице. — Два состава. Спис. XVII в.

185. 1551 г. не ранее декабря 6. — Закладная „кабала“ на участок земли на Лисеострове, в Карзине курьи, заложенный Вахрамеем Александровым сыном и Сидором Малафеевым сыном Конану Гаврилову сыну Блинову.

186. 1551 — 52 г.г. — „Духовная“ Терентия Матвеева сына Монастырева на движимое и недвижимое имущество, сельцо Пантелеймоновское и село Троицкое с деревнями, завещанные разным лицам и Кириллову Белозерскому монастырю. — Два состава. Спис. XVII в.

187. 1552 г. ноября 4. — Меновная („менная“) на Ильинское Карповское дворище в Чухченемской волости Двинского уезда, промененное Ильинским церковным старостою Яковом Алферьевым сыном Лучниковым и „прикащиком царя и великого князя“ Матвеем Григорьевым сыном Машиным для церкви св. Ильи Спиридону Семенову сыну на Филимоновское дворище там же.

188. Не ранее 1552 — 53 г.г. — „Сотная“ с писцовых книг Ивана Петровича Заболоцкого с товарищами, выданная крестьянам Емецкого стана Двинского уезда на их земли в разных волостях того же стана. За приписью дьяка Ишука Бухарина.—Печ. государева красного воска. Начало утеряно. Одиннадцать ставов.

189. 1553 г. июля 26. — Раздельная („дельная“) Троицкого старца Митрофана, Климентовского церковного старосты Кузьмы Родионова сына, Нестера Иванова сына Нечая, Ивана Коровы Андреева сына, Алексея Амосова сына и Макария Михайлова сына Бокана на Кинжугские пожни. — Ср. „Р.И.Б.“, XIV, ст. 52 — 53.

190. 1553 г. июля 26. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, проданную Андреем Кондаком Савельевым сыном Губаниных Фефилату Михайлову сыну Кологривову Большаку.—Имеется современный список этого акта с ошибочной датой: 1553 г. июня 26.

191. 1553 г. июля 30. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, проданную Степаном, Никифором, Матвеем, Григорием Давыдовыми и Домной и Мариной Петровыми дочерьми Ивану Михайлову сыну Кологривову.

192. 1553 г. августа 4. — Купчая („купная“) на треть пожни Набережья, проданную Федотом и Евгенией Ивановыми детьми Микулиными Антипу Михайлову сыну.—Отрывок без начала (ср. № 199).

193. 1554 г. января 23. — „Купчая“ на долю в тонях на Летней стороне: в Большой Сярти Чевакинской, Песчанке, Лудушке и в Усть-Лопшенге, купленную Николаевским Корельским монастырем у Павла Петрова сына Татаркина.

194. 1554 г. января 30. — „Запись“ Григория Павлова сына Татаркина Николаевскому Корельскому монастырю об обязательстве привезти в монастырь старую купчую на участок Кузьмы Чевакина на Летней стороне.

195. 1554 г. февраля 14. — Грамота „с прочетом“ царя Ивана Васильевича к Соли Галицкой целовальникам, соцким и всем посадским людям о запрещении им, по челобитью Троицкого Сергиева и Покровского Чухломского монастырей, копать колодец для соляной варки около колодца, сообща выкопанного обоими монастырями на дворе Чухломского монастыря у Соли Галицкой. — Спис. XVII в.

196. 1554 г. сентября 16.—„Отступная“ Леонтия Лаврентьева сына Мякина Архангельскому прикащику Стефану Иванову сыну на „огородец“ в Неноксе.

197. 1554 г. декабря 9. — „Купчая“ на четверть „в воде и в берегу“ и во всех угодьях на Летней стороне, купленную Николаевским Корельским монастырем у Тимофея Иванова сына Дорофеева.

198. 1554 г. декабря 11. — „Отступная“ Лаврентия Иванова сына Кулакова Амвросию (Обросью) Прокофьеву сыну на пожни, рыбные ловли и всякие угодья на Раковине.

199. 1555 г. января... — Запись Федота Иванова сына Микулина и его сестры Евгении Антипу Михайлову сыну о порядке уплаты податей с проданной ему (см. № 192) трети пожни Побережья в Ухтостровской волости Двинского уезда.

200. 1555 г. марта 10. — „Купчая“ на долю рассола в Новой варнице на Великих местах в Неноксе, проданную Ермолой Родионовым сыном Возмищевым Григорию Никифорову сыну Заверткину.

201. 1555 г. марта 28. — Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Ногайскому татарину Салтан-Булату Бильгидееву сыну Аталыкову на поместье в Мещерском уезде. — Печать утеряна (сохранился красный шелковый шнурок).

202. 1555 г. марта...—Грамота „с прочетом“ царя Ивана Васильевича на Вологду выборному старосте Ивану Львову о невзимании им ямских и приметных денег с принадлежащих Кириллову Белозерскому монастырю сел и деревень в Вологодском уезде вследствие пожалования монастырю права непосредственного платежа этих денег в Москве, в Большом Приходе. — Спис. XVI в.

203. 1555 г. июля 18. — „Купчая“ на пожни у Криничной горы в Луде (?), проданные Поладьей Константиновой дочерью, женой Афанасия Фиселицына, Холмогорцу Луке Иванову сыну Матренину.

204. 1555 г. августа 6. — Послушная грамота царя Ивана Васильевича крестьянам разных деревень и починков Масленской волости Вологодского уезда, отписанных на государя от Кириллова Белозерского монастыря и вновь пожалованных названному монастырю. — Три става. Спис. XVI в.

205. 1555 г. августа 26. — „Отступная“ Фомы Иванова сына Сухогобыльца Якову Иванову сыну Вепреву на часть сугреба рассолу в варнице Ершихе на Смердьих местах в Неноксе.

206. 1555 г. сентября 8. — Раздельная („дельная“) Леонтия Харлантьева сына, Игнатия Соболя Остафьева сына и Игнатия Чащи (Конанова) сына Зернова на дворища в Степановской деревне на Вагине острове.—Правый край оборван. Ср. № 277.

207. 1555 г. ноября 29. — „Отступная“ Ульяна, Федоса, Афонаса и Маремьяны Кормановых детей Дмитрию Никитину сыну Лучникову на пожню в Савиной веретеи на Большом острове.

208. 1555 г. декабря 17. — „Жалованная оброчная грамота“ царя Ивана Васильевича Крыпецкому Псковскому монастырю на огород, пожню и двор в Запсковье, у церкви св. Константина и Елены. — Печать красного воска представляет безформенную массу. Два става. Напеч. в „Доп. къ А. И.“, I, № 84.

209. 1555—56 г.г. — Закладная „кабала“ на пожню за Нюрдолою, заложенную Исаем Власьевым сыном Шкулевым Антону Максимову сыну.

210. 1555—56 г.г. — Меновная („менная“) на землю с угодьями в Кушкопале в Кеврольском стану Двинского уезда, промененную Василием Остафьевым сыном Большим Омельяну Яковлеву сыну на землю с угодьями там же.

211. 1556 г. января 21. — Раздельная („деловая“) Омельяна Чемаки и Остафья Яковлевых детей на „животы, долги и слободу“ в Кеврольском стану Двинского уезда. — Местонахождение имущества в акте не указано, но по духовной Омельяна Яковлева 1569—70 г.г. (№ 308) имущество это находилось в Кеврольском стану. Левый край оборван.

212. 1556 г. февраля 12. — Грамота царя Ивана Васильевича таможникам и мытчикам всех городов и волостей Московского государства об освобождении Кириллова-Белозерского монастыря от уплаты всякого рода торговых пошлин с припасов и материалов, покупаемых монастырем на свой обиход, но не для продажи. — Спис. XVI в.

213. 1557 г. мая 25. — „Отступная“ Стефана Филимонова сына Карзина Никите Тимофееву сыну Калинину на пожню на Большом острове, в Шевцеве.

214. 1557 г. июля 8. — „Данная“ старца Иоасафа Иванова сына Чевакина Николаевскому Корельскому монастырю на земли в Нижней Кехте и „в острову“ и на тони в Сярти и в реке Солзе. — Спис. XVI в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 153.

215. 1557 г. июля 21. — „Отступная“ Кирилла Орла Иванова сына Шипунова Кондратью Савельеву сыну Губанину на часть сугреба рассолу в Новой варнице на Великих местах в Неноксе.

216. 1557 г. сентября 19. — „Отступная“ Филимона Алексеева сына Лаврова Никите Семенову сыну Дудышкину на пожню Алисовскую на Большом острове.

217. 1557—58 г.г. — „Закладная кабала“ на пожню на Большом острове в Шевцеве, заложенную Никитою Тимофеевым сыном Калининым Евдокиму Истоме Остафьеву сыну.

218. 1558 г. января 6. — „Отступная“ Кирилла Орла Иванова сына Дорофеева Федору Федотьеву сыну Монастырскому на часть сугреба рассолу в Новой варнице на Великих местах в Неноксе.

219. 1558 г. января 11. — „Купчая“ на пожни на реке Кирвасове, проданные Максимом Гавриловым сыном Грозниковым и Савельем Вахрамеевым сыном Грозниковым Калине Алексееву сыну.

220. 1558 г. января... — „Купчая“ на четверть варницы с угодьями на Долгих Жолобах в Уне и на пожни по реке Кирвасове, купленные Степаном Акуловым сыном у Юрья, Василия и Антипы Емельяновых детей Ивановых.

221. 1558 г. марта 13. — Грамота „с прочетом“ царя Ивана Васильевича на Двину Филиппу Родионову, земскому дьяку Поздею Остафьеву

и Низовской луки Вознесенского стана старосте Ивану Андрееву об ежегодной выдаче по жалованной грамоте Архангельскому монастырю хлебной руги (ржи и ячменя) из запасов, собираемых с крестьян Матигорского стана. — Печать черного воска хорошей сохранности прикреплена к лицевой стороне грамоты. Два состава. По ставам скрепа дьяка Дружины Лазарева.

222. 1558 г. марта 14. — „Отступная“ Кирилла Орла Иванова сына Шипунова Федору Федотьеву сыну Монастырскому на часть сугреба рассолу в Новой варнице на Великих местах в Неноксе.

223. 1558 г. мая... — „Отступная“ Федора Демидова сына Качкова своему племяннику Павлу Никитину сыну Качкову на половину деревни на реке Ождорме.

224. 1558 г. мая... — „Отступная“ Зеновия Михайлова сына Бобровнева Филиппу Игнатьеву сыну на половину перелога и половину пожни „с логом“ на Большом острове.

225. 1558 г. июня 12. — Грамота „с прочетом“ царя Ивана Васильевича выборным земским судьям Быкокурского и других станов и волостей Устюжского уезда о запрещении взыскивать, наряду с черными волостями, всякие судебные пошлины и государев оброк с вотчин Троицкого Гледенского монастыря. Подтверждена царем Федором Ивановичем в 1588 году февраля 16. — Три состава. Заверенный список начала XVII в. Напеч. по позднейшему списку в Р.И.Б.“, XIV, ст. 823—827.

226. 1558—59 г.г. — „Купчая“ на сельцо Никитино с деревнями и починками в Романовском уезде, в Пошехонье на Ухтоме, купленное Кирилловым Белозерским монастырем „по царя и великого князя Ивана Васильевича жалованной грамоте“ у князя Петра Александровича Ухтомского. — Спис. XVI в.

227. 1559 г. апреля 12. — „Купчая“ на землю на Большом острове, за Большою рекою, проданную Зеновием Филимоновым сыном Евдокиму Истоме Остафьеву сыну.

228. 1559 г. июля 4. — Жалованная тарханная грамота царя Ивана Васильевича Никольскому Орешковскому монастырю. Подтверждение 1606 г. июля 20. — Два состава. Без начала. Спис. XVII в.

229. 1559 г. июля 16. — Раздельная („дельная“) Алексея, Андрея и Матвея Амосовых детей, Ивана Артемьева сына Кулакова и других на „кострища горные и бережные“ у Васильевского колодца в Уне. — Два состава.

230. 1559 г. июля 18. — Раздельная („дельная“) Алексея и Андрея Амосовых детей, Игнатия Матвеева сына и других на „кострища бережные“ в Уне.

231. 1559—60 г.г. — „Данная“ Андрея Семенова сына Воронцова Троице-Сергиеву монастырю на село Фроловское с деревнями Мирохотского стана Кашинского уезда с правом жить в названном селе „до своего живота“. — В лист.

232. 1560 г. февраля 16. — „Купчая“ на три поженки у Боброва ручья в Неноксе, проданные Ермолой Родионовым сыном Возмищевым Ворыхалом прикащику Николаевского Корельского монастыря Геронтию.

233. 1560 г. апреля 23. — Двинская уставная таможенная откупная грамота. Подпись внизу грамоты и скрепа по листам на обороте дьяка Третьяка Митрофанова. Четыре става в лист. Первые семь строк грамоты сохранились наполовину. Напеч. выше, с. 199—203.

234. 1560 г. мая 16. — „Отступная“ Афонасия Онтоманова сына Кубекина Исаку Пахомову сыну Чуну на землю в Глухом погосте.

235. 1560 г. сентября 11. — „Оброчная грамота“ писца Никиты Григорьевича Яхонтова с товарищами Григорию Никитину на рыбные ловли и промыслы в речке Шидровке и в морской губе Пушлахте. — Спис. XVI в.

236. 1560—61 г.г. — „Сотная“ писца Никиты Григорьевича Яхонтова на погост на реке Золотице. — Отрывок.

237. 1560—61 г.г. — „Сотная“ писца Никиты Григорьевича Яхонтова на волости Каргопольского уезда: Вонгуду, Надпорожскую, Подпорожье и Устьонежскую. — Печать восковая прикладная Н. Г. Яхонтова. Восемь ставов в лист, без начала. За скрепою по листам Истомы Дмитриева сына Евского,

238. 1561 г. марта 3. — „Купчая“ на „дворище земли“ против Архангельского двора в Неноксе, проданное Михаилом и Афанасием Трофимовыми детьми Филишу Федорову сыну, кузнецу.

239. 1561 г. июня 2. — „Отступная“ Никиты Семенова сына Дудышкина Никону Маркову сыну на пожню Алисовскую на Большом острове.

240. 1561 г. июля... — „Запись“ старца Николаевского Корельского монастыря Силуяна и Михайлы Александрова сына о порядке владения Сумскими тонями и пожнями.

241. 1562 г. января 26. — „Грамота“ по делу об отыскании „лебединых ловель“ на реке Волхове, в Ильинском погосте Вотской пятины, согласно опросу царского посланного, площадного подьячего Нечая Савельева сына, у местных старост, целовальников, соцких, пятидесятских и десятских. — Отрывок; сохранилось лишь первых десять строк.

242. 1562 г. февраля 15. — „Купчая“ на пожни на Остром наволоке и на Плоском, проданные Федором Остафьевым сыном Сухолжиновым Матвею Амосову сыну.

243. 1562 г. мая 31. — Раздельная („дельная“) Василия Анкудинова сына Трубина и Василия Олферьева сына Ошуркова Горончарова на дворище в Карзине курьи.

244. 1563 г. февраля 7. — „Отпись“ выборного судьи Емьскогорского стана Ильи Макарова сына в получении от слуги Богословского Важского монастыря Феофила Олферова оброчных денег.

245. 1563 г. июня 15. — Раздельная („память“) Архангельского старца Феодорита и Николаевского Корельского монастыря старца Силуяна на землю „в островке“.

246. 1563 г. ноября 15. — „Купчая“ на долю в варнице с угодьями, проданную Иваном Алферьевым сыном Сухоруковым Степану Фомину сыну Вешняку. Местонахождение варницы не указано.

247. 1563—64 г.г. — „Отступная“ Семена Кириллова сына Орлова Григорию Михайлову сыну Заверткину на часть сугреба рассолу в Новой варнице на Великих местах в Неноксе с угодьями.

248. Не ранее 1563—64 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Лихачева на вотчины Успенского Тихвинского, Никольского Аркажского и Рагодовицкого монастырей в Тихвинском погосте. — Восемь ставов. Начала нет. Спис. XVII в.

249. Не ранее 1563—64 г.г. — 1) Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Лихачева на Покровские церковные и поместную деревню в Егорьевском Кожельском погосте. 2) (на обороте) — Выпись из раздельных книг Обонежской пятины Мокея Есипова на поместные земли в Егорьевском Кожельском и Воскресенском Липском погостах. — Спис. XVII в.

250. Не ранее 1563 — 64 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Лихачева на дворы и земли Николаевского Полистского монастыря. — Спис. XVII в.

251. Не ранее 1563—64 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Лихачева „с товарищами“ на вотчину Введенского Тихвинского монастыря в Тихвинском погосте. — Два става. Левый верхний угол поврежден. Спис. XVII в.

252. Не ранее 1563 — 64 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина на вотчины Николаевского Беседного и Успенского Аркажского монастырей в Тихвинском погосте. — Три става. Спис. XVII в.

253. Не ранее 1563 — 64 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Лихачева на вотчину Николаевского Рагодовицкого монастыря в Тихвинском погосте. — Спис. XVII в.

254. Не ранее 1563 — 64 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Лихачева на вотчины Введенского Тихвинского и Николаевского Рагодовицкого монастырей в Тихвинском погосте. — Два става. Начала нет. Левый верхний угол второго става оторван. Спис. XVII в.

255. Не ранее 1563—64 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина на вотчину Николаевского Рагодовицкого монастыря в Тихвинском погосте. — Два става. Спис. XVII в.

256. Не ранее 1563—64 г.г. — Выписка из дозорных книг Деревской пятины Бражника Хвостова на вотчины Никольского Островского монастыря в Жабенском погосте. — Спис. XVII в.

257. Не ранее 1563—64 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Лихачева на вотчины Успенского Тихвинского монастыря в Тихвинском погосте. — Спис. XVII в.

258. Не ранее 1563 — 64 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Андрея Лихачева на вотчины Антониева Дымского монастыря в Тихвинском погосте. — Спис. XVIII в.

259. 1564 г. февраля 2. — „Купчая“ на пожни по реке Пыжме, проданные дьяконом Миной Ивановым сыном Москвиным Симону Шевелю Семенову сыну Грыжневу.

260. 1564 г. марта 10. — „Отступная“ Дарьи Ивановой дочери Артемьевой, Родионовой жены, Михаилу Яковлеву сыну Назарьину на землю с угодьями на Ухтострове, за Тешиловым ручьем. — Три состава.

261. 1564 г. марта 29. — Оброчная грамота Новгородских дьяков Василия Степанова сына Угримова и Леонтия Ананьина Юрьеву монастырю, архимандриту Варфоломею с братией, на тони под Троицким монастырем, что на Коломцах, в устье реки Волхова. — Печати дьяков. Три состава. Начало утеряно. Имеется список XVIII в. акта в целом виде.

262. 1564 г. апреля 7. — „Отступная“ Родиона Иванова сына Артемьева Афонасью Емельянову сыну Костромину и его жене Евфросинии („Опросеньи“) Еремеевой дочери Кузнецовой на землю в деревне на Ухтоострове с угодьями. — Два состава.

263. 1564 г. апреля 12. — Раздельная („дельная“) старца Николаевского Корельского монастыря Виссариона, Ижмян: Лариона Михайлова сына, Антона Панкратьева сына и Якима Емельянова сына на полторы „обешки“ Букаркинской деревни.

264. 1564 г. июня 30. — Грамота царя Ивана Васильевича в Устюжну Железнопольскую старостам, посадским людям и крестьянам о пожаловании посада Устюжны с деревнями и „со всеми доходы, опричь пищальные дани“ вдове князя Юрия Васильевича, старице Александре, и о подведомственности их по всем делам в Москве Федору Ильичу Челищеву. — Печать черного воска. Напеч. в „А. А. Э.“, I, № 279 (с неверной датой).

265. 1564 г. сентября 5. — „Данная и льготная выпись“ Каргопольского городового приказчика Иосифа Михайлова и Турчасовского бывшего выборного судьи Семена Турабея Василию Григорьеву сыну Никитину, на землю в Турчасовском уезде, в Поморьи, в Золотицкой волости. — Спис. XVI в.

266. 1564 г. сентября 29. — Выпись из Белозерских книг письма Федора Ивановича Колычева и подьячего Ивана Леонтьева на монастырь Ни-

колы чудотворца в Белозерском уезде, в Бадожской волости на реке Ковже, основанный в 1553 г. — Спис. XVI в.

267. 1564—65 г.г. — „Межная“ запись государева межевщика Ивана Ивановича Бухарина об „учиненной“ им меже между Олонецким и Пиркинским погостами. — Спис. XVI — XVII в.

268. 1565 г. февраля 5. — „Данная“ Ивана, Аверкия и Михаила Михайловых детей Кологривовых Николаевскому Корельскому монастырю на долю рыбной ловли в реке Солзе. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сб. грам. Кол. Экон.“, I, № 168.

269. 1565 г. февраля 18. — „Отступная“ Ивана Степанова сына Коковина Савве Мартынову сыну Дубленникову на долю рассола варницы Рожковской с угодьями в Неноксе.

270. 1565 г. апреля 19. — „Отпись“ Троицкой волости сотского Якова Андреева сыну Еремеева даньщику Михаилу Филиппову сыну в уплате с Яковлевской боярщины Важского уезда данных денег.

271. 1565 г. мая 27. — „Отступная“ Ивана Копыри Федорова сына Сидору Емельянову сыну на пожни на Мучеострове.

272. 1565 г. декабря 8. — „Купчая“ на пожни по реке Золотице, проданные Григорием Селиверстовым сыном Богатырем Фоке Харитонову сыну Щербине.

273. 1565—66 г.г. — Челобитная Кондратки Михайлова сына Демидова сотнику Истоме Гаврилову сыну Пелепелкину, пятидесятскому Долмату Оксентьеву, десятским и всем людям Троицкого прихода Ухтостровской волости Двинского уезда на Федора Иванова Монсурова, взявшего у челобитчика „колотку с грамотами“.

274. 1566 г. марта 20. — „Отступная“ Екатерины Ермолиной дочери Ворыхаловой Возмищевой, Федоровой жены Карандышева, Дмитрию Александрову сыну Возмищеву на часть сугреба рассола в Новой варнице на Великих местах в Неноксе с угодьями.

275. 1566 г. марта 27. — Грамота Новгородских дьяков Андрея Васильева сына Буйносова и Леонтия Ананьина Николаевскому Вяжицкому монастырю игумену Арсению с братией, об отдаче половины обжи „в вопчей“ деревни Горки „в додачу“ за половину обжи по Ивангородской дороге, взятой на государя. — Спис. XVIII века.

276. 1566 г. марта—апреля. — Челобитная царю Ивану Васильевичу Истомы Иванова сына Клетянина о расследовании бывшего у него случая покражи из клети разного имущества.

277. 1566 г. декабря 1. — „Купчая грамота“ на половину двора и орамых земель с угодьями на Лицкой Двине, проданных Семеном Ивановым сыном Антомановым Игнатию Конанову сыну Чаще.

278. 1566—67 г.г. — „Данная“ Ненокшанина Филата Васильева сына Мошко Архангельскому монастырю на часть разсола в варнице Подрезихе в Неноксе.

279. 1566—67 г.г.—„Купчая“ на полянку „на горе за Николою чудотворцом“, проданную Филимоном Ивановым сыном и Анной Никифоровой дочерью Тархановыми Фоке Харитонову сыну Щербине.—Два состава.

280. 1566—67 г. г.—„Купчая“ на две трети Мартемьянова наволока в Белозерском уезде, в Богородском стану, у Шексны реки, купленные у братьев Скурата, Третьяка, Русина и Ивана Леонтьевых детей Маурины-Зайцевых Кирилловым Белозерским монастырем „по государеву цареву и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси жалованью и приказу“.—Два состава. Спис. XVI в.

281. 1566—67 г. г.—Отпись дьяка Андрея Васильева сына Безносова в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Иосифа, по книгам Григория Волынского, оброка и пошлин с монастырских пожен по реке Веряжи и в других местах. На обороте: отписи 1568 г. мая... дьяков Андрея Васильева сына Безносова и Кузьмы Васильева сына Румянцова в получении от казначея мон-ря Никандра и 1569 г. мая 18 дьяка Кузьмы Васильева сына Румянцова от казначея Исаии оброка и пошлин с тех же пожен.

282. 1567 г. апреля 10.—„Отступная“ Ивана Ондронова сына Никите Фатееву сыну Булашку на „лоскут“ земли в Чухченемской волости Двинского уезда.

283. 1567 г. апреля 23.—Послушная грамота царя Ивана Васильевича крестьянам бывших черносошных деревень Фетиньино и Онуфриево Ворбозомской волости Белозерского уезда, пожалованных Кириллову Белозерскому монастырю, по челобитью его властей, в виду смежности этих деревень с землями приписного к Кириллову Белозерскому монастырю Благовещенского Ворбозомского монастыря, в обмен на некоторые монастырские деревни той же волости.—Три состава. Спис. XVI в.

284. 1567 г. декабря 28. „Купчая“ (на деревню) в Ростовской волости Важского уезда, проданную Федором... Дионисию...—Без начала.

285. 1567—68 г.г.—„Купчая“ на пожни по Парандину ручью, проданные Терентием Котовым сыном Дроздом Фоке Харитонову сыну Щербине.

286. 1568 г. января 23.—Поручная Новгородских посадских людей Потафия Фомина сына Скотника с товарищами по недельщике Скурате Иванове сыне Оничкове.—Ср. „А. А. Э.“, I, № 274.

287. 1568 г. марта 29.—Грамота царя Ивана Васильевича на Белоозеро городовым приказчикам Якову Гневашеву и Матвею Бухарину о незамедлительном выселении пламянников бывшего посадского человека Некраса Ившина, Мосейки и Степанки Ившиных, насильно живущих во дворе Некраса на Белоозере на посаде и об отдаче означенного двора слугам Кириллова Белозерского монастыря, вследствие состоявшейся передачи этого двора Некрасом Ившиным Кириллову монастырю вкладом при своем пострижении.—Спис. XVI в.

288. 1568 г. апреля 12. — „Купчая“ на пожни по реке Пыжме, проданные Унянином Симоном Шевелем Семеновым сыном Грыжневым Холмогорцу Луке Иванову сыну Матренину.

289. 1568 г. мая 3. — Грамота „с прочетом“ царя Ивана Васильевича на Белоозеро городовым приказчикам Матвею Бухарину и Меньшику Пахомову о взыскании разных податей с крестьян отписанных от Кириллова Белозерского монастыря пяти деревень Вашпонского стана Белозерского уезда и о передаче взысканных денег монастырю вследствие состоявшейся уже уплаты этих податей в государеву казну монастырем из собственных денег и о невзыскании податей с переданных Кириллову монастырю деревень государева подклетного села Ирмовского Белозерского же уезда, вследствие права монастыря платить подати с своих деревень непосредственно в Большой Приход в Москву. — Два состава. Спис. XVI в.

290. 1568 г. июня 12. — „Купчая“ на дворище со всяким хоромным строеньем на Вагине острове, проданное Игнатием Чащею Конановым сыном Федору Прокофьеву сыну.

291. 1568 г. июля 20. — Запись Игнатия Лукина сына Прощелыкина старосте Георгиевской церкви Лодомской волости Двинского уезда Гаврилу Федорову об обязательстве „класть безденежно“ „державы“ на проданную церкви братом его Демидом часть Часовенского наволока. — Ветха и местами порвана. Напеч. (по списку) в „Р. И. Б.“, XXV, ст. 57 — 58.

292. 1568 г. августа 8. — „Купчая“ на двор с угодьями в Уне на Климентовской стороне, проданный Марфой Емельяновой дочерью Ногуевой, Гавриловой попадьей, с детьми: Карпом, Улитой и Авдотьей Федору Никитину сыну Куколкину.

293. 1568 г. ноября 20. — Грамота царя Ивана Васильевича на Белоозеро губному старосте Якову Михайлову сыну Гневашову, по челобитью игумена Кириллова-Белозерского монастыря Кирилла с братией, об отводе названному монастырю пожертвованной Иваном Петровым сыном Федоровым половины его Белозерской вотчины, села Воскресенского с деревнями, и об отписке другой половины земель, а равно всего движимого имущества той-же вотчины на государево имя. — Два состава. Спис. XVI в.

294. 1568 — 69 г. г. — „Данная грамота“ вдовы Аксиньи Федоровой дочери Зыковой с пасынком Яковом и сыном Федором Зыковым Кириллову-Белозерскому монастырю на их вотчины в Бежецком Верхе в Городецком стану. — Три состава. Спис. XVII в.

295. 1569 г. января 28. — „Отступная“ Макара и Ивана Исаковых детей Шкулевых и Марфы и Марьи Федоровых дочерей Шкулевых Григорию Лукину сыну Назарьину на пожни за Нюрдолою.

296. 1569 г. февраля 27. — Отпись дьяков Непеи Григорьева и Олферья Григорьева в получении в государеву казну оброка на 7077 г. с Глотовой слободы.

297. 1569 г. марта 29. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, проданную Терентием Григорьевым сыном Кологривовым Ивану Матвееву сыну Никитину.

298. 1569 г. апреля 25. — Оброчная („льготная“), „по царя Ивана Васильевича грамоте“, Двинских данных старост Кирилла Михайлова сына Офутина и Михайлы Михайлова сына Кологривова „с товарищи“ Троицкому церковному старосте Ухтоостровской волости Григорию Лукину сыну на пустую деревню Онишевскую в Куростровской луке, на Куростров, в Двинском уезде. — Два состава.

299. 1569 г. апреля 26. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, проданную Семеном Григорьевым сыном Кологривовым Ивану Матвееву сыну Никитину.

300. 1569 г. июня 9. — „Отступная“ Дмитрия Александрова сына Возмищева Якову Есипову сыну Ушаку на часть сугреба рассола в Новой варнице в Неноксе с угодьями.

301. 1569 г. июня 20. — „Данная“ Василия Климентьева сына Тестова Николаевскому Корельскому монастырю на амбар на Летней стороне, в Сяртн.

302. 1569 г. июля 19. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, проданную Аверкием Михайловым сыном Кологривовым старцу Авраамию Стефанову сыну Омонину.

303. 1569 г. сентября 29. — Раздельная („дельная“) старцев Николаевского Корельского монастыря Сергия и Лаврентия и других лиц на дворище и земли на Лисеострове (?).

304. 1569 г. сентября... — Челобитная царю Ивану Васильевичу Кузьмы Константинова сына Кохнова из Никонского Ижорского погоста Вотской пятины о расследовании бывшего у него случая покражи из клети разного товара.

305. 1569 г. октября 3. — „Купчая“ на часть сугреба рассола в Новой варнице на Великих местах в Неноксе с угодьями, проданную Ненокшанином Павлом Ивановым сыном Вепревым Холмогорцу Василию Иванову сыну Кулеву.

306. 1569 г. октября 5. — „Духовная грамота“ Степана Ларионова сына на движимое и недвижимое имущество, на половину Ождоромской деревни, завещанное разным лицам.

307. 1569 г. ноября 9. — „Духовная“ Маремьяны Семеновой дочери, Никитинеской жены, на пожни на Мучострове и деньги, завещанные церкви Живоначальной Троицы Ухтоостровской волости Двинского уезда.

308. 1569 — 70 г. г. — „Духовная“ Омельяна Яковлева сына на движимое и недвижимое имущество в Кеврольском стану Двинского уезда, завещанное жене, детям и церквам Воскресения, Николы в Чухченеме, Николы в Кевроле, Николы в Пукшеньге и Николы в Верколе. — Печ. восковая, приложенная к лицевой стороне, сохранилась наполовину. Ветха. На обороте

рукоприкладство „закащика митрополичья“ Воскресенского игумена Андреяна.

309. 1569 — 70 г.г. — „Выпись“ губных целовальников Федора Микифорова сына с товарищами о том, что крестьяне Микитка Васильевский и Васка Ивщуев, брать на поруки которых они приезжали в Никольский Ижорский погост, от них „отбились“.

310. 1569 — 70 г.г. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе, проданную Михаилом Михайловым сыном Кологривовым Ивану Матвееву сыну Никитину.

311. 1569 — 70 г. г. — Отпись детей боярских Новгородского и Псковского архиепископа Пимена Бакаки Павлова сына Литвинова и Истомы Андреева сына Пасынкова в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Серапиона с монастырских вотчин денег для Казанского владыки и двух архимандритов.

312. 1570 г. мая 10. — Раздельная („дельная“) Михаилы Яковлева сына Назарьина, Филиппа Васильева сына Леонтьева и Афонасия Емельянова сына Костромина на дворище и хоромы Артемия Леонтьева на Ухтоострове (ср. № 200).

313. 1570 г. июня 20. „Купчая“ на треть... „со всѣми угодьи“, проданную Феодосием церкви Троицы и Климента в Уне. — Сохранилось пять последних строк.

314. 1570 г. июля 20. — „Изустная духовная память“ Ивана Иванова сына Мельника на его недвижимое имущество, половину мельницы и двора по реке Ворожее, завещанные им в дом Николы Чудотворца и апостолов Петра и Павла.

315. 1570 г. августа 19. — „Закладная“ на пожню за Нюрдолою, заложенную Федотом Ивановым сыном Микулиным Лариону Семенову сыну Микулину.

316. 1570 г. декабря 31. — „Данная“ Давыда, Грибана, Симона и Третьяка Михайловых детей Яковлевых церкви Троицы и великомученицы Варвары Ухтоостровской волости Двинского уезда на землю той же волости.

317. 1571 г. февраля 4. — Данная („отданная запись“) Сергея и Григория Антипиных детей Михайловых Ухтоостровской волости Двинского уезда Троицкому церковному старосте Истоме Гаврилову сыну Пелепелкину на пожню на Набережьи.

318. 1571 г. февраля 14. — „Купчая“ на пожни в Унской губе, за Межным ручьем, проданные Унянами Андреем и Петром Лукьяновыми детьми Лукашевыми Каргопольцу Ивану Ефимьеву сыну Воронцову.

319. 1571 г. марта 4. — „Купчая грамота“ на деревню в Онише Двинского уезда, купленную старостой церковным Вознесенским Леонтием Архиповым сыном Рыжим, „на Вознесенские денги на казенные на церковные“, у Мартьяна Кириллова сына Волоцкого. Напеч. в „Р. И. Б.“, XII, № 3.

320. 1571 г. марта 5.—„Отступная“ Карпа Иванова сына Сухого Шапки и его жены Анны Алексею Григорьеву сыну Проурдину на часть рассола Климшинской варницы на Великих местах в Неноксе.

321. 1571 г. марта 18.—„Купчая“ на часть деревни с угодьями на Лицкой Двине, купленную Анцыфером Васильевым сыном Кривдиным у Семена Иванова сына Антоманова.

322. 1571 г. июня 2.—Данная („отданная“) Алексея Сидорова сына Омельянова церкви Троицы и великомученицы Варвары Ухтоостровской волости Двинского уезда на пожню „с перелогом“ на Мучострове.

323. 1571 г. июля 27.—„Отпись“ наместника Новгородского князя Петра Даниловича Пронского, Алексея Михайловича Старого и дьяка Семена Федорова сына Мишурина в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Иосифа ямских и приметных денег, денег за городовое и засечное дело, за хлеб, за оброк, за розданные волости, за подьячих, земского дьяка, плотников, кузнецов и проч. с монастырских владений в Обонежской пятине, в Заонежской половине в Егорьевском Толвуйском погосте.—Три печати черного воска, приложенные к отписи.

324. 1571 г. декабря 26.—„Купчая“ на участок дворища „без хоромов“ на Лицкой Двине, проданный Федорой Игнатьевой дочерью Чащиной Осипу Григорьеву сыну Копалному.

325. 1571—72 гг.—„Духовная грамота“ Павла Никитина сына на движимое и недвижимое имущество, деревню и „четверть“ мельницы на реке Ождорме, завещанные разным лицам.—Два става.

326. 1572 г. января 7.—„Отпись“ Агафона Григорьева сына Ивану Григорьеву сыну Нарабалде в уплате данных денег с Яковлевской боярщины Троицкой волости Важского уезда.

327. 1572 г. января 13.—„Отступная“ Зиновия Филимонова сына Рубцова Ивану Филиппову сыну на пожни на Большом острове.

328. 1572 г. сентября 1.—Грамота „с прочетом“ царя Ивана Васильевича на Двину Федору Матвееву сыну Никитину, Василию Дмитриеву сыну Левонтьеву и Левке Пахнутьеву сыну, с Лисеострова об ежегодной выдаче Архангельскому монастырю хлебной руги из запасов, собираемых с крестьян Матигорского стана. — Печать черного воска прикреплена к лицевой стороне грамоты. Два става. Скрепа по ставу дьяка Дружины Володимерова.

329. 1572 г. сентября 20.—„Купчая грамота“ на деревню с угодьями на Чекайбе, Венибе и в других местах, проданную Перфирием Шестаком Дементиевым сыном и Иваном Ивановым сыном Тючкой Леонтию Иванову сыну Мыргайбскому.—Первые две строки наполовину вырваны.

330. 1572 г. декабря 3.—„Отступная“ Ивана Андреева сына Амосова церкви Троицы Унской волости Двинского уезда на долю пожен на Остром наволоке и на Плоском.

331. 1572 г. декабря 17.—„Отступная“ Семена и Селивана Спировых детей Дудышкиных Семену Семенову сыну Попову на пожни на Большом острове, на Сяндевере.

332. 1572—73 г.г.—„Отпись“ Агафона Григорьева сына выборному судье Ермолаю (Ермоле) Иванову сыну и „земскому ходоку“ Ивану Григорьеву сыну Нарабалде в уплате оброка и пошлин с Яковлевской боярщины Троицкой волости Важского уезда.

333. 1573 г. января 1.—„Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Феодорою Михайловой дочерью Кологривовой, женой Гуляя Будаева, Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 195.

334. 1573 г. апреля 16.—„Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Василием Ивановым сыном Кологривовым Николаевскому Корельскому монастырю.—Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 196.

335. 1574 г. апреля 26.—„Данная“ Гаврилы Аникиева сына Омельянова церкви Троицы Ухтоостровской волости Двинского уезда на участок земли под храм великомученицы Варвары и под трапезу.

336. 1574 г. мая 21.—„Правая поклепная“ грамота выборного судьи Петра Иванова сына „с товарищи“ по делу сотского крестьянина Паденгской волости Поспела Васильева сына Анисимова „с товарищи“ и Суландской волости Важского уезда Ивана Григорьева сына Киселя о земле по рекам Суланде и Паденге.—Печать судьи. Восемь ставов. Начало оторвано.

337. 1574 г. июля 8.—Раздельная („дельная грамота“) Василия и Вахрамея Андреевых детей Лыжиных на деревни Важского уезда Троицкой волости Юдинскую и Микулинскую „со всякими запасы“.

338. 1574 г. июля 13.—„Купчая“ на часть сугреба рассола в варнице Костылихе на Смердьих местах в Неноксе с угодьями, проданную Гуляем Стефановым сыном Будаевым и его женой Федорой Михайловой дочерью Кологривовой Мартемьяну Вешняку Еремееву сыну.

339. 1574 г. октября 18.—„Духовная“ Филиппа Ильина сына на „лоскут“ земли, избушку и движимое имущество, завещанное церкви Троицы Ухтоостровской волости Двинского уезда и жене Марине.

340. 1574 г. не ранее ноября 15. — „Закладная“ на пожню на Большом острове, заложенную Чухченемцом Максимом Родионовым сыном Кодаевым Андрею Алексееву сыну Бачурину.

341. 1574 г. декабря 28.—„Отступная“ старца Сергия Алексеева сына и сына его Сувора Трифону Данилову сыну на пожню на Большом острове.

342. 1575 г. января 2.—„Купчая“ на две полутони на морском берегу в Сярзенге и на Новом Взвозе, проданные Иваном Михайловым сыном Кологривовым с сыновьями Стефаном и Василием Борису Архипову сыну Филиксову, „Двинскому переведенцу, Московскому жильцу“.

343. 1575 г. февраля 12.—Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Троицкому Астраханскому монастырю на земли и рыбные ловли по реке Волге, у „синего моря“, и на торговые и судебные льготы. Подтверждения: царя Михаила Федоровича 1621 г. марта 16 и царя Алексея Михайловича 1646 г. января...—Два состава в лист. Спис. конца XVII века. Напеч. в „А. И.“, I, № 193.

344. 1575 г. мая 6.—„Сотная грамота“ из книг „письма и дозору“ Василия Третьякова сына Огалина 7082 г., выданная Варзужанам на их дворы и угодья в Варзужской волости. Подлинная была за подписью дьяка Афанасия Демьянова. — Спис. 1578 г. Семь ставов.

345. 1575 г. июля 4.—„Отступная“ Семена Семенова сына Попова Ивану Филиппову сыну на пожню „с перелогом“ на Большом острове.

346. 1575 г. октября 30.—„Купчая“ на двор, сенные покосы, рыбные ловли и путики на реке Каменке, проданные Каменчанином Тимофеем Михайловым Катарой старцу Кириллова Белозерского монастыря Меркурию.

347. 1575—76 г.г.—„Купчая“ на деревню Волковскую на реке Лямце Каргопольского уезда, проданную братьями Иваном Верещагой и Кононом Кошкой Семеновыми детьми Строевыми Кириллову Белозерскому монастырю.— Спис. XVI в. Напеч. в „Р. И. Б.“, XIV, ст. 277 — 279.

348. 1576 г. марта 9.—„Купчая“ на часть сугреба рассолу в варнице Костылихе на Смердьих местах в Неноксе с угодьями, проданную Григорием Меньшим Михайловым сыном Заверткиным Андрею Семенову сыну Старожилову.

349. 1576 г. мая 9.—„Отпись“ Максима Олферьева сына Горончара Ивану Антипину сыну Шулемину об обязательстве передать ему (Максиму), в случае находки, пропавшую отступную.

350. 1576 г. июня 5. — Раздельная („дельная“) старца Николаевского Корельского монастыря Германа и Ухтостровца Михаила Павлова сына Малого на треть земли на Федорцове острове. — Два состава.

351. 1576 г. июня 6. — „Отступная“ Василия Браги Никифорова сына старцу Николаевского Корельского монастыря Герману на лоскут земли на Федорцове острове, уступленный „по судному списку“.

352. 1576 г. июля 3. — „Память“ Федора Озорного Васильева сына Кондратию и Истоме Михайловым о грамотах, взятых им на собдлюенье.

353. 1576 г. июля 28. — Меновная („менная запись“) на три пожни за рекою Большою Режмою, промененные Андреем Никифоровым сыном Клепашевым старцу Николаевского Корельского монастыря Трифону на пожни на Чаросном зимнике и острове Столетнике.

354. 1576 г. октября 20. — Данная („отданная“) Давыда Григорьева сына Лукина церкви Троицы и великомученицы Варвары Ухтостровской волости Двинского уезда на два „лоскута“ земли за Спирковым и поженку Нижнюю за Курьею.

355. 1576—77 г.г. — Правая грамота дворецкого князя Федора Ивановича Хворостинина по делу Воскресенского Терехова Рязанского монастыря с бортниками села Ижевского о насильственном захвате ими монастырских лугов. — Спис. XVI в. Девять ставов. Имеется второй список той-же грамоты, в нем также девять ставов.

356. 1576—77 г.г. — „Рядная" Екатерины Васильевой дочери Рясиной зятю своему Ивану Васильеву сыну Зыкову и дочери Аксинье на движимое и недвижимое имущество в Бежецком Верху. — Дата в списке указана неправильно: упоминается в № 294. Спис. XVII в.

357. 1577 г. января 2. — „Духовная" Евфимия Зиновьева сына на его движимое и недвижимое имущество, землю на Кузнецове горе, завещанное церкви Троицы Ухтостровской волости Двинского уезда и разным лицам.— Имеется современный список той же духовной.

358. 1577 г. января 10. — Грамота „с прочетом" царя Ивана Васильевича в Поморье, в волость Унбу, даньщику Василию Кисляку и таможникам Грише Дитяткову с товарищами с извещением их о пожаловании Кириллову Белозерскому монастырю земель, угодий и промыслов в устье реки Унбы, с освобождением пожалованного имущества от всякого рода податей. — Три устава. Спис. XVI в. Напеч. в „Доп. къ А. И.", I, № 223.

359. 1577 г. января 29. — Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Кириллову-Белозерскому монастырю о праве беспошлинного провоза всякого рода запасов из монастыря на промыслы на реке Золотице, в Усолье, через Вологду и Каргополь и обратно. — Два устава. Спис. XVI в.

360. 1577 г. апреля 14. — Жалованная тарханная грамота царя Ивана Васильевича Кириллову-Белозерскому монастырю на земли по реке Шексне, пожалованные монастырю, по челобитью игумена Козьмы с братией, для устройства остановки по пути провоза соли из монастырских соляных промыслов на реке Золотице. Подтверждения: царя Бориса Федоровича с сыном царевичем Федором Борисовичем 1599 года августа 5 и царя Федора Алексеевича 1677 года сентября 21. — Четыре устава. Спис. XVII в.

361. 1577 г. октября 24. — Мировая („полюбовная запись") старца Сергия „в строителево старца Кириака и всей братии Корельского монастыря место" Аникию Починкову с товарищами по делу о земельном участке и рыбных ловлях в устье Лявлиной курьи. — Отрывок (конец). Спис. XVII в. Напеч. целиком в „Сборн. грам. Кол. Экон.", I, № 220.

362. 1577 г. октября 28.—Меновная „запись„ на деревню с угодьями и хлебом в Карзине курьи, промененную Онисимом Васильевым сыном, Олферию Агафонову сына Котову на четверть деревни Максимовской с угодьями и хлебом на Лисеострове.

363. 1577 г. декабря 16. — „Отступная" Ульяны Григорьевой дочери, жены Михайла Исакова, Кондратию Михайлову сыну Демидову на половину пожни в Луготине.

364. 1577—78 г.г. — „Данная память“ Юрия Микулина сына Самарина Александрову Свирскому монастырю на пожню Сигобу на реке Свири, в Заостровье. — Спис. XVII в.

365. 1578 г. марта 26. — „Купчая“ на двор и дворище в Ионинской деревне в Яковлькурьи Вознесенского прихода Двинского уезда, проданные Василием Мироновым сыном Ивану Амосову сыну Баранову. — Спис. XVII в.

366. 1578 г. апреля 20. — „Отступная“ Федора Озорного Васильева сына Михайлова дяде своему Кондратию Михайлову сыну Демидову на две „веревных“ сажени в Ложнокурской пожне на Луготинском острове.

367. 1578 г. июля 16. — Грамота царя Ивана Васильевича на Белоозеро Федору Пантелееву о производстве обыска в Белозерском уезде, вокруг пожалованного Кириллову Белозерскому монастырю села Мегры, по челобитью игумена Кузьмы с братией, в виду захвата части пожалованной им земли Белозерскими детьми боярскими, вотчинниками Григорием Гневашевым с братией. — Два става. Спис. XVI в.

368. 1578 г. июля 21. — Меновная („менная“) на пожню Зиновьевскую на Большом острове, промененную Иваном Филипповым сыном Игнатовым Данилу и Моисею Шумиле Филипповым на треть пожни там же.

369. 1578 г. августа 25. — „Купчая“ на участок земли Кузнечевской деревни Загорского стана Двинского уезда, проданный Константином и Самсоном Яковлевыми детьми Бердниковыми Дмитрию Кузьмину сыну, „портному мастеру“.

370. 1578 г. ноября 25. — Поручная („запись“) жильца Тихвинского посада Саввы Мартынова сына Деяничника (?) слуге Успенского Тихвинского монастыря Федору Григорьеву сыну Олферову по Ларионе Иванове сыне из Пярдомли, крестьянине Тимофея Манкошева, в его житье на посаде за Тихвинским монастырем.

371. 1578 г. декабря 1. — Грамота „с прочетом“ царя Ивана Васильевича в Кашин Федору Корсакову об обелении купленного „для монастырского приезду“ в гор. Кашине Кирилловым Белозерским монастырем бывшего черного посадского двора. — Два става. Спис. XVI в.

372. 1579 г. февраля 3. — „Купчая“ на часть Дорофиевской земли со всеми угодьями в Сольвычегодском уезде, проданную Ларионом Алексеевым сыном Кринкиным Вилеженину Якову Ефимову сыну Скулину. — Два става.

373. 1579 г. июня 17. — „Отступная“ Ивана Борисова сына Ильинскому старосте Чухченемской волости Двинского уезда Василию Креке Дементьеву сыну на поле земли „на горке“, на пожню на Большом острове и на два „лоскута“ земли.

374. 1579 г. июля 25. — „Купчая“ на часть сугреба рассолу в варнице на Великих местах в Неноксе с угодьями, проданную Петром Иевлевым сыном Людиным, Глинчанином, Григорью Терентьеву сыну Юрьеву.

375. 1579 г. августа 7. — „Отступная“ Лариона Истомы Савина сына Кондратью Михайлову сыну Демидову на четверть пожни в Луготине в Смердьи куте.

376. 1579 г. сентября 1. — „Положенная“ Марфы и Татьяны Григорьевых дочерей Осиповых церкви святых Ильи пророка и Георгия на „польце“ земли за Поташевым погостом в Чухченемской волости Двинского уезда.

377. 1579 г. сентября 14. — Отступная („купчая“) Евдокима Истомы Остафьева сына Кляпикова Данилу Филиппову сыну Игнатьеву на „лоскут“ земли на Большом острове в Чухченемской волости Двинского уезда.

378. 1579 г. сентября 24. — „Купчая“ на двор и строения в Климантовском приходе на берегу в Вологде, проданные Третьяком Гавриловым, портным мастером, Москвитином, Ивану Дмитриеву сыну Хмелевскому.

379. 1579 г. октября 5. — „Купчая“ на двор с дворовым местом в Лямце Каргопольского уезда, у моря, проданный Иваном Семеновым сыном Строевым Верещагой Кириллову Белозерскому монастырю. — Спис. XVI в. Напеч. в „Р. И. Б.“, XIV, ст. 279—281.

380. 1580 г. августа 25. — „Купчая“ на двор и дворище в Глинском посаде на Двине, проданный Леонтием Ивановым сыном Дубовым, „с Глинок“, Устюжанину Карпу Семенову сыну, серебряннику.

381. 1580 г. ноября 9. — „Купчая“ на часть сугреба рассолу в варнице Рушанихе на Смердьих местах и Неноксе с угодьями, проданную Степаном Григорьевым, Иваном и Федором Семеновыми детьми Кологривовыми Григорию Терентьеву сыну Юрьеву.

382. 1580 г. ноября 22. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Яковым Кокою Ивановым сыном Яковлевым Кологривовым Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 232.

383. 1580 г. декабря 15. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями и на пожни по реке Сале с угодьями, проданные Яковом Ивановым сыном Вепревым Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 234.

384. 1580—81 г.г. — „Розъездная роспись“ приказчика Кириллова-Белозерского монастыря Волока Словенского Андрея Семенова сына и крестьян монастырской деревни Крутицкой и сокольничьих крестьян Ильинской деревни на спорные места в той же волости. — Два става.

385. 1581 г. января 28. — „Данная“ Самойлы, Федора и Осипа Ивановых детей Васильевых церкви Живоначальной Троицы и великомученицы Варвары Ухтоостровской волости Двинского уезда на пожню Черемховую за Нюрдолою.

386. 1581 г. марта 9 — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Фефилатием и Степаном Васильевыми детьми Кологривовыми Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 240.

387. 1581 г. марта 9. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Николаем (Микулой) Исаковым сыном Кологривовым Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 239.

388. 1581 г. марта 16. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Яковом Васильевым сыном Кологривовым Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 241.

389. 1581 г. марта 16. — „Купчая“ на Чигонинский двор с огородом и строениями в Пробойной улице в Неноксе (?), проданный Никитой Федотовым сыном Дубовиком Ивану Непытаю Степанову сыну Кузнецову.

390. 1581 г. апреля 7. — Грамота „с прочетом“ царя Ивана Васильевича на Двину данным старостам Леонтию Губанину и Субботе Бачурину о подтверждении прежней несудимой грамоты Архангельскому монастырю и об освобождении монастыря от участия в мирской раскладке в Неноксе и на Двине. — Печать черного воска хорошей сохранности прикреплена к лицевой стороне грамоты. Три состава. По составам скрепа дьяка Тимофея Федорова.

391. 1581 г. апреля 10. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Леонтием Ивановым сыном Кологривовым старцу Николаевского Корельского монастыря Сергию. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 242.

392. 1581 г. апреля 10. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реках Солзе и Пележме с угодьями, проданную Терентием Григорьевым сыном Кологривовым (старцем Трифоном) и сыном его Иваном старцу Николаевского Корельского монастыря Сергию. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 243.

393. 1581 г. мая 11. — „Отступная“ Василия Иванова сына Большого, с Лодмы, Якиму Тарасьеву сыну на долю рассола в Средней варнице на Долгих Желобах в Уне.

394. 1581 г. мая 14. — Отступная („ступная“) Семена Семенова сына Попова Василию и Креке Дементьевым детям Лавровым на „лоскут“ земли у Поташева погоста в Чухченемской волости Двинского уезда.

395. 1581 г. сентября 28. — Отпись дьяков Ильи Осеева и Третьяка Репьева в получении от старца Николаевского Вяжицкого монастыря Феогнаста денег за „недоводных“ посошных с монастырских вотчин в Егорьевском Толвуйском и в Воронежском погостах Обонежской пятины.

396. 1581 г. октября 27. — „Отступная“ Евфросиньи Еремеевой дочери жены Афанасия Емельянова, церкви Живоначальной Троицы и великомученицы Варвары Ухтоостровской волости Двинского уезда на две доли двора с угодьями, и данная Настасьи Яковлевой дочери на третью долю того же двора.

397. 1581 г. декабря 29. — „Отводная и отданный список“ старца Кирилла Жевлякова Кириллову-Белозерскому монастырю на двор на Белоозере, на посаде.—Четыре става. Спис. XVI в.

398. 1581—82 г.г. — „Купчая“ на амбар в Твери на берегу реки Волги, проданный Тверским „веденцем“, Московским жильцом Яковом Кузьминым сыном Сецакиным Ивану Васильеву сыну Корове-Соленику. — Спис. XVI в.

399. Не ранее 1581—82 г.г. — Выпись из писцовых книг Шелонской пятины Леонтия Аксакова на земли Николаевского Вяжицкого монастыря в Ширском погосте. — Два става. Спис. XVII в.

400. Не ранее 1581 — 82 г.г. — Выпись из писцовых книг Бежецкой пятины Белозерской половины князя Василия Звенигородского на поместные земли в Яковлевской волостке Егорьевского Минецкого погоста.— Спис. XVII—XVIII в.в.

401. Не ранее 1581 — 82 г.г. — Выпись из писцовых книг Бежецкой пятины князя Василия Звенигородского на земли и деревни в Егорьевском, Михайловском и Никольском погостах. — Спис. XVII—XVIII в.в.

402. Не ранее 1581—82 г.г. — Выпись из писцовых книг Шелонской пятины Леонтия Аксакова на монастырские строения, деревню Подледье и рыбную ловлю на озере Сябре Спасского Сяберского монастыря в Бельском погосте. — Два става. Спис. XVII в.

403. Не ранее 1581—82 г.г. — Выпись из писцовых книг Нагорной половины Обонежской пятины Андрея Плещеева на пустоши Антониева Дымского монастыря в Антониевском погосте на Дымех.—Три става.

404. 1582 г. марта 13. — „Купчая“ на двор с хоромным строением у Климента святого в Вологде, проданный Вологжанином „с посаду“ Вутехием Алексеевым сыном Колобовым Поздею Григорьеву сыну.

405. 1582 г. ранее июня 14.—Челобитная игумена Успенского Тихвинского монастыря Иосифа с братией царю Ивану Васильевичу о выдаче монастырю грамоты на право внесения оброка с тони Ляхово в Обонежской пятине, в Троицком погосте на реке Волхове, вместе с „обежными“ деньгами.

406. 1582 г. июня 14. — „Грамота“ государева дьяка Семена Косткина игумену Успенского Тихвинского монастыря Иосифу с братией об уплате оброка с тони Ляховой на реке Волхове в Обонежской пятине вместе с „обежными деньгами“. — Черновик (писан дьяком Семеном Косткиным).

407. 1582 г. августа 22. — Мировая („отпись“) Авраама Раха Иванова сына Гомзякова старцу Николаевского Корельского монастыря Сергию по

делу об островках Осиновом и Глушицком. — Ср. противень этой мировой в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 261.

408. 1582 г. октября 20. — „Мировая запись“ Девятого и Ивана Сергеевых детей Григорию Петрову сыну Конопле по делу об Ерефинской деревне Важского уезда.

409. 1582 г. декабря 11. — „Отпись“ Ивана Григорьева сына Нарабалды Леонтию Фомину сыну и Филимону Афанасьеву сыну в деньгах, взятых за понесенные им убытки „в земном деле“ с Афанасием Владимировым „с товарыщи“.

410. 1582—83 г.г. — „Поручная запись“ Леонтия Григорьева сына Костылева, Ивана Васильева сына и Леонтия Михайлова сына Стухина старосте Юрию Павлову сыну, сотским и „всемъ хрестьяном“ Ровдинской волости Важского уезда по Иване Федорове сыне Лыкове в житье его в пустой деревне на реке Пуе.

411. Не ранее 1582—83 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Плещеева на поместные земли Богдана Федорова сына Забелина в Михайловском Черном погосте. — Спис. XVII—XVIII в.в.

412. Не ранее 1582—83 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Плещеева и подьячего Семейки Кузмина на вотчину Успенского Тихвинского монастыря в Пречистенском Тихвинском погосте. — Пять ставов. Спис. XVII в.

413. Не ранее 1582—83 г.г. — Выписка из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Плещеева на земли в Воскресенском погосте в Лучанех. — Четыре става. Спис. XVII в.

414. Не ранее 1582—83 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Плещеева и подьячего Семейки Кузмина на земли церкви пророка Ильи в Ильинском Сяськом погосте. — Спис. XVIII в.

415. Не ранее 1582—83 г.г. — Выписка из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Лихачева (7072 г.) и Андрея Плещеева 7091 г. на вотчину Николаевского Беседного монастыря в Тихвинском погосте. — Два става. Левый верхний угол оторван. Спис. XVII в.

416. Не ранее 1582—83 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Плещеева на поместные земли в Никольском погосте в Дреглех. Спис. XVII—XVIII в.в.

417. Не ранее 1582—83 г.г. — Выписка из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Плещеева на владения Троицкого Ругойского монастыря в Воскресенском погосте в Липне. — Спис. второй половины XVIII в.

418. Не ранее 1582—83 г.г. — Выпись из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Плещеева на поместья разных лиц в Егорьевском Кожельском погосте. Спис. XVII в.

419. Не ранее 1582—83 г. г. — Выпись из писцовых книг Бежецкой пятины Белозерской половины князя Василия Звенигородского на деревни Софоново, Остров и Веретею в Михайловском Березуи Радонецком погосте, бывшем в поместье за Петром, Степаном и Воином Васильевыми детьми Теглевыми и Захаром Никитиным сыном Козминым. — Спис. XVIII в.

420. Не ранее 1582—83 г. г. — Выписка из писцовых книг Бежецкой пятины Белозерской половины и Обонежской пятины Нагорной половины писцов: князя Василия Звенигородского 7090 г. и Андрея Плещеева 7091 г. на поместья Ждана Григорьева сына Путилова и Ивана Федорова сына Ушакова в Егорьевском Минецком погосте и поместье Андрея Михайлова сына Скрыпицина в Никольском погосте в Дреглех. — Спис. XVII в.

421. 1583 г. марта 18. — Грамота царя Ивана Васильевича в Галич городовому приказчику Михаилу Гореву о производстве обыска, по челобитью игумена Авраамиева Галицкого монастыря Тихона с братией, по делу о попытке Галичан посадских людей обложить податями отданный в монастырь вкладом нетяглый двор Федора Френева в Галиче и о присылке обыскных речей по этому делу в Москву в „Городовой приказ". — Спис. XVI в.

422. 1583 г. мая 13. — Отпись дьяка Семена Косткина в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Корнилия денег за государево сено.

423. 1583 г. мая 29. — Отпись дьяка Семена Косткина в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Корнилия ямских и приметных денег „и всяких государевых податей".

424. 1583 г. июня 26. — Отпись „государева посланника" Семейки Шатилова в получении от игумена Николаевского Вяжицкого монастыря Ионы денег „к государевым к прежним к розводным деньгам". — Печ.

425. 1583 г. июля 2. — Отпись емчужного мастера Григория Степанова и целовальника Федота Климентьева „с товарищами" в получении от слуги Николаевского Вяжицкого монастыря Варфоломея Иванова с монастырского подворья в Новгороде тридцати четвертей земли и денег за дрова и „на котельную поделку".

426. 1583 г. октября 16. — Отпись дьяка Семена Косткина в получении от старца Николаевского Вяжицкого монастыря Иосифа оброка и пошлин с монастырских пожен.

427. 1583 г. октября 30. — Отпись емчужного мастера Григория Степанова и целовальника Ивана Иванова сына Лучника „с товарищами" в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Иосифа с трех дворов в Новгороде по пятнадцати четвертей земли и денег на дрова и „на котельную поделку и на всякий амбарный расход".

428. 1583 г. ноября 16. — Отпись емчужного мастера Григория Степанова и целовальника Василия Мануйлова „с товарищами" в получении

от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Иосифа с монастырских вотчин в Вотской пятине в Иванском Заверяжском и Кречневском погостах по пятнадцати четвертей земли и денег на дрова и „на котельную поделку и на всякий амбарный расход".

429. 1583 г. ноября 20. — Отпись денежных сборщиков Ждана Медведева, Павла Васильева и Зверя Брюхова в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря старца Иосифа с монастырской земли в Вотской пятине в Заверяжском погосте ямских и приметных денег.

430. 1583 г. ноября 25. — Отпись („память") подьячего Докучая Дмитриева и Федора Бирюлева в получении ими от Успенского Тихвинского монастыря оброка и пошлин с рыбных ловель по реке Волхову.

431. 1583—84 г. г. — Память об отводе Троицкому Ругойскому монастырю земель, принадлежавших Нецветаю Власьеву сыну и другим лицам. — Копия с копии второй половины XVIII в.

432. 1584 г. февраля 11. — Отпись дьяка Семена Косткина в получении от келаря Николаевского Вяжицкого монастыря Макария с монастырской вотчины полоняничных денег.

433. 1584 г. февраля... — Отпись дьяка Семена Косткина в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Иосифа с монастырской вотчины в Обонежской пятине в Заонежской половине в Егорьевском Толвуйском погосте ямских и приметных денег и всяких податей.

434. 1584 г. марта 9. — Отпись дьяка Семена Косткина в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Иосифа, казначея Колмова монастыря Корнилия и Собины Огапитова, с монастырских и помещичьих земель в Обонежской пятине Заонежской половине, по реке Волхову в Воронежском погосте, ямских и приметных денег и всяких государевых податей.

435. 1583 г. марта 11. — Меновная („менная") на долю двора с угодьями и землями на Лембиеве, промененные Стефаном Яковлевым сыном Зубовым Тимофею Меньшику на двор со всеми угодьями на реке Мудьюге в Каргопольском уезде. — Начало утеряно.

436. 1584 г. апреля 6. — Отпись мерщиков Степана Дедова и Воина Веревкина в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Иосифа сошного хлеба, ржи и овса в государевы житницы.

437. 1584 г. августа 19. — „Купчая" на половину тонь Пустошки и Лодейной и четверть тони Спорницы на Летней стороне в Двинском уезде, проданные Федосьей Григорьевой дочерью, женой Ивана Воронцова, „человеку" Михайлы Леонтьева сына Кобелева Семену Федорову сыну.

438. 1584 г. не ранее сентября 1. — „Выпись из наказу" о собирании сведений о Двинских владениях монастырей: Троицкого Сергиева, Кириллова Белозерского, Соловецкого, Антониева Сийского, Николаевского Корельского, Спасо-Прилуцкого, Архангельского „и иных монастырей на Двине", а равно о владениях Вологжан Федора и Михаила Кобелевых на Двине-

же, о количестве освоенных названными учреждениями и лицами черных волостных земель, промыслов и угодий, о числе „заложившихся“ за них волостных людей, с выяснением вопроса об уплате монастырями податей с захваченных ими земель, промыслов, торгов и т. п. — Два става. Спис. XVI в.

439. 1584 г. не ранее сентября 1. — „Снимок с речей.... что говорили Ненокшане в обыску про монастыри“ и Кобелевых соответственно требованиям указанного выше „наказа“ (см. № 438).

440. 1584 г. октября 6. — Отступная („купчая“) Гаврилы Васильева сына Ошуркова Ивану Антипину сыну Шулемеину на землю с двором и дворищем и со всеми угодьи на Лисеострове в Карзине курьи Двинского уезда.

441. 1584 г. октября 11. — Грамота „с прочетом“ царя Федора Ивановича на Белоозеро городовому приказчику Добрыне Толмачеву, данная по челобитью игумена Кириллова Белозерского монастыря Варлаама с братией, о подтверждении прежних жалованных грамот, предоставляющих монастырю право платить все причитающиеся с монастырских крестьян подати непосредственно в Москве, не допуская в монастырские вотчины никаких государевых денежных сборщиков. Подтверждение царя Бориса Федоровича 31 января 1601 г. — Два става. Спис. (заверенный) XVII в.

442. 1584 г. ноября 12. — „Данная“ Ненокшанина Филиппа Онтуфьева сына Некрасова Николаевскому Корельскому монастырю на долю в четырех тонях на Летней стороне на морском берегу и на десять мер ржи.

443. 1584 г. ноября 17. — Данная („вкладная“) Ненокшанина Бориса Архипова сына Филиксова, Московского жильца Устюжской сотни, Николаевскому Корельскому монастырю на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, на тони на Ненокоцком берегу и пожни на реке Верхней.

444. 1584 г. декабря 9. — Отпись дьяка Василия Колударова в получении от казначея Николаевского Вяжицкого монастыря Никифора „пожененного оброка“ с пожен по реке Мсте и в других местах.

445. Не ранее 1584 — 85 г. г. — Выпись из „езовых“ книг письма и дозору Андрея Салтыкова о количестве оброка и пошлин, уплачиваемых Кирилловым Белозерским монастырем за рыбную ловлю в озере Уломском. — Спис. XVII в.

446. 1584 — 1598 г. г. — Наказ неизвестному лицу, отправленному Новгородским воеводою кн. Петром Семеновичем Лобановым-Ростовским с целью взять на поруки Семена Береснева из дер. Меляково и Кирилловского конюха Матвея. — Черновик. Без начала и конца.

447. 1584 — 1598 г. г. — Дело Новгородской приказной палаты по вопросу, возбужденному Новгородцем Василием Кирилловым, кожевником, о разрешении ему вновь поселиться на старом месте, на Никольской улице, покинутом им в прежние годы и занятом в его отсутствие Новгородцем Никифором Фоминым, кожевником. — Сохранилось 28 отрывков дела.

448. 1585 г. января 16. — „Мировая запись“ выборных властей и всех „христиан“ Ненокоцкого посада и старцов Кириллова Белозерского монастыря Исаии и Феодорита по делу о платеже Кирилловым Белозерским монастырем государевых податей и земских розметов с черных монастырских промыслов в Неноксе за предыдущие три года и на будущее время. — Спис. XVI в.

449. 1585 г. февраля 12. — „Купчая“ на долю в варнице на реке Уне на Долгих Жолобах, проданную Андреем Антоновым сыном брату своему Ивану Патрикееву сыну.

450. 1585 г. февраля 26. — Грамота царя Федора Ивановича Александрову Свирскому монастырю, игумену Дионисию с братией, о пожаловании им места под двор в Новгороде, на Торговой стороне, у церкви Жен Мироносиц. — Четыре листа. Спис. XVIII в.

451. 1585 г. мая 5. — „Отдельные книги“ губных старост Ивана Змеева и Богдана Мартьянова на пустые деревни в Обонежской пятине, в Нагорной половине, в Егорьевском Кожельском погосте, отданные в поместье Ивану Иванову сыну Котову.

452. 1585 г. августа 10. — „Отступная“ Федота Иванова сына Микулина Давыду, Григорию и Симону Михайловым детям Ковлевым на половину пожни за Нюрдолою.

453. 1585 г. августа 15. — „Отступная“ Семена и Авраама Максимовых детей Кодаевых Тимофею и Абросиму Андреевым детям Бачуриным на пожни на Большом острове в Чухченемской волости Двинского уезда.

454. 1585 г. декабря 3. — „Отступная“ Ухтостровцев Абросима и Тимофея Андреевых детей Бачуриных Диомиду Прокофьеву сыну Шилову на пожни на Большом острове в Чухченемской волости Двинского уезда.

455. 1585 г. декабря 17. — Отпись приказчика Ненокоцкого промысла Соловецкого монастыря старца Созонта старцам Кириллова Белозерского монастыря Исаии и Феодориту в принятии от них на хранение государевой грамоты „о отставке шестые варницы Костромитина Ширяя Кусилова“ в Неноксе, с обязательством возвратить означенную грамоту Кирилловским старцам по первому их требованию.

456. 1585 г. декабря 23. — Грамота царя Федора Ивановича в Каргополь боярину и наместнику князю Василию Федоровичу Скопину-Шуйскому, по челобитью игумена Кириллова Белозерского монастыря Варлаама с братиею, о том, чтобы Каргопольские таможники брали пошлины с провозимой и покупаемой Кирилловым монастырем соли на свой обиход в уменьшенном размере, согласно Каргопольской уставной и монастырской жалованной грамотам. — Два става. Спис. XVI в.

457. 1585 — 86 г.г. — Выпись из книг Белозерских писцов князя Федора Борисовича Жирового-Засекина и подьячих Семейки Филиппова и Степана Федорова на монастырь на устье реки Курьюги, притоке реки Ковжи, в Бадожской волости Белозерского уезда. — Спис. XVI в.

458. 1585 — 86 г.г. — Сотная из писцовых книг Ивана Григорьевича Огарева и подьячего Филиппа Юрьева на город Яренск с уездом. — Печать писца И. Г. Огарева. Начало оборвано, сохранилось 14 ставов в лист.

459. 1586 г. января 4. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Иваном и Моисеем Яковлевыми детьми Кологривовыми Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 291.

460. 1586 г. февраля 2. — Челобитная Дмитрия Ермолина сына царю Федору Ивановичу о неотдаче ему Василием Федоровым сыном Сундуковым его доли от торговли в Вологде мягким товаром и воском. На обороте отрывок (конец) распросных речей истца и ответчика по делу о неотданных деньгах и записка о состоявшемся „мире“ между ними перед выборными судьями.

461. 1586 г. марта 6. — Поручная „запись“ просольных рыбников Поздника Ульянова сына, Третьяка Васильева сына Сереберцова и Сухана Платанова сына, „корыстного купчины“ Григория Андреева сына, барышника Дмитрия Игнатьева сына, извощика Ивана Федорова сына, извощика Ивана Лодыги Федорова сына, конских барышников Степана Потафьева сына Ярцова и Богдана Степанова сына по Григорие Июдине сыне в том, чтобы жить ему в своем старом дворе в Новгороде и платить государево тягло. — Края грамоты повреждены.

462. 1586 г. марта 8. — Поручная „запись“ кожевников Кузьмы Иванова сына и Максима Кузмина сына, огородников Самойлы Федорова сына и Григория Федорова сына, колпачника Семена Иванова сына, кузнеца Ивана Дмитриева сына, просольного рыбника Захария Кузмина сына по Иване Васильеве сыне Попыткине в том, чтобы жить ему в Новгороде, „в старом дворе на Петровской улице в кожевне“. — Грамота повреждена в середине.

463. 1586 г. июня 8. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную Матигорцом Семеном Матвеевым сыном Никитиным Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 295.

464. 1586 г. июня 29. — Отпись Ивана Григорьева сына Нарабалды Самойлу Леонтьеву сыну и Филимону Афанасьеву в том, что им дозволено „своя выть ставить“ в деревнях Шалигинской и Кривошеинской Важского уезда.

465. 1586 г. сентября 25. — Распросные речи, перед старостою церковным Жданом Степановым с товарищами, волостных людей Троицкого прихода Важского уезда по делу об убитой корове Моисея Аксентьева сына. — Конец утерян.

466. 1586 г. декабря 1. — Отпись Михаила Никифорова сына Троинина Самсону Васильеву сыну Брагину о взятии у него купчей на деревню на Рембуеве горе Двинского уезда.

467. 1587 г. января 25. — Отпись дьяка Никиты Румяного в получении от Федоровского Переславского монастыря ямских и полоняничных денег.

468. 1587 г. января... — 1589 г. мая... — Благословенная грамота Ростовского, Ярославского и Устюжского архиепископа Варлаама Устюжскому соборному протопопу Константину с братиею на построение нового храма во имя архидиакона Стефана. — Печать попорчена. Конец утрачен.

469. 1587 г. февраля 10. — Обыскные „речи“ священника Лукьяна Исакиева сына, волостных людей и всех крестьян Иванского Волского погоста Бежецкой пятины о детях боярских недорослях, живущих на отцовских поместьях в названном погосте.

470. 1587 г. февраля 12. — „Обыскные речи“ старост, целовальников и волостных людей Воскресенского погоста Бежецкой пятины Белозерской половины о детях боярских и недорослях, живущих в отцовских поместьях в названном погосте и не несущих государевой службы.

471. 1587 г. июня 7. — Отступная („купчая“) Кузьмы Григорьева сына Тулутьина Терентию Андрееву сыну и Мартемьяну Иванову сыну на половину деревни в Ождорме.

472. 1587 г. сентября 14. — „Память“ старосте Подюских волостей Ивану Герасимову сыну, старосте Тавренской волости Климу Иванову сыну Частикову и Хмельницкому старосте Григорию Павлову сыну Черному о взимании с Панкратовской пустоши, в случае нахождения на нее жильца, дани, оброка и всяких государевых податей.

473. 1587 — 88 г.г. — „Выпись“ из Двинскихъ писцовыхъ книгъ князя Василья Звенигородксого и подьячихъ Рахманина Воронова и Степана Федорова“ („сотная грамота“) на владения Николаевского Корельского монастыря в Двинском уезде. — Три става, в лист. За подписью и скрепою по листам дьяка Андрея Щелкалова.

474. 1588 г. января 3. — Меновная („менная“) на перелог Казинской деревни на Большом острове в Чухченемской волости Двинского уезда, промененный сотником Бышею Алимпьевым сыном и крестьянами Чухченемской волости Никите Булану Фаддееву сыну на перелог на Волкове веретее на том же острове.

475. 1588 г. марта 5. — „Купчая“ на долю в рыбной ловле в реке Солзе с угодьями, проданную крестьянами Борисоглебского прихода Матигорской волости Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVI в. Напеч. в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 315.

476. 1588 г. июня 20. — Жалованная несудимая грамота царя Федора Ивановича Воскресенскому Терехову монастырю на земли в Рязанском и Мещерском уездах, данная в подтверждение утраченной монастырем грамоты великого князя Василия Ивановича. — Два става. Спис. XVII в. Напеч. в „А.А.Э.“, I, № 386.

477. 1588 г. сентября 17. — „Мировая“ Троицкого церковного старосты Федора Зиновьева сына „с товарищи“ и Первого Оксентьева сына Девятого с братьями и складниками по делу о „поженной земле“ в Троицкой волости Важского уезда. — Два става.

478. 1588 г. октября 21. — Отступная („купчая“) Лисеостровца-Карзинца Агапита Давыдова сына Горончарова Григорию Сидорову сыну, с Ладина берега из Заостровья, на „три веревки земли с четвертью“, с двором и с угодьями на Лисеострове в Карзине курьи в Двинском уезде.

479. 1588 г. октября 22. — „Ввозная грамота“, данная в Великом Новгороде дьяками Андреем Арцыбашевым и Семейкой Емельяновым, на деревни в Ильинском и Никольском погостах Водской пятины, отведенные в поместье Смирному Юрьеву сыну Баландину, вместо прежнего помещика Ивана Сабурова. — Две малые черновосковые печати дьяков Арцыбашева и Емельянова. Напеч. в „А.Ю.Б.“, I, № 29, I.

480. 1588 г. ноября 1. — „Выпись из земских книг“ на пустое место на берегу реки Волги, на Загородском посаде, отведенное Тверскими городовыми старостами Иваном Григорьевым сыном Репьевым и Миней Ивановым сыном Горютинским Кириллову Белозерскому монастырю. — Спис. XVI в.

481. 1588 г. декабря 22. — Жалованная грамота царя Федора Ивановича Троицкому Астраханскому монастырю, данная в подтверждение прежней грамоты царя Ивана Васильевича, о пожаловании вновь денежной и хлебной руги, но с некоторыми ограничениями торговой деятельности монастыря. Подтверждения: царя Михаила Федоровича 1615 г. сентября 25, царя Алексея Михайловича 1646 г. января... и царя Федора Алексеевича 1677 г. апреля 5. — Вислая государственная печать красного воска, сохранившаяся на половину. Один лист. Напеч. в „А.И.“, I, № 223.

482. 1588 — 89 г.г. — „Купчая“ на двор в Твери, проданный Тверитином посадским человеком Левкой Абрамовым сыном Игольником Кириллову Белозерскому монастырю. — Спис. XVI в.

483. 1588 — 89 г.г. — Запись Тверитина портного мастера Якова Омельянова сына Кириллову Белозерскому монастырю об обязательстве его быть сторожем при монастырских амбарах в Твери, согласно приказу воеводы князя Меркулья Александровича Щербатова и согласно отдаче посадским старостой Иваном Григорьевым сыном Репьевым его, Якова, „из сотни“ в названный монастырь вместе с принадлежащим ему в Твери двором. — Спис. XVI в.

484. 1588 — 89 г.г. — Запись Тверичей Никиты Степанова сына Дрягина и Ивана Иванова сына Кириллову Белозерскому монастырю об обязательстве их быть монастырскими дворниками в Твери, согласно государевой грамоте и отдаче их воеводой князем Меркулом Александровичем Щербатовым названному монастырю вместе с принадлежащими им в Твери дворами. — Спис. XVI в.

485. 1589 г. февраля 3. — „Оброчная грамота“ подьячего Вахромея Воронина, по государеву наказу, Низовским крестьянам с Вагина острова Максиму Митрофанову, Ондрону Фатьянову и Офонасью Дементьеву на сенные покосы на острове Коневце. — Спис. XVII в.

486. 1589 г. марта 8. — „Купчая“ на пожни в Унской губе в Кирвасове, проданные Федором Филипповым сыном Бояриновым Николаевскому Корельскому монастырю. — Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 324.

487. 1589 г. марта 26. — „Купчая“ на пожни в реке Кирвасове, проданные Марком Калининым сыном Меньшому Родионову сыну Черноскулову.

488. 1589 г. мая 21. — Грамота „с прочетом“ царя Федора Ивановича на Колмогоры таможенному целовальнику Дмитрию Тиханову с товарищами о взимании половинной проезжей пошлины с 6000 пудов соли, провозимых Спасо-Прилуцким монастырем из Унского усолья через Колмогоры в монастырь. — Приложена черновосковая печать. Два состава.

489. 1589 г. июня 13. — „Купчая“ на пожни в реке Кирвасове с угодьями, проданные Марьей Ермолиной дочерью Калининой, женой Якова Лукьянова, Меньшому Родионову сыну Черноскулову.

490. 1589 г. июня 24. — Раздельная („дельная“) старца Николаевского Корельского монастыря Феодосия и Кяростровца Григория Васильева сына на орамые земли и пожни на Рикасихе.

491. 1589 г. ноября 29. — „Платежная отпись“ Ненокоцкого посадского данного старосты Епифана Нечаева сына Парасковьина в получении им в Неноксе от церковного дьячка Ненокоцкого посада Патрикея Петрова денежных доходов и пошлин с владений Николаевского Корельского, Архангельского, Кириллова Белозерского и Соловецкого монастырей. — Спис. XVI в.

492. 1589—90 г.г. — Купчая „запись“ на половину дер. Селющи и половину пустоши Жарок Кашинского уезда, проданных Будиславом Посниковым сыном Едигеевым Неупокою Иванову сыну Тверкову. — Спис. XVII в.

493. 1589—90 г.г. — „Данная память“ Якова Степанова сына Вындомского Александрову Свирскому монастырю, игумену Дионисию с братией, на пожню на Максаре на реке Свири. — Спис. XVII в.

494. 1589—90 г.г. — Грамотка Якова Вындомского игумену Александрова Свирского монастыря Дионисию с братией о поминании преставившейся его „матушки“ Матрены. — Спис. XVII в.

495. 1589—95 г.г. — Отписка игумена Кириллова Белозерского монастыря Марка с братией митрополиту Ростовскому и Ярославскому Варлааму с сообщением о непослушании стариц Воскресенского Горицкого монастыря митрополичьей грамоте об обратном принятии в названный монастырь старицы Евпраксии и о нежелании названных стариц подчиняться впредь митрополиту, так как по заявлению самовольно отказывающейся от игуменства игуменьи Дарьи (бывшей царицы, жены Ивана Грозного) Горицкий мона-

стырь должен перейти в непосредственное ведение царя и патриарха.— Черновик. Став частично поврежден.

496. 1590 г. февраля 8. — „Жалованная грамота“ патриарха Иова Благовещенскому Нижегородскому и Царево-Константиновскому Владимирскому монастырю, архимандриту Иосифу с братиею, о повинностях монастырских крестьян. — Обломок красновосковой печати на шелковом шнурке. Отрывок без начала, правый край грамоты оборван во всю длину. Напеч. у Иванова, „Опис. Госуд. архива стар. дѣлъ“, М. 1850, с. 237.

497. 1590 г. апреля 3. — „Правая“ грамота выборного судьи Подвинского стана Важского уезда Богдана Поткина „с товарищи“ по делу Самойлы Леонтьева и Филимона Афанасьева с Семеном Обросимовым („Обросовым“) сыном и Меншиком Гавриловым сыном о спорной земле Троицкого острова в Троицкой волости Важского уезда. — Остатки печати. Восемь ставов.

498. 1590 г. апреля 7. — „Порядная запись“ Ивана Федотова сына Боранова, из Зворыкова, Спасскому церковному прикащику Елисею Рюме Яковлеву сыну Охлупнину на половину Спасской деревни в Зворыкове в Вознесенском приходе Двинского уезда.

499. 1590 г. апреля 8. — „Порядная запись“ Григория Дурносопова и детей его Микулы и Фомы Спасскому церковному прикащику Елисею Рюме Яковлеву сыну Охлупнину на половину Тимохновской деревни на Косткове горе в Койдокурской волости Двинского уезда. — Два става.

500. 1590 г. апреля 8. — „Порядная запись“ Леонтия Аксентиева сына Ершова, с Софушкина, Спасскому церковному прикащику Елисею Рюме Яковлеву сыну Охлупнину на часть Софушкинской деревни в Двинском уезде. — Два става.

501. 1590 г. апреля 8. — „Порядная запись“ Данилы Артемьева сына Горбатого, с Софушкина, Спасскому церковному прикащику Елисею Рюме Яковлеву сыну Охлупнину на часть Софушкинской деревни в Двинском уезде. — Два става.

502. 1590 г. апреля 8. — „Порядная запись“ Михаилы Онтоманова сына Лебедева, Кехтянина, Спасскому церковному прикащику Елисею Рюме Яковлеву сыну Охлупнину на часть Спасской подлешей деревни в Кехти в Двинском уезде. — Три става.

503. 1590 г. апреля 9. — „Порядная запись“ Севастьяна и Якова Панфиловых детей Корякиных, Ухтоостровской волости, Спасскому церковному прикащику Елисею Рюме Яковлеву сыну Охлупнину на Спасскую деревню Лушевскую на Ухтоострове Двинского уезда. — Два става.

504. 1590 г. апреля 11. — „Купчая“ на полосу земли во дворе и в огороде, проданную Вологжанином Лукою Никифоровым сыном Хлебником, по прозвищу Малым, Поздею Григорьеву сыну.

505. 1590 г. апреля 13. — „Порядная запись“ Дементия Михайлова сына Попова, из Лявли, Спасскому церковному прикащику Елисею Рюме

Яковлеву сыну Охлупнину на Спасскую деревню Ивановскую Федосеева в Лявле в Двинском уезде.

506. 1590 г. апреля 16. — „Порядная запись“ Якова Васильева сына Большакова Спасскому церковному прикащику Елисею Рюме Яковлеву сыну Охлупнину на Спасскую Елозовскую деревню в Двинском уезде.

507. 1590 г. мая 13. — „Порядная запись“ Юрия Матфеева сына Дурносопова и сына его Ильи, Костогорцев, Спасскому церковному прикащику Елисею Рюме Яковлеву сыну Охлупнину на половину Спасской Тимохновской деревни на Косткове горе в Койдокурской волости Двинского уезда.— Два состава.

508. 1590 г. мая 23. — „Мировая запись“ Олфера и Семена Семеновых детей, Василия и Вахрамея Андреевых детей и др. и Саввы и Григория Назаровых детей и Осипа Петрова сына по делу о Волоковом наволоке в Тавренской волости. — Список („сняток“) XVI в.

509. 1590 г. мая 30. — „Купчая“ на пожни по реке Кирвасове, проданные Иваном Ивановым сыном Коровиным Селянину и Владимиру Федоровым детям Куколкиным.

510. 1590 г. июня 11. — Отпись дьяков Андрея Арцыбашева и Семейки Емельянова в получении ими для государевой казны оброка и пошлин с рыбных ловель Успенского Тихвинского монастыря в Вотской пятине в Ладожском присуде.

511. 1590 г. августа 15. — „Отпись“ земского старосты Кегрольского стана Двинского уезда Федора Иванова сына Ванютина „земскому человеку“ Семену Емельянову сыну Чемакину в получении от него 43 рублей.

512. 1590 г. октября 13. — „Купчая“ на двор, дворище и огородец со всеми хоромами на Глинском посаде на Гостином берегу, проданные Антониною Григорьевою дочерью, Дмитриевой женой Козьмина сына, с детьми Матвеем и Василием Осифу Никифорову сыну Передерне.

513. 1590 г. октября 14. — Данная („купчая“) Анны Михайловой дочери, жены Мелентия Истомы Макарова, и сыновей ее Степана, прозвищем Томилы, и Филиппа Мелентьевых детей Кириллову Белозерскому монастырю на двор в Твери. — Спис. XVI в.

514. 1590 г. ноября 8. — „Купчая“ на часть сугреба рассолу в Новой варнице на Великих местах в Неноксе, проданную Фефилактом Васильевым сыном Кологривовым и женою его Федосьей Михайловой дочерью Заверткиной Степану Васильеву сыну Кологривову.

515. 1590 г. декабря 10. — „Купчая“ на поженку на реке Верхней, „на волочке“, проданную Иваном Федоровым сыном Бурмакиным Леонтью Иванову сыну Кологривову.

516. 1590—91 г.г. — „Купчая“ на двор и землю с угодьями в Двиницкой деревне Кеврольского стана Двинского уезда, проданные Авдотьей Васильевой дочерью и мужем ее Дементием Васильевым сыном Семену Омельянову сыну.

517. 1590—91 г.г. — Наказ царя Федора Ивановича боярину князю Ивану Васильевичу Сицкому с товарищами при назначении его Астраханским воеводой вместо боярина князя Федора Михайловича Троекурова с товарищами. — Документ ветхий; начало и конец утрачены, недостает также и многих средних ставов, сохранилось сорок два става.

518. 1591 г. февраля 12. — „Духовная" Мокея Иванова сына Бакова на движимое и недвижимое имущество в Глухом погосте Чухченемской волости Двинского уезда, завещанное жене Устинье и церкви Ильи пророка.

519. 1591 г. апреля 3. — Грамота царя Федора Ивановича на Двину данному старосте Федору Матфееву с товарищами об уплате податей крестьянином Харкой, живущим в церковной Никольской (Паниловской волости) деревне в Быстрокурской волости, вместе с другими Никольскими крестьянами. — Печать утеряна. Два става.

520. 1591 г. июня 4. — Раздельная („деловая запись") Кирилла Афанасьева сына Лихачева и Успенского Тихвинского монастыря на пашенную и луговую землю в деревне Горки в Воскресенском погосте в Липне. — Два става. Спис. XVII в.; имеется два других списка того же акта XVII в. и второй половины XVIII века на двух листах.

521. 1591 г. июля 2. — „Закладная кабала" на половину пожни Лобизихи в Юрольском наволоке, заложенную Яковом Лобаном Савельевым сыном Константину Парфеньеву сыну.

522. 1591 г. августа 4. — Отпись дьяка Семейки Емельянова в получении им для государевой казны от Успенского Тихвинского монастыря с тони Шишковой в Вотской пятине в Ладожском присуде на Волхове оброка и пошлин.

523. 1591 г. ноября 2. — Грамота царя Федора Ивановича на Белоозеро Ивану Алексеевичу Шетневу о размежевании земель крестьян государевых черных волостей Кинжезерской и Кивозерской от земель села Кивуя Кириллова Белозерского монастыря и о производстве старостой Фефилкой Васильевым с товарищами суда над крестьянами черных волостей, учинивших насилие и грабеж над монастырским слугою Третьяком Меркуровым, приехавшим к ним для увещания. — Два става. Спис. XVII в.

524. 1592 г. января 9. — „Порядная запись" Григория Данилова сына Веретнова, из Боброва Ручья, Гаврилы Скрыпы Игнатьева сына и Мины Яковлева сына Ковырзина, Койдокурцев, Спасскому церковному прикащику Ивану Гневашу Дмитриеву сыну Посельских на Спасскую пустую деревню Залескую в Койдокурской волости Двинского уезда. — Два става.

525. 1592 г. февраля 16. — „Порядная запись" Климентия Захарьина сына Исакова и Дмитрия Семенова сына Перфирьева, Кехтян, Спасскому церковному прикащику Ивану Гневашу Дмитриеву сыну Посельских на Спасскую деревню, что в Кехте на острову, на новинках. — Два става.

526. 1592 г. марта 8. — Отпись дьяка Семейки Емельянова в получении им для государевой казны от Успенского Тихвинского монастыря с тони Шишковой в Вотской пятине в Ладожском присуде на Волхове оброка и пошлин.

527. 1592 г. апреля 25. — Грамота царя Федора Ивановича митрополиту Новгородскому Варлааму о „пересмотре и переборе“ детей боярских. — Спис. XVII века.

528. 1592 г. апреля 25. — Грамота царя Федора Ивановича митрополиту Новгородскому Варлааму об усмирении бесчинствующих духовных лиц в Новгороде. — Два става. Спис. XVII века.

529. 1592 г. сентября 30. — Грамота „с прочетом“ царя Федора Ивановича в Бежецкий Верх городовому прикащику Степану Суворову о сборе с Бежецких вотчин Кириллова Белозерского монастыря всякого рода податей лишь „с живущего“, но не „с пуста“. — Два става. Спис. XVII в.

530. 1592 г. ноября 27. — Грамота царя Федора Ивановича в Устюжну Железнопольскую старостам и посадским людям о выдаче посланному к ним Ивану Мельдяшеву разного рода железного товара (скобы, гвозди и т. под.) с тем, что деньги потраченные на покупку этого железа будут зачтены им в ближайший оброк. — Два става.

531. 1592 г. декабря 22. — „Купчая“ на пожню в Неконеме, проданную Ухтоостровцами Ермолою Наумовым сыном Ушаком и Василием и Артемьем Ермолиными детьми Ершовыми Ивану Юрьеву сыну Ильину.

532. 1593 г. января 16. — Грамота царя Федора Ивановича на Вымь крестьянам Глотовой слободы о пожаловании их, по их челобитью, правом платить по занятым ими в уплату всяких царских податей деньгам по кабалам лишь „истину“, а накопившиеся „росты“ не платить. — Печать черного воска.

533. 1593 г. февраля 3. — Отпись дьяка Семейки Емельянова в получении им для государевой казны от Тихвинского монастыря с тони Шишковой в Вотской пятине в Ладожском присуде на Волхове оброка и пошлин.

534. 1593 г. февраля 13. — „Память“ данному и оброчному сборщику Ананию Каллистратову сыну Короткому о взятии им государевых дани и оброка с деревень Яковлевской боярщины Троицкой волости Важского уезда. — Три става.

535. 1593 г. марта 11. — Грамота царя Федора Ивановича в Суздальский уезд, в Опольский стан, крестьянам пустоши, что было сельцо, Ярышово бывшего поместья Ивана Баташова Блудова, об отдаче пустоши Ивану Тимофееву сыну Хметевскому с сыновьями Дмитрием и Тимофеем в придачу к их старым Суздальским поместьям. — Два става. Напеч. в „А. Ю. Б.“, I, № 29, II.

536. 1593 г. мая 28. — Раздельная („дельная“) старцов Николаевского Корельского монастыря Исаака и Васьяна „и в игумена своего места

Варлама и всей братии“ и крестьян Заручьевской деревни Агафона Семенова сына Пердунова с товарищами на земли на острове Свинце, на реке Двине. — Два става.

537. 1593 г. июня 4. — Купчая на „огородец-конопляник“ в Ужге, у церкви Афанасия чудотворца, проданный Ефросиньей Фоминой дочерью Белоглазовой Семену Данилову сыну.

538. 1593 г. ноября 26. — „Купчая“ на пожни с угодьями и рыбную ловлю на Коневце у моря, проданные Петром и Василием Андреевыми детьми Григорьевыми старцу Архангельского монастыря Лаврентию Рыжего и его внуку Матвею Нечаеву сыну. — Спис. XVII в.

539. 1593 г. декабря 30. — „Мировая запись“ Варвары Степановой дочери Удоевой, жены Тимофея Иванова сына Латухина, Харитону Тимофееву сыну Щелканову по делу о „поколотой голове“ Тимофея Иванова сына Латухина.

540. 1594 г. января 18. — Отпись дьяков Григория Клобукова и Смирного Васильева в получении ими для государевой казны от Успенского Тихвинского монастыря с тони Шишковой в Вотской пятине в Ладожском присуде на Волхове оброка и пошлин.

541. 1594 г. февраля 11. — Отпись дьяка Андрея Щелкалова в получении им в государеву казну от старца Николаевского Корельского монастыря Исаака данных денег „с тридцати луков с полулуком“, с дворов, амбаров и за „десятую рыбу“ в Варзужской волости Двинского уезда.

542. 1594 г. мая 30. — Грамота царя Федора Ивановича Двинскому воеводе Ивану Михайловичу Ласкиреву об учинении сыска относительно Ождоромской деревни в Ухтоостровском стану. — Два става. Спис. XVI в.

543. 1594 г. июля 6. — „Духовная“ инока Вассиана на движимое и недвижимое имущество в Чухченемской волости Двинского уезда, завещанное церквам, монастырям и родственникам.

544. 1594 г. октября 22. — „Отводная“ Двинского воеводы Ивана Михайловича Ласкирева попам и церковным старостам церкви Троицы Живональной Ухтоостровской волости на Ождоромскую Лукинскую деревню в Ухтоостровском стану. — Печ.

545. 1594 г. декабря 21. — Отдельная выпись Ярославского городового приказчика Пятого Иванова сына Матюшкина Трифону Петрову сыну Балкашину на часть поместья Степана Хомутова в Ярославском уезде, в Закоторомском стану. — Спис. XVI в.

546. 1594—95 г.г. — Челобитная государева крестьянина дворцовой волости Спаского Шальского[?] погоста в Заонежье Ларивонки Мелентиева царю Федору Ивановичу об ускорении его дела о взыскании денег с крестьян Юрьева монастыря Купецкой волости. — Правый край грамоты поврежден.

547. 1594—95 г.г. — Жалованная грамота царя Федора Иоановича Вычегодским, Вымским, Сысольским и Удорским посадским людям и волост-

ным крестьянам о сложении с них, по ходатайству боярина Бориса Годунова, половины платимой ими с дворов дани и оброка, а также половины взимаемого с них в Сибирский запас хлеба. — Начало утрачено. Список XVI в.

548. 1595 г. января 31. — „Купчая“ на двор с угодьями в Неноксе, проданный кузнецом Иваном Непытаем Степановым сыном Пинжанину Савве Васильеву сыну.

549. 1595 г. февраля 1. — Отпись дьяка Василия Щелкалова в получении им в государеву казну от старца Николаевского Корельского монастыря Исаака данных денег с тридцати луков с луком, с дворов, амбаров и „за десятую рыбу“ в Варзужской волости.

550. 1595 г. мая 5. — „Купчая“ на „повытье“ со всеми угодьями в Половнинской Ермолинской деревне Троицкой волости Важского уезда, купленное Феодосием Савельевым сыном у Панфила Данилова сына Поспела и у Федора Лукина.

551. 1595 г. июня 13. — „Купчая“ на двор с угодьями в Неноксе, проданный Пинжанином Саввой Васильевым сыном Афанасию Иванову сыну Непытаеву.

552. 1595 г. октября 10. — „Отданная“ выборных властей и крестьян Койдокурского черного стана Двинского уезда Устюжскому протодьякону Титу Петрову сыну Гиганову на пустую деревню Борок. — Два состава.

553. 1595 г. ноября 7. — Купчая и отступная Ненокшанина Василия Мартемьянова Поротик-Высочкина слуге Кириллова Белозерского монастыря Богдану Прокофьеву сыну Кафтыреву на часть сугреба рассолу в Неноксе, в Наволочном колодезе. — Два состава.

554. 1595 г. ноября 9. — Меновная („менная“) на половину Большого наволока на Малой Юре, выменянную Чухченемцом Семеном Евдокимовым сыном Ларионовым у Чухченемского церковного старосты Афанасия Корнилиева сына на половину наволоков Васютинского и Михалевского за рекою Малой Юрой.

555. Не ранее 1595—96 г.г. — Выпись из расходной книги Хлебного стола Новгородского Дворцового приказа о выдаче жалованной хлебной руги игумену Александрова Свирского монастыря Дионисию с братией. — Спис. конца XVII в.

556. 1596 г. февраля 2. — „Порядная запись“ Осипа Федорова сына Дурасова Спасскому церковному прикащику Кузьме Филиппову сыну на Спасскую деревню в Койдокурской волости на Городище.

557. 1596 г. февраля 3. — Отпись дьяков Ивана Нармацкого и Постника Дмитриева в получении для государевой казны от старца Николаевского Корельского монастыря Исаака данных денег с тридцати луков с полулуком, с дворов, амбаров и „за десятую рыбу“ в Варзужской волости.

558. 1596 г. февраля 15. — Челобитная и явка Иванки Боранова царю Федору Ивановичу на Ратая Артемьева сына Карсакова о невыполнении им „третьевальной записи“ по спорному делу с крестьянином Никиты Третьякова Иваном Ермаковым „в насильстве и в пахоте“.

559. 1596 марта 5. — „Отдельные книги“ подьячего Леонтия Петрова на земли Николаевского Вяжицкого монастыря в Лужском Егорьевском погосте в Вотской пятине. — Спис. XVII в.

560. 1596 г. марта 12. — Грамота „с прочетом“ царя Федора Ивановича на Двину данным старостам Тошаку Тарасову с товарищами об ежегодной выдаче на Двине Архангельскому монастырю ружных денег. Подтверждение царя Бориса Федоровича 1599 г. января 28, подписанное дьяком Иваном Нармацким. — Печать черного воска, сохранившаяся в большей части, прикреплена к лицевой стороне грамоты. Два состава. По ставам скрепа дьяка Посника Дмитриева.

561. 1596 г. апреля 22. — „Закладная“ („заемная и закладная кабала, а по сроцѣ даная“) на остров Заречье за ручьем Ругоем, заложенный Несветаем Власьевым сыном Сиверицыным Троицкому Ругойскому монастырю. — Копия второй половины XVIII в.

562. 1596 г. мая 11. — Раздельная („дельная“) Третьяка и других лиц на „орамые“ земли, пожни, рыбные ловли, репища и перевесища у Матко-озера. — Начало утеряно.

563. 1596 г. июня 27. — „Закладная“ на пожни Михеевской деревни Лобозиху и Узиху в Юрольском наволоке Двинского уезда, заложенную Яковом Савельевым сыном Хлопотовским Константину Парфеньеву сыну, Чушельцу.

564. 1596 г. июля 4. — „Данная“ Ухтостровца Ануфрия Третьяка Иванова сына Горяинова церкви Троицы Живоначальной и великомученицы Варвары Ухтостровской волости Двинского уезда на „лоскут“ земли на Смердьи куте.

565. 1596 г. июля 19. — „Купчая“ на часть сугреба рассолу в варнице Подрезихе в Неноксе на Смердьих местах, проданную Козьмой Меньшиком Мосеевым сыном Надеиным и Семеном Олферьевым сыном Надеиным Власу Васильеву сыну Шелепугину.

566. 1596 г. августа 3. — „Купчая“ на часть сугреба рассола в варнице Костылихе в Ненокоцком усолье на Смердьих местах, проданную Данилой и Саввой Андреевыми детьми Кочуровыми Онтоману Тарасову сыну Тошаку.

567. 1596 г. августа 9. — „Купчая“ на двор „со всемъ дворовым нутреным снарядом“, огородец и „три кузницы“ на Глинском посаде, проданные Романом Никифоровым сыном Гусем Василию Яковлеву сыну Куталу.

568. 1596 г. сентября 11. — „Закладная кабала“ на двор, земли луговые и орамые и пожни в Ождоромской волости Двинского уезда, зало-

женные Ларионом Стукачем Ивановым сыном Даниловым Анисиму Никитину сыну, Мезенцу.

569. 1596 г. сентября 19. — „Судный список“ по делу Николаевского Корельского монастыря с крестьянами Заостровской волости: Аникием Яковлевым, Григорием Васильевым сыном Серковым, Семеном Григорьевым и Пантелеем Григорьевым сыном Малафеевым о спорной тоне усть-Лялины курьи по реке Двине. — Двадцать ставов; недостает нескольких ставов в середине, конца нет.

570. 1596 г. октября 18. — Отпись выборного судьи Варзужской волости Двинского уезда Гурия Афанасьева сына в получении им от старцев Николаевского Корельского монастыря Боголепа и Якима „луковой дани“.

571. 1596 — 97 г.г. — Мировая („излюбленная“) крестьянина Спасского Кижского погоста Третьяка Игнатьева сына Третьякова „и во всех крестьян Кижского погоста место“ и слуги Троицкого Клименецкого монастыря на озере Онеге Сергия Игнатьева сына Нечаева „и во всех старцев и слуг Клименецкого монастыря место“ по спорному делу о землях в Кижском погосте. — Два става. Спис. XVII в.

572. 1597 г. февраля 21. — „Купчая“ на пожни по реке Ширшеме, проданные Михаилом, Иваном и Кириллом Григорьевыми детьми Заверткина Большого и Василием, Ермолой и Авдотьей Григорьевыми детьми Заверткина Меньшего Ивану Григорьеву сыну Ежу. — Два става.

573. 1597 г. марта 1. — Грамота царя Федора Ивановича в Кольский острог Елизарью Юрьевичу Протопопову о раскладке податей и подвод между крестьянам Ковдской, Кандалашской и Керецкой волостей и крестьянами Соловецкого монастыря. — Спис. XVII в. на двух ставах. Напеч. в „Доп. къ А. И.“, I, № 140.

574. 1597 г. мая 3. — „Купчая“ на долю в варнице с угодьями на Долгих Жолобах в Уне, проданную Унянином Якимом Тарасьевым сыном Кулаковым Унянину Ивану Никифорову сыну Заслонову.

575. 1597 г. не ранее мая 30. — Явочная челобитная игумена Николаевского Прилуцкого (Устюжского уезда Ярокурского стана) монастыря Авраама с братиею по делам о пожаре, бывшем в монастыре 30 мая 1597 г., о сгоревших документах на владение монастырем землей и об ограблении Я. и И. Зубовыми, И. Сабуровым и И. Хабаровым „с родом и племенем“ монастырских кладовых и амбаров и самого игумена на общую сумму около пятидесяти рублей. — Четыре става. Спис. XVII в.

576. 1597 г. июля 5. — „Купчая“ на двор „со всѣм дворовым нутренным снарядом“, огородец и две кузницы на Глинском посаде, проданные Корелянином Василием Яковлевым сыном Куталой портному мастеру Филиппу Ларионову сыну.

577. 1597 г. июля 25. — „Отводная память“ Розгильдея Григорьевича Любученинова и Кира Афанасьева церкви Николы чудотворца Паниловской

волости Двинского уезда на деревню Нечая Степанова в Нижней Товрице. — Печать Р. Любученинова на лицевой стороне памяти.

578. 1597 г. августа 2. — „Закладная кабала“ на половину пожни в Луготине, в Кутах, заложенную Ухтоостровцем Борисом Семым Сидоровым сыном Емельяновым Гавриле Аникееву сыну.

579. 1597 г. августа 15. — Грамота царя Федора Ивановича о совместном владении Успенским Тихвинским и Духовым монастырями тоней Шишковой и о невзимании с первого оброка с „чети“ этой тони, принадлежащей Духову монастырю. — Начало утеряно.

580. 1597 г. сентября 31. — „Купчая“ на долю в варнице „со всѣми варничными згодьи“ на Долгих Жолобах в Уне, проданную Марьей Григорьевой дочерью Антипиной Ивану Никифорову сыну Заслонову.

581. 1597 г. октября 6. — „Отступная“ Куростровца Саввы Харитонова сына Бздюлева Куростровцам Назару Тимофееву сыну и Федору Макарьину сыну на поле Круглище на Куростров.

582. 1597 г. ноября 1. — „Купчая“ на долю в Средней варнице „со всѣми варничными згодьи“ на Долгих Жолобах в Уне, проданную Иваном Патрикеевым сыном Зубовым Ивану Никифорову сыну Заслонову.

583. 1597 г. декабря 23. — „Порядная запись“ Григория Логинова сына Ершова и Никифора Федорова сына Ершова, Княжеостровцев, Спасскому церковному прикащику Кузьме Филиппову сыну Зловидову на Спасскую деревню Ивановскую Федосеева в Лявле. — Два става.

584. 1598 г. января 23. — „Купчая“ на двор „со всем дворовым нутряным снарядом“ и кузницу на Глинском посаде, проданные Глинчанином кузнецом Первым Леонтьевым сыном Василию Сидорову сыну Шамову.

585. 1598 г. февраля 25. — „Записка“ Софийских боярских детей Леонтия Сназина и Михаила Жеплова о запрещении крестьянам поместья Михаила Матвеева Тараске Андрееву с товарищами пользоваться пашенным лесом в Гидеконде, а также Тезон-ручьем и Леп-ручьем в Рождественском Пиркинском погосте, пахать „насильством“ эти земли и чинить препятствия пропуску скота крестьян Александрова Свирского монастыря дер. Мешкович мимо их Каномской волости. — Спис. XVII в.

586. 1598 г. марта 8. — Грамота на Тюмень о посылке Тюменских конных литвы и казаков на Тару. — Отрывок, последний став; левый край порван, ветхая.

587. 1598 г. апреля 24. — „Купчая“ на долю в пожнях в Кирвасове, проданную Унянином Иваном Филипповым сыном Бояриновым прикащику Унского промысла Николаевского Корельского монастыря старцу Гурию. — Два става. Спис. XVII в. Напеч. (по подл.) в „Сборн. грам. Кол. Экон.“, I, № 365.

588. 1598 г. августа 20. — Память дьякам Елизарию Вылузгину и Ивану Ефанову о записи в вотчинные книги за Кирилловым Белозерским

монастырем бывших вотчин княгини Марфы Петровой и сына ее князя Козьмы-Богдана Осипова сына Шелешпальских в Пошехонском уезде, заложенных ими монастырю за триста двадцать рублей и не выкупленных в срок. — Текст памяти недописан. Спис. XVII в Напеч. в „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.“ 1883 г., кн. 2-я, смесь, с. 13—14.

589. 1598 г. августа 21. — „Купчая“ на двор с хоромами на Глинском посаде, проданный жильцом Архангельского города Савелием Игнатьевым сыном Костицыным с женой Федосьей и сыном Третьяком Глинчанину серебрянику Василию Стефанову сыну. — Два устава.

590. 1598 г. сентября 4. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василью Петровичу Головину с извещением о переводе Тобольского казачьего атамана Пиная Степанова, по его челобитью, на службу в Верхотурье. — Напеч. в „А.И.“, II, № 3.

591. 1588 г. октября 4. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василью Петровичу Головину об отпуске на Пелым Ивана Неелова на место Дементия Юшкова, переводимого в Тюмень в дети боярские, „в ряд“.

592. 1598 г. октября 18. — Жалованная грамота царя Бориса Федоровича Троицкому Гледенскому монастырю об освобождении от суда наместников и их тиунов, на заводь в реке Сухоне и об освобождении монастырских запасов от пошлин. — Три устава. Спис. XVII в.

593. 1598 г. октября 23. — Отпись Стефана Ульянова сына в получении им от старца Николаевского Корельского монастыря Данилы трех рублей.

594. 1598 г. октября... — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василью Петровичу Головину о ссылке в Пелым препровождаемого в Верхотурье литвина Яна Витканова.

595. 1598 г. ноября 23. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василью Петровичу Головину с извещением, что хлеб, недосланный за прошлый год из Устюга Великого, будет доставлен на Верхотурье из Устюга же Великого с хлебными запасами текущего года. — Два устава.

596. 1598 г. ноября 23. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василью Петровичу Головину о посылаемых на Верхотурье Сибирских хлебных запасах и с указанием тех мер, которые надлежит принять для постройки новых судов для развоза хлеба, а равно и вновь назначаемых Сибирских воевод и голов. — Девять уставов.

597. 1598 г. ноября 25. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василью Петровичу Головину с извещением об отправке из Вятки в Верхотурье Сибирских хлебных запасов, а равно Вятских посошных людей и плотников, с распоряжениями о выделении части хлеба для Пелыма и о постройке на реке Ляле или Сосве хлебных амбаров и судов для перевозки хлеба. — Четыре устава.

598. 1598 г. декабря 9. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василию Петровичу Головину по делу вогулятина Паенты Кантыева, посаженного в тюрьму за покушение на убийство Тобольского литвина Ондрюшки Иванова. — Начало утрачено. Два става.

599. 1598 г. декабря 12. — Купчая („купная“) на половину Федоршинской деревни с угодьями в Троицкой волости Важского уезда, проданную Кириллом Вахрамеевым сыном Федоровым Луке Данилову сыну Кузьмину.

600. 1598 г. декабря 29. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василию Петровичу Головину с предписанием, чтобы взыскиваемые с татар Тюменского уезда подводы под гонцов, едущих к Москве, не посылались впредь дальше Верхотурья, чтобы названным татарам были возмещены убытки за подводы, засланные и пропавшие у Соли Камской и чтобы впредь гонцы посылались из Верхотурья по возможности пешими, а в случае необходимости на подводах вогул или остяков, но не татар. — Два става. Напеч. в „А. И.“, II, № 8.

601. 1598 г. декабря 30. — „Купчая“ на избу „со всем нутряным лесом“ в Пушкарской слободе, проданную пушкарем Архангельского города Игнатием Панфиловым сыном пушкарю Ермоле Яковлеву сыну.

602. 1598—99 г.г. — Данная „грамотка“ Ильи Корсакова Александрову Свирскому монастырю, игумену Дионисию с братией, на пожню Маексару. — Спис. XVII в.

603. 1599 г. января 11. — Отпись старосты Кандалашской волости Кольского уезда Григория Ильина сына „и во всех волощан место“ в получении им от слуги Николаевского Корельского монастыря Федора Ермолина денег, причитающихся с монастырего Варзужского „згодья“. — Спис. XVI в.

604. 1599 г. января 26. — „Порядная“ Луки, Никиты и Данилы Андреевых детей, с Андреянова берега, Спасскому церковному прикащику Козьме Филиппову сыну на церковную деревню на Андреянове берегу. — Начало оторвано.

605. 1599 г. января 31. — Купчая („купная“) на половину Федоршинской деревни Троицкой волости Важского уезда, проданную Федором Тимофеевым сыном Житково Луке Данилову сыну Кузьмину.

606. 1599 г. февраля 20. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василию Петровичу Головину о выдаче подможного жалованья на постройку дворов стрельцам, переведенным в Верхотурье с Лозвы. — Напеч. в „А. И.“, II, № 24.

607. 1599 г. февраля 21. — Отпись дьяка Ивана Нармацкого в получении им для государевой казны с вотчины Николаевского Корельского монастыря от монастырского старца Варсонофия данных денег и всяких мелких оброков.

608. 1599 г. февраля 21. — Отпись дьяка Ивана Нармацкого в получении им для государевой казны с деревень Николаевского Корельского монастыря от монастырского старца Варсонофия кормовых денег.

609. 1599 г. февраля 21. — Отпись дьяка Ивана Нармацкого в получении им для государевой казны с Ненокоцкого промысла Николаевского Корельского монастыря от монастырского старца Варсонофия оброка и пошлин.

610. 1599 г. февраля 21. — Отпись дьяка Ивана Нармацкого в получении им в государеву казну с Унских земель Николаевского Корельского монастыря от монастырского старца Варсонофия оброка и пошлин.

611. 1599 г. февраля 21. — Отпись дьяка Ивана Нармацкого в получении им для государевой казны с Двинских посадов: Холмогор, Курцева, Глинок, Неноксы, Уны и Луды и с угодий и промыслов Николаевского Корельского монастыря от старца Варсонофия данных и оброчных денег.

612. 1599 г. ранее февраля 23. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василию Петровичу Головину о порядке взыскания ясака с ясачных татар и остяков и о льготах по взысканию этого сбора с больных, старых, увечных и „худых“ плательщиков. — Конец утрачен. Два става, Напеч. в „А. И.“, II, № 9 (с датой: 1598 г. в конце декабря).

613. 1599 г. февраля 28. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василию Петровичу Головину о взыскании с местных вогул разного имущества, награбленного ими в Верхотурских вотчинах Максима, Петра и Андрея Строгановых. — Начала и некоторых средних ставов недостает. Сохранилось семь ставов.

614. 1599 г. марта 2. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василию Петровичу Головину о раздаче, по росписи, Верхотурским служилым людям, ружникам и оброчникам, хлебного и денежного жалования на 107-й год. — Напеч. в „А. И.“, II, № 344.

615. 1599 г. марта 4. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье воеводе Василию Петровичу Головину с предписанием озаботиться, чтобы к вешней воде имелось готовым достаточное количество судов для развозки по Сибирским городам воевод и голов, посылаемых на смену прежним воеводам и головам. — Первые строки оборваны.

616. 1599 г. марта 8. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василию Петровичу Головину об отпуске из тюрьмы Верхотурского казака Якунки Таратунина, посаженного в заключение за то, что он не уберег от побега отданного ему под охрану колодника пермитина Спирьку Гузнищева.

617. 1599 г. марта 21. — Отпись дворцового дьяка Григория Трусова в получении им для государевой казны от Успенского Тихвинского монастыря с трех четвертей тони Шишковой в Вотской пятине в Ладожском присуде на Волхове оброка и пошлин.

618. 1599 г. апреля 20. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василью Петровичу Головину о ссылке в Тобольск препровождаемого в Верхотурье „в опале“ подьячего Степана Деткова.

619. 1599 г. апреля 22. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье о посылке сына боярского совместно с „вожем“ Артюшкой Бабиновым для расчистки и устройства мостов по новой дороге из Соликамска в Верхотурье. — Начало утрачено. Три става. Напеч. в „А. И.“, II, № 26.

620. 1599 г. мая 4. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василию Петровичу Головину с предписанием применять впредь при выдаче всяким служилым людям государева хлебного жалованья не старую меру, по которой привозили целовальники хлебные запасы, а новую казенную „медяную“ меру, применяемую в Москве, образец которой высылается в Верхотурье. — Напеч. в „А. И.“, II, № 27.

621. 1599 г. мая 4. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье Василию Петровичу Головину с извещением об отпуске из Москвы в Сибирские города (Тюмень, Тару и Пелым) подьячего Безсони Иванова с товарищами и с предписанием незамедлительно предоставить им в Верхотурье суда для дальнейшего пути.

622. 1599 г. июня 3. — Отступная („купчая“) Ухтоостровца Семого Сидорова сына Емельянова Богдану Гаврилову сыну Аникееву на половину пожни Сасинской в Луготине, в Смердьи куте.

623. 1599 г. июня 4. — „Данная“ Богдана Гаврилова сына Аникиева церкви Живоначальной Троицы и великомученицы Варвары Ухтоостровской волости Двинского уезда на пожню Сасинскую в Луготине, в Смердьи куте.

624. 1599 г. июня 12. — Раздельная („жеребьевая“) Пальским складникам: Ефиму Панкратьеву сыну Капкову и Якову Никитину „с товарищи“ на Палские пожни.

625. 1599 г. сентября 12. — Раздельная („дельная“) церковного старосты Леонтия Лукина сына Кузнецова, Назария Евфимьева сына Шеинова и др. крестьян Троицкого прихода Ухтоостровской волости Двинского уезда на пожни Шеиновской деревни.

626. 1599 г. ноября 22. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье воеводе князю Ивану Михайловичу Вяземскому об отпуске в Москву вдовы умершего в Сибири служилого человека Ивана Тыркова Арины с детьми ее и людьми.

627. 1599 г. ноября 29. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье воеводе князю Ивану Михайловичу Вяземскому об отводе Верхотурским торговым людям Илейке Терентьеву и Ваське Лошкину с товарищами земель по реке Косве. — Два става. Напеч. в „А. И.“, II, № 28.

628. 1599 г. декабря 5. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье воеводе князю Ивану Михайловичу Вяземскому о разрешении Верхотурским жильцам Вятчанам Илейке Терентьеву и Ваське Лошкину не перевозить на Верхотурье своих семей и имущества впредь до постройки ими дворов для жилья. — Напеч. в „А. И.“, II, № 29.

629. 1599 г. декабря 20. — „Порядная запись“ Ивана Нечая Мелентьева сына Боранова, из Зворыкова, Спасскому церковному прикащику Кузьме Филиппову сыну на половину Спасской Зворыковской деревни.

630. 1599 г. ранее декабря 26. — Отписка неслужилого сына боярского Бежецкой пятины Макара Басманова царю Борису Федоровичу о выполнении данного ему за приписью дьяка Дмитрия Алябьева наказа: 1) о возвращении Владимиру Рясницыну засеянной им в деревне Москотове и отписанной затем на государя ржи и 2) о взыскании с Бурнаша Ушакова и с Юси Уского денег за „отписной“ хлеб по „оценному списку“.

631. 1599 г. декабря 29. — Отступная („купчая“) Чухченемца Андрея Иванова сына Филиппова, по прозвищу Беляя, Чухченемскому старосте Степану Терентьеву сыну Бакову на пожни на Большом острове, на Сяндевере.

632. 1600 г. февраля 3. — Данная („отданая“) „Корелян родом“ Ивана, Мартына, Антипы и Анны церкви Живоначальной Троицы и великомученицы Варвары Ухтоостровской волости Двинского уезда на землю „новочищенную“ с двором и дворищем в Ождорме.

633. 1600 г. ранее апреля 6. — Явка Ивана Корозладина и Бычка Баранова о том, что они явились в указный срок в Новгород по земляному делу с Рахманином Рупосовым.

634. 1600 г. мая 29. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье воеводе князю Ивану Михайловичу Вяземскому о даче управы по делу Тобольского пашенного крестьянина Павлика Леонтьева и Верхотурского вогулятина Нергия с товарищами, ограбившего Павлика при проезде его из Тобольска в Соликамск. В конце грамоты приписка от 2 января 1602 г. об окончании этого дела миром. — Два состава.

635. 1600 г. ранее июля 7. — Отписка Тобольского воеводы Семена Сабурова Япанчинскому (Туринскому) голове Федору Осиповичу Янову с препровождением денег и списка находящихся на службе в Япанчине Тобольских стрельцов и козаков, которым надлежит раздать государево жалованье деньгами „за сукно“, пожалованное государем всем Тобольским стрельцам и козакам „для своего государева венца и многолетново здравия“. — Печать черного воска. Три состава.

636. 1600 г. июля 14. — Отписка Пелымского воеводы Тихона Траханиотова Туринскому голове Федору Осиповичу Янову по делу о посылке из Пелыма в Епанчин, по росписи, служилых и пашенных людей, а равно о сроках службы стрельцов на Епанчине. — Два состава.

637. 1600 г. ранее июля 19. — Отписка Тобольского воеводы Семена Федоровича Сабурова Туринскому голове Федору Осиповичу Янову по челобитью Тюменского конного козака Семейки Иванова на ясачных остяков Тюменского уезда Япанчу с товарищами, прирезавших и съевших принадлежавших Иванову трех лошадей.

638. 1600 г. ранее июля 21. — Отписка Пелымского воеводы Тихона Трахониотова Епанчинскому (Туринскому) голове Федору Осиповичу Янову с препровождением денег и списка находящихся на службе в Епанчине Пелымских стрельцов и служилой литвы, которым надлежит роздать государево жалованье деньгами „за сукно", пожалованное государем всем Пелымским служилым людям „для своего царского венца и многолетного здровия". — Два става.

639. 1600 г. июля. — Отписка Тобольского воеводы Семена Сабурова Туринскому голове Федору Осиповичу Янову по челобитью Епанчинских охотников Ондрушки Зеренина и Ивашки Пермитина об отпуске их на Вятку за семьями и имуществом и в Москву для челобитья на своих товарищей, записавшихся охотниками в Епанчин и после отказавшихся, а равно по челобитью Тюменского конного козака Митьки Бельского об отпуске его в Москву для свиданья с родственниками. — Три става.

640. 1600 г. ноября 30.—Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье голове Гавриле Самойловичу Салманову о сложении с Сольвычегодских плотников, по их челобитью, взыскания занятого ими из казны хлеба в виду исполнения ими в Верхотурьи некоторых работ после истечения срока, на который они были присланы. — Два става.

641. 1600 г. ноября 30. — Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье голове Гавриле Самойловичу Салманову о предоставлении местным ямским охотникам, прибывшим на Верхотурье из разных городов, льготного трехлетнего срока, в течение которого разрешается им не платить их частных долгов, с тем, чтобы в указанные льготные годы они устроили на Верхотурьи свои хозяйства. — Напеч. в „А. И.", II, № 35.

642. 1600 г. — Ответная отписка Тобольского воеводы Семена Сабурова вновь назначенному в новоустраиваемый город Епанчин-Юрт (Туринский острог) голове Федору Осиповичу Янову, по целому ряду вопросов, связанных с устройством нового административного центра. — Четыре става.

643. XVI — XVII в.в. — „Перепись" обжам в Кокшенгской чети Важского уезда.

644. XVI—XVII в.в. — Отрывок из судебного делопроизводства по обвинению неизвестного лица в том, что он видел, как некая Зиновия „ходила в царевичеву тюрьму". — Сохранилось лишь шесть строк.

Указатель личных имен в „Описании актов“.

Аввакумовы (Обакумовы) дети: Степан и Ефрем Яковлевы, Феодосья, Татьяна, Евдокия и Кирилл, 25 [1].
Авдеев (Овдеев), Сидор Никифоров с., 120.
Авдотья Васильева дочь, 516.
Авраамий, игум. Николаевского Прилуцкого м-ря, 575.
Агапитов (Огапитов), Собина, 434.
Агафон Григорьев с., 326, 332.
Аграфена Савельева дочь, 155.
Аксаков, Леонтий, писец, 399, 402.
Аксинья, дочь Екатерины Васильевой дочери Рясиной, 356.
Александра, старица, вдова кн. Юрия Васильевича, 264.
Алексеев, Насон Никифоров с., 39.
Алексей Амосов с., своеземец, 54, 166, 189.
Алексей Елисеев с., Ильинский староста, 66, 74, 75.
Алексей Михайлович, царь, 343, 481.
Алферов (Олферов), Нечай Костылев с., 97.
Алферов (Олферов), Федор Григорьев с., слуга Успенского Тихвинского м-ря, 370.
Алябьев, Дмитрий, дьяк, 630.
Амвросий (Обросий) Прокофьев с., 198.
Амосов, Иван Андреев с., 330.
Амосовы дети: Алексей, Андрей и Матвей, 229, 230.
Ананий (Онаний) Устинов с., Ильинский староста, 55, 57.
Ананьин, Леонтий, Новгородский дьяк, 261, 275.
Андреевы дети: Василий и Вахромей, 508.
Андреевы дети: Лука, Никита и Данила, с Андреянова берега, 604.
Андрей Антонов с., 449.
Андрей (Ондрюшка) Иванов с., Тобольский литвин, 598.
Андрей Семенов с., прикащик Кириллова Белозерского м-ря, 384.
Андреян, 104.
Андреян, Воскресенский игумен, „закащик митрополич“, 308.
Андрон (Ондрон) Фатьянов с., Низовский кр-н с Вагина о-ва, 485.
Аникиев, Богдан Гаврилов с., 622, 623.
Аникий Яковлев с., кр-н Заостровской волости, 569.
Анисим (Онисим) Васильев с., 362.
Анисим Никитин с., Мезенец, 568.
Анисимов, Поспел Васильев с., сотский, 336.
Аничков (Оничков), Скурат Иванов с., недельщик, 286.
Анна, жена Карпа Иванова с. Сухого-Шапки, 320.
Анна, Корелянка, 632.
Анна Михайлова дочь, жена Мелентия Истомы Макарова, 513.
Антип, 192.
Антип, Корелянин, 632.
Антип Михайлов с., 192, 199.
Антипина, Мария Григорьева дочь, 580.
Антипины дети: Патрикей и Иван, 124.
Антоманов, Семен Иванов с., 277, 321.
Антомановы (Онтомановы) дети: Афанасий и Иван, 77.
Антон Максимов с., 209.
Антон Панкратьев с., Ижмянин, 263.
Антоний Римлянин, 1, 2.
Антонина Григорьева дочь, Дмитриева жена Козьмина с., с детьми: Матвеем и Василием, 512.
Анцифер (Онцифор) Александров с., 34.
Арина, вдова служилого человека, 626.
Арсений, игум. Николаевского Вяжицкого м-ря, 275.
Артемий Павлов с., 18.
Артемьев, Родион Иванов с., 262.
Артемьева, Дарья Иванова дочь, Родионова жена, 260.
Арцыбашев, Андрей, дьяк, 479, 510.
Астафий (Остафий) Федоров с., 50.
Астафьев (Остафьев), Дмитрий Ермолин с., 116.
Астафьев (Остафьев), Логин Семенов с., 139.
Астафьев (Остафьев), Матвей Никитин с., 139.
Аталыков, Салтан-Булат Бильгидеев с., Ногайский татарин, 201.
Афанасий, игум. Кириллова Белозерского м-ря, 165.
Афанасий Владимиров с., 409.
Афанасий (Офонасий) Дементьев с., Низовский кр-н с Вагина о-ва, 485.
Афанасий Евдокимов (Овдокимов) с., 177.
Афанасий Корнилиев с., Чухченемский церковный староста, 554.

[1] Ссылки делаются на нумера „Описания актов“.

Афанасий Михайлов с., 182.
Афанасьев, Тимофей Михайлов с., Двинский писец, 32, 54.
Афанасьева, Евфросинья Еремеева дочь, жена Емельянова, 396.

Бабинов, Артемий (Артюшка), „вож“, 619.
Баков, Мокей Иванов с., 518.
Баков, Степан Терентьев с., Чухченемский староста, 631.
Баландин, Смирной Юрьев с., 479.
Балкашин, Трифон Петров с., 545.
Баранов, Иван Амосов с., 365.
Бартеневы: Соломонида, вдова, и ее сыновья: Петр, Федор, Семен и Михаил, 36.
Басманов, Макар, неслужилый сын боярский, Бежецкой пятины, 630.
Бачурин, Андрей Алексеев с., 340.
Бачурин, Суббота, Двинской данный староста, 390.
Бачурины: Тимофей и Абросим Андреевы дети, Ухтоостровцы, 453, 454.
Безносов, Андрей Васильев с., дьяк, 281.
Безсоня Иванов с., подьячий, 621.
Белоглазова, Ефросинья Фомина дочь, 537.
Бельский, Дмитрий (Митька), Тюменский конный казак, 639.
Бердниковы: Константин и Самсон Яковлевы дети, 369.
Береснев, Семен, из дер. Меляково, 446.
Бздюлев, Савва Харитонов с., Куростровец, 581.
Бирюлев, Федор, 430.
Блинов, Конон Гаврилов с., 185.
Блудов, Иван Баташов с., 535.
Бобр, Михаил Филимонов с., 170.
Бобровнев, Зиновий (Зеновий) Михайлов с., 224.
Богатырь, Григорий Селиверстов с., 272.
Богдан Степанов с., конский барышник, 461.
Боголеп, старец Николаевского Корельского м-ря, 570.
Бокан, Макарий Михайлов с., 189.
Болобановы: Иван Плохой и Василий Нестеровы дети, 178.
Большаков, Яков Васильев с., 506.
Большой, Василий Астафьев (Остафьев) с., 210.
Большой Василий Иванов с., с Лодмы, 393.
Боранов, Иван Нечай Мелентьев с., из Зворыкова, 629.
Боранов, Иван Федотов с., из Зворыкова, 498.
Борецкие: Филипп, Новгородский посадник, 28; Марфа, его жена, 28.
Борис, 27.
Борис Елисеев с., 101.
Борис Федорович, царь, 127, 131, 156, 360, 441, 560, 590—592, 594—598, 600, 606, 612—616, 618—621, 626—628, 630, 634, 640, 641.
Борисов, Петр Волк, писец, 21.
Бояринов, Иван Филиппов с., Унянин, 587.
Бояринов, Федор Филиппов с., 486.
Брагин, Самсон Васильев с., 466.
Бритнев, Иван Короткий Иванов с., 159.
Брюхов, Зверь, денежный сборщик, 429.
Будаев, Гуляй Стефанов с., 338.
Буйносов, Андрей Васильев с., Новгородский дьяк, 275.
Букреев, Ефрем Федоров с., 86.
Булашок, Никита Фатеев с., 282.
Бундов, Борис Иванов с., Двинский тиун, 19.
Бурец, Иван Леонтьев с., 60.
Бурмакин, Иван Федоров с., 515.
Бурнаш Ушаков с., 630.
Бухарин, Иван Иванович, государев межевщик, 267.
Бухарин, Ишук, дьяк, 188.
Бухарин, Матвей, Белозерский городовой прикащик, 287, 289.
Быскаров, Бунда, конюх, 107.
Бычек Баранов с., 633.
Быша Алимпьев с., сотник, 474.

Вальдолский, Фалелей, 30.
Ванютин, Федор Иванов с., земский староста Кеврольского стана Двинского у., 511.
Варлаам, архиепископ Ростовский, Ярославский и Устюжский, 468.
Варлаам, игум. Кириллова Белозерского м-ря, 441, 456.
Варлаам, игум. Николаевского Корельского м-ря, 536.
Варлаам, митроп. Новгородский, 527, 528.
Варлаам, митроп. Ростовский и Ярославский, 495.
Варсонофий, старец Николаевского Корельского м-ря, 607, 611.
Варфоломей, архим. Юрьева м-ря, 261.
Варфоломей Иванов с., слуга Николаевского Вяжицкого м-ря, 425.
Василий Брага Никифоров с., 351.
Василий Елисеев с., см. Карзин, Василий Елисеев с.
Василий Иванович, вел. кн., 38, 42, 61, 82, 88, 476.
Василий (Васка) Ившуев с., кр-н, 309.
Василий Кириллов с., Новгородец, кожевник, 447.
Василий Крека Дементьев с., Ильинский староста, 373.
Василий Леонтьев с., 128.
Василий (Васька) Лошкин с., Верхотурский торговый человек, 627, 628.
Василий Мануйлов с., целовальник, 428.
Василий Миронов с., 365.
Василий Павлов с., 115.
Василий Степанович, Новгородский посадник, 7.
Василий Стефанов с., 163.
Василий Стефанов с., Глинчанин, серебряник, 589.
Васильев, Смирный, дьяк, 540.
Васильевы: Самойла, Федор и Осип Ивановы дети, 385.
Васильевы дети: Яков, Иван Большой и Иван Курица, 40.

Вассиан, инок, 543.
Вассиан (Васьян), старец Николаевского Корельского м-ря, 536.
Вахрамей Александров с., 169, 185.
Великий, Никита, 107.
Вепрев, Павел Иванов с., Ненокшанин, 305.
Вепрев, Яков Иванов с., 205, 383.
Веревкин, Воин, мерщик, 436.
Веретнов, Григорий Данилов с., из Боброва Ручья, 524.
Вешняк, Степан Фомин с., 246.
Виссарион, старец Николаевского Корельского м-ря, 263.
Витканов, Ян, литвин, 594.
Владимиров (Володимеров), Дружина, дьяк, 328.
Возмищев, Дмитрий Александров с., 274, 300.
Возмищев-Ворыхал, Ермола Родионов с., 200, 232.
Володимеров, см. Владимиров.
Волоцкий, Мартьян Кириллов с., 319.
Волынский, Григорий, писец, 281.
Воронин, Вахромей, подьячий, 485.
Воронцов, Андрей Семенов с., 231.
Воронцов, Иван Ефимьев с., Каргополец, 318.
Воронцов, Михаил (Михайло), 437.
Вороньи Глаза: Леонтий и Архип Астафьевы (Остафьевы) дети, 116.
Вороньи Глаза, Осташ Жедяев с., 47.
Ворыхалова-Возмищева, Екатерина Ермолина дочь, жена Федора Карандышева, 274.
Вылузгин, Елизарий, дьяк, 588.
Вындомский, Яков Степанов с., 493, 494.
Вяземский, Иван Михайлович, кн., Верхотурский воев., 626—628, 634.

Гаврила Аникиев с., 578.
Гаврила Скрыпа Игнатьев с., Койдокурец, 524.
Гаврила Федоров с., староста Георгиевской церкви в Лодомской вол. Двинского у., 291.
Гаврилов, Семен Дмитриев с., 87.
Галов, Семен Михайлов с., 84.
Геннадий, архиепископ Новгородский и Псковский, 10.
Герасим Агафонов с., старец, 45.
Герман, игум. Ферапонтовой пустыни, 6.
Герман, старец Николаевского Корельского м-ря, 350, 351.
Геронтий, прикащик Николаевского Корельского м-ря, 232.
Гиганов, Тит Петров с., Устюжский протодьякон, 552.
Глаткий, Нечай Иванов с., 112.
Гневашев, Григорий, Белозерский боярский сын, 367.
Гневашев, Яков Михайлов с., Белозерский губной староста, 293.
Гневашев, Яков, Белозерский городовой прикащик, 287.
Годунов, Борис Федорович, боярин, 547.
Гойтуров, Михаил, староста, 18.
Голова, Семен Михайлов с., целовальник из Неноксы, 97.
Головин, Василий Петрович, 590, 591, 594—598, 600, 606, 612—616, 618, 620, 621.
Гомзяков, Авраам Рах Иванов с., 407.
Горбатый, Данила Артемьев с., с Софушкина, 501.
Горев, Михаил, Галичский городовой прикащик, 421.
Горончар, Максим Алферьев (Олферьев) с., 349.
Горончаров, Агапит Давыдов с., Лисеостровец-Карзинец, 478.
Горончаров, Макарий Софронов с., 149.
Горютинский, Миня Иванов с., Тверской городовой староста, 480.
Горяин, Иван Иванов с., 117, 126, 128.
Горяинов, Онуфрий (Ануфрий) Третьяк Иванов с., 564.
Григорий Андреев с., „корыстный купчина“, 461.
Григорий Васильев с., Кяростровец, 490.
Григорий Ильин с., староста Кандалашской волости, Кольского у., 603.
Григорий Иудин (Июдин) с., 461.
Григорий Леонтьев с., 49.
Григорий Лукин с., Троицкий церковный староста, 298.
Григорий Маковеев с., 53.
Григорий Никитин с., 235.
Григорий Сидоров с., с Ладина берега из Заостровья, 478.
Григорий Степанов с., емчужный мастер, 425, 427, 428.
Григорий Тимофеев с., 89, 108.
Григорий Федоров с., огородник, 462.
Григорьев, Алферий (Олферий), дьяк, 296.
Григорьев, Непея, дьяк, 296.
Григорьевы: Петр и Василий Андреевы дети, 538.
Грозников, Максим Гаврилов с., 219.
Грозников, Савелий Вахрамеев с., 219.
Грыжнев, Симон Шевель Семенов с., Унянин, 259, 288.
Губанин, Андрей Кондак Савельев с., 190.
Губанин, Кондратий Савельев с., 215.
Губанин, Леонтий, Двинской данный староста, 390.
Гузнищев, Спиридон (Спирька), Пермитин, 616.
Гурий, старец Николаевского Корельского м-ря, прикащик Унского промысла, 587.
Гурий Афанасьев с., выборный судья Варзужской вол. Двинского у., 570.
Гусь, Роман Никифоров с., 567.

Давыд Иванович, кн., 18.
Давыдовы дети: Степан, Никифор, Матвей и Григорий, 191.
Данил Александров, кн., см. (Пенков) Данил Александрович, кн.

Данила, старец Николаевского Корельского м-ря, 593.
Данилов, Ларион Стукач Иванов с., 568.
Дарья, игуменья Воскресенского Горицкого девичьего м-ря б. царица, жена Ивана Грозного, 495.
Дебольский, Н., исследов., 12.
Девятый, Первой Аксентьев (Оксентьев) с., 477.
Дедов, Ефим Таскай Иванов с., 105.
Дедов, Степан, мерщик, 436.
Дементий Васильев с., 516.
Дементий Лаврентьев с., 153, 164, 170, 173, 176, 182.
Демид Самойлов (Самылов) с., 51.
Демид Федоров с., 291.
Демидов, Кондратий (Кондратка) Михайлов с., 273, 363, 366, 375.
Демьянов, Афанасий, дьяк, 172, 344.
Детков, Степан, подьячий, 618.
Деяничник, Савва Мартынов с., жилец Тихвинского посада, 370.
Дионисий, 284.
Дионисий, игум. Александрова Свирского м-ря, 450, 493, 494, 555, 602.
Дитятков, Григорий (Гриша), таможник, 358.
Дмитриев, Постник, дьяк, 557, 560.
Дмитрий Ермолин с., 174, 460.
Дмитрий Игнатьев с., барышник, 461.
Дмитрий Кузьмин с., портной мастер, 369.
Добрынин, Ляпун, подьячий, 252, 255.
Докучай Дмитриев с., подьячий, 430.
Долмат Аксентьев (Оксентьев) с., пятидесятский, 273.
Дорофеев, Кирилл Орел Иванов с., 134, 218.
Дорофеев, Тимофей Иванов с., 157, 197.
Дорофей Федосеев (Федосьев) с., 103, 108.
Досифей, архим., 8.
Дрозд, Терентий Котов с., 285.
Дрягин, Никита Степанов с., Тверитин, 484.
Дубликов, Савва Мартынов с., 269.
Дубов, Леонтий Иванов с., „с Глинок“, 380.
Дубовик, Никита Федотов с., 389.
Дудышкин, Никита Семенов с., 216, 239.
Дудышкины: Семен и Селиван Спировы дети, 331.
Дурасов, Осип Федоров с., 556.
Дурносоповы: Григорий и его дети: Микула и Фома, 499.
Дурносоповы: Юрий Матвеев с., и его сын Илья, Костогорцы, 507.

Евдоким (Овдоким) Истома Астафьев (Остафьев) с., 217, 227.
Евпраксия, старица Воскресенского Горицкого девичьего м-ря, 495.
Евский, Истома Дмитриев с., 237.
Евфимий, игум. Архангельского м-ря, 161.
Евфимий Зиновьев, с., 357.
Едигеев, Будислав Посников с., 492.
Еж, Иван Григорьев с., 572.
Елезов, Гридя, Койдокурский староста, 33.
Елизарий Федоров с., 114.
Елисей Степанов с., см. Карзин, Елисей Степанов с.
Емельян (Омельян) Яковлев с., 210, 308.
Емельянов (Омельянов). Алексей Сидоров с., 322.
Емельянов, Борис Семой Сидоров с., Ухтоостровец, 578.
Емельянов (Омельянов), Гаврила Аникиев с., 335.
Емельянов, Семен (Семейка), дьяк, 479, 510, 522, 526, 533.
Емельянов, Семой Сидоров с., Ухтоостровец, 622.
Еремеев, Яков Андреев с., Троицкий сотский, 270.
Ермола, см. Ермолай.
Ермолай (Ермола) Иванов с., выборный судья, 332.
Ермолай Мартемьянов с., 45.
Ермолай (Ермола) Яковлев с., пушкарь, 601.
Ермолины дети: Максим и Спиридон, 57.
Ершов, Григорий Логинов с., Княжостровец, 583.
Ершов, Дмитрий Борисов с., 103.
Ершов, Леонтий Аксентьев с., с Софушкина, 500.
Ершов, Никифор Федоров с., Княжостровец, 583.
Ершовы: Василий и Артемий Ермолины дети, Ухтоостровцы, 531.
Ершовы: Дмитрий, Василий и Марк Волк Борисовы дети, 108.
Есипов, Мокей, писец, 249.
Ефанов, Иван, дьяк, 588.
Ефим, старец Николаевского Корельского м-ря, 140.
Ефим Козьмин с., 86.
Ефрем, игум. Николаевского Корельского м-ря, 140.

Ждан Степанов с., Троицкий церковный староста, 465.
Жевляков, Кирилл, старец, 397.
Жеглов, Михаил, Софийский боярский сын, 585.
Железо, Кузьма Клементьев с., 40.
Железов, Иван Кузьмин с., с Великой Курьи, 151, 152.
Жерновов, Марк Иванов с., 33.
Жировой-Засекин, Федор Борисович, кн., Белозерский писец, 457.
Житково, Федор Тимофеев с., 605.

Забелин, Богдан Федоров с., 411.
Заболоцкий, Иван Петрович, писец, 188.
Заверткин, Григорий Меньшой Михайлов с., 247, 348.
Заверткин, Григорий Никифоров с., 200.
Заверткина, Федосья Михайлова дочь, жена Фефилакта Васильева с. Кологривова, 514.

Заверткины-Большие: Михаил, Иван и Кирилл Григорьевы дети, 572.
Заверткины-Меньшие: Василий, Ермолай и Авдотья Григорьевы дети, 572.
Заломай, Яков Клементьев с., 37.
Заслонов, Иван Никифоров с., Унянин, 574, 580, 582.
Захарий Кузьмин с., просольный рыбник, 462.
Захаров, Ананий (Онаний) Иванов с., 153, 162.
Звенигородский, Василий, кн., писец, 400, 401, 419, 420, 473.
Зеновий, см. Зиновий.
Зеренин, Андрон (Ондрушка), Туринский (Епанченский) охотник, 639.
Зернов, Игнатий Чаща Конанов с., 206, 277, 290.
Зиновий (Зеновий) Филимонов с., 227.
Зиновия, 644.
Зловидов, Кузьма Филиппов с., Спасский церковный прикащик, 583.
Змеев, Иван, губной староста, 451.
Зубов, Стефан Яковлев с., 435.
Зыков, Иван Васильев с., 356.
Зыкова, Аксинья Федорова дочь, вдова, 294.
Зыковы: Яков, пасынок Аксиньи Федоровой дочери Зыковой, и ее сын Федор, 294.
Зубов, Иван Патрикеев с., 582.
Зубовы: Я. и И., 575.

Иван, кн., см. Иван Михайлович, сын Белозерского кн.
Иван (Иваш), 27.
Иван, Корелянин, 632.
Иван (Ивашка) Андреев с., Низовской луки Вознесенский староста, 221.
Иван Андронов (Ондронов) с., 282.
Иван (Ивашка) Анисимов (Онисимов), кр-н, 16.
Иван Антипов с., 178.
Иван Артемьев (Ортемьев) с., 128.
Иван (Иванка) Боранов с., 558.
Иван Борисов с., 373.
Иван Васильев с., 410.
Иван (III) Васильевич, вел. кн. 13, 14.
Иван (IV) Васильевич, вел. кн., 93, 127, 129—131, 156, 161, 165, 167, царь, 172, 181, 184, 195, 200, 202, 204, 208, 212, 221, 225, 226, 228, 264, 276, 280, 283, 286, 289, 293, 298, 304, 328, 343, 358—360, 367, 371, 390, 405, 421, 481.
Иван Герасимов с., староста Подьюских волостей, 472.
Иван Голова Семенов, 16, 17.
Иван Григорьев (Грихнов) с., 24.
Иван Дмитриев с., кузнец, 462.
Иван Емельянов с., 168, 169.
Иван Ермаков с., кр-н, 558.
Иван Иванов с., Тверитин, 484.
Иван Иванович, вел. кн., 15.
Иван Копыря Федоров с., 271.
Иван Корова Андреев с., 189.
Иван Лодыга Федоров с., извощик, 461.
Иван Львов с., выборный староста, 202.
Иван Михайлович, сын Белозерского кн., 12.
Иван Москва Васильев с., 125.
Иван Непытай Степанов с., кузнец, 548.
Иван Патрикеев с., 449.
Иван Федоров с., извощик, 461.
Иван Федосьев с., 89.
Иван Филиппов с., 327.
Иван Филиппов с., 345.
Иван Фомин с., 77.
Иванка, см. Иван.
Иванов, П., исследов., 496.
Иванова, Федосья Григорьева дочь, жена Воронцова Михайлы, 437.
Ивановы: Юрий, Василий и Антип Емельяновы дети, 220.
Ивачев, Аникий (Оникей) Иванов с., 173.
Иваш, см. Иван.
Ивашка, см. Иван.
Ившины: Некрас, бывший посадский человек, и его племянники: Мосейко и Степанко, 287.
Игнатий Матвеев с., 230.
Игнатий Панфилов с., Архангельский пушкарь, 601.
Игнатий Соболь Астафьев (Остафьев) с., 206.
Игнатий Чаща Конанов с., см. Зернов, Игнатий Чаща Кононов с.
Игнатов, Иван Филиппов с., 368.
Игнатьев, Василий Степанов с., 78.
Игнатьев, Данила Филиппов с., 377.
Игнатьев, Захарий Степанов с., 110, 124.
Игольник, Лев (Левка) Абрамов с., Тверитин, посадский человек, 482.
Илейка, см. Илья.
Ильин, Иван Юрьев с., 531.
Илья Макаров с., Емьскогорский выборный судья, 244.
Илья (Илейка) Терентьев с., Вятчанин, Верхотурский жилец, торговый человек, 627, 628.
Иов, патриарх, 496.
Иона, игум. Николаевского Вяжицкого м-ря, 424.
Иона, игум. Соловецкого м-ря, 8, 9.
Иона Никифоров (Микифоров), с., 62.
Иосиф, архим., 496.
Иосиф, игум. Успенского Тихвинского м-ря, 405, 406.
Иосиф, казначей Николаевского Вяжицкого м-ря, 281, 323, 427—429, 433, 434, 436.
Иосиф, старец Николаевского Вяжицкого м-ря, 426.
Исаак, старец Николаевского Корельского м-ря, 536, 541, 549, 557.
Исаак Семенович, 29.
Исаия, старец Кириллова Белозерского м-ря 448, 455.
Исаия, казначей Николаевского Вяжицкого, м-ря, 281.
Исаия, игум. Соловецкого м-ря, 10.
Исаков, Клементий Захарьин с., Кехтянин, 525.

Исакова, Ульяна Григорьева дочь, Михайлова жена, 363.

Калина Алексеев с., 219.
Калинин, Никита Тимофеев с., 213, 217.
Калинина, Мария Ермолина дочь, Яковлева жена Лукьянова, 489.
Каллист, игум. Саввина-Сторожевского м-ря, 36.
Кантыев, Паента, Вогулятин, 598.
Капков, Ефим Панкратьев с., Пальский складник, 624.
Карамзин, Н. М., историогр. 1, 2.
Карандышев, Федор, 274.
Карзин, Василий Елисеев с., 64, 79.
Карзин, Елисей Степанов с., 34, 59.
Карзин, Степан Филимонов с., 79, 213.
Карзин, Филимон Степанов с., 56, 58, 64, 80.
Карзины: Андреян (Ондреян) и Степан Филимоновы дети, 101, 150.
Карзины: Антоний Нечай и Иван Степановы дети, 118.
Карзины: Василий и Лука Елисеевы дети, 150.
Карзины: Елисей и Филимон Степановы дети, 39, 44, 53.
Карп Вахромеев с., 105.
Карп Семенов с., серебряник, Устюжанин, 380.
Касьян, игум. Кириллова Белозерского м-ря, 6.
Кафтырев, Богдан Прокофьев с., слуга Кириллова Белозерского м-ря, 553.
Качков, Павел Никитин с., 223.
Качков, Федор Демидов с., 223.
Кашин, Степан Игнатьев с., „своеземец", 32,
Кемская, княжна, см. Согорская, Мария Ивановна, кн.
Кемский, Андрей, кн., 65.
Кир Афанасьев с., 577.
Кириак, строитель Николаевского Корельского м-ря, 361.
Кирилл, игум. Богословского Важского м-ря, 13.
Кирилл, игум. Кириллова Белозерского м-ря, 293.
Кирьян Никифоров (Микифоров) с., 101.
Кисель, Иван Григорьев с., 336.
Кисляк, Василий, даньщик, 358.
Китаев, Дмитрий, писец, 14.
Клементьевы: Яков Залома и его дети: Михаил, Иван, Федор и Василий, 43.
Клепашев, Андрей Никифоров с., 353.
Клетянин, Истома Иванов с., 276.
Клобуков, Григорий, дьяк, 540.
Кляпиков, Евдоким Истома Астафьев (Остафьев) с., 377.
Кляпин, Федор Иванов с., 102.
Кобелев, Михаил Леонтьев с., 437.
Кобелев, Никифор, дьяк, 16.
Кобелевы: Федор и Михаил, Вологжане, 438, 439.
Ковлевы: Давыд, Григорий и Симон Михайловы дети, 452.
Ковырзин, Мина Яковлев с., Койдокурец, 524.
Кодаев, Максим Родионов с., Чухченемец, 340.
Кодаев, Родион Иванов с., 63.
Кодаевы: Семен и Авраам Максимовы дети, 453.
Кожемяка, Останя Васильев с., 98, 106.
Козьмин, Захар Никитин с., 419.
Козьма, игум. Кириллова Белозерского м-ря, 360.
Коковин, Иван Степанов с., 269.
Колобов, Вутехий Алексеев с., Вологжанин „с посаду", 404.
Кологривов, Аверкий Михайлов с., 302.
Кологривов, Алексей Яковлев с., 140.
Кологривов, Василий Иванов с., 334.
Кологривов, Григорий Иванов с., 97.
Кологривов, Иван Михайлов с., 76, 90, 94, 96, 110, 123, 132, 159, 191.
Кологривов, Исаак Григорьев с., 145.
Кологривов, Леонтий Иванов с., 391, 515.
Кологривов, Михаил Иванов с., 43.
Кологривов, Михаил Михайлов с., Двинской данный староста, 298, 310.
Кологривов, Николай (Микула) Исаков с., 387.
Кологривов, Семен Григорьев с., 299.
Кологривов, Степан Васильев с., 514.
Кологривов, Терентий Григорьев с., 175, 297.
Кологривов, Феофилакт (Фефилакт) Васильев с., 514.
Кологривов-Большак, Феофилакт (Фефилат) Михайлов с., 190.
Кологривов, Яков Васильев с., 98, 388.
Кологривов, Яков Иванов с., 106.
Кологривов, Яков Кока Иванов с. Яковлев, 382.
Кологривова, Феодора Михайлова дочь, Гуляева жена (Будаева), 333, 338.
Кологривовы: Иван, Аверкий и Михаил Михайловы дети, 268.
Кологривовы: Иван и Моисей Яковлевы дети, 459.
Кологривовы: Иван Михайлов с., и его сыновья: Стефан и Василий, 342.
Кологривовы: Степан Григорьев, Иван и Федор Семеновы дети, 381.
Кологривовы: Терентий Григорьев с. (старец Трифон) и сын его Иван, 392.
Кологривовы: Феофилакт (Фефилатий) и Степан Васильевы дети, 386.
Колтаев, Борис, 27.
Колударов, Василий, дьяк, 444.
Колычев, Федор Иванович, писец, 266.
Комолов, Малахей Степанов с., 168.
Конон Алексеев с., 39.
Конопля, Григорий Петров с., 408.
Константин, Устюжский соборный протопоп, 468.
Константин Мелентьев с., 90.

Константин Парфеньев с., Чушелец, 521, 563.
Коньтеев, Андрей Евсеев с., 155.
Коньтеев, Евсевий Федоров с., 71.
Коньтеев, Еремей Федоров с., 155.
Копальный, Осип Григорьев с., 324.
Кормановы дети: Ульян, Федос, Афанасий (Афонас) и Маремьяна, 207.
Корнилий, казначей Колмова м-ря, 434.
Корнилий, казначей Николаевского Вяжицкого м-ря, 422, 423.
Корова-Соленик, Иван Васильев с., 398.
Коровин, Иван Иванов с., 509.
Коровин, Малафей Михайлов с., 149.
Корозладин, Иван, 633.
Короткий, Ананий Каллистратов с., данный и оброчный сборщик, 534.
Корсаков, Илья, 602.
Корсаков, Ратай Артемьев с., 558.
Корсаков, Федор, 371.
Корякины: Севастьян и Яков Панфиловы дети, Ухтоостровцы, 503.
Косоногова, Фетинья Никифорова дочь, жена Ермолы Чевакина, 157.
Костицыны: Савелий Игнатьев с., его жена Федосья и сын Третьяк, жильцы Архангельска, 589.
Косткин, Семен, государев дьяк, 406, 422, 423, 426, 432—434.
Костромин, Афанасий (Афонасий) Емельянов с., 262, 312.
Костылев, Иван Лаврентьев с., 175.
Костылев, Леонтий Григорьев с., 410.
Косяк, Мартын (Мартынка), кр-н, 16.
Котара, Тимофей Михайлов с., Каменчанин, 346.
Котов, Алферий (Олферий) Агафонов с., 362.
Котов, Иван Иванов с., 451.
Кохнов, Кузьма Константинов с., 304.
Кочуровы: Данила и Савва Андреевы дети, 566.
Кринкин, Ларион Алексеев с., 372.
Кривдин, Анцыфер Васильев с., 321.
Кубекин, Афанасий (Афонасий) Антоманов (Онтоманов) с., 234.
Кубенский, Иван Иванович, кн., дворецкий, 88.
Куземка, см. Кузьма.
Кузнец, Семен Федоров с., 72.
Кузнецов, Василий Михайлов с., 99.
Кузнецов, Иван Демидов с., 99.
Кузнецов, Иван Непытай Степанов с., 389.
Кузнецов, Леонтий Лукин с., церковный староста, 625.
Кузнецов, Потап Самойлов (Самылов) с., 51.
Кузнецова, Евфросиния („Опросенья“) Еремеева дочь, 262.
Кузнецова, Ховронья Александрова дочь, Вахромеева жена Кузнецова, 48.
Кузнецовы: Григорий и Сидор Лукины дети, 23.
Кузнецовы: Михаил, Алексей, Маланья и Аксинья (Оксинья) Вахромеевы дети, 48.
Кузнецовы: Михаил, Федосей, Гаврила и Иван Демидовы дети, 67.
Кузнецовы: Михаил, Федосей и Иван Демидовы дети, 78.
Кузьма, игум. Кириллова Белозерского м-ря, 367.
Кузьма Иванов с., кожевник, 462.
Кузьма Клементьев с., 15.
Кузьма Родионов с., Климентовский церковный староста, 189.
Кузьма Терентьев с., 141.
Кузьма (Куземка) Терехов с., 97.
Кузьма Филиппов с., Спасский церковный прикащик, 556, 604, 629.
Кузьмин, Лука Данилов с., 599, 605.
Кузьмин, Михаил Леонтьев с., 62, 63.
Куколкин, Федор Никитин с., 292.
Куколкины: Селянин и Владимир Федоровы дети, 509.
Кулаков, Иван Артемьев с., 229.
Кулаков, Лаврентий Иванов с., 198.
Кулаков, Яким Тарасьев с., Унянин, 574.
Кулев, Василий Иванов с., Холмогорец, 305.
Курдумов, Тимофей (Тимоня), 33.
Кусилов, Ширяй, Костромитин, 455.
Курейский, Федор Павлов с., 166.
Курцов, Фуник, дьяк, 107.
Кутала, Василий Яковлев с., Корелянин, 567, 576.
Лаврентий, старец Николаевского Корельского м-ря, 303.
Лаврентьев, Андреян (Ондреян) Дементьев с., 177.
Лавров, Филимон Алексеев с., 216.
Лавровы: Василий и Крека Дементьевы дети, 394.
Лазарев, Дружина, дьяк, 221.
Ларивонка, см. Ларион.
Ларион Иванов с., из Пярдомли, 370.
Ларион Истома Савин с., 375.
Ларион (Лавривонка) Мелентиев с., кр-н дворцовой волости Спасского Шальского погоста в Заонежье, 546.
Ларион Михайлов с., Ижмянин, 79, 263.
Ларионов, Семен Евдокимов с., Чухченемец, 554.
Ласея, Малафей Федотьев с., 158.
Ласкирев, Иван Михайлович, Двинский воев., 542, 544.
Латухин, Тимофей Иванов с., 539.
Лебедев, Михаил Антоманов (Онтоманов) с., Кехтянин, 502.
Лев (Левка) Пафнутьев (Пахнутьев) с., Лисеостровец, 328.
Левка, см. Лев.
Левков, Иван (Ивашка), 33.
Левонтьев, см. Левонтьев.
Леонтий Дорофеев с., 146.
Леонтий Фомин с., 409.
Леонтий Харлантьев с., 206.

Леонтьев (Левонтьев), Василий Дмитриев с., Лисеостровец, 328.
Леонтьев, Иван, подьячий, 266.
Леонтьев, Филипп Васильев с., 312.
Леонтьева, Ненила Михайлова дочь, 126.
Лешие: Василий Есипов с. и его сын Кузьма, 52.
Леший, Никита Есипов с., 125.
Лихачев, Андрей, писец, 248—255, 257, 258, 415.
Литвинов, Бакака Павлов с., сын боярский архиепископа Новгородского и Псковского, 311.
Лихачев, Кирилл Афанасьев с., 520.
Лобанов-Ростовский, Петр Семенович, кн., Новгородский воев., 446.
Лукашевы: Андрей и Петр Лукьяновы дети, Уняне, 318.
Лукин, Давыд Григорьев с., 354.
Лукьян Исакиев с., священник, 469.
Лучник, Иван Иванов с., 427.
Лучников, Дмитрий Никитин с., 207.
Лучников, Яков Алферьев с., Ильинский церковный староста, 187.
Лыков, Иван Федоров с., 410.
Лыжины: Василий и Вахромей Андреевы дети, 337.
Любовников, Иван Иванов с., 88.
Любученинов, Розгильдей Григорьевич, 577.
Людин, Петр Иевлев с., Глинчанин, 374.
Лютый, Яков Оботура Ларионов с., 71.

Макар Абросимов (Обросимов) с., 33.
Макарий, архиепископ Новгородский, 109.
Макарий, игум. Кириллова Белозерского м-ря, 17.
Макарий, келарь Николаевского Вяжищского м-ря, 432.
Макаров, Александр Федоров с., 35.
Макаровы: Емельян и Иван Алексеевы дети, 163.
Максим Ермолин с., 66, 69.
Максим Кузьмин с., кожевник, 462.
Максим Митрофанов с., Низовский крестьянин с Вагина о-ва, 485.
Максимовы: Яков и Антон, попы, 26.
Малафеев, Пантелей Григорьев с., кр-н Заостровской вол., 569.
Малахей Стефанов с., 115.
Малой, Михаил Павлов с., Ухтоостровец, 350.
Манкошев, Тимофей, крестьян., 370.
Мансуров, Федор Иванов с., 273.
Мануевы дети: Иван, Денис и Максим, 30.
Мануил, епископ Смоленский, 4.
Маремьяна Пахомова дочь, 79.
Маремьяна Семенова дочь, Никитинская жена, 307.
Марина, жена Филиппа Ильина с., 339.
Мария Ярославна, вел. кн., 5.
Марк, игум. Кириллова Белозерского м-ря, 495.
Марк Ананьин (Онаньин) с., 60.
Марк Калинин с., 487.
Мартемьян Вешняк Еремеев с., 338.
Мартемьян Иванов с., 471.
Мартьянов, Богдан, губной староста, 451.
Мартын, Корелянин, 632.
Марфа [Борецкая], 28.
Матвей, конюх Кириллова м-ря, 446.
Матвей Амосов с., 242.
Матвей Григорьев с., Ильинский староста, 179.
Матвей Дериба Михайлов с., 18.
Матвей Кузьмин с., 95.
Матвей Нечаев с., внук старца Архангельского м-ря Лаврентия Рыжего, 538.
Матрена, 160.
Матрена, „матушка“ Якова Степанова с. Вындомского, 494.
Матрена Никифорова (Микифорова) дочь, жена Бориса Елисеева с., 101.
Матренин, Лука Иванов с., Холмогорец, 203, 288.
Матюшкин, Пятой Иванов с., Ярославский городовой прикащик, 545.
Маурины-Зайцевы: Скурат, Третьяк, Русин и Иван Леонтьевы дети, 280.
Машин, Матвей Григорьев с., прикащик, 187.
Медведев, Ждан, денежный сборщик, 429.
Мейчик, Д. М., исследов., 6.
Мелентьевы дети: Степан, прозвище Томила, и Филипп, 513.
Мельдяшев, Иван, 530.
Мельник, Иван Иванов с., 314.
Меньшик Гаврилов с., 497.
Меркурий, старец Кириллова Белозерского м-ря, 346.
Микитка, см. Никита.
Микулин, см. Никулин.
Микулины, см. Никулины.
Митрофан, Троицкий старец, 189.
Митрофанов, Третьяк, дьяк, 233.
Михаил (Мишук) Аксентьев (Оксеньев) с., 47.
Михаил Александров с., 240.
Михаил Андреевич, Белозерский кн., 6, 12.
Михаил Лаврентьев с., 135, 143.
Михаил Матвеев с., 585.
Михаил Федорович, царь, 127, 131, 343, 481.
Михаил Филиппов с., даньщик, 270.
Михайлов, Иосиф, Каргопольский городовой прикащик, 265.
Михайлов, Федор Озорной Васильев с., 366.
Михайловы дети: Иван и Антоман (Онтоман), 80.
Михайловы дети: Кондратий и Истома, 352.
Михайловы: Сергей и Григорий Антипины дети, 317.
Мишук, см. Михаил.
Мишурин, Семен Федоров с., дьяк, 323.
Моисей Аксентьев с., 465.
Моисей Иванов с., 52.
Моклоков, Тимофей (Тишко), дьяк, 33.
Монастырев, Терентий Матвеев с., 186.

Монастырский, Федор Федотьев с., 218, 222.
Монастырский, Яков Игнатьев с., 112, 136.
Москвин, Мина Иванов с., дьякон, 259.
Москвин, Савва Страхов с., 54.
Мосолов, Федор, 167.
Мошко, Филат Васильев с., Ненокшанин, 278.
Мыргабский, Леонтий Иванов с., 329.
Мякин, Леонтий Лаврентьев с., 196.

Надеин, Козьма Меньшик Моисеев с., 565.
Надеин, Семен Алферьев (Олферьев) с., 565.
Назар Тимофеев с., Куростровец, 581.
Назарий Афанасьев (Афонасьев) с., 113.
Назаровы дети: Савва и Григорий, 508.
Назарьин, Григорий Лукин с., 295.
Назарьин, Михаил Яковлев с., 260, 312.
Нарабалда, Иван Григорьев, 326, 332, 409, 464.
Нармацкий, Иван, дьяк, 557, 569, 607—611.
Настасья Яковлева дочь, 396.
Нафанаил, игум. Успенского Аркажского м-ря, 121, 122.
Неелов, Иван, 591.
Некрасов, Филипп Антуфьев (Онтуфьев) с., Ненокшанин, 442.
Немой-Ключников, Карп Федоров с., 100, 162.
Непытаев, Афанасий Иванов с., 551.
Нергий, Верхотурский вогулятин, 634.
Нестер Болобан Никитин с., 124.
Нестер Никитин с., 68.
Нефедьев, Филипп Яковлев с., подьячий, 81.
Нецветай Власьев с., 431.
Нечаев, Сергий Игатьев с., слуга Троицкого Клименецкого м-ря, 571.
Нечай Нестер Иванов с., 87, 136, 189.
Нечай Савельев с., площадной подьячий, 241.
Нечай Степанов с., 577.
Нешев, Кирилл Нестеров с., 160.
Никандр, казначей Николаевского Вяжищкого м-ря, 281.
Никита Булан Фаддеев с., 474.
Никита (Микитка) Васильевский с., кр-н, 309.
Никита Семенов с., 54.
Никита Третьяков с., 558.
Никитин, Василий Григорьев с., 265.
Никитин, Иван Матвеев с., 297, 299, 310.
Никитин, Семен Матвеев с., Матигорец, 463.
Никитин, Федор Матвеев с., Лисеостровец, 328.
Никифор, казначей Николаевского Вяжищкого м-ря, 444.
Никифор Фомин с., Новгородец, кожевник, 447.
Никон Марков с., 239.
Никулин (Микулин), Ларион Семенов с., 315.
Никулин (Микулин), Федот Иванов с., см. Никулины.
Никулины (Микулины): Федот и Евгения Ивановы дети, 192, 199, 315, 452.
Ногуева, Марфа Емельянова дочь, Гаврилова попадья, с детьми: Карпом, Улитою и Авдотьей, 292.

Обакумовы, см. Аввакумовы.
Оболенский, Иван Васильевич, кн., боярин, 82.
Обросий, см. Амвросий.
Овдеев, см. Авдеев.
Овдоким, см. Евдоким.
Огалин, Василий Третьяков с., писец, 344.
Огапитов, см. Агапитов.
Огарев, Иван Григорьевич, писец, 458.
Озорной, Федор Васильев с., 352.
Олферов, см. Алферов.
Олферьев, см. Алферьев.
Олфимья, 29.
Олшутин, Корман Алексеев с., 179.
Омелфа Якимова дочь, 24.
Омонин, Авраамий Стефанов с., старец, 302.
Онаний, см. Ананий.
Ондрон, см. Андрон.
Онисим, см. Анисим.
Оничков, см. Аничков.
Онтомановы, см. Антомановы.
Онцифор, см. Анцифер.
Орлов, Семен Кириллов с., 247.
Осеев, Илья, дьяк, 395.
Осип Петров с., 508.
Осиповы: Марфа и Татьяна Григорьевы дочери, 376.
Остафий, см. Астафий.
Остафьев, см. Астафьев.
Офонасий, см. Афанасий.
Офутин, Кирилл Михайлов с., Двинской данный староста, 298.
Охлупнин, Елисей Рюма Яковлев с., Спасский церковный прикащик, 498 — 503, 505—507.
Ошурков, Гаврила Васильев с., 440.
Ошурков-Горончаров, Василий Алферьев (Олферьев) с., 243.

Павел, 27.
Павел Анкудинов с., 114.
Павел Васильев с., денежный сборщик, 429.
Павел (Пашко) Гридин с., 97.
Павел Зиновьев с., 58.
Павел (Павлик) Леонтьев с., Тобольский пашенный кр-н, 634.
Павел Михеев с., 23.
Павел Никитин с., 325.
Павел Фомин с., 18.
Павлик, см. Павел.
Пантелеев, Федор, 367.
Парасковьин, Епифан Нечаев с., Ненокоцкий посадский данный староста, 491.

Пасынков, Истома Андреев с., сын боярский архиепископа Новгородского и Псковского, 311.
Патрикей Петров с., церковный дьячек Ненокоцкого посада, 491.
Пахирев, Прокофий, дьяк, 13.
Пахомов, Меньшик, Белозерский городовой прикащик, 289.
Пашко, см. Павел.
Пелепелкин, Истома Гаврилов с., сотник, 273; Троицкий церковный староста, 317.
Пенков, Даниил Александрович, кн., 16, 17.
Первой Леонтьев с., Глинчанин, кузнец, 584.
Пердунов, Агафон Семенов с., 536.
Передерня, Иосиф (Осиф) Никифоров с., 512.
Перфильев, Андреян, городовой прикащик, 184.
Перфирий Шестак Дементиев с., 329.
Перфирьев, Дмитрий Семенов с., Кехтянин, 525.
Перша Савин с., 109.
Петр Иванов с., выборный судья, 336.
Петров, Леонтий, подьячий, 559.
Петровы дочери: Домна и Марина, 191.
Петровы: Леонтий и Федор Васильевы дети, 112.
Пинай Степанов с., Тобольский казачий атаман, 590.
Плещеев, Андрей, писец, 403, 411 — 418, 420.
Поздей Астафьев (Остафьев) с., земский дьяк, 221.
Поздей Григорьев с., 404, 504.
Поздник Ульянов с., просольный рыбник, 461.
Полежаев, Елизар Иванов с., 37.
Пономаревы: Григорий, Сидор Топор и Осип Федоровы дети, 145.
Попов, Дементий Михайлов с., из Лявли, 505.
Попов, Иван Амосов (Омосов) с., 76, 134.
Попов, Иван Худяк Астафьев (Остафьев) с., 41.
Попов, Мирон (Миронец) Клементьев с., Вознесенский дьяк, 116.
Попов, Михаил Васильев с., 117.
Попов, Семен Семенов с., 331, 345, 394.
Попыткин, Иван Васильев с., 462.
Поротик-Высочкин, Василий Мартемьянов с., Ненокшанин, 553.
Порядин внук, Иван Семенович, 25.
Посельских, Иван Гневаш Дмитриев с., Спасский церковный прикащик, 524, 525.
Посолонный, Леонтий Мартемьянов с., 135, 143.
Поспел, Панфил Данилов с., 550.
Постенков, Григорий Некрас Яковлев с., 102.
Потап Самойлов (Самылов) с., 67.
Потапьевы дети: Панфил и Федор, 74.
Поткин, Богдан, выборный судья Подвинского стана Важского у., 497.
Потямов, Нефед Васильев (Васков) с., кр-н, 32.
Починков, Аникий, 361.
Пронская, Соломонида, кн., 147.
Пронский, Петр Данилович, кн., Новгородский наместник, 323.
Протопопов, Елизарий Юрьевич, 573.
Проурдин, Алексей Григорьев с., 320.
Прощелыкин (Прощолыкин), Евсей Ананьин (Онаньин) с., 41.
Прощелыкин (Прощолыкин), Игнатий Исаков с., 111.
Прощелыкин, Игнатий Лукин с., 291.
Прощелыкин, Лука, 83.
Прощелыкин (Прощолыкин), Наум Евсеев с., 41.
Прощелыкин (Прощолыкин), Семен Евсеев с., 111.
[Прощелыкины]: Исаак [Евсеев с.] и его дети: Захарий и Василий, 85.
Прощелыкины (Прощалыкины): Лука и Исаак Евсеевы дети, 35.
Прощелыкины (Прощолыкины): Наум, Иван, Петр и Семен Евсеевы дети, 85.
Прощолыкин, см. Прощелыкин.
Прощолыкины, см. Прощелыкины.
Путилов, Ждан Григорьев с., 420.

Рахманин Воронов с., подьячий, 473.
Репьев, Иван Григорьев с., Тверской городовой староста, 480, 483.
Репьев, Третьяк, дьяк, 395.
Родион Иванов с., 49.
Ростислав Мстиславич, Смоленский кн., 3.
Рубцов, Зиновий Филимонов с., 327.
Румянцов, Кузьма Васильев с., дьяк, 281.
Румяный, Никита, дьяк, 467.
Рупосов, Рахманин, 633.
Рыжий, Лаврентий, старец Архангельского м-ря, 538.
Рыжий, Леонтий Архипов с., Вознесенский церковный староста, 319.
Рясина, Екатерина Васильева дочь, 356.
Рясницын, Владимир, 630.

Сабуров, И., 575.
Сабуров, Иван, помещик, 479.
Сабуров, Семен Федорович, Тобольский воев., 635, 637, 639, 642.
Сабуров, Юрий Константинович, писец, 22.
Савва Васильев с., Пинжанин, 548, 551.
Савва Еремеев с., 70.
Савва Семенов с., 19.
Салманов, Гаврила Самойлович, Верхотурский голова, 640, 641.
Салтыков, Андрей, писец, 445.
Самарин, Юрий Никулин (Микулин) с., 364.
Самойла Леонтьев с., 464, 497.
Самойла Федоров с., огородник, 462.
Селиван Еремеев с., 44.

Селиверстовы, см. Селивестровы.
Селивестровы (Селиверстовы) дети: Тимофей и Гаврила Барсан, 113, 114, 118, 154.
Семейка, см. Семен.
Семен Абросимов (Обросов) с., 497.
Семен Григорьев с., кр-н Заостровской вол., 569.
Семен Данилов с., 537.
Семен Емельянов (Омельянов) с., 516.
Семен Иванов с., колпачник, 462.
Семен (Семейка) Иванов с., Тюменский конный казак, 637.
Семен Киприянов с., 90.
Семен Климов с., 9.
Семен (Семейка) Кузьмин с., подьячий, 412, 414.
Семен Тарасов с., 33.
Семен Федоров с., „человек“ Михайлов Леонтьева сына Кобелева, 437.
Семен (Семейка) Филиппов с., подьячий, 457.
Семенов, Харлампейко, 91.
Семеновы дети: Алфер (Олфер) и Семен, 508.
Серапион, казначей Николаевского Вяжицкого м-ря, 311.
Сергеевы дети: Девятый и Иван, 408.
Сергий, старец Николаевского Корельского м-ря, 303, 361, 391, 392, 407.
Сергий Алексеев с., старец, 341.
Середерцов, Третьяк Васильев с., просольный рыбник, 461,
Серков, Григорий Васильев с., кр-н Заостровской вол., 569.
Сецакин, Яков Кузьмин с., Московский жилец, Тверской „веденец“, 398.
Сибирцев, И. М., исследов., 28.
Сиверицын, Несветай Власьев с., 561.
Сидор Емельянов с., 271.
Сидор Малафеев с., 169, 185.
Сидоров, Юрий, дьяк, 172.
Силуян, старец Николаевского Корельского м-ря, 240, 245.
Сицкий, Иван Васильевич, кн., боярин, Астраханский воев., 517.
Скопин-Шуйский, Василий Федорович, кн., боярин и Каргопольский наместник, 456.
Скотник, Потапий (Потафий) Фомин с., Новгородский посадский человек, 286.
Скрыпицын, Андрей Михайлов с., 420.
Скулин, Яков Ефимов с., Вилеженин, 372.
Скурата, Прокофий Зиновьев с., писец, 21.
Сназин, Леонтий, Софийский боярский сын, 585.
Согорская (урожд. княжна Кемская), Мария Ивановна, кн., 147.
Созонт, старец Соловецкого м-ря, прикащик Ненокоцкого промысла, 455.
Софроновы дети: Нестор, Никифор и Макар, 91.
Спиридон Семенов с., 187.
Старожилов, Андрей Семенов с., 348.
Старый, Алексей Михайлович, 323.
Степан, 104.
Степан Акулов с., 220.
Степан Анисимов с., 158.
Степан Игнатьев с., 47.
Степан Ларионов с., 306.
Степан Федоров с., подьячий, 457, 473.
Степановы дети: Елисей и Филимон, см. Карзины, Елисей и Филимон Степановы дети.
Стефан Иванов с., Архангельский прикащик, 196.
Стефан Ульянов с., 593.
Страхова, Марина Савина дочь, 76.
Строгановы: Максим, Петр и Андрей, 613.
Строев-Верещага, Иван Семенов с., 379.
Строевы: Иван Верещага и Конан Кошка Семеновы дети, 347.
Стухин, Леонтий Михайлов с., 410.
Сувор, сын старца Сергия Алексеева с., 341.
Суворов, Степан, Бежецкий городовой прикащик, 529.
Сукин, Федор Иванович, казначей, 172.
Суковесов, Василий Иванов с., 164.
Сундуков, Василий Федоров с., 460.
Сухан-Иванов, Дмитрий Андреевич, тиун Двинского наместника, 83.
Сухан Платонов с., просольный рыбник, 461.
Сухогобылец, Фома Иванов с., 205.
Сухой-Шапка, Карп Иванов с., 320.
Сухолжинов, Федор Астафьев (Остафьев) с., 242.
Сухоруков, Иван Алферьев с., 246.

Тарас (Тараска) Андреев с., крестьян., 585.
Тараска, см. Тарас.
Таратунин, Якунка, Верхотурский казак, 616.
Тарханов, Филимон Иванов с., 279.
Тараханова, Анна Никифорова дочь, 279.
Татаркин, Григорий Павлов с., 194.
Татаркин, Павел Петров с., 128, 193.
Тверков, Неупокой Иванов с., 492.
Тевяшов, Иван Никитич (Микитич), 38.
Теглевы: Петр, Степан и Воин Васильевы дети, 419.
Терентий, 58.
Терентий Андреев с., 471.
Терентьевы дети: Иван, Епифан, Степан, Яков и Леонтий, 45.
Тестов, Василий Климентьев с., 301.
Тимофеевы дети: Афанасий и Федор, 183.
Тимофей Андреев с., 148.
Тимофей Меньшик с., 435.
Тимофей Михайлов с., писец, см. Афанасьев.
Тиханов, Дмитрий, Холмогорский таможенный целовальник, 488.
Тихон, игум. Авраамиева Галицкого м-ря, 421.
Тойвотовский, Карп Исаков с., 47.
Толмачев, Добрыня, Белозерский городовой прикащик, 441.

Тошак, Антоман (Онтоман) Тарасов с., 566.
Тошак Тарасов с., Двинской данный староста, 560.
Траханиотов, Тихон, Пелымский воев., 636, 638.
Третьяк, 562.
Третьяк Гаврилов с., портной мастер, Москвитин, 378.
Третьяк, Иван Родионов с., 141, 142.
Третьяк, Кузьма Алексеев с., 100.
Третьяк Меркуров с., слуга Кириллова Белозерского м-ря, 523.
Третьяков, Иван Иванович, казначей, 172.
Третьяков, Третьяк Игнатьев с., кр-н Спасского Кижского пог., 571.
Трифон, старец, см. Кологривов, Терентий Григорьев с.
Трифон, старец Николаевского Корельского м-ря, 353.
Трифон Данилов с., 341.
Троекуров, Федор Михайлович, кн., боярин, Астраханский воев., 517.
Тронин, Михаил Никифоров с., 466.
Трофимовы дети: Михаил и Афанасий, 238.
Трубецкой, Семен Александрович, кн., Устюжский наместник, 129.
Трубин, Василий Анкудинов с., 243.
Трубин, Елизар Федоров с., Лисеостровец, 154.
Трусов, Григорий, дворцовый дьяк, 617.
Тулутьин, Кузьма Григорьев с., 471.
Тупица, Григорий Тимофеев с., 103, 137, 138.
Турабей, Семен, бывший Турчасовский выборный судья, 265.
Тырков, Иван, служилый человек, 626.
Тючка, Иван Иванов с., 329.

Угрюмов, Василий Степанов с., Новгородский дьяк, 261.
Удоев, Демид Некрас Терентьев с., 142.
Удоева, Варвара Степанова дочь, жена Тимофея Иванова с. Латухина, 539.
Уский, Юся, 630.
Устинья, жена Мокея Иванова с. Бакова, 518.
Ухтомский, Петр Александрович, кн., 226.
Ушак, Ермола Наумов с., Ухтоостровец, 531.
Ушак, Яков Есипов с., 300.
Ушаков, Василий Петров с., Двинский тиун, 19.
Ушаков, Иван Федоров с., 420.

Фалилей Васильев с., 55.
Федор, 284.
Федор (Федька), брат Макара Абросимова с., 33.
Федор, брат Саввы Семенова с., 19.
Федор Алексеевич, царь, 360, 481.
Федор Анциферов (Онцифоров) с., 59, 75.
Федор Борисович, паревич, 360.
Федор Ермолин с., слуга Николаевского Корельского м-ря, 603.
Федор Зиновьев с., Троицкий церковный староста, 477.
Федор Иванович, царь, 127, 131, 156, 225, 441, 450, 456, 460, 476, 481, 488, 517, 519, 523, 527—530, 532, 535, 542, 546, 547, 558, 560, 573, 579.
Федор Кляпик Иванов с., 171.
Федор Кондратьев с., 48.
Федор Лукин с., 550.
Федор Макарьин с., Куростровец, 581.
Федор Матвеев с., Двинской данный староста, 519.
Федор Никифоров (Микифоров) с., губной целовальник, 309.
Федор Прокофьев с., 290.
Федора, см. Феодора.
Федоров, Василий Иванов с., 56.
Федоров, Иван Петров с., 293.
Федоров, Кирилл Вахрамеев с., 599.
Федоров, Тимофей, дьяк, 390.
Федосий, см. Феодосий.
Федот Климентьев с., целовальник, 425.
Федька, см. Федор.
Феогност, старец Николаевского Вяжицкого м-ря, 395.
Феодора (Федора) Ларионова дочь, старица, 180.
Феодорит, старец Архангельского м-ря, 245.
Феодорит, старец Кириллова Белозерского м-ря, 448, 455.
Феодосий, 313.
Феодосий, игум. Кириллова Белозерского м-ря, 82.
Феодосий, старец Николаевского Корельского м-ря, 490.
Феодосий (Федосий) Максимов с., 70.
Феодосий Савельев с., 550.
Феофил, архиеписк. Новгородский и Псковский, 10, 11.
Феофил Алферов (Олферов) с., слуга Богословского Важского м-ря, 244.
Феофил (Фефилка) Васильев с., староста, 523.
Феофил Никитин с., 92.
Феофилка, см. Феофил.
Филиксов, Борис Архипов с., Двинской переведенец, Ненокшанин, Московский жилец Устюжской сотни, 342, 443.
Филимон Афанасьев с., 409, 464, 497.
Филимон Леонтьев с., 68.
Филимоновы дети: Андреян (Ондреян) и Степан, см. Карзины, Андреян и Степан.
Филипп, муж Марфы Борецкой, 28.
Филипп Игнатьев с., 224.
Филипп Ильин с., 339.
Филипп Ларионов с., портной мастер, 576.
Филипп Мартемьянов с., 72.
Филипп Родионов с., 151, 152, 221.
Филипп Федоров с., кузнец, 238.
Филипп Юрьев с., подьячий, 458.

Филипп Яковлев с., 120.
Филиппов, по прозвищу Беляй, Андрей Иванов с., Чухченемец, 631.
Филипповы дети: Данила и Моисей Шумила, 368.
Фиселицына, Поладья Константинова дочь, Афонасьевская жена, 203.
Фома Маноилов с., 11.
Фома Федоров с., 18.
Френев, Федор, 421.

Хабаров, И., 575.
Харамзин, Филипп Ананьин (Онаньин) с., 97.
Харитон (Харка), кр-н, 519.
Харка, см. Харитон.
Харламов, Нечай Владимиров (Володимеров) с., 121, 122.
Харлантий Иванов с., 176.
Хворостинин, Федор Иванович, кн., дворецкий, 355.
Хвостов, Бражник, 256.
Хлебник, по прозвищу Малой, Лука Никифоров с., Вологжанин, 504.
Хлопотовский, Яков Савельев с., 563.
Хмелевский, Иван Дмитриев с., 378.
Хметевские: Иван Тимофеев с. и его сыновья: Дмитрий и Тимофей, 535.
Хованский, Данила Васильевич, кн., 147.
Ховрин, Дмитрий Владимирович, казначей, 32, 33.
Хомутов, Степан, 545.
Худяков, Марк Есипов с., 119.

Цивилев, Терентий Григорьев с., 20.

Частиков, Клим Иванов с., староста Тавренской вол., 472.
Чаща, Игнатий Кононов с., см. Зернов.
Чащина, Феодора (Федора) Игнатьева дочь, 324.
Чевакин, Иоасаф Иванов с., старец, 214.
Чевакин, Кузьма Иванов с., 46, 84.
Чевакин, Федор, 83.
Чевакины: Борис, Евстрат Истома, Максим, и Стефан Кузьмины дети, 132.
Челищев, Федор Ильин с., Сольвычегодский прикащик, 129, 264.
Чемакин, Емельян (Омельян) Яковлев с., 183.
Чемакин, Семен Емельянов с., 511.
Черленикова, Мария Петрова дочь, 76.
Чермной, Карп Вахрамеев с., 119.
Черной, Григорий Павлов с., Хмельницкий староста, 472.
Черноскулов, Меньшой Родионов с., 487, 489.
Черный, Григорий Астафьев с., 148.
Черный, Семен Иванов с., 137, 138, 146, 160.
Чириков, Константин (Костя) Семенович, 42.
Чун, Исаак Пахомов с., 234.
Чупреянов, Иван Афанасьев с., 96.
Чупреянов, Леонтий Лаврентьев с., 94.
Чупреяновы: Никита и Михайло Феофилатьевы дети, 96.

Шамов, Василий Сидоров с., 584.
Шапкин, Михаил Дмитриевич, 16, 17.
Шатилов, Семен (Семейка), „государев посланник“, 424.
Шахматов, А. А., академик, 28.
Шеинов, Назарий Евфимьев с., 625.
Шелепугин, Влас Васильев с., 565.
Шелешпальские: Марфа Петрова и сын ее Козьма-Богдан Осипов с., князья, 588.
Шетнев, Иван Алексеевич, 523.
Шибуда, Лаврентий Родионов с., 20.
Шилов, Диомид Прокофьев с., 454.
Шипунов, Кирилл Орел Иванов с., 215, 222.
Шкулев, Исай Власьев с., 209.
Шкулевы: Макар и Иван Исаковы дети, 295.
Шкулевы: Марфа и Мария Федоровы дочери, 295.
Шуигин, Абросимов (Обросимов) с., 33.
Шулемеин, см. Шулемин.
Шулемин, Иван Антипин с., 349, 440.

Щелкалов, Андрей, дьяк, 473, 541.
Щелкалов, Василий, дьяк, 549.
Щелканов, Харитон Тимофеев с., 539.
Щербатов, Меркурий (Меркулий) Александрович, кн., Тверской воев., 483, 484.
Щербина, Фока Харитонов с., 272, 279, 285.

Юрий, сын Омелфы Якимовой дочери, 24.
Юрий Васильевич, кн., 264.
Юрий Павлов с., староста Ровдинской вол., 410.
Юрий Прокофьев с., 40.
Юрьев, Григорий Терентьев с., 374, 381.
Юрьевы дети: Савва и Сидор, 30.
Юшины: Наум и Яков Савины дети, 64.
Юшков, Дементий, 591.

Яким, старец Николаевского Корельского м-ря, 570.
Яким Емельянов с., Ижмянин, 263.
Яким Романов с., 171.
Яким Тарасьев с., 393.
Якимовы дети: Яков и Федот, 101.
Яков Емельянов (Омельянов) с., Тверитин, портной мастер, 483.
Яков Лобан Савельев с., 521.
Яков Никитин с., Пальский складник, 624.
Яков Обатура Ларионов с., 155.
Яковлевы: Давыд, Грибан, Симон и Третьяк Михайловы дети, 316.
Яковлевы дети: Емельян (Омельян) Чемака и Астафий (Остафий), 211.
Янов, Федор Осипович, Туринский (Япанчинский, Епанчинский) голова, 635, 636—639, 642.
Япанча, Остяк, 637.
Ярцов, Степан Потапьев (Потафьев) с., конский барышник, 461.
Яхонтов, Никита Григорьевич, писец, 235, 236, 237.

Указатель географических названий в „Описании актов“.

Айнова гора, в Двинском у., 19.
Алексеев участок, в Поморьи, 30.
Алисовская пожня на Большом острове в Чухченемской вол. Двинского у., 216, 239.
Андреянов берег, Двинского у., 604.
Анзерский о-в (Анзеры), на Белом м., 8.
Анзеры, о-в, см. Анзерский о-в.
Антониевский пог. на Дымех, Обонежской пятины Нагорной половины, 403.
Артемия Левонтьева дворище, на Ухтоострове, 312.

Бадожская вол., Белозерского у., 266, 457.
Бежецкая пятина Белозерская половина, 400, 401, 419, 420, 469, 470, 630.
Бежецкий Верх, у., 294, 356, 529.
Бектеево, с-цо, в Каменском стану Рязанского у., 167.
Белое оз., в Двинском у., 87.
Белозерский у., 82, 266, 280, 283, 289, 367, 457.
Белоозеро, пос., 287, 289, 293, 367, 397, 441, 523.
Бельский пог., Шелонской пятины, 402.
Березуи Радонецкий Михайловский пог., см. Михайловский Березуи Радонецкий пог.
Бирилевское, с-цо, в Окологородском стану Вологодского у., 81.
Бобров ручей, в Неноксе, Двинского у., 232, 524.
Бобровая гора, 10.
Богородский стан Белозерского у., 280.
Богоявленский прих. Ухтоостровской вол. Двинского у., 177.
Большая река, 227.
Большая Режма, р., 353.
Большой наволок, на р. Малой Юре, Чухченемской вол. Двинского у., 554.
Большой о-в (Песчаник, Сяндевер), в Чухченемской вол. Двинского у., 60, 135, 143, 179, 207, 213, 216, 217, 224, 227, 239, 327, 331, 340, 341, 345, 368, 373, 377, 453, 454, 474, 631.
Борисоглебский приход в Матигорской вол. Двинского у., 475.
Борок, дер., в Койдокурском стану Двинского у., 552.
Бреньковская, дер., 12.
Букаркинская дер., на р. Ижме, Двинского у., 41, 263.
Быкокурский стан Устюжского у., 225.
Быстрокурская вол. Двинского у., 519.

Вага, обл., см. Важский у.
Вагин о-в, Двинского у., 206, 290, 485.
Важский у., 7, 13, 92, 270, 284, 326, 332, 337, 408, 410, 464, 465, 477, 497, 534, 550, 605, 643.
Варзуга, вол., см. Варзужская вол. Двинского у.
Варзужская вол. Двинского у., 344, 541, 549, 557, 570, 603.
Васильевский колодезь, в Уне Двинского у., 229.
Васютинский наволок, за р. Малой Юрой, Чухченемской вол. Двинского у., 554.
Вашпонский стан Белозерского у., 289.
Великая Курья, вол., Двинского у., 151, 152.
Великие места, в Неноксе, Двинского у., 134, 200, 215, 218, 222, 247, 274, 305, 320, 374, 514.
Великий о-в, в Чухченемской вол., Двинского у., 79.
Вениба, 329.
Веретея, дер., в Михайловском Березуи Радонецком пог. Бежецкой пятины Белозерской половины, 419.
Веркола, вол., см. Веркольская вол. Двинского у.
Веркольская вол. (Веркола) Двинского у., 308.
Верхняя, р., 443, 515.
Верховье, вол., Галицкого у., 5.
Верхотурье, гор., 590, 591, 594—598, 600, 606, 612—616, 618—621, 626—628, 634, 640, 641.
Веряжа, р., 107, 281.
Взвоз, в Двинском у., 76, 342.
Вилетово, Двинского у., 53.
Владимир, гор., 38.
Вознесенский приход в Андреяновом стану Двинского у., 365, 498.
Вознесенский стан Двинского у., 221.
Волга, р., 343, 398, 480.
Волкова веретея, в Чухченемской вол. Двинского у., 474.

Волковская дер., на р. Лямце, Каргопольского у., 347.
Вологда, гор., 202, 359, 378, 404, 460.
Вологодский у., 81, 202, 204.
Волоков наволок, в Тавренской вол., 508.
Волочок (Волок) Словенский, вол., Белозерского у., 17, 384.
Волский Иванский пог., см. Иванский Волский пог.
Волхов, р., 241, 261, 405, 406, 430, 434, 522, 526, 533, 540.
Вонгуда, вол., Каргопольского у., 237.
Ворбозомская вол. Белозерского у., 283.
Ворожея, р., 314.
Воронежский пог., Обонежской пятины Заонежской половины, 395, 434.
Воскресенский пог., Бежецкой пятины Белозерской половины, 470.
Воскресенский пог. в Липне, Обонежской пятины Нагорной половины, 249, 417, 520.
Воскресенский пог. в Лучанех, Обонежской пятины Нагорной половины, 413.
Воскресенское, с., Белозерского у., 293.
Вотская пятина, 14, 241, 304, 428, 429, 479, 510, 522, 526, 533, 540, 559, 617.
Вымь, пос. и вол., Яренского у., 532, 547.
Выг, р., 9.
Высокая гора, в Богоявленском прих. Ухтостровской вол. Двинского у., 177.
Вычегда, р., 547.
Вятка, гор., 597, 639.

Галич, гор., 421.
Гидеконда, 585.
Глинки, пос., см. Глинский пос.
Глинский (Глинки) пос., на Холмогорах, 380, 512, 567, 576, 584, 589, 611.
Глотова слобода, на р. Выми, Яренского у., 296, 532.
Глухой пог., Чухченемской вол. Двинского у., 77, 234, 518.
Глушицкий о-вок, в Двинском у., 407.
Гнидина тоня, на Летней стороне, Двинского у., 47.
Горки, дер., 275.
Горки, дер., в Воскресенском пог. в Липне Обонежской пятины Нагорной половины, 520.
Городецкий стан Бежецкого у., 294.
Городище, в Койдокурской вол. Двинского у., 556.
Городок Федосьин, см. Федосьин Городок.
Гостиный берег в Глинском пос., 512.
Гришкинская дер., в Коровкине погосте, на р. Лодме, Двинского у., 35.
Губная горка, пож., Чухченемской вол. Двинского у., 55.

Двина, р., 70, 380, 390, 536, 569.
Двина, обл., см. Двинской у.
Двиницкая, дер., Кеврольского стана Двинского у., 516.
Двинской у., 19, 20, 23, 49, 54, 55, 57, 60, 63, 66, 69, 74, 75, 77, 80, 84, 100, 104, 150, 153, 161, 170, 179—181, 183, 187, 188, 210, 211, 221, 233, 235, 273, 282, 291, 298, 307, 308, 316, 317, 319, 322, 328, 330, 335, 339, 354, 357, 365, 369, 373, 376, 377, 385, 390, 394, 396, 437, 438, 440, 453, 454, 466, 473, 474, 478, 498—503, 505, 507, 511, 516, 518, 519, 524, 541, 543, 552, 560, 563, 564, 568, 577, 623, 625, 632.
Деревская пятина, 21, 256.
Долгая веретея, в Чухченемской вол. Двинского у., 150.
Долгие Жолоба, в Уне, Двинского у., 220, 393, 449, 574, 580, 582.
Долгое поле, по р. Малой Елке, 44.
Долгомер, пож., на Павшегде, в Двинском у., 39.
Дорофиевская земля, в Сольвычегодском у., 372.

Егорьевский пог. Бежецкой пятины, 401.
Егорьевский Кожельский пог., Обонежской пятины Нагорной половины, 121, 249, 418, 451.
Егорьевский Лужский пог. Вотской пятины, 559.
Егорьевский Минецкий пог., Бежецкой пятины Белозерской половины, 400, 420.
Егорьевский Толвуйский пог. Обонежской пятины Заонежской половины, 73, 323, 395, 433.
Елка Малая, см. Малая Елка.
Елозовская дер., в Кехотской вол. Двинского у., 506.
Емецкий стан Двинского у., 19, 188.
Емца, вол., см. Емецкий стан.
Емьскогорский стан Важского у., 244.
Ентала (Енотала), р., 48, 71.
Епанчин, см. Туринск.
Епанчин-Юрт, см. Туринск.
Ергобуй, р., 65.
Ерефинская дер., в Важском у., 408.
Ермолинская Половнинская дер., см. Половнинская Ермолинская дер.
Ершиха, варн., на Смердьих местах, в Неноксе, Двинского у., 205.

Жабенский пог. Деревской пятины, 21, 256.
Жарки, пуст., в Кашинском у., 492.

Заверяжский Иванский пог., см. Иванский Заверяжский пог.
Загородский пос., на берегу р. Волги, Тверского у., 480.
Загорский стан, Двинского у., 369.
Закоторомский стан, Ярославского у., 545.
Залеская дер., в Койдокурской вол. Двинского у., 524.
Заозерье, в Чухченемской вол. Двинского у., 150.
Заонежская половина, см. Обонежская пятина Заонежская половина.
Заостровская (Заостровье) вол., Двинского у., 111, 478.

Заостровье, см. Заостровская вол.
Заостровье, на р. Свири, Обонежской пятины Заонежской половины, 364.
Запольская дер., в Чухченемской вол. Двинского у., 20.
Запсковье, 208.
Заречье, о-в, за ручьем Ругоем, в Заонежье, 561.
Заручьевская, дер., в Двинском у., 536.
Захребетная, тоня, в Большой Сярти, на Летней стороне, Двинского у., 117, 128.
Заяцкие о-ва, на Белом м., 8.
Зворыково, в Вознесенском приходе Двинского у., 498, 629.
Зворыковская дер., в Кехотской вол. Двинского у., 498, 629.
Зимняя сторона Беломорского побережья, 46.
Зиновьевская, пож., на Большом о-ве, в Чухченемской вол. Двинского у., 368.
Золотец, водопад, на реке Выге, 9.
Золотица, р., 236, 272, 279, 359, 360.
Золотицкая вол. Каргопольского у., 265.

Ивангородская дорога, 275.
Ивановская Федосеева дер., в Лявле, Двинского у., 505, 583.
Иванский Волский пог. Бежецкой пятины, 469.
Иванский Заверяжский пог. Вотской пятины, 428, 429.
Ивино поле, по р. Малой Елке в Двинском у., 44.
Ижевское, с., в Рязанском у., 355.
Ижма, р., 41, 111.
Ижорский Никольский, см. Никольский Ижорский пог.
Ильинская дер., в вол. Волочок Словенский Белозерского у., 304.
Ильинский пог., Чухченемской вол. Двинского у., 100.
Ильинский пог. Вотской пятины, 241, 479.
Ильинский Сясьский пог. Обонежской пятины Нагорной половины, 414.
Ильинское Карповское дворище, в Чухченемской вол. Двинского у., 187.
Ионинская дер., в Яковлькурьи, Вознесенского прихода Двинского у., 365.
Ирмовское с., в Белозерском у., 289.
Истра, р., 38.

Кабалица, пож., в Двинском у., 85.
Казинская, дер., на Большом о-ве в Чухченемской вол. Двинского у., 474.
Каменка, р. в Каргопольском уезде, 346.
Каменский стан Рязанского у., 167.
Кандалакша (Кандалашская), вол., Кольского у., 573, 603.
Кандалашская вол., см. Кандалакша, вол.
Каномская вол. Обонежской пятины Заонежской половины, 585.
Каргополь, гор., 133, 165, 359, 456.
Каргопольский у., 156, 237, 347 379, 265, 435.
Карзина курья, в Лисеостровской вол. Двинского у., 68, 91, 113—115, 118, 124, 149, 154, 168, 169, 178, 185, 243, 362, 440, 478.
Карповское Ильинское дворище, см. Ильинское Карповское дворище.
Карпушков пог. Княжеостровской вол. Двинского у., 89, 103, 108, 137, 138, 146.
Кашин, гор., 371.
Кашинский у., 231, 492.
Кеврола, см. Кеврольский ст.
Кеврольский стан, Двинского у., 183, 210, 211, 308, 511, 516.
Кемь, р., 9.
Кеницы, в Чухченемской вол. Двинского у., 49, 63, 170.
Кергомен, на Лисеострове Двинского у., 84.
Керетская вол., см. Кереть, вол.
Кереть (Керетская), вол., Кольского у., 573.
Кехотская вол., см. Кехта, вол.
Кехта, вол., Двинского у., 502, 525.
Кехта Нижняя, вол., в Двинском у., 214.
Кехта, р., 525.
Кивозерская вол. Белозерского у., 523.
Кивуй, с., в Белозерском у., 523.
Кижский Спасский пог., см. Спасский Кижский пог.
Кинжезерская вол. Белозерского у., 523.
Кинжуга, р., 166.
Кинжугские пожни, в Двинском у., 189.
Кирвасова, р., 120, 219, 220, 486, 487, 489, 509, 587.
Климантовский приход в Вологде, 378.
Климентовская сторона, в Уне, 292.
Климшинская варн., на Великих местах, в Неноксе, Двинского у., 320.
Княжеостров, см. Княжеостровская вол.
Княжеостровская (Княжеостров) вол. Двинского у., 89, 137, 138.
Ковда (Ковдская) вол., Кольского у., 573.
Ковдская вол., см. Ковда, вол.
Ковжа, р., 266, 457.
Кожельский Егорьевский пог., см. Егорьевский Кожельский пог.
Койдокурский стан, см. Койдокурская вол.
Койдокурская вол. Двинского у., 26, 32, 33, 499, 507, 524, 552, 556.
Койдокурская лука Двинского у., 33.
Койдокурья, р., 33.
Кокшенгская четь Важского у., 643.
Кол, на р. Малокурьи, в Двинском у., 85.
Кола (Кольский острог), пос., 573.
Колкачские дер-ни, в Белозерском у., 17.
Колков, о-в, в Егорьевском Кожельском пог. Обонежской пятины Нагорной половины, 121.
Колмогоры, см. Холмогоры.
Коловиха, пож., в Двинском у., 85.
Коломцы, в устьи р. Волхова, 261.
Кольский острог, см. Кола.
Комарово Малое, см. Малое Комарово.
Конев о-в, см. Коневец, о-в.

Коневец (Конев) о-в, в Мурманском устье р. Двины в Двинском у., 485, 538.
Конечные, пог., в Двинском у., 28.
Корга, на Летней стороне в Двинском у., 95.
Коровкин пог., Лодомской вол., Двинского у., 35.
Коровье, оз., в Двинском у., 98.
Косва, р., 627.
Косткова гора, в Койдокурской вол. Двинского у., 32, 499, 507.
Костылиха, варн., на Смердьих местах, в Неноксе, Двинского у., 338, 348, 566.
Кречневский пог., Вотской пятины, 428.
Кривошеинская, дер., в Важском у., 464.
риничная гора, в Луде Двинского у., 203.
Круглище, поле, на Куростров, Двинского у., 581.
Крутицкая, дер., в вол. Волок Словенский, Белозерского у., 384.
Кудма, р., 106.
Кудмо, оз., Двинского у., 37, 98, 140.
Кудмозерская пашня, на оз. Кудмо, Двинского у., 140.
Кузьмин пог., в Ухтоостровской вол. Двинского у., 78, 99.
Кузьминский „обод", в Чухченемской вол. Двинского у., 170.
Кузнецова гора, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 357.
Кузнечевская дер., в Загорском стану Двинского у., 369.
Купецкая вол., в Заонежье, 546.
Курмурский ухожей, 88.
Куростров, вол., см. Куростровская вол.
Куростровская (Куростров) вол., Двинского у., 228, 581.
Куростровская лука, Двинского у., 298.
Курцево, пос., см. Курцов пос.
Курцов (Курцево) пос., на Холмогорах Двинского у., 611.
Курьюга, р., 457.
Курья Великая, см. Великая Курья.
Курья, р., 354.
Куты, Двинского у., 578.
Кушкопала, в Кеврольском стану Двинского у., 210.
Кюровская, пож-ка, „под Кеницами", в Двинском у., 49.

Лаврентьева земля, на о-ве Луготине в Ухтоостровской вол. Двинского у., 51, 67.
Ладин берег, в Заостровьи, Двинского у., 478.
Ладожский присуд Вотской пятины, 510, 522, 526, 533, 540, 617.
Лани, в Егорьевском Кожельском пог., Обонежской пятины Нагорной половины, 121.
Левшина, дер., в Сямской вол. Белозерского у., 16.
Лембиево Мудьюжской вол. Каргопольского у., 435.
Леп-ручей, в Рождественском Пиркинском пог., Обонежской пятины Заонежской половины, 585.
Летняя сторона Беломорского побережья, 26, 47, 50, 54, 84, 86, 95, 117, 126, 128, 157, 174, 193, 194, 197, 301, 437, 442.
Лисеостровская (Лисеостров) вол., Двинского у., 19, 34, 68, 24, 115, 118, 124, 149, 168, 169, 178, 185, 303 (?), 328, 362, 440, 478.
Лисовская, пож., на Большом о-ве, в Чухченемской вол., Двинского у., 216, 239.
Лицкая Двина, р., 277, 321, 324.
Лобизиха см. Лобозиха.
Лобозиха, пож., Михеевской дер., в Юрольском наволоке Двинского у., 521, 563.
Лодейная, тоня, на Летней стороне, в Двинском у., 437.
Лодма, р., 35, 83.
Лодомская вол. Двинского у., 109, 291, 393.
Ложнокурская пож., на Луготинском о-ве, Двинского у., 366.
Лозва, р., 606.
Лопшенга, р., 84, 95, 193.
Луготин (Луготинский), о-в, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 51, 67, 363, 366, 375, 578, 622, 623.
Луготинский о-в, см. Луготин о-в.
Луда, пос., Двинского у., 203 (?), 611.
Лудушка, тоня, на Летней стороне, в Двинском у., 85, 193.
Лужский Егорьевский пог., см. Егорьевский Лужский пог.
Лукинская Ождоромская дер., см. Ождоромская Лукинская дер.
Лушевская дер., в Ухтоостровской вол. Двинского у., 503.
Лявлеостров (Лявля), Двинского у., 19, 28, 505, 583.
Лявлина курья, в Двинском у., 361.
Лявля, см. Лявлеостров.
Ляла, р., 597.
Лялина курья, тоня, по р. Двине, в Заостровской вол. Двинского у., 569.
Лямца, р., 347, 379.
Ляхово, тоня, на р. Волхове, Троицкого пог. Обонежской пятины Нагорной половины, 405, 406.

Маексара (Максара), пож., на р. Свири, Обонежской пятины Заонежской половины, 493, 602.
Максара, см. Маексара.
Максимовская, дер., в Лисеостровской вол. Двинского у., 362.
Малая Елка, р., 44.
Малая Юра, р., 554.
Малокурья, р., 28.
Малое Комарово над р. Нюрдолою, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 56.

Мартемьянов наволок, в Богородском стану Белозерского у., 280.
Масленская вол. Вологодского у., 204.
Матигорская вол. Двинского у., 475.
Матигорский стан Двинского у., 221, 328.
Матко-озеро, в Койдокурской вол. Двинского у., 562.
Мегры, с., в Белозерском у., 367.
Межный ручей, в Унской губе, Двинского у., 318.
Меляково, дер., 446.
Мешковичи, дер., в Обонежской пятине Заонежской половине, 585.
Мещерский у., 201, 476.
Мидлеш, р., 29.
Микулинская, дер., в Троицкой вол. Важского у., 337.
Минецкий Егорьевский пог., см. Егорьевский Минецкий пог.
Мирохотский стан Кашинского у., 231.
Михайловская Оксовщина, дер., 158.
Михайловский Березуи Радонецкий пог. Бежецкой пятины Белозерской половины, 401, 419.
Михайловский Черный пог. Обонежской пятины Нагорной половины, 411.
Михайловское-Козодавля, с-ще, 36.
Михалевский наволок, за р. Малой Юрой, в Чухченемской вол. Двинского у., 554.
Михеевская, дер., в Юрольском наволоке Двинского у., 563.
Монастыри:
Авраамиев Галицкий, 421.
Александров Свирский, 364, 450, 493, 555, 585, 602.
Антониев Дымский, 258, 403.
Антониев Сийский, 438.
Архангельский, 129, 161, 221, 238, 245, 278, 328, 390, 438, 491, 538, 560.
Благовещенский Ворбозомский, 283.
Благовещенский Нижегородский, 496.
Богословский Важский, 7, 13, 29, 172, 244.
Введенский Тихвинский, 251, 254.
Воскресенский Горицкий, 495.
Воскресенский Терехов Рязанский, 355, 476.
Духов, 579.
Кириллов Белозерский, 6, 12, 16, 17, 65, 81, 82, 165, 186, 202, 204, 212, 226, 280, 283, 287, 289, 293, 294, 346, 347, 358—360, 367, 371, 379, 384, 397, 438, 441, 445, 448, 455—457, 480, 482—484, 491, 495, 513, 523, 529, 553, 588.
Колмов, 434.
Крыпецкий Псковский, 208.
Николаевский Беседный, 252, 415.
Николаевский Вяжицкий, 11, 31, 73, 275, 281, 311, 323, 395, 399, 422—429, 432—434, 444, 559.
Николаевский Ковжельский, 266.
Николаевский Корельский, 28, 97, 140, 174, 193, 194, 197, 214, 240, 245, 263, 268, 301, 303, 333, 334, 350, 351, 353, 361, 382, 383, 386—388, 391, 392, 407, 438, 442, 443, 459, 463, 473, 475, 486, 489, 491, 536, 541, 549, 557, 569, 570, 587, 593, 603, 607—611.
Николаевский Полистский, 250.
Николаевский Прилуцкий, 575.
Николаевский Рагодовицкий, 248, 253-255.
Никольский Аркажский, 248.
Никольский Мостищский, 107.
Никольский Орешковский, 228.
Никольский Островский, 21, 256.
Покровский Чухломский, 5, 15, 61, 184, 195.
Саввин Сторожевский, 36, 93.
Соловецкий, 8—10, 438, 455, 491, 573.
Спасо-Прилуцкий, 438, 488.
Спасский Сяберский, 402.
Троицкий Астраханский, 343, 481.
Троицкий Гледенский 127, 129—131, 225, 592.
Троицкий Клименецкий, 571.
Троицкий Коломецкий, 261.
Троицкий Ругойский, 417, 431, 561.
Троицкий Сергиев, 195, 231, 438.
Успенский Аркажский, 121, 122, 252.
Успенский Тихвинский 248, 257, 370, 405, 406, 412, 430, 510, 520, 522, 526, 533, 579, 617.
Успенский Челменский, 156.
Федоровский Переславский, 467.
Ферапонтов, 6, 65.
Царево-Константиновский Владимирский, 496.
Юрьев, 261, 546.
Москва, гор., 165, 202, 264, 289, 421, 441, 600, 620, 621, 626, 639.
Москотово, дер., в Бежецкой пятине, 630.
Мста, р., 444.
Мудьюга, р., приток Онеги, 435.
Муксаломские (Нуксы) о-ва, на Белом м., 8.
Мундорово, в Двинском у., 72.
Мучеостров (Мучостров), на р. Двине, Двинского у., 271, 307, 322.

Наволочный колодезь, в Неноксе, Двинского у., 553.
Нагорная половина, см. Обонежская пятина Нагорная половина.
Надпорожская вол. Каргопольского у., 237.
Надпорожский стан Белозерского у., 82.
Надявка, пож., возле р. Рымбокурьи, в Двинском у., 39.
Негоща, р., 107.
Неконема, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 531.
Ненокоцкий берег, на Летней стороне Двинского у., 443.
Ненокоцкий посад, см. Ненокса.
Ненокоцкое усолье, см. Ненокса.
Ненокса (Ненокоцкий пос., Ненокоцкое усолье), пос., Двинского у., 28, 97, 134, 141, 142, 148, 196, 200, 205, 215, 218, 222, 238, 247, 269, 274, 278, 300, 305, 320, 338,

348, 374, 381, 389 (?), 390, 439, 448, 455. 491, 514, 548, 551, 553, 565, 566, 609, 611.
Нестеров пог., 101.
Нижняя, пож., за р. Курьею, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 354.
Нижняя Кехта, см. Кехта Нижняя.
Нижняя Товрица, слободка, в Двинском у., 158, 577.
Низовская лука Вознесенского стана Двинского у., 221.
Никитино, с-цо, в Романовском у., 226.
Никольская, дер., в Паниловской вол. Двинского у., 519.
Никольская ул., в Новгороде, 447.
Николаевский пог. Бежецкой пятины, 401.
Никольский пог. Вотской пятины, 479.
Никольский пог. в Дреглех Обонежской пятины Нагорной половины, 416, 420.
Никольский Ижорский пог. Вотской пятины, 304, 309.
Никольский Шунгский (Шунга) пог. Обонежской пятины Заонежской половины, 11, 31, 73.
Никольский приход в Двинском у., 70.
Никулино оз., в Чухченемской вол. Двинского у., 162.
Новая варн., на Великих местах, в Неноксе, Двинского у., 200, 215, 218, 222, 247, 274, 300, 305, 514.
Новгород, гор., 8, 425, 427, 447, 450, 461, 462, 479, 528, 633.
Новый Взвоз, см. Взвоз.
Нуксы, о-ва, см. Муксаломские о-ва.
Нюрдола, р., 56, 101, 209, 295, 315, 385, 452.
Нярь, в Чухченемской вол. Двинского у., 75.

Обонежская пятина Заонежская половина, 323, 395, 433, 434.
Обонежская пятина Нагорная половина, 22, 248—255, 257, 258, 403, 405, 406, 411—418, 420, 451.
Овинцы, о-в, в Егорьевском Кожельском пог. Обонежской пятины Нагорной половины, 121.
Ождорма, р., 223, 325.
Ождорма, вол., см. Ождоромская вол.
Ождоромская (Ождорма) вол., Двинского у., 471, 568, 632.
Ождоромская Лукинская, дер., в Ухтоостровской вол. Двинского у., 306, 542, 544.
Окологородский стан Вологодского у., 81.
Оксовщина Михайловская, дер., см. Михайловская Оксовщина, дер.
Олексино, в Чухченемской вол. Двинского у., 164, 173, 176.
Олонецкий пог., см. Рождественский Олонецкий пог.
Онаньина юрмола, в Койдокурской вол. Двинского у., 32.
Онег-оз., см. Онежское оз.
Онежское (Онег-озеро) оз., 571.
Оникеевская, дер., Лодомской вол. Двинского у., 35.
Ониша, в Двинском у., 319.
Онишевская, дер., в Куростровской луке, на Куростров, Двинского у., 298.
Онуфриева, дер., см. Онуфриевская дер.
Онуфриево, дер., в Ворбозомской вол., Белозерского у., 283.
Онуфриевская (Онуфриева) дер., в Среднем пог. Чухченемской вол. Двинского у., 45, 57.
Опольский стан Суздальского у., 535.
Осиновый о-вок, в Двинском у., 407.
Остречиха, пож., в Двинском у., 97.
Остров, дер., в Михайловском Березуи Радоницком пог., Бежецкой пятины Белозерской половины, 419.
Острый наволок, в Уне, Двинского у., 242, 330.

Побережье, пож., в Ухтоостровской вол. Двинского у., 192, 199, 317.
Павшегда, 39.
Паденга, р., 336.
Паденгская вол. Важского у., 336.
Падрокурья, р., 102, 171.
Пазовская веретея, в Чухченемской вол., Двинского у., 23.
Пала, р., 624.
Паниловская вол., Двинского у., 519, 577.
Панкратовская пуст., в Важском у., 472.
Пантелеймоновское, сельцо, 186.
Парандин ручей, на р. Золотице, в Каргопольском у., 285.
Парандоев, участок, 27.
Пашковера, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 101.
Пележма, р., 392.
Пелым, гор., 591, 594, 597, 621, 636, 638.
Перемская вол. Двинского у., 18.
Перемский о-в, в Перемской вол., 18.
Песчаник, см. Большой о-в.
Песчанка, тоня, на Летней стороне, в Двинском у., 95, 193.
Петровская ул., в Новгороде, 462.
Пикил, пож-ка, в Чухченемской вол. Двинского у., 55.
Пинежка (Пинешка), р., 29.
Пинежка Большая, р., 7.
Пинежка Малая, р., 7.
Пинешка, р., см. Пинежка, р.
Пиркинский Рождественский пог., см. Рождественский Пиркинский пог.
Питалы, Двинского у., 40, 151, 152.
Плоское, в Лисеостровской вол. Двинского у., 34.
Плоское, в Уне, Двинского у., 242, 330.
Поглядинская, дер., Княжеостровской вол. Двинского у., 89, 103, 108, 137, 138.
Подборная земля, см. Подборская земля.
Подборская (Подборная), земля, по р. Ентале в Устюжском у., 48, 71, 155.

Подледье, дер., в Бельском пог. Шелонской пятины, 402.
Подпорожье, вол., Каргопольского у., 237.
Подрезиха, варн., в Неноксе, Двинского у., 141, 278, 565.
Подрезная, варн., см. Подрезиха.
Подюские волости, Важского у., 472.
Покровские дер-ни, в Егорьевском Кожельском пог. Обонежской пятины Нагорной половины, 249.
Половнинская Ермолинская дер., в Троицкой вол. Важского у., 550.
Полстенемский наволок, на Зимней стороне, Двинского у., 46.
Поморье, 30, 97, 265, 358.
Потапьевская, дер., Чухченемской вол. Двинского у., 57.
Поташев пог., в Чухченемской вол. Двинского у., 182, 376, 394.
Поташевская, дер., Чухченемской вол. Двинского у., 45.
Пошехонский у., 147, 226, 588.
Пошехонье, см. Пошехонский у.
Пречистенский Тихвинский пог. Обонежской пятины Нагорной половины, 22, 121, 248, 251—255, 257, 258, 370, 412, 415.
Прсбойная ул., в Неноксе (?), Двинского у., 389.
Псков, гор., 22.
Пукшеньга, вол., Двинского у., 308.
Пуреховская вол., Владимирского у., 38.
Пустошки, тоня, на Летней стороне, Двинского у., 437.
Пушкарская слобода, в г. Архангельске, 601.
Пушлахта, морская губа на Летней стороне, в Каргопольском у., 235.
Пуя, р., 410.
Пыжма, р., 52, 87, 112, 125, 136, 259, 288.
Пярдомля, 370.
Пятая варн., в Неноксе, Двинского у., 134.
Пятницкий конец, во Пскове 22.
Пячь гора, в Перемской вол., Двинского у., 18.

Раклука, 59.
Раковина, 198.
Рембуева гора, в Двинском у., 466.
Рикасиха, тоня, в Двинском у., 490.
Ровдина гора, вол., Двинского у., 19.
Ровдинская вол., Важского у., 410.
Рождественский Олонецкий пог. Обонежской пятины Заонежской половины, 267.
Рождественский Пиркинский пог. Обонежской пятины Заонежской половины, 267, 585.
Рождественский приход в Двинском у., 70.
Рожковская варн., в Неноксе, Двинского у., 269.
Романовский у., 226.
Ростовская вол., Важского у., 284.
Ругой, ручей, в Обонежской пятине Нагорной половине, 561.
Рушаниха, варн., в Неноксе, Двинского у., 381.
Рыбежа (Рыбежка), р., 121, 122.
Рыбежка, см. Рыбежа.
Рымбокурья, 39, 59.
Рязанский у., 167, 476.
Ряпунда, о-в, в Обонежской пятине Нагорной половине, 121, 122.

Савина веретея, на Большом о-ве, в Чухченемской вол. Двинского у., 62, 179, 207.
Сала, р., 383.
Сасинская, пож., на Луготине, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 622, 623.
Свинец, о-в, на р. Двине, 536.
Свирь, р., 364, 493.
Селющи, дер., в Кашинском у., 492.
Середний пог., Чухченемской вол. Двинского у., 45, 57, 66, 69, 74.
Сибирь, 626.
Сигоба, пож., на р. Свири в Заостровьи, Обонежской пятины Заонежской половины, 364.
Сидоровская, дер., в Троицкой вол. Важского у., 92.
Словенский Волочок, см. Волочок Словенский, вол.
Смердий кут, Ухтоостровской вол. Двинского у., 375, 564, 622, 623.
Смердьи места, в Неноксе, Двинского у., 142, 148, 205, 338, 348, 381, 565, 566.
Смоленск, гор., 3, 4.
Солза, р., 43, 90, 94, 96, 105, 110, 119, 123, 132, 139, 145, 159, 175, 190, 191, 214, 268, 297, 299, 302, 310, 333, 334, 382, 383, 386—388, 391, 392, 443, 459, 463. 475.
Солигалич (Соль Галицкая), гор., 15, 184, 195.
Соликамск (Соль Камская), гор., 600, 619, 634.
Соловки, о-ва, на Белом м., 8.
Соль Галицкая, см. Солигалич.
Соль Камская, см. Соликамск.
Сольвычегодск, пос., 640.
Сольвычегодский у., 372.
Сона, р., 9.
Сосва, р., 597.
Софоново, дер., в Михайловском Березуи Радонецком пог. Бежецкой пятины Белозерской половины, 419.
Софушкино, Двинского у., 19.
Софушкинская, дер., в Двинском у., 500, 501.
Спасский Кижский пог. Обонежской пятины Заонежской половины, 571.
Спасский Шальский пог. Обонежской пятины Заонежской половины, 546.
Спирково, Ухтоостровской вол. Двинского у., 354.
Спорница, тоня, на Летней стороне Двинского у., 437.
Средняя варн., в Уне, Двинского у., 393, 582.
Столетник, о-в, в Двинском у., 353.

Степановская, дер., на Вагине о-ве, в Двинском у., 206.
Суздальский у., 535.
Суланда, р., 336.
Суландская вол. Важского у., 336.
Сумские тони, на р. Суме, в Двинском у., 240.
Сурск, гор., 38.
Сухона, р., 130, 131, 592.
Сысола, вол., Яренского у., 547.
Сябро, оз., в Шелонской пятине, 402.
Сяма, см. Сямская вол.
Сямская (Сяма) вол., Вологодского у., 16, 17.
Сяндевер, см. Большой о-в.
Сярзенга, на Летней стороне в Двинском у., 76, 342.
Сярта, на Летней стороне в Двинском у., 84, 157, 214, 301.
Сярта Большая, на Летней стороне в Двинском у., 86, 117, 128, 193.
Сярта Большая Чевакинская, см. Сярта Большая.
Сярта Чевакина см. Сярта Большая.
Сяськый Ильинский пог., см. Ильинский Сяськый пог.
Сятеверы, в Двинском у., 64.

Тавренская вол., Важского у., 472, 508.
Тара, гор., 586, 621.
Тверь, гор., 398, 482—484, 513.
Тезон-ручей, в Обонежской пятине Заонежской половине, 585.
Тешилов ручей, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 260.
Тимохновская дер., в Койдокурской вол. Двинского у., 499, 507.
Тихвинский Пречистенский пог., см. Пречистенский Тихвинский пог.
Тобольск, гор., 618, 634, 635.
Тойвотов пог., Двинского у., 174.
Тойнокурья, р., 96.
Толвуйский Егорьевский пог., см. Егорьевский Толвуйский пог.
Торговая сторона, в Новгороде, 450.
Тотманская, тоня, на Летней стороне Двинского у., 47.
Троицкая вол., Важского у., 92, 270, 326, 332, 337, 465, 477, 497, 539, 550, 599, 605.
Троицкий о-в, в Троицкой вол. Важского у., 497.
Троицкий пог., на р. Волхове, в Обонежской пятине, 405.
Троицкий приход в Важском у., см. Троицкая вол. Важского у.
Троицкий приход в Ухтоостровской вол. Двинского у., 273, 625.
Троицкое, с., в Белозерском у., 186.
Туринск (Епанчин, Епанчин-Юрт, Япанчин) гор., 635, 636, 638, 639, 643.
Турчасовский у., см. Каргопольский у.
Тюменский у., 600, 637.
Тюмень, гор., 586, 591, 621.

Удорская вол. Яренского у., 547.
Ужга, пог., в Яренском у., 537.
Узиха, пож., Михеевской дер., в Юрольском наволоке Двинского у., 563.
Уломское оз., в Белозерском у., 6, 445.
Умба (Унба), вол., Двинского у., 358.
Умба (Унба), р., 358.
Уна, пос. и вол. Двинского у., 220, 229, 230, 292, 313, 330, 393, 488, 574, 580, 582, 610, 611.
Уна, р., 166, 449.
Унба, см. Умба.
Унская губа, Двинского у., 120,166, 318, 486.
Усольская вол., Галицкого у., 5.
Усть-Лялина, см. Лялина курья.
Устьонежская вол. Каргопольского у., 237.
Устюг Великий, гор., 130, 595.
Устюжна Железнопольская, пос. 264, 530.
Устюжский у., 225, 575.
Ухтома, р., 226.
Ухтоостровская вол. Двинского у., 177, 260, 262, 273, 298, 307, 313, 316, 317, 322, 335, 339, 354, 357, 385, 396, 503, 542, 544, 564, 623, 625, 632.
Ухтоостровский стан, см. Ухтоостровская вол.

Федорцов о-в, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 350, 351.
Федоршинская дер., в Троицкой вол. Важского у., 599, 605.
Федосьин Городок, с-цо, в Белозерском у., 12, 82.
Фетиньино, дер., в Ворбозомской вол. Белозерского у., 283.
Филимоновское дворище, в Чухченемской вол. Двинского у., 187.
Фофановская, дер., на р. Ижме, в Двинском у., 41.
Фроловское, с., в Мирохотском стану Кашинского у., 231.

Холмогоры, пос., 488, 611.

Церкви:
Афанасия чудотворца в Ужге Яренского у., 537.
Бориса и Глеба во Пскове, 22.
Вознесения в Андреяновом стану Двинского у., 319, 365.
Воскресения в Кеврольском стану Двинского у., 308.
Георгия в Лодомской вол. Двинского у., 109, 291.
Жен Мироносиц в Новгороде 450.
Иоанна во Пскове, 22.
Ильи Пророка в Ильинском Сяськом пог. Обонежской пятины Нагорной половины, 414.
Ильи пророка в Чухченемской вол. Двинского у., 69, 170, 180, 187, 376, 518.
Климента в Вологде, 404.
Константина и Елены во Пскове, 208.

Николы чудотворца и Петра и Павла, апостолов, 314.
Николы чудотворца в Верколе Двинского у., 308.
Николы чудотворца на устье р. Золотицы Двинского у., 279.
Николы чудотворца в Кевроле Двинского у., 308.
Николы чудотворца в Паниловской вол. Двинского у., 577.
Николы чудотворца в Пукшеньге Двинского у., 308.
Николы чудотворца в Чухченеме Двинского у., 308.
Николы чудотворца в Шунге Обонежской пятины Заонежской половины, 11.
Спаса Преображения в Куропольском пос. Двинского у., 498—503, 505—507, 524, 525, 556, 583, 629.
Стефана архидиакона в Устюжском у., 468.
Троицы и Климента в Уне Двинского у., 313, 330.
Троицы и Варвары великомученицы в Ухтоостровской вол. Двинского у., 298, 307, 316, 317, 322, 335, 339, 354, 357, 385, 396, 544, 564, 623, 632.

Чаросный зимник, в Двинском у., 353.
Часовенская, дер., в Лодомской вол. Двинского у., 83.
Часовенский наволок, в Лодомской вол. Двинского у., 291.
Чекайба, р., 329.
Черемошская (Черемха) вол., Ярославского у., 42.
Черемха, вол., см. Черемошская вол.
Черемховая, пож., за р. Нюрдолой, в Ухтоостровской вол. Двинского у., 385.
Черная, р., в Белозерском у., 65.
Черный Михайловский пог., см. Михайловский Черный пог.
Чухлома, гор., 184.
Чухченема, см. Чухченемская волсть.
Чухченемская (Чухченема) вол. Двинского у., 20, 23, 45, 49, 65, 57, 60, 63, 66, 69, 74, 75, 77, 80, 100, 104, 150, 153, 158, 162, 164, 170, 173, 176, 179, 180, 187, 282, 308, 373, 376, 377, 394, 453, 454, 474, 518, 543.

Шалигинская, дер., в Важском у., 464.
Шальский Спасский пог., см. Спасский Шальский пог.
Шевцово, на Большом о-ве, в Чухченемской вол. Двинского у., 58, 79, 80, 213, 217.
Шеиновская, дер., в Ухтоостровской вол. Двинского у., 625.
Шексна, р., 280, 360.
Шелонская пятина, 399, 402.
Шидровка, р., 235.
Ширский пог., в Шелонской пятине, 399.
Ширшема, р., 97, 572.
Шишкова, тоня, на р. Волхове, в Ладожском присуде Вотской пятины, 522, 526, 533, 540, 579, 617.
Шунга, пог., см. Никольский Шунгский пог.
Шунгский Никольский пог., см. Никольский Шунгский пог.
Шуя, р., 9.

Юдинская, дер., в Троицкой вол. Важского у., 337.
Юрольский наволок, в Двинском у., 521, 563.

Яковлевская боярщина, в Троицкой вол. Важского у., 270, 326, 332, 534.
Яковлевская волостка, в Егорьевском Минецком погосте, Бежецкой пятины, 400.
Яковлькурья, в Вознесенском приходе Двинского у., 163, 365.
Янанчин, см. Туринск, гор.
Яренга, р., 26.
Яренск, гор., 458.
Яренский уезд, 296, 458.
Ярокурский стан Устюжского у., 575.
Ярославль, гор., 42.
Ярославский у., 545.
Ярышово, пуст., бывш. сел-цо, Опольского стана Суздальского у., 535.

Список изданий, имеющихся на складе Постоянной Историко-Археографической Комиссии Академии Наук СССР.

(Тучкова набережная, 2-а).

Издания, отмеченные знаком О, имеются в ограниченном количестве и отпускаются с особого разрешения.

Название изданий.	Руб.	Коп.
О Аввакум, протопоп. Житие, им самим написанное (из XXXIX т. „Р. И. Б.“). 1916	2	90
Аввакум, протопоп. Книга бесед (из XXXIX т. „Р. И. Б.“). 1917.	2	15
Авраамий Палицын. Сказание (из XIII т. „Р. И. Б.“). 1909.	1	80
Акты на иностранных языках, относящиеся к России (Historica Russiae Monumenta). Т. II. 1842	8	60
Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. V. 1853 . .	5	70
Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России:		
Том V. 1867.	6	50
„ VI. 1869	5	—
„ VII. 1872	7	20
„ VIII. 1875	7	90
„ IX. 1877	9	30
„ X. 1878	7	90
О „ XI. 1879	12	20
„ XII. 1882	8	60
„ XIII. 1884	7	20
„ XIV. 1889	9	30
„ XV. 1892	5	—
Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. II. 1864	12	20
Андреев, А. И. Судебник 1589 г. и его списки (из „Известий Российской Академии Наук“. 1924 г.). 1924	—	60
Барсуков, А. Списки городовых воевод XVII ст. 1902 . . .	5	—
Великие Макарьевские Минеи Четии:		
О Вып. III. Сентябрь, дни 25 — 30. 1883	9	30
О „ V. Октябрь, „ 4 — 18. 1874	10	—
О „ VI. „ „ 19 — 31. 1880	8	60
„ VII. Ноябрь, „ 1 — 12. 1897	7	90
Приложение к VII в. (день 11. Катихизис Феодора Студита на греческом языке). 1904	4	30

Название изданий.	Руб.	Коп.
Вып. VIII. Ноябрь, дни 13 — 15. 1899	10	70
„ IX, ч. 1-я, тетр. 1-я. Ноябрь, день 16. 1910	2	90
„ IX, „ 1-я, „ 2-я. „ дни 16 — 17. 1911	2	90
„ IX, „ 1-я, „ 3-я. „ „ 17 — 22. 1914	4	30
„ IX, ч. 2-я, тетр. 1-я. Ноябрь, дни 23 — 25 1917	2	90
„ X. Декабрь, дни 1 — 5. 1901	5	80
„ XI. „ „ 6 — 17. 1904	5	80
„ XII. „ „ 18 — 23. 1907	6	50
„ XIII, тетр. 1-я. Декабрь, день 24. 1910	5	—
„ XIII, „ 2-я. „ дни 24 — 31. 1912	2	90
„ XIV, „ 1-я. „ день 31. 1914	2	90
Январь, тетр. 1-я, дни 1 — 6. 1910	2	90
„ „ 2-я, „ 6 — 11. 1914	3	60
Апрель, „ 1-я, „ 1 — 8. 1910	2	90
„ „ 2-я, „ 8 — 21. 1912	2	90
„ „ 3-я, „ 22 — 30. 1915	5	—
Временник Ивана Тимофеева. См. Тимофеев, И.		
Голицын, Н. Указатель имен личных, упоминаемых в „Дворцовых Разрядах“. 1912	2	90
Дело о патриархе Никоне. 1897	6	50
Дневник Люблинского Сейма 1569 г. 1869	14	30
Документы, объясняющие историю Западно-Русского края. 1865	8	60
О Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне. 1889	5	70
Дополнения к Актам Историческим:		
Том VI. 1857	9	30
„ IX. 1875	7	20
„ X. 1867	9	30
„ XI. 1869	5	70
„ XII. 1872	8	60
Дополнения к Актам на иностранных языках, относящимся к России (Supplementum ad Historica Russiae Monumenta). 1848	10	—
О Дружинин, В. Г. Поморские палеографы начала XVIII ст. (из XXXI в. „Лет. Зан.“). 1923	—	60
Житие протопопа Аввакума. См. Аввакум.		
Житие преп. Иринарха (из XIII т. „Р. И. Б.“). 1909	—	50
Житие св. Николая Чудотворца. 1901	2	20
Житие св. Стефана Пермского. 1897	1	20
Жолкевский, Стан. Записки о Московской войне. 1871	2	90

Название изданий.	Руб.	Коп.
Иное Сказание (из XIII т. „Р. И. Б.“). 1907	—	70
Катихизис Феодора Студита. См. Феодор Студит.		
Катырев-Ростовский, И. М. Повесть (из XIII т. „Р. И. Б.“). 1908	—	70
Книга бесед протопопа Аввакума. См. Аввакум.		
○ Койэт, Б. Посольство Кунраада фан-Кленка. 1900	11	50
Котошихин, Григ. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. 1906	2	90
○ Кунгурские акты XVII в. 1888	4	30
Курбский, А. М. История о вел. князе Московском (из XXXI т. „Р. И. Б.“). 1913	1	—
Курбский. А. М. Переписка с цар. Иоанном Грозным (из XXXI т. „Р. И. Б.“). 1914	—	90
Курбский, А. М. Письма к разным лицам (из XXXI т. „Р. И. Б.“). 1913	1	—
Летопись Занятий Археографической Комиссии:		
○ Вып. I. 1862	3	60
○ „ II. 1864	3	60
○ „ III. 1865	4	30
○ „ VII. 1884	11	50
○ „ VIII. 1888	7	90
○ „ IX. 1893	12	90
○ „ X. 1895	4	30
○ „ XI. 1903	15	70
„ XIII. 1901	3	60
„ XIV. 1902	2	20
„ XV. 1905	2	90
„ XVI. 1905	7	20
„ XVII. 1907	7	20
„ XVIII. 1907	2	90
„ XIX. 1908	5	—
„ XXI. 1909	5	—
„ XXII. 1910	4	30
„ XXIII. 1911	5	—
○ „ XXIV. 1912	16	40
„ XXV. 1913	6	50
„ XXVI. 1914	7	20
„ XXVII. 1915	4	80
„ XXVIII. 1916	7	90

Название изданий.	Руб.	Коп.
○ Вып. XXIX. 1917	7	20
„ XXX. 1920	5	—
„ XXXI. 1923	4	30
„ XXXII. 1923	1	50
„ XXXIII. 1926	9	—
Летопись Занятий Постоянной Историко-Археографической Комиссии:		
Вып. I (XXXIV). 1927	—	—
Муханов, П. Что желательно для русской истории. 1870	1	40
Новая Повесть (из XIII т. „Р. И. Б.“). 1907	—	20
○ Новгородская 1-я летопись (изд. фотолитогр.). 1875	9	30
○ Новгородские 2-я и 3-я летописи. 1879	8	60
Новгородские писцовые книги:		
Том III. 1868	8	60
○ „ IV. 1886	7	90
„ V. 1905	6	50
„ VI. 1910	10	—
Памятники Сибирской истории XVIII в.:		
○ Кн. I, 1882	8	60
„ II. 1885	5	—
Переписка А. М. Курбского с ц. Иоанном Грозным. См. Курбский, А. М.		
Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. 1904	5	80
План части Новгорода конца XVII в. 1926	2	50
Повесть врем. лет по Лаврентьевскому списку. 2-е учебное изд. 1926	2	90
Повесть кн. Катырева-Ростовского. См. Катырев-Ростовский.		
○ Повесть о Владимирской иконе Божией Матери (из XI т. „П. С. Р. Л.“). 1907	—	50
Подробный каталог изданий Археографической Комиссии. Изд. 6-е. 1918	1	—
Полное Собрание Русских Летописей:		
Том I. Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть врем. лет. Изд. 2-е. 1926	5	—
„ I, вып. 2. Суздальская летоп. по Лавр.сп. Изд. 2-е. 1927	2	75
„ II. Ипатьевская летопись, вып. 1. Изд. 3-е. 1923	2	90
○ „ IV, ч. 1. Новгор. 4-я летоп., вып. 1. Изд. 2-е. 1915	8	60
„ IV, „ 1. „ 4-я „ „ 2. „ 2-е. 1925	4	—

Название изданий.	Руб.	Коп.
Том IV, ч. 2. Новгор. 5-я летоп., вып. 1. 1917	5	—
„ V. Софийская 1-я летоп., вып. 1. Изд. 2-е. 1925 . . .	4	40
О „ XII. Никоновская летопись. 1901	7	20
О „ XIII, ч. 2. Никоновская летопись. 1906	7	90
О „ XIV, ч. 1. Житие ц. Федора Ивановича. Новый летописец. 1910	4	30
„ XIV, ч. 2. Указатель к Никоновской летописи. См. Указатель к IX — XIV тт. „П. С. Р. Л.“		
„ XV, ч. 1. Рогожский летописец. 1922	2	70
О „ XVI. Летопись Авраамки. 1889	6	50
„ XVII. Западно-русские летописи. 1907	8	60
„ XVIII. Симеоновская летопись 1913	5	70
О „ XIX. История о Казанском царстве. 1903	15	70
О „ XX, ч. 1. Львовская летопись. 1910	10	70
„ XX, „ 2. „ „ 1914	5	—
О „ XXI, „ 1. Книга Степенная. 1908	9	30
„ XXI, „ 2. „ „ 1913	6	50
О „ XXII, „ 1. Хронограф редакции 1512 г. 1911	15	70
„ XXII, „ 2. Хронограф западно-русской редакции. 1914 .	5	80
О „ XXIII. Ермолинская летопись. 1910	6	50
„ XXIV. Типографский летописец. 1921	5	—
Посольство Кунраада фан-Кленка. См. Койэт.		
Протоколы заседаний Археографической Комиссии:		
О Вып. I (1835 — 1840 г.г.). 1885	8	60
О „ II (1841 — 1849 „). 1886	5	80
„ III (1850 — 1868 „). 1892	5	—
Псковская Судная Грамота. С 16 табл. 1914	2	90
„ „ „ „ 1 „ (изд. учебн.). 1914 . . .	—	60
О Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII стол. 1872	1	50
О Пятидесятилетие Археографической Комиссии. 1885	—	60
Расходная книга Патриаршего Приказа. 1890	3	60
Розыскные дела о Федоре Шакловитом:		
Том I. 1884	5	80
„ II. 1885	4	30
„ III. 1888	7	20
„ IV. 1893	5	—
Русская Историческая Библиотека (Р. И. Б.):		
О Том II. Сборный. 1875	8	60

Название изданий.	Руб.	Коп.
○ Том III. Сборный. 1876	7	20
○ „ VI. Памятники древне-русского канонического права. Ч. I. Изд. 2-е. 1908	10	—
○ „ VII. Памятники полемич. литературы в Зап. Руси. Кн. 2. 1882	13	—
Прилож. к VII т. См. Указатель к VII т. „Р. И. Б.“		
„ XIII. Памятники древней письменности, относящиеся к Смутному времени. Вып. I. Изд. 3-е. 1925. (Соответствует 1 — 27 лл. 2-го изд.)	4	—
○ „ XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 2. 1894	10	—
○ „ XV. Сборный. 1894	10	70
○ „ XVI. Русские акты Копенгагенского Государственного Архива. 1897	8	60
„ XVII. Сборный. 1898	7	20
„ XVIII. Донские Дела. Кн. 1. 1898	5	—
„ XIX. Памятники полемич. литературы в Зап. Руси. Кн. 3. 1903	7	90
„ XX. Литовская Метрика. Отд. I. Ч. II. Книги Судных Дел. Т. I. 1903	10	70
„ XXI. Дела Тайного Приказа. Кн. 1. 1907	8	60
„ XXII. Дела Тайного Приказа. Кн. 2. 1908	5	—
„ XXIII. „ „ „ „ 3. 1904	8	60
„ XXIV. Донские Дела. Кн. 2. 1906	6	50
„ XXV. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. 1908	5	80
„ XXVI. Донские Дела. Кн. 3. 1909	5	80
„ XXVII. Литовская Метрика. Отд. I. Ч. I. Книги Записей. Т. I. 1910	6	50
„ XXVIII. Приходо-расходные книги Московских приказов. Кн. 1. 1912	4	30
„ XXIX. Донские Дела. Кн. 4. 1913	5	—
„ XXX. Литовская Метрика. Отд. I — II. Ч. III. Книги Публичных Дел. Т. I. 1914	5	80
○ „ XXXI. Сочинения кн. Курбского. Т. I. 1914	7	—
„ XXXII. Архив П. М. Строева. Т. I. 1915	4	40
„ XXXIII. Литовская Метрика. Отд. I. Ч. III. Книги Публичных Дел. Перепись войска Литовского. 1915	6	50
„ XXXIV. Донские Дела. Кн. 5. 1917	5	80
„ XXXV. Архив П. М. Строева. Т. II. 1917	6	50

Название изданий.	Руб.	Коп.
Том XXXVI. Памятники древне-русского канонического права. Ч. II, вып. 1. 1920	1	—
„ XXXVII. Монастырские приходо-расходные книги. Вып. 1. 1924	1	50
„ XXXVIII. Дела Тайного Приказа. Кн. 4. 1926	5	—
„ XXXIX. Памятники русск. старообрядч. Т. I, вып. 1: Сочинения протопопа Аввакума. 1927	—	—
О Русско-Ливонские акты. 1868	13	—
О Сборник актов, относящихся до рода дворян Люткиных. 1899 .	1	50
О Сборник князя Хилкова. 1879	8	60
Сибирские летописи. 1907	4	50
Сказание Авраамия Палицына. См. Авраамий Палицын.		
О Сказания иностранных писателей о России (Rerum Rossicarum scriptores exteri). Т. II. 1868	5	—
Сказания о князьях и царях земли Русской. Вып. 1. 1861 . . .	—	30
Списки воевод. См. Барсуков, А.		
Статьи о Смуте (из XIII т. „Р. И. Б.“). 1909	—	30
Тимофеев, И. Временник (из XIII т. „Р. И. Б.“). 1907 . . .	1	—
Указатель имен личных, упоминаемых в „Дворцовых Разрядах“. См. Голицын, Н.		
О Указатель к „Актам Юридическим“. 1840	1	80
Указатель к I — III тт. „Актов, относящихся до юридического быта древней России“. 1901	2	90
Указатель к I — III вв. „Великих Миней Четиих“. 1889	—	80
Указатель к I — X тт. „Дополнений к Актам Историческим“. 1875.	5	—
Указатель к I — VIII тт. „Полного Собрания Русск. Летописей“:		
Отд. I. Указатель лиц	23	70
„ II. Географический указатель. 1907	10	70
Указатель к IX — XIV тт. „Полного Собрания Русских Летописей“. 1918	5	—
Указатель к VII т. „Р. И. Б.“ 1889	1	40
Устав в. кн. Владимира о церковных судах и о десятинах (из XXXVI т. „Р. И. Б.“). 1915	—	70
Уставы на волоки (из XXX т. „Р. И. Б.“). 1913	—	30
О Феодор Студит. Катихизис 1904 (то же, что и Приложение к VII в. „Вел. Миней Чет.“, но in 16°).	7	20
Что желательно для русской истории. См. Муханов, П.		
О Шахматов, А. А. Повесть временных лет. Т. I (из XXIX в. „Лет. Зан.“). 1916	6	50

HECKMAN
BINDERY INC.
MAY 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

University of N.C. at Chapel Hill
00009952900